

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

25
81
V-2

ПАТРИАРХЪ НИКО

PG3460
F52P3
1899
v. 1-2

PG3460
F52P3
1899
V.1-2

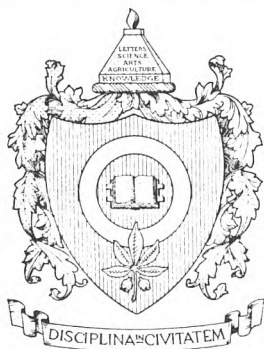
Digitized by Google

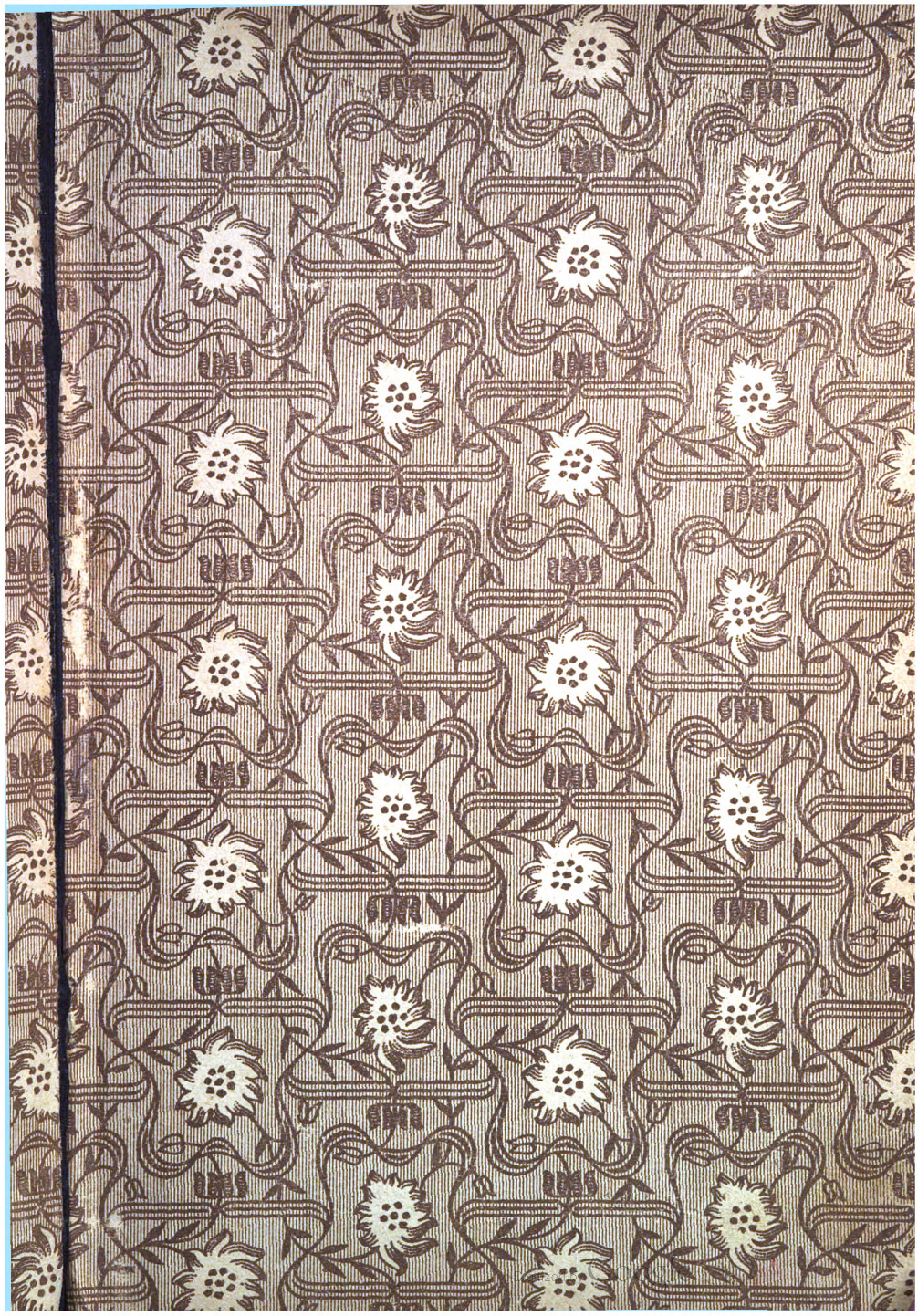

THE OHIO STATE
UNIVERSITY
LIBRARIES

25
58048
0-26930

3213/2

ПАТРИА

ИСТОРИ

М. А.

Издае
12

3218/2

3288

ПАТРИАРХЪ ВИКОНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

М. А. Филиппова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание П. П. Сойкина
12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

1899

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 мая 1899 года.

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная ул., собств. д. № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ...

Эти слова великаго поэта Лермонтова—самыя подходящія къ опредѣленію значенія исторіи въ циклѣ практическихъ наукъ.

Исторія не только дорога для человѣчества и для отдѣльныхъ народовъ, какъ хроника великихъ именъ, доблести и героевъ, не только какъ наука, изображающая постепенность и законы развитія цивилизаціи, но она указываетъ тоже на тѣ ошибки и промахи, какіе дѣлали народы или отдѣльныя личности на томъ или другомъ поприщѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ исторія преподаетъ намъ, такимъ образомъ, и практическіе примѣры: какъ въ жизни общественной, при такихъ или другихъ обстоятельствахъ, должно поступать.

Имѣя такое практическое значеніе, исторія должна каждымъ народомъ популяризоваться (дѣлаться общедоступною и общеприложимою). Но для послѣдняго форма чисто-историческая неудобна: повѣствованіе, какъ бы талантливо оно ни было, не такъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе и на чувства массы, какъ форма беллетристическая, т. е. повѣсти, романы, комедіи, драмы и трагедіи.

Беллетристика, поэтому, во всей европейской литературѣ популяризуетъ или цѣлыя эпохи, или отдѣльныя выдающіяся историческія личности.

Мы избрали для этой цѣли изъ нашей исторіи XVII вѣкъ.

Избрали мы эту эпоху своимъ предметомъ, такъ какъ она заканчиваетъ древнюю нашу жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, со временъ объединенія московскаго государства, наноситъ впервые окончательный ударъ Польшѣ и обозначаетъ мечемъ тѣ великія панславистскія начала, которыя она должна преслѣдовать въ своей политической жизни.

Но такъ какъ патріархъ Никонъ родился въ 1605, а умеръ въ 1681 году, а потому, пройдя земскую жизнь въ теченіе двухъ третей этого вѣка, онъ пережилъ почти всѣ политическія событія того времени и воплотилъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки своего времени; притомъ съ его именемъ тѣсно связаны всѣ выдающіяся событія этой эпохи, имѣющія не только рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашего государства, но и на его обще-міровое значеніе.

Вотъ причина, почему въ изслѣдованіе наше, имѣющее форму романа, вошли почти всѣ событія и явленія исторіи нашей XVII вѣка, съ его нравами, обычаями и всѣми лицами, чѣмъ-нибудь заявившими себя въ общественной жизни.

Среди этой исторической панорамы грандіозная личность Никона рѣзко выдѣляется и составляетъ какъ бы вершину всего вѣка; поэтому мы и назвали наше изслѣдованіе или романъ „Патріархомъ Никономъ“.

Личность Никона, въ дѣйствительности, рѣзко выдающаяся въ нашей исторіи, заслуживаетъ не только высокаго уваженія потомства, но и самой глубокой нашей признательности.

Не понятъ онъ, однакожъ, и недостаточно оцѣненъ и весьма мало популяренъ въ массѣ православнаго нашего населенія, т. е. въ массѣ его же собственныхъ адептовъ.

О Никонѣ у насъ имѣется современное ему жизнеописаніе, составленное бывшимъ его служкою Иваномъ Шуперою или, какъ его называютъ, Шуперинымъ. Да-

лѣе имѣется о немъ рѣзкая газскаго митрополита Паисія Лигорида,—ничтожнаго грека, льстеца и враля.

Въ историческихъ сочиненіяхъ расколуучителей находится тоже сказаніе о немъ, но оно стоитъ подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма и чисто психопатическое.

Изъ современныхъ изслѣдованій о немъ, замѣчательна по популярному изложенію книга А. Суворина, въ которой излагается жизнь Никона. С. Соловьевъ въ своей исторіи и митрополитъ Макарій въ „Исторіи російской іерархіи“ не обошли Никона, но первый односторонне и пристрастно, съ глазами западника, выставилъ его, какъ человѣка честолюбиваго, неугомоннаго, строптиваго, обижавшаго Тишайшаго и мнимо домогавшагося преобладанія церкви надъ государствомъ и потому въ сокрушеніи царемъ Никона,—видитъ мнимую побѣду свѣтской власти надъ духовной. Митрополитъ Макарій стоитъ почти на той же точкѣ зрѣнія, но даетъ ему лишь важное значеніе въ исправленіи книгъ и во введеніи въ церкви иныхъ новшествъ.

Послѣ нихъ явилось новое изслѣдованіе Гиббенета, собственно „о дѣлѣ Никона“. Послѣдній трудъ очень почтенный, но самъ по себѣ, по самому свойству своего матеріала, онъ представляетъ лишь официальную и, такъ сказать, казенную часть дѣла, какъ ее благоугодно было выставлять боярамъ и дьякамъ.

Ошибки всѣхъ этихъ изслѣдованій заключаются въ томъ, что они рассматриваютъ Никона, какъ частное, эпизодическое явленіе царствованія Алексѣя Михайловича, а не какъ нѣчто самостоятельное, давшее направленіе не только всему этому царствованію, но и дальнѣйшему государственному развитію Россіи.

Вслѣдствіе этой односторонности изслѣдованій и рассматриванія Никона лишь какъ святителя и получилось самое фальшивое представленіе не только объ его личности, но даже объ немъ какъ о церковномъ реформаторѣ.

По этимъ причинамъ и въ прессѣ и въ обществѣ слышатся иногда мнѣнія такія: и зачѣмъ-де затѣялъ Никонъ исправленіе церковныхъ книгъ и многое иное? Не для того-ли, чтобы раздѣлить весь русскій народъ на православныхъ и раскольниковъ? Не нанесено-ли этимъ больше зла Россіи, чѣмъ пользы?

Взглядъ этотъ не только узкій, но прямо невѣжественный, вытекающій непосредственно изъ односторонности изслѣдованій о Никонѣ.

Никонъ, какъ доказано, съ 1652 г., т.-е. въ теченіи 6 лѣтъ, по волѣ царя Алексѣя Михайловича и собора, неограниченно управлялъ государствомъ и писался „великимъ государемъ“.

Поэтому, чтобы составить себѣ ясное представленіе о характерѣ его управленія и о томъ, что онъ сдѣлалъ, необходимо прослѣдить всю его дѣятельность и всѣ событія этого шестилѣтняго періода.

Разсматривая же все это въ совокупности, находишь самую тѣсную связь между его политикою, церковною реформою и даже борьбою его съ боярствомъ и съ царемъ.

Устроивъ внутри государства строгій порядокъ и отчетность, сокрушивъ казнокрадство, уничтоживъ фактически мѣстничество и заставивъ уважать и безпрекословно исполнять указы, Никонъ создалъ армію и артиллерию, выписавъ изъ Голландіи и Англіи не только порохъ, орудія и оружіе, но и инженеровъ и солдатъ, т.-е., образовалъ рейтарскіе и драгунскіе полки. Создавъ, такимъ образомъ, войско, онъ вступилъ въ союзъ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ и собрался не только сокрушить Польшу, но воссоединить политически—подъ главенствомъ русскаго царя, а религіозно—подъ главенствомъ русскаго патріарха всѣ славянскіе народы, исповѣдывавшіе грековосточную вѣру.

Для этой цѣли, принявъ отъ Хмѣльницкаго присягу, что онъ и вся Малороссія идутъ подъ высокую руку рус-

скаго царя, онъ двинулъ въ 1654 г. съ нимъ въ походъ въ Галицію Бутурлина.

Самъ царь въ томъ же году выступилъ въ походъ, взявъ Смоленскъ и достигъ до Вильна.

Но Никонъ понималъ, что для религіознаго объединенія съ Малороссіей, Бѣлоруссіей и Галиціей, необходимо уничтожить то различіе, которое существовало между нашею церковью и церквами этихъ областей; поэтому, единовременно съ походомъ, онъ, въ томъ же 1654 году, соборнымъ постановленіемъ, объявилъ о тѣхъ исправленіяхъ, какія сдѣланы въ нашихъ книгахъ. Всѣ эти исправленія до одинаго, вмѣстѣ съ другими измѣненіями: въ церковномъ пѣніи, иконописаніи и другими иными мнимыми новшествами, есть только согласованіе нашихъ книгъ съ тѣмъ, что издревле имѣлось въ православныхъ церквахъ этихъ странъ.

Такимъ образомъ, исправленіе книгъ Никономъ, посредствомъ собора, было ни что иное, какъ воссоединеніе всѣхъ славянскихъ церквей.

Безъ этого не мыслимо бы было и присоединеніе къ намъ Малороссіи и Бѣлоруссіи, которыя стонали подъ игомъ латинства; вотъ чѣмъ и объясняется, что зерно политическаго единенія съ Россією, брошенное въ эти страны Никономъ,—несмотря на антагонизмъ русскимъ, во многихъ другихъ общественныхъ сферахъ этихъ областей,—такъ сильно окрѣпло и служило звеномъ, которое не могло впоследствии сокрушиться ни польскимъ, ни турецкимъ вліяніемъ.

Затѣявъ такую реформу, которая имѣла общеславянское значеніе и понимая, что вмѣстѣ съ духовною связью придетъ и политическое единство славянства, Никонъ соорудилъ въ 56 верстахъ отъ Москвы „Новый Іерусалимъ“, какъ будущее мѣстопробываніе этого всеславянскаго патріарха, при чемъ титулъ его долженъ былъ быть „Патріархъ Новаго Іерусалима“.

Но для полнаго осуществленія этого плана, такъ какъ

исходъ военной борьбы Россіи не былъ еще извѣстенъ, ему нужно было отдѣлать церковь отъ государства, т. е. ввести ее на каноническій путь, что составляетъ и въ настоящее время послѣднее слово науки.

Въ послѣднемъ и заключается борьба Никона съ свѣтской властью: онъ требовалъ уничтоженія монастырскаго приказа, т. е. находилъ не каноническимъ, чтобы бояре, засѣдавшіе въ этомъ приказѣ, судили дѣла церкви.

Очевидно, что полнаго соединенія славянскихъ церквей подъ главенствомъ Никона не могло бы состояться при старомъ порядкѣ, такъ какъ святители Малой и Бѣлой Руси, равно Галиціи, Сербіи и Болгаріи, не захотѣли бы подчиниться боярству.

Вотъ причина, вызвавшая всѣ протесты Никона и ссору его съ царемъ, и мы, такимъ образомъ, въ дѣйствительности видимъ обратное тому, что утверждаютъ наши историки, а именно: не вторженіе Никона въ свѣтскія дѣла, а совершенно обратное. О томъ же, что Никонъ былъ совершенно правъ, доказывается тѣмъ, что низложенъ онъ въ декабрѣ 1666 года, а въ началѣ 1667 года этотъ же соборъ уничтожилъ монастырскій приказъ.

Но если соборъ призналъ его правымъ, почему же онъ низложенъ?

Поступили наши святители и его враги весьма тонко и политично: для его низложенія собрали, съ 1662 года, въ Москву всѣхъ бывшихъ до того въ ссылкѣ расколотыхъ учителей: Аввакума, Неронова, Лазаря, Ѳедора, Епифанія и другихъ; къ нимъ присоединилось все боярство. Первые называли его антихристомъ и считали, что не только его низложеніе необходимо, но что его самого слѣдовало бы сжечь.

Бояре же негодовали на него за то, что онъ въ отношеніи крестьянъ фактически возстановилъ Юрьевы выходы, принимая на монастырскія и церковныя земли

боярскихъ крестьянъ, и такъ какъ онъ проводилъ идею о черной землѣ, т. е. что земля въ помѣстьяхъ и вотчинахъ боярства есть собственность міра. Но главное, за что боярство возстало противъ него, такъ это то, что 16 боярскихъ фамилій считали себя только въ правѣ, прямо, не проходя никакихъ степеней служебныхъ, засѣдать въ боярской думѣ; такъ равно они находили справедливымъ, при завоеваніи Малороссіи и Бѣлороссіи, овладѣвать всѣми коронными землями этихъ мѣстностей, противъ чего Никонъ возставалъ. При томъ бояре тотчасъ вводили въ присоединенныхъ областяхъ воеводскія начала, уничтожая земскія, — что противорѣчило съ политикою и съ программю Никона — о всеславянскомъ объединеніи. Отсюда антагонизмъ Никона въ отношеніи бояръ и обратно: ихъ страшная вражда къ нему, чѣмъ и объясняется его паденіе.

Царь же Алексѣй Михайловичъ лично былъ расположенъ къ Никону и лишь сильный боярскій гнетъ заставилъ его открыть борьбу съ нимъ и низложить его, чему сильно содѣйствовали многіе бояре, святители, личные враги Никона — изъ-за личныхъ интересовъ и расколоучителей.

Но послѣдніе жестоко поплатились за свою опрометчивость.

При Никитѣ расколоучители судились духовными соборами и наказанія назначались имъ духовныя; когда же они низложили Никона, то тотъ же соборъ потомъ призвалъ ихъ къ суду и, низложивъ, принялъ принципъ, что наказанія въ отношеніи вѣры и судопроизводство должны подчиняться уложенію о наказаніяхъ и общему уголовному порядку. Въ виду этого начали расколоучителей и ихъ адептовъ пытать, рѣзать языки, рубить руки и сжигать. То-есть, другими словами, начали дѣлать то, противъ чего возставалъ и протестовалъ Никонъ и за что онъ низложенъ и заточень.

На все это не обратилъ вниманія ни одинъ истори-

ческій изслѣдователь; а между тѣмъ всѣ эти факты ставятъ Никона наряду съ величайшими гуманистами реформаторами и государственными людьми, положившими души свои за овцы; а въ отношеніи Россіи онъ, по справедливости, долженъ быть названъ предтечею Петра Великаго, воссоединителемъ славянскихъ церквей и разрозненныхъ славянскихъ племенъ.

Авторъ.

I

Мордовскій шаманъ.

Въ 90 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, въ теперешнемъ Княгининскомъ уѣздѣ, въ 1605 году стояло село Вельманово или Вильдеманово, а по раскольниковымъ источникамъ—Курмыши. Мѣстность эта была труппобная и село раскинулось въ сторонкѣ отъ дорогъ, въ лѣсу. Все представляло въ немъ бѣдность, если не прямо нищету населенія—старыя избы, ветхая церковь.

Всѣ постройки, потемнѣвшія отъ времени, какъ-то тѣснились другъ къ другу, какъ бы изъ опасенія не устоятъ однѣмъ.

Быль прекрасный майскій полдень. Деревья одѣлись уже листвою, запахло елью, сосною и березою; а пѣвчія птички заголосили и защелкали на тысячи ладовъ.

Изъ одной изъ самыхъ бѣдныхъ избы вышелъ въ это время крестьянинъ. Роста онъ былъ большого, мускулистый, плечистый, съ свѣтлорусою бородою; но голубые глаза богатыря свѣтились такою добротою, а все лицо такимъ добродушіемъ, что казалось, что голова на этомъ туловищѣ чужая.

Крестьянинъ съ озобоченнымъ и оторопѣлымъ видомъ, безъ шапки выйдя изъ избы, взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была церковь и перекрестясь направилъ туда шаги свои.

Онъ подошелъ къ небольшой, но чистой избушкѣ священника и остановился у воротъ; черная мохнатая жучка было облаяла его, но, узнавъ мужика, стала къ нему ласкаться.

На лай собаки вышелъ самъ батюшка—небольшой человекъ, съ рѣдкою бородою и умными глазами.

— А, Мининъ, это ты, сердечный... что скажешь? Аль жена родила?

— Богъ сподобилъ, ослабилъ бѣлые зубы мужичекъ, дѣлуя руку батюшкѣ:—сына далъ и имя ему нареки, отче. Благослови, отецъ Василій, молитву прочитай надъ младенцемъ.

— Сейчасъ... сейчасъ,—засуетился отецъ Василій.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ вышелъ въ эпитрахили, съ крестомъ и молитвенникомъ. По дорогѣ онъ заговорилъ, обращаясь къ Минину:

— Сегодня память мучениковъ Исидора и Максима, св. Исидора юродиваго; а также преподобныхъ Никиты и Серапіона,—выбирай имена, все Божьи угодники *)...

Мининъ призадумался и мысль ему пришла: одинъ Исидоръ былъ великомученикъ, другой—юродивый, ужъ будетъ-ли хорошо назвать такъ и моего единороднаго; ужъ лучше назову его именемъ одного изъ подвижниковъ Христовыхъ,—аль Никитой, аль Серапіономъ... И въ этихъ мысляхъ онъ отвѣчалъ батюшкѣ.

— Женка что скажетъ... дѣло женское... она назоветъ, а батюшка благословить.

— Пуцай такъ.

Пришли они въ избу. Внутри чистота, а на полатахъ сидитъ молодая женщина бѣлолицая, съ добрыми темно-сѣрыми глазами, да держитъ младенца въ пеленахъ.

Въ парадномъ углу образъ Божьей Матери, весь въ

---

*) По Ивану Шустерину, Никонъ родился въ 1605 году, а раскольники показываютъ его рожденіе въ 1613 году. Но первое вѣрнѣе: Никонъ былъ молодецъ и могъ показывать себя моложе; Шустерину же, какъ его служкѣ, лучше былъ извѣстенъ годъ его рожденія. Раскольники показываютъ день его рожденія тоже 21 мая; но такъ какъ по обычаю давали новорожденнымъ имена тѣхъ святыхъ, въ какой день они родились, а потому мы считаемъ день его рожденія 26 мая.

шитыхъ полотенцахъ, да лампадка горить, а тутъ же столъ и на немъ хлѣбъ-соль, да три свѣчки восковыя.

Сталь батюшка у образа, а Мининъ въ это время подошелъ къ женѣ и перешептывался объ имени, какое нужно дать новорожденному, и жена его остановилась на Никитѣ.

— Никой буду его звать,—пояснила она.

Мининъ передалъ батюшкѣ желаніе жены, чтобы младенца наречь Никитой.

Батюшка совершилъ благословеніе и, когда кончилъ, сказалъ хозяйкѣ:

— Ну-ка, Маріанна, теперь похвались ребенкомъ...

Та раскрыла младенца, онъ былъ необыкновенно крупень.

— Экій богатырь,—неволью воскликнулъ батюшка:— а родить-то каково было!

— Три дня мучилась,—застонала родильница.

— И Богъ воскресе въ третій день, а въ сороковой вознесся въ славу одесную Отца,—произнесъ вдохновенно священникъ.—Благодать Божья да почиетъ на младенца и да будетъ онъ подвижникомъ Христа, какъ святой Никита...

И пока Мининъ сталь готовить угощеніе батюшкѣ, тотъ обратился къ хозяйкѣ:

— Дѣдъ мой,—такъ рассказывалъ онъ,—умеръ очень старъ и помнилъ многихъ царей; а отцу моему рассказывалъ и объ опричинѣ, и о казняхъ лютыхъ. Бысть гладь—присовокупилъ онъ:—по всей землѣ русской, а больше въ Заволожѣ: во время жатвы дожди были великіе, а за Волгою морозъ хлѣбъ побилъ и люди помроша; а зима студена и снѣга паче мѣры. Тутъ игумень спасской, Маркель, Хутынскаго монастыря, оставя игуменство, жилъ въ Антоновомъ монастырѣ, да сотворивъ житіе Никитѣ епископу новгородскому и канонъ поѣхалъ къ Москвѣ... А послѣ святой, гляди и збрѣли мощи св. Никиты и перевезли ихъ въ Москву... И сталь св. Ни-

кита чудо творить, что и словами не опишешь... Великій чудотворецъ!

Священникъ набожно перекрестился, примѣру его послѣдовали и хозяева.

Помолчавши немного батюшка продолжалъ:

— Былъ еще св. столпникъ Никита, игуменъ переяславскій... Великій чудотворецъ... Жилъ онъ въ столпѣ... то было въ княженіе Всеволода III. Юный князь Михаилъ, сынъ Всеволода Чермнаго, немощенъ былъ и, услышавъ о чудесахъ столпника, поѣхалъ къ нему въ Переяславль. Принесли недужнаго къ столпу, онъ палъ ницъ и рекъ: „Св. отче, прости мои согрѣшенія и исцѣли мя недостойнаго раба Божьяго“. Поднялъ тогда свой жезлъ столпникъ и рече: „Господь Богъ прощаетъ кающихся и имя его исцѣляетъ недужныхъ“,—прикоснулся онъ жезломъ къ Михаилу и крикнулъ: „Христосъ воскресе, встань и ты“. Князь всталъ, исцѣленный и радостный; а бояре срубили крестъ и надписали на немъ 6694 годъ (1186). Паломники и теперь ходятъ туда и приносятъ оттуда по кусочку креста.

Едва отецъ Василій кончилъ рассказъ, какъ появился на порогѣ шаманъ мордовскій изъ ближайшаго мордовскаго населенія. Каждое лѣто онъ занималъ на сѣнокосъ Минина.

Увидѣвъ батюшку и новорожденного, онъ догадался, въ чемъ дѣло и спросилъ.

— Сына Богъ далъ?

— Сына,—отвѣчалъ хозяинъ.

Тогда шаманъ пошепталъ какую-то молитву и, подойдя къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Покажи сына, не сглажу; отплюешь три раза, а я скажу, чѣмъ онъ будетъ.

Мать неохотно раскрыла младенца. Взглянувъ на него шаманъ затрепеталъ, упалъ на колѣни, сталъ бормотать какія-то молитвы, потомъ произнесъ восторженно по мордовски:

— Будеть онъ царь не царь, а выше царей, князей и боярь; будетъ онъ и богатъ, и нищъ, и знатенъ, и убогъ; выстроить онъ не то города, не то монастыри; будутъ туда ѣздить и цари, и бояре, и князья; будутъ за него молиться и будутъ проклинять; будутъ люди злобствовать, что царь и великій духъ его възскаль, но онъ побѣдитъ всѣхъ враговъ; блаженъ онъ будетъ, какъ ни одинъ изъ живущихъ здѣсь и землю онъ прославить, на которой онъ родился и гдѣ будетъ погребенъ...

Съ этими словами шаманъ сорвалъ съ своего ожерелья одну золотую монету и кладя ему въ пеленки поцѣловалъ его, съ словами:

— Пусть это золото уместитъ тебѣ дорогу, какую уготовалъ тебѣ самъ великій духъ.

На хозяевъ эта восторженность подѣйствовала неприятно и на лицахъ ихъ выразилось не то недоумѣніе не то страхъ.

— Что ты, что ты,—замѣтилъ скромно Мининъ.—Мы люди простые, а изба наша и ветха и холодна, да и не за что Богу възскаль насъ и сына нашего милостью своею.

— Не говори это, Мининъ,—серьезно и строго произнесъ батюшка:—коли Богъ захочетъ възскаль своею милостью кого, то и възскаль, хоша ты и крестьянинъ, и въ убожествѣ. Родился Христосъ Богъ нашъ въ яслѣхъ, да на поклоненіе пришли къ нему и волхвы и цари языческіе,—и младенцу сему дано знаменіе,—привелъ къ нему Самъ Господь на поклоненіе шамана языческаго... Да будетъ же знаменіе это и путемъ Господнимъ. Пью здравицу за новорожденнаго, и съ этими словами батюшка осушилъ стоявшій на столѣ сосудъ съ пѣннымъ виномъ.

II.

Мнѣ путь—одинъ лишь монастырь.

Когда Ника сталъ сознать все окружающее, ему было такъ хорошо и привольно. Мать такъ нѣжно съ нимъ обращалась, да и отецъ какъ возвратится изъ города, куда онъ часто ѣздилъ по извозу и съ своими хлѣбушкомъ, или пряниковъ, или орѣховъ навезетъ; а иногда и сапожки, и ситцу на праздничью рубашенку. И выйдетъ Ника изъ избы на улицу и весело ему тамъ щеголемъ поиграть съ дѣтьми,—зимою въ снѣжки, да въ салазки, а лѣтомъ въ прятки въ ближайшей лѣсной гущѣ.

Но слегла однажды зимою мать, застонала и болѣе не вставала, даже Нику не узнавала; а къ Рождеству перестала она говорить, обмыли ее и положили на столъ, потомъ явился священникъ, да много народу съ деревяннымъ длиннымъ ящикомъ; священникъ читалъ что-то, кадилъ, потомъ простились всѣ съ его матерью и его заставили поцѣловать ее. Когда онъ приложился къ ней и почувствовалъ холодное ея тѣло, да увидѣлъ закрытые ея глаза,—онъ испуганно зарыдалъ и обмеръ.

Когда онъ очнулся, онъ увидѣлъ возлѣ люльки своей какую-то, чужую женщину, съ заплетенными косами.

—Мама—сталъ онъ кричать.

— Мамы твоей нѣтъ...

— Гдѣ мама?—неистово заревѣлъ Ника.

— Я буду тебѣ мамой,—сердито закричала на него сидѣвшая близъ него женщина.

Ника испуганно сдержалъ свой крикъ и, оглядѣвъ крикнувшую на него женщину, узналъ въ ней сосѣдку, ходившую часто къ нимъ и черезъ которую мама нерѣдко бранилась съ отцомъ.

Ника приподнялся изъ люльки и увидѣлъ сидѣвшаго на скамьѣ у образовъ отца; онъ что-то дѣлалъ.

— Гдѣ мама?—отчаянно крикнулъ Ника.

Отецъ вздрогнулъ, подошелъ къ нему и, обнявъ его, кротко сказалъ:

—Маму твою Богъ принялъ.

— Папа, возьми отъ него маму...

И Ника повисъ у отца на шеѣ.

— Полно-то баловать парня,—озлобилась сидѣвшая здѣсь женщина; вскочила съ своего мѣста, насильно оторвала его отъ отца и, ударивъ его нѣсколько разъ, бросила обратно въ люльку.

Больше Ника ничего не помнилъ; когда же вновь очнулся, то увидѣлъ ту же женщину, только съ платкомъ на головѣ.

Ника испуганно на нее взглянулъ, вспомнилъ, какъ она оторвала его руки отъ шеи отца и какъ она больно его била.

Онъ тихо зарыдалъ, скрывши личико свое въ подушку.

— А, паренекъ-то очнулся,—послышался ея рѣзкій голосъ.—Неча сказать—живучъ, точно котенокъ...

На это замѣчаніе отецъ подошелъ къ люлкѣ и нагнулся къ Никѣ; тотъ боялся его обнять, но поцѣловалъ его горячо. При этомъ онъ почувствовалъ, что горячая слеза отца капнула ему на лицо. Эта капля была чудодѣйственна,—Никѣ сдѣлалось такъ легко и такъ захотѣлось ему жить; а тутъ, какъ нарочно, солнышко-ведрушко заглянуло въ окно...

Съ этого дня Никѣ становилось все лучше и лучше и онъ вскорѣ всталъ изъ своей люльки, а матери все нѣтъ, какъ нѣтъ, спросить же не смѣетъ,—еще сердитая новая мать прибѣетъ.

Растетъ Ника не по днямъ, а по часамъ, мачиха поэтому и злобствуетъ,—то нужно другіе сапоги купить, то рубашенку новую шить; а не то Ника много ѣсть, Ника не тамъ сидитъ, не тамъ стоитъ. И все это говорится съ бранью и ему, и отцу; а зачастую ни за что

вихры натянетъ, уши нарветъ или чѣмъ ни на есть отколотить, да накажетъ—отцу-де ни гугу! Иначе со свѣта сживу...

Была осень; отецъ и мачиха куда-то ушли и дома не ночевали. Въ избѣ было холодно, и Ника со страху и съ холоду забрался въ печь и сладко въ самой глубинѣ ея заснулъ, свернувшись какъ котенокъ. Спитъ онъ и снится ему его мама: въ бѣлой она одеждѣ, свѣтлая, ясная такая и какъ будто свѣтъ отъ нея исходитъ. Простираетъ онъ ей свои худенькія ручки, хочетъ ее обнять и кричить:

— Мама, возьми меня отъ злой мачихи... отчего ты ушла?..

Но та глядитъ только на него любовно, ничего не отвѣчаетъ, а тутъ что-то жметъ его голову и что-то душишь: онъ вскрикиваетъ и просыпается... Оглядывается онъ, силится вспомнить, гдѣ онъ, и видитъ, что онъ въ печи, а тутъ кто-то наложилъ въ печку дрова и подложилъ уже огонь, дрова чуть-чуть еще тлѣютъ и дымъ выносится въ трубу, но чрезъ нѣсколько минутъ или дымъ его задушить, или онъ сжарится. Онъ силится выбросить дрова, но дымъ отъ потухшихъ головень душишь его страшно. Начинаетъ онъ вопить и, къ счастью, кто-то входитъ въ избу, выбрасываетъ дрова и вытаскиваетъ его изъ русской печи.

Ника отъ страха и удушья падаетъ въ обморокъ; спасительница его обливаетъ ему голову водою и приводитъ его въ чувство: онъ узнаетъ одну изъ деревенскихъ вдовъ Ксенью.

Въ это время входитъ мачиха и, узнавъ въ чемъ дѣло, бьетъ его жестоко и вопить:

— Вотъ что вздумалъ, въ печи спать? Да хоша-бъ и сгорѣло зелье...

Вдову возмутило это и она начала умолять мачиху отдать ей Нику на воспитанье.

— Возьми, корми и одѣвай его, да съ тѣмъ, пушай мнѣ служить.

Согласилась на это вдова и взяла къ себѣ ребенка, да стала ходить за нимъ, какъ родная мать..

Проходитъ такъ время, а онъ все растеть да растеть, такъ что мачиха сначала гусенятъ заставляла его пасти, потомъ свиней, а тамъ и скотинку загнать въ хлѣвокъ и дровъ, аль воды принести.

Той порой и родись у его мачихи дѣвочка; вначалѣ ему весело было видѣть живое существо, которое ему улыбалось, но на другой годокъ мать стала заставлять его носить ее по цѣлымъ днямъ. Измаётся Ника своею ношею и посадить подъ дерево свою сестренку, а самъ глядитъ, какъ муравьи тащутъ разныя разности въ гнѣздо свое; и диву онъ дивится, какъ такое маленькое существо имѣеть такую сметку: обойдетъ и камушекъ, и лужицу; и думаетъ Ника: какъ буду большой,—все это узнаю, обо всемъ провѣдаю, порааспрошу большихъ; спросилъ бы маму,—прибѣетъ; отца спрошу, а тотъ—„такъ Богъ даль“. Кто же тотъ Богъ? Спроси, говорить, батюшку, тотъ больше меня знаетъ.

И сдѣлался батюшка идоломъ Ники; потому что о чемъ бы онъ ни спросилъ отца, тотъ все на батюшку указываетъ.

И вотъ Ника зачастую носить сестренку къ избѣ батюшки и ждеть по цѣлымъ часамъ, чтобы увидать его, а тотъ, какъ бывало выйдетъ изъ избы, непременно погладить его по головкѣ и замолвить къ нему нѣсколько ласковыхъ словъ, да скажетъ:

— Рости, рости, богатырь мой, выйдетъ изъ тебя человекъ. А „Отче нашъ“ помнишь?

— Помню, батюшка.

— Такъ научу тебя „Богородицу“.

И сядетъ батюшка на скамью у избы своей и учить онъ терпѣливо Нику „Богородицу“ и дивится онъ его смышленности и памяти.

Такъ за лѣто батюшка выучилъ его многимъ молитвамъ, кондакамъ, ирмосамъ и акаѣстамъ; а какъ настала зима, упросилъ онъ вдовушку Ксенію и Минина, чтобы они посылали къ нему Нику для изученія грамоты.

За одну зиму Ника уже бойко читалъ и выводилъ довольно правильно каракульки тогдашней письменности. Между тѣмъ жизнь его сдѣлалась невыносима, мачиха давала ему непосильныя работы, подымала его съ пѣтухами и позволяла ему идти спать къ Ксеніи, когда ей уже самой не вмоготу вынести.

И чего Ника не дѣлалъ? И работу жнеца, и работу швеи. И корову выдой, и лошадь уברי; сапоги почини и рубаху аль кафтанъ заплатай.

Всему этому онъ не перечилъ и все дѣлалъ съ улыбкой и работа у него шла исправно, да мачиха всегда бывала недовольна и, вмѣсто поощренія, на него сыпались лишь тумакъ куда и чѣмъ ни попало.

Злобило это Нику и думалъ онъ думу:

— Господь,—говоритъ батюшка:—милосердъ, всепрощающій, всеблагій; а людей зачѣмъ онъ создалъ такими злыми, неправедными...

И заходитъ однажды Ника къ батюшкѣ, чтобы и тотъ разъяснилъ ему это: мысль эта мучить и жжетъ его, она требуетъ отвѣта.

На вопросъ Ники, батюшка задумался, и вздохнувъ, сказалъ:

— Не создалъ Богъ людей злыми, а люди сами дѣлаютъ себя такими, они не хотятъ учиться слову Божьему, а оно говоритъ только о любви. Видишь-ли, Ника, однимъ крещеніемъ челоувѣкъ не дѣлается добрѣе, а нужно еще крещеніе духовное.

— Что такое крещеніе духовное?—спросилъ Ника.

— Крещеніе духовное—это слушаніе и усвоеніе себѣ слова Божьяго; ибо оно одно только ведетъ къ царствію небесному и къ богоугодной жизни, ко всякому благу и душѣ спасенію.

— Батюшка,—воскликнулъ тогда Ника,—дай же и мнѣ услышать это слово Божье, чтобы спастись и попасть въ царствіе небесное.

— Отъ тебя это зависитъ, Ника, я уговорю отца твоего, чтобы онъ отдалъ тебя ко мнѣ, съ тѣмъ, что я выучу тебя и священному писанію, и поученіямъ св. отецъ и разнымъ житіямъ святыхъ угодниковъ и подвижниковъ. Выучу я тебя, какъ служить обѣдню, вечерню, заутреню, молебны и другимъ службамъ и всякимъ дьяконскимъ обязанностямъ. И будешь ты со временемъ аль дьяконъ, а можетъ быть и повыше. А ты за это и мнѣ сослужишь службу; я безъ дьякона и ты будешь помогать мнѣ въ церкви.

— Батка и мама не отпустятъ меня,—сказалъ Ника.

— Отпустятъ, коли скажу, что заработки твои пойдутъ къ нимъ.

Ника схватилъ руку батюшки, поцѣловалъ ее и прослезился.

— Да только поскорѣе,—всхлипывалъ онъ.

На другой день батюшка зашелъ къ Минину и представилъ ему такую блестящую будущность для Ники, что у самой мачихи глаза разбѣжались и они отпустили его къ священнику.

Отецъ Василій, какъ малороссъ, воспитывался въ Кіевѣ и былъ для того времени очень просвѣщенный человѣкъ; онъ не только изучилъ всю тогдашнюю богословскую литературу, но зналъ почти наизусть всѣ лѣтописи и греческій языкъ; притомъ онъ обладалъ свѣтлымъ природнымъ умомъ.

На Нику онъ имѣлъ огромное вліяніе своею добротою,—тотъ терпѣливо слушалъ его и въ нѣсколько лѣтъ изучилъ все то, что самъ батюшка зналъ, а церковную службу онъ изучилъ всю наизусть.

Кромѣ батюшки въ домѣ было еще одно существо: это дѣвочка, дочь священника, тремя годами моложе Ники.

Послѣдній вообще любилъ дѣтей и въ сестренкѣ своей души не слышалъ и часто носилъ ей гостинцы, то со свадьбы, то съ крестинъ, на которыхъ онъ служилъ съ батюшкой. О дочери же священника и говорить нечего: онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ нею и разсказывалъ ей о божьихъ людяхъ, угодникахъ, подвижникахъ, о народахъ и земляхъ; только одинъ греческій языкъ былъ выше ея понятій.

Такъ они росли вмѣстѣ и жить не могли другъ безъ друга; горе и радость одного были радостью и горемъ другого.

Мачиха замѣтила это и сдѣлалось ей и больно, и досадно, что Ника отдаетъ предпочтеніе предъ ея дочерью дочери священника, и вотъ зашла она однажды къ батюшкѣ и наговорила ему съ три короба: что онъ-де не глядитъ за своею дочерью, а люди смѣются, что они съ Никой точно женихъ съ невѣстой. Озлился батюшка и на Мининшу и на дурные толки, выругалъ доносчицу, но съ этого времени онъ удалялъ Никку отъ своей Паши. Молодые люди это замѣтили и имъ сдѣлалось обидно и больно; но въ угожденіе отцу они начали при другихъ удаляться другъ отъ друга, и въ тихомолку перешептывались.

Таинственность и запретъ расшевелилъ кипучую и нѣжную натуру Ники и онъ однажды поцѣловалъ дѣвушку... Всю ту ночь онъ не спалъ, плакалъ и молился; вспомнилъ онъ объ угодникахъ, умерщвлявшихъ плоть свою, и о дьяволѣ, принимающемъ различные образы для искушенія человѣка, и сдѣлалось ему страшно и за грѣхъ свой, и за свой поступокъ. Хотѣлъ онъ ночью же разбудить батюшку, броситься къ его ногамъ, исповѣдаться и просить прощенія его согрѣшеніямъ.

Онъ уже поднялся съ своего ложа, вотъ ужъ онъ у постели старика, но изъ другой комнаты слышится голосъ дѣвушки: она бредитъ во снѣ: „Ника, говоритъ сладкій голосокъ, Ника люблю тебя... Люблю, мой соколъ“...

Внѣ себя Ника идетъ въ другую комнату, не помня себя, обнимаетъ спящую и горячо... горячо цѣлуетъ ее.

Очнувшись, онъ однимъ скачкомъ вернулся къ своему ложу, бросается на постель и, уткнувъ лицо въ подушку, рыдаетъ и шепчетъ:

— Въ монастырь.. мнѣ путь—одинъ лишь монастырь...

III.

Макарьевская обитель.

На другой день Ника избѣгалъ встрѣчи и съ батюшкой, и съ его дочерью, забравшись въ гущу лѣса. Онъ написалъ священнику письмо, въ которомъ, изложивъ свое желаніе посвятить себя служенію Богу, извѣщалъ его, что онъ удаляется въ монастырь св. Макарія.

Положивъ письмо это на столикъ, Ника ночью поднялся тихо съ своего ложа, вышелъ изъ избы и, взявъ на дворѣ, изъ повозки, приготовленный имъ днемъ посохъ и котомку съ хлѣбомъ, онъ упалъ на колѣни, помолился и вышелъ за ворота.

Тихою поступью направился онъ изъ села. Ночь была лунная лѣтняя и вся окрестность живописно рисовалась въ его глазахъ. Ему сдѣлалось жаль того мѣста, гдѣ такъ много онъ страдалъ и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ такъ счастливъ. Сдѣлалось ему жаль даже ветхой ихъ церкви, развалившихся заборовъ, деревенскихъ сабажъ и всей неприглядной здѣшней обстановки.

Сердце у него сжалось, слезы полились изъ глазъ и онъ хотѣлъ было ужъ вернуться въ село, но что-то какъ будто шепнуло ему: „Это плоть говоритъ въ тебѣ,— не станешь подвижникомъ, коли не будешь умерщвлять плоти своей“.

При одной этой мысли Ника сталъ читать „Помилюмя Боже“ и, перекрестясь три раза, пустился въ дальнѣйшій путь къ Унжѣ.

Чтобы разсѣять свои грустныя мысли, сталъ Ника вспоминать, что рассказывалъ ему батюшка о св. Макарьѣ, котораго называли Желтоводскимъ.

Этотъ великій подвижникъ основалъ монастырь на берегу Унжи, вблизи черемисовъ, мордвы и казанскихъ татаръ, чтобы внести туда свѣтъ Христовъ. У этого-то монастыря раскинулся маленькій городокъ Макарій. Во времена княженія Василія Темнаго монастырь былъ сожженъ казанскими татарами, а монахи или перерѣзаны, или полонены; горожане же раабѣжались, но потомъ мѣсто это немного населилось, такъ какъ торговый путь чрезъ него шелъ въ Казань.

Но Богъ судилъ этому мѣсту иное; при отцѣ Ивана Грознаго казанскій царь перерѣзалъ у себя безъ причины всѣхъ московскихъ купцовъ и посла государева Василья Юрьева (одного изъ предковъ нынѣ царствующаго дома). Великій князь Василій Васильевичъ пришелъ въ великій гнѣвъ и, отправившись въ Нижній-Новгородъ, послалъ царя Шигъ-Алея, князя Василія Шуйскаго—съ судовою, а князя Бориса Горбатова съ конною ратью.

Военачальники наши рѣзали и истребляли все на пути, а при устьѣ Суры основали крѣпость; оставивъ здѣсь гарнизонъ, Алей и Шуйскій возвратились въ Нижній.

Весною полки, гораздо многочисленнѣйшіе, выступили въ Казань, чтобы завоевать это царство.

Войско простиралось до ста пятидесяти тысячъ чело-вѣкъ, въ числѣ ихъ были наемники изъ литовцевъ и нѣмцевъ.

Войсками командовали Шигъ-Алей, князь Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарьинъ (тоже одинъ изъ предковъ царствующаго нынѣ дома), Симеонъ Курбскій и Иванъ Лятцкій. Царь казанскій Саипъ Гирей, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ въ Крымъ, оставивъ въ Казани 13 лѣтняго племянника своего Сафа Гирея.

Татары, черемисы и мордва присягнули мальчику и готовились къ оборонѣ.

Главный воевода Иванъ Бѣльскій 7 іюля высадилъ за Казанью предъ Гостинымъ островомъ судовую рать и расположивъ войска на берегу рѣки, двадцать дней бездѣйствовалъ.

Между тѣмъ казанцы вышли изъ крѣпости, расположились тоже лагеремъ и не только безпокоили, но истребляли и травы, и хлѣба, чтобы оставить насъ безъ припасовъ.

Воеводы наши почему-то глядѣли на это хладнокровно и когда въ Казани сгорѣла крѣпостная деревянная стѣна, то въ глазахъ нашихъ войскъ казанцы построили новую.

Вдругъ разнеслась вѣсть, что наша конница перерѣзана; войсками нашими овладѣлъ такой страхъ, что они чуть-чуть не разбѣжались; но оказалось, что только одинъ отрядъ уничтоженъ черемисами; другой же, напротивъ, на берегу Свіяги одержалъ надъ черемисами и казанцами побѣду.

Войска ждали между прочимъ изъ Нижняго подвоза пушекъ и припасовъ, которые князь Иванъ Палецкій долженъ былъ доставить на судахъ.

Но съ нимъ случилось несчастье: въ томъ мѣстѣ Волги, гдѣ имѣются острова, черемисы запрудили ее камнями и деревьями. Когда суда князя Палецкаго подошли къ этому мѣсту, они, вслѣдствіе сильнаго теченія рѣки, разбились о камни, а черемисы съ высокаго берега бросали въ русскихъ бревна и камень.

Нѣсколько тысячъ людей убиты или утонули, и князь, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, лишь съ немногими судами достигъ стана. Отсюда и пошла въ народѣ поговорка:

Съ одной стороны черемисы,
А съ другой—берегися.

Медлить дальше нельзя было и Иванъ Бѣльскій на-

ступилъ на Казань. Казанцы, черемисы и мордва заперлись въ крѣпости.

Началась осада, и Казань едва бы выдержала ее, тѣмъ болѣе, что нѣмцы и литвины жаждали штурмовать крѣпость, но воеводы предпочли взять съ Казани подарки и подѣ предлогомъ, что казанцы пошлютъ въ Москву пословъ съ повинною, — отступили. Но ихъ ожидала Божья кара, — они заразились въ Казанской области какою-то болѣзнью и болѣе половины рати, то-есть около ста тысячъ воиновъ, умерли на пути отступленія.

Послѣ этого безславнаго похода было заключено съ казанцами пятилѣтнее перемиріе; но государь запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить для торговли въ Казань, а для этого назначилъ городъ Макарьевъ.

Такъ возникла знаменитая ярмарка Макарьевская, впоследствии перенесенная въ Нижній-Новгородъ, монастырь же св. Макарія усердіемъ купцовъ вновь отстроенъ.

Въ эту-то св. обитель Ника устремился, чтобы сподобиться подвижничества на пути просвѣтленія татаръ, черемисъ и мордвы.

Шелъ онъ въ такихъ думахъ три дня и на четвертый, голодный, весь въ пыли, онъ приблизился къ монастырю.

Было послѣобѣденное время и колокола монастыря звали къ вечернѣ. Не встрѣчая никого на дворѣ монастырскомъ, Ника подошелъ къ колокольні, чтобы послушать музыкальный перезвонъ и чтобы дождаться, когда звонарь, окончивъ его, сойдетъ внизъ.

— Единогласіе.—подумалъ Ника:—производить такое успокоеніе, и у своего батюшки я ввелъ это при богослуженіи, а то въ другихъ приходахъ: іерей читаетъ одно, дьякъ другое, клиръ третье, а народъ бормочетъ на разные лады, кто „Отче нашъ“, кто „Богородицу“.

Мысль эту перебилъ сошедшій съ колокольні низенькій подслѣповатый іеромонахъ. Онъ былъ въ одномъ

подрясникъ и въ шапочкѣ. Увидѣвъ высокаго, почти трехъ-аршиннаго статнаго крестьянина, съ палкою и котомкою на плечахъ, онъ принялъ его за паломника.

— Откелева?—ослабилъ онъ желтые свои зубы.

— Изъ далека.

— Паломничаешь?.. Богоугодное дѣло... богоугодное...

— Не паломничаю, а поклониться пришелъ св. мощамъ Макарія, поклониться и молить его заступничества у игумена сей святой обители, и да причислитъ онъ меня въ видѣ послушника къ святой вашей братіи.

Іеромонахъ поднялъ вверхъ голову, взглянулъ на Нику и произнесъ полушутя:

— Да тебѣ въ княжескую рать, а не въ послушки; здѣсь тоже солоно хлебать, — день деньской въ работѣ, а ночью на стражѣ. И коли не грамотенъ, то вѣкъ промаешься въ послушкахъ.

— Грамотѣ обученъ и службу всякую церковную знаю; евангеліе, писаніе святыхъ отецъ и правила и греческую мудрость изучалъ...

Іеромонахъ прищурилъ глазки и сказалъ:

— Всякая ложь и гордость — бѣсовское навожденіе... Откуда ты, паренекъ, могъ у отца своего научиться такъ, да въ такіе годы... чай и двадцати нѣтъ.

— Безъ малаго.

— Видишь, а наговорилъ съ три короба; да вотъ мнѣ съ полвѣка, а дальше псалтыри не пошелъ... Иди со мною въ братскую трапезу, тамъ повечеряешь, а я схожу къ отцу игумену, поразкажу о сказкѣ твоей. Вишь, и двадцати нѣтъ, а греческую мудрость изучилъ.

Съ этими словами іеромонахъ поплелся впередъ. Ника послѣдовалъ за нимъ. Вечерня, между тѣмъ, отошла и въ обширную трапезную собралась вся братія.

Братія дали гостю почетное мѣсто и накормили его.

Послѣ трапезы іеромонахъ повелъ Нику къ игумену.

Послѣдній принялъ его въ своей кельѣ. Это былъ добродушный, ласковый старичекъ.

Игумень, разспросилъ подробно, откуда онъ, гдѣ и чему учился. Старика удивила обширность его знаній и его природный умъ. Краснорѣчіе же Ники привело его въ восторгъ.

Побесѣдовавъ съ нимъ болѣе часу, онъ вдохновенно сказалъ:

— Да будетъ благословенъ приходъ твой въ сію обитель, стезя твоя—стезя св. Макарія и да почіетъ на тебѣ, сынъ мой, благодать Божія и мое благословеніе. Аминь. Ступай съ миромъ, — тебѣ я назначилъ келью, отдохни съ пути, а завтра, послѣ заутрени, зайди ко мнѣ для бесѣды.

Такъ водворился Ника въ монастырѣ св. Макарія.

IV.

Сынъ Козьмы Минича Сухорукаго.

Ника сдѣлался вскорѣ въ монастырѣ Никитой Миничемъ, — всѣ стали его уважать и любить.

Удаляясь отъ всѣхъ драгъ и сплетенъ и занимаясь или дѣломъ монастырскимъ, или же изученіемъ богослужебныхъ книгъ, чтеніемъ святыхъ отцовъ и греческихъ писателей, Никита Миничъ образовалъ свой умъ, и многое изъ тогдашнихъ порядковъ и въ монастырѣ, и въ церковной іерархіи стало ему не нравиться.

Возсталъ онъ противъ не порядковъ и, къ его счастію, нашелъ сочувствіе въ просвѣщенномъ игуменѣ, — въ монастырскую службу введено единоголасіе и стройный порядокъ.

Дошло объ этомъ въ городъ Нижній и оттуда стекались богомольцы въ монастырь, въ особенности въ дни праздничные.

Однажды вечеромъ, предъ какимъ-то праздникомъ, соборная церковь монастыря была особенно полна.

Монахи на клиросѣ стройно пѣли, а громовый го-

лось Никиты Минича раскатами разносился по сводамъ храма и производилъ неизъяснимое религіозное впечатлѣніе, — вдругъ къ клиросу подошелъ высокій, плечистый бояринъ.

Остановясь у клироса, онъ благоговѣнно молился, а когда кончилась вечерня, онъ, приложившись ко кресту и къ иконамъ, подошелъ къ Никитѣ Миничу.

— Пожилъ я много на вѣку своемъ, много слышалъ, но такого благолѣпія не видѣлъ, и всѣ говорятъ, дѣло то твоихъ рукъ; исполать тебѣ и слава и честь, батюшка, соколикъ, ужъ не побрезгай, прѣзжай ко мнѣ въ Нижній хлѣба-соли откушать.

Никита Миничъ сталъ отказываться. Бояринъ настаивалъ.

Старикъ разобидѣлся и сказалъ:

— Ну, коли не хочешь, Богъ тебя прости, а я, многогрѣшный рабъ Божій, думный дворянинъ Нефедъ Козьмичъ Сухорукій, — подавно.

Едва слышалъ дорогое тогда для каждаго русскаго и въ особенности для нижегородца имя, — какъ Никита Миничъ схватилъ руку боярина, поцѣловалъ ее и восторженно произнесъ:

— Не заслужилъ я еще чести великой сидѣть за столомъ именитѣйшаго думнаго боярина, прости меня, непременно приду когда-нибудь и накорми хоть съ челядью.

— Скромнѣ ты, и тебѣ за это и честь, и слава, но св. евангеліе гласить: послѣдніе да будутъ первыми. Будешь ты, какъ мой гость, сидѣть на самомъ почетномъ мѣстѣ. Простой былъ человѣкъ отецъ мой, по кличкѣ Мининъ... мясникъ... прасоль, а видишь, какъ выискалъ меня своею милостью царь, ясный соколъ мой, красное солнышко, — въ думные дворяне пожаловалъ отца моего и меня. Теперь не побрезгай хлѣбомъ-солью; бываютъ у меня люди торговые, гости изъ Москвы, а ты человѣкъ молодой, почетъ и знакомство тебѣ не повредятъ.

Съ этими словами Козьма Миничъ простился съ Никитою Миничемъ и вышелъ изъ монастыря, — послѣдній проводилъ его до Макарія.

Спустя недѣлю, изъ монастыря послали Никиту въ Нижній. Съ трепещущимъ сердцемъ приближался онъ къ терему Сухорукаго, гдѣ временно остановился сынъ Минина, такъ какъ бывший теремъ его уступленъ имъ былъ для невѣсты царя Хлоповой. У воротъ стояло много троекъ, съ бубеньчиками, — лошади всѣ кровныя и охотницкія. Кучера въ пояровыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями, да въ армякахъ суконныхъ съ серебряными казанскими пуговицами. Все это были прѣзжіе гости.

Когда скромный послушникъ, оставивъ лошадку у воротъ, приблизился къ сѣнямъ, навстрѣчу вышелъ къ нему Нефедъ Козьмичъ съ хозяйкою дома, Марьею Ивановною Хлоповою; Нефедъ поцѣловался съ нимъ, взялъ отъ него просфору и ввелъ его въ трапезную. По дорогѣ Нефедъ скороговоркой сказалъ:

— Вотъ уже девятый годокъ, какъ схоронилъ я въ Спасопреображенскомъ соборѣ отца моего Минина, а теперь въ поминальный день я тамъ панихиду служилъ... Теперь у меня поминальная трапеза. Зайди... милости просимъ...

Они вошли въ столовую.

Гости сидѣли ужъ чинно за столомъ. Сухорукій ввелъ туда Никиту Минича, и когда тотъ помолился предъ иконой, онъ указалъ ему мѣсто подъ образами.

Послушникъ оробѣлъ, сконфузился и не хотѣлъ идти.

— Ступай, — сказалъ ему Нефедъ: — тебѣ быть можетъ и повыше придется сидѣть. Гляди, ужъ теперь благодать Божія на тебѣ. Коли-бъ у отца моего такихъ молодцовъ была хоша-бы только сотня, то весь міръ былъ бы въ полону у батюшки-царя. Вотъ и я хоть недостойный рабъ, а сидѣлъ съ батюшкою-царемъ да име-

нитыми боярами за однимъ столомъ... Теперь за молитву, и трапезу.

Настоятель собора, присутствовавшій здѣсь, какъ единственный представитель духовенства на обѣдѣ, прочиталъ своимъ яснымъ и громкимъ голосомъ молитву и всѣ взялись за трапезу.

— А расскажи-ка, Нефедь Козьмичъ, сказалъ вдругъ одинъ изъ гостей:— какъ сподобился ты сидѣть съ батюшкою-царемъ, да съ именитыми боярами за однимъ столомъ?

— Длинно и долго рассказывать...

— Рассказывай, и трапеза слаще будетъ, коли услышимъ разумное твое слово, Нефедь Козьмичъ, — замѣтилъ одинъ гость.

— Не буду, — началъ Сухорукій:— рассказывать то, что вамъ вѣдомо, а лишь то, какъ Богъ сподобилъ узрѣть намъ на царскомъ пресвѣтломъ престолѣ красное солнышко Михаила Θεодоровича. Было то постомъ: соборъ въ Москвѣ избралъ на царство отрока Михаила Θεодоровича, но не зналъ, гдѣ онъ пребываетъ; люди же сказывали, что онъ аль въ Ярославлѣ, аль въ Ипатьевской обители съ матерью-монахиней. Вотъ и избраны въ челобитчики къ нему Θεодоритъ архіепископъ рязанскій, три архимандрита, три протопопа, да бояре Федоръ Ивановичъ Шереметьевъ (родичъ царскій) и князь ростовскій, да окольниковъ Головинъ, со стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. Въ день св. угодниковъ тверскихъ Саввы и Варсонофія, Савватія и Ефросина, отъ собора всѣ эти челобитчики съ соборною граматою уѣхали послѣ молебна изъ Москвы. На десятый день они прибыли въ Кострому по вечернѣ, и послали отъ себя въ Ипатьевскую обитель просить отрока Михаила Θεодоровича назначить день, когда они могутъ представиться предъ его свѣтлыя очи. Отвѣтъ былъ: на другой день. Послѣ оповѣстили объ этомъ костромского

воеводу и всѣхъ горожанъ, а на другой день, поднявши иконы, пошли всѣ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Инокія Марѳа и отрокъ встрѣтили за монастыремъ пословъ, приложились ко кресту и къ святымъ иконамъ, но когда архіепископъ вручилъ царю соборную грамоту и провозгласилъ объ его избраніи соборомъ на царство, отрокъ заплакалъ и сказалъ: „Не хочу быть царемъ!“ „И я не благословляю его на царство“, — возопіяла инокыня-мать. И оба не восхотѣли идти въ церковь. Тогда архіепископъ упросилъ ихъ войти хотя въ храмъ и принять грамоту. Тогда инокыня-мать стала говорить посламъ: „У сына-де ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ-де не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили“... Инокыня-мать заплакала и укоряла пословъ и въ измѣнѣ Годунову, и въ убійствѣ лже-Димитрія, въ сведеніи съ престола и выдачѣ ляхамъ Шуйскаго... Послы же со слезами молили и били челомъ Михаилу, но тотъ не соглашался. Тогда послы пригрозили ему, что Богъ изыщеть на немъ конечное разореніе государства. Инокыня-мать тогда лишь стала благословлять сына, приговаривая со слезами: „Надо положиться на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи“. Послѣ того Михаилъ, крестясь, плача и прижимаясь къ матери, взялъ изъ рукъ архіепископа царскій посохъ. Но юный царь медлилъ выѣдомъ въ Москву и костромскіе воровскіе казаки (а не поляки) хотѣли его полонить въ обители; Сусанинъ изъ села Домнино далъ знать о томъ царю и тотъ удалился въ Кострому, а потомъ выѣхалъ спустя нѣсколько дней... Поднялись въ Москвѣ всякихъ чиновъ люди и вышли навстрѣчу къ царю, плакали, цѣловались другъ съ другомъ, какъ въ праздникъ Христовъ, и отвели царя въ Успенскій соборъ. Здѣсь все духо-

венство съ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ отслужили молебень, и когда царь приложился ко кресту, то всѣ подходили и цѣловали у него руки. Изъ собора царь уѣхалъ въ Грановитую палату, а инокиня-мать въ Вознесенскій монастырь. Хоромы же, которыя желалъ имѣть царь, золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для матери деревянныя хоромы жены царя Василя Шуйскаго, были безъ кровель, мостовъ, лавокъ, дверей и окошекъ, а въ казнѣ денегъ не было, да и плотниковъ достать негдѣ было. Въ день св. Ольги было свершено св. вѣнчаніе царя митрополитомъ Ефремомъ. При вѣнчаніи Гаврила Пушкинъ билъ челомъ, что князь Пожарскій пожалованъ царемъ въ бояре, а онъ, Пушкинъ, только думный дворянинъ, что ему неумѣстно. Князь же Трубецкой билъ челомъ на дядю царя, Ивана Никитича Романова, что тотъ-де будетъ при вѣнчаніи шапку держать, а онъ, Трубецкой, только скипетръ. Тогда царь велѣлъ записать въ разрядъ, что для царскаго вѣнчанія во всякихъ чинахъ быть безъ мѣста. На другой день праздновались царскія именины. Зашелъ отецъ мой къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому до обѣдни, поздравилъ его съ царскою милостью и поднесъ ему хлѣбъ-соль на блюдѣ; а онъ, сердечный, обнявъ, расцѣловалъ отца и заплакалъ: „Не тебѣ поздравлять бы меня съ боярствомъ, а мнѣ тебя, и не Ивану Никитичу Романову поднести было нужно шапку царю, а тебѣ, Козьмѣ Миничу: коли-бъ не ты, не быть бы и царю въ Москвѣ. Иду я теперь къ обѣднѣ, и коли послѣ службы царь пройдетъ мимо меня, — ужъ пушай не взыщутъ ни князь Трубецкой, ни Пушкинъ, сослужу имъ службу“. „Полно Бога-то гнѣвить, возговорилъ отецъ мой, — изъ-за меня ссоры не подымай, пойду во свояси и поклонюсь св. Марію, да сподобитъ меня сыномъ Божьимъ наречься вѣдь сказано въ св. писаніи, блажени миротворцы“... А князь Дмитрій поклонился отцу моему и вышелъ.

Остался отецъ мой у него; а князь подождать, когда послѣ обѣдни сталъ царь принимать поздравленія и допускать всѣхъ къ рукѣ своей, да и подойди къ нему и сталъ на колѣни: „Я къ тебѣ съ челобитною, великій государь“, — молвилъ онъ. „На кого, — нахмурилъ брови ясное солнышко наше; — да еще въ церкви и въ праздникъ нашъ“. — „На твоего вновь пожалованнаго боярина князя Дмитрія Андреевича Пожарскаго“, — молвилъ князь: — не мѣстно ему быть бояриномъ, коли Козьма Миничъ Сухорукий простой купецкій сынъ, не мѣстно ему, князю, сидѣть за царской трапезой, коли Козьма Миничъ будетъ сидѣть съ челядью“. — „Правъ и не правъ ты, князь Дмитрій, — молвилъ тогда царь; — мы изъ-за вѣнчанья забыли свои обязанности, но поправить можно: съ тобою мѣстничалъ Гаврила Пушкинъ, а онъ думный дворянинъ; вотъ мы и по царской нашей милости жалуемъ Козьму Минича Сухорукова въ дворяне думные и будетъ онъ сегодня же съ сыномъ за трапезой сидѣть на ряду съ Гаврилою, а какъ онъ считаетъ себя выше тебя, вотъ и Козьма твой Миничъ будетъ съ нимъ сидѣть выше тебя; а посему челобитню твою на меня и на князя Дмитрія возьми назадъ, а указъ мой вели занести въ разрядъ“... И сѣлъ отецъ мой и я за трапезой по указу государеву выше князя Пожарскаго... и... и... ясный соколикъ такъ любовно глядѣлъ на меня и напоминалъ романеей не обносить.

Нефедъ Козьмичъ заплакалъ.

Никто такъ внимательно не слушалъ этотъ рассказъ, какъ Никита Миничъ: онъ, казалось, обратился весь въ слухъ, и когда тотъ кончилъ, онъ поднялся съ мѣста и вдохновенно сказалъ:

— Вознесъ отца твоего, Козьму Минича, государь, нашъ батюшка, свѣтлѣйшій царь, высоко, но самъ онъ вознесъ себя еще выше: вся русская земля знаетъ его имя, и перейдетъ оно во вѣки вѣковъ во всѣ уста и будетъ имя его славнѣе именъ царей и князей земныхъ, и просла-

вится онъ какъ Маккавей, погибшіе за свою святую землю и поставятъ ему праправнуки памятники, какъ нѣкогда ставили ихъ своимъ героямъ греки и римляне, и будетъ гордиться имъ не только Нижній-Новгородъ, но и вся русская земля. Аминь.

Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ и всѣ какъ бы оцѣпенѣли; но Нефедь Козьмичъ, привыкшій говорить въ народѣ, не остался въ долгу.

— Спасибо за честь,—сказалъ онъ тоже восторженно.—но коль имя наше превознесется за то только, что мы уничтожили воровъ, то твое имя еще выше превознесется, ты будущій устроитель нашей церкви. Благодать Божья снизошла и духъ Божій почіетъ на тя.

— Аминь,—произнесли единогласно всѣ присутствующие.

V.

Суженаго конемъ не объѣдешь.

Въ древней Руси монастыри наши, въ особенности на бойкихъ мѣстахъ, были очень богаты и по составу своему имѣли настолько же духовный, какъ и мірской элементъ. Источникомъ ихъ богатства было то, что и князья; и бояре дарили ихъ своими вотчинами, что и они, и крестьяне ихъ пользовались различными льготами. Притомъ, въ смутныя времена въ монастыри, имѣвшіе крѣпкія стѣны и большіе хлѣбные и иные запасы, стекались съ своею подвижностью знатные и богатые люди. Самый составъ братіи обновлялся и пополнялся знатными и богатыми: совершая въ продолженіе всей жизни своей разныя неправды, тѣ приходили къ концу дней своихъ отмаливать грѣхи свои. Поминовеніе усопшихъ было тоже одною изъ причинъ обогащенія церковей и монастырей, — богатые грѣшники вносили огромные

вклады въ монастырскую казну, чтобы ихъ поминали или поминали тѣхъ, кого они погубили.

Народная былина о Василии Буслаевичѣ говорить, что Василий, переживъ первую молодость въ удалствѣ, вспоминаетъ прокаченную буйную жизнь, много грѣховъ у него на душѣ, надобно отмолить и вотъ:

Приходить Василій Буслаевичъ
Ко своей государынѣ матушкѣ:
Какъ вьюнъ около нея увивается,
Просить благословеньице великое:
Иди мнѣ, Василью, въ Ерусалимъ градъ,
Со своею дружиною храброю
Мнѣ ко Господу помолятися,
Святой Святыни приложитися,
Во Ердая рѣкѣ искупатися...

Такими Буслаевичами были переполнены монастыри, а потому въ нихъ нельзя было искать ни знанія, ни учености, ни подвижничества и послѣднее было исключеніемъ изъ общаго правила. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ поэтому этотъ сбродъ вносилъ непорядокъ и даже развратъ, въ другихъ же они вели себя благообразно и исполняли монастырскій уставъ.

Монастырь св. Макарія принадлежалъ къ послѣднимъ и Никита Миничъ, рѣзко отличавшійся отъ остальной братіи, не могъ не повліять на нихъ сильно, тѣмъ болѣе, что юный послушникъ не проповѣдывалъ въ то время аскетизмъ, а требовалъ только благолѣпія въ церковномъ служеніи и возставалъ противъ разныхъ суевѣрій, предразсудковъ и языческихъ обычаевъ. Подобная проповѣдь очевидно должна была имѣть успѣхъ въ монастырѣ, куда удалялись лишь или для безопасности, или же для проведенія въ мирѣ старости; вотъ почему монастырь принялъ охотно его новшества, такъ какъ они разгоняли ихъ скуку и однообразную жизнь.

Но настала Макарьевская ярмарка и она разнесла вѣсть объ единогласіи и согласіи въ пѣніи и въ церковномъ служеніи по цѣлой русской землѣ. Услышалъ объ

этомъ и старецъ, митрополитъ казанскій, Ефремъ, вѣнчавшій царя Михаила Федоровича на царство, и почтенный іерархъ, проѣздомъ въ Москву, остановился въ монастырѣ, чтобы самому убѣдиться въ новыхъ монастырскихъ порядкахъ.

Выслушавъ митрополитъ вечерню, на другой день заутреню и обѣдню и по окончаніи церковнаго служенія вышелъ изъ царскихъ воротъ и сказалъ со слезами умиленія слово, сущность котораго была слѣдующая: онъ-де считаетъ себя счастливымъ, что на закатѣ дней своихъ онъ, наконецъ, услышалъ истинное боголѣпное церковное служеніе; затѣмъ онъ обратился къ Никитѣ Миничу и сказалъ: „Когда ты, юноша, Богомъ посланный и Богомъ избранный, читалъ, мнѣ слышался гласъ страшнаго суда, а когда ты пѣлъ на клиросѣ, то казалось ангелы съ небесъ восхваляютъ Божью славу“.

Послѣ же того, какъ митрополита разоблачили и онъ удалился въ келью, гдѣ онъ поселился, онъ призвалъ къ себѣ Никиту Минича и долго съ нимъ разговаривалъ, удивляясь его мудрости и знаніямъ.

На прощанье митрополитъ сказалъ:

— Сынъ мой, ты достоинъ быть служителемъ алтаря, выбирай, что хочешь;—или быть іереемъ, или принять ангельскій ликъ. Ты молодъ и быть можетъ захочешь вкусить брачную жизнь; я не мѣшаю тебѣ, дѣлай какъ знаешь, и какъ тебѣ сердце и духъ твой говорятъ... Я еще недѣлю здѣсь пробуду, ты сходи домой и поговори съ отцомъ твоимъ. Помнишь заповѣдь: чти отца твоего и мать твою и благо ти будетъ на землѣ. Безъ благословенія родителя нѣсть спасенія.

Никита Миничъ, бросившись къ ногамъ митрополита, произнесъ растроганнымъ и взволнованнымъ голосомъ:

— Твое велѣнье, владыка, велѣнье Божье... Я сегодня прощаюсь съ братіей, а тамъ съ Мининымъ и пойду просить благословенія отца.

Братія, услышавъ о милости митрополита, совѣтовала

послушнику принять монашество,—скоро будешь игуменомъ,—пророчили они.

Не такъ взглянулъ на это Нефедь Козьмичъ, когда Никита Миничъ, придя къ нему пѣшкомъ изъ Макарія, сообщилъ ему о рѣшеніи митрополита. Онъ задумался и сказалъ:

— Митрополитъ правъ, твори, что сердце тебѣ говоритъ. Но помни одно: ты молодежь и не долженъ зарывать въ землю, что Богъ тебѣ далъ для его прославленія. Погляди на себя, ты богатырь, какихъ мало; отъ работы не отказываешься, схимничаешь, а кровь такъ и бьетъ ключемъ въ твоихъ щекахъ. Жениться нужно, народу нужны и богатыри; а въ монахи постричься всегда успѣешь. Время не уйдетъ и ты отдашь землѣ земное, а Богу—Божье. Христосъ простилъ у кладезя грѣшницу и открылъ ей царствіе небесное... Вотъ это мой сказъ тебѣ, а тамъ твори, что сердце и собственный разумъ скажутъ,—вѣдь онъ твой царь въ твоей головѣ.

Послѣ того Нефедь Козьмичъ далъ ему на дорогу всякіе запасы и предложилъ ему любого коня изъ своей конюшни. Послѣднее было для Никиты Минича истиннымъ благодѣяніемъ, онъ осѣдлалъ лошадь, набралъ на нѣсколько дней овса съ собой, простился съ покровителемъ и уѣхалъ къ отцу своему, въ село Курмыши.

Село это съ уходомъ Никиты Минича какъ будто еще болѣе обѣднѣло, какъ будто оно лишилось души своей.

На самомъ дѣлѣ это было такъ: Никита Миничъ своей нервной натурою, своею энергіею, своею неутомимостью былъ образцомъ для всѣхъ; притомъ онъ безразлично помогалъ всѣмъ сосѣдямъ, кому въ полѣ, кому около дома—то заборъ поставить, то кровлю залатаетъ, то подпоры поставить, гдѣ ужъ очень ветхо. И работа спорилась у всѣхъ и весело было такъ, въ особенности парнямъ да дѣвицамъ.

И въ домѣ священника за его уходомъ было точно

послѣ покойника; батюшка ни съ кѣмъ слова не молвить, да въ церкви съ причетникомъ точно послѣ тяжелой болѣзни едва слышнымъ голосомъ читаетъ.

Дочь батюшки, Паша, блѣдная, и худая, точно тѣнь ходитъ и все изъ рукъ у нея валится, такъ что въ домѣ по хозяйству запустѣніе. Подумалъ, подумалъ отецъ Василій, да съѣздилъ въ Княгининъ и привезъ оттуда вдову тетку свою, чтобы хоть хозяйство приглядѣла, да стряпней занялась.

По приѣздѣ бабушка допытывала Пашу, ужъ не зазнобушка-ли у нея на сердцѣ, что красавица измаялась. Но Папа молчитъ, только иной разъ расплачется и уйдетъ подъ образа, пригорюнится и думу думаетъ.

Вотъ сидятъ онѣ однажды вдвоемъ и бабушка болтаетъ безъ умолку о разныхъ разностяхъ, чтобы разсѣять Пашу; и чего-чего нѣтъ у нея: и о самозванцѣ, и о колдунахъ, и о вѣдьмахъ, и объ оборотняхъ, и невольно увлекается Папа этими сказками и начинаетъ вслушиваться въ болтовню бабушки.

— И Гришка,—бормочетъ старушка,—поженился на проклятой на литвинкѣ, на еретницѣ, безбожницѣ; сыграна была свадьба въ Николинъ день въ пятницу; когда Гришка пошелъ въ баню съ женой,—бояре пошли къ заутрени. Послѣ бани Гришка вышелъ на красное крыльцо и закричалъ: „Гой еси ключники мои, приспѣшники! Приспѣвайте кушанье разное, и постное и скоромное; завтра будетъ ко мнѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньею!“ А въ тѣ поры стрѣльцы догадались, за то-то слово спохватилися. Стрѣльцы бросились къ царцѣ матери, та отреклася отъ лже-Димитрія и рать христіанская взбунтовалася. Маринка безбожница сорокою обернулася, изъ палатъ вонъ она вылетѣла, а Гришка-разстрига въ тѣ поры догадливъ былъ, съ чердаковъ да на копыя острыя къ тѣмъ стрѣльцамъ удалымъ молдцамъ, и тутъ ему такова смерть и случилася...

Но видя, что это не беретъ и кручину дѣвичью не разгоняетъ, старушка продолжала шамкать:

— И пса слушаютъ, и кошки мявкаютъ, аль гусь кокачетъ, аль утица крякнетъ, и пѣтель поетъ, и курица поетъ—худо будетъ; конь ржетъ, вошь реветъ и мышь нарты грызетъ, и хорь нарты портить, и таракановъ много—богату быти и сверьщковъ такожде; кости болять и подколѣнки скорбятъ—путь будетъ; и длани свербятъ—пѣвнязи имать; очи свербятъ,—плакати будешь...

— У меня день деньской, бабушка, очи свербятъ. Ахъ! не дождусь,—невольню проговорилась Паша.

— Дождешься, дождешься, котъ Васька моется, да, слышишь и конь ржетъ... Чуютъ гостей...

Въ это время пѣтухъ пропѣлъ; старушка набожно перекрестилась и стала шептать:

— Когда же двинуть ангели Господни одежду и вѣнецъ отъ престола Господня, тогда пробуждается пѣтель, поднимаетъ гласъ свой и плещетъ крылами своими...

— Бабушка, бабушка, поворожи... погадай... ужъ больно соскучилась...

Старуха ушла въ сѣни, принесла оттуда ведро съ водой, прошептала надъ нимъ какую-то молитву и освѣтивъ воду лучиною, сказала:

— Гляди, Паша, теперь въ воду, что увидишь, то и сбудется.

— Вижу его на конѣ, онъ скачетъ!—воскликнула Паша.

— Видишь, суженаго и конемъ не объѣдешь,—торжествовала старушка.

Въ это время послышался топотъ копытъ, у Паши замерло сердце, она бросилась изъ избы на дворъ: это прѣхалъ изъ Нижняго Никита Миничъ.

Увидя на немъ одежду послушника, Паша остановилась и поблѣднѣла.

Привязавъ лошадь къ крыльцу, Никита Миничъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и поцѣловалъ нѣсколько разъ.

— Видишь, ни въ отцу, ни къ матери, а къ тебѣ заѣхалъ я... Отецъ Василій дома?

— Сейчасъ будетъ, онъ на крестинахъ. Зайди, Ника... что я!.. Никита Миничъ...

— Называй меня Никой, такъ называла меня и покойная мать... Но какъ ты похудѣла?..

— Тосковала по тебѣ, противный, а ты чай наглядѣлся на красавицъ и въ церкви, и на ярманкѣ?

— Молился Богу,—серьезно возразилъ Никита Миничъ:—да о тебѣ, грѣшный, думаль... Думаль, думаль и вотъ пріѣхалъ... Гдѣ батюшка, пушай рѣшаетъ судьбу нашу...

Въ это время показался и батюшка, ему кто-то сообщилъ о пріѣздѣ гостя.

Отецъ Василій, увидя Никиту Минича, бросился къ нему на шею и не зналъ на радостяхъ что говорить.

Онъ ввелъ его въ избу, посадилъ въ углу подъ образа, любовался имъ и только приговаривалъ:

— Ну, спасибо... не ожидалъ... потѣшилъ старика... Паша... тетюшка... что въ печи, на столъ мечи... чай голодень... на конѣ пріѣхалъ... гдѣ взялъ...

Между тѣмъ Паша и бабушка засуетились, накрыли на столъ и дѣйствительно подали все, что у нихъ имѣлось.

Когда старикъ немного успокоился, Никита Миничъ сталъ рассказывать ему о томъ, какіе порядки онъ ввелъ въ Макарьевскомъ монастырѣ и какъ митрополитъ Ефремъ взыскалъ его; въ концѣ же своего рассказа онъ присовокупилъ:

— Теперь, батюшка, отъ тебя зависитъ аль принять мнѣ ликъ ангельскій, аль быть іереемъ...

— Какъ отъ меня?—спросилъ отецъ Василій удивленно.

— Такъ, коли отдашь мнѣ Пашу, тогда я іерей; коли нѣтъ, я—чернецъ.

— А я тутъ при чемъ?—бормоталъ несвязно старикъ,— Погляди на голубицу, измаялась... Ты ужъ съ нею поговори.. а мнѣ что?.. Вѣдь тебѣ жить съ нею, а я на старости полюбуюсь вами... будьте счастливы, дѣти..

Старикъ заплакалъ, Паша не выдержала и бросилась къ нему на шею; Никита Миничъ сталъ на колѣни, а догадливая бабушка сняла со стѣны благословенный образъ матери Паши и подала его батюшкѣ. Паша стала тоже на колѣни.

Отецъ Василій благословилъ дѣтей, поцѣловался съ ними и велѣлъ имъ тоже поцѣловаться.

Радостная семья послѣ того усѣлась за столъ и за чаркой пѣннаго пошли разспросы и рассказы.

Никита Миничъ объявилъ, что митрополитъ долго не можетъ оставаться въ Нижнемѣ и что желаетъ рукоположить его у Макарья во дьяконы, а на другой день, послѣ обѣдни, въ старой церкви рукоположить въ іереи. Нужно поэтому торопиться и на завтра обвѣнчаться, а на послѣ-завтра ѣхать въ Нижній одному; потомъ онъ пріѣдетъ за женой.

Какъ ни была грустна такая торопливость, однако жъ семейство отца Василія согласилось на это и долго за полночь они толковали о томъ, какъ что устроить.

На другой день рано утромъ Никита Миничъ взялъ съ собою Пашу и они отправились къ отцу своему, чтобы попросить благословенія.

Отецъ обрадовался его пріѣзду, и когда узналъ о милости къ нему митрополита, пришелъ въ восторгъ и тутъ же благословилъ его и Пашу. Сестренка Никиты Минича была тоже довольна его счастьемъ; одна только мачиха надулась, и когда они ушли, свирѣпо сказала, какъ-то злобно искрививъ ротъ: „Вѣдь дуракамъ всегда счастье“.

Мининъ озлился въ первый разъ въ жизни и возравилъ:

— Ужъ неча сказать — ты умница; погляди-ка на свое-то рыло, колибъ умнѣ была, то не была бы Минишна... голь одна непрокатная... А онъ гляди,—точно боярскій сынъ: и зипунишка и порты суконные; да на лошади охотницкой, да на сѣдлѣ стремянномъ, да уздечка наборная... И помянешь ты мое слово, будетъ онъ не іереемъ, а архіереемъ, и подойдешь ты тогда сама къ нему къ ручкѣ... значить подь благословеніе... вотъ те, тогда ты будешь дура.

— Ужъ и дура, захныкала и заголосила баба:—изъ за щенка.

— Ну, ужъ завела, и съ этими словами Мининъ махнулъ рукой и вышелъ изъ избы.

VI.

Царская невѣста.

Никита Миничъ, послѣ рукоположенія его въ іереи, назначенъ былъ священникомъ въ Нижній-Новгородъ, въ небольшой приходъ *), но слава о немъ распространилась быстро между жителями города и между гостями, такъ что въ воскресенье и въ праздничные дни церковь наполнялась многочисленными богомольцами, въ особенности послушать его нововведенія, т. е. единогогласіе въ гвѣни, согласіе въ службѣ и, наконецъ, проповѣдь его, которая была тоже новшествомъ.

Съ завистью глядѣли на него его собраты, остальные священники, и въ особенности на послѣднее.

— Это латынство,—говорили одни.

---

*) По показаніямъ раскольничьимъ, онъ будто бы былъ избранъ въ священники какого-то села; но это измышленно, чтобы умалить его значеніе.

— Это еретичество,—стали распространять другіе.

Народъ же приходилъ въ умиленіе и отъ согласной службы, и отъ стройнаго пѣнія на клиросѣ, и отъ превосходной его проповѣди.

Говорилъ Никита Миничъ кратко, сжато и вразумительно; проповѣди его касались земной жизни Христа, апостоловъ и угодниковъ, и неоднократно онъ вызывалъ слезы умиленія изъ глазъ слушателей.

Послѣ одной изъ такихъ проповѣдей къ нему послѣ службы подошла бывшая царская невѣста, Марья Ивановна Хлопова. Она просила его и жену его, Прасковью Васильевну, хлѣба-соли откушать.

Отецъ Никита поблагодарилъ ее и вдвоемъ съ женою проводилъ ее домой.

За трапезой разговорились они о томъ, о семь, и Хлопова разсказала свою странную судьбу.

— Взята я была годковъ девять тому назадъ,—говорила она,—въ царскій теремъ, какъ невѣста царя Михаила Феодоровича и назвали меня Марьей—Настасьей и стали чествовать царицей и ожидали только возвращенія изъ плѣненія польскаго святѣйшаго митрополита Филарета, чтобы обвѣнчать меня съ царемъ. И женихъ и царица-матушка любили меня... Но приключилась со мною бѣда: ѣсть перестала и такъ смутно сдѣлалось. Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ, племянникъ царицы, далъ мнѣ лѣкарство, а самъ отправился къ царю и объявилъ, что я испорчена, неизлѣчима... Посадили меня и всѣхъ моихъ родныхъ въ кибитки и отвезли въ Тобольскъ; съ возвращеніемъ изъ плѣненія святѣйшаго Филарета, меня перевезли съ родственниками Желябужскими въ Верхотурье; а годъ спустя—сюда, въ Нижній... Живу я здѣсь и горе мыкаю, а царь доселѣ еще не женатъ.

— Царица небесная, да не дали-ли тебѣ, боярышня, зелья?—всплеснула руками жена отца Никиты.

— Былъ у тебя Нефедъ, сынъ Минина,—вставилъ

отецъ Никита:—ты бы ему порасказала. Онъ человѣкъ ближній и у царя и у святѣйшаго патріарха Филарета. Святѣйшій человѣкъ правдивый,—онъ бы и сыскъ учинилъ.

— Салтыковы люди знатные, сильные, имъ и вѣра... Говорять люди: съ богатымъ не тягайся, съ сильнымъ не борись,—вдохнула Хлопова.—Рады мы, что изъ Сибири насъ возвратили. Да и какъ доказать поклепъ Салтыкова, и коли не докажу, выдадутъ меня ему головой, тогда и кнутъ и снова Сибирь.

— Не страшись, боярышня! Коли будетъ кнутъ, то не тебѣ, а мнѣ, возразилъ горячо отецъ Никита.—Будешь ты въ сторонѣ, скажу, дескать, на духу баяла мнѣ Марья Ивановна правду... А я расскажу патріарху.

— Какъ знаешь, отецъ Никита, ты умнѣ насъ... Но гляди, тебѣ бы не пострадать. Молодъ ты, да и жена у тебя распрекрасная, и при этихъ словахъ Хлопова поцѣловала Прасковью Васильевну.

Послѣдняя прослезилась и обратилась къ мужу:

— Горячъ и молодъ ты, Никита Миничъ, а тамъ, на Москвѣ, народъ лукавый.

— Не бось, молодъ я годами, а не духомъ. Поѣду я къ Нефеду Козьмичу Сухорукому, онъ меня наставитъ, и съ Божьей помощью, если мы не низложимъ враговъ, то дѣла не испортимъ и Марью Ивановну не погубимъ.

— Въ такомъ разѣ поѣзжай, отецъ Никита... Я тебѣ на дорогу дамъ.

— На дорогу и у меня станеть; сколотили мы съ женой кое-какую копѣйку бережливостью, а тамъ, коли Богъ и царь тебя, Марья Ивановна, възьмутъ, и насъ не забудешь.

Послѣ этой бесѣды жена отца Никиты стала посѣщать ежедневно бывшую царскую невѣсту, а мужъ ея испросилъ у мѣстнаго благочиннаго разрѣшеніе съѣздить на мѣсяцъ въ Москву и готовился къ дорогѣ.

Купили пару лошадокъ, телѣгу, наняли черемиса въ

кучера, уложили вещи отца Никиты и послѣ молебна у Марьи Ивановны, съ благословеніями жены, отецъ Никита уѣхалъ въ Москву.

Тащился отецъ Никита по ухабистымъ дорогамъ медленно, безъ приключеній, а недостатка въ ѣдѣ не было,—наложили ему и жена и царская невѣста всего вдоволь, не только на путь въ Москву, но и на край свѣта.

Скучно ѣхать такъ долго отцу Никитѣ и заводить онъ съ черемисомъ зачастую разговоры и шутить съ нимъ.

— Въ первый разъ,—спрашиваетъ онъ своего возницу:—ты ѣдешь въ Москву?

— Въ первый, батюшка, въ первый, а во-второй еще не былъ.

— Понимаю, что во-второй еще не былъ; да вотъ что, любезный, коли ты въ-первой въѣзжаешь въ Москву, у воротъ стоитъ старая-престарая баба, по прозвищу баба-яга, костяная нога, ни одного зуба; нужно ее поцѣловать, да въ жены взять...

— Ай! ай! ай! завопилъ черемисъ и ударилъ по лошадамъ.

— А кони-то чѣмъ провинились?—продолжалъ Никита.

— А ты, батюшка, въ-первой въ Москвѣ?

— Въ-первой.

— И ты, значить, поцѣлуешь бабу и женишься на ней.

— Я женатъ, а ты вотъ не женатый...

— Ай! ай! ай!—снова закричалъ черемисъ.—А моя Катька, что скажетъ? Сказывала, заработаешь отъ батюшки, вернешься изъ Москвы и свадьба...

— Ничего, успокаивалъ его Никита.—Царь на свой счетъ справить свадьбу твою въ Москвѣ.

Разговоръ этимъ кончился и Никита забылъ о немъ.

Но вотъ и Москва бѣлокаменная съ златоглавыми

храмами. Затрепетало сердце отца Никиты и замеръ духъ. Вотъ тутъ по истинѣ мѣсто, гдѣ русскимъ царямъ жить,—подумаль онъ.

Но возница его останавливаетъ вдругъ лошадей и сходить поспѣшно съ козелъ:

— Батюшка, рассчитай, говоритъ онъ.

Отецъ Никита не понимаетъ въ чемъ дѣло.

— Какъ рассчитай? спрашиваетъ онъ удивленно.

— Я домой, назадъ, къ Каткѣ...

— Да какъ къ Каткѣ?

— Да такъ, не хочу старой бабы.

Никонъ расхохотался.

— Чудакъ,—сказаль онъ:—да я шутилъ...

— Нѣтъ, это правда. Спрашиваль я по дорогѣ во всѣхъ заѣздахъ и трактирахъ и всѣ говорятъ правда..

— Да надъ тобою смѣялись.

— Тебѣ-то смѣшки, а мнѣ слезки..

— Полно дурить, садись и поѣзжай.

— Не хочу...

— Убѣдишься-ли ты, коли я тебя наряжу въ рясу, а самъ сяду на козлы въ твоёмъ армякѣ, такъ и въѣдемъ въ ворота Москвы.

— Ладно, садись.

Отецъ Никита уступилъ ему свое мѣсто и сдѣлался возницей.

Когда они подѣхали къ заставѣ, черемись сталь робко озираться и высматривать старую бабу; на бѣду у караулки стояла какая-то старая женщина.

Какъ выскочить изъ телѣги черемись и какъ побѣжить назадъ; пришлось отцу Никитѣ повернуть въ обратную и догнать труса.

— Гляди,—успокаиваль онъ его,—вотъ баба и уходитъ.

— И въ заправду уходитъ,—успокоился черемись.

Сѣль онъ вновь въ телѣгу, и они благополучно про-

ѣхали заставу и тогда лишь возница повѣрилъ и пересѣлъ вновь на козлы.

Ѣдутъ они по великой Москвѣ болѣе часу и всѣ нѣтъ конца, а имъ-то нужно въ Китай городъ, и это, бають, сердце Москвы. Наконецъ и Китай городъ показался и указываютъ имъ домъ Нефѣда Козьмича Минина.

Палаты большія со службами и съ садомъ; подъѣзжаетъ отецъ Никита къ терему, останавливается на улицѣ, сходитъ съ телѣги и идетъ во дворъ.

Встрѣчается служка и узнавъ, что батюшка изъ Нижняго, бѣжитъ къ дворецкому, а тотъ докладываетъ окольничьему.

Выходитъ поспѣшно Нефѣдъ Козьмичъ на крыльцо, встрѣчаетъ дорогого гостя, обнимаетъ и цѣлуетъ его, вводитъ въ свои хоромы, а лошадей и телѣгу велитъ убрать въ сарай и конюшни, а кучера въ людскую.

Не знаетъ Нефѣдъ куда посадить отца Никиту и распросамъ нѣтъ конца: и о Нижнемъ, и о Марьѣ Ивановнѣ Хлоповой.

Сразу не говоритъ отецъ Никита, зачѣмъ пріѣхалъ-де въ Москву, а объясняетъ свой пріѣздъ тѣмъ, что хотѣлось-де поглядѣть матушку Москву, людей посмотреть, уму-разуму набраться.

— Умно ты сдѣлалъ, отецъ Никита, что пріѣхалъ сюда въ міръ пожить, съ людьми побывать едино, чтобъ многое знать. Покажу тебѣ всѣ храмы и монастыри Божьи, пушечный домъ, печатное и иное дѣло, да ряды нѣмцевъ гостей.

Обрадовался отецъ Никита несказанно и благодарилъ Нефѣда Козьмича за ласку и милость.

За гостинцы же, привезенные отцомъ Никитой, хозяинъ былъ ему обратно благодаренъ. Гостинцы же были: отъ Марьи Ивановны—водка малиновка въ боченкахъ, а отъ жены отца Никиты свиные колбасы, изготовленныя по-малороссійски, такъ какъ отецъ ея былъ хохоль.

— Ну,—говорилъ хозяинъ,—подарокъ дорогой, завтра же покличу гостей, попотчую этимъ добромъ, да и тобой похвалюсь, какого друга нажилъ... Враговъ,—продолжалъ онъ добродушно,—скоро наживешь, а друзей.. ой! ой! какъ трудно.

И съ этими словами онъ обнялъ и расцѣловалъ Никиту.

Отвели гостю хорошенькую свѣтелку, съ кроватью, чистымъ бѣльемъ, да снесли сюда и сундучекъ его съ бѣльемъ и платьемъ, а его черемисъ возгордѣлъ и баранью шапку свою началъ носить на бекрень, для придачи себѣ важности, а о бабѣ-ягѣ забылъ.

На другой день наѣхало много гостей къ Нефеду,—или бояре, или окольнічьи.

Напросилъ этихъ гостей Нефедъ на малороссійскія колбасы и ради нихъ жарились къ трапезѣ чуть-ли не цѣлые быки, цѣлые боровы и сотни разной птицы, да цѣлый десятокъ похлебокъ и ухи.

Отецъ Никита былъ имъ представленъ какъ нижегородецъ и другъ хозяина, при чемъ Нефедъ разсказалъ о новшествахъ, какія введены имъ въ Макарьевской обители и теперь въ приходской церкви.

Родственники царя: Шереметьевъ, князь Черкасскій и Иванъ Никитичъ Романовъ, присутствовавшіе здѣсь, просили отца Никиту къ себѣ.

— Видишь,—говорилъ гостю на другой день Нефедъ Козьмичъ:—вотъ и познакомился съ людьми именитыми, ужо мы съ тобою у нихъ побываемъ.

— Благодарствую, и они понадобятся по дѣлу Марьи Ивановны,—сказалъ вскользь отецъ Никита.

— По какому ея дѣлу! Ты не говорилъ мнѣ.

— Не смѣлъ... Видишь, Нефедъ Козьмичъ, баяли она порченая, а это неправда.

— Всѣ такъ баютъ, да и они, въ Нижнемъ-то, говорили тоже.

— А мнѣ, вишь, на духу она другое молвила: я дене порченая... боюсь Салтыковыхъ... такъ и не перечу...

— То-то и я у Хлоповой прожилъ больше трехъ мѣсяцевъ, да порчи въ ней не замѣтилъ; румяная, бѣлая, точно кровь съ молокомъ, и умница такая... Но, баяли люди—порченная... А наше дѣло сторона... Да за что же бояринъ-то кравчій, Михайль-то Михайловичъ Салтыковъ, на нихъ взѣлся?

— Баютъ такъ: ходилъ царь съ приближенными въ оружейной палатѣ, адѣсь былъ и Салтыковъ и дядя невѣсты, Гаврила Хлоповъ. Поднесли царю турецкую саблю и всѣ ее хвалили. Салтыкова взяла злоба и онъ сказалъ: „Вотъ невидаль! И на Москвѣ государевы мастера такую сдѣлаютъ!“ Тогда государь обратился къ Гаврилѣ Хлопову и спросилъ: „Какъ думаешь, сдѣлаютъ-ли такую саблю въ Москвѣ?“—„Сдѣлать-то сдѣлаютъ, да только не такую“,—отвѣчалъ Хлоповъ. Вотъ и взѣлись на нихъ оба Салтыкова,—Борисъ и Михайль, да и дали ей, невѣстѣ-то, какой-то водки изъ аптеки значить, чтобы лучше ѣла, а та и заболѣла... Салтыковы и наговорили, что она порченная.

— Вотъ какъ дѣло было,—произнесъ задумчиво Нефедъ:—и это она говорила тебѣ на духу?..

— Говорила, но такъ какъ адѣсь царское дѣло, я и открылъ тебѣ правду, да и патриарху тожъ скажу.

— Побываю у патриарха и скажу, что ты духовникъ Марьи Ивановны и что она сказала такое слово, что можешь ты передать ему лишь одному. Одначе прежде, нежели у него побываю, я повезу тебя къ Шереметьеву, Черкасскому и Романову, пуцай они прежде скажутъ патриарху ласковое объ тебѣ слово. Тогда и дѣло будетъ сдѣлано,—патриархъ человекъ прямой, честный и правдивый: каждому онъ воздаетъ за заслуги. У него всѣ одинаковы, и бояре-то ближніе не очень-то и жалуютъ его, а многіе не желали его возврата въ Москву. При митрополитѣ Іовѣ ближніе бояре дѣлали, что хотѣли, а инокиня-мать изъ Вознесенскаго монастыря съ Грамотинымъ дьякомъ управляла царствомъ. А святѣйшій

патріархъ Филаретъ, какъ пріѣхалъ, ваялъ все въ руки, — управлять-де изъ кельи да женщинѣ не подобааетъ. Да и царь-то иной разъ получаетъ родительскій выговоръ. Увидишь самъ старца, полюбишь, какъ и я люблю... Завтра утромъ я тебя повезу по Москвѣ.

На другой день раннимъ утромъ представилъ Нефедъ Козьмичъ отца Никиту къ царскимъ родственникамъ и тѣ пришли въ восторгъ отъ ума молодого священника и обѣщались о немъ поговорить съ патріархомъ. Нѣсколько дней спустя, они встрѣтились съ Нефедомъ Козьмичемъ въ боярской думѣ и объявили ему, что патріархъ желаетъ, чтобы ему представили двадцатилѣтняго мудреца.

На другой же день послѣ того Нефедъ повезъ отца Никиту къ царскому отцу Филарету Никитичу, жившему въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Оставивъ отца Никиту въ сѣняхъ, Нефедъ вошелъ во внутрь хоромъ и вскорѣ вышелъ оттуда съ патріаршимъ окольничьимъ Стрѣшневымъ.

— Патріархъ требуетъ тебя къ себѣ, тебя проводить къ нему окольничій, а я тебя подожду здѣсь. Да благословить и поможетъ тебѣ Царица Небесная въ твоемъ добромъ начинаніи.

Отецъ Никита мужественно пошелъ впередъ, но когда онъ былъ ужъ у дверей, завѣшанныхъ ковромъ, гдѣ находился патріархъ, ему сдѣлалось страшно и сердце замерло, — о Филаретѣ говорили такъ много злого.

Стрѣшневъ откинулъ пологъ и впустилъ отца Никиту въ рабочую патріарха.

Войдя туда, попъ распростерся на полу и подымаясь сдѣлалъ тоже самое трижды.

Когда онъ поднялся, то увидѣлъ себя въ небольшой комнатѣ, устланной коврами; у окна стоялъ небольшой столъ, заваленный книгами и бумагами; предъ нимъ какъ будто выросъ изъ земли средняго роста красивый старикъ, съ сильною просѣдью въ бородѣ. На немъ былъ

простой сѣрый подрясникъ, припоясанный золотымъ кушакомъ, а темнорусая голова его, съ сильною просѣдью, не была ни чѣмъ покрыта.

Отецъ Никита подошелъ подъ его благословеніе.

— Благословенъ приходъ твой, — сказалъ патріархъ, крестя его двуперстно. Полюбовавшись затѣмъ съ минутою на двадцатилѣтняго красавца и атлета *), патріархъ милостиво продолжалъ: — Коль не сказывали бы мнѣ бояре и Нефедъ Козьмичъ, что ты разума полный и устроитель церковнаго благолѣпія, я бы предложилъ тебѣ, сынъ мой, растричься и идти въ передовой царскій полкъ. Но, говорятъ, ты полонъ премудрости... Откуда ты взялъ это? Нефедъ говоритъ, что ты и по-гречески знаешь.

И при этомъ патріархъ заговорилъ по-гречески:

— Я изучилъ греческій и латинскій языки въ невольѣ... Папа готовилъ вмѣстѣ съ моимъ освобожденіемъ и унию; но онъ ошибся: отъ вѣры своей мы, русскіе, не отречемся. Правда, знаніе—свѣтъ, а невѣжество—тьма, я поэтому и печатное дѣло вновь завелъ, и въ Чудовомъ монастырѣ учать по латыни и по-гречески.

— Изучилъ я греческій языкъ, — сказалъ отецъ Никита по-гречески: — у тестя своего, въ селеніи Вельмановѣ... Потомъ въ Макарьевской обители.

— Вельманово,—это помѣстье бывшаго воеводы царя Ивана Грознаго. Ты изъ крестьянъ?

— Изъ крестьянъ, отецъ мой, Мининъ.

— Носишь ты отчество знаменитое. Козьма Миничъ Сухорукій, отецъ Нефедѣ, носилъ это имя. Сынъ мой, носи его высоко и Богъ тебя вознесетъ. И апостолы были простые рыбаки. Наше святительское призваніе тоже апостольское и многіе изъ крестьянства были великіе святители, у насъ, правда, не столько, какъ въ Малой Руси. Учись всегда и постоянно,—видишь, какой

*) Онъ былъ почти трехъ-аршиннаго роста.

я старецъ, а все еще учусь. Теперь скажи, въ чемъ твое дѣло?

Отецъ Никита передалъ, какъ на духу ему созналась царская невѣста, что она испорчена Салтыковыми и за что именно.

Патріархъ пришелъ въ сильное негодованіе.

— А если это будетъ не доказано?—воскликнулъ онъ сурово.—Знаешь-ли, думскіе бояре и окольнічьи сидятъ и гнѣютъ у меня въ тюрьмѣ за ябеды и недоказанные извѣты. Я хочу вывести кляузау...

— Велишь меня, святѣйшій патріархъ и великій государь, тогда казнить, — отвѣчалъ безстрашно отецъ Никита.

Съ минуту патріархъ глядѣлъ прямо и пристально въ глаза молодого священника и еще суровѣе произнесъ:

— Да знаешь-ли ты, извѣтъ твой на племянниковъ царицы? Возьми лучше назадъ свое слово.

— Я духовный пастырь, — съ жаромъ возразилъ отецъ Никита: — а пастырь долженъ положить душу свою за овцы. Готовъ пострадать на крестѣ правды ради, хоша бы пришлось осудить и саму царицу. Цѣловаль я крестъ царю и повиненъ говорить правду безъ лицемерія.

— Правъ ты, сынъ мой, ступай съ миромъ, а я учиню сыскъ и кару, хоша бы не токмо племянники инокини царицы, но и родная моя дочь, Татьяна Михайловна, повинилась въ семъ дѣлѣ.

Отецъ Никита вновь распростерся трижды передъ патріархомъ и поцѣловаль его руку.

— А ты, — продолжалъ патріархъ: — пока пойдетъ сыскъ и судъ, заѣзжай въ Чудовъ монастырь, тамъ увидишь, какъ учать по-гречески и по-латыни; да въ печатню мою загляни..

Было это сказано очень милостиво и сердечно.

Отецъ Никита вновь поклонился и вышелъ.

Услышавъ подробности этой бесѣды, Нефедъ Козь-

мишь воскликнулъ, садясь съ отцомъ Никитой въ свою колымагу.

— Умные люди другъ друга скоро понимаютъ. Патріархъ великій святитель, а ты хоша изъ крестьянъ, но коли захочешь, то не будешь менѣ святѣйшаго. Исполать тебѣ и слава, сынъ крестьянскій, Никита Миничъ; не даромъ носишь ты отчество великаго моего отца, сказалъ патріархъ,—да это и мой сказъ. Сегодня была встрѣча двухъ великихъ святителей и мы отслужимъ сегодня же молебенъ послѣ обѣдни, а тамъ зададимъ пирь.

Нефедь велѣлъ кучеру остановиться у Успенскаго собора и приказалъ отслужить молебенъ за рабовъ Божьихъ Филарета и Никиту.

Царь Михаилъ Федоровичъ продолжалъ въ это время жить въ грановитой палатѣ, и очень просто: все было бѣдно и скромно. Въ то время больше думали о войнѣ, о борьбѣ съ внутренней крамолой, чѣмъ о роскоши и пышности.

Самая палата не столько была занята царскими покоями и комнатами, какъ биткомъ набита была придворными, приживалами и приживалками, скоморохами, бахарями, дураками, домрачеями, цимбалистами, карлами и инымъ потѣшнымъ людомъ. Пока же Филарета Никитича, отца царскаго, не было, все это сплетничало, интриговало и своевольничало и болѣе было хозяиномъ во дворцѣ, чѣмъ самъ юный царь Михаилъ. Загнанный съ дѣтства и воспитанный среди женщинъ и въ женскомъ монастырѣ, напуганный всѣми тогдашними событіями, страданіями всѣхъ своихъ родныхъ и отца, наконецъ, слыша съ дѣтства о страшной смерти Дмитрія царевича, всѣхъ родственниковъ и ближнихъ бояръ царя Ивана, слыша о трагической смерти лже-Димитрія и паденіи Василя Шуйскаго и о другихъ ужасахъ того времени, царь Михаилъ сдѣлался робокъ, неразговорчивъ и уступчивъ при настойчивости кого-либо.

Это и дѣлало его орудіемъ тѣхъ, кто умѣлъ только къ нему приблизиться и овладѣть властью.

До возвращенія Филарета изъ Польши, имъ владѣла поэтому мать-инокиня, а когда возвратился отецъ, то Михаилъ былъ радъ, что тотъ захватилъ все въ руки, такъ какъ его самого перестали тревожить и нарушать его покой.

Весь день Михаилъ поэтому проводилъ или въ церкви, или ѣздилъ на поклонъ къ матери въ Вознесенскій монастырь, или же къ отцу въ патриаршія палаты; а у себя дома онъ принималъ бояръ и окольныхъ и слушалъ городскія новости и сплетни, иногда выѣзжалъ на соколиную охоту и въ окрестные монастыри.

Но больше всего онъ любилъ потѣшное общество и одновременно у него перебивали: бахари—Климъ Орефинъ, Петрушка Тарасьевъ, Сапоговъ и Богдашка; стомрачей: Богданъ Путята, Гаврилка слѣпой, Янка, Лукашка, Наумъ и Петръ; гусельники: Уѣзда, Богдашка Окатьевъ, Власьевъ и Нѣмовъ; скрыпачники: Богдашка Окатьевъ, Ивановъ, Онашка, нѣмчинъ Арманка.

Постельничій царскій управлялъ этимъ людомъ и часть царицыной золотой палаты занята была для потѣхъ.

Хоромы же царя были скорѣе похожи на дворецъ зажиточнаго боярина, чѣмъ на царскія палаты; только выѣзды его, съ боярами, окольныхъ, конюхами и скороходами напоминали Москвѣ, что въ грановитой палатѣ живетъ царь.

Выѣхалъ Михаилъ Федоровичъ послѣ обѣдни въ тотъ день, когда отецъ Никита представлялся патриарху сначала къ инокинѣ-матери, а потомъ къ отцу.

Патриархъ принялъ сына въ той же комнатѣ, въ которой мы видѣли отца Никиту.

Онъ обнялъ его и поцѣловался съ нимъ, а тотъ потомъ поцѣловалъ у отца руку.

Патриархъ самъ сѣлъ у стола, а сынъ помѣстился на стулѣ противъ него.

— Недобрыя вѣсти, — началъ патріархъ: — отъ свейскаго короля Густава-Адольфа; отказывается онъ сватать за тебя сестру своего шурина курфюрста Бранденбургскаго, Екатерину... Пишетъ онъ, что ея княжеская милость для царства не отступитъ отъ своей христіанской вѣры, не откажется отъ своего душевнаго спасенія.

— И Богъ съ нею, — отвѣчалъ царь Михаилъ.

— Это все, — продолжалъ патріархъ: — мутятъ поляки. Дать намъ сродниться со шведами не хотятъ они, боятся, что будутъ они намъ союзниками, да породнившись съ царскими домами нѣмцевъ, мы поспоримъ тогда и о польской коронѣ.

— Но вѣдь насильно ничего не сдѣлаешь, вздохнулъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ; — а жениться пора, всѣ бояре да и всѣ родственники такъ говорятъ... Годы мои ужъ такіе.

— Была у тебя, сынъ мой, невѣста, и богобоязненная, и добрая, и почтительная, Марья Ивановна Хлопова.

— Да, была она мила моему сердцу: жила во дворцѣ подъ одною кровлею со мною; дружила съ сестрицею моею царевною Татьяною Михайловною, да вотъ лихая болѣзнь приключилась, на вѣкъ испорчена...

— И царица мать-инокиня любила и жаловала ее, царицей нарекла, Анастасьею именовала, въ память бабки твоей Анастасіи Романовны, жены царя Ивана Грознаго, продолжалъ патріархъ.

— Такова воля Божья, — смиренно произнесъ царь Михаилъ.

— А коли-бъ Марья Ивановна была не испорчена, женился бы ты и теперь на ней, мой сынъ?

— Ужъ очинно мила она была моему сердцу, — произнесъ, опустивъ глаза, царь Михаилъ.

— Что же скажешь ты, коль окажется, что она николи испорчена не была, да и теперь жива?

— На то будетъ соизволеніе и твое, и матушки-ино-

кни, я всякое родительское благословеніе приму съ благодарностью.

— Ладно, сынъ мой, сегодня же соберу синклить родственнѣй, бояръ: Ивана Никитича Романова, Ивана Борисыча Черкаскаго, Ѳедора Ивановича Шереметьева, и коль ты соизволишь заѣхать ко мнѣ, то мы совершимъ сыскъ съ Божьей помощью. Только никому не говори, а наипаче матери, пока дѣла не соорудеешь.

— Безпремѣнно пріѣду уже, опосля вечерни,—обрадовался царь, простился съ отцомъ и вышелъ. Послѣ царскаго ухода патріархъ послалъ тотчасъ за родственниками и велѣлъ быть къ себѣ кравчему Михаилу Салтыкову и придворнымъ врачамъ: доктору Валентину Бильсу и лекарю Бальцеру.

Всѣ эти лица съѣхались вечеромъ къ патріарху и оставались въ сѣняхъ, пока не появился царь; когда же тотъ вышелъ изъ колымаги, родственники его пошли за нимъ въ патріаршую переднюю къ засѣданію: столъ со скамьями, а для царя и патріарха кресла; горѣли люстры съ восковыми свѣчами. Патріархъ принялъ царя посерединѣ передней и, поцѣловавшись съ нимъ, повелъ его къ креслу; бояре размѣстились за столомъ. Потребовалъ патріархъ, чтобы окольничій Стрѣшневъ ввелъ Салтыкова.

Вошелъ Салтыковъ, поклонился образамъ, потомъ въ ноги царю, патріарху и синклиту и, поднявшись, оставился противъ царя.

Началъ патріархъ:

— Расскажи-ка, бояринъ Михайло, какъ невѣста царя заболѣла болѣзнію неизлечимою.

Салтыковъ сталъ рассказывать, какъ это прежде онъ дѣлалъ, что невѣста царская страдаетъ болѣзнію прирожденною, колики въ животѣ схватываютъ, а тамъ съ нею обмороки, точно болѣзнь черная.

— Какъ же,—спросилъ патріархъ,—ты узналъ это?

Салтыковъ рассказалъ, что со времени переѣзда

Марья Ивановны во дворецъ часто съ нею случались эти боли, а потомъ она попросила лекарства и онъ взялъ его отъ доктора Бильса и лекаря Бальцера.

Патріархъ велѣлъ позвать врачей. Оба вошли. Докторъ былъ высокій, сухопаръ, съ желтымъ лицомъ; а второй—толстенькій, съ жирными щеками и маленькими глазками.

Войдя, оба иностранца поклонились низко, дотрогиваясь руками до земли.

Патріархъ обратился къ доктору:

— Расскажи-ка намъ, что за болѣсть была у бывшей царской невѣсты Марья Ивановны?

— Болѣсть?.. Онъ вынулъ носовой платокъ, вытеръ носъ и потъ и произнесъ протяжно:—*Dispersia*.

— *Dispersia*,—вторилъ ему помощникъ его, при чемъ обливалъ губы, какъ будто онъ что-то проглотилъ очень вкусное.

— *Dispersia*,—сказалъ патріархъ:—это по-латыни значить расстройство желудка.

— Да, да, святѣйшій патріархъ, расстройство на желудка и на кишка. Бываетъ иногда и *disenteria*, иногда и *febris gastrica*, но я даль... о что, геръ Бальцеръ, мы дали тогда?

— Ревень.

— Да, да, ревень... на водка настой... Хорошо... очень хорошо... и на кишки... и на желудокъ...

— Одинъ порцій довольно,—поддержалъ его товарищъ:—маленка стаканчикъ... у... у... очистить...

— А вы же много отпустили изъ аптеки?—продолжалъ допрашивать патріархъ.

— Одна стклянка большой, чего жалѣтъ; на дворецъ мы не жалѣй,—произнесъ съ достоинствомъ толстый лекарь.

— А ты по скольку давалъ Марья Ивановнѣ?—обратился къ Салтыкову патріархъ.

— Не помню, давно ужъ то было.

— Говори,—грозно произнесъ патріархъ:—иначе допросъ будетъ съ испытаніемъ и со страской.

— Три раза въ день: на тощакъ, предъ обѣдомъ и вечеромъ.

— И сколько времени?—изумился патріархъ.

— Болѣе мѣсяца.

— Для какой же надобности онъ ваялъ у васъ цѣлую стеклянку большую, коли довольно маленькой чарки?—обратился патріархъ къ врачамъ.

— Бояринъ скажите, много на дворецъ больной на животъ,—отвѣчалъ докторъ.

— И на кишки,—дополнилъ толстякъ.

— Довольно, все сказали, теперь идите, гг. лекаря, съ миромъ, а Салтыкова въ темницу до окончанія суда надъ нимъ,—обратился онъ къ стоявшему у дверей залы Стрѣшневу.

— Помилуйте!—завопилъ Салтыковъ, бросаясь на колѣни.

Царь Михаилъ Федоровичъ съ безпокойствомъ за-вертѣлся ужъ на стулѣ и хотѣлъ было изречь прощеніе, да патріархъ ваялъ его за руку, а самъ, поднявшись на ноги, произнесъ грозно:

— Государской радости и женитьбѣ учинили вы, Салтыковы, помѣшку и сдѣлали это измѣною, забывъ государево крестное цѣлованіе и государскую великую милость; и государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ; пожалованы вы были честию и приближеніемъ больше всей братіи своей и вы-то поставили ни во что, ходили не за государевымъ здоровьемъ только и дѣлали, что себя богатели, дома свои и племя свое полнили, земли крали, и во всякихъ дѣлахъ дѣлали неправду; промышляли тѣмъ, чтобы вамъ при государской милости, кромѣ себя, никого не видѣть, а добротства и службы къ государю не показали. Веди его, окольничій, прочь отъ царскихъ очей и въ темницѣ пушай ждетъ свою кару.

Стрѣшневъ вывелъ Салтыкова и тогда семейный совѣтъ рѣшилъ: отправить кого-нибудь за отцомъ и дядей Марьи Ивановны, Иваномъ и Гаврилою Хлоповымъ, проживавшими въ какой-то ничтожной своей вотчинѣ.

Недѣлю спустя, привезли ихъ къ патриарху, и тѣ передали о своей ссорѣ изъ-за турецкой сабли и какъ съ того дня оба Салтыковыхъ, Михаилъ и Борисъ, сдѣлались ихъ врагами.

Отецъ бывшей невѣсты при этомъ объяснялъ болѣзнь дочери отравой, а братъ его Гаврила утверждалъ, что, не привыкши къ сладостямъ, она объѣдалась ими во дворцѣ *).

Патриархъ и царь рѣшились тогда отправить боярина Ѳедора Ивановича Шереметьева въ Нижній-Новгородъ къ бывшей царской невѣстѣ, вмѣстѣ съ придворными врачами и чудовскимъ архимандритомъ Юсифомъ.

Узнавъ объ этомъ отъ Нефѣда Козьмича, о. Никита тотчасъ выѣхалъ обратно домой.

VII.

Не судьба.

Поздняя ночь. Въ Нижнемъ-Новгородѣ зима еще не настала, а только сиверка стоитъ на дворѣ: снѣгъ падаетъ хлопьями и тутъ же таетъ. Вѣтеръ стучитъ наружными ставнями терема Хлоповой и завываетъ въ трубахъ.

Въ опочивальнѣ Хлоповой горитъ восковая свѣча, а печь топится ярко и березовыя дрова трещать въ ней.

Около столика, на мягкомъ топчанѣ сидитъ Хлопова и жена отца Никиты, Прасковья Васиљевна. Обѣ въ

---

*) Удивительно въ этомъ случаѣ то, что, спустя болѣе 150 лѣтъ, невѣста императора Павла, а потомъ первая жена его, Наталиа, страдала тѣмъ же самымъ.

сильной тревогѣ: вотъ ужъ болѣе мѣсяца, какъ уѣхалъ священникъ и о немъ ни слуху, ни духу.

Жена затосковала по немъ и совсѣмъ отбилась изъ дому, сидитъ сиднемъ у Хлоповой и высказываютъ онѣ другъ другу свои чувства.

— Эка ночка,—говоритъ Прасковья Васильевна.—Чай, проѣждему путнику не сладко. А мой-то Ника, гдѣ теперь?

— Богъ дастъ приѣдетъ живехонекъ и здоровехонекъ. Надъсь проходила цыганка, гадала она мнѣ; баить гости будутъ и радость... но...

— Что же дальше?

— Что ни на есть, какая-то злодѣйка мѣшаетъ моей судьбѣ; а про твоего Никиту Миничу сказывала все хорошо,—много, говорить, будетъ у него горя, но и слава будетъ и казны всякой, да сколько бы народу ни было, будутъ всѣ его слушать. Да вотъ и ты-то погадай мнѣ, аль себѣ. Я и бобы твои спрятала.

— Не мои, а тетушки покойной моей. Царство ей небесное, и любила, и умѣла гадать.

Марья Ивановна достала изъ шкафика завернутые въ тряпицу бобы и подала ихъ попадѣ.

Та встряхнула въ рукѣ бобы, потомъ, выкинувъ ихъ себѣ на руку, сказала:

— Странно, мой какъ будто въ пути и спѣшить къ намъ. Постой, боярышня, какъ будто кто-то подѣхалъ къ твоему терему... погляжу...

И съ быстротою молніи она бросилась въ переднюю, а оттуда на крыльцо,—она попала въ объятія мужа: онъ заѣхалъ домой и узнавъ, что жена его у Хлоповой, прямо и поѣхалъ туда.

Радость была невообразимая, когда отецъ Никита разсказалъ объ успѣхѣ своемъ въ Москвѣ и о предполагаемомъ приѣздѣ Шереметьева съ врачами въ Нижній-Новгородъ.

— По дорогѣ,—заклучилъ священникъ:—уже готовятъ

для посольства лошадей и ямскихъ, и земскихъ, и шереметьевскихъ.

Хозяйка была внѣ себя отъ радости и велѣла тотчасъ накормить гостя; все, что было въ домѣ, появилось на столѣ, и отецъ Никита, рѣдко употреблявшій напитки сталъ пить здравицы и за хозяйку, и за жену, такъ что онъ такъ подвыпилъ, что цѣловался и съ женой, и съ Хлоповой.

Оставила Хлопова ночевать гостей у себя во флигелѣ и отецъ Никита не давалъ всю ночь спать женѣ, рассказывая ей о разныхъ диковинкахъ, видѣнныхъ имъ въ Москвѣ и у бояръ.

На другой день Никита Миничъ и жена его принялись за устройство пріема московскихъ гостей.

Городъ же всполошился: пушки заржавѣвшія вычищены, воеводская канцелярія и избы, губныя и земскія,— вымыты, у дома воеводскаго и у терема Хлоповой поставлено по одному фонарю.

Хоромы Хлоповой приготовлены для боярина Шереметьева; хозяйка же сама перешла въ пристройку, а сосѣдніе къ ней дома очищены для свиты вельможи.

Наконецъ, послѣ трехдневнаго трепетнаго ожиданія, явился поѣздъ Шереметьева.

Впереди скакали гонцы, рейтары и казаки, за ними колымага Шереметьева, которую тащили восемь лошадей: четыре въ дышлѣ и по двѣ съ ѣздовыми; за нимъ мчалась колымага архимандрита Юсифа; потомъ слѣдовали колымаги лекарей, свиты боярина и нѣсколько крытыхъ телѣгъ съ поварами и дворовою челядью.

Все это остановилось у терема Хлоповой.

На крыльцѣ встрѣченъ бояринъ воеводою, а въ сѣняхъ приняли его Марья Ивановна съ приставленною для наблюденія за нею старухою, вдовою стольника Стряпухиною и съ родственниками Желябужскими.

Бояринъ съ почтеніемъ отдалъ царской невѣстѣ поклонъ и жалованное слово царя, патриарха и царицы,

спросилъ отъ ихъ имени объ ея здоровьѣ; потомъ вошелъ въ переднюю, поклонился и перекрестился образамъ и снова обратился къ хозяйкѣ съ вопросомъ о здоровьѣ, при чемъ принялъ отъ нея хлѣбъ-соль.

Послѣ того бояринъ сѣлъ въ почетномъ мѣстѣ у иконъ и дворецкій его сталъ вносить подарки царскіе: соболи, разныя матеріи на платья.

Марья Ивановна ничего не брала въ руки, а только восхищалась и за каждую вещь кланялась низко, съ пожеланіями царю и его семейству здравія и многая лѣта.

Послѣ этой церемоніи, хозяйка просила гостя и приближенныхъ къ нему хлѣба-соли откусать,—только хозяйка сама, по обычаю, за обѣдомъ не присутствовала, а вмѣсто нея хозяйничалъ воевода.

Съ слѣдующаго дня началось духовное и врачебное изслѣдованіе—не больна-ли чѣмъ ни на есть Хлопова.

Началъ изслѣдованіе архимандритъ Іосифъ: онъ приказалъ Марьѣ Ивановнѣ цѣлую недѣлю поститься, слушать заутрени, вечерни, часы и обѣдни въ Спасскомъ соборѣ, въ воскресенье же исповѣдаться и приобщаться. Сдѣлано было это для того, чтобы убѣдиться: какъ она выдержитъ „Херувимскую“ и нѣтъ-ли въ ней нечисти духовной.

Все шло въ порядкѣ, а потому въ субботу Шереметевъ призвалъ врачей и сказалъ, что и они должны сдѣлать опытъ въ воскресенье на счетъ желудка, который и погубилъ царскую невѣсту.

Докторъ Бильсъ вынулъ носовой платокъ, высморкалъ носъ и, положивъ его въ карманъ, пронянесъ съ разстановкой и медленно:

- Марья Ивановна постилъ... сколько день?..
- Недѣлю.
- Ухъ, ухъ! На посна масла?
- Да.
- Ухъ! Ухъ!..

— А я,—продолжалъ бояринъ:—велю на воскресенье изготовить кулебяку, кисляя щи съ саломъ свинымъ, бараний бокъ съ кашей, гуся жаренаго съ кислую капустою и яблоками, поросенка жаренаго съ кашей, и если Марьѣ Ивановнѣ будетъ ничего, то и слава Богу, значить русскій человекъ и желудокъ ничего.

— Я не позволяй,—завопилъ докторъ:—мой опытъ на медицинъ...

— Проваливай съ своею медицинъ и съ своею аптекой, испортили ее аптекой.

— Послѣ постъ да такой кушанья, помретъ фрейлейнъ...

Бильсъ при одной мысли о такомъ ужасномъ событіи вынулъ платокъ и вытеръ слезы.

— Пропалъ дѣвка,—говорилъ онъ,—можно-ль, постный желудка... постна масла... а тутъ каша... гуська... поросенка... барашка... кулебяка... Уфъ! Уфъ!

Холодный потъ выступилъ на лицѣ Бильса; товарищъ его, Бальцеръ, однакожъ не возражалъ, а только сильно облизывался, какъ будто онъ всѣ эти блюда перепробовалъ.

Шереметьевъ исполнилъ въ точности опытъ свой: все, что онъ сказалъ, было заказано и Хлопова, въ присутствіи нѣсколькихъ стороннихъ свидѣтельница, должна была разговѣться такимъ обѣдомъ, но каждая порція, назначенная Марьѣ Ивановнѣ, должна была быть предъявлена прежде всему посольству.

Окончилась обѣдня, Хлопова приобщилась и приѣхала домой.

Бояринъ поздравилъ ее со всѣми его приближенными и Марью Ивановну повела жена воеводы къ трапезѣ.

Приставленная къ ней Стряпухина должна была каждую порцію Хлоповой приносить въ столовую, гдѣ обѣдалъ Шереметьевъ со свитою.

Каждая порція была двойная, то есть миска съ верхомъ, обратно она возвращалась пустая.

— Мм... — мычалъ каждый разъ докторъ Бильсъ и спрашивалъ: А чѣмъ фрейлейнъ запивалъ?

— Поль-кружки квасу,—докладывала Стряпухина.

Когда послѣ поросенка съ кашей принесли поль-жирнаго гуся съ кашей и огромными антоновскими яблоками, докторъ протестовалъ.

— Не позволяй;—воскликнулъ онъ горячо:—лопнетъ на животъ...

— Что нѣмцу смерть, то русскому здорово,—расхотался бояринъ.

Стряпухина ушла и черезъ четверть часа возвратилась съ пустою посудю.

— Геръ Бальцеръ,—крикнулъ своему толстенькому товарищу докторъ:—эсъ вирдъ гешеѣнъ ейнъ гросеръ унглокъ, ихъ канъ нихъ аусгалтенъ.

— Чѣмъ запила?—спросилъ бояринъ.

— Кружкой квасу,—отвѣчала Стряпухина.

— Геръ Бальцеръ, умереть...—закричалъ докторъ.

И Бальцера началъ даже прошибать потъ; но и ихъ обѣдъ окончился, а между тѣмъ никто не давалъ знать, что бы съ Хлоповой случилось несчастье.

На другой день посольство зашло въ комнаты Марьи Ивановны, врачи осмотрѣли ее, ея пульсъ и языкъ, и нашли, что она здоровехонька.

Осталось посольство послѣ того еще два дня въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы убѣдиться въ аппетитѣ Хлоповой и врачи-нѣмцы дали ей аттестатъ: что она можетъ быть истинной царской невѣстой, такъ какъ послѣ каждаго подобнаго обѣда она еще съ большимъ аппетитомъ забавлялась: рожками, яблоками мочеными, сушеными грушами и сливами, винными ягодами, изюмомъ, орѣхами и пряниками различнѣйшихъ сортовъ и величинъ, и все это запивалось квасомъ: хлѣбнымъ, клюквеннымъ, яблочнымъ, и заѣдалось вареньемъ: малиновымъ, вишневымъ, смородинымъ и крыжовникомъ; пастилы же разныхъ сортовъ шли не въ зачетъ.

Все это было такъ убѣдительно для нѣмцевъ-врачей, что они, возвращаясь съ Шереметьевымъ, твердили.

— Ахъ! мейнъ Готъ!

Тотчасъ по возвращеніи въ Москву, бояринъ Шереметьевъ отправился съ докладной къ патриарху.

Выслушавъ подробно, какіе опыты были сдѣланы на счетъ Марьи Ивановны, Филаретъ Никитичъ назначилъ на другой же день боярскую думу.

Въ засѣданіе были потребованы оба Салтыковыхъ, отецъ и дядя Хлоповой и все посольство боярина Шереметьева. Выслушавъ дѣло, боярская дума присудила Салтыкова къ ссылкѣ и къ конфискаціи всей ихъ недвижимости въ казну.

По окончаніи суда патриархъ отправился съ окольнымъ Стрѣшневимъ къ царю.

Онъ засталъ того играющимъ въ передней въ шашки съ однимъ изъ придворныхъ.

Придворный тотчасъ удалился и патриархъ объяснилъ сыну, какое рѣшеніе состоялось въ думѣ и при этомъ предъявилъ ему протоколъ или, какъ онъ тогда назывался, запись.

— Да какъ же безъ царицы-матушки?—вспыхнулъ царь:—Салтыковы ея племянники, мои двоюродные, и я къ нимъ такъ привыкъ. Михайло кравчій мой, а безъ него-то ни меду не будетъ, ни винъ заморскихъ, ни романей.

— Сто кравчихъ найду тебѣ,—утѣшалъ его отецъ:— а ворамя, измѣнникамъ поблажки нельзя дать, хотя бы были не токма двоюродные, а родные братья.

— А инокиня-мать!—стоялъ на своемъ Михайлъ.

— Пуцай она повѣситъ себѣ на шею всѣхъ Салтыковыхъ и ихъ воровскія дѣла,—раагорячился патриархъ:—узнаеть она о нихъ тогда, когда они будутъ далеко отъ Москвы,—пуцай тогда за ними ѣдетъ, коли ей будетъ ихъ жаль. Подпиши, говорю тебѣ; коли воровъ и крामолу не собьемъ, не усидишь ты на престолѣ

и будетъ смута такая, какъ при Шуйскомъ. Самозванцы, что день—нарождаются, а польскій король, что день—воду мутить; онъ и теперь всякія книги выпустилъ и на тебя, и на меня. Оставишь Салтыковыхъ, они первые тебѣ измѣнятъ. И теперь ужъ они своевольничали и знать тебя не хотѣли. Выбирай аль Салтыковыхъ, аль меня.

Михаиль съ трепетомъ слушалъ отца и, взявъ перо со стола, утвердилъ приговоръ бояръ, не читая записи. Совершивъ это, онъ тяжело вздохнулъ, утеръ потъ, катившійся съ его лица, и въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ. Патріархъ поцѣловалъ его, простился съ нимъ и вышелъ.

Въ сѣняхъ, передавая окольникъ Стрѣшневу приговоръ думы, онъ произнесъ тихо:

— Передай тотчасъ думному дьяку: Салтыковыхъ чтобы не было въ Москвѣ чрезъ часъ.

Царица инокиня-мать не знала вовсе о происходившемъ, а освѣдомилась объ этомъ тогда лишь, когда Салтыковыхъ сослали и когда вся родня ея поднялась на ноги.

Царица тотчасъ послала за царемъ и за патріархомъ.

Зная, что будетъ буря, онъ нѣсколько дней предъ тѣмъ подъ разными предлогами не пускалъ царя Михаила къ матери, а когда та прислала за ними, то онъ царю Михаилу велѣлъ лечь въ кровать и прикинуться больнымъ, пока гроза не пройдетъ, а онъ-де самъ ужъ все уладить ко всеобщему благополучію.

Царица инокиня-мать занимала подъ свои службы и подъ свою свиту половину Вознесенскаго монастыря; но собственно ея жильѣ состояло изъ двухъ комнатъ: одна изъ нихъ, обставленная мягкою мебелью, коврами и по стѣнамъ множествомъ старинныхъ образовъ въ драгоценныхъ ризахъ, была ея пріемная; вторая—ея спальня.

Ходить по этой передней инокиня-мать и взоры ея бросаютъ молніи, а губы судорожно сжимаются,—она

ждеть свиданія съ мужемъ-патріархомъ и съ сыномъ-царемъ.

Инокія не высока ростомъ, средней полноты, хорошо сохранившаяся женщина; бѣла она лицомъ, темныя брови въ струнку, какъ у молодой особы, глаза немного впавши, но прекрасны, хотя выраженіе ихъ недоброе и вообще лицо гордое, мужественное и повелительное.

Одежда на ней инокини, но воротникъ на шеѣ изъ драгоцѣнныхъ кружевъ и на груди ея алмазный большій крестъ, въ рукахъ же янтарныя четки.

Входитъ въ ея комнату, робко озираясь, дѣвица за двадцать лѣтъ, удивительно похожая на нее; на ней сарафанъ, бѣлая голландская рубаха, дорогія кружева, на головѣ драгоцѣнный вѣнецъ, а на шеѣ жемчугъ, высокой цѣны съ алмазнымъ крестомъ.

— Таня! Слава Богу, хотя тебя отпустили ко мнѣ. Теперь сына не дозовешься!—восклицаетъ мать,—обнимая и цѣлуя дочь.

— Царь заболѣлъ и меня послалъ къ тебѣ, царица-матушка,—произнесла та робко, цѣлуя у матери руку.

— Заболѣлъ! — разсердилась царица: — коли чувствуешь вину предъ матерью, тотчасъ и боленъ.

— Нѣтъ, взаправду боленъ; заходила я къ нему, у него лекаря, а онъ сердечный лежитъ въ постели, желтый, а зубъ на зубъ не попадаетъ, дрожить, точно осинный листъ.

— О Салтыковыхъ онъ ничего тебѣ не байлъ?

— Ничего.

— А патріархъ заѣзжалъ къ нему?

— Нѣтъ.

Инокія опустила на стулъ.

— Они уморятъ меня,—произнесла она задыхаясь:— отцу ничего, коли сынъ боленъ... Танюшка, да вѣдь коли онъ, сохрани Господь, умереть, мы съ тобой сиротами останемся. Никита Ивановичъ Романовъ будетъ тогда царемъ, а мы-то что?.. затворницы... схимницы... будемъ...

Постучался кто-то въ дверь.

— Гряди во имя Господне,—произнесла громко инокиня.

Дверь отворилась и на порогѣ появился патріархъ Филаретъ: на его головѣ, на бѣломъ клобукѣ, сіялъ большой алмазный крестъ, на груди двѣ драгоцѣнныя панагіи, въ рукахъ же іерусалимскія четки.

Инокиня и дочь ея распростерлись предъ нимъ трижды; патріархъ благословилъ ихъ и послѣ того, какъ тѣ поцѣловали у него руку, и онъ обнялъ и поцѣловалъ ихъ.

Поговоривъ о здоровьи, патріархъ попросилъ дочь свою, царевну Татьяну Ѳедоровну, отправиться къ матери-игуменьѣ этого монастыря и передать ей отъ него поклонъ.

Царевна удалилась. Съ минуту супруги молчали.

— Ты звала и меня и сына?—началъ патріархъ.

— Да... хотѣла поговорить съ вами, съ тобою и съ сыномъ. Отъ пріѣзда твоего, сынъ ставитъ меня въ ничто, да и ты только и думаешь, какъ бы мнѣ сдѣлать досаду... Людей моихъ прогоняете, родственниковъ въ ссылку ссылаете, грабите ихъ...

— Награбленное ими неправо возвращается въ казну или лицамъ ограбленнымъ,—пояснилъ патріархъ.

— Вамъ обоимъ дѣла нѣтъ,—горячилась инокиня:—ни до заслугъ сосланныхъ или томящихся въ темницахъ лицъ, ни до слезъ ихъ семействъ и родственниковъ, ни до народнаго говора и негодованія...

— Такъ тебѣ кажется въ келіи, царица; мы съ сыномъ все это принимаемъ во вниманіе; а потому, чтобы утереть народныя слезы, унять народное негодованіе, народную молву и говоръ, мы сослали думнаго дьяка Грамотина и его единомышленныхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ,—все это крамольники, воры, замѣнники и грабители... Вотъ на кого ты намекаешь...

— Грамотинъ честно и вѣрно служилъ мнѣ и сыну моему.

— Тебѣ, царица, быть можетъ, но не сыну твоему. Грамотинъ дерзаль даже ссылаться съ поляками, чтобы меня изъ плѣненія не отпускали, грозя имъ большой бѣдой.

— Это поклепъ, неправда...

— Такая же святая правда, какъ то, что онъ цѣловаль крестъ Шуйскому и Сигизмунду, и Тушинскому вору, и Владиславу, и, наконецъ, моему сыну Михаилу.

— Пуцай, Грамотинъ тебѣ сталъ не любъ изъ-за ревности.

— Царица-инокиня, не срами ни себя, ни меня. Не вызывай моего гнѣва! Ты забыла съ кѣмъ говоришь, съ патріархомъ всероссійскимъ, а патріархъ не можетъ имѣть ревности къ женщинѣ. Я весь предался служенію царству и паствѣ: здѣсь всѣ мои помышленія, всѣ мои думы, здѣсь же коли встрѣчается врагъ или царя, или земли русской,—у меня пощады нѣтъ.

— Громко ты говоришь, святѣйшій, а словомъ не испугаешь... Что сдѣлали царю или землѣ русской Салтыковы? Они служили вѣрой и правдой имъ и Тушинскому вору крестъ не цѣловали,—злостовала инокиня.

— Бросаешь ты, инокиня, камушки въ мой огородъ. Но забываешь ты, что я сосланъ воромъ Годуновымъ въ Ростовъ, лже-Димитрія не зналъ, а Тушинскій воръ вызвалъ меня оттуда, возвеличилъ, обращался со мною какъ съ отцомъ,—я и принялъ его за настоящаго Дмитрія. А когда онъ палъ, цѣловаль я крестъ со всею Москвою Владиславу; потомъ терзали, мучили, чтобы я цѣловаль крестъ отцу его, хотѣли сдѣлать униатскимъ архіепископомъ, первымъ лицомъ въ государствѣ, прима-сомъ,—я отказалъ: вѣры своей не перемѣню.

— Теперь самъ латинство вводишь въ Чудовомъ монастырѣ,—прошипѣла инокиня.

— Дуришь ты, царица,—волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Просвѣщаю я невѣждъ; а безъ греческаго и ла-

тинскаго языка книги порядочной не прочитаешь,—все на этихъ языкахъ... Да и свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всѣхъ, исходитъ изъ книгъ на этихъ языкахъ. Слышала ты звонъ, да не знаешь въ какой церкви, и тоже туда-жъ.

— Ладно, пуцай Грамотинъ воръ, зачѣмъ сослалъ Салтыковыхъ?

— За ихъ воровство, зачѣмъ своевольничали, грабили царскія земли, зачѣмъ творили иныя безчинства, зачѣмъ разрушили царское счастье съ Хлоповой.

— Машка не была его судьба,—она испорчена.

— Все это ложь и неправда, а знаю я лучше, почему имъ не по сердцу была царская невѣста. Боялись они возвышенія Ивана и Бориса Хлоповыхъ, боялись, что будутъ у царя дѣти, и коли я умру въ плѣненіи, въ неволѣ, а царь будетъ безъ дѣтей, то царствомъ будешь править ты, да съ ними да съ Грамотинымъ. Знамо куда оно шло! А Хлопова дѣвица прекрасная, богобоязненная, разумная и будетъ она добрая жена мужу...

— Не будетъ холопка да сибирная женою моего сына!— топнула ногами инокиня:—Изъ-за нея, изъ-за холопки, воровки, сослала моихъ племянниковъ... Ни за что! Ни за что!..

— Царица, губишь ты и царство, и юнаго царя! Гляди, ходитъ онъ точно сонный; взростила ты его въ монастырѣ, а потомъ здѣсь, точно бабу какую; не имѣетъ онъ ни воли своей, ни разума...

— Онъ дуракъ, по твоему?

— Не говорю я это, а кровавыя слезы лью, какъ вспомню, что будетъ съ нимъ и съ царствомъ, коль я умру. Кругомъ враги: шведы, ливонцы, поляки, татары,— да насъ растерзають на части. А тутъ Михаилъ безпотомственъ. Бога ты не боишься: ему ужъ скоро третій десятокъ пойдетъ, и не женатъ... Посылали мы къ королямъ датскому и шведскому взять оттуда невѣсту, да поляки губятъ дѣло. Мы-де варвары, людоѣды, а жены наши-де пьяницы.

— Нужно взять чужеземку, своихъ не хочу. Наши холопки... презрѣнная тварь... сволочь...

— Иноземки вѣры не хотятъ нашей принять; такъ возьми себѣ въ невѣстки Хлопову, царь Михаилъ говорилъ: она ему-де сердечна,—убѣждалъ патріархъ.

— Да мнѣ не по сердцу. Коли затѣнешь сватовство,—благословенія не дамъ.

— Прошу, умоляю тебя, царица,—и патріархъ поцѣловаль у нея руку.

— Понимаю теперь все... все такъ ясно; тебѣ Хлопова Машка дорога... очень дорога... Отписываль ты грамоту изъ плѣненія: взять Машку ко дворцу, какъ царскую невѣсту, Хлоповы-де въ Тушинѣ были вѣрными мнѣ слугами и въ болѣзни моей жена Ивана, Ирина, ходила за мною, какъ за братомъ, а дочь ея Марья радовала мои очи и вспоминаль я дочь мою дорогую Татьяну... Такъ отписываль ты, а теперь хочешь, чтобы дочь полюбовницы твоей была моей невѣсткой... Николи... скорѣе смерть, чѣмъ грѣхъ такой...

— Царипа, гнѣвъ безуменъ, опомнись, что говоришь ты. Ирина давно умерла и не черни ея памяти безъ причины,—это грѣхъ великій. Но коли ты сказала ужъ такое слово, такъ не быть ей моею дорогою дочерью, не быть ей царицей... А сына все женить надоть. У князя Владиміра Долгорукова дочь Марья; люди баютъ, она умна, хороша, богобоязненна, да и именитаго она рода.

— Не будетъ она женою моего сына,—князь Владиміръ врагъ моему роду, вспылила царица-инокиня.

— Полно дурить, разсердился патріархъ:—твой родъ не царскій домъ; домъ этотъ — домъ Романовыхъ, и коли Долгорукіе князя этого дома, такъ ты съ своимъ-то не суйся.

— Не дамъ благословенія,—упорствовала инокиня.

— Нѣтъ, дашь!—вскочивъ съ мѣста, воскликнулъ патріархъ, весь дрожа отъ гнѣва:—Вступлю я въ права

мужа и патріарха, не сприсясь царя, возьму тебя въ пытку и всѣхъ твоихъ бояръ. Повинитесь вы тогда во всѣхъ своихъ неправдахъ, козняхъ, крамолахъ и воровствахъ, и тогда—горе вамъ! И Грамотинъ и многіе иные всплывутъ наружу, и будетъ казнь вамъ такъ страшна, что самъ царь Иванъ Грозный съ Малютой да Вяземскимъ дрогнуть въ гробу. Завтра, инокиня, пріѣдетъ къ тебѣ сынъ твой, царь Михаилъ, и уповаю, ты дашь ему свое благословіе. Клянись передъ иконой.

Во все время этой рѣчи царица блѣднѣла и трепетала, и когда патріархъ кончилъ, она упала на колѣни и произнесла:

— Клянусь!.. Ладно...

Филаретъ посмотрѣлъ на нее съ минуту сурово, потомъ тихо и величественно вышелъ изъ ея келіи.

— Не судьба моему сыну Хлопова,—вдохнулъ онъ, садясь въ колымагу.

VIII.

Переѣздъ отца Никиты въ Москву.

Съ отъѣздомъ боярина Шереметьева въ Москву страшное предчувствіе овладѣло и Хлоповой, и отцемъ Никитою, и его женою. Злодѣйка, о которой говорила цыганка, не выходила у первой изъ головы и она смущала ея своихъ друзей. Священникъ, сколько могъ, утѣшалъ и успокаивалъ ее, но вскорѣ была получена воеводою грамота—удвоить кормы бывшей царской невѣсты, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій причинъ.

Друзья ея поняли, что это начало царской милости и что впереди остальное; но проходить еще одинъ томительный мѣсяцъ и изъ Москвы нѣтъ никакихъ вѣстей.

Хлопова просто изнываетъ. Поговорили между собою ея друзья, и отецъ Никита вновь пускается въ путь: второй нижегородскій воевода ѣдетъ туда по дѣламъ

своимъ и беретъ его съ собою. Приѣхавъ въ Москву, священникъ останавливается въ какомъ-то подворьѣ и идетъ къ Нефеду Козьмичу.

Нефедъ встрѣчаетъ его радостно, обнимаетъ и цѣлуетъ, но когда тотъ нетерпѣливо спрашиваетъ его, какъ рѣшена судьба Хлоповой, Нефедъ смущенно садится и говоритъ:

— Патріархъ сказалъ „Не судьба!“ Царица-де мать не дала благословенія за ссылку Салтыковыхъ.

— И что же дальше?

— Царь обрученъ съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой, и я, увы и ахъ *), долженъ въ церкви при вѣнчаніи держать фонарь,—вотъ все, что могу передать. Патріархъ самъ и огорченъ, и озлобленъ: сходи къ нему, онъ радъ будетъ тебя видѣть.

Съ этими словами священникъ простился съ Нефедомъ Козьмичемъ и ушелъ.

Недѣлю спустя отецъ Никита сидѣлъ уже въ Нижнемъ съ своею женою, въ своемъ домикѣ.

Онъ только что возвратился изъ Москвы и супруги толковали, какъ предупредить Хлопову о постигшемъ ее несчастіи.

Слезы лились у нихъ изъ глазъ; но вотъ обрадовала его жена: она почувствовала ребенка, она—мать...

Въ этотъ мигъ вошла къ нимъ Марья Ивановна. Увидавъ священника, у нея замерло сердце; по условію, онъ долженъ былъ изъ Москвы прямо заѣхать къ ней.

— Говори скорѣй, отецъ Никита, что царь:—произнесла она задыхаясь и опускаясь на ближайшій стулъ.

Прасковья Васильевна бросилась къ ней, и обнимая и цѣлуя ее, со слезами произнесла:

— Не судьба, видно, твоя царь...

— Кто-жъ мѣшаетъ моему счастью?

— Не патріархъ и не царь...

---

*) Тогдашнее современное восклицаніе.

— Догадываюсь... царица...

— Да царица,...

— Недаромъ, хотя она меня миловала, а сердце мое не лежало къ ней. Царь женится?

— Женится, на Долгорукой, княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ,

— И скоро свадьба?—какъ-то бессознательно и безумно спросила Хлопова.

— Скоро, послѣ Филипповскаго поста.

Хлопова упала безъ чувствъ на полъ.

Священникъ позвалъ людей, перенесъ ее въ ожидавшій ея возокъ и отвезъ ее домой.

Заболѣла Хлопова горячкой, пролежала почти всю зиму, а на весну хотя и встала съ постели, но ее узнать нельзя было: изъ прежней здоровой и свѣжей дѣвицы сдѣлалась тѣнь. Ходить она молчаливая и только кашель прерываетъ тишину ея уединенія; никто отъ нея никогда не слышитъ жалобы, какъ будто все прошлое умерло.

Часто посѣщаетъ ее отецъ Никита и его жена; она принимаетъ ихъ съ явною радостью, но въ разговоръ съ ними не вступаетъ, а отвѣчаетъ только: да или нѣтъ.

Но вотъ наступаетъ свѣтлый праздникъ. Для Хлоповой это былъ прежде великій день: ее весь Нижній-Новгородъ очень любилъ и являлся съ поздравленіемъ. Поэтому вся страстная недѣля бывало проходила у нея въ приготовленіи къ приему гостей. Большіе столы нагромождались разнымъ варенымъ, печеньями и напитками; а теперь хотя о чемъ-то хлопочетъ и что-то дѣлаетъ Стряпухина, но хозяйка совершенно безучастна.

Гости однако-же въ первый день праздника посѣщаютъ ее по старинному, поздравляютъ, а она сидитъ у окна, покашливаетъ, отмалчивается и какъ будто кого-то ждетъ.

Въ такомъ состояніи засталъ ее и отецъ Никита. Онъ подошелъ къ ней,—она его узнала, приняла отъ него

просфору, похристосовалась и улыбнулась, что она давно уже не дѣлала.

Она указала ему мѣсто близъ себя.

— Не простудиться бы тебѣ, боярышня, у окна?—сказаль онъ.

Та махнула рукой.

— Скорѣи конецъ придетъ. Всѣ разошлись, никого нѣтути, а я хотѣла съ тобою, отецъ Никита, поговорить. У меня лежитъ на душѣ одно: не знаетъ царь Михаилъ, какъ я его любила... какъ любила; знала я его любовь ко мнѣ. Знаю, кто наговорилъ на меня и кто сосланъ... И онъ-то въ своемъ царствѣ, да и въ своемъ домѣ въ неволѣ... Сколько разъ говорилъ онъ мнѣ. „Не хотѣлъ я царствовать, но меня приневолители, грозили и карой неба, и карой народа: заставили меня сѣсть на престоль, и жду не дождусь возврата отца, передать ему и царство, и бояръ. Бояре заѣли меня, а матушка-инокиня не меньше ихъ. Люблю я тебя, Машенька, люблю больше жизни, и за тебя бросилъ бы царство и уѣхаль бы на край, конецъ свѣта; но мать не даетъ благословенія, а безъ ея благословенія, какая жизнь будетъ!“ Вотъ что говорилъ сердечный на прощанье со мною, когда меня поволокли въ Тобольскъ. И ѣхала я туда радостная, какъ на пирь, и любовь его сіяла мнѣ, какъ ясное солнышко, и было мнѣ весело такъ переносить трудности пути и недостатка... Теперь здѣсь и хоромы хороши, и наполнилъ царь мой теремъ, какъ чашу, но любовь его погасла и погасла моя жизнь...

Отецъ Никита сталъ ее утѣшать. Она взяла его руку и приложила къ своему сердцу.

— Видишь, какъ оно бьется при одной думѣ о немъ, какъ бы оно билось, коли-бъ онъ былъ близокъ отъ меня, коли-бъ мнѣ позволили лишь взглянуть на моего яснаго сокола!.. И неужели ты думаешь, что это сердце не вѣщунъ? Оно чувствуетъ, что нѣтъ болѣе любви ко мнѣ царя. Если бы онъ меня любилъ, какъ прежде, онъ бы

заставилъ мать дать свое благословеніе, аль не женился бы на другой. Чѣмъ дальше, бають люди, отъ глазъ, тѣмъ дальше отъ сердца,—меня и упрятали сначала въ Тобольскъ, потомъ въ Верхотурье, а теперь сюда... И ушла я изъ его сердца и уйду въ могилу.

Она сильно раскашлялась и кровь пошла у нея изъ горла.

Отецъ Никита позвалъ Стряпухину; та вошла и перевела больную въ ея опочивальню.

Ночью потребовали къ ней священника для исповѣди, причастія и соборованія, тотъ собралъ тотчасъ другихъ окрестныхъ священниковъ и явился къ ней.

Хлопова какъ будто очнулась, когда священники къ ней зашли. Сначала отецъ Никита исповѣдалъ ее, потомъ приобщилъ и, наконецъ, ее торжественно пособоровали.

Она какъ будто успокоилась, но полчаса спустя съ нею сдѣлалась агонія и ее не стало.

Ее торжественно похоронили на мѣстномъ кладбищѣ и ежедневно отецъ Никита и его жена стали посѣщать ея могилку и украшать ее цвѣтами.

Вскорѣ жена отца Никиты родила, но не благополучно: дѣло Хлоповой и ея кончина сильно на нее повліяли.

Мужъ ея тоже затосковалъ; чтобы разсѣяться и убить печаль, онъ еще усерднѣе взялся за поученіе своей паствы.

Но на это его товарищи, священники, глядѣли какъ на еретичество и латинство и подбивали фанатиковъ прихожанъ говорить ему дерзости на улицѣ и чуть-ли не хотѣли побить его камнями.

Однажды онъ даже получилъ подобную письменную угрозу.

Жена посовѣтовала ему ѣхать въ Москву.

Онъ отписалъ объ этомъ грамотку Нефеду Козьмичу и скорѣ былъ полученъ патріаршій указъ о переводѣ его туда.

IX.

Хоть тресни да женись.

Переѣхалъ отецъ Никита въ Москву и думалъ: вотъ гдѣ я отдохну душой, да и жена моя оживеть.

Въ началѣ и казалось, что оно такъ будетъ: онъ устроился въ церковномъ своемъ домикѣ скромно, но уютно, и радъ былъ, что Нефедъ Козьмичъ былъ отъ него недалеко.

Почти ежедневно онъ заѣзживалъ къ нему и они вдвоемъ какъ бы слились душой.

Не была ни у одного, ни у другого въ утайкѣ ни одна мысль, ни одно чувство.

Часто говорили они о несчастной Хлоповой и объ ея смерти; но Нефедъ Козьмичъ утѣшалъ его тѣмъ, что для счастья Руси, быть можетъ, и лучше, что царь женился на Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой, такъ какъ и по красотѣ, и величью, и по уму — это истинная царица.

— Притомъ,—прибавлялъ Нефедъ:—коли, да сохрани Господь, умереть патриархъ, Долгорукіе не позволятъ наступить себѣ на ногу и въ царской думѣ будутъ не послѣдніе. Не дадутъ они въ обиду ни земли русской, ни царя.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого, Нефедъ возвратился торопливо домой и былъ необыкновенно пасмуренъ.

Въ сильномъ волненіи ходилъ онъ взадъ и впередъ по передней, въ ожиданіи прихода отца Никиты, за которымъ онъ послалъ.

Когда священникъ вошелъ, онъ испугался; какъ говорится, на Нефедѣ не было видно лица.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Идемъ куда-нибудь, чтобы насъ челядь не могла слышать: случилось большое несчастье...

Онъ отвелъ его въ свою опочивальню, осмотрѣлъ ее, какъ бы боясь, что кто-нибудь не спрятался ли ихъ подслушать.

— Несчастье, и несчастье такое, что и сказать нельзя... Я только что отъ патріарха, — онъ въ отчаяніи... Невѣстка, невѣстка, на которую онъ возлагалъ для русской земли столько надеждъ, сильно захворала... и... и нѣтъ никакого спасенія...

Отецъ Никита поблѣднѣлъ и задрожалъ, — такъ извѣстіе это поразило его.

— Кто же окружалъ царицу? — воскликнулъ онъ.

— Все ея, царицы-инокини, родственники. Давно уже они сплетничали патріарху, что она-де испорченная: то смѣется, то плачетъ; что она нѣжнаго сложения, а тутъ вдругъ заболѣла, нельзя добиться отъ нея, отчего она захворала; можетъ быть она скажетъ духовнику, но теперешній ея духовникъ — другъ царицы-инокини, и если даже та скажетъ ему что-либо, то онъ утаитъ правду... Мнѣ и пришла мысль предложить патріарху тебя, отецъ Никита, въ духовники, согласишься ли ты на это тяжелое дѣло?

— Соглашаюсь и готовъ жизнь отдать за правду, — воскликнулъ священникъ.

— Иного отвѣта отъ тебя и не ждалъ. Вдемъ къ патріарху.

Пріѣхавъ къ отцу царя, Нефедъ прямо повелъ безъ доклада отца Никиту въ комнату, въ которой патріархъ принималъ его уже единожды.

Филаретъ явно ихъ ожидалъ, и послѣ обычныхъ земныхъ поклоновъ ихъ, онъ обратился прямо къ священнику:

— Радъ тебя вновь видѣть у себя. Тебѣ ужъ, вѣроятно, передалъ Нефедъ Козьмичъ о постигшемъ царя, меня и землю русскую горѣ. Царица сильно захворала, на духу она, быть можетъ, сознается, въ чемъ ея болѣзнь. Именъ чловѣкъ, который бы заставилъ ее ска-

зать правду. Нефедъ Козьмичъ и я находимъ, что ты лишь одинъ способенъ это сдѣлать.

— Благодарю святѣйшаго патріарха за довѣріе ко мнѣ, но не слишкомъ ли много возлагаетъ на меня патріархъ?

— Нѣтъ, не много. Ты краснорѣчивъ и съумѣешь ея убѣдить на духу.

— Быть можетъ, съ помощью Божьею...

— Но помни, — все, что она скажетъ тебѣ, ты долженъ безъ всякой утайки передать мнѣ, какъ патріарху.

— Само собою разумѣется, я обязанъ святѣйшему патріарху передать все, что онъ требуетъ.

— Этого мало, — обѣщаешься ли ты подтвердить все то, что услышишь на духу, даже и подъ пыткой?

— Обѣщаюсь.

— Въ такомъ разѣ сейчасъ я поѣду къ царю, а ты поѣдешь съ моею свитой.

— Слушаюсь.

Священникъ и Нефедъ Козьмичъ вышли въ сѣни, въ ожиданіи Филарета.

Экипажи подали, Нефедъ, получивъ благословеніе патріарха, уѣхалъ домой, а патріархій поѣздъ, въ которомъ находился и отецъ Никита, двинулся къ грановитой палатѣ *).

Оставивъ свиту въ сѣняхъ, патріархъ вошелъ въ переднюю; тамъ толпились бояре; они всѣ пали ницъ передъ святѣйшимъ и тотъ, благословивъ ихъ, пошелъ впередъ къ царю, который находился въ своей опочивальнѣ.

Здѣсь онъ засталъ обоихъ придворныхъ лекарей: Бильса и Бальцера.

Царь далъ имъ знакъ выйти; онъ поцѣловался съ отцомъ и потомъ приложился къ его рукѣ.

*) Дворецъ Романовыхъ былъ отстроенъ въ концѣ лишь царствованія царя Михаила и въ него переселился Алексѣй Михайловичъ, при вступленіи его на престолъ.

— Что больная?—спросилъ патриархъ.

— Лекаря говорятъ — нѣтъ надежды,—ломаль руки царь и горько зарыдалъ.

— Что за болѣсть у нея? Что бають лекаря?

— Ничего, говорятъ, должно быть во внутренности что ни на есть испорчено, аль печень, аль селезенка, аль почки, аль кровь, аль желудокъ, аль легкія; да сглазъ, аль наговоръ, аль волшебство.

— А царица сама что баить?

— Ничего, стонеть, крихтитъ, аль закричить: „Горить голова, въ животъ точно жжетъ что, ой! моя смерть пришла“.

— Кто при ней?

— Боярыни, все отъ матушки.

— Заходилъ ты къ ней?

— Заходилъ, да боярыни бають, не пригоже-де мужчинѣ быть, коли баба въ болѣсти,—болѣсть-де сильнѣе становится... Хотѣлъ бы поглядѣть на нее, хотѣлъ бы поговорить съ нею, тѣ не пуцають, говорятъ инокиня-царица подъ страхомъ страшной кары имъ наказала.

— А царица требуетъ тебя?

— Какъ не требуетъ,—плачетъ, мечется, зоветъ къ себѣ на помощь: „Ратуй, соколикъ ясный, красное мое солнышко, покинулъ ты меня“,—кричитъ она.

— Въ такомъ разѣ идемъ къ ней.

— А матушка-царица?—затруднялся царь Михаилъ.

— Иди за мною,—одинъ я буду въ отвѣтъ.

Онъ взялъ его за руку, и они, пройдя рядъ комнать и корридоровъ, очутились въ передней молодой царицы.

Она была биткомъ набита боярынями и придворными дамами.

Патриархъ благословилъ ихъ и хотѣлъ войти въ спальню царицы. Боярыни стали на дорогѣ и одна изъ нихъ сказала:

— Царица-инокиня наказала не пуцать-де.

— Вонь! Чтобы и духомъ вашимъ не пахло во дворцѣ впредь до царскаго указа!

Въ секунду всѣ боярыни окаменѣли, но повелительный жестъ и видъ патріарха заставилъ ихъ обратиться въ бѣгство.

Патріархъ и царь очутились въ опочивальнѣ царицы.

Опочивальня была устлана коврами, по угламъ множество образовъ въ драгоценныхъ ризахъ, комната заставлена стульями, топчанами и низенькими татарскими столами въ видѣ табуретокъ, съ перламутровою инкрустаціею. Массивная кровать съ перинами и множество подушекъ высилась посреди опочивальни. На одномъ изъ столиковъ виднѣлся драгоценный золотой рукомыльникъ и такая же чашка.

Въ комнатѣ было нѣсколько женщинъ боярынь, боярская-боярыня, постельничья и нѣсколько другихъ.

Царица была на ногахъ, а не въ постели, и одѣта, какъ обыкновенно она одѣвалась въ будни, т. е. на ней былъ изъ толстой парчевой матеріи сарафанъ, а поверхъ него росписная кофта.

Глаза ея горѣли лихорадочнымъ огнемъ, чудныя темнорусыя ея кудри немного выглядывали изъ-за парчеваго платка, украшавшаго ея голову; лицо горѣло, а глаза немного впали. Увидя, царя и патріарха, она сдѣлала шагъ впередъ, упала на колѣни и закричала:

— Спасите... спасите... никто не хочетъ мнѣ помочь. Лекарство врачей противно... омерзительно... оно еще хуже жжетъ мнѣ внутренность, а боярыни вливаютъ его мнѣ насильно въ ротъ... Прошу воздуха, свѣта... прошу, чтобы меня пустили домой, къ родителямъ... не пуцаютъ... Прошу, допустите моего соколика... моего мужа... хочу проститься, не пуцаютъ... А всѣ-то боярыни такъ и лѣзутъ изъ другой комнаты: дескать, царица ихъ умираетъ, подѣли при жизни свое добро... Гдѣ тутъ дѣлать, коли все нутро горитъ и печетъ огнемъ...

— Идите прочь отсюда, людоѣды, и ждите въ передней,—крикнулъ патриархъ.

Боярыни удалились поспѣшно.

Филаретъ поднялъ стоявшую на колѣняхъ и рыдавшую царицу.

— Что тебѣ, дочь моя?—говорилъ онъ нѣжно.—Какая лихая бѣда тебѣ приключилась?

— Сама не знаю, святой отецъ... Вотъ ужъ второй день... схватило что нутро... жжеть, печеть.

— Не даль-ли кто тебѣ зелье какое ни на есть? Не имѣешь на кого сумленія?

— Ни на кого,—только прошу льду... льду дайте... проглочу, быть можетъ, не такъ жечь будетъ...

— Льду!—крикнулъ блѣдный и дрожащій царь, взглянувъ въ дверь передней. Потомъ онъ подошелъ къ царицѣ и обнялъ ее; она повисла у него на шеѣ.

— Давно... давно бы такъ... и легче мнѣ какъ будто при тебѣ... и не такъ страшно... да и умирать легче будетъ... Не оставляй... не оставляй меня, соколикъ.

— Мы съ тобою останемся... съ тобою... не покину я тебя, голубку мою,—успокаивалъ ее царь.

— Не желаешь-ли исповѣдываться и приобщиться?—спросилъ патриархъ:—Можетъ быть получишь облегченіе отъ благодати Божьей.

— Желаю... желаю... только прежде льду... льду давайте...

Одна изъ боярынь принесла на тарелкѣ ледъ въ кусочкахъ и ушла.

Царица стала глотать жадно ледъ.

— Какъ будто легче,—произнесла она тихо,—только силы оставляютъ меня... Священника... Тоже хочу проститься съ царевной Татьяной Ѳедоровной да съ родителями моими... Пошлите, пошлите поскорѣй... да моего духовника не хочу, онъ прежде все поразспросить, потомъ идетъ къ царицѣ-инокинѣ и наговорить... Дайте другого, да только не его...

Патріархъ вышелъ распорядиться, а царь остался съ женой. Онъ хотѣлъ поцѣловать ея въ губы.

— Что ты дѣлаешь?—крикнула она, отталкивая его:— Коли во мнѣ зелье, то и ты отравишься. Лучше пу- щай я одна умру за любовь мою къ тебѣ. Не знаешь ты, мой царь, мой соколикъ, мой мужъ, какъ любить тебя твоя Мапа, и жаль мнѣ такъ молоду умереть, но еще жальче—умреть со мною и дитя наше... А я его уже такъ горячо люблю... такъ люблю... какъ будто оно на рукахъ у меня... улыбается ко мнѣ... и ручки протяги- ваетъ... Миша!—крикнула она, обнявъ его горячо и цѣлуя его щеку,—въ первый разъ я тебя, царь, осмѣ- ливаюсь такъ назвать и прошу, позволь тебя называть такъ до кончины моей! ты не казнишь меня, и такъ меня ужъ казнили за любовь мою. А Мишей я тебя называла всегда въ моихъ думахъ, и колибъ родился сынъ, и его назвала бы Мишей... Да, Миша, никто на свѣтѣ такъ не любилъ тебя и не будетъ любить, какъ я... Вѣдь мои-то думы и помышленія всѣ были о тебѣ.

Въ это время возвратился патріархъ съ отцомъ Ни- китой.

Высокій ростъ, темнокаріе умные глаза, красивая бородка и представительный, добродушный видъ отца Никиты произвели пріятное впечатлѣніе на царицу.

— Благодарствую,—сказала она.

Царь и патріархъ удалились.

Царица поглядѣла съ минуту на отца Никиту, по- томъ опустила на колѣни передъ иконами и стала тихо шептать молитвы, потомъ священникъ накинулъ на голову ея эпитрахиль и началъ съ нею духовную бесѣду...

Царь и патріархъ удалились въ опочивальню царя и приказали, когда исповѣдь и причастіе окончатся, велѣть священнику прійти къ нимъ.

Оба были очень встревожены, а потому у нихъ раз- говоръ не клеился.

Раздались вдругъ поспѣшные шаги и вбѣжалъ священникъ.

— Царица умираетъ!—крикнулъ онъ.

Патріархъ и царь бросились въ опочивальню царицы: они застали ее въ агоніи на одномъ изъ топчановъ. Вокругъ нея толкались ужъ боярыни,—онѣ укладывали ее въ кровать.

Нѣсколько минутъ спустя, она, какъ мраморная, лежала ужъ въ постели, и чрезъ нѣкоторое время лицо ея начало покрываться черными пятнами.

Царь и патріархъ въ различныхъ углахъ неутѣшно рыдали...

Усопшую выставили на нѣсколько дней для поклоненія народа въ приѣмной грановитой, потомъ въ Успенскомъ соборѣ, и похоронили.

Все это было роскошно, пышно и трогательно, но царицу этимъ не воскресили.

Послѣ похоронъ и поминальнаго обѣда патріархъ потребовалъ къ себѣ отца Никиту.

— Я такъ огорченъ и убитъ смертью царицы,—сказалъ онъ,—что потерялъ голову и не имѣлъ даже времени поразспросить тебя, что говорила она тебѣ на исповѣди.

Отецъ Никита прослезился и произнесъ съ волненіемъ:

— Это былъ ангель... и царь, и ты лишились его. Она говорила мнѣ о любви своей къ царю и къ вамъ, святѣйшій отецъ... Говорила, какъ благодарна вамъ, хотя она никогда объ этомъ вамъ не высказывала. Скорбѣла, что съ нею умираетъ и дитя ея во чревѣ. Говорила она о своихъ грѣхахъ, но грѣхи у нея ангельскіе. Простила она свою убійцу... и молилась за нее.

— Убійцу! — вздрогнулъ патріархъ. — И произнесла она имя убійцы?—прошепталъ онъ, сжавъ кулаки.

— Послѣ долгаго увѣщеванія, произнесла, для того, чтобы я молился о ней.

— И кто убійца?

Отець Никита медлилъ.

— Говори, кто убійца, или подь пыткой сжажешь!—
крикнулъ патриархъ.

— Не боюсь я пытки; щажу твое и царя сердце.

— Говори, коль я былъ бы убійцей, то и меня не жалѣй... не щади... говори правду... какъ и гдѣ ей дали зелья?

— Въ Вознесенскомъ монастырѣ.

— У царицы-инокини? Боже, я предчувствовалъ...
Какъ же это было?

— Былъ праздникъ; почившая царица заѣхала къ царицѣ-инокинѣ, захотѣлось ей пить, и инокиня повела ее въ свою опочивальню и налила ей квасу въ золотую чару... Та выпила и по дорогѣ она почувствовала что-то неладное... потомъ хуже и хуже...

— И почившая думала...

— Что царица-инокиня дала ей...

— Что, говори?

— Зелья, отъ котораго она умерла.

— Убійца... инокиня... царица-мать,—какъ безумный ходилъ по комнатѣ и потирая лобъ твердилъ патриархъ.— Невѣроятно... какъ будто сонъ... Слушай,—остановился онъ предъ священникомъ:— и ты будешь свидѣтельствовать и подь пыткой?

— Хоша жгите.

— Нѣтъ, не годится, ты клянись лучше, что никому, никому не скажешь,—это убьетъ царя; да и народъ, что скажетъ? въ царскомъ-де домѣ другъ друга заѣдаютъ, убиваютъ, точно звѣри лютые. Нѣтъ, не говори никому, а коли скажешь кому ни на есть, то нѣтъ пытки, нѣтъ казни, которая не постигла бы тебя. Помни: тогда лишь смѣй произнести имя убійцы, коли я тебѣ прикажу. Теперь ступай съ миромъ, — спасибо за вѣрность и правду. Но повторяю снова: помни, что и во снѣ нельзя проговориться, не спи ни съ кѣмъ даже въ одной ком-

натѣ, и знай, что и стѣны имѣють уши... Клянись, что это сдѣлаешь?

— Клянусь.

— Теперь ступай и знай—милость моя тебѣ на вѣкъ

Когда священникъ удалился, Филаретъ бросился вонъ изъ маленькой своей комнаты и заходилъ быстрыми шагами по своимъ обширнымъ палатамъ; онъ просто задыхался отъ волненія.

Множество мыслей мелькали у него въ головѣ, и вдругъ остановившись, онъ крикнулъ окольникяго Стрѣшнева.

Окольникій ждалъ всегда его приказаній въ передней.

Лукьянъ Стрѣшневъ тотчасъ явился на зовъ владыки.

— Лукьянъ,—сказалъ онъ:—нѣсколько разъ я хотѣлъ спросить, какъ зовутъ твою дочь?

— У меня двѣ.

— Да ту, знаешь, когда я былъ у тебя въ послѣдній разъ... такая нѣжненькая, бѣлая, съ темно-синими глазами... съ ямочками на щекахъ... ты еще подводилъ ее подъ мое благословеніе.

— Авдотья,—обрадовался Стрѣшневъ, что владыка обратилъ вниманіе на его дочь.

— Евдокія,—поправилъ его Филаретъ и продолжалъ лихорадочно:—тотчасъ бѣги домой... окружи ее близкими родственниками... не дай ее извести...

— Святѣйшій патріархъ, ты пугаешь меня... Развѣ семьѣ моей грозитъ опасность или—ей?

— Бѣги, говорю тебѣ тотчасъ... береги ее... ты головой отвѣчаешь за единый ея волосъ... и ко мнѣ не показывайся... дома сиди и береги свою дочь, пока я не позову тебя... Слушайся же, коли я приказываю.

Стрѣшневъ побѣжалъ опростертою домой и по дорогѣ думалъ:

— Ужъ не испорченъ и не рехнулся-ли святѣйшій? Но какъ сказать женѣ о приказаніи патріарха? Онъ заблагоасудилъ лучше заболѣть, лечь въ кровать и

подъ предлогомъ, что ему скучно и чтобы дочь за нимъ ухаживала, онъ задержалъ ее близь себя, въ своей опочивальнѣ, а вечеромъ, отпуская отъ себя, онъ просиль, чтобы жена брала ее на ночь съ собою въ кровать.

Прошло между тѣмъ сорокъ дней траура, который тогда существовалъ при дворѣ на случай смерти царя или царицы. Отслужены были панихиды по умершей и послѣ поминальнаго обѣда патриархъ поѣхалъ навѣстить царицу-инокиню въ Вознесенскій монастырь.

Царица, послѣ смерти ея невѣстки Марьи Владиміровны, или прикинулась или была въ дѣйствительности больна, но встрѣтила она мужа кряхтя, охая и жалуясь на разные недуги.

Патриархъ выслушалъ это снисходительно, но съ нетерпѣніемъ. Когда же она кончила, онъ обратился къ ней:

— Царица, ты все говоришь о болѣсти тѣлесной, а о душевной не упоминаешь: развѣ не болѣетъ твоя душа, что Богъ прибралъ нашего ангела Марью Владиміровну?

— То воля Божья, — вздохнула инокиня, поднявъ вверхъ глаза.

— Воля-то воля Божья, но развѣ не скорбитъ твоя душа, что ангела не стало, что царь Михаилъ вновь безъ жены, да и безъ потомства?

— Женъ не стать искать: ихъ много на свѣтѣ, а вотъ мать едина,—бросила ему шпильку инокиня.

— Такъ нужно искать ему жену и ищи,—произнесъ сдержанно патриархъ.

— Ужь ты ищи... Ты отыскалъ и Машку Долгорукую, заставилъ дать свое благословеніе, вотъ и покаралъ Господь за обиду матери.

Патриархъ вспылить, но удержался.

— Царица,—произнесъ онъ спокойно:—я въ заправду думаю день деньской о сынѣ; не хочешь ты, чтобы у него было потомство,—я это понимаю... понимаю и цѣли твои, но этого не будетъ... я снова женю сына.

— И безъ моего благословенія?

— Хоша бы и безъ твоего благословенія.

— Кто же будетъ моею царицей, — разсердилась инокиня.

— Твоей и моей царицей будетъ Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, дочь моего окольникьяго.

— Авдотья! — вспылила инокиня: — да это будетъ на смѣхъ курамъ! Щуплая... двѣ помойныя ямы среди щекъ... Да и Стрѣшневые — хамы... Не будетъ моего благословенія... и поглядишь и она околѣветъ вонъ какъ та... ну, покойная Машка.

— Полно, баба, дурить-то, — вышель изъ себя патриархъ: — Коли будетъ она царицей, поклонись ты ей въ ноги, какъ царицѣ и не будетъ она порченная: я окружу ее Стрѣшневыми и будутъ они отвѣчать мнѣ за нее головой, а къ тебѣ, царица, не будетъ она ѣздить и пить квасъ.

Инокиня бросила на Филарета быстрый взглядъ, — лицо его было спокойно, но грозно.

— Да, — продолжалъ онъ, — Стрѣшневые будутъ отвѣчать за нее головой своей, и всѣхъ твоихъ боярынъ я выгоню изъ дворца, а родственниковъ и всѣхъ твоихъ слугъ я и на глаза царицы не пущу. Я буду бодрствовать за нею и за ея дѣтьми, коли Богъ ихъ дастъ, какъ за зеницу своего ока, и коли ее изведутъ, какъ въ Бозѣ почившую, то... то...

— Кто же извелъ ту? Она сама извела себя, — прошипѣла инокиня.

— Кто извелъ ее? А вотъ что я тебѣ скажу: коль Стрѣшнева будетъ изведена, такъ я знаю за кого вѣзаться... Но вмѣсто ссоры ты скажи, дашь-ли благословіе царю, коли онъ женится на Стрѣшневой?

— Не дамъ.

— И это послѣднее твое слово?

— По... послѣднее.

— Такъ вотъ тоже мой сказъ: возьму я тебя съ со-

бой, повезу въ Новоспасскій монастырь, буду тебя пытать, пока не повинишься во всѣхъ твоихъ грѣхахъ... Вспомню я многое... вспомню я тебѣ и квась, которымъ ты угораздила покойную царицу, и многое, многое иное... Повинишься ты тогда и примешь ты схиму, и сошлю я тебя вновь въ Ипатіевскую обитель до скончанія твоей жизни. Вотъ тебѣ, инокиня, и мое-то послѣднее слово. Кайся и скажи: дашь-ли слово, что не будешь перечить браку сына?

— Дѣлай что хочешь... Я ничего... Богъ да благословить его... мое материнское сердце истерзано... Убивалась я за нимъ... за сыномъ-то... а ты угрозы свои напускаешь... Господь съ тобой... я больна... и конецъ-то мой близокъ... а ты еще... да Богъ съ тобой.

— То-то, ты помни только,—я все знаю и прощаю... прощаю, ибо ты родила царя Руси Михаила Θεодоровича Романова, Богомъ избраннаго, Богомъ вѣнчаннаго... Не подобаетъ, по этой причинѣ, ставить тебя на позоръ. Но коли ты не покаешься, такъ глаголю тебѣ: горе тебѣ будетъ и фарисеямъ твоимъ... Теперь ѣду къ царю.

Не давъ даже ей благословенія, Филаретъ поѣхалъ къ сыну.

Царь Михаилъ послѣ смерти жены совсѣмъ раскисъ: онъ весь день ходилъ, какъ шальной, и то плакалъ, то хохоталъ безъ причины. Называли эту болѣзнь Бильсъ и Бальцеръ, придворные врачи, флюксусъ перебрались, сирѣчь, приливомъ крови въ головѣ, вслѣдствіе плача и множества поклоновъ, которые дѣлалъ по нѣскольکو разъ въ день царь.

Патріархъ засталъ его за этимъ же занятіемъ въ его опочивальнѣ.

— Полно-те убиваться, — сказалъ онъ: — молодъ ты, да и царствовать нужно. На завтра боярская дума, — ты и пріѣзжай.

— Да ужь очень, очень сердце болитъ за покойницу... такъ и стоитъ въ очахъ моихъ.

— Полно, говорю тебѣ, сынъ мой, убиваться-то. Была то воля Божья, а не наша... Да къ слову, вотъ тебѣ и жениться снова надоть... невѣста ужъ ждетъ тебя.

— Какъ жениться? Коли я не хочу... Да какъ же послѣ-то Марьи Владиміровны, да жениться?—недоумѣвалъ царь Михайль Ѳеодоровичъ.

— Да такъ и женишься.

— А коли я не хочу?

— Царь не можетъ, не смѣетъ этого сказать; хоть тресни да женись,—тебѣ и царству нуженъ наслѣдникъ.

— Да какъ же? Любилъ одну, та умерла, теперь женись на другой, а та еще снова помретъ: плачь, убивайся, да хорони, да поминки справляй, ужъ лучше не женюсь: ужъ прошу, святѣйшій отецъ, не жени. А матушка благословеніе даетъ?

— Даетъ.

— Ну, коли даетъ, такъ и я... благослови.

— Спасибо, я зналъ, что не откажешь.

Патріархъ благословилъ его, поцѣловалъ и хотѣлъ уйти, да вспомнилъ:

— Эхъ! да я и забылъ-то тебѣ сказать, кто невѣста.

— А кто?

Обрадовался царь, что, по крайней мѣрѣ, узнаетъ кто невѣста.

— Дочь Стрѣшнева, Евдокія Лукьяновна: дѣвица богобоязненная, прекрасная, будетъ отличная тебѣ жена, а намъ и землѣ русской царица.

— Евдокія, Авдотьюшка... ничего... спасибо, святѣйшій отецъ, что радѣешь обо мнѣ, а ужъ я думалъ повѣкъ не женюсь.

— Женимъ,—проговорилъ патріархъ, уходя поспѣшно.

— Отецъ сказалъ мой: коли царь, такъ женись хоть тресни... Этого-то не зналъ, да и матушка не говорила,—бормоталъ царь себѣ подъ носъ.

Возвратясь къ себѣ, патріархъ послалъ за Стрѣшневымъ. Тотъ вскорѣ явился.

Патріархъ испугался, взглянувъ на его постное, исхудалое лицо.

— Ты боленъ?—спросилъ онъ.

— Здоровъ, святѣйшій патріархъ, да вотъ лежалъ въ постели.

— Чего же лежалъ?

— Наказывалъ ты: дескать сиди дома, хоша прикинись въ болѣсти, я и прикинулся, а дочь-то отъ себя не отпускалъ, — все у кровати сидить, а жена на ночь къ себѣ брала... Все сумлѣніе что ни на есть...

— Чудакъ ты, — улынулся Филаретъ. — Да ты чай и дочь-то заморилъ?

— Уморить-то не уморилъ, а очень тяжело было, — не выпускалъ со двора.

— Такъ бѣги же, выпусти ее на воздухъ, только береги ее пуще прежняго, береги ее... Я прошу тебя, свать.

— Кумъ, — подсказалъ Стрѣшневъ.

— Нѣтъ, — свать... вѣдь мы теперь сваты; ты не окольничій, а ужъ бояринъ, настоящій царскій тестъ, а дочь твоя невѣста царская.

Стрѣшневъ точно обезумѣлъ, — онъ пощупалъ себя за лобъ, а потомъ прослезился:

— За вѣрную-то мою службу не заслужилъ я глумленія, святѣйшій отецъ.

— Полно-то дурить... Шутки не шутить патріархъ всея Руси, да еще съ кѣмъ, съ вѣрнымъ царскимъ холопомъ. А вотъ ты подь, да оповѣсти жену и дочь-то свою, Евдокію Лукьяновну, да за попомъ, да молебень.. а дѣвичникъ мы завтра справимъ въ грановитой, въ царскихъ палатахъ... а тамъ съ Богомъ и за свадьбу... на то воля царя и благословеніе наше и материнское.

Стрѣшневъ тогда бросился къ ногамъ патріарха, но тотъ поднялъ его и поцѣловался съ нимъ.

— Ну, свать Гаврилычъ, коли Богъ благословитъ насъ и мы отпразднуемъ свадьбу твоей дщери, такъ ужъ

и ты, и жена твоя, и дѣти твои должны будутъ не отходить отъ царицы,—такова воля и царя, и моя. Теперь ступай съ миромъ, порадуй семью и помни: за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, свадьба царская состоялась еще съ большею пышностью и великолѣпиемъ, чѣмъ первая.

Х.

Бояринъ Шеинъ.

Послѣ десятилѣтняго разумнаго управленія царствомъ патриархъ Филаретъ, успокоенный на счетъ престолонаслѣдія, такъ какъ Богъ даровалъ царю Михаилу прекраснаго мальчика Алексѣя, возымѣлъ желаніе возвратить изъ владѣнія поляковъ Смоленскъ и Дорогобужъ, составлявшихъ ключъ въ Россію.

Притомъ притязанія польскихъ королей на русское царство не прекращались: король Сигизмундъ III, умирая, велѣлъ себѣ надѣть шапку Мономаха, украденную поляками въ Москвѣ, когда они ею владѣли. Умирая въ этой шапкѣ и лежа въ ней въ гробу, онъ этимъ какъ бы завѣщалъ Польшѣ не оставлять его притязаній. Притомъ, сына его Владислава избрали въ короли Польши единственно потому, что ему когда-то цѣловала крестъ Москва.

Патриархъ сталъ поэтому готовиться энергично къ войнѣ.

Болѣе шестидесяти шести тысячъ иноземцевъ были наняты въ войска и по всему государству объявленъ добровольный сборъ, который долженъ былъ производить знаменитый князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, архимандритъ Левкій и Моисей Глѣбовъ.

Царскія грамоты разбросаны были по государству. Русь откликнулась съ свойственнымъ ей патриотизмомъ: потекли въ Москву и деньги и двинулись ратные люди.

Но не радовали послѣдніе Филарета; боярскія дѣти и вообще дворянство было хорошо вооружено и пришли лучшіе люди, но изъ крестьянства они навезли и навели что ни на есть худшее, пьяное, воровское и безсильное, и о немъ справедливо выражался бояринъ Шейнъ и его родственники: плюгавенькое *). Сформировали армію въ тридцать двѣ тысячи человекъ при ста пятидесяти орудіяхъ.

Тутъ пошли споры, — кому начальствовать.

Людей боевыхъ было тогда между боярами много, но выдающихся мало.

Предложили начальство князю Димитрію Черкасскому по настоянію патріарха и другихъ царскихъ родственникововъ, такъ какъ онъ былъ тоже въ родствѣ съ царскимъ домомъ; но по его молодости въ товарищи къ нему назначили стараго воина, князя Бориса Михайловича Лыкова.

Лыковъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ инокиней-матерью, и та, узнавъ объ этомъ, тотчасъ послала за нимъ. Князь явился къ ней.

— Князь Борисъ, — сказала она послѣ обычнаго привѣтствія и давъ ему поцѣловать свою руку; — прошу, не ѣзди на войну, откажись.

— Отказывался, великая государыня. Ходилъ къ патріарху, говорилъ, что у князя Димитрія Черкаскаго нравъ тяжелый и прибыли я не чаю отъ того, что быть мнѣ вмѣстѣ съ нимъ въ государевомъ дѣлѣ... Святѣйшій патріархъ побранилъ и велѣлъ на войнѣ быть безъ мѣста.

— Это онъ хотѣлъ тебя унизить оттого, что въ родствѣ ты со мной; да ты сорокъ лѣтъ на службѣ, а у того на губахъ еще молоко не обсохло. На войнѣ быть безъ мѣста, — такъ пуцай онъ князя... татарина... Мамстрюковича тебѣ дастъ въ товарищи, — ты русскій князь.

---

*) Историческое выраженіе.

именитый бояринъ, и родъ твой... да что и говорить, — пущай татаринъ самъ ведетъ рать.

— Царица, ужъ ты окажи Божью милость, не дай безчестить меня...

— Съ нимъ-то, съ святѣйшимъ, я и не подѣлаю ничего; сына коли увижу, — скажу... Ты правъ мѣстничество, а я съ боярами потолкую.

Князь Лыковъ вышелъ отъ нея и подалъ чрезъ боярина большого дворца царю челобитную, въ которой говорилъ: „Я предъ княземъ Димитріемъ старъ, служу государю сорокъ лѣтъ, лѣтъ тридцать хожу своимъ набатомъ (т. е. командую самостоятельно), а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ“.

Князь же Черкасскій билъ челомъ: что князь Лыковъ ему говорилъ, что онъ-де потому не хочетъ быть ему товарищемъ, что люди имъ владѣютъ.

Царь поручилъ князю Хилкову и дьяку Дашкову расслѣдовать дѣло и доложить боярской думѣ.

Въ ней были горячіе споры и кончились они тѣмъ, что Черкасскому командованія не дали, но присудили ему 1200 руб. за безчестіе отъ князя Лыкова.

Два мѣсяца раздумывали, кого же назначить туда, и патріарху пришла мысль пригласить въ главные воеводы знаменитаго боярина Шеина, Михаила Борисовича, защищавшаго нѣкогда такъ геройски Смоленскъ и раздѣлявшаго съ нимъ, патріархомъ, плѣнь въ Варшавѣ.

Онъ послалъ за нимъ.

Бояринъ жилъ на покоѣ и посѣщалъ лишь боярскую думу, гдѣ голосъ его былъ вліятеленъ, но его не любили за солдатскую рѣзкость и прямоту; а въ тѣ времена любили ходить во всѣхъ дѣлахъ вокругъ да около, да чтобъ овцы были цѣлы и волки сыты.

Явился, по зову патріарха, бояринъ и, поклонившись ему въ ноги и принявъ отъ него благословеніе, спросилъ, что причина чести, которой онъ удостоился.

Патріархъ передалъ ему свою мысль и выразился,

что онъ не находить болѣе достойнаго человѣка принять начальство надъ войскомъ, какъ его.

Шейнъ помолчалъ немного и сказалъ:

— Прискорбно, святѣйшій патриархъ, что ты избралъ меня въ старшіе воеводы. Положить животъ свой за царя я никогда не отказывался; но вспомни: я цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу, а онъ теперь королемъ Польши,—какъ же я буду теперь противъ него сражаться?

— Сердце твое благородно; помню, сказывали мнѣ, что ты съ однимъ ляхомъ дрался подъ Смоленскомъ и чуть-чуть другъ друга не порѣзали, потомъ встрѣтились вы въ лагерьъ Владислава и сдѣлались друзьями. Оба вы рыцари чести, и теперь ты рыцарь. Но коли рѣчь идетъ о счастіи твоего народа, тутъ всякое рыцарство въ сторону. И я, по изволенію Москвы и земли русской, ѣздилъ въ Варшаву, съ извѣщеніемъ королевичу объ его избраніи на царство и цѣловалъ ему крестъ, а теперь и я пойду на него войной.

— Святѣйшій патриархъ и отецъ, ты присягалъ ему на вѣрность, коли онъ будетъ царствовать, теперь ты самъ царствуешь съ сыномъ...

— Самъ Господь разрѣшилъ меня отъ клятвы: по волѣ земли русской, а не моей, избранъ Михаилъ, а затѣмъ и я, а гласъ народа, гласъ Божій... Такъ и ты. Тебя избираютъ отъ имени земли русской въ воеводы, и ты не въ правѣ отказаться, а я, какъ патриархъ, тебя отъ клятвы твоей освобождаю. Теперь выбери себѣ товарища.

— Коли я пойду въ воеводы, то пуцай выйдетъ указъ: во время войны быть безъ мѣста. А ты дай мнѣ, святѣйшій, храбраго Измайлова въ товарищи: и я, и онъ мы пойдемъ съ дѣтьми.

— Ладно. Кстати ты вспомнилъ мнѣ о немъ; онъ имѣетъ при себѣ боярскаго сына Бориса Морозова... Ужъ очень полюбилъ я его, когда былъ въ плѣненіи

и возвращался. Хочу его сдѣлать дядькой внука моего, Алексѣя... Знаю, онъ убережетъ его отъ всякія скверны. Это человѣкъ раума и чести.

— Коли прикажешь, Измайловъ приведетъ его къ тебѣ, святѣйшій патріархъ. Я и Измайловъ, и дѣти наши, и всѣ на вѣки у ногъ твоихъ. Но вотъ, святѣйшій отецъ, пушай дума боярская попросить меня, пушай не отъ тебя.. Вмѣстѣ мы были съ тобою въ плѣненіи... скажутъ — кумовство. Пушай будетъ отъ нихъ. Да прошу дозволить мнѣ потолковать съ друзьями да съ семьей и съ Измайловымъ.

— Ладно, только не медли, — завтра отвѣтъ...

Бояринъ Шеинъ заѣхалъ къ Измайлову и тотъ предоставилъ ему: рѣшиться или не рѣшиться.

Заѣхалъ онъ отъ него къ Нефеду Козьмичу и тотъ благословилъ его на путь грядущій.

Осталось еще одно: отецъ Никита былъ его духовникомъ и ему нужно было съ нимъ потолковать еще о данной имъ королевичу Владиславу клятвѣ.

Вопросъ былъ затруднителенъ къ рѣшенію, но присяга дана при извѣстныхъ условіяхъ, чтобы Владиславъ царствовалъ; разъ же онъ отказался отъ этого, признавъ Михаила царемъ, очевидно, клятва сама собою уничтожалась.

Такъ объяснилъ ему и отецъ Никита, причемъ присокупилъ, что если патріархъ затѣмъ снимаетъ эту клятву, то очевидно, что и сомнѣнія не можетъ быть, что бояринъ можетъ сражаться противъ Владислава, такъ какъ онъ будетъ сражаться противъ него не какъ противъ царя русскаго, а какъ противъ короля Польши.

Шеинъ же продолжалъ сомнѣваться; тогда священникъ обратился къ его патріотизму и доказывалъ, что возвращеніе Смоленска и Дорогобужа такъ важны для Руси, что мы безъ нихъ останемся всегда въ рукахъ Польши.

Это поколебало боярина и онъ рѣшился не отказываться отъ начальствованія арміею.

Когда же отецъ Никита ушелъ, имъ овладѣло какое-то тягостное чувство и онъ, бросившись на колѣни предъ образами, долго молился.

На другой день бояринъ объявилъ патриарху свое согласіе и тотъ велѣлъ ему явиться на завтра въ боярскую думу.

Въ думѣ засѣдалъ патриархъ и царь; первый сидѣлъ посреди стола — по правой сторонѣ, а другой рядомъ съ нимъ — по лѣвой. Духовныя лица занимали мѣста съ боку по сторонѣ патриарха, а бояре въ черныхъ соболяхъ и думные дворяне — по сторонѣ царя.

Шейнъ былъ съ боярами. Заговорилъ патриархъ о томъ, что нужно назначить главнаго воеводу и обратился къ боярамъ, спрашивая ихъ мнѣнія.

Одинъ изъ нихъ, вѣроятно по наущенію патриарха, предложилъ Шейна.

Партія князя Черкаскаго протестовала; она находила, что Шейнъ ужъ устарѣлъ и отъ ратнаго дѣла отсталъ.

Пошло на голосованіе и большинство, вмѣстѣ съ царемъ и патриархомъ, оказалось на сторонѣ Шейна.

Бояринъ благодарилъ думу за оказанную ему честь и въ нѣсколько дней приготовился въ походъ.

Нужно было въ грановитой палатѣ торжественно проститься съ царемъ и съ патриархомъ въ присутствіи всего двора и боярской думы. При этомъ Шейнъ сдѣлалъ ошибку: разсердясь, что объ его боевой дѣятельности отзывались въ думѣ съ неуваженіемъ, онъ въ прощальной рѣчи исчислилъ всѣ свои заслуги, превосходившія заслуги остальныхъ бояръ, и закончилъ, что въ то время, какъ онъ-де служилъ, многіе за печью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя...

Рѣчь эта хотя была правдива, но сдѣлала ему много враговъ.

Въ тотъ же день Шейнъ отправился въ походъ, другіе воеводы выступили изъ Ржева, Калуги и Сѣвска.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ войска наши возвратили почти всѣ уступленные Польшѣ города, а Шейнъ съ Измайловымъ осадилъ Смоленскъ.

XI.

Подъ Смоленскомъ.

Вотъ ужъ восемь мѣсяцевъ стоитъ наша рать подъ Смоленскомъ; дѣлаетъ она все, что только искусство и человѣческія силы могутъ совершить.

Крѣпость, несмотря на обширность, тѣсно обложена; всюду окружена она тѣми земляными работами, которыя и нынѣ употребляютъ; а изъ этихъ насыпей и редутовъ сыплется градъ каленыхъ ядеръ на крѣпостныя стѣны и картечь на тѣхъ, которые дерзаютъ выйти изъ нихъ, стѣны во многихъ мѣстахъ сильно повреждены минами.

Губернаторъ Воеводскій готовъ ужъ, со дня на день, сдать крѣпость русскимъ.

Вдругъ получается вѣсть съ юга Россіи, что татары и казаки ворвались въ наши украинскія области; паническій страхъ овладѣваетъ ратниками и они бѣгутъ ежедневно изъ лагеря, чтобы защитить дома свои и семейства.

Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ 25 августа, ночью, Измайловъ разбудилъ Шейна.

— Что случилось?—спросилъ бояринъ.

— Лазутчики и шпиши *),—отвѣчалъ Измайловъ,—доносятъ, что король Владиславъ приближается лѣсами съ большимъ войскомъ къ Смоленску: идетъ онъ съ Сѣвера.

— Другъ Артемій,—крикнулъ Шейнъ:—въ такомъ случаѣ возьми одинъ или два полка и займи московскую дорогу, чтобы ляхи не могли отрѣзать намъ путь,

---

*) Тогдашнее названіе шпионовъ-партизановъ.

а тамъ ужъ какъ-нибудь я съ ними справлюсь, или будемъ держаться до помощи изъ Москвы. Пошли тотчасъ въ Москву нарочнаго.

Шейнъ поскакалъ тотчасъ по укрѣпленной нами линіи и оказалось, что поляки съ нѣсколькихъ сторонъ ужъ наступили на насъ, то есть въ 7 верстахъ отъ Смоленска, у рѣчки Боровой, они стали разбивать лагерь.

На третій день своего прихода король ночью пробрался по Покровской горѣ въ Смоленскъ и сдѣлавъ оттуда вылазку, напалъ на редуты наши, находившіеся на той же Покровской горѣ. Редутомъ командовалъ нашъ полковникъ-иностранецъ Маттисонъ. Король овладѣлъ было нашими шанцами, но князя Бѣлосельскій и Прозоровскій, находившіеся недалеко отъ редута, послали Маттисону помощь и воины наши выбили поляковъ изъ этой позиціи. Король отступилъ съ большимъ урономъ.

Тоже не удалась попытка коронному гетману литовскому Радзивиллу зайти къ этимъ редутамъ съ другой стороны. Встрѣченный здѣсь нашею ратью, онъ былъ разбитъ и отступилъ съ большимъ урономъ.

11 сентября послѣдовало новое нападеніе на эту мѣстность и бой длился два дня и двѣ ночи; съ обѣихъ сторонъ много погубило, но русскіе не могли удержаться и на совѣтъ въ лагерь нашемъ рѣшено: полковнику Маттисону отступить; но при этомъ огромная часть иноземцевъ, бывшихъ на этомъ редутѣ, бѣжала въ Смоленскъ къ польскому королю. Объ этомъ донесено было Шейнымъ тотчасъ въ Москву и полученъ оттуда приказъ: со всѣхъ отдѣльныхъ редутовъ и крѣпостей созвать ратниковъ въ общій лагерь, и обѣщано, что со всѣхъ сторонъ будутъ прибывать войска, а изъ Москвы поведутъ войска князя Черкасскій и Пожарскій, и потому велѣно стоять крѣпко и мужественно,

Обѣщанія эти оказались лишь на бумагѣ—московскіе бояре съ умысломъ медлили, чтобы поставить Шейна въ затруднительное положеніе.

Положеніе дѣйствительно было отчаянное: поляки овладѣли въ тылу русскихъ Дорогобужемъ и всѣми нашими запасами; король же 6 октября чрезъ Покровскую гору перешелъ на Богдановку и отрѣзалъ нашимъ дорогу отъ Москвы.

Шейнъ, спустя три дня, выступилъ противъ нихъ; польская конница бросилась на наши колонны и разбила ихъ, но подоспѣвшій резервъ нашъ разстроилъ конницу; наступившая ночь прекратила этотъ страшный и неравный бой.

Шейнъ оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, а пробиться не было возможности. Держался онъ мужественно цѣлый мѣсяць. Холода между тѣмъ наступали, и мы сидѣли безъ дровъ и припасовъ; особенно лошади падали по недостатку пищи.

Перестрѣлка орудіями шла съ обѣихъ сторонъ; но поляки имѣли въ рукахъ своихъ Скавронковую гору, откуда ихъ редутъ командовалъ мѣстностью и онъ причинялъ намъ страшный вредъ.

Только наши бомбы, наполненныя картечью, достигали королевскихъ редутовъ *).

Положеніе было критическое. Стоялъ ужъ конецъ ноября и зима была въ разгарѣ.

Созвалъ Шейнъ военный совѣтъ.

— Полковникъ,—обратился онъ командующему иноземными полками шотландцу Лесли:—что дѣлать: люди и лошади мрутъ, ѣсть нечего...

— Думаю, пока у насъ имѣются силы, пока имѣются еще хлѣбъ и порохъ, мы должны съ оружіемъ въ рукахъ пробиться и уйти, или же умереть съ оружіемъ въ рукахъ,—сказалъ благородный шотландецъ.

— Это шотландская дурь! воскликнулъ полковникъ англичанинъ Сандерсонъ. — Намъ нужно только подождать немного и помощь придетъ... Царь обѣщался при-

---

*) Вся эта глава—исторія.

слать ратниковъ и припасовъ. Зачѣмъ жертвовать людьми, коли можно достигнуть того же съ меньшими потерями?

— О помощи мы слышимъ ужь съ августа,—замѣтилъ Лесли:—а ея нѣтъ... Притомъ всѣ иноземцы и русскіе ратники ропщутъ, что ты морозишь ихъ здѣсь... Декабрь ужь на дворѣ.

— Я своихъ по крайней мѣрѣ не поведу на вѣрную гибель!—крикнулъ Сандерсонъ.

— Англичане извѣстные трусы и измѣнники!—разгорячился шотландецъ.

Сандерсонъ обнажилъ шпагу и хотѣлъ броситься на Лесли.

Шейнъ и Измайловъ насилу ихъ розняли.

Начали голосовать оба предложенія и перевѣсъ взялъ шотландецъ. Рѣшено выждать моментъ и пробиться сквозь непріятеля.

Но дровъ не было: вызвали охотниковъ прокрасться ночью черезъ непріятельскую цѣпь и изъ ближайшаго лѣса привезти дрова.

Охотники отправились туда 2 декабря, но дали знать Шейну, что поляки напали на дровосѣковъ и убито пятьсотъ человѣкъ.

При этомъ донесеніи англичанинъ утверждалъ, что это неправда, тамъ-де погибло только нѣсколько десятковъ.

— Коли ты утверждаешь такъ несправедливо,—воскликнулъ шотландецъ,—то я прошу воеводу ѣхать съ тобою и со мною въ лѣсъ и мы тамъ пересчитаемъ убитыхъ... Тамъ же я скажу, чья эта работа.

Воевода тотчасъ туда отправился съ ними и дѣйствительно увидѣлъ, что убитыхъ нѣсколько сотъ. Тогда онъ обратился къ Лесли и сказалъ:

— Ты въ лѣсу обѣщался сказать, кто былъ причиною этой рѣзни.

— Этотъ измѣнникъ, вотъ этотъ англичанинъ!—воскликнулъ Лесли, указывая на Сандерсона:—Онъ далъ знать королю о дровосѣкахъ.

— Врешь! — завопилъ Сандерсонъ.

Но въ этотъ мигъ Лесли выхватилъ изъ-за пояса пистолеть и выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ.

— Что сдѣлалъ ты! — воскликнулъ тогда Шеинъ: — По нашимъ законамъ я долженъ тебя казнить, а ты такъ мнѣ нуженъ для предстоящей битвы...

— Судить, воевода, ты не имѣешь права: шотландецъ убилъ англичанина и не на русской, а на польской землѣ, и за это можетъ его судить одинъ лишь шотландскій судъ; но меня присяжные наши не осудятъ за убійство измѣнника, погубившаго невинно столько душъ... Пушай теперь вороны растерзаютъ его трупъ...

Но случай пробиться не представлялся; провизіи не было, холода увеличились и прошелъ еще цѣлый томительный мѣсяцъ ожиданія и борьбы съ польскими войсками.

Наступилъ въ лагерьъ нашемъ голодъ и большая смертность.

Шеинъ вступилъ въ переговоры, но тянулъ ихъ до 12-го февраля слѣдующаго года, ожидая изъ Москвы помощи.

ХІІ.

Смерть патріарха Филарета.

Въ день Покрова, 1633 года, патріархъ Филаретъ возвратился въ полдень въ Ново-спасскій монастырь изъ Успенскаго собора сильно разогорченный; вѣсти отъ Шеина были неблагопріятныя: король тѣсно окружалъ его своими войсками, а тутъ ни денегъ, ни ратниковъ, чтобы послать ему скорую помощь.

Въ Москвѣ же кричали со всѣхъ сторонъ, что войну затѣялъ патріархъ, да послали войско съ выжившимъ изъ ума Шеинымъ и подъ Смоленскомъ погубятъ цвѣтъ нашего дворянства, да и король Владиславъ вновь будетъ осаждать Москву.

Слухи объ этихъ толкахъ доходили до него, но онъ вынужденъ былъ молчать, потому что, подъ наущеніемъ инокини-матери, въ такомъ же смыслѣ выражался самъ царь и высказалъ ему это въ тотъ день прямо въ глаза.

Больно и жаль ему стало и Шеина, и войска, и онъ ходилъ по своимъ хоромамъ большими шагами и думалъ думу, какъ пособить дѣлу.

— Я самъ поѣду въ войска, я ихъ одушевлею своимъ прїѣздомъ, — подумалъ онъ: — и мы пробьемся къ Москвѣ... А Владиславъ къ зимѣ не посмѣетъ сюда прійти и зазимовать... Завтра же поговорю съ царемъ и съ боярской думой и — въ путь... Гей! Воронежъ! — крикнулъ онъ служкѣ своему, литвину.

Явился литвинъ. Въ память своего плѣна, патріархъ одѣвалъ его въ польскій армякъ съ кушакомъ.

— Дай мнѣ воды напиться, я жажду, — сказалъ патріархъ.

Литвинъ исчезъ.

— Да, — продолжалъ размышлять патріархъ: — зимой онъ не прійдетъ сюда, а я отступлю изъ Смоленска не на Москву, а на Калугу... Тамъ я крикну кличъ на всю Русь, и мы растерзаемъ ляховъ...

Вошелъ литвинъ съ золотою чаркою съ водою. Патріархъ выпилъ залпомъ воду, почувствовалъ какую-то горечь, но подумалъ:

— Я всегда чувствую горечь на языкѣ, когда сержусь, а сержусь я ужъ нѣсколько дней... Великая черница не оставляетъ меня въ покоѣ: пилить и сына, и меня... Собираетъ боярынь къ себѣ и онъ какъ по покойникамъ воютъ о мужьяхъ и дѣтяхъ, ушедшихъ на войну... Проклятія ихъ и на Шеина, и на попустителя... Но что это? голова у меня кружится... Гей! Воронежъ... Воронежъ... кто-нибудь...

Начинаетъ патріархъ стучать ногами и хлопать въ ладоши.

Является свать его, Стрѣшневъ.

— Ты здѣсь, свать... кстати... хотѣлось пить... я позвалъ Воронца... онъ принесъ мнѣ чарку воды... я выпилъ... теперъ что-то самъ не свой... Зови сюда Воронца...

Стрѣшневъ выбѣжалъ и нѣсколько минутъ спустя возвратился.

— Литвинъ бѣжалъ... скрылся,—произнесъ онъ задыхаясь. — Въ отсутствіи твоёмъ, святѣйшій патріархъ, я хотѣлъ было отправить его въ темницу: мнѣ донесли, что съ плѣнными ляхами онъ ведетъ тайно переговоры... что вчера ночью онъ разносилъ въ боярскіе дома, гостямъ и жильцамъ грамоты короля Владислава: что Шеинъ-де въ осаду и сдается, а король-де идетъ войною не на русскую землю, а на Романовыхъ, — они-де похитители его престола и что ему-де и Романовы, и вся земля русская цѣловала крестъ...

— Гдѣ-жъ литвинъ... ищи его... постой... постой... за царемъ... за Морозовымъ... за Нефедомъ Козьмичемъ...

— Бояринъ Нефедъ Козьмичъ отъ тяжелой болѣсти вчера скончался, — замѣтилъ Стрѣшневъ.

— Умеръ... и я его не долго переживу... да, духовника... моего не хочу... ты мнѣ приведи отца Никиту... да скорѣй... скорѣй... силы мнѣ измѣняются... я слабѣю... спѣши... я ужъ здѣсь посижу и подожду...

Онъ находился въ это время въ своей передней, то есть приѣмной, которая имѣла нѣчто въ родѣ трона для торжественныхъ случаевъ.

Стрѣшневъ побѣжалъ и, разославъ верховыхъ для исполненія приказаній патріарха, вернулся къ святѣйшему.

Тотъ какъ будто дремалъ, но съ приходомъ свата онъ съ четверть часа спустя очнулся.

— Свать,—сказалъ онъ:—коли умру, служи вѣрой и правдой царю, дочери твоей и внуку, а я тебя и всѣхъ васъ благословляю.

Въ это время вбѣжалъ царь Михаилъ съ огромною свитою, такъ какъ это былъ часъ обѣденный и онъ захватилъ съ собою всѣхъ гостей.

Патріархъ объявилъ царю, что онъ подозрѣваетъ себя отравленнымъ и что кончина его близка.

Увидѣвъ при этомъ придворныхъ врачей Бильса и Бальцера, онъ сказалъ имъ благосклонно:

— Совершается воля Божья и супротивъ Промысла нѣтъ лекарства.

— Сынъ мой и царь,—обратился послѣ того онъ къ сыну: — завѣщаю тебѣ сражаться съ королемъ Владиславомъ до послѣднихъ силъ. Коль вздумаетъ онъ прійти въ Москву, отдай ему городъ послѣ сильнаго боя, рубись до послѣдняго; а коль не въ моготу будетъ — уходи въ понизовье; гдѣ только бѣется русское сердце, вездѣ тебѣ будетъ пріютъ, и тамъ будетъ и крѣпость твоя... и такъ врага одолѣешь. Не влагай меча, пока Владиславъ не отречется отъ царства. Помни мой завѣтъ: рано или поздно, не шапка Мономаха будетъ на главѣ Ягеллоновъ, а корона польская ляжетъ на голову Романовыхъ... Завѣщай это сыну, внукамъ и потомству. Также и путь нуженъ намъ къ морю, бѣдствие наше подъ Смоленскомъ оттого, что и оружіе, и порохъ, и иноземные ратники идутъ къ намъ чрезъ Архангельскъ; а этотъ путь и далекій, и дорогой... Вамъ, бояре, и землѣ русской, держаться моего дома... Вижу видѣніе... Онъ приподнялся и, глядя въ пространство, продолжалъ: — Море кроется нашими кораблями... пустыни населены... крестьяне бодры, сыты и веселы: скирдами наполнены ихъ токи и закромы полны хлѣба... Царство грозно и могущественно.

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ и обратился къ боярамъ:

— Служите вѣрою и правдою моему сыну и моя надежда на васъ; продолжайте бодрствовать надъ нимъ, надъ его наслѣдникомъ и надъ царствомъ. Сынъ мой, твердо держи бразды правленія и не щади никого, хопа бы то была моя кровь... Смерть мою не ставь никому въ вину, на то воля Божья... Не смѣю винить въ ней ко-

роля Владислава: и своихъ воровъ, злодѣевъ и убійць довольно..

Царь подошелъ къ нему, сталъ на колѣни и, рыдая, произнесъ:

— Святѣйшій отецъ мой и великій государь, благослови меня!

Патріархъ какъ будто сталъ засыпать. Онъ превозмогъ себя и, положивъ руку на голову его, прошепталь:

— Благословеніе мое навсегда да почиетъ на ты и благодать Божья да снизойдетъ на ты вмѣстѣ съ любовью моею.. Женѣ, дѣтямъ твоимъ и сестрѣ передай тоже мое прости и благословеніе..

— А великой черницѣ-инокинѣ?—спросилъ царь.

— Ей.. ей.. мое прощеніе.. Духовника!.. духовника!.. скорѣй!..

Вошелъ отецъ Никита съ св. дарами.

Всѣ удалились. Патріархъ исповѣдался, приобщился и пособоровался.

Послѣ того онъ обратился къ отцу Никитѣ:

— Не удивляйся, сынъ мой,—произнесъ онъ тихо:— что я тебя не взыскалъ своими милостями.. Я ждалъ ежечасно развязки.. свой конецъ.. а мои милости были бы тебѣ гибелью.. Иди въ монастырь.. иди, говорю тебѣ.. и Богъ тебя возвеличитъ высоко: превыше всѣхъ здѣшнихъ пастырей.. сдѣлаешься святителемъ великимъ, Богомъ избраннымъ, Богомъ вѣнчаннымъ.. Есть у насъ обитель великая.. Соловки.. оттуда и св. Филиппъ митрополитъ.. но чувствую конецъ мой приходитъ.. хочу посхимиться.. зови сюда синклить..

Отецъ Никита устремился въ сосѣднія комнаты, гдѣ ждали царь, бояре и соборъ духовенства.

Вошли всѣ въ залу, гдѣ, сидя на тронѣ, умиралъ патріархъ.

Началось печальное служеніе и пѣніе: всѣ предстояще, стоя на колѣняхъ, рыдали.

Едва посхимился патріархъ, какъ его не стало. Царя

бъ въ чувствѣ унесли изъ зала и увезли въ грановитую палату.

Царь-колоколь возвѣстилъ печальнымъ ударомъ о кончинѣ патріарха и всѣ сорокъ сороковъ московскихъ глухо вторили ему.

Москва вся всполошилась. Недавно она видѣла святѣйшаго цвѣтущимъ, въ Успенскомъ соборѣ, а тутъ вдругъ скоропостижная смерть.

Напалъ на всѣхъ страхъ и, при дурныхъ вѣстяхъ изъ-подъ Смоленска, всѣмъ казалось, что врагъ уже у стѣнъ Москвы...

Потекъ народъ къ Новоспасскому монастырю, чтобы хоть у трупа великаго святителя почерпнуть утѣшеніе и бодрость духа.

Весь народъ, безъ различія званій и пола, рыдалъ, и когда нѣсколько дней спустя его выставили въ Успенскомъ соборѣ, наѣхало и пришло въ Москву изъ окрестныхъ городовъ и сель столько народу, что весь кремль наполнился людомъ.

Тогда и враги Филарета поняли, чего лишилась въ немъ Русь.

ХІІІ.

Казнь боярина Шеина и окольничьяго Измайлова.

Великая черница ждетъ въ своей кельѣ царя Михаила. Умеръ патріархъ и теперь можно ей вступить вновь въ прежнія свои права—руководительницы сына и управительницы царствомъ.

Такъ всѣ предполагали и вся ея клика тайкомъ радовалась, ликовала и явно ее поздравляла.

Вознесенскій монастырь вновь наводнился разнымъ людомъ, ожидавшимъ взгляда, слова или поклона царицы-инокини.

Накопилось у нея поэтому много вопросовъ и много

челобитенъ къ царю, и она ходитъ въ сильномъ возбужденіи въ своей пріемной.

Наконецъ, царь пріѣхалъ и входитъ къ ней; лицо его печально и блѣдно.

— Ужь не боленъ-ли ты?—спрашиваетъ царица.

— Сильно боленъ. Не ѣмъ, не сплю... все отецъ предъ глазами... и все-то хочется къ нему идти... поговорить съ нимъ... послушать его разговора... а онъ въ могилѣ...

И царь зарыдалъ.

— То воля Божья!— произнесла набожно инокиня, поднявъ глаза вверхъ и утирая глаза платкомъ.— Да,— продолжала она,— потеряли мы друга, отца.

— Великаго радѣтеля государскаго дѣла!—воскликнулъ царь.

— Да, но Богъ милосердный оставилъ тебѣ еще мать, жену, сына... Утишь свою печаль, ты долженъ жить для нихъ и для великой земли русской.

— Не хочу я царствовать... не хочу я жить!..

— Почему?

— Тяжело, очень тяжело...

— Я тебѣ буду помогать совѣтами, мы съ тобою царствовали безъ отца и Москву спасли отъ королевича, когда онъ насъ осаждалъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ... И дальше дѣло государское пойдетъ...

— Сказалъ, умирая, въ Бозѣ почившій святѣйшій патріархъ: пушай бояре держать бразды правленія, ну и пушай...

Великая черница вышла изъ себя. До пріѣзда Филарета въ Россію имя ея стояло рядомъ съ именемъ царя, а теперь какъ будто ее не существовало.

Она, однакожь, удержалась и, нѣсколько минутъ помолчавъ, обратилась къ нему съ смиреннымъ видомъ.

— Я хотѣла просить тебя о Салтыковыхъ и Грамотинѣ.

— Скажу боярамъ и что они скажутъ.

— У меня, гляди, сколько челобитенъ,—она подала ему цѣлый свертокъ жалобъ.

— Дай, ужо отдамъ боярамъ.

— Кого же ты думаешь избрать въ патриархи?

— Что скажетъ соборъ. Я перечить не буду.

Черница почувствовала себя во всѣхъ пунктахъ разбитою, и она собиралась сдѣлать ему длиннѣйшую сцену съ обмороками и рыданіями, какъ онъ поднялся съ мѣста, поцѣловалъ ея руку и хотѣлъ идти.

— Куда-жь? Съ матерью не посидишь? Утри ея слезы, утѣшь ея печаль, — ты видишь, какъ я убита смертью отца.

— Меня ждетъ жена и дѣти съ обѣдомъ, — и съ этими словами царь вышелъ.

Великая черница упала на близъ стоящей стуль, и много лѣтъ уже она такъ сильно не плакала и не убивалась, какъ теперь.

Попробовала она составить сильную партію въ боярской думѣ чрезъ Грамотина, но и тутъ ее постигла неудача; перевѣсъ былъ на сторонѣ сына, всѣ перешли въ его лагерь, даже всѣ прихлѣбники и прихлѣбницы царицы-матери.

Обо всѣхъ этихъ событіяхъ и перемѣнахъ бояринъ Шейнъ не зналъ. Онъ былъ такъ тѣсно обложенъ поляками, что и птица, по выраженію ратниковъ, не могла къ нему перелетѣть.

Но русскій человекъ, если исполняетъ долгъ, то для него нѣтъ преградъ. Одинъ стрѣлецкій юный ратникъ взялся доставить ему вѣсть изъ Москвы о случившемся и въ ночь съ 18 на 19 февраля явился въ его шатеръ.

Онъ передалъ ему о смерти Филарета. Шейнъ понималъ, что не стало патриарха, значить и помощи нечего ждать, а ни хлѣба, ни снарядовъ, а больныхъ болѣе двухъ тысячъ человекъ.

Послалъ онъ къ королю Владиславу предложеніе,

что онъ сдасть ему лагерь съ орудіями, но съ тѣмъ, чтобы: 1) всѣ ратники отпущены были съ оружіемъ въ Москву и съ 21 пушками; 2) что всѣ русскіе ратники, находящіеся при немъ, обѣщаются четыре мѣсяца не сражаться противъ поляковъ; 3) иностранцы же могутъ дѣлать что хотятъ.

Предложеніе было почетное. Зная храбрость и самоотверженіе Шеина, король Владиславъ, какъ рыцарь, согласился на это.

19 февраля наши выступили изъ укрѣпленнаго своего лагеря съ свернутыми знаменами, съ погашенными фитилями, тихо, безъ барабаннаго боя, музыки и, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ на лошади, окруженный сенаторами и людьми ратными, король, ратники клали знамена на землю и знаменосцы должны были, отступивъ на три шага назадъ, ждать, пока гетманъ, именемъ королевскимъ, не велитъ имъ ихъ поднять. При этой командѣ ратники наши подняли знамена, запалили фитили и, ударивъ въ барабанъ, двинулись по московской дорогѣ.

Шеинъ и другіе воеводы были на коняхъ, но когда проѣзжали мимо короля, сошли съ лошадей и, низко поклонившись Владиславу, сѣли опять на лошадей и продолжали печальный путь.

Случись подобное въ нынѣшнее время, послѣ почти четырехмѣсячной борьбы съ сильнымъ непріателемъ безъ хлѣба, оружія и пороха, подобнаго героя возвысили бы на пьедесталь безсмертія, какъ это сдѣлали съ Османомъ пашею подъ Плевной, когда наши войска аплодировали его героизму.

Но въ тѣ времена глядѣли на дѣло иначе, и боярская дума была озлоблена противъ Шеина, да и царица-мать его не жаловала.

Еще до сдачи своего лагеря, 1-го февраля, Шеинъ отправилъ дворянина Сатина въ Москву.

Тотъ какимъ-то чудомъ прошелъ ночью чрезъ поль-

скій лагерь и явился къ царю. Послѣдній соглашался на то, чтобы войска наши и польскія разошлись по-любовно, впредь до мира, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Волконскій отправленъ въ Можайскъ къ князьямъ Черкасскому и Пожарскому для совѣщанія, какъ подать помощь Шеину.

Во время этихъ переговоровъ князь Черкасскій получилъ вдругъ 3 марта извѣстіе, что Шеинъ отпущенъ королемъ въ Москву, о чемъ онъ и донесъ царю.

Изъ Москвы тотчасъ отправили дьяка Моисея Глѣбова на встрѣчу Шеину съ требованіемъ отчета, на какихъ условіяхъ онъ съ королемъ примирился.

Оказалось, что поляки за разный мусоръ, оставленный въ русскомъ лагерьѣ, взяли еще на попеченіе свое двѣ тысячи четырехъ человѣкъ больныхъ и раненыхъ.

И это поставили въ вину Шеину.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву его посадили въ темницу; то же самое сдѣлали и съ Измайловымъ. Кромѣ того, арестованы были всѣ родственники того и другого.

Судили, рядили въ боярской думѣ, обвинили его въ небывалыхъ преступленіяхъ, а всю его дѣятельность приписали измѣнѣ и осудили его и Измайлова къ смертной казни.

Старый солдатъ, чувствуя свою правоту и что онъ, по его выраженію, бился, не щадя головы, выслушалъ хладнокровно приговоръ въ боярской думѣ, и освѣдомясь, что на другой день казнь совершится на лобномъ мѣстѣ, просилъ только, чтобы ему прислали для исповѣди и для препровожденія на эшафотъ его духовника, отца Никиту.

Царь согласился на это.

На другой день, послѣ заутрени, на разсвѣтѣ, должна была совершиться казнь Шеина и Измайлова.

Послѣ заутрени отецъ Никита явился къ узнику въ темницу со святыми дарами.

Онъ былъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ.

Священникъ, исповѣдавъ и приобщивъ его, поставилъ св. дары на столъ и бросился къ его ногамъ.

— Бояринъ,—сказалъ онъ рыдая:—это я невольная причина твоей казни, твоего позора. Ты не хотѣлъ идти на войну,—я уговаривалъ тебя.

— То Божья воля, — отвѣчалъ бояринъ, подымая и цѣлуя его. — Молись обо мнѣ грѣшномъ, — произнесъ онъ спокойно, но со слезами на глазахъ. — Жаль мнѣ только семьи моей,—и она погибнетъ, да Измайловыхъ я погубилъ... Отецъ Никита, коль ты когда-нибудь будешь мочь,—не забудь ни Шеиныхъ, ни Измайловыхъ, они стоятъ этого: они честные люди, и Богъ тебя не взыщетъ. Передай когда-нибудь царю, что погибаю я отъ злобы и зависти людской; передай тоже, что я люблю своего царя и люблю его послѣ Бога больше всего.

Вошли тюремщикъ, стража, думный дьякъ—долженствовавшій читать приговоръ, и монашествующая братія. Сняли съ Шеина цѣпи; онъ перекрестился и вышелъ изъ тюрьмы твердыми шагами.

Его и Измайлова повезли окруженныхъ войсками, а музыка била на барабанахъ и играла въ рожки походъ.

Это отдавали послѣднюю честь полководцамъ.

Ввелъ на эшафотъ Шеина отецъ Никита, и тотъ обратился къ народу:

— Православные христіане, — произнесъ онъ громкимъ голосомъ:—каждому суждено умереть, и мнѣ за вѣрность мою царю и русской землѣ суждено лишь положить голову на плаху. Кладу ее безропотно и да проститъ Господь моихъ судей и палачей.

Онъ поцѣловалъ крестъ, поданный ему отцомъ Никитой, поцѣловался съ нимъ, поклонился народу во всѣ стороны и просилъ прощенія, коль провинился онъ въ чемъ предъ кѣмъ-либо, и положилъ голову на плаху...

Послѣ него такую же казнь понесъ и Артемій Измайловъ.

Обрызганный кровью этихъ двухъ невинныхъ жертвъ,

заслуживающихъ со стороны нашего народа памятниковъ, отецъ Никита прибѣжалъ домой и жена не узнала его: глаза его блистали и ему мерещились призраки.

Онъ заболѣлъ и нѣсколько мѣсяцевъ былъ между жизнію и смертію.

По выздоровленіи онъ пересталъ посѣщать бояръ, такъ опротивѣла ему боярская дума, и посвятилъ себя только церковнымъ требамъ.

Такъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, удаляясь отъ общественныхъ дѣлъ.

Но жизнь эта была монотонна и не по сердцу ему, и онъ вновь попробовалъ посѣщать людей.

Купеческіе и боярскіе дома, куда его приглашали, были до крайности невѣжественны и суевѣрны; а вся литература ихъ вращалась на книгахъ: сонникъ, волковникъ, о птицѣ-чаровѣ, чаромѣріе, стѣнемъ знаменье, зелейникъ, колядникъ, громникъ и тому подобное. Ходили тоже по рукамъ чисто еретическаго содержанія рукописи, евангеліе отъ Варнавы, Никодима и Фомы. Кромѣ этого сильно распространены были псалмы Соломона и пѣсни Давида и множество другихъ нелѣпыхъ вещей, въ родѣ сказанія о томъ, какъ рыбы по суху ходили.

Книги эти еще въ XIV вѣкѣ были осуждены и признаны еретическими, и въ Москвѣ онѣ составляли принадлежность многихъ библиотекъ. Возсталъ Никита Миничъ противъ всего этого въ проповѣдяхъ, и Москва нѣсколько стала къ нему остывать, но противъ него самого раздавались голоса о латинствѣ и еретичествѣ. Онъ-де отрицалъ, что на Тиверіадскомъ озерѣ имѣются двадцать шесть китовъ и что на одномъ изъ нихъ стоитъ земля, а про святой Іерусалимъ-градъ онъ отрицалъ, что онъ пупъ земли.

Да и житье тогдашнихъ священниковъ на Москвѣ показалось Никитѣ Миничу не по нутру: повсюду корысть, униженіе, лихоимство, потворство мамону и чревоугожденіе, а тутъ, на бѣду, жена хвораетъ, да одного

за другимъ двухъ дѣтей похоронили, а третій родился такимъ слабымъ, такимъ вадутымъ, точно пузырь.

Сдѣлался Никита Миничъ мраченъ и пересталъ въ церкви проповѣди говорить; а коли домой придетъ, то на ребенка даже не взглянетъ и только думу думаетъ.

— Коли и этого Богъ приберетъ и онъ отойдетъ къ ангеламъ, значить не угодно Ему, чтобы я жилъ въ брачной жизни, значить не будетъ благодати на моемъ потомствѣ.

Мысль эта грызетъ его, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, и снятся ему страшные сны и душить его часто домовой...

— Дьявольская сила одолѣваетъ,—говорилъ онъ себѣ по пробужденіи,— а все это за великіе мои грѣхи, что вкусилъ брачную жизнь, что плоть свою не умертвилъ.

Схимническая и аскетическая идея сдѣлалась у него преобладающею.

Смерть третьяго сына, воспослѣдовавшая вскорѣ, окончательно свела счеты его со свѣтомъ: послѣдній скончался на Өоминой.

Съ кладбища отецъ Никита возвратился домой совершенно убитый и пересталъ посѣщать свою церковь; жена тоже сдѣлалась молчалива, и однажды, подойдя къ нему, она съ сдержаннымъ отъ рыданія голосомъ сказала:

— Ника, мы вмѣстѣ съ маленькимъ Никой (и тотъ назывался Никитой) похоронили нашу брачную жизнь; хочу поступить въ обитель, благослови меня... Женился ты, чтобы имѣть дѣтей.. потомство... но самъ видишь, Богъ ихъ прибираетъ, зачѣмъ же мнѣ мѣшать твоему подвижничеству... Ступай въ монахи и будешь ты великимъ святителемъ: должно сбыться пророчеству.

— Спасибо, Паша... Намъ нужно разойтись, Богъ не благословляетъ нашей брачной жизни... Пойду и я въ чернецы... Уйду въ Соловки... Имущество раздадимъ нищей братіи, а что имѣемъ въ деньгахъ, отдадимъ вкла-

домъ въ Алексѣевскій монастырь, — тамъ тебѣ и келью дадутъ.

— А ты же, Ника?

— Я заработаю себѣ кусокъ хлѣба трудомъ.

И съ этого дня они раздавали свое имущество нуждающимся; когда же приходъ узналъ объ ихъ рѣшеніи, стали собираться всякаго званія люди: одни благословляли ихъ на грядущій путь, другіе отговаривали. Вообще сочувствіе къ нимъ Москвы показало, что большинство было за нихъ.

Но разъ рѣшившись, они не покидали своего намѣренія. Въ первое же воскресенье, распростившись съ знакомыми, они пошли къ Алексѣевскому монастырю. Паша была одѣта черницей, только безъ клобука, отецъ Никита былъ одѣтъ простымъ крестьяниномъ, — за поясомъ у него виднѣлся топоръ, а на плечахъ шила вмѣстѣ съ котомкой, въ которой имѣлась отпускная грамота изъ патриаршаго приказа и хлѣбъ.

У воротъ обители супруги присѣли, поговорили въ послѣдній разъ, обнялись крѣпко и продолжительно поцѣловались... Когда же ворота закрылись за Пашей, съ отцомъ Никитой сдѣлалось дурно. Не помня себя, онъ бросился бѣжать вонъ изъ города.

XIV.

С о л о в к и.

Въ 1429 году инокъ Савватій, ища спасенія въ подвижничествѣ, переплылъ на ладѣ на островъ въ Бѣломъ морѣ, водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ уединенную келью.

Нѣсколько лѣтъ спустя, св. Зосима привлекъ сюда иноковъ, устроилъ общежительство, соорудилъ церковь Преображенія.

Святая жизнь этой обители, пребываніе и смерть въ

ней знаменитаго московскаго іерея Сильвестра и могила митрополита всея Руси Филиппа сдѣлали его знаменитѣйшимъ духовнымъ мѣстомъ на Руси.

Благочестивыя мечты отца Никиты были давно уже обращены туда, и тамъ-то, въ богатѣйшемъ ея книгохранилищѣ, хотѣлось ему окончательно образоватъ свой умъ, чтобы приготовиться къ дальнѣйшей дѣятельности въ подвижничествѣ.

Притомъ на Соловецкій монастырь были обращены тогда глаза всей Россіи и оттуда вѣрнѣ всего были надежды разнести свѣтъ духовнаго просвѣщенія.

Но какъ добратся туда?

Отецъ Никита пошелъ въ Новгородъ, въ надеждѣ найти тамъ промышленниковъ, имѣющихъ связь съ Архангельскомъ.

Надежды его оправдались. Въ Новгородѣ онъ нанялся простымъ рабочимъ къ одному купцу, ведшему соляную торговлю съ сѣверомъ Россіи и отправлявшаго на промыслы своего приказчика.

Послѣ многихъ странствованій они прибыли въ Архангельскъ и, чтобы отдѣлаться отъ приказчика, отецъ Никита отдалъ все свое жалованье какому-то заѣзжему туда работнику, который охотно согласился вмѣсто него возвратиться обратно въ Новгородъ.

Самъ же отецъ Никита, воспользовавшись отходомъ судна съ богомольцами въ Соловки, отѣхалъ туда.

При приближеніи же къ Соловецкимъ островамъ сталъ онъ разспрашивать о нихъ шкипера и тотъ отвѣтилъ:

— Всѣхъ-то ихъ здѣсь шесть, да наибольшій, Соловки, имѣетъ 25 верстъ въ длину, да 16 въ ширину. Два изъ нихъ называются Муксальскими, а два Заячьими, а шестой большой, что поменьше Соловокъ, то Анжерскій. На послѣднемъ подвижничалъ первый Елеазаръ схимникъ, подвижничалъ онъ на самой-то вершинѣ горы, что посреди озера, которую и назвалъ Голгоеораспятскою.

Неизъяснимымъ религіознымъ восторгомъ наполнилось сердце отца Никиты, когда глазамъ ихъ представилась св. обитель Соловокъ.

Ея твердыни и величественно возвышающіеся купола церкви и монастырь, утопающій въ зелени кедровъ и елей, а на другой сторонѣ, въ пятиверстномъ разстояніи черезъ проливъ, Анжерскій пустынный скитъ, напоминающій человѣку, что можно и въ уединеніи совершать великія дѣла,—все это сильно подѣйствовало на воображеніе молодого человѣка *).

— Вотъ гдѣ истинное благочестіе; вотъ гдѣ истинное подвижничество,—подумалъ онъ.—Вдали отъ міра, отъ суеты, человѣкъ можетъ въ созерцаніи жить и вызывать изъ нихъ великія сокровищницы духа и благодати...

Но когда онъ вступилъ на землю Соловокъ, онъ былъ пораженъ. Митрополитъ Филиппъ, когда былъ игуменомъ, средствами одного монастыря очистилъ гѣсь, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами, завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы. А тамъ, вдали, между Муксальскими островами, kloкочеть водопадомъ проливъ и въ узкомъ его мѣстѣ св. Филиппъ перекинулъ мостъ для перехода оленей и скота съ одного острова на другой.

Услышавъ обо всемъ этомъ, Иванъ Грозный одарилъ монастырь драгоценными сосудами, жемчугомъ, богатыми тканями, землями, деревнями; помогалъ Филиппу деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиниць, плотинъ.

Все это рассказывалъ ему старый монахъ, встрѣтившій ихъ на пристани и поведшій ихъ къ мощамъ святыхъ Савватія и Зосима.

---

*) Скитъ на горѣ возникъ лишь сто лѣтъ спустя послѣ Никона; а именно въ 1712 году,—тамъ водрузилъ крестъ слимникъ Исусъ, а потомъ онъ приступилъ къ постройкѣ деревянной церкви; каменная же сооруженія возникли тамъ лишь въ 1830 г.

Благоговѣнно поклонился отецъ Никита мощамъ свв. угодниковъ, но надъ могилами іерея Сильвестра и митрополита Филиппа онъ долго стоялъ и проливалъ обильныя слезы, въ особенности надъ послѣднимъ.

Такъ прошелъ почти весь день, а послѣ вечерни встрѣтившій его монахъ повелъ его въ гостиницу; здѣсь накормили его и другихъ богомольцевъ и старикъ монахъ послѣ вечера отвелъ ему келію.

Отецъ Никита жаждалъ узнать многое и поэтому онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Отецъ Парменъ, если не усталъ ты, посиди со мною и побесѣдуемъ.

Отецъ Парменъ обрадовался, какъ обыкновенно радуются люди, живущіе въ отдаленіи отъ свѣта: они всегда рады всякому пріѣзжему, чтобы поболтать и услышать новости.

Усѣвшись на скамьяхъ у стола, они при свѣтѣ лампы, висѣвшей у иконы свв. Савватія и Зосима, повели бесѣду.

Отецъ Парменъ спрашивалъ о новостяхъ новгородскихъ и московскихъ, а отецъ Никита жаждалъ узнать что-нибудь о послѣднихъ минутахъ митрополита Филиппа.

Отецъ Парменъ много лѣтъ жилъ въ монастырѣ и потому онъ могъ даже знать о сподвижникахъ митрополита.

Монахъ удовлетворилъ его любопытство.

— Ты уже знаешь, — говорилъ онъ, — что благолѣпіе этого монастыря и его богатство пріобрѣтены преподобнымъ Филиппомъ, когда онъ былъ здѣсь игуменомъ. Сынъ боярскій, именитаго рода Колычова, онъ въ юности возненавидѣлъ міръ и удалился сюда. Подвигами добродѣтели, любви и трудолюбія онъ снискалъ любовь братіи и возведенъ въ игумены. Слава о немъ дошла до Москвы и царь Иванъ Грозный сталъ одаривать его и монастырь. Но вдругъ получается грамота, — игуменъ

вызванъ для совѣта духовнаго въ Москву. Отслуживъ литургію, преподобный причастилъ всю братію, перецѣловался со всѣми и со слезами покинулъ обитель. На Москвѣ царь встрѣтилъ его съ большими почестями, посадилъ съ собою обѣдать и послѣ трапезы самолично, безъ собора, провозгласилъ его митрополитомъ всея Руси. Филиппъ отказывался и требовалъ уничтоженія опричнины. Царь разгнѣвался и прогналъ его отъ себя, но прислалъ къ нему архіереевъ, чтобы они уговорили его принять паству. Преподобный согласился и сказалъ тогда: „Да будетъ что угодно государю и церковнымъ пастырямъ“. Написали грамоту, въ которой сказано, что митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступаться въ опричнину государеву. Несмотря на это, митрополитъ при первой же архіерейской службѣ сказалъ слово, полное любви къ правдѣ и ненависти къ неправдѣ. Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище издремало и преподобный сталъ на Москвѣ строить церковь во имя святыхъ Савватія и Зосимы. Тишь предвѣщала бурю. На Москвѣ жилъ старецъ, бояринъ Ѳедоровъ, мужъ доблестный, знаменитый, старыхъ обычаевъ, украшенный воинскою славою. Опричники его оклеветали, что онъ хочетъ свергнуть царя съ престола и властвовать въ Россіи. Призвалъ Иванъ къ себѣ Ѳедорова, надѣлъ на него царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: „Здравъ буди, великій царь земли русскія! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою желаемую! Но, имѣя власть сдѣлать тебя царемъ, могу и низвергнуть съ престола!“ Сказавъ это, ударилъ его въ сердце ножемъ. Опричники дорѣзали его и потомъ жену его Марію. Затѣмъ пошла гулять опричнина: зарѣзаны и четвертованы князья Булгаковъ, Ряполовскій, три Ростовскихъ, Щейятевъ и Пронскій. Многихъ убивали въ приказахъ

или когда они шли въ церковь. Бояре и народъ умоляли митрополита заступиться за нихъ и тотъ далъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей. Вскорѣ представился случай. Царь явился въ одно воскресенье въ соборъ, окруженный боярами и опричниками. Преподобный Филиппъ обратился къ нему со словомъ: описывая всѣ ужасы, совершаемые имъ въ государствѣ, онъ напомнилъ ему о судѣ Божиемъ. Иванъ затрепеталъ отъ гнѣва, ударилъ железомъ о камень и зашипѣлъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ, отнынѣ буду каковымъ меня нарицаете“, и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни.

— А лѣтомъ,—продолжалъ ужъ отецъ Никита,—пишутъ очевидцы, въ полночь, любимцы Ивановы: князь Вяземскій, Малюта Скуратовъ и Василій Грязный, съ опричниками ворвались и вломились въ дома ко многимъ знатнымъ людямъ, дьякамъ и купцамъ, взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Свѣтомъ самъ царь, окруженный кромѣшниками, выѣхалъ за городъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любѣцамъ. На другой день онъ велѣлъ развезти ихъ по домамъ,—многія изъ нихъ со стыда и страха или убились, или умерли. Но рассказывая дальше, отецъ Пармень, о преподобномъ Филиппѣ.

— Въ день свв. апостоловъ Петра и Павла преподобный служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами. Тутъ былъ и царь съ опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ тафѣѣ. Митрополитъ остановился и указалъ царю на безчиніе; но виновный успѣлъ снять тафью и царя увѣрили, что это выдумка митрополита. Тогда царь озлился и сталъ ругать митрополита лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ и клялся, что уличить его. Въ обители нашей ничего не знали объ этомъ, какъ однажды явились сюда епископъ Пафнутій и князь Темкинъ. Лаской и угрозой

требовали они, чтобы братія свидѣтельствовала о Филиппѣ недоброе; но братія отказалась единогласно, — лучше смерть, чѣмъ ложь, — отвѣчала она. Одинъ лишь игуменъ Паисій согласился и уѣхалъ въ Москву. Нарядили судъ и на судѣ преподобный сказалъ: „Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего времени. Твори, царь, что тебѣ угодно“, — и съ этими словами митрополитъ снялъ свой бѣлый клобукъ и мантию. Но царь велѣлъ ему взять назадъ то и другое, и когда митрополитъ въ день св. архангела Михаила стоялъ въ Успенскомъ соборѣ въ алтарѣ во всемъ облаченіи, явился Басмановъ съ опричниками, прочиталъ грамоту о низложеніи митрополита соборомъ, сорвалъ съ него облаченіе, одѣлъ его въ бѣдную рясу, выгналъ изъ церкви метлами и затѣмъ повезъ на дровняхъ въ обитель Богоявленія. На другой день преподобнаго привезли на тѣхъ же дровняхъ въ судную палату, гдѣ предъ царемъ ему прочитали объ его винахъ и волшебствѣ, и о томъ, что онъ приговоренъ къ вѣчному заточенію. Тутъ онъ простился съ умиленіемъ съ міромъ и напомнилъ снова царю, что онъ править народомъ неправо. Иванъ гнѣвно заставилъ мановеніемъ руки вывести его. Опричники схватили митрополита и повезли въ темницу, гдѣ его заковали въ желѣзо. Дней черезъ восемь его отвезли въ обитель св. Николая Стараго, на берегу рѣки Москвы. Сюда, нѣсколько дней спустя, царь прислалъ ему голову племянника его, Ивана Борисовича Колычова. Митрополитъ, благословивъ ее, возвратилъ ее принесшему, не говоря ни слова. Между тѣмъ, народъ возмущался, слыша объ этомъ; тогда Филиппа перевезли въ Тверской Отрочинъ монастырь. Сюда явился злодѣй Малюта Скуратовъ и задушилъ старца; но боясь огласки, тѣло его отослали въ Соловки. Когда привезли его сюда, братія постилась, молилась и плакала цѣлую недѣлю. Затѣмъ

облачили его въ митрополичью одежду и предали землѣ по чину архіерейскому.

На отца Никиту разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе, и когда чернецъ Пармень ушелъ отъ него, онъ долго не могъ заснуть.

Въ особенности его потрясла сцена, когда съ митрополита срывали святительское облаченіе.

На другой день отецъ Никита явился къ игумену, предъявилъ ему патриаршую отпускную и объявилъ желаніе свое постричься въ монахи.

Игумень, узнавъ объ его знаніяхъ, обрадовался, тѣмъ болѣе что знающихъ и грамотныхъ въ то время было очень мало, и постриженіе назначилъ на первое же воскресенье.

Между тѣмъ отецъ Никита все это время проводилъ въ постѣ и молитвѣ и къ постриженію явился какъ на праздникъ.

Когда онъ воспринималъ постриженіе, онъ молился о преподобномъ Филиппѣ и далъ клятву, что если Богъ вознесетъ его, то онъ перевезетъ его прахъ въ Москву; когда же его спросили, какое имя желаетъ принять онъ по постриженіи, въ ухахъ его прозвучало имя „Ника“, которымъ называли его такъ нѣжно мать и жена, и онъ произнесъ: „Никонъ“!

XV.

Анжерскій скитъ.

Поселился и жилъ уже нѣсколько лѣтъ бывший отецъ Никита, а теперь Никонъ, въ Анжерскомъ скитѣ, который былъ тогда у подошвы горы, и велъ жизнь труженническую. Братія была немногочисленна, а островъ обширенъ и пустыненъ. Голгова, вся обросшая вѣковыми кедрами, соснами и елями, высилась гигантомъ посреди острова, а озера, полныя разныхъ породъ сѣверныхъ

рыбъ, хотя и мелкой, но обильной, блестяли среди зелени у самой подошвы горы. Работы поэтому небольшому кружку братіи было много. Ни отчего однако-жь Никонъ не отказался: и на рыбную и звѣриную ловлю ходилъ, и дрова рубилъ, плотничью работу производилъ, и на службу въ церковь на лодкѣхъ переѣзжалъ въ Соловки и времени еще у него ставало на то, чтобы почитать изъ соловецкаго книгохранилища то ту, то другую книгу или свитокъ.

Братія возгордилась имъ вскорѣ и рѣшилась отправить его съ скитскимъ игуменомъ Елеазаромъ въ Москву для сбора денегъ на сооруженіе храма на Анжеро-Голгоетской горѣ. Снарядили обоихъ въ путь. Елеазаръ съ Никономъ отправились въ Москву, и здѣсь благодаря связямъ и знакомству послѣдняго, они собрали пятьсотъ рублей, что по тогдашнему времени составляло большую сумму. Когда же они возвратились домой, Елеазаръ приписалъ себѣ всю честь этого сбора, а на Никона не только сталъ клеветать и поносить его, но даже сочинилъ, что Богъ послалъ ему, игумену, видѣніе въ видѣ предостереженія для братіи... Снился-де ему Никонъ, обвитый-де змѣемъ, т. е. другими словами, древній змій, сирѣчь дьяволь, овладѣлъ имъ.

Возненавидѣла братія его поэтому, за все: и за богатырскую его силу, и за его умъ, и за его знанія, и за трезвую его жизнь, и за строгое исполненіе имъ монастырскаго устава.

Обратно и Никонъ, узнавъ близко жизнь братіи, ея дрязги и ея сокровенныя стороны, потерялъ къ ней всякое уваженіе. Вздумалъ было онъ съ каеэды обличать ее, да ему не позволили и объявили, что проповѣдь—латинство и что такой соблазнъ они не допустятъ въ обители Савватія и Зосимы.

Это заставило его говорить съ монахами отдѣльно или въ небольшихъ группахъ; но тѣ тотчасъ поднимають такой шумъ, что хоть вонь бѣги изъ монастыря.

— Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходи,—быль ему отвѣтъ и отъ игумена Соловокъ, когда онъ вздумалъ заикнуться ему о замѣченныхъ имъ безпорядкахъ.

Когда же онъ, бывало, заговорить объ единогласіи въ пѣніи и согласіи въ службѣ, то это новшество называлось латинствомъ и еретичествомъ.

Углубился въ самого себя Никонъ и понялъ, что народъ правъ, когда говорилъ, что „славны бубны за горами“. Спасаться и подвижничать можно и дома и нечего ходить на край свѣта, какъ называлъ преподобный Филиппъ свои Соловки. Видно, подумалъ онъ, при Савватіи и Зосимѣ и Филиппѣ были иные порядки и иные люди.

При этихъ мысляхъ Никонъ сталъ избѣгать братіи, дѣлалъ свое дѣло, глядѣлъ сквозь пальцы на ея продѣлки; но братія не давала ему покоя: то она доносила въ Соловки объ его еретичествѣ и непристойныхъ рѣчахъ и Никонъ получалъ или строгія замѣчанія, или эпитиміи; или они не оставляли ему пищи, когда онъ запаздывалъ къ трапезѣ по монастырскому же дѣлу.

Все это Никонъ терпѣливо переносилъ; но однажды одинъ изъ послушекъ началъ къ нему придирааться и безчестить его. Никонъ вспылилъ и оттузилъ его.

Вся братія взбунтовалась, пошла жаловаться скитскому игумену Елеазару и тотъ посадилъ его въ подземелье на хлѣбъ и на воду на цѣлую недѣлю.

Сидя въ сыромъ и холодномъ погребѣ, Никонъ размышленіями пришелъ къ заключенію, что при такой обстановкѣ и отношеніи къ цѣлой братіи, добра не будетъ и лучше уйти отъ грѣха.

Но какъ уйти?

Разъ попавъ въ монастырь, онъ становился совершеннымъ его рабомъ и уйти оттуда онъ могъ только бѣгствомъ.

При переходѣ же въ другой монастырь, если по-

слѣдній былъ сильнѣе перваго или по крайней мѣрѣ въ равной съ нимъ силѣ, то могла еще быть надежда, что онъ не будетъ выданъ; если же послѣ бѣгства онъ попадетъ въ слабый монастырь, то Соловки потребуютъ его выдачи.

Положеніе его было отчаянное и онъ не зналъ на что рѣшиться.

Случай развязалъ ему руки.

Лѣтомъ ежегодно отправлялись изъ Соловокъ монахи и служки-рыболовы на острова у устья Онѣги, чтобы наготовить соленой крупной рыбы про запасъ на цѣлый годъ.

И годъ спустя послѣ прибытія Никона въ Соловки, снастили судно для этой цѣли.

Монахи уговаривали его, чтобы и онъ ѣхалъ.

У Никона запало подозрѣніе и онъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта.

Нужно было посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь и онъ, переѣхавъ на лодкѣ въ Соловки, отправился къ отцу Пармену, когда его зачѣмъ-то послали изъ скита въ обитель.

Отецъ Пармень былъ постоянно занятъ монастырскимъ хозяйствомъ и поэтому они рѣдко видѣлись съ Никономъ; когда же встрѣчались, онъ душевно скорбѣлъ, что тотъ не сошелся съ братіею.

— У насъ такъ,—сказалъ онъ въ заключеніе:—братія кого не влюбить, готова извести его и мухоморомъ угостить или утопить...

— Господи!—воскликнулъ съ ужасомъ Никонъ:—и это творять отшельники, преемники Елеазара.

— Развѣ скитскіе—отшельники? Здѣсь что ни на ѣсть грѣшныя изъ нашей братіи, всѣ туда попадаютъ, и кто ужъ послѣ этого искуса выйдетъ чистъ, тотъ по истинѣ благочестивъ.

— Такъ для искушенія я туда попалъ? Но пока кончится искусъ, меня на свѣтъ не будетъ.

— Вѣрю, вѣрю,—многозначительно произнесъ отецъ Пармень и вдругъ, какъ бы что вспомнивъ, обратился къ нему со словами:—Они уговариваютъ тебя ѣхать на рыболовство?

— Упрашиваютъ.

— Теперь ясно, берегись, братъ, у нихъ злой умыселъ. Это не первина. Рыболовы наловятъ рыбы и оставятъ тебя на пустынномъ островѣ. Видишь, они всегда свою ладью нагружаютъ рыбою и увезутъ въ Архангельскъ. Продадутъ тамъ товаръ купцу, накупятъ водки и разныхъ сластей и возвращаются для второго улова. Второй ужъ уловъ лишь везется сюда. Теперь понимаешь, откуда пьянство?

— Да какъ же водку и сласти они везутъ сюда?

— Ночью нѣсколько лодокъ ѣдетъ къ нимъ на встрѣчу и провезутъ такъ, что никто не увидитъ. А наши Соловки дремучи и они въ подземельяхъ запрячутъ такъ, что не отыщешь.

— Такъ, по твоему, дорогой отецъ Пармень, не ѣхать?

— Это какъ знаешь, самъ обдумай: не попасться бы тебѣ въ западню. На то Богъ далъ тебѣ разумъ. Только помни одно: коль послѣ отъѣзда твоего черезъ недѣлю рыболовы не возвратятся, такъ изъ скита поидетъ къ Онѣгѣ новая ладья.

Намотавъ себѣ это на усъ Никонъ, простился онъ съ нимъ съ чувствомъ, молвя на прощанье:

— Не поминай лихомъ,—и поплелся по направленію къ своей лодкѣ, чтобы переѣхать къ скиту.

Прибыль онъ туда къ трапезѣ и весело обратился къ брати:

— Когда же рыболовы выѣзжаютъ?—спросилъ онъ.

— Завтра до свѣта,—сказалъ одинъ.

— А меня возьмутъ?

— Коли охотишься, поѣжай.

— Какъ не охотиться, — возразилъ онъ, расхохота-

вхись.—Можетъ быть кить проглотить меня и будетъ онъ носить меня во чревѣ своемъ три дня и три ночи.

— Не кощунствуй, да здѣсь и китовъ-то нѣтути, озлился Пафнутій, который долженъ былъ въхать на чальникомъ на рыболовню.

— Если Богъ захочетъ совершить чудо, такъ Онъ совершитъ его, и хотя здѣсь нѣтъ китовъ, такъ они могутъ появиться. Знаешь-ли, отецъ Пафнутій, Богъ коли захочетъ, такъ изъ меня, червя, сдѣлаетъ нѣчто, а изъ иного сдѣлаетъ ничто. Ёду съ вами,—во мнѣ найдете работника.

Отецъ Пафнутій злобно на него покосился, пошептался съ тѣми монахами и служками, которые должны были ему сопутствовать, и сказалъ:

— Мы беремъ тебя, но гляди: слушаться и не шумѣть. Рыба не любитъ шума, а потому безъ ссоръ.

— Честное слово.

Никону не долго было собираться, онъ всю одежду монастырскую сдалъ въ кладовую, самъ нарядился въ свое крестьянское платье, только захвативъ топоръ, пилу, котомку и посохъ.

— А это на что тебѣ?

— Можетъ быть потреба: будетъ что ни на есть поправить въ ладьѣ,—хладнокровно отвѣчалъ Никонъ.

Въ котомку же Никонъ наложилъ порядочный запасъ хлѣба и соленой рыбы, а отцу Пафнутію сказалъ, что это онъ взялъ съ собою священныя книги для чтенія, которыя подарилъ ему отецъ игумень.

Съ разсвѣтомъ другого дня большая ладья, приспособленная для морскаго плаванья, подняла на мачтѣ парусъ и они тронулись въ путь. Ладья была нагружена солью, сѣтями, провизіею и имѣла за собою двѣ маленькія лодки для завозки сѣтей. На лодкѣ были монахъ Пафнутій, еще четыре чернеца, двое служекъ и Никонъ.

Вѣтеръ былъ попутный, свѣжій, но море не особенно волновалось и они шли шибко.

Рулемъ управляли попеременно всѣ монахи и Никонъ.

Послѣдній присматривался къ дѣйствию паруса и руля и вскорѣ понялъ искусство управленія и тѣмъ, и другимъ.

Провизіи и питія монахи набрали вдоволь и угощались попеременно: то Пафнутій потчивалъ Ивана и Петра, то Иванъ потчивалъ Пафнутія и Петра, то Петръ потчивалъ Ивана и Пафнутія. Служекъ тоже не обходили; одинъ Никонъ ничего не пилъ, кромѣ воды изъ боченка.

За день рыболовы наугощались-таки порядкомъ, и когда къ вечеру стали приближаться къ одному изъ острововъ у устья Онѣги Никонъ бросилъ якорь и убралъ паруса.

По условію, рыболовы должны были съѣхать на лодкахъ на берегъ, раскинуть тамъ привезенный шатеръ, свезти туда провизію, котлы и оленьи кожи для постели; но монахи и служки были такъ пьяны, что остались на ладѣ.

Всѣ были погружены въ глубокой сонъ, лишь одинъ Никонъ бодрствовалъ.

Ночи не существовало, было совершенно свѣтло и онъ ждалъ только восхода солнца, которое въ одномъ мѣстѣ моря должно было только окунуться въ морскую даль и тутъ же выплыть оттуда.

Но въ то время, когда солнце совершало этотъ путь, тучки покрыли то мѣсто, гдѣ было солнце, и въ разныхъ мѣстахъ на небѣ появились облака; и тучи, и облака мгновенно стали переливать въ разные цвѣта и, отражаясь въ морѣ, представляли дивную красоту.

Все море въ это время ожило: маленькія рыбки точно искры вылетали изъ воды; а тамъ шумъ обнаруживалъ движеніе цѣлаго стада большихъ рыбъ; въ иномъ мѣстѣ показывалась голова или тюленя, или моржа; въ другомъ—всплеснетъ вода и покажется голова рыбы, до-

толѣ имъ не виданной. А на островѣ гогочуть, крикають и щелкають тысячи разныхъ птицъ.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ созерцаль это Никонъ и тѣмъ болѣе онъ озлоблялся противъ монаховъ-спутниковъ своихъ, которые, уткнувъ носы въ палубу, неистово храпѣли.

Такъ проспали рыболовы почти до полудня, а когда проснулись, свезли на берегъ припасы, шатеръ, котлы и заварили пищу.

Насытившись, они снова стали угощаться, только въ мѣру и начали готовить сѣти для ловли.

День прошелъ въ этой работѣ; потомъ, заснувъ немного, они съ новымъ восходомъ солнца выѣхали на лодкахъ въ море на работу. Никонъ дѣйствовалъ какъ искусный рыболовъ, — въ Макарьевскомъ монастырѣ онъ часто этимъ упражнялся.

Уловъ рыбы былъ великъ, запасъ соли достаточенъ и работы было много на берегу послѣ улова, соленую же рыбу тотчасъ клали въ бочки и отвозили на судно.

Такъ проработали они два дня и на третій Никонъ, видя, что нагрузка на судно идетъ къ концу, смекнулъ, что вѣроятно монахи захотятъ сняться въ Архангельскъ и тогда они совершатъ надъ нимъ какое-нибудь злодѣяніе, а потому онъ твердо рѣшился ихъ предупредить.

Отвезши съ однимъ изъ служекъ послѣдній боченокъ на судно, Никонъ обратился къ отцу Пафнутію:

— Святой отче,—сказалъ онъ,—сегодня я наработался и по трудахъ хотѣлъ бы чарку пѣннаго.

— Можно, можно; да вѣдь ты, Никонъ, никогда не пьешь.

— Не пью и не пилъ, а сегодня, какъ мы работу кончили, такъ и я выпью до положенія ризъ, какъ братія баить.

— Вотъ какъ! Пей, пей,—обрадовался Пафнутій и переглянулся съ другими монахами.

Тѣ насмѣшливо улыбнулись.

— Позволь,—воскликнулъ тогда Никонъ,—мнѣ взять боченокъ съ пѣннымъ и обойти братію, а себя не обойду.

Онъ взялъ ковшъ и боченокъ и сталъ потчивать всѣхъ.

Каждый получалъ одинъ ковшъ, а онъ пилъ по два и совершенно охмѣлѣлъ.

Монахи, видя его совершенно пьянымъ и лежащимъ безъ сознанія, перешептывались о томъ, что нужно-де ждать попутку, а тѣмъ временемъ можно бы еще выпить и соснуть. Они и служки вновь употчивались, затѣмъ забрались въ шатеръ и вскорѣ ихъ носы возвѣстили, что они спятъ непробудно.

Какъ только это долетѣло до слуха Никона, какъ онъ тихо приподнялся, безъ шума добрался до одной лодки, отвязалъ отъ колышка и другую и, прицѣпивъ послѣднюю къ кормѣ первой, вскочилъ въ первую лодку и веслами сталъ тихо грести къ ладѣ.

Забрался онъ на ладью и сталъ поднимать якорь, бросивъ въ морѣ лодку.

Якорь былъ не великъ, но все же требовалось по крайней мѣрѣ два человѣка, чтобы поднять его. Но богатство Никона и желаніе спастись удвоили его силы, и съ трудомъ, но все же якорь былъ поднятъ. Тогда Никонъ распустилъ паруса, взялся за руль и ладья его стройно поплыла къ устью Онѣги, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ засвѣжѣлъ и сдѣлался попутнымъ. Зорко высматривалъ Никонъ приближающіеся къ нему берега и по цвѣту воды искалъ глубину рѣки.

Къ счастью Никона, заря была во всю ночь и вода въ устьѣ не волновалась и поэтому онъ шелъ безъ устанно не только во всю ночь, но и слѣдующіе дни. На третій день, сидя на рулѣ, такъ какъ онъ три ночи не спалъ, взялъ его сонъ и онъ заснулъ. Сильный толчекъ и затѣмъ удары пробудили его. Проснувшись, онъ сразу не понялъ, что съ нимъ такое: боченки съ селедками лежали на немъ, ладья была на боку. Онъ вы-

свободился изъ-подъ боченковъ и взглянулъ за бортъ. Оказалось, что онъ врѣзался съ судномъ на самый берегъ какого-то острова и что судно накренило такъ на бокъ, что вода начала заливать его. Никонъ собралъ свой скарбъ и провизію, бросился въ рѣку и переплылъ на островъ. Онъ не зналъ гдѣ находится, но помолился Богу, что Богъ не дасть ему утонуть. Поѣвши немного, онъ сталъ обходить островъ и въ одномъ мѣстѣ, глядя на противоположный берегъ рѣки, онъ увидѣлъ деревушку и крестьянъ. Началъ Никонъ дѣлать имъ знаки, чтобы они перевезли его къ себѣ; но они не хотѣли, боясь, что ужъ не морской-ли разбойникъ это. Тогда какая-то женщина отдѣлилась отъ толпы, побѣжала въ село и привела двухъ молодцевъ: это была вдова и два ея сына. Молодые люди отвязали свою лодку отъ пристани и причалили къ острову. Здѣсь они помогли Никону снять лодку съ мели, боченки съ рыбой, выброшенные въ воду, они тоже подобрали и уложили на мѣстѣ и спустили якорь. Потомъ они пригласили Никона на свой берегъ. Никонъ тогда взялъ свой топоръ и пилу, срубилъ дерево, сдѣлалъ большой крестъ и водрузилъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ его выбросила рѣка.

— Пуцай сіе мѣсто будетъ свято и именуется крестовымъ; а коль буду я благословенъ и взысканъ Богомъ, сооружу здѣсь святую обитель,—произнесъ Никонъ набожно, совершивъ молитвы.

Послѣ того онъ сѣлъ въ лодку и переѣхалъ на ночлегъ ко вдовѣ.

У гостепріимныхъ хозяевъ онъ прожилъ нѣсколько дней и разспросивъ путь въ Кожезерскую обитель, онъ направилъ туда путь.

Вдова съ дѣтьми со слезами проводила его нѣсколько верстъ; но Никонъ, выйдя на большую дорогу, простился съ ними и благословилъ ихъ.

XVI.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Три недѣли тащился Никонъ къ Кожеезерской святой обители.

Монастырь этотъ славился своимъ общежитіемъ и строгостью правилъ и нерѣдко московское правитель-ство отправляло туда въ ссылку опальныхъ бояръ. Такъ, Годуновъ въ іюль 1601 года отправилъ туда князя Ивана Васильевича Ситцкаго и съ того времени знатнѣйшіе княжескіе и боярскіе роды навѣщали монастырь, дѣлали богатые вклады и онъ, такимъ образомъ, составилъ связи съ Москвою. Многіе, приходя въ глубокую старость, удалялись сюда на покой, умирали и оставляли монастырю и движимое имущество свое, и вотчины. Многіе же просто искали здѣсь убѣжища и защиту въ смутныя времена, и обитель не только процвѣтала, но прославилась по всей Руси.

Шель туда Никонъ по двумъ причинамъ: это была ближайшая уединенная обитель, притомъ Кожеезерскій монастырь, если только приметъ его, то не выдастъ его Соловкамъ.

Притомъ въ этой обители родной братъ его тестя, отца Василя, былъ протопопомъ.

Отецъ Василій и братъ его Прокопій были кievляне, и, окончивъ тамъ ученіе, оба пріѣхали въ Москву; но младшій, Василій, далѣе прихода въ Вельмановъ не пошелъ; а старшій попалъ въ Новгородъ, гдѣ занималъ небольшой приходъ. Въ смутное время, когда шведы овладѣли городомъ, жители оказали сильное сопротивленіе, и непріятель, ворвавшись въ городъ, грабилъ и перерѣзалъ тогда много жителей, и въ числѣ ихъ находилась и его семья: жена и нѣсколько дѣтей.

Отецъ Прокопій спасся чудомъ: онъ служилъ въ церкви, и когда шведы ворвались туда, онъ вышелъ къ нимъ во всемъ облаченіи.

Воины остановились, поговорили между собою и разошлись, приставивъ къ церкви стражу, чтобы защитить храмъ отъ грабежа.

Но когда іерей возвратился домой и увидѣлъ всю семью убитою и домъ ограбленнымъ, онъ обезумѣлъ и бѣжалъ изъ города.

Очнувшись, онъ узналъ, что его нашли кожеезерскіе монахи по дорогѣ изъ Новгорода и, положивъ его въ телѣгу, привезли къ себѣ.

Начиная сознать себя и окружающее его, отецъ Прокопій припомнилъ новгородскія событія и не хотѣлъ болѣе туда возвратиться. Братія оставила его у себя, и такъ какъ онъ былъ ученый, то вскорѣ сдѣлали его своимъ іереемъ.

Когда Никонъ былъ еще простымъ причетникомъ у отца Василія, отецъ Прокопій по какимъ-то дѣламъ монастыря отправился къ Макарію и заѣхалъ погостить на нѣсколько дней къ брату своему.

Здѣсь онъ познакомился съ Никономъ, шутилъ и подтрунивалъ надъ нимъ, не предвидя, что онъ сдѣлается мужемъ его племянницы.

Отецъ Прокопій любилъ говорить по-малороссійски кстати и не кстати, и когда онъ въ первый разъ увидѣлъ трехаршиннаго Никона, онъ прищурилъ одинъ глазъ и, поглаживая свою рѣденькую бородку, пробасилъ:

— Звиткиль взялись вы?

— Я здѣшний.

— Тутѣйшній? Ого!.. И усе здись верзилы?

— Всѣ...

— И батка твій? И маты?

— Да.

— Людей не ѣдите?—продолжалъ батюшка.

Никонъ разоалился и отвѣтилъ:

— Не звѣри же мы.

— Не кажу я, хлопець, що звѣри, а нагодувать та-

кого хлопця якъ ты, треба пудъ борошна (муки), пудъ огиркивъ, три пуда яловичины (мяса).

— Полно дурить,—остановилъ его братъ.—Ты лучше поговори съ нимъ, ума палата.

Отець Прокопій снова прищурилъ глазъ и заговорилъ:

— А що тамъ на неби?

— Господь Богъ Отець и Сынъ и Св. Духъ и тысячи темъ ангеловъ,—отвѣчалъ Никонъ.

— А що въ земли?—продолжалъ онъ допрашивать.

— Земля,—отвѣчалъ Никонъ:—ибо во св. писаніи сказано: земля еси и въ землю отыдеши.

— Добре, хлопецъ, добре. А сколько грошей можешь перелечить?

— Сколько, батюшка, у васъ никогда и не бывало.

— Ого!—осклабилъ зубы батюшка:—да ты якъ бачу до страхова добираешься... Выпьемъ же по чарцѣ и будемъ въ ладу.

Таково было первое ихъ знакомство и къ этому-то дядькѣ шель теперь Никонъ. Онъ пришелъ во время вечерни. Отець Прокопій былъ ужъ очень старъ, но не былъ еще дряхлѣ, силы его не покидали.

Когда Никонъ вошелъ въ церковь, онъ оставилъ котомку, пилу и топоръ у дверей храма; и едва онъ показался у алтаря, какъ батюшка его узналъ.

Окончивъ службу, онъ поспѣшно вышелъ къ племяннику и не могъ не пошутить:

— Шкода, что нема драбины,—сказалъ онъ:—влизъ бы поцѣловаться.

Никонъ нагнулся къ старику и они продолжительно поцѣловались.

— Идемъ ко мнѣ въ хату,—поторопилъ его старикъ:—Поразскажешь все... Племянница отписала мнѣ изъ монастыря и о себѣ, и о тебѣ.

— Она здорова и жива?—обрадовался Никонъ.

— Скучаетъ, пишетъ она, не по міру, а по тебѣ и не знаетъ, гдѣ ты.

Въ этой бесѣдѣ они пришли въ келью батюшки; она была обставлена не по-монастырски, а по-свѣтски.

Батюшка кликнулъ служку и велѣлъ подать вечерять и Никонъ за ужиномъ разсказалъ свою исторію, начиная отъ посвященія его въ священники до прибытія его въ монастырь.

— Самъ Господь Богъ спасъ тебя отъ рукъ злодѣевъ, — вознегодовалъ тогда отецъ Прокопій: — и надумилъ тебя идти сюда. Нашъ отецъ игумень Никодимъ въ большой чести и у патріарха, и у царя: ни одинъ синклитъ, ни одинъ соборъ безъ него не обходится, а когда онъ на Москвѣ, такъ живетъ въ патріаршей палатѣ. Онъ тебя не выдастъ и все поразскажетъ патріарху. Онъ очень старъ и любитъ молодыхъ и удалыхъ. Завтра я съ нимъ поговорю о тебѣ, а теперь на покой, старъ сталъ и тяжело становится каждый день къ заутрени вставать.

Никону отъ этого приема сдѣлалось такъ легко на сердцѣ, что онъ легъ на приготовленное имъ ложе и вскорѣ заснулъ такимъ богатырскимъ сномъ, что проспалъ бы не только заутреню, но и обѣдню, если бы голосъ дяди не разбудилъ его.

— Вставай, — говорилъ дядя, толкая его: — видишь какая тебѣ честь, отецъ игумень самъ зашелъ навѣстить тебя.

Никонъ вскочилъ съ своего ложа, бросился къ ногамъ игумена и поклонами сталъ молить о прощеніи и благословеніи.

Старець умилился и сказалъ:

— Встань, мой сынъ, да будетъ благословенъ приходъ твой въ домъ Господній.

Когда же Никонъ всталъ и выпрямился, игумень былъ пораженъ его богатырской красотой.

— Ты подобенъ Пересвѣту и Ослябъ, посланнымъ св. Сергіемъ къ великому князю Димитрію на погибель татаръ, и если явится вразомъ сей обители новый пече-

нѣгъ, то ты тоже сразишь его, какъ сразилъ того Пересвѣтъ. Но богатырь по тѣлу, ты богатырь и по духу. Сказывалъ мнѣ патріархъ Іосафъ о новшествахъ твоихъ въ монастырѣ Макарія и о благолѣпіи служенія и пѣснопѣнія... Дядя твой, отецъ протопопъ Прокопій, ужь много сдѣлалъ здѣсь.

— Да, очень ужь старъ,—докончилъ его дядя.

— Старость не грѣхъ, не порокъ,—перебилъ его игумень,—но для твоихъ новшествъ нужны силы молодья, твой Никонъ тебѣ и поможетъ. Разказалъ мнѣ твой дядя о Соловкахъ, и невѣроятно, и страшно за нихъ. Будетъ борьба съ ними трудная, но Богъ и св. Богородица будутъ стоять за правое дѣло. А ты оставайся у насъ и служи Богу, какъ служилъ доселѣ. Братія у насъ добрая, покладистая, послушная, она полюбитъ тебя. У насъ не то; въ Соловкахъ всякаго сброду люди; здѣсь все аль изъ бояръ, аль изъ боярскихъ дѣтей, аль изъ приказныхъ, все больше люди служилые и на старости ищущіе покоя и прощенія грѣховъ. Велю я тебѣ принести одежду чернецкую и приходи къ обѣднѣ, отецъ Прокопій отслужить молебень о благополучномъ окончаніи твоихъ бѣдъ; потомъ я отведу тебя въ братскую трапезную и ты поразскажи братіи о Соловкахъ.

Тогда Никонъ попросилъ разрѣшенія игумена послѣ обѣдни сказать слово братіи.

— Это тоже новшество,—сказалъ игумень:—и многіе возстаютъ противъ этой новизны; видишь, сказать умное слово труднѣе, чѣмъ молчать; разрѣшаю тебѣ, сынъ мой, говорить всегда, когда Св. Духъ найдетъ на тя.

Съ этими словами игумень удалился и нѣсколько минутъ спустя принесена была чернецкая одежда для Никона; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему принесли наперсный драгоценный крестъ отъ игумена съ его благословеніемъ, при чемъ принесшій этотъ крестъ чернецъ отъ имени Никодима передалъ ему, чтобы онъ воздвигъ на Руси этотъ крестъ превыше всѣхъ сущихъ пастырей церкви.

Никонъ при этихъ словахъ приадумался, но объяснилъ ихъ необыкновенно высокимъ своимъ ростомъ.

Во время обѣдни Никонъ пѣлъ на клиросѣ, но когда послѣ службы начался молебенъ о немъ, онъ сталъ предъ алтаремъ на колѣни; когда же молебенъ кончился и хоръ запѣлъ „многая лѣта“, онъ обратился къ братіи и смиренно склонилъ голову. Съ окончаніемъ молебна Никонъ началъ говорить свое слово.

Говорилъ онъ о служеніи Господу и о долгѣ служителей церкви.

Рѣчь его была сжатая, рѣзкая, но голосъ чудодѣйственъ: онъ то уподоблялся нѣжному голосу матери, говорящей съ ребенкомъ, то былъ грозенъ и повелителенъ, такъ что ораторъ овладѣвалъ толпою, заставляя ее то умиляться, то плакать, то трепетать.

И въ тотъ мигъ, когда Никонъ взывалъ къ нечестивымъ, грозя имъ вѣчнымъ судьею, блеснула молнія, грянулъ громъ и колокола церковные затрещивали.

Монахи со страху попадали на колѣни; но Никонъ не растерялся, снявъ наперсный крестъ съ шеи, онъ поднималъ его высоко надъ головою своею и, призывая Господа силъ и благословляя братію, изрекъ всепрощеніе всѣмъ предстоящимъ.

— Знаменіе великое, — шептались между собою монахи...

Знаменіе такъ сильно подѣйствовало на всѣхъ, что монахи встали и бросились подъ его благословеніе; Никонъ со всѣми лобызался.

Послѣ того братія повела его въ трапезную и Никонъ рассказалъ имъ о походахъ своихъ въ Соловкахъ.

Братія съ негодованіемъ слушала рассказъ Никона и многіе изъ именитѣйшихъ монаховъ обѣщались отписать обо всемъ въ Москву.

— Миръ не безъ добрыхъ людей, — сказалъ Никонъ, возвращаясь въ келью своего дяди.

Дядя же молвилъ:

— То св. Илья пророкъ, котораго на Украинѣ зовуть „паликопы“, благовѣствовалъ, что благодать Божья осѣнила тебя и онъ трезвонилъ, слушая твое слово.

И съ этими словами всегда шутиливый и насмѣшливый его дядя обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ:

— Аминь, аминь глаголю, Св. Духъ найдетъ на тя и будешь ты благовѣствовать премудрость предъ царями князьями и народами, и будешь ты превыше всѣхъ предстоящихъ въ сей обители. Аминь.

XVII.

Черница.

Въ теремѣ царскомъ, на женской половинѣ, въ одной изъ уединенныхъ спаленъ, сидитъ дочь царя Михаила Феодоровича, Татьяна. Она очень опечалена: много сважъ было прислано къ матери ея Евдокии Лукьяновнѣ, и знатнѣйшіе боярскіе роды били челомъ, чтобы осчастливить ихъ и отдать руку сестры ея Ирины, но всѣ получали отказъ.

— Я, — говорила царица, — не была бы сама женою царя, если бы князь Львовъ и Шиповъ успѣли уговорить короля датскаго отдать за царя племянницу свою; но тотъ отказалъ, такъ какъ царь требовалъ, чтобы невѣста приняла нашъ законъ. Потомъ отправили пословъ къ королю шведскому Густаву-Адольфу, чтобы онъ высваталъ царю сестру курфирста Бранденбургскаго (прусскаго) Екатерину, но и та не хотѣла принять православія; тогда царь женился на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой, но та вскорѣ умерла и тогда лишь царь женился на ней, Евдокии Лукьяновнѣ Стрѣшневой. Но она сама сознаетъ ошибку царя, и потому впредь царскія дочери будутъ выданы лишь за иностранныхъ королевичей.

Отказъ этотъ опечалилъ Татьяну, такъ какъ она

чувствовала зазнобушку къ князю Ситцкому, сыну того, который былъ заточенъ въ монастырѣ Кожеезерскомъ Годуновымъ и поэтому не было никакой надежды когда-нибудь выйти замужъ.

Въ печали за себя и за сестру, царевна Татьяна Михайловна послала за черницей Алексѣевского монастыря Натальей, имѣвшей большое вліяніе на царицу.

Теперь она ожидала ее и была въ тревогѣ, какъ приметъ еще черница, эта схимница и строгая подвижница, ея просьбу уговорить царицу, чтобы она и царь отмѣнили свое рѣшеніе.

Но вотъ кто-то идетъ; вошла сѣнная дѣвушка и черничка.

Монахиня перекрестилась предъ образами и остановилась почтительно у двери.

Татьяна Михайловна подошла подъ ея благословеніе и, взявъ ее за обѣ руки, усадила подъ образа на мягкій татарскій топчанъ, устланный персидскимъ ковромъ.

— Матушка,—сказала она,—я въ большой горести и печали, матушка царица и батюшка царь порѣшили выдать насъ за королевичей.

— Что-жъ и съ Божьей помощью,—замѣтила черничка.

— Да гдѣ-же взять-то королевичей?.. Не народятся-же они для насъ и будемъ мы невѣсты Христовы... А здѣсь развѣ мало именитыхъ боярскихъ и княжескихъ родовъ, да все своего закона.

Черничка молчала.

— Есть Воротынскіе... Голицыны... Ситцкіе.

Послѣднюю фамилію она произнесла заикаясь и шепотомъ.

Монахиня глубоко вздохнула и, обнявъ ее, произнесла съ чувствомъ:

— Я поговорю съ великой государыней, матушкой царицей, но едва-ли будетъ толкъ: царь и бояре и весь

синклить такъ порѣшили; а батюшка царь не измѣняетъ слово свое и будетъ стоять на своемъ.

Татьяна Михайловна зарыдала.

— Не плачь,—говорила нѣжно монашка:—нужно покроясь волѣ Божіей; гляди и на меня,—она откинула черное покрывало, скрывавшее ея лицо; царевна увидѣла предъ собою дивную красавицу,—и я еще молода и была хороша, любила своего мужа, но Богу угодно было сдѣлать его сподвижникомъ своимъ, и мы разстались... оба поступили въ монастырь, и я не жалѣю: въ мірѣ столько горестей, столько печали, а въ обители святой мирно текутъ мои дни.

— И я поступлю въ монастырь.

— Зачѣмъ? пріѣдетъ королевичъ, выйдешь замужъ... дѣти твои будутъ царствовать.

— Не пріѣдутъ королевичи, не измѣнятъ своего закона.

— Будешь тогда невѣста Христова и въ царскомъ теремѣ, здѣсь тебѣ и почетъ, и уваженіе.

— Но развѣ тебѣ не жаль было покинуть міра?— прервала ее царевна.—Разскажи свою жизнь, какъ сама отеклась отъ счастья, и тогда и я повѣрю.

Подумавъ немного, монашка сказала:

— Изволь, лишь ради твоего счастья раскрою тебѣ тайники своего сердца; они же только вѣдомы были Царю Небесному.

Долго она разсказывала царевнѣ о своей жизни,—это была жена Никона,—и когда она кончила послѣднимъ прощаньемъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ, и она, и царевна разрыдались.

Величественная личность Никона ярко и живо обрисовалась въ воображеніи царевны и она почувствовала къ нему глубокую симпатію.

— Гдѣ же онъ теперь?—спросила она.

— Въ Соловкахъ,—отвѣчала монашка:—гдѣ онъ те-

перъ и постригся-ли въ монахи и какое имя принялъ,—ничего не знаю.

Тогда царевна рассказала ей, что она нѣсколько дней предъ этимъ была у родственника Шереметьева и встрѣтила тамъ князей Мещерскаго и Вяземскаго изъ патриаршей палаты и тѣ рассказали, что Соловки ужъ много лѣтъ ведутъ переписку съ патриархомъ о томъ, что поппъ Никита, принявшій ангельскій ликъ подъ именемъ Никона, бѣжалъ изъ монастыря, обокравъ монастырскую казну, а князь Ситцкій говорилъ, что это неправда, что Кожеезерскій монастырь, гдѣ теперъ Никонъ, пишетъ, что это ложь и что Никонъ бѣжалъ оттуда, чтобы не видѣть ихъ воровства и злодѣйства.

Услышавъ это, черница обрадовалась и сказала:

— Это должно быть онъ, я все узнаю и тогда расскажу все царицѣ, а тебя, царевна, умоляю поговорить съ патриаршими боярами и съ патриархомъ... Я выйду завтра по обѣту на подаяніе для св. обители, а когда возвращусь, зайду къ тебѣ, царевна многомилостивая.

Съ этими словами монашка вышла изъ горницы царевны и ушла въ свой монастырь.

На другой день рано утромъ, съ посохомъ въ рукахъ, черница и служки вышли съ кружкой изъ монастыря и поспѣшно пошли по направленію къ Каргополю.

Недѣль черезъ шесть обѣ сборщицы вошли въ ворота Кожеезерскаго монастыря, чтобы поклониться тамъ мощамъ и св. угодникамъ.

Самыя разнообразныя чувства и мысли волновали монахиню, и вопросъ, говорить-ли съ Никономъ или нѣтъ, терзалъ ея душу.

Человѣчность говорила ей: поговори съ нимъ, а грозный долгъ твердилъ: ты отказалась и отъ міра, и отъ него.

Въ такомъ нерѣшительномъ состояніи вошли они въ церковь. Шла воскресная литургія и церковь была полна монаховъ и богомольцевъ, пришедшихъ изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ.

Наталья съ служанкой вошли незамѣтно и помѣстились такъ, чтобы видѣть хотя издали Никона.

Его могучій голосъ раздавался съ клироса, и когда она увидѣла его въ чернецкой одеждѣ съ наперснымъ крестомъ на шеѣ, онъ показался ей еще милѣе, еще прекраснѣе прежняго. Лицо же его было сурово и величественно.

Послѣ причастія онъ вышелъ на амвонъ и сказалъ народу вдохновенное слово; братія и народъ толпились къ нему, слушая его съ умиленіемъ и слезами.

Наталья вѣлакала и подумала: лучше мнѣ не видѣться съ нимъ; не утерплю, брошусь ему на шею, а это грѣхъ. И себя только искушу, и его... Ему большая дорога въ епископы, а я останусь черницей. Буду ему полезна и такъ... Нечего заходить и къ дядѣ, это и его и меня только разстроить.

Съ этими мыслями, по окончаніи слова Никономъ, она еще гуще закрыла лицо свое и выйдя изъ церкви остановила одного монаха и просила его разказать ей подробно, какъ и почему Никонъ бѣжалъ изъ Соловокъ.

Монахъ повелъ ее въ церковную ограду и разказалъ ей всѣ подробности дѣла; монашка внимательно выслушала его, поблагодарила за разказъ и ушла изъ монастыря.

Когда черница возвратилась въ свою обитель, ей передали, что царица и царевна Татьяна Михайловна нѣсколько разъ присылали за нею.

Та пошла въ баню и, вымывшись и пріодѣвшись, отправилась въ царскій теремъ.

Въ тѣ времена былъ обычай, что званіе и бывшее имя монаховъ и монахинь было строжайшимъ секретомъ, вотъ почему царица не знала, кто черница Наталья, которую она такъ любила; знала объ этомъ одна только царевна Татьяна Михайловна, и потому жена Никона зашла прежде всего къ ней.

Она разказала ей о посѣщеніи ею монастыря и о

томъ, что она тамъ видѣла и слышала и просила царевну, чтобы та не передавала царицѣ, что Наталья, бывшая жена Никона, такъ какъ она желаетъ какъ совершенно чужая явиться за него ходатаемъ предъ патриархомъ.

Царевна дала ей слово и она отправилась къ царицѣ.

Евдокія Лукьяновна приняла радушно монашку, она ее любила за подвижническую ея жизнь и за умъ. Вотъ почему, когда Наталья вошла къ ней и поцѣловала у нея руку, она обратно просила ее благословить и просила разсказать, что она видѣла и слышала во время ея странствованія при сборѣ Христа-ради на монастырь святой.

Говорила ей много хорошаго и много дурного черница, но когда дошла до посѣщенія ею Кожеезерскаго монастыря, царица стала слушать съ большимъ вниманіемъ. Новшества въ церкви были тогда большой заботой правительства и свѣтскаго и духовнаго, и шли тогда сильные толки и за и противъ нихъ во всемъ царствѣ. Кожеезерскій монастырь стоялъ тогда высоко и считался хранителемъ православія, а потому разсказъ монашки былъ особенно любопытенъ для ея слушательницы.

Когда же Наталья описала то впечатлѣніе, какое произвела на братію и на народъ Никонъ своимъ словомъ, и когда она передала царицѣ подробности разсказаннаго ей старымъ монахомъ о бѣгствѣ изъ Соловокъ, царица пришла въ негодованіе и потребовала, чтобы она, Наталья, отправилась тотчасъ отъ ея имени къ патриарху, чтобы онъ велѣлъ сыскать это дѣло, т. е. обслѣдовать его, тѣмъ болѣе, что она слышала отъ патриарха, что Соловки жалуются на Никона и зовутъ его воромъ.

Черница поцѣловала руку царицы и пошла въ патриаршую палату.

Окольникій патриарха, князь Вяземскій, узнавъ, что черница отъ царицы, тотчасъ доложилъ о ней патриарху и тотъ велѣлъ ввести ее къ себѣ.

Монашка упала къ ногамъ патріарха, прося его благословія и прощенія грѣховъ.

Патріархъ Іосифъ былъ немного полный, но очень симпатичный старикъ; уважаемый и любимый патріархами Филаретомъ и Іосафомъ, онъ поэтому послѣ Іосафа избранъ въ патріархи, какъ естественный ихъ преемникъ, продолжавшій ихъ новшества.

Поэтому патріархъ, зная уже по слухамъ о святости жизни монахини Натальи и объ ея благочестіи, сильно заинтересовался, узнавъ, что царица прислала ее поразказать ему, что она видѣла и слышала въ Кожеезерскомъ монастырѣ.

Выслушавъ черницу, патріархъ велѣлъ передать царицѣ, что онъ давно ужъ слышалъ о безобразіяхъ Соловокъ, и что не только не выдастъ имъ головой Никона, но распорядится о сыскѣ этого дѣла черезъ вѣрнаго человѣка. О Никонѣ же пишетъ не только игумень кожеезерскій, святой мужъ Никодимъ, но вся братія, что это достойнѣйшій человѣкъ, а потому онъ, патріархъ, утвердилъ пожалованный ему игуменомъ наперсный крестъ, съ своимъ благословіемъ.

Съ этими словами патріархъ отпустилъ черницу.

Не прошло и полгода, какъ патріархъ, разыскавъ тайно дѣло Никона, послалъ Соловецкому монастырю слѣдующую грамоту *).

„Вѣдомо учинилось, что въ Соловецкій монастырь къ берегу привозятъ вино горячее и всякое красное нѣмецкое питье и медъ прѣсный и держатъ это всякое питье старцы по кельямъ, а на погребѣ не ставятъ, келарей и казначеевъ выбираютъ безъ соборныхъ старцевъ и безъ чернаго собора тѣ старцы, которые пьяное вино пьютъ; на черныхъ соборахъ они смуту чинятъ и выбираютъ потаковниковъ, которые имъ бы молчали, въ смиренье не посылали, на погребѣ безпрестанно квась

---

*) Текстъ ея помѣщенъ въ исторіи Соловьева, т. IX, стр. 442.

поддѣльный давали, а которые старцы постриженники старые, житіемъ искусивы, преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія хранить, тѣхъ старцевъ безчестять и на соборѣ имъ говорить не даютъ, келари, казначеи и соборные старцы держать у себя учениковъ многихъ и т. д.“

И въ заключеніе грамота оканчивалась: „И другія многія статьи теперь въ Соловецкомъ монастырѣ дѣлаются не по прежнему, чему прежде не бывало и чему быть негодно“.

Эта грамота есть начало разрыва между Москвою и Соловками, разрыва, поведшаго въ послѣдствіи къ гибели монастыря.

ХVIII.

Кончина царя Михаила Ѳеодоровича.

Нѣсколько лѣтъ спустя, царь Михаилъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ потерялъ двухъ сыновей: Ивана и Василія Михайловичей.

Кромѣ этого горя, приключилось еще одно несчастье: призванъ былъ на Москву королевичъ датскій Вольдемаръ, какъ женихъ старшей его дочери Ирины, но тотъ заупрямился—не хотѣлъ принять православія и требовалъ возвращенія въ свое отечество.

Такъ какъ государь считалъ, по русскому обычаю, этимъ поступкомъ себя и дочь свою обезчещенными, потому что королевичъ былъ торжественно въ государствѣ и на Москвѣ объявленъ женихомъ царевны, то начались безконечные переговоры съ королевичемъ и угрозы, чтобы убѣдить его согласиться на требованіе царя. Но тотъ упорствовалъ и производилъ безчинства, въ которыхъ, впрочемъ, и ему доставалось порядкомъ.

Но это бы не сломило здоровье царя, если бы не его три царевны, Ирина, Анна и Татьяна, не обливались

день и ночь слезами, что имъ придется умереть Христовыми невѣстами.

Царь, не имѣвшій еще и пятидесяти лѣтъ, совершенно посѣдѣлъ, сталъ угрюмъ, несообщителенъ.

Всенощную на пасхѣ хотя онъ слушалъ въ Успенскомъ соборѣ и христосовался съ патриархомъ и со своимъ семействомъ, но послѣ розговѣнья слегъ и по городу пошелъ слухъ, что онъ тяжело боленъ.

Собрался совѣтъ тогдашнихъ иноземныхъ врачей (знакомцевъ нашихъ Бильса и Бальцера ужъ не было въ живыхъ), проживавшихъ въ Москвѣ: Вейделинъ, Сибелисти, Иоганъ Бѣлоу и Артманъ Граманъ; осмотрѣвъ царя, они нашли, что его желудокъ, печень, селезенка, по причинѣ накопившихся въ нихъ слизи, лишены природной теплоты и отъ того понемногу кровь водяниветъ и холодъ бываетъ; отъ того же цынга и другія мокроты рождаются. Дали царю пургацію и предписали ему воздержаніе въ питіи и ѣдѣ.

Леченіе не помогло.

Тогда начали служить по церквамъ и монастырямъ молебны и вызвали всѣхъ архимандритовъ и игуменовъ окрестныхъ монастырей, чтобы былъ постоянный соборъ при патриархѣ, на случай внезапной кончины царя.

По этому случаю и Никонъ, въ теченіе десяти лѣтъ возвысившійся въ своемъ Кожеезерскомъ монастырѣ до игуменства, прибылъ въ Москву *).

Состояніе здоровья царя между тѣмъ ухудшалось; тогда прописали ему, въ маѣ, другой очистительный составъ и осмотрѣвъ его вновь, нашли, что желудокъ, печень и селезенка безсилны отъ многого сидѣнья, отъ холодныхъ напитковъ и отъ кручины. Прописали ему пургацію и велѣли лечить желудокъ бальзамомъ. 5-го іюня государь жаловался на головную боль.

*) Игуменъ Никодимъ преставился въ 1640 году, причисленъ къ лику святыхъ и день его празднуется 3 іюля. Такимъ образомъ Никонъ былъ его ученикомъ, послѣдователемъ и преемникомъ.

Доктора собрались, осмотрѣли его и дали ему какой-то порошокъ.

Царь почувствовалъ себя лучше и въ день своихъ именинъ, 12 іюня, т. е. въ день Михаила Малеина, онъ рѣшился идти въ придворную церковь св. Евдокіи на заутреню.

Въ заутреню собрался поэтому весь дворъ и патріархъ со всѣми епископами и архимандритами и игуменами, чтобы служить соборне.

Михаилъ Θεодоровичъ въ царской одеждѣ, поддерживаемый родственниками, боярами Шереметьевымъ и Стрѣшневымъ, вошелъ въ церковь, приложился къ святымъ иконамъ и объявилъ, что прежде, нежели онъ станетъ слушать службу, онъ долженъ исполнить долгъ, налагаемый ему божественнымъ словомъ.

— Сегодня,—сказалъ онъ,—день моего ангела, и я, по обычаю, прощаю всѣхъ обидчиковъ моихъ, прощаю всѣмъ согрѣшившимъ противъ меня и освобождаю всѣхъ; колодниковъ (преступниковъ), всѣхъ стоящихъ на правѣжѣ и вообще всѣхъ заключенныхъ, за какую бы провинность они ни были содержимы; всѣмъ же служащимъ жалую полугодовой окладъ, да радуются они, что Богъ сподобилъ меня узрѣть сей день.

Послѣ того онъ отслушалъ церковную службу.

Вдругъ ему сдѣлалось дурно и его перенесли въ царскія хоромы.

Весь день онъ былъ слабъ, но не жаловался на боль въ тѣлѣ, и доктора, хотя прописывали ему лекарства, но ни чѣмъ не помогли, — къ вечеру ему сдѣлалось дурно и онъ началъ стонать и вопить, что внутренности его терзаютъ. Онъ приказалъ поэтому окольныхъ призвать царицу-мать, шестнадцатилѣтняго сына Алексѣя, патріарха Іосифа и дядьку сына, Бориса Ивановича Морозова. Простился онъ съ женою умиленно, а сына благословилъ на царство, завѣщая ему быть му-

дрымъ, твердымъ, благочестивымъ, слушаться пастырей церковныхъ и любить Бога и правду выше всего.

— А тебѣ, бояринъ,—обратился онъ къ дядкѣ наслѣдника:—поручаю сына и со слезами это говорю,—какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостью, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здравьѣ и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣніи и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ и соблюлъ его какъ зеницу ока, такъ и теперь служи.

Царю послѣ того сдѣлалось легче и онъ потребовалъ къ себѣ дочерей. Особенно нѣжно говорилъ онъ съ Ириной, считая какъ бы виновнымъ себя предъ нею за тѣ огорченія, которыя онъ причинилъ ей вызовомъ королевича Вольдемара въ Москву, но о королевичѣ не упомянулъ ни словомъ. Аннѣ и Татьянѣ онъ только наставительно сказалъ, чтобы онѣ слушались и берегли мать свою.

Бесѣды эти сильно утомили царя и къ полночи, почувствовавъ крайнюю слабость, онъ потребовалъ, чтобы его исповѣдали и причастили святыхъ таинъ.

Явился царскій духовникъ; всѣ удалились; когда же кончился обрядъ и всѣ вошли, царь лежалъ съ закрытыми глазами и никого не узнавалъ.

Въ началѣ третьяго часа ночи его не стало.

Всѣ московскіе сорокъ сороковъ начали печальный погребальный перезвонъ, и вся Москва въ неизъяснимомъ горѣ поднялась, чтобы отдать послѣдній долгъ усопшему.

Панихиды пошли не только по церквамъ и монастырямъ, но и въ частныхъ домахъ, а царъ высылся въ хоромѣхъ своихъ, въ золоченомъ гробѣ на столѣ, покрытый порфирой, и на порфирѣ лежала шапка, скипетръ и держава. Народъ шелъ къ нему на поклоненіе и горько плакалъ о немъ, вспоминая его доброту, простоту, доступность и милосердіе къ народу.

На третій день печальная процессія потянулася къ царской усыпальницѣ; впереди шло духовенство съ хоругвями, а позади молодой царь, дума боярская, придворные и народъ.

Когда опускали царя въ могилу и царица съ дѣтьми давали ему послѣднее лобзаніе, съ ней сдѣлалось дурно, вслѣдъ за нею упала въ обморокъ Татьяна.

Когда послѣдняя очнулась, она увидѣла, что ее поддерживаетъ обратившій ея вниманіе на похоронахъ необыкновенно высокій и красивый игумень, находившійся въ процессіи. Царевна поблагодарила его и подошла къ матери,—та тоже уже очнулась.

Поддерживая мать, она двинулась къ аналою, такъ какъ должны были отслужить вновь панихиду.

Все это происходило очень быстро, но тѣмъ не менѣе черница, стоявшая въ это время на хорахъ церковныхъ, замѣтила все и сказала:

— Онъ еще прекраснѣе сдѣлался. Не игуменомъ бы ему быть, а женихомъ...

Послѣ этого на нее нашелъ припадокъ ревности.

— Никому его не уступлю,—подумала она, и сорвавъ съ головы клобукъ, бросила его на землю: — Никому... онъ мой по всему... по закону.

Порывъ этотъ былъ мгновененъ: она упала на колѣни, стала бить поклоны и тихо произносила про себя:

— Нѣшто я не отеклась отъ него для его же счастья, и коли для его счастья нужно бы было влюбить въ него не только царевну, но и царицу, и всю вселенную, то развѣ я бы этого не сдѣлала? Господи, ты простишь мнѣ мои согрѣшенія,—вѣдь это безконечная любовь.

Панихиду началъ между тѣмъ служить патріархъ соборне со всѣмъ духовенствомъ.

Голосъ молодого игумена преобладалъ въ пѣніи, въ особенности когда раздалась „вѣчная память“.

Многіе стали въ это время рыдать, и царица, и дочери ея невольно обращали вниманіе на монаха.

Послѣ заупокойной трапезы духовенство разѣхалось, а Никонъ отправился на кожеезерское подворье и тотчасъ уѣхалъ въ свой монастырь, о чемъ онъ испрашивалъ еще раньше разрѣшеніе патріарха.

По дорогѣ онъ думалъ:

— Жаль царскихъ сестеръ, всѣ такія прекрасныя, а обречены быть Христовыми невѣстами.

Потомъ, какъ бы отгоняя грѣшныя мысли, онъ сказалъ про себя:

— Эта Москва—Новый Вавилонъ: только грѣшишь въ ней, Господи прости. Да дьяволь не искуситъ меня. Гей, Трофимъ,—крикнулъ онъ на своего кучера,—пристегни-ка лошадей... лѣзешь черепахой.

— Гей! дѣтки! раздался голосъ кучера и лошади пошли крупной рысью.

XIX.

Тяжба монастыря.

Не прошло и года со времени смерти царя Михаила, какъ большая бѣда стряслась надъ Кожеезерскомъ монастыремъ: князь Юрій Ситцкій началъ съ нимъ тяжбу о вотчинѣ, которую завѣщалъ его отецъ обители.

Нечего дѣлать, пришлось ѣхать Никону на Москву самому.

Онъ готовился бороться съ княземъ, какъ говорится, не на жизнь, а на смерть; вотъ почему онъ простился съ братіей, захвативъ съ собою богатую казну и подарки.

Сохранился образчикъ тогдашняго правосудія въ инструкціи, которую давало не простое лицо, а стольникъ Колонтаевъ своему слугѣ: „Сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если тотъ скажетъ, то идти тебѣ къ дьяку Василию Сычину,—пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, весель-ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай; приметь дьякъ грамоту прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай

еще, а курь, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подъячему Степкѣ Ремезову, и проси его, чтобы сдѣлалъ, а къ Кириллѣ Семенову не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси, я его подлаго вора, чествовать не хочу, но неси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, а онъ, Степка, жадущая рожа и пьяная“.

При такомъ состояніи правосудія не удивительно, что Никонъ забралъ много денегъ и подарковъ для Москвы, тѣмъ болѣе, что соперникъ его былъ очень сильный бояринъ.

По прибытіи въ Москву, Никонъ остановился на подворьѣ своего монастыря и дѣлалъ объѣзды съ подарками.

Послѣднее великая сила, объ немъ заговорила вся столица; заговорили даже при царскомъ дворѣ.

Недѣли двѣ спустя послѣ его пріѣзда, онъ возвращался послѣ странствованія по разнымъ монастырямъ въ свое подворье и у воротъ встрѣтилъ старуху-монашку. Она его остановила, низко поклонилась, назвала себя паломницей какого-то очень отдаленнаго монастыря и просила пристанища въ его подворьѣ; только желала очень уединенную келью и если возможно—особнякъ.

Никонъ, всегда радушный и гостепріимный, ввелъ ее въ подворье и исполнилъ ея желаніе: ей отведена особая келья, совершенно уединенная и предложено столоватьса безвозмездно.

Исполнивъ долгъ гостепріимства и пристроивъ ее, Никонъ объ ней забылъ.

Нѣсколько дней спустя, возвратясь откуда-то, онъ увидѣлъ на столѣ записку. Онъ прочелъ: „Не безпокойся неудачей твоего дѣла съ Ситцкимъ; тяжба начата лишь для того, чтобы ты жилъ въ Москвѣ; дѣло затянется для твоего же блага: объ тебѣ заботятся сильные люди. Завтра тебя встрѣтитъ на патріаршемъ дворѣ, куда ты собираешься, князь Юрій Ситцкій и самъ первый съ то-

бою заговорить: будь съ нимъ ласковъ, все къ твоему же благу“.

Прочитавъ записку, Никонъ былъ удивленъ: о томъ, что онъ собирается на патриаршій дворъ, зналъ только окольныхчій патриаршій, князь Вяземскій.

Игуменъ позвалъ всѣхъ служекъ подворья, расспрашивалъ: кто приходилъ и положилъ грамотку, никто никого не видалъ.

На другой день Никонъ только что вошелъ въ патриаршій дворъ, какъ на встрѣчу ему показался князь Юрій Ситцкій: онъ подошелъ подъ благословеніе игумена, расспрашивалъ его о Кожеезерскомъ монастырѣ, о новыхъ заведенныхъ тамъ порядкахъ и обо всемъ говорилъ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ. Никонъ благодарилъ его, пригласилъ его пріѣхать въ монастырь и, такимъ образомъ, они разстались почти друзьями. У патриарха Никонъ хотѣлъ было говорить о монастырскомъ дѣлѣ, но послѣ любезной встрѣчи съ княземъ Ситцкимъ у него и языкъ не повернулся, такъ что онъ просилъ только у патриарха разрѣшенія говорить по церквамъ въ воскресные дни слово. Патриархъ разрѣшилъ въ первое же воскресенье говорить проповѣдь въ присутствіи юнаго царя въ Успенскомъ соборѣ.

Радостный Никонъ ушелъ домой и войдя въ свою келью, нашелъ на столѣ записку: „Говори,—писалъ ему неизвѣстный,—о подвижничествѣ и о Христовыхъ невѣстахъ; говори смѣло и гляди на царскую семью. Ты будешь приглашенъ царемъ служить у него заутреню въ дворцовой церкви по пятницамъ“.

Никонъ былъ удивленъ, тѣмъ болѣе, что прямо отъ патриарха онъ возвратился къ себѣ, и откуда неизвѣстный могъ узнать, о чемъ онъ будетъ съ тѣмъ говорить?

Снова онъ призвалъ всѣхъ служекъ и тѣ клятвенно увѣряли, что никого не было и никого они не видали.

Съ нѣкоторою робостью ожидалъ Никонъ воскреснаго дня и все время приготовлялся къ проповѣди; но

чѣмъ болѣе онъ повторялъ и исправлялъ рѣчь свою, тѣмъ хуже у него выходило...

Въ такой тревогѣ проходило время и, наконецъ, настало воскресенье.

Въ соборѣ собралось много народу, самъ царь и дворъ, за ними пріѣхалъ патріархъ.

Послѣ архіерейскаго торжественнаго служенія вышелъ на амвонъ Никонъ съ крестомъ въ рукахъ, перекрестился, поклонился царю, духовенству и народу. Онъ заговорилъ: голосъ его вначалѣ какъ будто былъ робокъ и нерѣшителенъ, но мало-по-малу воодушевился и могучіе звуки стали разливаться по церкви, овладѣвая не только слухомъ слушателей, но ихъ чувствами и всѣми нервами.

Когда онъ кончилъ, вся царская семья подошла подъ его благословеніе и юный царь попросилъ его служить у него во дворцѣ по пятницамъ заутреню; а патріархъ подошелъ къ нему и объявилъ, что въ Новоспасскомъ московскомъ монастырѣ его архимандритъ и игумень будетъ въ слѣдующее воскресенье поставленъ во епископы, а онъ, Никонъ, будетъ посвященъ въ архимандриты и назначенъ игуменомъ этого монастыря.

Это были все милости, которыхъ удостоивались старцы, а онъ, Никонъ, имѣлъ въ это время всего срокъ одинъ годъ.

Голова у него закружилась отъ такого счастья и онъ не зналъ, что молвить патріарху, но упалъ только на колѣни и трижды поклонился въ ноги почтенному церковному сановнику.

Патріархъ, растроганный этимъ, нагнулся, помогъ ему встать и облобызался съ нимъ.

Это произвело сильное впечатлѣніе и на царскую семью, и на народъ.

Едва сдѣлался Никонъ игуменомъ Новоспасо-преображенскаго монастыря, какъ ежедневно являлись къ

нему просители и онъ сдѣлался ходатаемъ и у бояръ, и у царя за сирыхъ, обиженныхъ и убогихъ. Слава о немъ такъ пошла по Москвѣ, что знали путь, по которому онъ идетъ во дворець, и, несмотря на раннюю пору, его ловили на улицѣ, чтобы поговорить съ нимъ или передать ему челобитную.

Само собою разумѣется, что, сдѣлавшись приближеннымъ къ царю, онъ тотчасъ выхлопоталъ прощенье царя всѣмъ Хлоповымъ, Шеинымъ и Измайловымъ.

XX.

Московскій мятежъ.

Не прошло и трехъ лѣтъ со времени вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича, какъ при дворѣ и на Москвѣ совершились большія перемѣны. Царица Евдокія Лукьяновна мѣсяць спустя послѣ смерти мужа умерла и дѣти ея остались безъ надежнаго руководителя. Королевичъ датскій Вольдемаръ возвратился во свояси, оставивъ неутѣшную царевну Ирину и двухъ другихъ царевенъ оплакивать свою дѣвичью неволю. Юный царь выбралъ изъ двухсотъ дѣвиць дочь Ѳедора Всеволожскаго, но она упала въ обморокъ и ее обвинили въ падучей болѣзни; невѣсту сослали, вмѣстѣ съ родными, въ Сибирь, а годъ спустя царь женился на Марьѣ Ильинишнѣ Милославской; черезъ десять же дней Борисъ Ивановичъ Морозовъ, несмотря на преклонные свои годы, женился на ея сестрѣ.

Морозовъ управлялъ въ это время государствомъ и вся родня Милославскихъ, судья земскаго приказа Леонтій Плещеевъ и бояринъ пушкарскаго приказа Траханиотовъ, также думный дьякъ Чистовъ производили поборы, тѣснили и грабили народъ.

Недовольныхъ на Москвѣ было много и безъ того: бояре завидовали Милославскимъ за то, что они попали

въ царское родство; народъ былъ недоволенъ за то, что табакъ, за который рѣзали въ прошлое царствованіе носы, разрѣшенъ и сдѣлался царскою монополіею. Морозовъ сократилъ дворцовые расходы, оставивъ большое число придворныхъ слугъ и уменьшивъ жалованье у остальныхъ.

Но хуже всего было то, что всѣмъ безусловно лицамъ, занимающимся торговлей, повелѣно было быть въ посадѣ, въ службѣ и въ тяглѣ наравнѣ съ посадскими людьми. Въ отношеніи же служилыхъ было сказано, что если они торгуютъ свыше нежели 50 руб., то не производить имъ жалованья.

Притомъ Морозовъ велъ открытую дружбу съ иностранцемъ Виніусомъ, хвалилъ все иностранное, а русское хулилъ, такъ что на Москвѣ шли слухи, что онъ кальвинистъ и что даже при царскомъ дворѣ хотѣлъ-де ввести иностранные порядки. Доказывали это тѣмъ, что царь послѣ смерти отца своего, вмѣсто сорокадневнаго траура, наложилъ годовой, по иноземному обычаю, и что органная игра сдѣлалась любимою у царя, такъ что въ оружейной палатѣ даже начали дѣлать органы и распространять ихъ. Обстановка въ домѣ Морозова была тоже на европейскій ладъ.

Все это волновало народъ, а новшества, которыя вводилъ Іосифъ въ церкви, пугали тоже невѣжественную массу.

Но это не повело бы къ мятежу, если бы не слѣдующая случайность: судья земскаго приказа Леонтій Плещеевъ судилъ какого-то именитаго купца Москвы съ пристрастіемъ, встрясками и тому подобное и тотъ повинился въ дѣлѣ, въ которомъ вся Москва считала его невиннымъ.

Купца казнили, тогда народъ 25 мая 1648 года, когда юный царь возвращался изъ Троицы въ кремль, схватилъ царскую лошадь за узду и почтительно, на

колѣняхъ, умолялъ отрѣшить Плещеева отъ должности, судьи и поставить на его мѣсто человѣка добраго.

Услышавъ изъ устъ народа о жестокостяхъ судьи, царь съ большою ласкою и со слезами на глазахъ обѣщаль народу исполнить его требованіе. Тогда народъ проводилъ царя до крыльца, цѣлуя его руки и стремя его сѣдла.

На крыльцѣ царь простился съ народомъ и вошелъ въ хоромы.

Едва онъ скрылся, какъ изъ свиты, провожавшихъ его верхомъ, нѣсколько придворныхъ, въ угожденіе Плещееву, стали ругать народъ, бить и разгонять его нагайками.

Толпа пришла въ ярость, разобрала мостовую и бросала въ нихъ камнями; тѣ спаслись во дворцѣ, вмѣстѣ съ Плещеевымъ, который находился въ царской свитѣ.

Народъ окружилъ дворецъ, требуя выдачи Плещеева.

У царя собрался совѣтъ провожавшихъ его бояръ: судили, рядили, спорили и рѣшили, для успокоенія народа, отправить судью на казнь.

Послали за палачемъ.

Окруженный стрѣльцами, Плещеевъ выведенъ изъ дворца и его повезли на лобное мѣсто. Разсвирѣпѣвшій же народъ вырвалъ его изъ рукъ палача и, умертвивъ, повлекъ его въ Москву рѣку.

Но толпа послѣ того не разошлась, а ударила въ колокола: весь кремль наполнился мятежнымъ народомъ.

Тогда, окруженный боярами и стрѣльцами, Борисъ Ивановичъ Морозовъ мужественно вышелъ на красное крыльцо.

Обратился онъ къ народу съ рѣчью, обѣщаясь, именемъ царя, рассмотреть всѣ ихъ обиды; но народъ сталъ грозить и ему, и въ толпѣ раздались крики: долой бояръ! смерть боярамъ!

Морозовъ съ ужасомъ долженъ былъ скрыться во дворцѣ и защищать всѣ входы.

Вдругъ въ толпѣ послышались голоса: „Идемъ къ князьямъ Одоевскому и Львову“; а съ другой стороны послышалось: „Къ дьяку Чистову“; „Къ боярамъ“, — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Огромная народная масса разбилась на нѣсколько частей и подъ руководствомъ коноводовъ двинулась въ разныя стороны, для расправы съ ненавистными своими притѣснителями: убили дьяка Чистова и бросились грабить боярскіе дома.

Между тѣмъ дворецъ осаждала огромная толпа; вскорѣ она усилилась еще возмущившимися стрѣлцкими слободами, такъ какъ тѣ, участвуя въ торгѣ, подверглись всей силѣ закона о торговыхъ людяхъ и притомъ они имѣли особую злобу на Морозова за его скупость и обчетъ.

Окруживъ дворецъ, народъ потребовалъ его выдачи, но тамъ были закрыты всѣ двери и выходы и въ хоромахъ какъ будто всѣ вымерли.

Наступила ночь. Народъ расположился вокругъ дворца. Явились котлы, дрова и многіе заварили себѣ пищу; а изъ разграбленныхъ лавокъ и погребовъ подвозили сюда и пѣннаго, и заморскаго вина, и пива, и меда бочками.

Въ народѣ появилось уже и оружіе и бивуакъ подходилъ на военную осаду.

Часовъ въ десять ночью, у одного костра посрединѣ площади сидѣло человекъ десять мужиковъ, напимавшихъ купеческую артель; ѣли они изъ одного котла и, окончивъ трапезу, запивали ее виномъ изъ ограбленной бочки, которою они завладѣли на площади.

Артель эта болѣе всѣхъ шумѣла, что необходимо заставить дворецъ выдать Морозова и поэтому она заняла на бивуакѣ самое почетное мѣсто и предводительствовала толпой, а найстаршій въ артели былъ высокій трехъ-аршинный богатырь съ подстриженной по купечески бородой; за поясомъ у него торчали ярко свер-

кающій топоръ и татарскій кинжалъ. Звали этого богатыря дядей Никитой и народъ уже успѣлъ узнать его имя и поминутно являлись къ нему посланники съ докладомъ то изъ одной, то изъ другой группы народа, то о томъ, то о другомъ.

Но вотъ едва артель окончила трапезу и огонь потухъ въ ея кострѣ, къ ней какъ тѣнь скользнула монашка и, нагнувшись къ дядѣ Никитѣ, шепнула ему на ухо:

— Я изъ дворца; царь въ ужасѣ: царица и царевны полумертвыя; бояре и стража до того оробѣли, что хотятъ выдать Морозова. Что дѣлать?

— Я тотчасъ вломлюсь во дворецъ; народъ туда не войдетъ и все будетъ улажено. Доложи царю, пушай, какъ стану вламываться, впускай меня... Морозовъ пушай идетъ къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ.

Монашка исчезла. Съ полчаса спустя, дядя Никита ударилъ тревогу.

Народъ окружилъ его.

Зычнымъ своимъ голосомъ онъ закричалъ:

— Что мы будемъ здѣсь сидѣть, какъ куры на яйцахъ; идемъ ко дворцу; коли не выдадутъ добромъ Морозова, вломимся въ хоромы; а коли впускаютъ, такъ вы останетесь съ ребятами у дворца, а я одинъ его разыщу и приведу къ вамъ.

— Умныя рѣчи! — раздались голоса.

Дядя Никита бросился впередъ къ красному крыльцу, а народъ ревѣлъ, и онъ сталъ ломиться въ дверь.

Дверь открылась изъ внутри; народъ хотѣлъ туда вломиться.

— Стой! Ни съ мѣста! — крикнулъ дядя Никита. — По изволенію міра я одинъ туда войду; мои ребята станутъ у двери, чтобы никто туда не вломился; а я вора Морозова найду и выдамъ его вамъ головой.

— Умныя рѣчи! — крикнули стрѣльцы и оттиснули народъ отъ крыльца. Тогда дядя Никита вошелъ въ

открытую дверь и, войдя туда, заперъ ее вновь съ внутренней стороны.

При появленіи его и царская стража, и придворные разбѣжались.

Дядя Никита пошелъ разными ходами въ горницы царевны Татьяны Михайловны.

Едва онъ появился въ ея сѣняхъ, сѣнныя дѣвицы, взглянувъ на его топориче и кинжалъ, на его богатырскій ростъ, чуть-чуть не перемерли: онѣ подняли такой визгъ и крикъ, какъ будто ихъ рѣжутъ на части.

— Вонъ! — крикнулъ на нихъ грозно Никита и онѣ вмигъ исчезли.

Онъ постучался къ царевнѣ.

-- Это ты, дядя Никита? — спросилъ голосъ монахини.

— Я.

Черница отворила дверь; Никита увидѣлъ царевну, желтую какъ воскъ и едва дышащую; а на топчанѣ сидѣлъ Морозовъ: на немъ лица не было и онъ за одинъ день посѣдѣлъ.

— Бояринъ Борисъ Ивановичъ, — воскликнулъ вошедшій, — для спасенія твоего и царя я срѣзалъ свою бороду, сбросилъ иноческую одежду и облекся въ купеческаго приказчика, и тебѣ, бояринъ, чтобы спасти свою жизнь, нужно тоже срѣзать бороду и облечься въ одежду твоего служки-нѣмца.

— Что ты... что ты... отецъ архимандритъ, лучше смерть, чѣмъ рѣзать бороду.

— Бояринъ! Именемъ Бога, именемъ царя умоляю, бери съ меня примѣръ, — я архимандритъ и то подрѣзаль бороду.

— Это ты, отецъ архимандритъ, сдѣлалъ для спасенія другаго человѣка, а я долженъ это дѣлать лишь для своего спасенія. Ни за что.

— Теперь дѣло идетъ не о твоёмъ лишь спасеніи, а о жизни царя. Онъ тебя не выдастъ, а разъ народъ

вломится сюда, не ручаюсь, чтобы обошлось безъ несчастія. Подумай объ этомъ ангелъ? Развѣ тебѣ не жаль его? Развѣ забылъ ты, что завѣщалъ тебѣ царь Михайлъ? И что будетъ дѣлать народъ безъ царя?.. Снова смуты... самозванцы... поляки... шведы... страшно подумать... Рѣшайся, бояринъ. Дайте ножницы.

Царевна принесла ножницы.

— Ни за что! — крикнулъ Морозовъ.

Никонъ бросился къ нему и однимъ ударомъ ножницъ сръзалъ ему часть бороды.

— Теперь, — сказали онъ: — подайте воды и мыла... Не упрямясь, бояринъ, вѣдь насильно сръжу бороду.

Морозовъ повиновался. Никонъ сръзалъ ему всю бороду, потомъ намылилъ ему лицо, вынулъ кинжалъ изъ-за пояса и сбрилъ ему гладко лицо, оставивъ только усы.

При всей этой операціи ему свѣтила царевна, а черница ушла за одеждой его служки-нѣмца; когда же она возвратилась, бороды Морозова ужъ не было. Женщины вышли и Морозовъ переодѣлся.

Тогда Никонъ, помолившись у иконы и благословивъ царевну и монашку, удалился съ Морозовымъ; черница пошла за нимъ, чтобы затворить дверь.

Подойдя къ дверямъ краснаго крыльца, онъ шепнулъ Морозову:

— Что бы ты ни видѣлъ, ты только мычи и болтай вадоръ, аль говори по-нѣмецки.

Никонъ отворилъ дверь, за нимъ монашка затворила ее.

Таща за воротъ Морозова, онъ неистово закричалъ:

— Обыскалъ всѣ хоромы. Воръ бѣжалъ, а его служка повинился. Байтъ: Морозовъ-де таперь у себя дома... Онъ, значитъ, укажетъ, гдѣ можно его отыскать... Стрѣльцы пушай здѣсь на стражѣ... остальные за мной... казимъ вора... Ну, нѣмецъ, веди насъ.

И волоча за воротъ Морозова, Никонъ пошелъ впередъ.

— Къ Морозову... къ вору! — раздались голоса.

Огромная толпа послѣдовала за Никономъ и за его артелью.

Жена Морозова, Анна Ильинишна, была въ тотъ день тоже у Троицы и уѣхала къ себѣ домой, ожидая къ обѣду мужа и гостей.

Никто однакожь не возвращался, а набатъ колокольный, движенье и шумъ народа ее испугали, и она не раздѣваясь, какъ была нарядна, ожидала въ тревогѣ мужа.

Но вотъ прислуги извѣстили ее о мятежѣ и говорили, что творится около дворца неладное; потомъ вѣсти пришли еще тревожныѣе и вся челядь разбѣжалась.

Осталась она во всемъ домѣ одна со старымъ слугою Морозовымъ.

Ночью поднялся на улицѣ страшный шумъ и огромная толпа народа обступила домъ, неистово крича, и стучала въ ворота.

Слуга подошелъ къ воротамъ и закричалъ, чтобы они не вламывались, такъ какъ первый, кто войдетъ, тотъ мертвъ ляжетъ.

Толпа разъярилась, натиснула на ворота, — они отворились, и въ тотъ мигъ, когда холопъ Морозова хотѣлъ сразить входившаго, раздался выстрѣлъ изъ пищаля и тотъ упалъ, сраженный пулей.

Никонъ едва-едва удержалъ Морозова: тотъ хотѣлъ вцѣпиться въ убійцу.

— Ну, нѣмецъ, теперь показывай, гдѣ воръ спрятался.

Толпа стала обходить и домъ, и чердакъ, и погребъ; въ послѣднихъ она разбила бочки и, напившись вина, совсѣмъ охмѣлѣла и ошалѣла.

— Вора нѣтъ, такъ разграбимъ домъ, — крикнулъ кто-то.

Народъ бросился грабить хоромы и съ жены Морозова сорвали всѣ драгоценности; ее же хотѣли убить.

— Зачѣмъ убивать, она все же царская золовка,— крикнулъ Никонъ:—лучше, безъ одежды, выгоните ее на улицу, пуцай какъ нищенка болтается въ народѣ... А домъ сожгите: если воръ въ немъ, такъ онъ сгорить — Умныя рѣчи!—заголосилъ народъ.

Анну Ильинишну вытолкали на улицу и домъ подожгли.

— А нѣмца,—сказалъ онъ,—я не выпущу. Молодцы,— обратился онъ къ одному изъ своей артели,—отведите его ко мнѣ, а завтра, коли онъ не разыщетъ намъ вора, мы его повѣсимъ.

— Ладно!—крикнула толпа.

Никонъ скрутилъ кушакомъ руки Морозову, отдалъ его одному изъ своихъ молодцовъ и шепнулъ ему:

— Сейчасъ же лихихъ коней и въ Бѣлоозерскій Кирилловскій монастырь.

Сдавъ Морозова, Никонъ обратился къ толпѣ:

— Таперь по домамъ... Завтра снова сюда.

— По домамъ... по домамъ! — крикнула толпа и разошлась.

XXI

Собинный другъ царя.

Едва только толпа удалилась, какъ къ горящему дому Морозова возвратилась его жена.

Въ одной юбкѣ, съ распущенными волосами сѣла она у воротъ и сильно зарыдала; но вотъ къ ней приблизилась съ одной стороны черница, а съ другой показался высокій предводитель мятежниковъ.

Анна Ильинишна вскочила въ ужасѣ и хотѣла бѣжать. Монашка остановила ее:

— Боярыня,—сказала она:—мы друзья, я схимница Наталья, а этотъ,—прибавила она, указывая на подошедшаго приказчика:—отецъ архимандритъ Никонъ.

— Какъ же онъ главенствовалъ въ шайкѣ?—недо-

вѣрчиво покачала она головой.—И, кажись, онъ же приказалъ поджечь мои хоромы?

— Для того,—возразилъ подошедшій Никонъ,—чтобы спасти твоего мужа. Вѣдь служба нѣмецъ, котораго тащилъ я за ворота, былъ онъ.

— Какъ, бояринъ? Я его не узнала.

— И хорошо, боярыня, что не узнала,—ты бы и его, и меня выдала. Оголилъ я ему бороду и народъ его не узналъ, теперь онъ у меня въ Спасскомъ монастырѣ и тотчасъ его увезутъ въ Кирилловскій. Ты же, боярыня, иди куда-нибудь въ женскій монастырь, пока смута не смолкнетъ.

— Пожалуй ко мнѣ, въ Алексѣевскую обитель,—закончила схимница, еще гуще закрывая свое лицо.

— А домъ-то мой?

— Пуцай сгорить, деньги вещь наживная: царь не покинетъ тебя.

Анна Ильинишна поплакала и поплелась за черницей; а Никонъ, постоявъ немного, пошелъ по направлению къ своему монастырю. Придя къ себѣ, Никонъ узналъ, что Морозовъ повезенъ на монастырскихъ лошадахъ въ Кирилловскую обитель. Усталый и измученный этимъ днемъ, онъ легъ немного отдохнуть. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ сильный набатъ по Москвѣ поднялъ его. Онъ вскочилъ съ мѣста и позвалъ служку: тотъ объявилъ, что красный пѣтухъ пущенъ по всей Москвѣ. Единовременно запыхали: Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбатъ, Чертолье и всѣ посады.

Никонъ забралъ большинство своихъ монаховъ и бросился тушить пожаръ.

Явившись въ народъ, онъ объяснилъ ему все неблагоразуміе сжигать имущество, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ страдаютъ невинные, и притомъ онъ объяснилъ имъ, что при всеобщей нищетѣ народу будетъ грозить иголодь, и моръ.

Народъ испугался, увлекся его примѣромъ и бросился тушить пожаръ. Но это стоило нѣсколькихъ дней труда. Горѣли цѣлыя улицы и части; надъ Москвою стоялъ густой дымъ и ночью зарево сіяло надъ большею частью города.

Много народу сгорѣло, много имущества, добра и припасовъ, и когда большая часть домовъ лежала въ развалинахъ и огонь прекратился, тутъ-то тысячи семействъ оказались безъ крова и безъ пищи. Раздался вновь страшный набатъ и вновь смута началась: народъ потребовалъ хлѣба.

Голодные матери ревѣли, голодные дѣти сновали по улицамъ, умоляя, Христа ради, хоть кусочка хлѣба.

Монастыри и дворецъ выслали народу хлѣба, но голодная толпа росла и росла, и весь Кремль былъ вновь занятъ мятежнымъ и голоднымъ народомъ.

Никонъ бросился тогда къ иностранцамъ и тѣ взялись за оружіе: голландцы и англичане, вооруженные съ ногъ до головы, въ шлемахъ, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ двинулись къ Кремлю.

Народъ разступался всюду и далъ имъ свободно пройти; многіе кричали:

— Нѣмцы люди честные, обмановъ и притѣсненій боярскихъ не хвалятъ.

Нѣмцы же отвѣчали:

— Мы идемъ защищать царя и всѣ ляжемъ за него костями.

Вступивъ въ Кремль, они расположились въ боевомъ порядкѣ у дворца, но не вступали въ битву съ народомъ, такъ какъ тотъ только облагалъ миролюбиво дворецъ, требуя выдачи вора Морозова.

Когда нѣмцы появились въ Кремлѣ, во дворцѣ состоялся совѣтъ и рѣшено—выйти къ народу дѣду царя, Ивану Никитичу Романову, не дѣлавшему ему обидъ, не домогавшемуся власти; старца поэтому любила вся Москва.

Отворилась дверь дворцовая и вышелъ Романовъ на красное крыльцо.

Народъ хлынулъ къ нему; бояринъ снялъ свою боярскую соболью шапку, чего не дѣлали никогда бояре, такъ какъ въ этихъ черныхъ шапкахъ они при царѣ даже сидѣли, поклонился низко народу три раза и заговорилъ, что царь-де шлетъ міру свой поклонъ и жалованное слово благоволенія, но что онъ скорбитъ, что Москва сожжена и въ ней творятся безчинія, убійства и грабежи; самъ даже царь не безопасенъ въ собственныхъ своихъ хоромахъ, и, къ стыду православнаго народа, нѣмцы пришли защищать царскія палаты, а потому онъ, бояринъ, просить именемъ царя народъ разойтись по домамъ, а самъ царь сдѣлаетъ сыскъ о ворахъ и всѣ-де будутъ казнены.

Вышелъ тогда одинъ изъ народа и отвѣчалъ, что они не нападаютъ на царя своего, яснаго соколика и красное солнышко, а требуютъ выдачи лишь Морозова и Траханіотова, которые воруютъ его именемъ.

Романовъ тогда объявилъ, что во дворцѣ ни Морозова, ни Траханіотова нѣтъ, и если они будутъ сысканы, то царь велитъ ихъ казнить; о томъ же, что онъ говоритъ правду, онъ далъ клятвенное обѣщаніе.

— Въ такомъ разѣ,—кликнулъ дядя Никита, находившійся въ это время въ толпѣ:—мы сами разыщемъ воровъ и казнимъ ихъ. Что стоять здѣсь, идемъ на розыски.

Толпа загалдѣла, неистово заревѣла и двинулась изъ Кремля.

Едва только они очистили Кремль, какъ явился Никонъ и его артель. Они поспѣшно затворили кремлевскія ворота и просили нѣмцевъ никого не впускать болѣе въ Кремль безъ особаго разрѣшенія отъ дворца.

Послѣ этого распоряженія Никонъ пошелъ ко дворцу и, оставя свою артель на красномъ крыльцѣ, онъ постучался.

Стражъ, стоявшій за дверью, узнавъ кто пришелъ, отворилъ ее и изумился, такъ какъ онъ съ перваго взгляда не узналъ архимандрита.

Но тотъ заговорилъ къ нему:

— Не удивляйся,—сказалъ онъ:—теперь времена такія,—на улицѣ чуть не разбойникъ, а въ монастырѣ—архимандритъ. Я пойду къ государю.

— Онъ въ думѣ бояръ: собрались Шереметьевъ, Иванъ Никитичъ Романовъ, Трубецкой и Стрѣшневъ, да царскій духовникъ.

Никонъ отправился въ совѣщаніе. Поклонившись низко царю и боярамъ, онъ рассказалъ, какъ онъ спасъ Морозова и его жену, и какъ теперь же необходимо принять рѣшительныя мѣры, или потушить мятежъ, или же организовать сильное правительство.

Для этого онъ предлагалъ двѣ мѣры: потребовать пушки въ Кремль съ благонадежными пушкарями, призвать всѣхъ ратныхъ людей, бояръ, боярскихъ дѣтей, преданныхъ правительству, и вообще всѣхъ, кто только желаетъ имѣть убѣжище.

— Теперь,—закончилъ онъ:—лѣто и народъ можетъ расположиться на площадяхъ и улицахъ внутри Кремля; а запасы я приготовлю. Но я надѣюсь, что смута утихнетъ: едва народъ и стрѣльцы увидятъ, что мы снова сильны, они пойдутъ на уступки и подчинятся.

Когда Никонъ окончилъ, царь поднялся съ мѣста, обнялъ и поцѣловалъ его, назвавъ собиннымъ, т. е. особеннымъ другомъ своимъ, причемъ присовокупилъ, что онъ проситъ его не покидать дворца, пока смута не прекратится.

Бояре поднялись съ мѣста, поклонились ему и объявили, что собинному другу царя они готовы во всемъ подчиниться.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Никонъ,—пишите теперь же грамоту въ пушкарскій приказъ, я туда пошлю одного изъ молодцовъ моихъ. Нужно, чтобы най-

скорѣе все пушки, которыя въ Москвѣ, и все снаряды были бы здѣсь. Остальное я сдѣлаю и безъ приказа; бояре же Шереметьевъ и Трубецкой любимы ратниками и стрѣльцами, имъ бы не мѣшало поѣхать по Москвѣ и собрать вѣрныхъ и благонадежныхъ между ними.

Въ тотъ же день вся имѣвшаяся артиллерія была уже въ Кремль и благонадежные пушкарни ходили у пушекъ; а на другой день со всехъ концовъ Москвы стали стекаться и бояре, и дѣти боярскія, и дворяне, и жильцы, и стряпчие, многіе съ семействами, съ провизіею и необходимымъ скарбомъ.

Кремль обратился въ шумный городъ. Никонъ вышелъ къ нимъ, выбралъ начальниковъ, ввелъ порядокъ. Имѣвшіе оружіе тотчасъ были разбиты на сотни, а не имѣвшіе его должны были отбывать другія повинности.

Въ одинъ лишь день Кремль представлялъ ужъ сильную крѣпость, командующую надъ городомъ.

Изъ города же слухи шли неблагопріятные. Траханиотова встрѣтилъ народъ по пути въ Троицкій монастырь и тамъ звѣрски его умертвилъ.

Этой жертвой какъ бы онъ насытился, или же то обстоятельство, что Кремль принялъ на другой день грозный видъ, имѣло на него вліяніе, но набаты прекратились и народъ пересталъ собираться большими толпами.

Между стрѣльцами пошли тоже толки, что не пригоже все дѣлается безъ приговора боярскаго и царскаго указа; дворецъ этимъ воспользовался и вызвалъ къ Кремлю стрѣльцовъ. Они собрались предъ Кремлемъ. Царь вышелъ къ нимъ съ духовенствомъ и ближними боярами, говорилъ съ ними милостиво, обѣщался удовлетворить ихъ требованія объ уничтоженіи торговаго закона и просилъ стрѣльцовъ водворить порядокъ въ Москвѣ. Послѣ того онъ угостилъ ихъ виномъ и медомъ. Стрѣльцы ушли и дали слово привести все въ порядокъ. По этому примѣру Милославскій, тестъ царя,

пригласилъ изъ Москвы изъ каждой сотни по одному человѣку, угощалъ ихъ три дня, обѣщаясь, что царь назначить на мѣсто убитыхъ бояръ тѣхъ, кого народъ желаетъ.

Москва стала успокаиваться мало-по-малу, Кремль очистился отъ лишняго люда и онъ имѣлъ ужь видъ укрѣпленнаго лагеря; царь поэтому рѣшился 28 іюля явиться на крестный ходъ.

Узнавъ объ этомъ, на крестный ходъ собралась вся Москва. Впустили народъ въ Кремль, и когда царь вышелъ на красное крыльцо, и обратился къ народу съ слѣдующими словами:

— Очень я жалѣлъ, узнавши о безчинствахъ Плещеева и Траханиотова, сдѣланныхъ моимъ именемъ, но противъ моей воли; на ихъ мѣста теперь опредѣлены люди честные и пріятные міру,—они будутъ чинить судъ и расправу безъ посулъ и всѣмъ одинаково, за чѣмъ я самъ буду строго смотрѣть.

Царь при этомъ обѣщалъ понизить цѣну на соль и уничтожить казенныя монополіи.

Народъ упалъ на колѣни и благодарилъ его восторженно.

Воспользовавшись этимъ, онъ обратился вновь къ народу:

— Я,—произнесъ онъ со слезами:—обѣщаль выдать вамъ Морозова... Я не оправдываю его... Но выдать его вамъ я не вправѣ: онъ съ дѣтства мнѣ дядька и второй мнѣ отецъ. Когда въ Бозѣ почившій царь Михайлъ умиралъ, онъ отдалъ меня на его попеченіе; притомъ, какъ я его выдамъ, царица, жена моя, умереть отъ печали, онъ вѣдь женатъ на ея сестрѣ.

Царь сильно зарыдалъ.

Многіе изъ народа закричали:

— Многія лѣта царю!

— Да будетъ воля Божья и государя!

— Возвратить Морозова... довольно душегубства.

Но Морозовъ сошелъ съ политическаго поприща и въ Москву не скоро возвратился.

6-го августа писалъ царь игумену Кирилловскаго монастыря грамоту о томъ, чтобы на случай ярмарки Морозовъ оттуда удалился, такъ какъ можетъ быть возмущеніе и онъ можетъ пострадать. Самъ же царь сдѣлалъ собственноручныя приписки со всѣхъ сторонъ и мы сохраняемъ ореографію подлинника.

„І вамъ бы сей грамоте верить и здѣлать бы і уберечь отъ всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнут бы никто не вѣдалъ хотя и выедеть куды; а естли свѣдаютъ и я свѣдаю, и вамъ быть кажненнымъ, а естли убережете его, такъ какъ и мнѣ добро ему сдѣлаете, і я васъ пожалую такъ, чево отъ зачяла свѣтя такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему, пріятелю моему“.

Но такой безграмотности нечего удивляться, грамота и наука въ тотъ вѣкъ были почти синонимы; такъ царь Михаилъ Θεодоровичъ далъ знаменитому „ученому“ гольштинцу, Адаму Олеарію опасную (пропускную) грамоту, которая гласила: „Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо (очень) наученъ и навыченъ астроломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ“.

Впрочемъ, тотъ же царь Михаилъ въ Чудовомъ монастырѣ основалъ греко-латинское училище, такъ что литературы греческая и латинская были уже доступны обществу.

Что же получилъ за свои подвиги собианный другъ царя, Никонъ?

Въ очень непродолжительномъ времени его поставили во епископы, когда престарѣлый Афеоній отошелъ на покой въ Хутынскую обитель, и хиротонисанъ въ новгородскіе митрополиты.

Когда въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя

и многочисленнаго народа, патріархъ совершалъ посвященіе, въ уединенномъ уголкѣ одна монашка, проливая слезы умиленія, молилась горячо „о Никѣ и о преосвященнѣйшемъ Никонѣ“.

XXII.

Никонъ, митрополитъ новгородскій.

Вскорѣ послѣ московскаго мятежа, несмотря на то, что царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ всего 19 лѣтъ, онъ приступилъ, для успокоенія народа, къ составленію уложенія и для этой цѣли созвалъ соборъ; въ томъ же году онъ снова запретилъ продажу ненавистнаго старовѣрамъ табаку, а годъ спустя, онъ изгналъ изъ Москвы англичанъ, причемъ указъ мотивировалъ слѣдующимъ: „Государя своего Карлуса короля вы убили до смерти,— за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось“.

Народъ поэтому долженъ былъ бы быть доволенъ, тѣмъ болѣе, что государь оказывалъ большую любовь къ наукѣ: при немъ находился постельничій Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, одинъ изъ первыхъ просвѣтителей Россіи.

Недалеко отъ Москвы, въ прекрасной мѣстности, онъ выстроилъ Андреевскій монастырь, вызвалъ сюда изъ малороссійскихъ монастырей тридцать образованныхъ монаховъ, въ обязанности которыхъ было учить всѣхъ желающихъ славянской и греческой грамматикѣ, риторикѣ и философіи; кромѣ того они обязаны были заниматься переводами.

Это былъ первообразъ университета, а между тѣмъ въ народѣ это было понято за еретичество и благовѣщенскому протопопу, царскому духовнику, стали наговаривать и на Ртищева, и на Морозова.

Вообще имя послѣдняго сдѣлалось ненавистно; во многихъ мѣстахъ Россіи оно вызвало мятежи или, какъ

тогда ихъ называли, гили. Но самые серьезные изъ нихъ были въ Псковѣ и Новгородѣ: кромѣ воеводъ, пострадали въ обоихъ митрополиты: въ первомъ Макарій, во второмъ Никонъ.

Неудовольствіе народа было не столько возбуждено этими святителями и воеводами, какъ всѣми тогдашними порядками, а правительство московское было крайне слабо и боязливо, въ особенности послѣ сдѣланныхъ уступокъ черни въ Москвѣ.

Примѣръ вообще заразителенъ, и безнаказанность въ Москвѣ, обнаруженная въ отношеніи убійцъ Плещеева, Чистова и Траханиотова, не могла не вызвать самоуправства въ областяхъ, и народъ въ этомъ случаѣ шелъ вовсе не противъ царя, а во имя его интересовъ.

Царь, говорили въ провинціи, молодъ и бояре его обманываютъ и продаютъ насъ нѣмцамъ.

Это былъ девизъ мятежниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ Никонъ торжественно въѣхалъ въ Новгородъ; встрѣтилъ его въ Софійскомъ соборѣ воевода князь Ѳедоръ Андреевичъ Хилковъ, со всѣмъ духовенствомъ, народомъ и сотенными головами.

Митрополитъ сказалъ слово, въ которомъ онъ призывалъ всѣхъ исполнять свой долгъ, причемъ онъ объявилъ, что онъ для всѣхъ одинаково будетъ доступенъ и что каждый найдетъ въ немъ заступника и защитника.

Послѣ того митрополитъ съ крестами и хоругвями препровожденъ изъ собора на митрополичій дворъ.

Такъ водворился Никонъ въ Новгородѣ и, исполняя высокое свое назначеніе, взялся съ обычною энергіей за устроеніе своей паствы.

На другой же день онъ сидѣлъ ужъ въ своей рабочей комнатѣ и велъ такой разговоръ съ митрополичьимъ казначеемъ, старцемъ Никандромъ.

— Отецъ Никандръ, — говорилъ онъ: — такъ въ митрополичьей казнѣ ничего нѣтъ? Мѣдной денги нѣтути?

— Нѣтъ, святѣйшій архипастырь, да откуда имъ и взятыся? Предшественникъ все-то дѣло судное отдалъ приказному Ивану Жоглову, а дѣло вотчинное и помѣстное, да разное иное, мытное и неокладное—дѣтямъ боярскимъ—Макару и Ѳедору Негодяевымъ. Дѣлали они обиды всяческія челобитчикамъ, а приказный Жегловъ— тотъ и поповъ, и протопоповъ ставиль, кто, значить, больше дастъ.

Ужаснулся Никонъ и велѣлъ ихъ привести къ себѣ.

— Гдѣ, Ванька, казна митрополита? — спросиль Никонъ строго.

— Не можимъ знать, на то казначей митрополичій,— онъ и голова всему.

— Но деньги собираль ты.

— Нѣтъ, не собираль, а коли принесутъ даръ, то и Богъ велѣлъ брать, всякъ даръ совершенъ,— началъ было онъ.

— Не богохульствуй, всуе не употребляй Его имя, хищникъ... Ставиль ты во попы и протопопы.

— Не я ставиль, а преосвященнѣйшій Аѳеоній.

— Безъ посуль ты не ставиль?

— Посуль не бралъ, а дары, отчего же, и самъ Богъ велѣлъ.

— Я донесу объ этомъ царю.

— Знаемъ мы сами, что у царя и у короля въ палатахъ творится,—все едино, что и у насъ,—возразиль дерзко Жегловъ.

— Покайся, — произнесъ сдержанно Никонъ: — еще время есть. Вершалъ ты дѣла безъ сыска, пыталъ челобитчиковъ, держаль колодниковъ въ заточеньѣ по году и болѣе того, грабилъ митрополичью казну,—тебѣ плахи мало... Но, говорю, покайся и все простится тебѣ, — только возврати награбленное, утри слезы вдовъ и сиротъ *), которыхъ обобраль ты.

---

*) У митрополита вѣдались тогда дѣла по опекамъ.

— Ничего не вѣдаю и не знаю,—все одинъ поклѣпъ, святѣйшій архипастырь.

Это нахальство вывело Никона изъ терпѣнія, — онъ засвисталъ въ свистокъ, замѣнявшій тогда колокольчикъ.

Вошелъ служка.

— Позови дьяка,—крикнулъ онъ.

— Дьякъ ждетъ въ передней, да тамъ же боярскіе дѣти Негодяевы.

— Пуцай всѣ зайдутъ сюда.

Требуемые лица появились.

Никонъ съ минутой помолчалъ и потомъ обратился къ Негодяевымъ.

— Въмѣсто келаря, вы, кажись, завѣдывали монастырскими землями.

— Не мы, а митрополитъ Афеоній, — возразилъ Маркаръ Негодяевъ.

— Какъ не вы? Вы ѣдили по деревнямъ, собирали дань и оброкъ, угодыя и пустоши сдавали гостямъ и мужикамъ, гдѣ же деньги?

— Сдавали мы, — отвѣчалъ другой Негодяевъ, Теодоръ:—все митрополиту.

— Отчего вы не сдавали все это казначею Никандру?

— На то не было приказу митрополичьяго.

— Крестьяне черныхъ земель *) приносятъ челобитныя, что ихъ-де обираютъ, земли отъ нихъ отнимаютъ, скотинку и иную живность отбираютъ, подати правятъ безъ мѣры.

— Одинъ лишь поклѣпъ, святѣйшій архипастырь.

— Безъ вины,—продолжалъ Никонъ:—на правезъ **) ставить.

---

*) Черныя земли считались собственностью крестьянъ, т. е. цѣлаго міра.

**) Правезъ—дѣло ужасное; лицо, поставленное на правезъ, обязано было быть у дверей суда до тѣхъ поръ, пока шло тамъ засѣданіе; а лицо, поставившее кого-либо на правезъ, имѣло право

— Все единый поклесть, — стояли на своемъ Негодяевы.

— Покайтесь и я прощу васъ, — обратился къ нимъ къ Жеглову Никонъ.

— Не въ чемъ и каяться, — на исповѣди были у духовнаго отца: согрѣшенія наши онъ простилъ, мы приобщались, неча дважды каяться: разбойникъ на крестъ, да и тотъ покался единожды, — пустился въ разсужденія Жегловъ.

— Дьякъ, — сказалъ тогда Никонъ: — посади въ темницу ихъ до царскаго указа и сыска.

Жегловъ и Негодяевы, съ мнимымъ смиреніемъ и покорностью, послѣдовали за дьякомъ.

Въ это время на базарной площади совершалось другое. Приѣхалъ изъ Швеціи новгородскій купецъ Никитинъ и началъ къ народу рѣчь:

— Былъ я въ свейскихъ (шведскихъ) земляхъ, тамъ новый король Карлусъ, готовитъ онъ ратныхъ людей на нашу землю, тоись на Новгородъ Великій.. А царскіе бояре отпустили свейцамъ и казну богатую, да видимо невидимо хлѣба изъ царскихъ житницъ во Псковъ. Провѣдали и Псковичи, да свейскаго посла исколотили: во Псковъ гиль и сборъ.

— И на Москвѣ, — сказалъ находившійся здѣсь купеческій приказчикъ, занимавшійся покупкой въ Новгородъ хлѣба для своего хозяина: — люди земскіе и стрѣльцы изрѣзали бояръ, да одинъ Морозовъ-воръ спасся. Царь-то юнъ, а бояре вороваты и продали насъ нѣмцамъ. Теперь какъ нѣмцы получаютъ богатую казну и хлѣба, они и пойдутъ на насъ войной и снова въ

сѣчь должника во все время засѣданія. Потомъ еще взыскивали за каждый ударъ съ лица сѣченаго. Правежъ уничтоженъ Петромъ I, но Биронъ его возстановилъ по казеннымъ недоимкамъ, и съ его паденіемъ палъ и правежъ.

лютерскій законъ. Я-то изъ таковскихъ: множество народу православнаго свейцы въ свою вѣру окрестили, а теперь всѣ оттуда сбѣжали; да и я сбѣжалъ на Москву, — теперь приказчикомъ.

— Все святая правда, — подтвердилъ подошедшій въ это время приставъ Гаврилка Нестеровъ. — Да съ боярами за одно и митрополиты, — Макарій Псковскій и нашъ — Никонъ. Только-что я изъ темницы, — туда велѣлъ онъ отвести приказнаго Жеглова и боярскихъ дѣтей Негодяевыхъ: вы-де боярскихъ указовъ на слушаете, нѣмцамъ не хотите помочь. А тѣ: грѣха-де на душу не возьмемъ, мы-де не басурманы, хлѣбушка своего и царскую казну отпущать нѣмцамъ не будемъ... А Никонъ-то ихъ въ колоды, да въ темницу. Жалость беретъ, а жены и дѣтки малыя рева ревутъ.

— А вотъ, поглядимъ, коль нѣмцы придутъ къ намъ, уважимъ, довольны останутся; хлѣба нашего святаго къ нѣмцамъ отпущать не станемъ, да и царская казна здѣсь останется. Пуцай батюшка царь учинить сыскъ, — раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

Народъ разошелся и приставъ Гаврила Нестеровъ отправился домой, зайдя по дорогѣ въ кабакъ, гдѣ онъ наугостился.

Изъ кабака Гаврила пошелъ, пошатываясь, домой и у воротъ увидѣлъ свою жену, Марю.

— Чаво здѣсь! аль молодецъ выжидаешь?

— Не грѣши предъ Господомъ-то Богомъ. Батка наказалъ: гляди, коль Гаврюшка на улицѣ, скажи-де ему: митрополитъ Никонъ кличетъ.

— Не пойду я къ звѣрю-то, а ты гляди мнѣ!

И съ этими словами Гаврила схватилъ Марю за косу и потащилъ въ избу.

Унималъ его отецъ, площадной подъячій, да тотъ и на него накинулся:

— Не наводи ты меня на грѣхъ, — ревелъ Гаврила, какъ звѣрь.

— За что ее бьешь?—спросилъ отецъ.

— На это она въ законѣ моемъ: пушай и покоряется, и кается.

— Да въ чемъ?—вопила жена.

— Въ чемъ?.. Да въ томъ... Никонъ митрополитъ знаешь для чего кличетъ?

— Не знаю,—плакала Марѳа.

— Коли не знаешь, такъ я знаю... Значить, зачѣмъ съ приказнымъ Жегловымъ посулы бралъ, на правезѣ ставилъ безъ вины.

И съ этими словами схватилъ онъ вновь ее за косы, избилъ лицо въ кровь и вытолкалъ на улицу.

Марѳа, какъ была, опростоволосена и въ крови, такъ и побѣжала на митрополичій дворъ.

Совершивъ это, Гаврила ушелъ въ опочивальню, бросился на постель и заснулъ. Спалъ онъ нѣсколько часовъ и проснулся не въ хмѣлю. Отецъ передалъ ему, что избитая имъ жена убѣжала съ жалобою къ митрополиту и что тотъ присылалъ ужъ за нимъ. Тотъ понялъ, что справедливый и строгій Никонъ, вѣроятно, строго отнесется къ нему и велитъ отодрать его не на шутку: благо если только плетью, а то, пожалуй, и кнутомъ.

Обратился онъ къ отцу:

— Ты, вѣдь, подъячій, — всякіе порядки знаешь!.. Ну, вотъ, вызволи таперь... по гробъ доски не забуду.

— Вызволить!.. Да кабы моя сила... Всяку, что ни на есть ябеду настрочу и челобитню, а тутъ какъ? Улики на лицо... А тамъ, гляди, отведутъ въ сарай, да такъ отжарятъ, что и душу въ пятки упрячутъ.

— Родимый, ужъ подумай,—молилъ Гаврила.

— Ну ужъ, да въ послѣдній... Какъ выпьешь, точно звѣрь какой. Поставь банки и пѣявки на спину-то, вотъ митрополитъ и смилуетъ—скажешь вся-то спина изломана: дескать, жена ухватомъ ударила.

Обрадовался сильно этому совѣту Гаврила, одѣлся

и пошелъ къ цирюльнику-еврею и велѣлъ себѣ поставить пѣвки на спину, а потомъ и банки.

И хорошо онъ сдѣлалъ, что поторопился. Какъ только онъ возвратился въ избу, посланные митрополита арестовали его и повели на митрополичій дворъ.

Вечеромъ того же дня въ Новгородъ входила иноземная рать съ обозомъ.

Едва она, по направленію изъ Москвы, вошла въ ворота, какъ на улицѣ послышались крики:

— Вотъ и нѣмцы пришли съ царской казной и за хлѣбомъ.

Понесся этотъ кличъ по городу, а посадскій Трофимъ Волкъ, услышавъ шумъ и крики на улицѣ, вышелъ изъ своего дома.

Видить движутся нѣмцы на коняхъ и въ латахъ и при шпагахъ, за ними обозъ, и впереди на конѣ напѣ русскій.

— Ты кто?—спросилъ его Волкъ.

— Изъ посольскаго приказа, толмачъ Нечай Дрябинъ, а караванъ нѣмцевъ датскихъ, значить, посланникъ ихъ Грабъ.

— А куда?—допрашивалъ Волкъ.

— На Ригу, а тамъ я назадъ въ Москву.

— Въ обозѣ что?

— Знать царскіе дары и казна.

И съ этими словами толмачъ двинулся дальше *).

— А-а... знамо,—сердито произнесъ Волкъ.

Выглянулъ изъ воротъ сосѣдь его Лисица.

— А что, Волкъ?—спросилъ онъ.

— Лисинька, то нѣмцы съ царской казной изъ Москвы во свояси пруть, а тамъ и къ намъ въ гости пожалуютъ.

---

*) Всѣ фамиліи историческія.

— Ей-ей, Волкъ, не смолчу... Гость-то Стояновъ, что ни на есть кажинный день то мясо, то хлѣбъ преть къ нѣмцамъ, а этотъ съ казной... Не будь я Лисицей, коли пушу нѣмцевъ изъ града.

Онъ опрометью побѣжалъ къ земской избѣ и по дорогѣ сзывалъ туда народъ и единомышленникамъ велѣлъ бѣгать по улицамъ и кричать: Ратуйте, батюшки! Измѣна! Въ избу земскую!

Побѣжалъ народъ по улицамъ и не болѣе какъ въ четверть часа у земской избы собралась большая толпа народа.

Лисица неистово кричалъ ей:

— Гость Стояновъ нашъ хлѣбъ и мясо увозить нѣмцамъ, а тѣ везутъ изъ Москвы казну, а тамъ нѣмцы сюда пожалуютъ, да полонять и насъ, и женъ нашихъ, и дѣтокъ.

Въ этотъ мигъ показался изъ земской избы рослый, плечистый богатырь Андрей Гавриловъ.

— Отецъ родной, — крикнулъ ему Лисица: — не дай насъ погубить, не дай насъ продать нѣмцамъ.

— Гдѣ? гдѣ нѣмцы? — спросилъ голова съ просонья.

— А вотъ къ Софіи потянулись... Выѣдутъ, вывезутъ они нашу казну! — крикнулъ Волкъ, появившійся тоже у избы.

— Того не можно, — заревѣлъ Андрей Гавриловъ. — Батюшкѣ царю измѣна, то бояре воровскіе озорничаютъ. Идемъ молодцы, — я впередъ...

Колосъ этотъ двинулся впередъ; рядомъ съ нимъ шли Волкъ и Лисица; вся толпа ринулась за ними.

Они пошли переулками, чтобы отрѣзать путь датскому послу.

Не болѣе какъ черезъ двадцать минутъ они достигли цѣли: выйдя изъ боковой улицы, они очутились прямо противъ поѣзда посланника.

Посланникъ, видя впереди большую толпу, обратился къ толмачу Нечаю Дрябину:

— Спросите,—сказалъ онъ по-датски:—что нужно имъ? Вопросъ этотъ повторилъ Дрябинъ земскому головѣ Андрею Гаврилову.

— А ты что за указчикъ мнѣ?—крикнулъ Гавриловъ.—Сходи-ка, нѣмецъ, съ коня, да всѣ твои прилебники, да ко мнѣ въ земскую избу...

— Вотъ охранная грамота: на ней подпись боярина Ильи Даниловича Милославскаго,—струсилъ Дрябинъ.

— Плевать намъ на охранную боярскую грамоту. Коли самъ царь подписалъ, ино дѣло...

— Царь не подписываетъ охранныя грамоты,—объявилъ Дрябинъ.

— Коль не подписываетъ,—значить не его воля. А бояре воры... Ну, нѣмецъ, слѣзай-ка...

Дрябинъ передалъ разговоръ посланнику.

— Объясните имъ,—разгорячился тотъ:—что послы во всѣхъ странахъ пользуются почетомъ и уваженіемъ, и что за остановку меня имъ грозить смертная казнь, а я добровольно съ коня не сойду, пока шпага у меня въ рукахъ.

Дрябинъ передалъ это толпѣ.

— Онъ грозить еще! Долой его съ коня!—крикнулъ зычнымъ голосомъ Гавриловъ.

Въ одинъ мигъ стоявшій недалеко отъ посланника Волкъ вскочилъ сзади на его коня и, обхвативъ его обѣими руками, не далъ обнажить ему шпагу.

Толпа бросилась точно также и на его свиту.

Въ борьбѣ съ Волкомъ посланникъ упалъ съ лошади: тогда Волкъ насѣлъ на него, билъ его по щекамъ, разбилъ носъ, и когда тотъ ужъ былъ въ обморокъ, онъ его ограбилъ, т. е. снялъ все, что на немъ и въ карманахъ его было цѣннаго...

Народъ поступилъ точно такъ съ его свитой...

Бросивъ ограбленныхъ и избитыхъ датчанъ на произволь судьбы, народъ устремился къ обозу: людей

смяль, а лошадей повернулъ къ пушечному двору, гдѣ поставилъ стражу, такъ какъ казна-де царская.

— Теперь,—крикнулъ Андрей Гавриловъ:—къ гостямъ Стоянову, Никифорову, Проѣзжанову, Вязмѣ, Тетерину, Земскому—все это воры: мясо и хлѣбъ нѣмцамъ возять... Пообщиплемъ ихъ, наставимъ и вразумимъ...

Въ это время многіе мятежники бросились къ Каменному городу, сбили и скрутили веревками стоявшихъ у воротъ сторожей и ударили въ непрерывный набатъ

Поднялся почти весь городъ и толпа бросилась неистово ко всѣмъ намѣченнымъ Гавриловымъ гостямъ и, несмотря на позднюю ночь, разбили у нихъ окна и ворота, вламывались въ хоромы, всѣхъ въ домѣ избивали, все громоздкое ломали и выбрасывали въ окна, а что можно было расхищали.

Перины, подушки, одѣяла (пуховыя) и даже святыя иконы—все это летало въ окна, а въ теремахъ раздавались вопли и неистовые крики терзаемыхъ.

Натѣшившись надъ своими и московскими гостями, торговавшими мясомъ, скотиной и хлѣбомъ, народъ бросился къ Любскому двору, гдѣ останавливались пріѣзжіе нѣмцы, обобралъ ихъ и потащилъ избитыхъ и израненыхъ въ земскую избу.

Услышавъ этотъ гулъ и шумъ, воевода новгородскій, князь Хилковъ, тотчасъ поскакалъ къ митрополиту Никону.

— Что дѣлать, святой владыка?—спросилъ онъ, дрожа отъ гнѣва и волненія.

— Что случилось, князь Федоръ Андреевичъ? Ночью вдругъ гиль и сборъ... Ужъ не врагъ-ли вступилъ?

— Ничего нельзя разобрать. Говорятъ нѣмцы вступили въ городъ, стали рубить и колоть народъ...

— Но говорятъ и въ городъ гостей грабятъ, мучать, жгутъ, это ужъ не на враговъ идетъ сборъ *) и гиль.

*) По старинному такъ называлась толпа.

— Святѣйшій архипастырь, я и явился за твоими приказаніями. Дай своихъ дѣтей боярскихъ, а я своихъ стрѣльцовъ, и я пойду къ народу.

— Не ходи, князь, теперь ночь, а люди разсвирѣпѣли. Пошлю я тотчасъ къ царю грамоту, а ты прикажи стрѣлецкому сотнику Марку Басенкову выйти съ ратными людьми, твоими и моими, — пушай разгоняють толпу.

— А коль потреба будетъ обнажить мечъ?

— Богъ помилуй, не обнажай мечъ, погибнешь отъ меча, — набожно перекрестился Никонъ. — Пушай онъ духовнымъ мечомъ уиетъ неистовство; на это мое благословеніе. Пушай онъ заберетъ всѣхъ ратныхъ моихъ людей. А мы съ тобою, князь, останемся здѣсь, въ святомъ дворѣ, и коль они придутъ къ намъ, я выйду съ крестомъ. Когда св. Константинъ Багрянородный собирался въ походъ на гонителей подвижниковъ Христовыхъ, явилось ему знаменье, на небѣ большой крестъ и на немъ сіяло: „in hoc vince“, т. е. симъ побѣждай.. И я только крестомъ могу побѣждать и въ немъ моя вѣра, мое утѣшеніе и мощь. Иди же, князь, распорядись, не мѣшкой, а я буду молиться Господу силь.

Князь Хилковъ удалился. На Софійскомъ дворѣ собрались ужъ всѣ наличные стрѣльцы и митрополичьи боярскія дѣти; всѣ были вооружены, но получили приказъ: оружія не употреблять и быть въ подчиненіи стрѣлецкаго сотника Марка Басенкова.

Подъ его предводительствомъ ратники тихо выступили изъ митрополичьяго двора, ворота за ними закрылись и они тихо двинулись впередъ.

Въ городѣ слышались неистовые крики, вопли, брань, кулачный бой: кабаки были всѣ открыты и народъ пьянствовалъ тамъ, расплачиваясь только что награбленнымъ добромъ.

Маркъ Басенковъ началъ закрывать одинъ кабакъ за другимъ и, такимъ образомъ, очистилъ нѣсколько улицъ,

но засѣвшая тамъ пьяная сволочь бросалась по всѣмъ улицамъ и ссывала народъ для защиты отъ ратниковъ.

Не болѣе какъ черезъ полчаса огромныя толпы народа со всѣхъ сторонъ окружили предводительствуемую Басенковымъ рать.

Сотникъ обратился къ народу и именемъ царя, митрополита и воеводы уговаривалъ ихъ разойтись.

— Измѣнникъ, воръ!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

Сотня человѣкъ бросилась на него,—вмигъ его окружили.

— Измѣнника въ Волховъ съ моста!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.—Измѣнниковъ искони бросалъ такъ народъ... Въ Волховъ.

— Это грѣхъ. Умереть безъ покаянья... Лучше къ Евфимію, а оттуда съ башни... Я оттелева съ Лисицей... нужно вновь туда... нужно набатить...

— Ладно!—крикнула толпа.

Волкъ схватилъ скрученнаго по рукамъ Басенкова и вмѣстѣ съ Лисицей повлекли его.

Толпа хотѣла за ними послѣдовать.

— Не нужно,—крикнулъ Волкъ,—мы и вдвоемъ съ нимъ справимся, а вы остальныхъ воровъ поразгоняйте.

— Ладно,—отвѣчала толпа и бросилась бить ратниковъ и боярскихъ дѣтей.

Волкъ и Лисица потащили стрѣлцаго голову на башню; вначалѣ онъ хотѣлъ было бороться, но видя что сила на ихъ сторонѣ, онъ пошелъ за ними, творя усердно молитвы и призывая на помощь Богородицу и Спасителя.

Наконецъ, вотъ ужъ и колокольня. Повели они по ступенькамъ вверхъ.

— А что, Волкъ, съ какого: съ перваго, аль со втораго, аль съ третьяго?—спросилъ Лисица.

— Съ третьяго,—отвѣчалъ тотъ.

Взошли они на первый ярусъ, потомъ стали толкать

впередъ жертву свою на второй и, наконецъ, забрались въ третій.

Ночь была темная и только знающему можно было карабкаться по узкимъ лѣсенкамъ Евфиміевой башни.

— Ну, вотъ мы и адѣсь... Молись... кайся,—завопилъ Волкъ,—да спѣшиѣй, нужно набатить.

— Господи помилуй,—вопіеть сотникъ,—помилуй и спаси!..

Но при этихъ словахъ Волкъ чувствуетъ страшный ударъ кулакомъ въ лицо и падаетъ на полъ: Лисицѣ достается тоже самое...

Потомъ одинъ катится по лѣстницѣ во второй ярусъ, и вслѣдъ за нимъ другой.

Это необыкновенное путешествіе отрезвляеть ихъ и оба вскакиваютъ на ноги и бѣгутъ къ лѣстницѣ, ведущей внизъ къ выходу; но чья-то необыкновенная сила вновь бьетъ ихъ и они катятся вновь внизъ и другъ друга душатъ и бьютъ.

— Цурь! самъ дьяволъ!—вопіеть Волкъ, вспомнивъ, что это совершается при начатомъ ими преступленіи.

— Цурь! Шайтанъ... чорты!—вскричалъ Лисица.

Оба вскочили на ноги и бросились бѣжать.

Когда они скрылись, къ Марку Басенкову явился его спаситель: онъ развязалъ ему руки и сказалъ:

— Поспѣшимъ отсюда въ митрополичій дворъ... Ты вель себя богатыремъ...

— Да кто ты, какъ чествовать тебя?

— Я пришелъ сюда съ двора митрополичьяго по-смотреть на гиль и не горить-ли гдѣ... Боюсь краснаго пѣтуха.

— Да кто ты?—повторилъ сотникъ.

— Митрополить Никонъ,—отвѣчалъ тотъ.

XXIII.

Новгородская гиль.

Съ разсвѣта, на другой день ударили вновь сплошной набатъ.

Воевода князь Хилковъ, ночевавшій въ митрополичьемъ дворѣ, зашелъ къ Никону.

Отъ него онъ узналъ о вчерашнемъ посѣщеніи имъ Евфиміевской башни и о спасеніи отъ смерти несчастнаго и ни въ чемъ неповиннаго стрѣлцаго сотника.

Воевода былъ огорченъ, что архипастырь такъ рисковалъ своею жизнью и сожалѣлъ, что онъ не взялъ его съ собою.

— Я заходилъ къ тебѣ, да ты спалъ такъ сладко въ своей кельѣ, что и жаль было будить.

— Что жъ дальше дѣлать? Ратные люди наши избиты и измучены,—спросилъ воевода.—Народъ бѣгаетъ по улицамъ и кричитъ ужъ на царя: „Государь объ насъ не радѣеть,—вопіетъ онъ,—деньгами помогаетъ и хлѣбомъ кормить нѣмецкія земли“.

— Безумцы!—ужаснулся Никонъ.

Вошелъ при этихъ словахъ служка, Иванъ Кузьминъ.

— Отъ земской избы,—докладывалъ онъ:—пришелъ служка софійскій. Люди баютъ, земскій голова, Андрей Гавриловъ, скрылся.

— Значить всѣ теперь безъ головы,—улыбнулся Никонъ.—Видишь, воевода, Богъ за насъ; вишь—говорять, коли Богъ хочетъ кого наказать, такъ отнимаетъ у него разумъ. Отнялъ онъ его и у Андрюшки Гаврилова, а какъ протрезвился, да проснулся онъ, и давай Богъ ноги. Можетъ и другіе очнутся. Вели, Ванюха, звонить въ Софійской къ обѣднѣ,—мы съ воеводой туда поѣдемъ.

— Какъ, въ такой сборъ и гиль?

— Когда овцы, воевода, заблудились, добрый пастырь долженъ навести ихъ на правый путь, и мой

долгъ ѣхать въ Софію. Тамъ издревле архипастыри поучали народъ, тамъ св. Никита проповѣдывалъ братскую любовь. Зачѣмъ царь Іоаннъ Грозный св. мощи его перевезъ въ Москву, теперь у раки святаго я призвалъ бы заблудшихъ къ покаянію и умиротворенію.

— Святѣйшій архипастырь, позволь хоша проводить тебя для твоей безопасности, съ ратниками.

— Митрополита новгородскаго долженъ быть охранителемъ весь народъ. Ты можешь туда прибыть, но поѣду я къ моей паствѣ одинъ.

Воевода пожалъ только плечами и пошелъ распорядиться, чтобы всѣ ратные люди собрались къ Софіи.

Часъ спустя, Никонъ въ своей колымагѣ подъѣхалъ къ собору. Народъ въ большой массѣ толпился тамъ и встрѣтилъ митрополита съ благоговѣніемъ.

Служба шла стройно и чинно,—ничто не нарушало церковнаго благолѣпія.

Но это была кажущаяся тишь: гилевщики въ это время бѣгали по городу, разыскивая земскаго голову, Андрея Гаврилова!

Въ особенности въ этомъ усердствовали Волкъ и Ли-сица.

Они розыски свои простерли даже за городъ и явились въ земскую избу съ рѣшительнымъ отвѣтомъ: голова-де скрылся.

Въ это время въ избѣ находились: Молодожниковъ, Хамовъ, Трегубъ, Шмара *), Оловьяничникъ и измѣнившіе правительству: подъячій Гришка Аханатковъ и стрѣлецкій пятидесятникъ Кирша Дьяволовъ.

— Коли нѣтъ его, такъ намъ нуженъ будетъ голова!—воскликнулъ Молодожниковъ.

— Безъ головы невозможно,—поддерживалъ его подъячій:—и руку-то прилагать нѣтути кому.

---

*) Должно быть Хмара.

— Да и кто поведетъ гилевщиковъ въ битву, коли вѣмецъ придетъ?—подхватилъ стрѣлецкій пятисотникъ.

— Выбирать голову!—крикнули всѣ.

— Кого-жь?—спросилъ Лисица.

— Жеглова!—крикнулъ Волкъ.—То человекъ приказный,—всякіе порядки знаетъ.

— Да вѣдь онъ въ темникъ, митрополитъ посадилъ,—объяснилъ Лисица.

— Такъ что-жь, можно и ослобонить!—крикнулъ Молодожниковъ.

— Да тамъ съ нимъ и братья Негодяевы, боярскія дѣти; то люди ратные, они и совѣтомъ и мечомъ сподручны,—молвилъ Лисица.

— Въ софійскій дворъ, въ темникъ, за Жегловымъ и Негодяевыми!—крикнулъ Волкъ.

Гилевщики бросились изъ земской избы, загудѣлъ набатъ, собралось много народу и пошелъ онъ въ софійскій дворъ.

Митрополичій дворъ былъ открытъ и беззащитенъ. Народъ, явясь туда, приказалъ стражникамъ тотчасъ вывести изъ темника узниковъ.

Тѣ повиновались имъ.

Когда колодники появились, народъ тотчасъ снялъ съ ногъ ихъ колоды и съ радостными восклицаніями отвелъ ихъ въ земскую избу, гдѣ подѣ главенствомъ Жеглова, они образовали новое правительство, объявивъ воеводу, князя Хилкова, измѣнникомъ.

Узнавъ объ этомъ, Никонъ поторопился на митрополичій дворъ, но было уже поздно: узники были уже освобождены.

Тогда митрополитъ рѣшился на болѣе чѣмъ смѣлую мѣру: другой день былъ праадникъ Алексѣя Божьяго человека и вмѣстѣ съ тѣмъ именины царя; Никонъ на утрени и на обѣднѣ поименно проклялъ главарей гилевщиковъ.

Распространилась объ этомъ вѣсть по цѣлому городу и

гилевщики, чтобы оправдать себя и снять съ себя пятно проклятiя, которое въ то время было сильнѣе позорнаго клейма, разсыпались по всѣмъ улицамъ и кричали, что въ день именинъ царя освобождаютъ преступниковъ, а тутъ митрополитъ проклялъ весь народъ.

Новгородъ впалъ въ страшное унынiе, люди вѣрующiе пришли въ отчаянiе; но не этого домогались гилевщики, они бы желали раздѣлаться съ митрополитомъ.

Ломали себѣ головы гилевщики, какъ бы поднять противъ него народъ; выпито было при этомъ страшное количество водки, такъ какъ и ихъ начинало разбирать сомнѣнiе въ справедливости ихъ дѣла, но ничего они не могли выдумать.

Такъ прошелъ весь другой день послѣ страшнаго проклятiя митрополита и вечеромъ въ земской избѣ собравшіеся гилевщики размышляли, что вотъ-де есть у нихъ двѣ умныя головы: это площадной подъячiй Нестеровъ, да сынъ его, приставъ Кольча, да что-то во время гили ни одного, ни другого не видать.

— Ужъ ты бы, подъячiй Гришка,—обратился Желовъ къ Аханаткову, — услужилъ намъ не службу, а дружбу, пошелъ бы къ площадному подъячему Нестерову, да попросилъ бы его совѣта. Знаетъ онъ всякія неправды митрополита, да притомъ и въ огнѣ-то онъ не горитъ, да и въ водѣ не тонетъ. Бить уже онъ съ десятокъ разъ кнутомъ за ябеды; у иного уже давнымъ давно вышибло бы духъ, да угнало бы душу въ пятки, а онъ ничего—цвѣтетъ, какъ маковъ цвѣтъ. Да и приставъ, сынъ-то его, что ни на есть разгильдяй, а въ гили-то его нѣтути. Поразспроси, да разузнай, да завтра намъ скажи.

Гилевщики послѣ того разошлись, а подъячiй Гришка переминая съ пьяна ноги, побрелъ къ усадьбѣ сотоварища своего, площаднаго подъячаго Нестерова.

Старикъ подъячiй гдѣ-то въ кабакахъ строчилъ на-

роду грамотки, челобитни и иную письменность и крѣпости и, возвратясь усталый, собирался уже спать.

Вдруг стукъ въ калитку, и затѣмъ на порогѣ комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ, появилась его невѣстка Мареев.

— Гдѣ пропала, гдѣ пропала Мареевша? — обрадовался тесть.

— У матушки сидѣла, гдѣ же быть, какъ не у родимой, да такое сумлѣніе взяло, да тоска подъ сердце подступила, что хошь иди да утопись.

— Небось совѣсть мучила, челомъ ты била у владыки на мужа, вотъ и совѣсть заѣла. Челобитню, да на законнаго... Вотъ митрополитъ да каждый день что ни на есть утреню отслужить, а Гаврюшку въ сарай — плетми; вечерню отслужить, а Гаврюшку въ сарай — кнутами.

— Матерь Божья! — всплеснула Мареев руками: — да вѣдь онъ его измучаетъ, истерзаетъ, и это все мой грѣхъ; не даромъ лежу и сплю аль не сплю, а онъ-то, Гаврюшка, бѣдный, весь-то въ крови, кровь со спины такъ и льется...

— Видѣлъ я служку митрополитаго, Ивана Кузьмина, онъ и приходилъ-то за Гаврюшкой; а я его: ужъ помилосердствуй, скажи, что Гаврюшка? А тотъ махнулъ рукою: весь-то истерзанный, молвилъ.

— Весь-то истерзанный, голосить Мареев.

— Весь-то, точно банки и пѣвки были на спинѣ.

— Точно банки и пѣвки были на спинѣ, — повторяетъ съ ужасомъ Мареев.

— Весь-то въ крови, точно рѣзанный поросенокъ, — говоритъ служка.

— Точно рѣзанный поросенокъ, — вторитъ Мареев.

Въ этотъ мигъ слышенъ сильный стукъ въ калитку, потомъ входитъ подъячій Гришка Аханатовъ.

Перекрестясь иконамъ и сдѣлавъ низкій поклонъ, онъ произноситъ:

— А я-то, дядюшка Федоръ, къ тебѣ зашелъ отъ

земскихъ-то людей, ужъ больно всѣ въ сумлѣнїи на счетъ тебя и сына твоего, Гаврюшки.

— Ужъ и сумлѣнїе! Мы-то черви и куды намъ съ тобой; ты, вишь, въ земской избѣ, настоящей подъячїй, а мы што! Мы-то, площадные подъячїе, иной разъ и въ кабакѣ строчишь; ты вотъ рублями... а мы и денежкой рады.

— Курочка по зернушку клюетъ и сыта бываетъ,— утѣшалъ его гость.

— Ну, было то, да сплыло въ сторону. Гей, Марeutка, угости-ка гостя, вина да хлѣба-соли, а ты, кумъ, садись.

— Отъ хлѣба-соли не отказываюсь, куманекъ. А вотъ гилевщиковъ и сборъ да въ митрополичїй дворъ. Какъ твоя думка, куманекъ? Порядки ты митрополичьи знаешь и разумъ-то у тебя—царь.

— А что дашь? Сухая ложка глотку деретъ.

— Не я, а люди земскїе награждать такъ, что и сказать нельзя, ты только сдѣлай.

— Полно-то, Гришка, дурака строить, а еще подъячїй. Коль сдѣлаю, шишь получишь. Не первина: всѣ на шаромыгу. Теперь не то, что встарь; бывало гостю напишешь цидулку, аль грамотку, дасть рубль, поклонится въ ноги и по гробъ доски благодарствуетъ то хлѣбомъ, то пѣнной. Теперь, коли хочешь получить что ни на есть, напредки бери. Давай напредки три рубля, да двѣ мѣры хлѣба, да три пѣннаго, да...

— Полно, полно, экъ разобрало его!..

— Погоди и ты: да поросенка, да пару куръ, да сотню яицъ...

— Еще чего?

— Будетъ, вѣдь то земскїе люди, съ міра по ниткѣ а убогому рубаха, понимаешь...

— Понять-то понять, а собрать-то это, и за двѣ недѣли не сдѣлаешь, дѣло спѣшное.

— Знамо спѣшное, ну вотъ ты и грамотку дай, дескать долженъ я такому-то вотъ то, да это.

Съ этими словами площадной подъячій подалъ гостю перо, чернильницу и кусокъ очень грязной бумаги.

— Неча съ тобою дѣлать, выпивъ стаканчикъ пѣннаго и утеревъ бороду рукавомъ, произнесъ сердито гость и сталъ строчить росписку.

— Теперь ты говори, какъ заваришь кашу?—сказаль подъячій.

— Кашу-то мы заваримъ, но гляди, какъ-то расхлебать,—замѣтилъ хозяинъ. Но ему представилось въ такомъ плѣнительномъ видѣ все то, что значилось въ роспискѣ, что онъ приободрился и продолжалъ: — Ужъ коли Нестеровъ возьмется, такъ онъ и учинить. Дай грамотку, я спрячу, а тамъ развѣсь только уши да слушай.

— А не обманешь?

— Богъ помиловаль. Слушай: приставъ Гаврюшка сынъ-то мой, надъсь зашелъ къ владыкѣ и баить: мѣръ-то толкуеть про всякую измѣну бояръ батюшкѣ-царю; продають они-де насъ нѣмцамъ. А преосвященнѣйшій аки звѣрь лютый на него накинудся, посадилъ его въ темникъ и тамъ кнутуеть, кнутуеть, кнутуеть...

— Ахти! Господи, смилуйся!—завопила Марѣа.

— Видишь, гость-то дорогой, Марѣутка ревма ревѣла, какъ ты вошелъ. Завтра собери мѣръ у избы, а я съ нею приду, а тамъ увидишь, что будетъ.

— Истерзанный... точно пѣвки и банки... весь въ крови,—заголосила баба.

— Ахъ, ты умница, шельмецъ,—восхитился подъячій и бросился цѣловать товарища. — Да мѣръ тебя озолотить, уважишь, уважишь земскихъ-то головъ; завтра опосля заутрени явитесь вдвоемъ. Теперь оставайтесь съ миромъ, а мнѣ пора и домой, старуха ждетъ, да и дѣтки.

Перекрестился онъ, поклонился низко хозяевамъ и ушелъ.

— Ложись-ка, Марѣутка, спать, завтра будетъ работа, а слезы и глотку береги на завтра предъ миромъ.

— Ужь какъ буду голосить... ужь какъ голосить.

И утеревъ подоломъ платья слезы, Марѳа отправилась въ кухню, залѣзла на печку и заснула.

На другой день десятскіе подняли народъ и погнали его къ земской избѣ, будто бы для вѣча; земскія головы вышли и говорили мятежныя рѣчи о митрополитѣ и воеводѣ. Въ это время является къ народу площадной подъячій и его невѣстка.

Отецъ плачетъ, а та реветъ и вопіетъ, что митрополитъ безъ вины кнутуетъ трижды въ день ея мужа и жжетъ огнемъ.

— Жгутъ огнемъ! И въ заправду это? — занеистовствовала толпа и бросилась къ митрополичьему двору.

Ворота были заперты, народъ началъ шумѣть, кричать и неистовствовать.

Услышавъ это, митрополитъ и воевода князь Хилковъ пошли къ воротамъ.

Воевода хотѣлъ употребить оружіе противъ гилевщиковъ, но Никонъ воспротивился.

— Что вамъ нужно?—крикнулъ онъ.

— Выпустите изъ темницы Гаврилу Нестерова!—раздались голоса.

— Мы за него не стоимъ, что хотите, то и дѣлайте съ нимъ,—отвѣчалъ воевода.

Гаврюшку Нестерова освободили изъ тюрьмы, привели къ калиткѣ и выпустили.

Едва онъ появился, какъ народъ бросился къ нему и сталъ спрашивать его, что дѣлалъ съ нимъ митрополитъ.

Отецъ Нестерова не далъ ему отвѣчать, а содралъ съ него окровавленную рубаху и показалъ его спину народу.

Гилевщики обезумѣли; увидѣвъ на немъ кровь, они стали ломать дверь митрополичьяго двора; притащилъ кто-то бревно и въ нѣсколько минутъ калитка была сломана.

Мятежники, предводительствуемые земскими людьми, очутились у дверей митрополичьихъ палатъ и выломали ее. Пройдя нѣсколько комнатъ, они попали въ крестовую; здѣсь они нашли воеводу, князя Хилкова.

— Зачѣмъ ты насъ бѣгаешь? Намъ до тебя дѣла нѣтъ, а вотъ намъ подавай Никона для расправы.

— Никона въ Волховъ!—крикнулъ Лисица.

— Никона съ башни!—раздался голосъ Волка,—это онъ стрѣлецкаго голову вора вызволилъ. Пуцай теперь себя спасаетъ.

Въ этотъ мигъ дверь въ крестовую отворилась и Никонъ, сопровождаемый старцемъ, софійскимъ казначеемъ, появился на порогѣ съ крестомъ въ рукѣ.

— Безбожники, отъ сотворенія земли не было еретиковъ, нарушающихъ святую обитель владыкъ... Вы пришли за мною... вы хотите меня умертвить... сбросить съ колокольни, аль бросить съ моста въ Волховъ... Я помолился, приобщился и иду на смерть... Разступитесь...

Толпа разступилась и митрополитъ двинулся впередъ; но когда за нимъ послѣдовали Никандръ, князь Хилковъ и слѣдовавшія за нимъ боярскія дѣти, кто-то крикнулъ:

— Въ земскую избу!

Народъ наступилъ на безоружныхъ и начали бить чѣмъ ни попало и Никона, и боярскихъ дѣтей, и старца Никандра, и Хилкова.

Видя, что толпа обезумѣла, бывшія здѣсь же боярскія дѣти, братья Нечаевы, бросились къ церквамъ и вызвали священниковъ съ крестами и хоругвями; а стрѣльцы гилевщики, братья Меркурьевы, стали защищать митрополита и воеводу.

Народъ тогда повлекъ лишь Никона впередъ къ земской избѣ; на пуги имъ встрѣтилась церковь. Никонъ хотѣлъ туда войти, но народъ вступилъ съ нимъ въ борьбу и не пускалъ его. Здѣсь вновь Меркурьевы не дали его убить.

— Дайте мнѣ хоть сѣсть у святыхъ дверей... дайте отдохнуть... или отпустите душу мою съ вѣрою и покаяніемъ... Не язычники же вы... не звѣри, не дьяволы...

Когда онъ это говорилъ, священники со всѣхъ со-сѣднихъ церквей съ крестами, иконами и пѣніемъ появились и окружили народъ.

— Идемте къ знамени Пресвятой Богородицы молиться, да образумитъ она народъ и проститъ ему его согрѣшенія... Приблизьтесь съ хоругвями, крестами и иконами,—крикнулъ Никонъ.

Предъ святынями народъ разступился и митрополита окружило все духовенство.

— Идите, братія, въ св. церковь, храмъ Божій... Отслужимъ тамъ соборне св. литургію, я приобщусь и по-соборуюсь, а тамъ и духъ испущу,—произнесъ слабымъ голосомъ Никонъ.

Святители взяли его подъ руки и повели тихо.

Въ церкви начали благовѣсть и всѣ церкви стали ему вторить.

Послѣ службы духовенство усадило разбитаго Никона въ сани и отвезло на митрополичій дворъ.

Въ тотъ же день Никонъ написалъ письмо къ царю, въ которомъ, рассказавъ вкратцѣ дѣло, закончилъ его слѣдующими словами: „Чая себѣ скорой смерти, масломъ я соборовался, а если не будетъ легче, пожалуйте меня, богомольца своего, простите и велите мнѣ поспихнуться“.

XXIV.

Царскій посолье.

Нападеніе на Никона было послѣднею вспышкою мятежа; народъ протрезвился и ужаснулся, вспомнивъ о страшныхъ послѣдствіяхъ гили. Легко мятежу было сладить съ воеводою и митрополитомъ, но Москва была грозна. Стали гилевщики рядить да судить: крестъ цѣ-

ловать-де на томъ, что если государь пришлетъ въ Новгородъ сыскивать и казнить смертію, то всѣмъ стоять за одно и на казнь никого не выдавать: казнить, такъ казнить всѣхъ, а жаловать—всѣхъ же.

Думали и во Псковъ послать лучшихъ людей, чтобъ обоимъ городамъ стоять за одно.

По всѣмъ улицамъ поставили сторожей отъ гилевщиковъ, чтобы ни чьихъ дворовъ больше не грабили; жалѣли, что и въ первый день позволили грабить дворы, а грабили ихъ-де ярыжки и кабацкіе голыши и стрѣльцы.

Лучшіе люди говорили другъ другу со слезами на глазахъ:

— Навести намъ на себя за нынѣшнюю смуту такую же бѣду, какъ была при царѣ Иванѣ.

Жегловъ понималъ это тоже, но самъ былъ у вооруженной толпы возмущившихся стрѣльцовъ.

20 марта, въ среду, вечеромъ набатъ ударилъ въ Каменномъ городѣ и десятники забѣгали по немъ, сзывая дворянъ и боярскихъ дѣтей на вѣче въ земскую избу.

Нехотя и мрачно потянулось туда дворянство, и когда собралось оно туда, оно объявило, что готово царю написать челобитню о томъ, чтобы хлѣба и денегъ нѣмцамъ не отпускать, но записи стоять другъ за друга они дать не хотѣли и разошлись.

Узнавъ объ этомъ, стрѣльцы, казаки и голыши побѣжали за дворянами, чтобы не впустить ихъ въ Каменный городъ.

— Переймемъ дворянъ!

— Прибѣжимъ прежде нихъ въ Каменный городъ.

— Запремъ рѣшетку на мосту.

— Дворянъ въ городъ не пущать.

— Выбьемъ ихъ за городъ.

Неистовствовали гилевщики.

У Рыбной, близъ моста, встрѣтились имъ стрѣльцы и многіе земскіе головы.

— Куда?—крикнули тѣ.

— Бить измѣнниковъ дворянъ, — отвѣчали гилевщики.

— Назадъ!—крикнули стрѣльцы:—Надобно и ту бѣду утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить.. А кто насъ не послушаетъ, того въ Волховъ съ моста. Ступайте лучше въ земскую избу, нужно къ царю выборныхъ послать.

Всѣ пошлелись назадъ къ земской избѣ; выборные головы были ужъ на лицо. Здѣсь и порѣшили: отправить въ Москву съ дарами и челобитней трехъ посадскихъ, двухъ стрѣльцовъ и одного казака.

Главнымъ же посадскимъ былъ въ посольствѣ Сидоръ Исаковъ.

Но прежде, нежели это посольство попало въ Москву, тамъ переполошились, когда было получено царемъ письмо отъ Никона, и немедленно же высланъ туда посломъ дворянинъ Соловцевъ.

Соловцевъ торжественно въѣхалъ въ Новгородъ и отправился прямо на митрополичій дворъ.

Воевода тотчасъ оповѣстилъ по городу, что пріѣхалъ царскій посолъ и чтобы собраться гилевщикамъ въ земской избѣ для выслушанія царской грамоты.

Жегловъ собралъ товарищей и главныхъ гилевщиковъ въ земской избѣ; первый пріѣхалъ воевода, князь Хилковъ, но его хотя и впустили туда, но заставили стоять.

Соловцева встрѣтили съ почетомъ, усадили подъ образа.

Соловцевъ поклонился во всѣ стороны и стоя передаль міру царскій поклонъ и вопросъ о здоровьѣ и жалованное слово; потомъ онъ прямо приступилъ къ дѣлу и объяснилъ всю предосудительность смуты.

Затѣмъ онъ прочиталъ вслухъ царскую грамоту. Когда онъ кончилъ и гилевщики увидѣли, что на словахъ Соловцевъ передалъ только то, что было ужъ на-

писано въ грамотѣ, они зашумѣли и стали придиратъся.
Раздались голоса:

— Ты почему вѣдаешь, что въ государевой грамотѣ написано?

— Грамота воровская!

— У насъ воровъ нѣтъ, все добрые люди, а стоять будемъ за одно, за государя..

— Грамота не государева, вольно вамъ написать хоть сто столбцовъ.

Воевода Хилковъ тогда обратился къ Соловцеву:

— Батюшка-кормилецъ, когда они государевымъ грамотамъ не вѣрятъ, то чему же больше-то вѣрить? Намъ здѣсь неумѣстно и идемъ къ преосвященнѣйшему, онъ въ Софіи.

Соловцевъ отправился въ Софію къ Никону.

Никонъ потребовалъ въ соборъ всѣхъ гилевщиковъ.

Они явились въ церковь. Никонъ вышелъ къ нимъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ и началъ уговаривать мятежниковъ слушаться царскаго указа и его посла и повиниться въ своихъ винахъ.

Гилевщики закричали:

— У насъ никакихъ воровъ нѣтъ...

— Государю не виноваты и вины намъ государю приносить не въ чемъ.

И съ этими словами гилевщики ушли изъ церкви.

На площади въ толпѣ послышалось:

— Грамота воровская.

— Соловцевъ не дворянинъ думный, а человекъ боярина Морозова.

— Надобно его задержать до тѣхъ поръ, пока наши челобитчики изъ Москвы поѣдутъ по-здорову.

Жегловъ отрядилъ нѣсколько стрѣльцовъ задержать Соловцева и съ другими гилевщиками отправился въ земскую избу. Здѣсь составлена была запись: противъ государева указа стоять за одно. Силою, побоями

и заключеніемъ въ тюрьму начали заставлятъ гилевщики руку прикладывать всѣмъ новгородскимъ жителямъ.

Смута явно приняла видъ мятежа противъ правительства. Пошелъ кличь по Новгороду:

— Воевода, князь Хилковъ, измѣнникъ, хочетъ Новгородъ сдать нѣмцамъ по приказу Морозовыхъ; взялъ посулъ у шведскаго посланника четвертную бочку золотыхъ, изъ пороховой казны зелье все выдалъ нѣмцамъ, надобно у него новгородскую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотрѣть и по Каменному городу пушки разставить на случай прихода шведовъ.

Но этотъ кличь не производилъ уже того дѣйствія, какъ того ожидали гилевщики; мужество Никона и его проповѣдь расположили къ нему сердца всѣхъ благомыслящихъ людей, а Каменный городъ, въ которомъ жили лучшіе люди Новгорода, готовъ былъ умереть за него.

Увидали гилевщики, что съ каждымъ днемъ дѣло ихъ слабѣетъ и что даже безъ царскихъ ратныхъ Никонъ и воевода сдѣлаются вскорѣ настолькоъ сильными въ народѣ, что дѣло ихъ погибнетъ.

Нужно было принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры.

Собралъ Жегловъ всѣхъ головъ земскихъ и стрѣлецкихъ, призвалъ тоже площаднаго подъячаго Нестерова и его сына Кольча.

Стали разсуждать, какъ бы выдумать что-нибудь такое, что бы вовлекло въ гиль весь Новгородъ.

— Выдумалъ же ты,—обратился къ подъячему Жегловъ:—какъ устроить первый сборъ, устрой снова смуту. А отъ міра будетъ тебѣ вновь милость и награда.

— А что дадите?—спросилъ подъячій.

— Что спросишь, только по Божьему.

— А то, что за первую гиль.

— Хорошо, только говори скорѣй... Видишь, міръ въ сумлѣніи.

— Повезу я ночью тридцать бочекъ золы, съ сыномъ-то Гаврюшкой, въ лѣсъ, за Новгородъ. А послѣ Благовѣщенія, на третій день, мы и закричимъ на площади у земской избы: Морозовъ селитру нѣмцамъ отпустилъ и спряталъ въ лѣсу, а тамъ нѣмцы пріѣдутъ и заберутъ. Вотъ гиль готова.

— Ай, да молодчина площадной! — заголосили гилевщики.

— Тащите ночью каждый по мѣшку, аль по два, ко мнѣ на дворъ, да подводы свои доставьте и бочки, дѣло наладимъ.

— Ладно!—крикнули мятежники и разошлись.

Ночь была темная и возили гилевщики къ Нестерову золу и боченки.

На другой же день, незамѣтно для горожанъ, воспользовавшись темнотою ночи, бочки свезены въ ближайшій отъ Новгорода лѣсъ и уложены на полянкѣ.

На третій день раздался кличъ у земской избы объ измѣнѣ Морозовыхъ и о селитрѣ.

Гилевщики бросились къ церковнымъ колокольнымъ и начался сплошной набатъ. Народъ побѣжалъ къ земской избѣ и, услышавъ объ измѣнѣ и селитрѣ, забралъ обывательскія подводы и огромной толпой отправился за боченками селитры.

Забравъ боченки, толпа, при набатѣ, вступила въ городъ, всѣ улицы были наполнены негодующимъ народомъ, и бочки съ торжествомъ отвезены на пушечный дворъ. Здѣсь главари мятежа, воспользовавшись смутой, забирали пушки, чтобы везти ихъ для укрѣпленія Каменнаго города. Мысль была — овладѣть крѣпостью, чтобы можно было дать отпоръ войскамъ, коли они придутъ изъ Москвы.

Вдругъ среди этой сумятицы раздался голоса:

— Воевода! Митрополить!..

Оба они явились на пушечный дворъ узнать, въ чемъ дѣло.

Волкъ закричалъ:

— Теперь ужъ улика на лицо... порохъ, аль селитра отъ Морозова къ свейцамъ.

Никонъ вышелъ изъ экипажа и подошелъ къ боченкамъ, лежавшимъ на пушечномъ дворѣ.

— Топорь!—крикнулъ онъ.

— Кто-то изъ толпы подалъ топорь.

— Рубите одинъ боченокъ,—обратился онъ къ народу.

Выступили Волкъ, Лисица, Жегловъ и Нестеровы.

— Рубить нельзя,—закричалъ Волкъ:—взорветъ.

— Рубите,—внушительно обратился вновь Никонъ къ толпѣ.

— Всѣмъ жизнь-то дорога,—раздались голоса.

— Такъ я самъ боченокъ разрублю!—крикнулъ Никонъ,—схватилъ топорь и направился къ боченкамъ.

Народъ отхлынулъ отъ боченковъ на огромное разстояніе.

И воеводу взяло сомнѣніе.

— Святѣйшій архипастыръ, а коли взорветъ?—сказалъ онъ, дрожа отъ ужаса.

— Уйди, князь, а я помолюсь Богу, раскрою бочку и ложь!. Отойди, пока я тебя не покличу.

Воевода удалился на довольно большое разстояніе.

Никонъ разрубилъ дно одного боченка и высыпалъ оттуда золу.

Онъ началъ дѣлать знаки, чтобы воевода приблизился.

Князь Хилковъ утвердилъ, что въ боченкахъ зола, а не порохъ и не селитра.

— Это крамошники, воры, гилевщики сдѣлали,—замѣтилъ Никонъ:—чтобы раздуть смуту. Теперь идемъ къ народу и разоблачимъ ихъ.

Гилевщики же, видя, что ихъ выдумка не удалась, начали въ народъ мутить и раздались голоса:

— Чародѣйство.

— Волшебство.

Вотъ почему, когда къ народу приблизились Никонъ и воевода, многіе въ толпѣ шептались:

— Въ Волховъ, съ моста.

— Съ башни.

Но гилевщики ужъ значительно потеряли въ довѣріи массы и многіе изъ народа бросились къ боченкамъ. Удостоившись, что тамъ зола, они начали разбивать и другіе боченки и, такимъ образомъ, въ полчаса не болѣе всѣ они были раскрыты, при громкомъ смѣхѣ большинства народа.

— Это обманъ...

— Злой умыселъ.

— Переполохъ гнусный.

Раздались грозные голоса:

— Долой гилевщиковъ... Все одинъ обманъ.

При этихъ крикахъ главные гилевщики заблаго-разсудили поспѣшно удалиться.

Нѣсколько дней спустя, Никонъ потребовалъ къ себѣ главарей мятежа,—тѣ значительно присмирѣли и онъ посовѣтовалъ отпустить Соловцева въ Москву.

Гилевщики согласились и Жегловъ отвѣзжающему сказалъ:

— Это дѣло не я затѣялъ, я сажу въ земской избѣ неволею, взяли меня изъ цѣпей міромъ; а если бы меня земскіе люди не взяли, то было бы еще хуже: я унялъ смертное убійство и грабежъ и датскаго посланника не далъ до смерти убить.

XXV.

Грозная кара.

Въ половинѣ апрѣля по московской дорогѣ къ Новгороду двигалась небольшая рать, предводительствуемая княземъ Хованскимъ.

Князь остановился у Спаса на Хутынѣ, разбилъ шатры, разставилъ часовыхъ и послалъ въ Новгородъ стрѣльца въ земскую избу, съ объявленіемъ, чтобы всѣ ратные новгородскіе люди явились къ нему, а городъ сдался бы ему безпрекословно.

Едва посоль уѣхалъ, какъ къ князю отъ Жеглова подали письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что гилевщики готовы встрѣтить его, князя, хлѣбомъ и солью, но съ тѣмъ, чтобы впредь въ Новгородъ присылались новгородцы, знающіе ихъ обычаи. Письмо онъ заключилъ: „Никонъ и Хилковъ въ мірѣ пускали слухи, будто царь послалъ вѣшать и пластать безъ сыску и очныхъ ставокъ и тѣми рѣчами въ міру чинять великое сумнѣніе и смуту“.

Въ тотъ же день явился въ станъ князя Оедька Негодяевъ и упросилъ отправить его въ Москву, для объявленія отъ Новгорода покорности.

Между тѣмъ, узнавъ о прибытіи отъ царя рати, стрѣльцы и другіе гилевщики собрались въ земской избѣ.

Мятежники потеряли головы: они поняли, что гибель ихъ неизбѣжна.

Всѣ собирались ужъ идти съ повинною къ князю, но выступилъ Лисица; онъ обратился къ мятежникамъ:

— Мы должны стоять за свои обычаи; не нужно намъ чужихъ воеводъ и митрополитовъ; вольности Великаго Новгорода пуцай возвратятъ намъ. Пуцай будутъ наши посадники, наши головы!.. Коли не наша сила идти противъ царской рати, заберемъ наше добро, народъ, оружіе, распустимъ знамена, ударимъ въ барабаны и пойдемъ во Псковъ,—тамъ тоже гиль и смута, будемъ тамъ биться за свои вольности; лучше смерть, чѣмъ позорно быть рабами бояръ и боярской расправы..

— Идемъ во Псковъ!.. Лучше смерть!..—раздались голоса, но одинъ изъ стрѣleckихъ головъ выступилъ и крикнулъ:

— Полно мутить міръ, и такъ ужъ довольно мы нагрѣшили... Будутъ насъ теперь только кнутовать, а тогда и вѣшать и пластать. Не слушайте Лисицы и Волка,—это воры и имъ мало висѣлицы... Кто вѣрится въ Бога,—за мной съ повинной къ Хованскому съ хлѣбомъ и солью, а остальные дѣлайте, что хотите.

Стрѣлецкій голова вышелъ изъ земской избы; большинство гилевщиковъ за нимъ послѣдовало.

На другой день князь Хованскій, при колокольномъ звонѣ, съ барабаннымъ боемъ вступилъ въ Новгородъ и отправился къ Софіи. На паперти церкви Никонъ со всѣмъ духовенствомъ, съ воеводою и съ новгородскими выборными встрѣтилъ его съ крестомъ и святою водою, а новгородцы поднесли ему хлѣба и соли.

Изъ Софіи Хованскій отправился въ митрополичій дворъ и тотчасъ разослалъ своихъ ратниковъ овладѣть пушечнымъ дворомъ, земскою избою, а тамъ распорядился объ арестѣ главныхъ мятежниковъ.

Оговорено болѣе двухсотъ человекъ, и не только всѣ тюрьмы были наполнены, но и другія занятія для этого помѣщенія.

На другой день весь митрополичій дворъ наполнился семействами, т. е. женами, отцами и дѣтьми арестованныхъ и плачь былъ невообразимый. Они требовали митрополита; Никонъ вышелъ къ народу; тотъ сталъ умолять, чтобы узниковъ выпустили изъ тюремъ на его поруки.

Никонъ обѣщался просить объ этомъ князя, и спустя нѣсколько минутъ вышелъ вновь и объявилъ, что князь на это согласился, но съ тѣмъ, чтобы главные нѣсколько зачинщиковъ остались подъ стражей.

Народъ палъ ницъ, цѣловалъ руки, ноги и одежду митрополита.

Новгородъ, впавшій было въ уныніе и отчаяніе, ожилъ, и тутъ злоба на главарей-гилевщиковъ разразилась во всей силѣ, только и слышно было въ городѣ:

— Имъ мало плахи...

— Четвертовать ихъ...

— Жечь живьемъ...

Въ тотъ же день Хованскій въ земской избѣ, въ присутствіи воеводы, князя Хилкова, приступилъ къ сыску или къ слѣдствію.

На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ датскій посоль, рядомъ съ нимъ находившійся при немъ толмачъ, онъ долженъ былъ обвинять Волка.

Князь приказалъ ввести его.

Два стрѣльца, въ полномъ вооруженіи, ввели подсудимаго: это былъ высокій, плечистый, бѣлолицый блондинъ съ прекрасными голубыми добрыми глазами. Русые его волосы большими прядями падали на лобъ. Онъ былъ въ красной рубахѣ, припоясанный, и поверхъ нея висѣлъ на плечахъ изъ тонкаго свѣтло-коричневаго сукна кафтанъ, съ золотыми пуговицами. На рукахъ и на ногахъ у него звенѣли цѣпи.

Войдя въ избу, онъ потрянулъ русою головою, перекрестился образу и поклонился съ уваженіемъ, но съ достоинствомъ присутствующимъ.

— Повинись, Волкъ, во грѣхахъ своихъ и въ воровствѣ,—обратился къ нему князь Хованскій.

— Во грѣхахъ покаюсь, а воровъ адѣсь нѣтути: новгородцы честные христіане и ворами николи не были,—возразилъ Волкъ.

— Одначе, посла датскаго ты избилъ и ограбилъ,—замѣтилъ князь.

— Каюсь... пьянъ былъ; все возвратилъ на другой день послу.

— Кажись, ты началъ смуту?—продолжалъ допросъ Хованскій.

— Хоша бы и я... На Никитской я остановилъ толмача, а у креста я ссадилъ посла съ коня, да и я его оттузилъ знатно.

— За что, развѣ тебѣ что ни на есть злого сказалъ посоль?

— Эхъ князь, зачѣмъ такой спрось? Знаешь и ты, что посланникъ здѣсь ни при чемъ, а смуту, гиль, сборъ вызвали всѣ тѣ ваши боярскіе порядки, да горе Великаго Новгорода.

— Ты говоришь горе Великаго Новгорода? Былъ у васъ воевода князь Урусовъ, послали вы челобитную царю и онъ далъ вамъ князя Хилкова, чего же вы еще хотите? Къ тому, за васъ же и псковичей царь уплачиваетъ свейцамъ: обратили они многихъ изъ посадскихъ вашихъ людей въ лютерство и требуетъ ихъ теперь свейскій король. Велѣлъ царь выплатить за этихъ людей сто девяносто тысячъ рублей: двадцать деньгами, а остальное хлѣбомъ. А вы производите смуту и воровство.

— Эхъ, бояринъ, не тебѣ говорить, не мнѣ слушать... Благодарны мы за это, но оно вольности намъ не даетъ, Великій Новгородъ искони имѣлъ и своихъ посадниковъ, и своихъ выборныхъ владыкъ. Нашъ владыка былъ такой же, какъ московскій патриархъ; а всѣ сѣверныя страны были наши до Соловокъ. И пока были мы слободны, вели мы свою рать и на ливонцевъ, и свейцевъ, и трепетали нехристи при имени нашемъ, а ладьи наши шли по морю, какъ по Бѣлоозеру. Пришелъ царь Иванъ Грозный, разрушилъ нашу вольность, снялъ вечевой колоколь и посадскихъ людей, гостей и жильцовъ нашихъ или перерѣзалъ, или разослалъ по чужимъ областямъ, а земли и дома наши роздалъ своимъ боярамъ дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ. Плакали и стонали мы, въ неволѣ, пресмыкались и нищенствовали на чужбинѣ. При Годуновѣ и самозванцахъ мы возвратились во свояси, стали править свои земли и дома и все заграбленное намъ возвращено, а тутъ пришли свейцы и забрали нашу землю и въ плѣненіи была наша великая мать—земля до вѣчнаго докончанія *) столбовскаго. Возрадовались мы, что царь православный будетъ нашимъ царемъ, что

---

*) Мира.

вновь мы станемъ на стражѣ у царя супротивъ ливонцевъ и свейцевъ. А тутъ намъ наслали изъ Москвы и воеводу и боярскихъ дѣтей: приказные стольники стали чинить судъ и расправу... стрѣльцы и казаки наводнили всѣ города наши, а земскіе и посадскіе люди и наши головы сдѣлались только мытарями: ставить-де на правезъ нашъ же народъ. Было скверно при свейцахъ, но тѣ нашихъ вольностей не трогали,—только въ вѣру свою крестили; а таперь бояре насъ и перекрещиваютъ *), да и св. Софію хотѣли разрушить.

— Не разрушить,—прервалъ его Хованскій:—а святѣйшій вашъ владыко хотѣлъ лишь поправить храмъ.

— Храмъ по благовѣстію ангела сооружень,—воскликнулъ Волкъ,—и все въ немъ свято: и стѣны, и образа, и столбы. Вѣдь изъ всей-то жисти Великаго Новгорода осталась одна лишь св. Софія. И не тронь ее,—скорѣе нашу голову руби. Намъ все это въ обиду, накипѣло у насъ на сердцѣ все это десятки лѣтъ и сорвалось. Вѣдь тутъ и обиды, и позоръ нашихъ пращуровъ и прадѣдовъ, и дѣдовъ, и отцовъ. Вѣдь кровью они плакали въ неволѣ, а мы и таперь плачемъ о нихъ и о Великомъ Новгородѣ.

Онъ зарыдалъ и, утеревъ подоломъ слезы, продолжалъ:

— Князь! скорбь моя—скорбь Великаго Новгорода. Придетъ время, князь, когда ты или, быть можетъ, сынъ или внукъ твой, или кто-либо изъ Хованскихъ будетъ плакать еще болѣе кровавыми слезами, чѣмъ я, когда пойдетъ, какъ и я теперъ, положить голову свою за вѣру и за земское дѣло.

При этихъ словахъ князь невольно вздрогнулъ **), но оправился и сказалъ:

— Кайся, можетъ быть и посоль, и царь смилуются, и если не простятъ тебя, то облегчатъ твою участь.

*) По постановленію собора 1620 г., лютеранъ вновь крестили.

**) Одинъ изъ Хованскихъ положилъ голову при Петрѣ Великомъ за земское дѣло.

— У посла я прошу прощенія,—продолжалъ Волкъ, опускаясь на колѣни и поклонившись до земли:—помилованія не хочу ни твоего, ни царскаго. Я виновать, смута отъ меня: вели меня, бояринъ, казнить,—я пойду на плаху какъ на праздникъ. За Великій Новгородъ и св. Софію я положу голову съ веселіемъ, а Богъ проститъ мои согрѣшенія,—онъ же простилъ разбойника на крестѣ.

— Я отпишу въ Москву, царь быть можетъ...—бормоталъ Хованскій.

— Вели вести меня на казнь, да поскорѣй. Никакого прощенія не хочу и не приму. Волкъ отвернулся отъ князя и подошелъ къ стражѣ. Ведите меня!—крикнулъ онъ стрѣльцамъ.

— Да будетъ воля Божья,—произнесъ дрожащимъ голосомъ князь Хованскій:—Произношу приговоръ не свой, а твой: ты будешь казненъ за свои вины и воровство смертною казнію, чрезъ отсѣченіе головы; приговоръ будетъ завтра съ разсвѣтомъ исполненъ на Торговой площади. Можешь сегодня исповѣдаться и приобщаться; а коли имѣешь что-нибудь передать царю,—во всякое время я посѣщу тебя въ твоей темницѣ.

Волкъ перекрестился, низко всѣмъ поклонился и вышелъ изъ земской избы.

Нѣсколько часовъ спустя, князь Хованскій выпроводилъ датскаго посла изъ Новгорода и далъ ему сильный конвой до самой Риги, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на ожидавшее его датское судно.

Когда по Новгороду разнеслась вѣсть о приговорѣ, произнесенномъ надъ Волкомъ, всѣ посадскіе замерли,—плахи они не видѣли ужъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Ночью на Торговой площади устраивали эшафотъ и плаху; а къ Волку, по обычаю того времени, были допущены всѣ, желавшіе съ нимъ проститься.

Волкъ былъ хладнокровенъ и прощался со всѣми, какъ бы собираясь въ дальній путь. Имущество его не

было конфисковано судомъ, а потому онъ сдѣлалъ распоряженіе, что кому, и не забыть и св. Софіи,—онъ пожертвовалъ туда образа и деньги, для поминовенія его по синодику.

Въ полночь онъ легъ немного заснуть, но вскорѣ вскочилъ на ноги и потребовалъ священника. Онъ исповѣдался, приобщился и велѣлъ просить прощенія у св. владыки и у всѣхъ, кого онъ когда-либо обидѣлъ и послалъ за княземъ Хованскимъ.

Блѣдный и разстроенный вошелъ къ нему Хованскій.

— Я могу приостановить казнь—сказалъ онъ:—и пошлю въ Москву къ царю.

— Не для этого я просилъ тебя, князь, сюда. На небесахъ должно быть мнѣ опредѣлено быть распластаннымъ; въ святомъ писаніи сказано: кто подымаетъ мечъ, тотъ и погибнетъ отъ меча. Прошу за семью,—они не повинны въ моихъ грѣхахъ, пуцай батюшка царь смиляется, передъ нимъ воромъ не былъ, но ты, бояринъ, передай ему слова новгородскаго посадника, отходящаго къ Судіи нелицепріятному: пуцай земскаго и посадскаго дѣла не разрушаетъ; земцы—это народъ, а гласъ народа, гласъ Божій. Не въ боярахъ, не въ боярскихъ дѣтяхъ, не въ окольныхчихъ, стольникахъ, подъячихъ и стряпчихъ мощь царя, а въ насъ, земцахъ и посадскихъ. Онъ нашъ царь и многомилостивъ, а народъ-то нашъ милостивѣе, сердечнѣе его. Мое благословеніе и на него, помазанника, и на народъ. А владыкѣ скажи: я его богомолецъ... Колибъ онъ былъ новгородецъ, то я вѣрую, что и онъ плакалъ бы кровавыми слезами о Новгородѣ и онъ бы пошелъ со мною на плаху. Теперь вели вести меня на казнь,—зачѣмъ мучить напрасно.

— Прости,—произнесъ рыдая князь Хованскій,—что мнѣ выпала доля отправить тебя на казнь.

— Не ты, бояринъ, законъ и наши порядки меня казнятъ...

Князь вышелъ.

Не прошло и четверти часа, въ темницу вошли палачъ, стрѣльцы, священникъ въ черномъ облаченіи и множество монашествующей братіи.

Волка посадили, по обычаю того времени, въ телѣжку вмѣстѣ съ палачемъ и повезли на Торговую площадь. Процессія монаховъ предшествовала телѣжкѣ, а за нею слѣдовали стрѣльцы и толпа разнаго люда. Площадь была тоже залита народомъ.

На эшафотъ взошелъ Волкъ твердымъ шагомъ и обратился къ народу, зычнымъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Новгородцы, дорогіе братья! кладу я свою безталанную голову на плаху и съ нею падетъ навсегда вольность Великаго Новгорода. Аминь, аминь, глаголю вамъ: ни коли во вѣки вѣковъ больше не встанетъ ни сей градъ, ни слава его. Молю Господа силъ, чтобы онъ и св. Софія не зрѣли болѣе ни плахъ, ни палачей, и чтобы Матерь Божья возвѣстила граду, сему миръ и веселье... чтобы онъ, какъ матеръ россійскихъ городовъ, напоминалъ только братьямъ своимъ, что онъ погибъ, защищая Русь и вольность своихъ сыновъ. Отхожу въ небо съ любовью, а не съ ненавистію къ Москвѣ, не вѣдятъ бо, что творять; но прійдетъ время когда Новгородъ и его сыны будутъ славимы и чтимы, какъ Маккавеи. Прощайте, не поминайте лихомъ и молитесь за грѣшнаго раба Божьяго.

Онъ сталъ на колѣни, поцѣловалъ крестъ у священника, поклонился народу и безропотно положилъ голову на плаху.

Его не стало и народъ нѣсколько минутъ стоялъ, какъ окаменѣлый.

Монахи положили трупъ казненнаго въ гробъ и сопровождаемые народомъ и предводительствуемые священникомъ съ крестомъ, понесли усопшаго съ пѣніемъ на кладбище.

Въ это время въ Софіи митрополитъ Никонъ весь въ слезахъ пѣлъ соборне со всѣмъ духовенствомъ:

— Упокой, Господи, раба Божьяго Трофима и вѣчная ему память.

Вскорѣ судъ и надъ остальными преступниками состоялся, и изъ нихъ пятеро приговорены были къ смертной казни: Жегловъ, Гавриловъ, Лисица, Молодожниковъ и Шмара. Хованскій и митрополить ходатайствовали о помилованіи, т. е. о замѣнѣ этого наказанія другимъ.

Весь Новгородъ замеръ въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы; самъ Никонъ заперся въ митрополичьемъ домѣ.

Полученъ наконецъ изъ Москвы указъ: пятерыхъ все же казнить смертію, остальныхъ—кого кнутомъ, кого плетью.

Остановилъ исполненіе приговора Никонъ и вновь ходатайствовалъ о помилованіи, но получилъ въ отношеніи первыхъ отказъ, а въ отношеніи остальныхъ легкое смягченіе ихъ участи.

Никонъ увидѣлъ тогда, что его голосъ въ Москвѣ сдѣлался слабъ, и казнь такого множества людей до того его огорчила, что онъ заболѣлъ.

Въ Москвѣ въ дѣйствительности бояре хотѣли всю вину взвалить на него.

Когда князь Хованскій подступилъ къ городу, мы уже видѣли, одинъ изъ главарей, Федька Негодяевъ, вышелъ къ нему на встрѣчу и, сдавшись, просилъ отпустить его въ Москву объяснить все царю.

По прибытіи туда, Негодяевъ добился царскаго приѣма и выставилъ все дѣло такъ, что весь мятежъ произвели воевода князь Хилковъ и митрополить Никонъ.

Негодяевъ поэтому отправленъ къ новгородцамъ съ отвѣтомъ, что воевода Хилковъ отрѣшается, на мѣсто его назначается князь Буйновъ-Ростовскій, въ отношеніи же Никона, хотя грамота его оправдываетъ, но присовокупляетъ: „Да если бы онъ что иное учинилъ и не по дѣлу, то объ этомъ наше государское разсмотрѣніе впередъ будетъ“.

Послѣднее въ особенности оскорбило митрополита, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ къ нему государь упрекнулъ его, за чѣмъ де онъ Софійскій соборъ хотѣлъ перестроить, между тѣмъ какъ Никонъ хотѣлъ лишь его поправить. Никонъ отвѣчалъ царю жалобою, въ которой подробно описалъ о случившемся и о томъ, какія мѣры онъ употребилъ, чтобы какъ можно меньше было жертвъ мятежа. Между прочимъ онъ рассказываетъ, что 18 марта 1650 года на заутрени въ соборѣ онъ говорилъ ексапсалмы, а послѣ того тайно про себя сталъ читать канонъ Иисусу Сладкому на первой каѳизмѣ; а послѣ первой статьи, на другой каѳизмѣ, сталъ онъ глядѣть на Спасовъ образъ. И вотъ внезапно онъ увидѣлъ вѣнецъ царскій золотой на воздухѣ надъ Спасовою головою, и мало-по-малу вѣнецъ этотъ сталъ приближаться къ нему.

— Я отъ великаго страха,—говорить въ письмѣ Никонъ,—точно обезпамятѣлъ, глазами на вѣнецъ смотрю и свѣчу передъ Спасовымъ образомъ, какъ горитъ, вижу, а вѣнецъ пришелъ и сталъ на моей головѣ грѣшной, я обѣими руками его на своей головѣ осязалъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ.

Явленіе это Никонъ приписалъ не къ добру, т. е. къ мятежу новгородскому.

Въ отвѣтъ на это письмо царь сравнилъ Никона съ Гермогеномъ, признаннымъ тогда соборомъ исповѣдникомъ и титулуя его великимъ государемъ просилъ его и впередъ дѣйствовать такъ, какъ онъ прежде дѣйствовалъ.

Но по обычаю того времени, въ Новгородѣ все же много головъ слетѣло, много бито было кнутомъ, много сослано, и Никонъ, чувствуя все же, что вліяніе его въ Москвѣ ослабѣло, подъ какимъ-то предлогомъ поѣхалъ къ царю.

Пріѣздъ его имѣлъ огромное значеніе: патриархъ Іосифъ не былъ любимъ Москвою,—она обвиняла его не только въ новшествахъ, но что онъ болѣе занятъ мир-

скими дѣлами, чѣмъ церковью. Былъ даже образованъ особый монастырскій приказъ, гдѣ должны были вѣдаться всѣ дѣла монастырей. Кромѣ того въ Москвѣ перестали говорить проповѣди и поучать народъ; а Ртищева Андреевскій монастырь обвинялъ прямо въ еретичествѣ.

Поэтому съ прїѣдомъ Никона въ Москву народъ поговаривалъ, что будто бы государь хочетъ удалить Юсифа и что на его мѣстѣ будетъ Никонъ.

Слухи эти были неосновательны, но въ дѣйствительности Никонъ появлялся всюду и при отсутствіи патріарха занималъ его мѣсто; а проповѣди его повсюду, гдѣ только ни собирался въ монастыряхъ и церквахъ народъ въ большой массѣ, возбудили въ Москвѣ сильное религіозное движеніе.

Особенно много и краснорѣчиво говорилъ Никонъ о патріархахъ: Гермогенъ, Іовъ и митрополитъ Филиппъ.

И рѣшено было: въ Успенскій соборъ перенести Гермогена изъ Чудова монастыря, Іова—изъ Старицы, и мощи Филиппа изъ Соловоекъ.)

Перенесеніе первыхъ двухъ совершилось съ большою торжественностью и возбудило въ москвичахъ такое настроеніе и единеніе, что забыты были всѣ споры разныхъ толковъ; а Никонъ, виновникъ этого торжества, сталъ обожаемъ народомъ.

Послѣднему казалось, что вмѣстѣ съ перенесеніемъ останковъ любимыхъ имъ исповѣдниковъ всѣ горести, печали и болѣзни болѣе никогда не посѣтятъ ихъ.

Религіозное чувство приняло высшее выраженіе и у Никона: онъ вспомнилъ обѣты свои о томъ, что онъ построить монастыри: Крестовый на мѣстѣ, гдѣ его ладья сѣла на мель, Иверскій—на томъ мѣстѣ, куда нетлѣннымъ привлекло по рѣкѣ младенца на иконѣ Иверской Божьей Матери, и наконецъ, обѣтъ, данный имъ, когда онъ былъ въ Соловкахъ, что если Господь дастъ ему когда-либо возможность, то онъ перевезетъ св. останки

Филиппа въ Москву и ему казалось, что время къ тому наступило.

Онъ упросилъ государя разрѣшить перенесеніе этихъ мощей, съ тѣмъ, что онъ лично поѣдетъ въ Соловки; въ провозатые же ему царь далъ боярина князя Ивана Никитича Хованскаго и Василья Отяева.

Монастыри же начали сооружаться.

XXVI.

Обрѣтеніе мощей св. Филиппа.

Въ полдень, въ одинъ изъ весеннихъ дней 1651 года въ Соловецкомъ монастырѣ шла къ концу обѣдня. Паломниковъ въ тотъ день прибыло довольно много и церковь была полна. Вдругъ дали знать, что воеводская ладья идетъ изъ Архангельска. Окончивъ службу, всѣ бросились на берегъ, къ пристани, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

Ладья быстро приближалась и на ней не видно было много народу, только виднѣлось нѣсколько стрѣльцовъ, воевода и какой-то бояринъ съ ними.

Келарь монастыря и отецъ Цармень, бывшій еще въ живыхъ, встрѣтили воеводу.

Воевода и гость его Василій Отяевъ подошли подъ благословеніе келаря и воевода объявилъ, что царь Алексѣй Михайловичъ послалъ монастырю за его подвижничество дары и грамоту; что все это везетъ съ собою самъ митрополитъ новгородскій Никонъ съ бояриномъ; что царь прислалъ тоже грамоту митрополиту Филиппу; что Никонъ остался въ Архангельскѣ и ждетъ, чтобы соловецкая братія прислала къ нему своихъ выборныхъ съ привѣтствіемъ и приглашеніемъ въ монастырь.

Келарь тотчасъ побѣжалъ къ игумену: ударили въ набатъ и братія собралась въ церкви; назначили въ Ар-

хангельскъ игумена и двухъ старцевъ-монаховъ, а келарь и отецъ Пармень остались дома, чтобы приготовить достойную встрѣчу паломнику митрополиту. Выборные уѣхали тотчасъ съ воеводою и съ Отяевымъ.

На другой день та же ладья вечеромъ возвратилась въ монастырь и игумень показалъ братіи драгоценный наперсный крестъ, привезенный ему Никономъ, старцы же тоже показывали драгоценные подарки.

Братія была въ восторгѣ и приготовилась встрѣтить восторженно митрополита. Угощеніе выбрано царское и въ большомъ обилии, такъ какъ игумень объявилъ, что сотни ладей, какъ видно, привезутъ весь городъ Архангельскъ.

На другой день вечеромъ сторожа изъ Унженской Голгоеской горы, переѣхавъ на островъ Соловки, дали знать, что цѣлый флотъ ладей идетъ къ монастырю. Тотчасъ зазвонили въ колокола и монахи, забравъ иконы и хоругви, а также положивъ хлѣбъ-соль на тарелку, заняли пристань.

Впереди на всѣхъ парусахъ шла ладья, убранная коврами: она была раукрашена хоругвями и иконами. На ней ѣхалъ митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ Архангельска и на ней же была вся свита Никона. На второй ладѣ были подарки монастырю; на остальныхъ ладьяхъ—стрѣльцы съ боевыми снарядами и съ припасами.

Когда митрополитъ подѣхалъ къ пристани, все бывшее духовенство съ нимъ зацѣло „Спаси Господи люди Твоя“, монахи отвѣчали „Исполла эти деспота“.

Митрополитъ показался на выступѣ, и сталъ благословлять дуперстно братію; вся она пала ницъ; Никонъ тогда сошелъ на берегъ, ведомый подъ руки боярами: княземъ Хованскимъ и Отяевымъ, и обратился съ рѣчью къ монахамъ. Онъ говорилъ, что явился простымъ паломникомъ въ тѣ мѣста, гдѣ началъ свое подвижничество. Вкратцѣ онъ передалъ о томъ, какъ онъ ушелъ

изъ Анжерскаго скита, что онъ себя не оправдываетъ и притомъ просить у братіи прощенія и любви; что врагамъ своимъ, если они еще въ живыхъ, онъ прощаетъ и привезъ дары, а друзей, которые еще остались въ живыхъ, онъ просить дать ему братское лобзаніе.

Многіе изъ монаховъ тогда встали и подошли къ нему. Онъ всѣхъ узналъ, называлъ по имени и цѣловался, а отца Пармена онъ долго держалъ въ своихъ объятіяхъ, благословляя его и прося его благословенія, такъ какъ тотъ имѣлъ уже болѣе восьмидесяти лѣтъ.

Послѣ того шествіе тронулось къ соборной церкви, и здѣсь, поклонившись мощамъ свв. Зосима и Савватія, Никонъ молился долго надъ могилой митрополита Филиппа.

Въ это время шла вечерня и потомъ благодарственный молебенъ за царя и за Никона.

Когда служба окончилась, Никонъ обратился къ братіи и объявилъ, что царь прислалъ грамоту митрополиту Филиппу и поэтому онъ, Никонъ, три дня будетъ поститься и молиться; затѣмъ братія вскроетъ могилу, откроетъ гробъ усопшаго и бояринъ князь Хованскій прочтетъ грамоту отъ имени царя.

Соловецкіе монахи сильно были опечалены, что Никонъ избѣгаетъ угощенія, но пріѣхавшіе стрѣльцы и другія лица, окружавшія Никона, отъ этого угощенія не отказались.

Монаховъ одно только удивило, зачѣмъ столько стрѣльцовъ наѣхало. Но воевода объяснилъ это тѣмъ, что слухи носятъ, что будто бы нѣсколько шведскихъ морскихъ разбойниковъ показались у береговъ Бѣлаго моря и поэтому онъ совѣтовалъ и имъ быть на сторожѣ, когда они уѣдутъ.

Три дня Никонъ пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, и за это время только переѣхалъ въ Анжерскій скитъ съ отцомъ Парменомъ. На островѣ онъ обходилъ всѣ любимыя имъ мѣста и забрался на Голгоескую гору.

— Здѣсь,—подумалъ онъ,—построить бы церковь, да теперь денегъ нѣтъ въ царской казнѣ.

Глядя на необозримое море, глядя на видъ Соловецкаго монастыря, онъ вздохнулъ и подумалъ: зачѣмъ эта страна не тамъ, гдѣ Москва, съ ея теплотой? да это былъ бы рай земной.

Обошелъ онъ также скиты и въ одномъ изъ нихъ ему сказали, что тамъ содержится присланный патриархомъ въ заточеніе печатникъ іеромонахъ Арсеній.

Никонъ пожелалъ его видѣть и его впустили въ келію.

Едва митрополитъ вступилъ въ сырое подземелье, какъ изъ угла, гдѣ валялось на соломѣ какое-то живое существо, загремѣли цѣпи и оттуда раздался голосъ:

— Благословенъ приходъ твой, великій государь и архипастырь всея Руси... Будешь ты превыше всѣхъ пастырей нашихъ и пасти будешь стадо Христово съ такою славою, которая превзойдетъ славу всѣхъ архиреевъ...

— Въ чемъ твоя вина? — смущенно произнесъ Никонъ.

— Былъ я при печатномъ дѣлѣ на Москвѣ и корректурные листы поставили мнѣ, за опечатки, въ богохуленіе и еретичество, исказилъ-де многія слова священнаго писанія, наругался-де надъ церковью...

— Освободить его тотчасъ, — произнесъ Никонъ въ сильномъ волненіи. — Коль прибуду въ Москву, я тотчасъ умолю патриарха простить его и вызвать вновь туда.

Съ Арсенія тотчасъ сняли кандалы и вывели на воздухъ. Никонъ вздохнулъ, увидѣвъ его при свѣтѣ: это былъ красивый грекъ, съ черными волосами и глазами; но былъ онъ такъ худъ, что лицо казалось состоящимъ изъ одной лишь кости, а черные глаза его изъ углубленій лихорадочно сверкали. Когда онъ почувствовалъ воздухъ, ему сдѣлалось дурно: ноги подкосились, и онъ чуть-чуть не упалъ.

Никонъ поддержаль его и посадилъ на близъ стоявшую скамью.

— Отнынѣ отпускать ему кормы, какъ и всей братіи, на мой счетъ, — обратился онъ къ Пармену, благословилъ Арсенія и удалился.

— Господи, — подумаль онъ, — и это называется духовная кара? Одна лишь медленная, томительная казнь.

Послѣ того онъ возвратился въ Соловецкую обитель и еще теплѣе сталъ молиться.

На четвертый день Никонъ объявилъ, что онъ готовъ, послѣ вскрытія могилы митрополита Филиппа, участвовать въ братской трапезѣ, такъ какъ она будетъ заупокойная.

Въ соборѣ приготовленъ былъ помостъ, покрытый парчами, и отслужена обѣдня; послѣ того братія приступила къ вскрытію могилы. Когда показался гробъ, нѣсколько монаховъ опустили туда и онъ былъ поднятъ на холстахъ вверхъ всѣмъ предстоящимъ высшимъ духовенствомъ и перенесенъ на помостъ. Тогда, помолвившись, Никонъ попросилъ братію вскрыть крышку гроба. Едва только это сдѣлали, какъ Никонъ и вся братія пали ницъ: митрополитъ Филиппъ лежалъ въ въ гробу, какъ только-что почившій.

Рыданія огласили церковь и всѣ запѣли, что кому пришло на память.

Съ полчаса продолжался этотъ религіозный восторгъ. Никонъ первый пришелъ въ себя и сталъ соборне служить панихиду, причемъ называль Филиппа св. угодникомъ, св. исповѣдникомъ и св. мученикомъ. Потомъ, приложившись къ св. мощамъ, объявилъ братіи, что царь прислалъ угоднику новое митрополичье облаченіе, которое нужно надѣть св. Филиппу по чину митрополичьему, и что потомъ князь прочтетъ царскую грамоту.

Братія съ благоговѣніемъ и съ молитвами исполнила требованіе Никона, такъ какъ одежда св. угодника

вся истлѣла; но митрополичьи ризы были надѣты поверхъ нея.

Когда это было окончено, тогда бояринъ князь Хованскій, поклонившись трижды св. угоднику и ставъ на колѣни, развернулъ царскую грамоту и прочиталъ именемъ царя: „Молю тебя и желаю пришествія твоего въ Москву, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего, царя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно, завистию и несдержаніемъ ярости. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи твоемъ, однако гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе того изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ и за это покаяніе и по нашему приношенію приходи къ намъ, св. владыка. Оправдался евангельскій глаголь, за который ты пострадалъ: „всяко царство раздѣльшееся на ся, не станеть“, и нѣтъ болѣе теперь у насъ прекословящаго твоимъ глаголамъ, благодать Божія теперь въ твоей паствѣ изобилуетъ, нѣтъ уже болѣе въ твоей паствѣ никакого раздѣленія: всѣ единомысленно молимъ тебя, даруй себя желающимъ тебя, приходи съ миромъ во свояси, и свои тебя съ миромъ примуть“.

Вся соловецкая братія пришла въ смущеніе; она поняла тогда, для чего пріѣхалъ Никонъ, но было поздно и рассуждать, и волноваться, и не соглашаться, — стрѣльцы наполняли церковь и заняли всѣ мѣста до самой пристани.

Едва окончилъ чтеніе бояринъ, какъ Никонъ и все пріѣхавшее съ нимъ духовенство изъ Архангельска

подняло гробъ и съ пѣніемъ „Святый Боже“ понесли св. мощи къ пристани.

Нѣкоторые монахи хотѣли было заговорить, но князь Хованскій и Отяевъ отгиснули ихъ и, окруживъ гробъ стрѣльцами, двинулись къ ладьямъ.

У самой пристани стояло судно, на которомъ пріѣхалъ Никонъ: туда поставлены св. мощи, и когда вся свита Никона вошла въ ладью, она тотчасъ отчалила и подняла паруса. Послѣ того стрѣльцы вошли на другія суда и весь флотъ тронулся за св. Филиппомъ.

Долго переносились изъ Архангельска до Москвы останки великаго святителя, и Никонъ измучилъ своимъ аскетизмомъ и князя Хованскаго, и Отяева, такъ что они съ дороги жаловались на это даже царю, но въ Москвѣ совершилось событіе, которое окончательно возвысило Никона.

XXVII.

Богомъ избранный.

Патріархъ Іосифъ всталъ со сна въ великій четвертокъ, 1652 г., въ сильномъ нерасположеніи духа, всю ночь онъ не спалъ и, Богъ вѣсть, что приходило въ голову.

Вотъ почему, какъ только онъ проснулся, онъ тотчасъ послалъ служку за любимцемъ своимъ новинскимъ игуменомъ.

Игумень, жившій вмѣстѣ съ патріархомъ съ Спаскомъ монастырѣ, тотчасъ явился.

— Сынъ мой, — обратился къ нему патріархъ: — сегодня я долженъ быть на омовеніи ногъ, но ночь такую я провелъ, такъ много грѣшилъ, что недостойнъ совершить этотъ священный обрядъ.

Игумень сталъ уговаривать его ѣхать въ Успенскій соборъ, но патріархъ печально возразилъ:

— Я теперь никому не нужный, — винятъ меня и въ еретичествѣ, и Богъ знаетъ въ чемъ, ужъ лучше отка-

заться самому отъ своего сана, хуже будетъ, коль велятъ уйти. Собралъ я немного денегъ,—станеть на мой вѣкъ, скажусь больнымъ, пушай казанскій митрополитъ, онъ теперъ здѣсь, сдѣлается моимъ замѣстителемъ. Поѣзжай къ нему, проси его быть сегодня, вмѣсто меня, на омовеніи ногъ.

Игуменъ новинскій вадумалъ было снова отговаривать патріарха, но тотъ повелительно приказалъ ему выйти.

Вмѣсто того, чтобы ѣхать къ казанскому митрополиту, игуменъ отправился къ старому князю Трубецкому, къ князю Михайлѣ Одоевскому, къ Федору Ртищеву и къ Василию Бутурлину и просилъ ихъ пріѣхать къ патріарху и успокоить его.

Всѣ они тотчасъ съѣхались къ нему.

Патріарха они застали усердно молящагося.

Увидѣвъ любимыхъ своихъ бояръ, онъ благословилъ ихъ и спросилъ, что ихъ привело къ нему такъ рано.

Старшіе бояре, Трубецкой, Одоевскій и Бутурлинъ, объявили, что они слышали о желаніи его отказать отъ патріаршества, но это-де не въ обычаѣ у насъ, притомъ нѣтъ поводовъ къ этому отказу, потому что царь его, патріарха, любить, а если наушничаютъ на него, то на это нечего обращать вниманія.

Выслушавъ друзей своихъ, патріархъ печально возразилъ:

— Не сержусь я, коль на меня клеветуютъ, но больно мнѣ, когда на этого (онъ указалъ на Ртищева) они нападаютъ. Творить онъ дѣло Божье,—по цѣлымъ ночамъ работаетъ съ чернецами въ Андреевскомъ монастырѣ, не доспитъ, не доѣстъ, чтобы сотворить святое дѣло, а его обызываютъ еще за это еретикомъ.

Ртищевъ поклонился тогда въ ноги патріарху и сказалъ:

— Работа моя не для сегодняшняго или завтрашняго дня, а для будущности. Никакого еретичества не

Торимъ мы, переводимъ лишь съ латинскаго и греческаго св. отцовъ, читаемъ на латинскомъ и греческомъ книги мудрецовъ, учимся, чтобы другихъ учить. Ходимъ мы и почти весь народъ въ страшной тьмѣ, страдаемъ суевѣриемъ и предрасудками; не хотимъ знать, чему учать мудрецы. Нужно, поэтому, намъ просвѣтитъ свой разумъ, чтобы научить чему-нибудь народъ. Теперь имѣются хорошія книги только на греческомъ и латинскомъ языкахъ, а потому, научивъ кого-нибудь этимъ языкамъ, открываешь имъ самую премудрость.

— Слышите, — обратился патріархъ къ боярамъ: — что говорить сей юный мудрецъ, а меня и боярина Морозова чуть-ли не каменьями хотятъ закидать за эту премудрость.

Патріархъ при послѣднихъ словахъ почувствовалъ себя нехорошо и присѣлъ.

.....

Въ это время въ дворцовой церкви шла обѣдня, и когда зашѣли „Вечери твоея тайныя“, прибѣжалъ келарь Спасскаго монастыря и, обратясь къ царю, произнесъ взволнованно и торжественно:

— Патріарха не стало!..

Въ этотъ мигъ царь-колоколь ударилъ три раза; всѣ предстоявшіе въ церкви пришли въ ужасъ и отъ неожиданности, и отъ смерти, постигшей высшаго іерарха въ такіе великіе дни.

„Какъ овцы, — писалъ потомъ Никону царь, — безъ пастуха не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ и мы, грѣшныя, не вѣдаемъ, гдѣ главы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ“.

Послѣ обѣдни царь поѣхалъ къ покойнику; тотъ лежалъ ужъ на столбѣ, какъ живой и, помолвившись надъ нимъ и поцѣловавъ его руку, уѣхалъ къ обряду омовенія ногъ, который совершалъ ужъ митрополитъ казанскій.

Въ пятницу патріархъ въ гробу перенесенъ въ Ризь-положеніе.

Вечеромъ царь отправился туда одинъ и, войдя къ покойнику, удивился: всѣ игумены и дѣти боярскія, которые должны были при немъ находиться, разошлись и одинъ только священникъ выкрикивалъ надъ нимъ псалтирь.

Царь созвалъ дѣтей боярскихъ и сдѣлалъ имъ выговоръ, а въ послѣдствіи митрополита казанскаго онъ просилъ сдѣлать выговоръ игуменамъ.

Когда онъ спросилъ священника, почему онъ кричитъ такъ надъ патріархомъ, тотъ отвѣчалъ:

— Прости, государь, страхъ напелъ великій, — въ утробѣ у него, святителя, безмѣрно шумѣло, такъ меня и страхъ взялъ; вдругъ внесло животь у него, государь, и лицо въ ту жъ пору стало пухнуть: меня и страхъ взялъ, думалъ, что ожилъ, для того и двери отворилъ, — хотѣлъ бѣжать.

При этомъ разказѣ суевѣрный Алексѣй Михайловичъ струсилъ и ноги у него подкосились, такъ что онъ едва устоялъ; на бѣду въ утробѣ покойнаго вновь сильно зашумѣло.

— Отъ земли созданъ, — подумалъ царь, — и въ землю идетъ, чего бояться?

И сталъ цѣловать руку усопшаго, а въ этотъ мигъ какъ выстрѣлить что-то изъ его усть...

Алексѣй Михайловичъ окончательно растерялся и обратился въ бѣгство *).

Въ субботу, оплакиваемый и царемъ, и ближними боярами, патріархъ Іосифъ преданъ землѣ въ Успенскомъ соборѣ съ большой торжественностью.

Но царь, Москва и дворъ были сильно опечалены, — имъ не былъ предстоявшій свѣтлый праздникъ празникомъ безъ патріарха.

---

*) Фактъ этотъ мы взяли изъ письма царя къ Никону.

Озабоченный этимъ, царь послѣ похоронъ патріарха думалъ сильно о томъ, кого избрать въ патріархи. Сердце его было за митрополита Никона, котораго онъ считалъ и святымъ, и мудрѣйшимъ святителемъ; но по суевѣрію онъ хотѣлъ еще погадать, то есть узнать по священнымъ книгамъ, чье имя Богу угодно. Онъ взялъ святцы и первое имя ему попалось: **Теогность**.

— Да у насъ нѣтъ такого святителя, — подумалъ царь. — **Теогность**, — твердилъ онъ вслухъ. Въ это время вошелъ постельничій его Ртищевъ и, услыша слово **Теогность**, произнесъ:

— Великій государь, **Теогность** по-гречески: „**Богомъ избранный**“.

Царь сказалъ ему тогда, что онъ гадалъ, кого избрать въ патріархи и вышло: **Теогность**.

— Значить, — замѣтилъ Ртищевъ, — кого ты, великій государь, изберешь, тотъ будетъ и избранникомъ Божьимъ.

Но этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ царя, онъ поѣхалъ въ Алексѣевскій монастырь къ схимницѣ Натальѣ; съ дѣтства онъ любилъ съ нею совѣтоваться и называлъ ее „**мамой Натей**“.

Схимница, со времени выѣзда Никона въ Новгородъ, никуда не выходила и не покидала своей кельи; принимала она только царскую семью и служку.

Узнавъ о смерти и похоронахъ патріарха, она въ тотъ день пребывала въ слезахъ и молитвѣ, и когда служка объявила о пріѣздѣ царя, она какъ будто чего-то обрадовалась.

Царь, войдя въ ея келью и перекрестясь нѣсколько разъ, подошелъ къ ней, обнялъ ее и поцѣловалъ; схимница благословила его и просила сѣсть.

— Я къ тебѣ за совѣтомъ, мама **Натя**, — сказалъ онъ: — **Патріархъ умеръ**...

— Слышала и грѣшная молилась за упокой души святителя, плакала, видишь еще слезы не высохли.

— Не кручинься, мама Натя, Богъ дастъ намъ новаго пастыря, Божьяго избранника Теогноста.

— Теогноста!—испугалась схимница.

— Да, такого святителя у насъ нѣтуту, но Теогноста значить по-гречески Богомъ избанный.

— Кого же ты, государь, бояре и соборъ думаете избрать?

— Ты же у насъ пророчица, мама Натя, Духъ Святой тебѣ подскажетъ.

— Дай прежде помолюсь Богу; если онъ сподобитъ меня, я быть можетъ и нареку его имя, а если не нареку, значить избанный не отъ Бога.

Она распростерлась у иконы, нѣсколько минутъ била поклоны, и поднявшись, вдохновенно воскликнула:

— Идетъ изъ дальней сѣверной стороны подвижникъ великій; идетъ онъ среди лѣсовъ, болотъ и степей; не имѣетъ онъ отдыха ни днемъ, ни ночью; окруженъ онъ великой стражей, а съ нимъ великій святитель почіетъ въ гробу и несетъ подвижникъ на плечахъ своихъ этого святителя, и имя почившаго „св. угодникъ и чудотворецъ митрополитъ Филиппъ“, и вижу я, вотъ, вотъ, св. Филиппъ изъ гроба возстаетъ въ свѣтломъ сіяніи и благословляетъ несущаго его великаго святителя.

— И какъ имя этого подвижника?

— Дай, вслушаюсь, св. Филиппъ что-то молвилъ, произнесъ онъ имя... имя... Никонъ!

Съ послѣдними словами схимница упала безъ сознанія.

Царь позвалъ служку, и когда схимница приведена была въ чувство, онъ простился съ нею и вышелъ.

— Итакъ, Теогноста—Никонъ,—подумалъ онъ, уходя.

Затворивъ за нимъ дверь своей кельи, схимница бросилась на колѣни и, молясь о Никѣ и о патріархѣ Никонѣ, благодарила Господа силъ, что вновь онъ будетъ безвыѣздно находиться въ Москвѣ.

— Его видѣть, его слышать для меня безконечное

блаженство,—лепетала она.—И если это грѣхъ, то прости мнѣ, Господь Богъ милосердый. И ты, долготерпѣливый, когда явилась тебѣ чаша, молилъ же Бога Отца, да минетъ она тебя.

XXVIII.

Великій государь патріархъ Никонъ.

Лѣтній іюльскій день, солнце знойно, но вся Москва въ движеніи: она убралась какъ на пиръ, какъ на праздникъ великій. Дома выбѣлены или окрашены вновь, улицы подметены, и народъ огромной толпой валилъ къ Успенскому собору; туда же со всѣхъ московскихъ сорокъ сороковъ спѣшать съ иконами и хоругвями.

Но вотъ самъ юный царь, со всѣми боярами появился на красномъ крыльцѣ и, послѣ народнаго привѣтствія, отправился къ Успенскому собору.

Помолившись тамъ, царь съ духовенствомъ, съ боярами, стрѣльцами, служилымъ людомъ, народомъ и духовенствомъ, при пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“, двинулись изъ Москвы.

Рядомъ съ царемъ несутъ въ креслѣ и престарѣлаго митрополита ростовскаго Варлаама.

Въ верстѣ отъ города верховой посланецъ далъ знать, что св. Филиппъ недалеко уже; нѣсколько минутъ спустя, показались передовые стрѣльцы, послѣ того заблестали въ отдаленіи хоругви, иконы и народъ.

По дорогѣ тысячи людей—свѣтскихъ и духовныхъ—присоединились къ священному шествію и образовали страшную массу.

Обѣ толпы остановились другъ противъ друга и тогда москвичи увидѣли гробъ св. митрополита, несомый епископами и архимандритами, съѣхавшимися еще по дорогѣ, чтобы участвовать въ торжественномъ внесеніи мощей въ Москву.

Впереди шествія ярко выдвигался митрополитъ Никонъ, съ крестомъ въ рукахъ.

Москвичи въ одинъ мигъ пали ницъ, а за ними и вся толпа, сопровождавшая Никона.

Никонъ благословилъ царя и народъ и, поднявъ перваго, облобызалъ его; тоже самое онъ сдѣлалъ съ царской семьей и съ высшими святителями.

Подошелъ онъ то же къ митрополиту Барлааму и хотѣлъ его облобызать, но тотъ отъ радости, что сподобился встрѣтить св. мощи Филиппа, отдалъ Богу душу.

Всѣ были поражены этимъ событіемъ, но Никонъ нашелся: онъ велѣлъ усопшаго присоединить къ процессіи.

Послѣ того всѣ двинулись къ Москвѣ; она встрѣтила ихъ трезвономъ во всѣ свои колокола, а народъ и все духовенство пѣли „Исполла эти деспота“ и „Достойно“.

Когда св. мощи были внесены въ Успенскій соборъ, тамъ готовъ ужъ былъ помостъ, покрытый драгоцѣнной парчей. Духовенство поставило туда мощи и тогда, послѣ молитвы, произнесенной Никономъ, крышка гроба снята и св. Филиппъ явился лежащій въ гробу въ митрополической митрѣ, съ лицомъ спокойнымъ, какъ будто онъ только что почилъ.

Трудно описать чувства, овладѣвшія народомъ; это были и рыданія, и радостныя, и неистовыя восклицанія и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣнное созерцаніе св. угодника и великомученика.

Первый приложился къ мощамъ царь, потомъ Никонъ съ остальнымъ духовенствомъ и народомъ.

Начали служить благодарственный молебень и послѣ него царь взялъ Никона и другихъ сановниковъ церкви во дворецъ: тамъ была приготовлена трапеза.

На обѣдѣ были Милославскій и Морозовъ; оба они выказали Никону свое уваженіе и онъ за столомъ занималъ патриаршее мѣсто.

За обѣдомъ Никонъ разсказалъ, какую хитрость нужно

было употребить, чтобы обрѣсти св. мощи, потому что если бы въ Соловкахъ узнали о цѣли его прїѣзда, то монахи мощей не выдали бы, а оставить въ ихъ рукахъ св. Филиппа было просто грѣхъ.

Послѣ того царь разспрашивалъ вообще о путевыхъ его впечатлѣніяхъ и тотъ сказалъ, что всюду народъ добрый, богобоязненный, но жалуются на поборы: дьяки и приказные жестоко его обираютъ.

— Мы ждали только тебя, великій государь и пресвѣтлый богомолецъ нашъ, чтобы заняться устроеніемъ нашего царства, и ты, какъ добрый пастырь, научи и настави насъ. Церковь наша осиротѣла безъ отца и мы молимъ тебя, не откажи сдѣлаться нашимъ отцомъ, — сказалъ государь.

Царь, духовенство и бояре поднялись съ мѣсть, низко кланяясь Никону.

Никонъ тогда поднялся, поклонился царю въ ноги, а боярамъ и духовенству низко до пояса и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Я крестьянскій сынъ изъ Вельманова... Чернецъ и простой богомолецъ вашъ и не могу я принять по этому ангельскаго лика патріарха и сдѣлаться отцомъ вашимъ и всего народа... Изберите достойнѣ меня... Имѣете вы святителей и старѣе, и просвѣщеннѣ меня... Имѣете вы святителей, которые болѣе подвизались, чѣмъ я, въ премудрости. Отпустите меня въ Спасовъ монастырь, тамъ бы я желалъ сдѣлаться схимникомъ и все, чего только я желаю, это служить первую обѣдню у мощей святаго Филиппа.

— Ты усталъ съ дороги, великій государь, — возразилъ царь, — и тебѣ нуженъ покой. Я провожу тебя въ Спасовъ монастырь.

И съ этими словами царь велѣлъ приготовить колымагу и послѣ трапезы отвезъ съ огромной свитой митрополита въ монастырь; прощаясь тамъ, онъ облобызался съ нимъ.

На другой день къ обѣднѣ пріѣхалъ царь со всѣми боярами и все духовенство собралось служить соборне съ Никономъ.

Митрополита встрѣтило духовенство съ колокольнымъ звономъ и съ иконами.

Никонъ совершилъ службу съ большою торжественностью, и когда былъ прочитанъ акаѳистъ митрополиту Филиппу, онъ обратился къ царю и къ народу съ словомъ. Онъ говорилъ объ униженіи, которому подвергся митрополитъ всея Руси св. Филиппъ при Иванѣ Грозномъ, и что Годуновъ, Василій Шуйскій хотя и чтили патріарховъ, но истинное значеніе получилъ только блаженной памяти патріархъ Филаретъ. Въ Бозѣ почившіе же патріархи Іоасафъ и Іосифъ уронили значеніе святителей, и вотъ онъ, митрополитъ Никонъ, и митрополитъ Макарій псковскій, оба обезчещены въ своихъ паствахъ и все отъ того, что нѣтъ благочестія, нѣтъ богобоязни въ народѣ и нѣтъ ни премудрости, ни добродѣтели въ священнослужителяхъ и въ монастыряхъ; что первые грубы и невѣжественны, а послѣдніе живутъ не по уставу, а думаютъ лишь какъ бы угодить мамонѣ и своимъ страстямъ. Судьи и правители областей угнетаютъ народъ и больше о себѣ думаютъ, чѣмъ объ отечествѣ и царѣ; самая паства церковная раздѣляется заблужденіями и еретичествомъ, поэтому нужна твердая воля, которая привела бы все въ порядокъ безъ всякаго прекословія и помѣшательства со стороны свѣтской власти, и что только такой святитель, если онъ найдется, можетъ устроить церковь Божію, то есть народъ. Онъ же, Никонъ, ничтожный рабъ Божій и царя, не чувствуетъ въ себѣ столько силъ, чтобы сдѣлаться этимъ святителемъ, и если бы онъ рѣшился на это, то лишь подъ условіемъ, чтобы безъ всякаго съ чьей-либо стороны вмѣшательства ему предоставлено было устроеніе церкви по тому наитію, какое онъ будетъ имѣть отъ Св. Духа при посвященіи его въ патріархи.

На эти слова царь отвѣчалъ:

— Я и мы всѣ предстоящіе здѣсь всегда почитали тебя, какъ архипастыря и отца.

Царь упалъ на колѣни и началъ умолять Никона не отказываться отъ патріаршества.

Тогда Никонъ обратился къ боярамъ, духовенству и народу и торжественно спросилъ:

— Будете ли почитать меня, какъ архипастыря и отца, и дадите ли мнѣ устроить церковь? Клянитесь.

Всѣ подняли руки и поклялись.

Никонъ, растроганный такою любовью къ нему, молвилъ тогда:

— Видно на то воля Божія, не смѣю ослушаться божественнаго промысла. Да будетъ такъ: принимаю на себя тяжелое бремя патріаршаго святительства.

Царь обнялъ и поцѣловалъ его, и Никонъ перецѣловался со всѣми въ церкви.

Народъ, толпившійся на площади церковной, приветствовалъ это согласіе Никона восторженно.

25 іюля 47-лѣтній Никонъ былъ посвященъ въ патріархи и нареченъ великимъ государемъ. Но въ это время, когда, упоенный счастьемъ и величіемъ, Никонъ принималъ въ патріаршей палатѣ поздравленія отъ высшихъ святителей и сановниковъ царства, въ это время въ Алексѣевскомъ монастырѣ инокиня Наталья зажгла въ своей кельѣ три восковыя свѣчи у иконы, что она дѣлала въ высокаторжественные дни, и отправилась въ общую трапезу, гдѣ она разрѣшила себѣ елей.

Въ ту ночь ей снился страшный сонъ: къ ней пришелъ Никонъ, блѣдный, старый, худой, въ простой монашеской одеждѣ...

Схимница вскрикнула и проснулась, — въ кельѣ никого не было.

Она упала на колѣни и, молясь, горько плакала.

XXIX.

Первая мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ.

Въ восемь часовъ вечера, вскорѣ послѣ вступленія на патриаршій престолъ Никона, царь Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ съ своею семьєю за ужиномъ.

За столомъ находился и тесть его Илья Милославскій.

Разговоръ шель о политикѣ: жаловался Милославскій, что Польша не хочетъ наказать виновныхъ въ измѣненіи въ грамотахъ царскаго титула и сочинителей пасквилей на Россію.

Царь зѣвнулъ и велѣлъ ему обратиться къ патриарху.

Перемѣнилъ Милославскій разговоръ; онъ началъ жаловаться на то, что онъ, Милославскій, чтобы не вызывать мѣстничества, вмѣсто боярскихъ дѣтей, началъ опредѣлять дѣтей дяковъ и стряпчихъ, но къ ужасу его и тѣ затѣяли тоже мѣстничество.

Царь еще пуще зѣвнулъ и отправилъ его для совѣта къ Никону.

Между тѣмъ ужинъ кончился, царь помолился Богу, допустилъ къ рукѣ всю семью и отправился въ свою опочивальню.

Здѣсь ожидалъ его постельничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ.

Онъ раздѣлъ царя, и когда тотъ сталъ на колѣни у ризницы и началъ молиться, Ртищевъ тихо вышелъ и удалился изъ дворца.

Шаги свои онъ направилъ къ патриаршимъ хоромамъ.

Стража и служители патриарха пропустили его и онъ отправился въ рабочую комнату Никона.

Въ подрысникѣ, заваленный у огромнаго стола кипами бумагъ и книгъ, Никонъ сидѣлъ и писалъ, когда къ нему появился Ртищевъ.

— Радъ тебя видѣть, Ѳедоръ Михайловичъ, — съ веселымъ лицомъ заговорилъ къ нему Никонъ.

Ртищевъ остановился въ почтительномъ отдаленіи.

— Иди поближе, — продолжалъ онъ, — садись вотъ сюда, къ столу, поговоримъ... отведу немного душу.

Ртищевъ подошелъ тогда подъ его благословеніе и сѣлъ на стулъ, которые имѣли тогда видъ табуретокъ.

— Какъ у тебя въ Андреевскомъ монастырѣ, Ѳеодоръ Михайловичъ, идутъ переводы?

— Съ Божьей помощью, хорошо.

— А я, видишь, сколько получилъ богослужебныхъ книгъ, не апокрифическихъ, а настоящихъ, каноническихъ... Необходимо ваяться за исправленіе нашихъ... Согрѣшилъ царь Иванъ Грозный во многомъ, но грѣхъ великій сотворилъ онъ своимъ Стоглавомъ... Василій Шуйскій и отпечатай многія книги съ поправками Стоглава. Троицкая лавра взялась за исправленіе требника, но этимъ дѣло кончилось, и блаженной памяти мой предмѣстникъ, патріархъ Іосифъ, назначилъ исправителями іереевъ: Степана Вонифатьева, Ивана Неронова, Аввакума, Лазаря, Никиту, Логгина, Данилу и дьякона Ѳеодора и ни одного изъ монашествующихъ. Попы-то и внесли сугубое аллилуія и двуперстное знаменіе, чтобы угодить купечеству... Теперь приходится все это по-исправлять.

— Думаю я, святѣйшій патріархъ, хорошо-ли будетъ теперь это сдѣлать? При патріархѣ Іосифѣ, за годъ до его смерти, я завелъ здѣсь пѣвчихъ изъ Малороссіи, и сталъ приучать изъ моего Андреевскаго монастыря молодыхъ поповъ говорить проповѣди, а патріархъ окружной грамотою далъ знать, чтобы въ церковномъ пѣніи было единогласіе, — такъ сдѣлалась смута и многіе попы въ тунской избѣ кричали: „А намъ хотъ умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“. Съ тѣмъ же гавриловскимъ попомъ заспорилъ никольскій попь Прокофій и сказалъ: „Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, да людей въ церкви учите, а мы прежде людей въ церкви не учивали, учили ихъ въ

тайнѣ; бѣса вы имате въ себѣ, всѣ ханжи, и протопопъ благовѣщенскій такой же ханжа“. Такъ они честили духовника царскаго Степана Вонифатьева.

— Они насъ называютъ, — улыбнулся Никонъ, — и ханжами, и еретиками. По дѣломъ царскому духовнику, зачѣмъ онъ далъ имъ поблажку и ввелъ двуперстное знаменье и сугубое аллилуія... Середины не можетъ быть: коли признавать, то нужно признать все или ничего.

— Да, — замѣтилъ Ртищевъ: — но святѣйшій патріархъ не знаетъ, сколько выстрадалъ знаменитый защитникъ Сергіевской лавры архимандритъ Діонисій за вычеркнутыя имъ слова „и огнемъ“ въ молитвѣ водоосвященія. Отецъ мой сказывалъ, что митрополитъ Іона *) вызвалъ архимандрита въ Москву, четыре дня приводили его на патріаршій дворъ къ допросу съ безчестіемъ и позоромъ, т. е. въ оковахъ, и его били, плевали на него за то, что онъ не хотѣлъ выкупиться.

— Какой же отвѣтъ былъ Діонисія? — задумчиво произнесъ Никонъ.

— Денегъ у меня нѣтъ, да и дать не зачто: плохо чернецу, когда его разстричь велѣтъ, а достричь, — такъ ему вѣнецъ и радость. Сибирью и Соловками грозите мнѣ, но я этому и радъ, — это мнѣ и жизнь.

— Такъ говорятъ всѣ тѣ, — восхитился патріархъ, — кто вѣритъ въ правду и святость своего дѣла. Что же было дальше?..

— За Діонисіемъ посылали нарочно въ праздничные и торговые дни, когда было много народа, приводили его пѣшкомъ или привозили на клячахъ безъ сѣдла, въ цѣпяхъ, въ рубищѣ, на позоръ толпѣ и кидали на него грязью и пескомъ.

— Слышалъ, слышалъ объ этихъ безобразіяхъ, — вознегодовалъ Никонъ. — Распустили враги его слухи, что явились такіе еретики, — которые огонь хотятъ въ мірѣ

---

*) Когда Филаретъ Никитичъ былъ еще въ польскомъ плѣну.

вывести,—вотъ и взволновались ремесленники: какъ же мы безъ огня-то?.. и стали выходить съ каменьями и дрекольями на Діонисія.

— Вотъ это-то и самое страшное,—замѣтилъ Ртищевъ...—и враги наши и ваши распускаютъ о насъ такіе слухи.

— Да,—задумался патріархъ,—мы должны исправленіе книгъ сдѣлать соборомъ.

Въ это время вошелъ Епифаній Славенецкій. Онъ былъ красивъ и представителенъ, говорилъ краснорѣчиво, съ сознаниемъ своего достоинства и знаній.

По обычаю того времени, онъ патріарху поклонился трижды въ ноги прежде, нежели подошелъ къ его благословенію; патріархъ просилъ его сѣсть и обратился къ нему:

— Вотъ Ѳедоръ Михайловичъ напугалъ меня,—сказалъ онъ.—Разсказывалъ про страданія архимандрита Діонисія... И это за два слова; „и огнемъ“. А вы, отецъ Епифаній, домогались исправленія всѣхъ богослужбныхъ книгъ. Многое я просмотрѣлъ самъ и, соглашаясь съ вами и отцомъ Арсеніемъ, я готовъ на необходимыя измѣненія, но боюсь раскола... народъ и духовенство такъ невѣжественны.

— Святѣйшій патріархъ,—произнесъ торжественнымъ тономъ Епифаній:—дѣло исправленія книгъ настоятельно, его отложить нельзя. Малороссія просится давно подъ руку (въ подданство) русскаго царя, и если книги не будутъ исправлены и будутъ держаться заблужденій и ересей, то митрополитъ кievскій останется подъ паствою патріарха константинопольскаго, а при этой религіозной розни братья одного и того же народа могутъ стать въ такія же отношенія, въ какихъ стоятъ православные въ Малороссіи къ уніатамъ и католикамъ; поэтому и сліянія этихъ двухъ народовъ никогда не будетъ. Если же ты, патріархъ, желаешь знать, какъ бѣдствуетъ теперь народъ малороссійскій, то спроси Матвѣева, онъ въ по-

сольскомъ приказѣ получилъ гонцовъ изъ Кіева и отъ царскаго посланца Унковскаго.

Едва это произнесъ Епифаній, какъ вошелъ Матвѣевъ со связкою бумагъ и тюкомъ.

Поклонившись въ ноги патріарху, Матвѣевъ сказалъ:

— Свѣтлѣйшій патріархъ, я отъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, по царскому приказу... Два года тому назадъ были посланы въ Варшаву бояринъ Гаврила Пушкинъ, окольникій Степанъ Пушкинъ и дьякъ Гаврила Леонтьевъ съ жалобою на отпечатанныя въ Польшѣ книги, въ которыхъ поносилось Московское царство и блаженной памяти царь Михаилъ Ѳедоровичъ, и патріархъ Филаретъ... Тогда король Янъ-Казиміръ велѣлъ вырвать изъ книгъ безчестовавшіе насъ листы и сжечь ихъ на площади, а самыя книги велѣно изъять изъ обращенія. Теперь доносятъ, что не только въ царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи ходятъ эти книги, но ихъ много привезено и къ намъ. Король Янъ-Казиміръ явно ищетъ съ нами разрыва.

— А что гонцы отъ украинскихъ воеводъ и отъ Унковскаго бають?—прервалъ его Никонъ.

— Доносятъ, въ Малороссіи-де всякихъ чиновъ люди говорятъ, что они отъ войны съ ляхами и раззоренія погибають, кровь льется безпрестанно; за войной хлѣба пахать и сѣна косить имъ стало некогда; помирають они голодною смертію и молятъ Бога, чтобъ великій государь былъ надъ ними государемъ, а ляхамъ вѣры нельзя дать, они-де, казаки, знаютъ заподлинно, что ляхи противъ московскаго царя войну начнутъ.

— А изъ Кіева что пишутъ?—спросилъ задумчиво Никонъ.

— Литовскій гетманъ Радзивиль занялъ его,—продолжалъ Матвѣевъ.—Соборную церковь Богородицы, каменную, на Посадѣ, ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорѣла, однѣ стѣны остались, а въ церкви лошадей своихъ жиды и ляхи ставили; де-

ревянныхъ церквей сгорѣло пять, а которыхъ не жгли тѣ всѣ разорили, образа дорогіе окладные себѣ взяли, а иные поисщепали; колокола у всѣхъ церквей взяли и въ струги поклали; но изъ этихъ струговъ шесть казаки отгромили. Въ монастырѣ Печерскомъ казну также всю взяли и паникадило, посланное нами туда; у св. Софіи взяли тоже всю казну, ризу, сосуды, всю утварь, образъ св. Софіи; всѣ монастыри раззорены..

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ,—воскликнулъ невольню Никонъ.

— Унковскій, — продолжалъ Матвѣевъ: — доносить, что Виговскій, писарь Богдана Хмѣльницкаго, говорилъ ему, что если великій государь нашъ не возьметъ его подъ свою высокую руку, то Малая Русь отдастся подъ руку турецкаго царя. Казаки не хотятъ быть холопами ляховъ и бѣгутъ къ намъ тысячами.

— Завтра собрать боярскую думу,—возразилъ на это Никонъ:—и ты, Артамонъ Сергѣевичъ, расскажешь это боярамъ и царю.

Матвѣевъ вышелъ.

— Вы слышали,—воскликнулъ послѣ его ухода Епифаній Славенецкій: — свѣтлѣйшій патріархъ, какъ бѣдствуетъ малороссійскій народъ, а Москва не даетъ ему помощи... Ужъ сколько разъ гетманъ Богданъ простиралъ сюда руки, ища защиты своему народу, монастырямъ и церквамъ Божьимъ, но вопли эти тщетны. И чего боятся бояре?... Теперь время слить всѣ разрозненные части Руси... Не только Малая, но и Бѣлая Русь, и Литва, и галичане, все стонетъ подъ игомъ ляховъ, и русскій царь однимъ ударомъ уничтожить вражью силу, соединить подъ однимъ скипетромъ, и подъ однимъ патріаршествомъ всѣхъ членовъ одной и той же православной русской семьи... Если одинъ Богданъ Хмѣльницкій, безъ денегъ, оружія и пороха, могъ приводить въ трепетъ Варшаву, то что будетъ, если соединится съ нимъ русскій царь?

— Святая правда,—сказалъ Никонъ.—Да, въ прошлое царствованіе мы потеряли черезъ войну съ Польшей Смоленскъ и мы такъ напуганы, что боимся новой войны. Но возможно ли,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—подчинить московскому патріарху и митрополіи кievскую и литовскую?

— Можно и должно, свѣтлѣйшій патріархъ; а для этого необходимо только исправленіе вашихъ книгъ богослужебныхъ, иначе сліяніе народовъ Великой, Малой, Бѣлой Руси, Литвы и Галичины будетъ непрочно: непроченъ союзъ, не связанный узами одной вѣры. Говорю святую истину предъ вами, святѣйшій патріархъ: если вы не исправите книгъ, не присоединятся къ вамъ другія русскія митрополіи и будетъ русская церковь всегда въ кабалѣ у константинопольскаго патріарха и турецкаго султана.

— Объ этомъ нужно подумать и поговорить,—замѣтилъ Никонъ.—Что ты сказалъ, почти теперь оправдывается; изъ Бѣлой Руси и Литвы множество дьяконовъ православныхъ ѣдутъ ко мнѣ въ Москву, чтобы я ихъ рукополагалъ въ іереи.—Ты правъ, нужно соединить всю русскую православную церковь во-едино и тогда будетъ единъ пастырь, едино стадо.

— Аминь!—произнесли торжественно Ртищевъ и Епифаній и удалились.

Когда они вышли, Никонъ сталъ прохаживаться по своей рабочей горницѣ и потомъ, вдругъ остановившись предъ иконой Спасителя, висѣвшей въ углу, произнесъ набожно:

— Исправленіе книгъ нужно для прославленія Твоего же имени, Сладкій Иисусъ, Сынъ Божій, и если бы мнѣ пришлось, подобно Діонисію, пострадать за истину, такъ я приму это какъ милость Божью. Русскую церковь нужно соединить во-едино, и какъ Іерусалимъ соединяетъ всѣхъ христіанъ всѣхъ толковъ, такъ да сдѣлается Русь новымъ Іерусалимомъ для воссоединенія

всего русскаго народа подъ одною державою и единымъ патріархомъ.

Въ этотъ мигъ вошелъ монахъ и остановился у двери.

Никонъ оглянулся; это былъ греческій монахъ Арсеній.

— Отецъ Арсеній, — сказалъ Никонъ, — я назначилъ тебя старшиною печатнаго дѣла, а исполнилъ-ли ты мой приказъ объ иконахъ?

— Исполнилъ, святѣйшій патріархъ; латинскія печатныя иконы отбираются; то же всѣхъ трехрукихъ Богородицъ, страшный судъ, разбойника и другія еретичныя.

— Что же народъ?

— Смущается, говоритъ иконоборство... ханжество.

— Непостижимо... Продолжай свое дѣло... Отвѣтъ мы дадимъ Господу Богу нашему и Онъ не осудитъ насъ.

И съ этими словами патріархъ удалился.

XXX.

С х и м н и ц а.

У Благовѣщенской церкви въ Москвѣ стоялъ красивый домъ съ большимъ садомъ; здѣсь жилъ протопопъ и ея настоятель, отецъ Степанъ Вонифатьевъ, царскій духовникъ.

Домъ былъ какъ полная чаша; въ немъ громоздились подарки царя, царской семьи, бояръ и московскихъ гостей; поэтому въ хоромахъ видѣлись не только дорогіе образа, но и драгоценныя сосуды и утварь.

Былъ воскресный день. Обѣдня въ Благовѣщенской церкви только что отошла и отецъ Степанъ возвращался домой и, подходя къ своему двору, увидѣлъ, что къ нему направляется колымага патріарха, съ обыкновенной патріаршей свитой: скороходовъ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, окольничихъ и бояръ верховыхъ и пѣшихъ.

Отецъ Степанъ поспѣшно вошелъ въ свой домъ и, оставивъ въ сѣняхъ свой посохъ, вышелъ на порогъ своихъ сѣней, чтобы встрѣтить Никона.

По обычаю того времени, онъ трижды палъ на колѣни, но Никонъ поднялъ его и поцѣловался съ нимъ.

Еще будучи игуменомъ Спасо-Преображенскаго монастыря, Никонъ часто у него бывалъ и проводилъ въ его семействѣ по цѣлымъ часамъ, но съ того времени, какъ его избрали въ патріархи, онъ теперь въ первый лишь разъ заѣхалъ къ отцу Степану.

Патріарха хозяинъ ввелъ въ хоромы, а вся свита его осталась въ сѣняхъ.

Когда хозяинъ посадилъ Никона въ углу, подъ образами, гость поблагодарилъ царскаго духовника за то, что онъ держалъ сторону его, при избраніи его въ патріархи, и выразилъ ему, что онъ будетъ ему безконечно признателенъ и не знаетъ только, чѣмъ и какъ отблагодарить его.

Отецъ Степанъ поклонился тогда въ ноги патріарху и сказалъ:

— Я и такъ взысканъ царскою милостью, а потому, святѣйшій патріархъ и великій государь нашъ, ты меня осчастливишь, когда наградишь наперсными крестами Неронова, Аввакума, Лазаря, Никиту, Логгина и Данила; дьякона же Федора рукоположишь въ іереи. Они, — пояснилъ отецъ Степанъ, — возстановили древле завѣтное двуперстное знаменье и сугубое аллилуія.

Никонъ вспыхнулъ и сказалъ, что отъ награжденія честныхъ дѣятелей и тружениковъ никогда не отказывался и готовъ наградить тѣхъ лицъ, за которыхъ хлопочетъ отецъ Степанъ; но упомянуть—за что именно онъ наградилъ ихъ,—онъ не можетъ, потому что, по его мнѣнію, двуперстное знаменье и сугубое аллилуія—заблужденіе.

Отецъ Степанъ въ свою очередь вспыхнулъ:

— Вѣдь ты, святѣйшій патріархъ, самъ благословляешь народъ двуперстно,—воскликнулъ онъ.

— Это святая правда, но если и я заблуждаюсь и соборъ это скажетъ, то я начну и креститься, и благословлять троеперстно.

— Не я одинъ,—обидѣлся отецъ Степанъ,—ввелъ это; а великіе святители наши Филиппъ, Гермогенъ и Іовъ, они крестились двуперстно и спасались же. А при составленіи Стоглава участвовали святые Гурій и Варсонофій и проклиали троеперстіе.

— Но ты, отецъ Степанъ, забылъ, что я ученикъ и послѣдователь св. Никодима Кожеезерскаго, который въ новшествахъ находитъ залогъ истиннаго благочестія, и кабы онъ жилъ теперь, и онъ бы принялъ троеперстіе.

— Да,—усомнился царскій духовникъ:—коль оно истинное.

Тогда Никонъ сталъ краснорѣчиво доказывать царскому духовнику, что нашей церкви необходимо держаться строго того, что признается греческою церковью: иначе не будетъ церковнаго единенія съ церквами Малой, Бѣлой Руси и Литвы; а въ такомъ случаѣ не будетъ и политическаго единства.

На это духовникъ рѣзко отвѣтилъ:

— Царство Іисуса Христа нѣсть отъ міра сего, нечего поэтому приплетать къ вѣрѣ земныя дѣла.

Никонъ съ этимъ не соглашался и доказывалъ, что церковь Христова не можетъ отдѣляться отъ міра, что она должна соединять, а не раздѣлять народы, и тѣмъ паче одинъ и тотъ же народъ; что поправки, сдѣланныя духовникомъ, ошибочны, и не только будутъ отвергнуты восточными патріархами, но даже и у насъ, если будетъ созванъ соборъ; а потому онъ, какъ патріархъ всея Руси, не можетъ допустить, чтобы изъ-за такого разногласія было пожертвовано сліяніемъ всего русскаго народа. Что же касается исправленія вообще церковныхъ книгъ, то онъ рѣшилъ выписать отъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ рукописи и, сличивъ ихъ съ нашими переводами, собрать соборъ и указать, какія поправки необходимы. Сдѣлаетъ онъ это для того, чтобы снова возвратиться въ лоно восточной церкви.

Сказавъ это, Никонъ поднялся съ мѣста и, благо-

словляя отца Степана, просилъ его содѣйствовать ему, такъ какъ онъ содѣйствовалъ ему къ устройенію единогогласія въ церковномъ служеніи. Отецъ Степанъ ничего не отвѣтилъ, но только почтительно проводилъ патріарха до колымаги.

Отъ царскаго духовника Никонъ поѣхалъ прямо во дворецъ царя къ обѣду.

Государь принялъ его ласково и съ почетомъ. Онъ встрѣтилъ его съ боярами и окольными на Красномъ крыльцѣ; Милославскій и Морозовъ взяли его подъ руки и повели въ трапезную.

За трапезой, по этикету, разговора не было, а были только общія мѣста, пожеланія и здравяцы; послѣ обѣда почти всѣ разѣхались или разошлись, лишь патріархъ съ царемъ удалились въ его опочивальню.

Царь усадилъ Никона на топчанъ и сѣлъ самъ на стулъ противъ него.

Никонъ передалъ ему о тѣхъ неправильностяхъ, какія встрѣчаются въ богослужебныхъ книгахъ, и о тѣхъ исправленіяхъ, какія въ нихъ слѣдуетъ сдѣлать.

Выслушавъ его внимательно, царь сказалъ:

— Великій нашъ государь святѣйшій патріархъ, ты нашъ Богомъ избранный и нашъ отецъ, какъ ты и святители рѣшите, на то и я буду согласенъ. Собери въ началѣ будущаго года синклитъ и тогда изобличи всѣ неправды. Теперь же ты бы обратился къ мамѣ Натѣ, она дастъ тебѣ отвѣтъ по внушенію Духа Святаго.

О схимницѣ Никонъ давно слышалъ и отъ бояръ, и отъ царя, но не видѣлся съ нею до сихъ поръ: она никого не принимала и попытку въ этомъ смыслѣ предшественника его, патріарха Іосифа, она отклоняла не разъ.

Никонъ высказалъ свои опасенія царю.

Алексѣй Михайловичъ задумался и сказалъ:

— Пойди отъ моего имени и она тебя приметъ, святѣйшій отецъ... Притомъ...

Онъ хотѣлъ было сказать, что она изрекла ему по

вдохновенію и его имя, но воздержался и, помедливъ, присовокупилъ:

— Ты ей скажи, что Богъ ея молитвами разыскалъ меня и жена моя въ надеждѣ... Пущай она молится за насъ грѣшныхъ.

Патріархъ благословилъ царя, простился съ нимъ и уѣхалъ.

Народъ по улицамъ встрѣчалъ Никона восторженно и падалъ ницъ, когда онъ благословлялъ его, и съ такимъ торжествомъ ѣхалъ Никонъ до Алексѣевского монастыря, а самъ думалъ:

— Когда я прощался здѣсь съ женой и ушелъ въ Соловки, полагаешь-ли я, что въ какихъ-нибудь два десятка лѣтъ я возвращусь сюда, къ этому монастырю, патріархомъ всея Руси... И жива-ли моя жена?.. И гдѣ она?.. Никогда никто не слышалъ, чтобы поповская жена Парасковія поступила даже сюда.

Въ это время показалось мрачное зданіе обители и Никону сильно вагрустнулось.

Между тѣмъ женскій монастырь не зналъ объ ожидавшемъ его посѣщеніи; но когда ему дали знать, что поѣздъ патріаршій приближается, всѣ монашки съ игуменьей высыпали на встрѣчу патріарху, а на колокольнѣ затрезвонили во всѣ колокола.

Когда патріархъ появился на монастырскомъ дворѣ, монашки пали ницъ и Никонъ сказалъ имъ краткое слово любви и утѣшенія.

Послѣ того онъ обратился къ игуменьѣ съ повелѣніемъ царя допустить его видѣть схимницу Наталью.

Игуменья тотчасъ послала къ ней, а сама при пѣніи монахинь повела патріарха въ церковь, чтобы показать ему церковныя святости и богатства.

Поклонившись мощамъ и осмотрѣвъ церковь, Никонъ спросилъ, какой отвѣтъ схимницы.

— Она проситъ святѣйшаго патріарха пожаловать, — поклонилась ему въ ноги служка.

Сердце мужественнаго Никона, которое усиленно не стучало ни въ московской смутѣ, ни въ новгородской гилѣ, вдругъ затрепетало и замерло.

Игуменья повела его въ монастырь и остановившись предъ дверью кельи схимницы, указала ему, куда онъ долженъ войти, и, поклонившись, удалилась.

Безъ обычнаго монастырскаго стука патріархъ отворилъ дверь.

Бѣлый его клубукъ съ огромнымъ алмазнымъ крестомъ и двѣ панагіи, осыпанныя драгоценными камнями, на груди придавали ему, при высокомъ его ростѣ и его мужественномъ лицѣ, особый величественный видъ.

Никонъ вступилъ въ келью истиннымъ патріархомъ всея Руси и взорамъ его представилась небольшая комната въ одно окно, простой образъ съ лампадкой, ложе безъ подушки и покрывала, небольшой столикъ у окна и деревянные два стула.

Схимница съ густо закрытымъ покрываломъ стояла посреди кельи, и когда онъ появился въ дверяхъ, распростерлась по землѣ, сдѣлала три поклона и подошла подъ его благословеніе.

— Не тебѣ, моя дочь,—сказалъ Никонъ,—подходить подъ мое благословеніе, а мнѣ подъ твое.

— Я ничтожная раба и богомолка твоя, святѣйшій патріархъ; что за причина твоего пришествія ко мнѣ?.. Я давно отказалась отъ міра.

Патріархъ благодарилъ ее за то, что она допустила его въ свою келью, при чемъ передалъ ей поклонъ царя.

Услышавъ, что царица въ надеждѣ, Наталья обратилась къ образу, сдѣлала нѣсколько поклоновъ и подившись произнесла вдохновенно:

— Родится у царицы дочь...

Сказавъ это, она какъ бы отъ усталости и волненія присѣла, указавъ патріарху другой стулъ.

Никонъ передалъ ей свой разговоръ съ царемъ о тѣхъ исправленіяхъ въ церковныхъ книгахъ, какія онъ

предполагаетъ сдѣлать, приче́мъ онъ присовокушилъ, что царь послалъ его спросить ея совѣта и благословенія.

— Святѣйшій патріархъ,—воскликнула схимница,— не тебѣ у меня поучаться, а мнѣ у тебя, и искать твоего благословенія. Истину ты говоришь, намъ нужно возвратиться къ евангельской истинѣ и тогда мы будемъ вновь православными. Дѣлай, что Св. Духъ и Божья благодать говорятъ тебѣ. Но на полпути не оставись... поступи какъ Лютеръ.

— О чемъ ты говоришь, я тебя не понимаю?

— Я хочу сказать: женись...

— Развѣ патріархъ можетъ жениться?—обидѣлся Никонъ.

— И Лютеръ, какъ монахъ, не могъ жениться, однако-жь женился.

Никонъ былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ, а потому, помолчавъ немного и желая получить разъясненіе загадочныхъ словъ схимницы, онъ сбросилъ свою обычную серьезность и полупутя сказалъ:

— Схимница Наталья, сестра святѣйшая, если мнѣ, патріарху всея Руси, жениться и поступить какъ Лютеръ, то я долженъ избрать подобную ему и жену монашку, ужъ тогда въ законный бракъ я попрошу схимницу Наталью, и будутъ держать надъ нашими головами вѣнцы архіереи.

— Сказала я тебѣ не въ шутку: женись, исправленіе книгъ равносильно женитьбѣ патріарха, и если тебѣ Духъ Св. говоритъ: исправляй книги, то онъ же долженъ тебѣ подсказать: женись, и женись не на монашкѣ!.. Выше бей. Ты вѣдь... патріархъ!.. Тогда сила будетъ у тебя въ рукахъ, и неужели ты думаешь, что тебя проклинать будутъ менѣе за одно „азъ“, которое ты выбросишь изъ книгъ, чѣмъ за женитьбу. Лютеръ понялъ это, а потому онъ пошелъ дальше: монахъ женился на монашкѣ. И у нихъ епископы теперь женаты,

наши попы тоже женаты: они и спорить не станут. Коль идти ужъ противъ порядковъ и старины, такъ май все,—вотъ тебѣ мой сказъ.

Нѣсколько минутъ сидѣлъ Никонъ какъ ошеломленный. Схимница, извѣстная святостью своей жизни и строгостью правилъ, говоритъ такъ рѣзко съ главою русской іерархіи. Онъ строго произнесъ:

— Отрекся я отъ міра, подвижничалъ, страдалъ, оставался цѣломудренъ, и Богъ възскалъ меня,—я Богомъ избранный патріархъ всея Руси... кто же ты, сестра Наталья? И почему я слышу такія рѣчи и такія дерзкія, такія недостойныя рѣчи отъ тебя?.. Отъ схимницы!..

— Глаголю я тебѣ истину, святѣйшій патріархъ. Нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы тебя любилъ такъ сильно, какъ я; нѣтъ человѣка во всей вселенной, который бы тебя такъ чтилъ, уважалъ и боготворилъ, какъ я, и нѣтъ человѣка, который бы лучше зналъ тебя, чѣмъ я. Чтобы сдѣлаться патріархомъ, ты долженъ былъ сдѣлаться монахомъ,—это поняла твоя жена и пошла въ монастырь.

— Развѣ ты „знала“ ее?—воскликнулъ невольно Никонъ.

— Кабы ты „зналъ“, какъ она любила тебя и что она жертвовала, удалившись въ монастырь! Теперь ты, патріархъ, достигъ того, чего домогался. А мнѣ нечего больше говорить... удались, удались!—вскрикнула нервно схимница.

— Не удалюсь; ты, схимница, столько мнѣ сказала, что должна явить мнѣ свое мірское имя. Если не скажешь, я проклянута тебя!..

— Проклянешь?—Нѣтъ, не могу, не заставляй.

— Я требую!—грозно поднялся съ мѣста Никонъ.

— Ты требуешь... вотъ... гляди, узнай...—я... я... твоя жена, Паша,—теперь инокиня Наталья. Ника.. Ника...

Схимница откинула свое покрывало; предъ Никономъ

явилась блѣдная, исхудалая его жена, но все же прекрасная и величественная.

Слова схимницы произвели на патріарха потрясающее впечатлѣніе...

Оба умолкли, но схимница прервала молчаніе, накинула на себя вновь покрывало и рыдая произнесла:

— Святѣйшій патріархъ! тебѣ не мѣсто здѣсь, удались.

И Никонъ очнулся; онъ тихо пошелъ къ двери; но вдругъ остановился, упалъ на колѣни и сказалъ сквозь слезы:

— Благослови, не отпускай меня безъ своего благословенія, святая женщина.

— Богъ благослови...

Когда за Никономъ затворилась дверь, инокиня упала безъ чувствъ на полъ.

На другой день царю донесли изъ Алексѣевского монастыря, что схимница Наталья куда-то ушла и пропала безъ вѣсти. Всѣ розыски оказались тщетны и царь затосковалъ по ней: ему очень дорога была мама Натя.

XXXI.

Раскольничій вертепъ.

Лишь только Никонъ вышелъ отъ отца Степана, какъ къ нему вошелъ дьяконъ его Федоръ.

Онъ былъ правою его рукою, и если Федоръ не заложить ему мѣсто въ требникъ и въ евангеліи, то онъ не знаетъ, гдѣ и что нужно читать во время служенія.

Поэтому его сильно огорчило, что патріархъ не далъ ему отвѣта о рукоположеніи въ іереи его любимца.

— Мы съ тобою въ опалѣ, любезный братъ Федоръ, — произнесъ онъ недовольнымъ тономъ, когда тотъ появился къ нему.

— У кого? Ужъ не у царя-ли, или у Милославскаго?— испуганно произнесъ дьяконъ.

— Бери повыше.

— Какъ повыше?—недоумѣвалъ дьяконъ.

— У вновь рожденнаго, вознесеннаго владыки, святѣйшаго патріарха Никона, великаго государя.

— Вотъ какъ! У милѣйнаго; это не страшно.

— Онъ, видишь, отецъ дьяконъ, хочеть четвертовать насъ за сугубое аллилуія и за двуперстное знаменье.

— Когда онъ былъ попомъ, онъ самъ пѣлъ сугубое аллилуія, да съ клироса онъ въ Кожеезерскомъ монастырѣ, когда онъ былъ горланникомъ и уставникомъ, тоже пѣлъ; а двуперстно онъ и теперъ крестится.

— Сказывалъ я ему, что за возстановленіе этого древле освященнаго обычая, тебя бы, дьякона, слѣдовало въ іереи, а протопоповъ наградить наперсными. А онъ: награжу, только не упомяну за что: вашъ древле священный обычай я дескать признаю за заблужденіе.

— Блудить онъ самъ,—разсердился дьяконъ:—Слыханное-ли дѣло—выѣзжать патріарху да безъ бѣлаго духовенства и клира; еретикъ, лютеранинъ, а сила-то у насъ вся,—у дьяконовъ и поповъ; коли не захочемъ что читать, то и не прочитаемъ. Не монахи службу правять и всякія требы. Какъ же онъ заставитъ насъ читать, какъ онъ хочеть? Да я ему ни одного аза не уступлю изъ книги-то моей; выбросить одну букву изъ слова Божьяго, значить отречься отъ самого Господа Бога. Да пуцай онъ голову рубить мнѣ, не отрекусь отъ сугубаго аллилуія, а коли съ грекомъ Арсеніемъ поисправитъ онъ книги,—пуцай самъ и читаетъ,—ему только и сидѣть на клиросѣ.

Въ это время вошелъ отецъ Нероновъ, протопопъ Успенскаго собора.

Это былъ отголосокъ царскаго духовника. Слыша протесты Федора, онъ понялъ, что отецъ Степанъ, вѣроятно, недоволенъ патріаршими новшествами, а потому пробасилъ:

— Одинъ только соблазнъ, отецъ Степанъ. Выходить онъ, патріархъ, въ прошлое воскресенье на амвонъ и показываетъ грамоту въ Бозѣ почившаго патріарха Іосифа къ бѣлому духовенству; вотъ, говоритъ, прошло двадцать лѣтъ съ того времени и развѣ сдѣлалось лучше? Въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ чинится мятежь, соблазнъ и нарушение вѣры; служба Божія совершается скоро, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть и больше, со всякимъ небреженьемъ; священники бесѣдуютъ безчинствуютъ и мірскія угоды творятъ, чревоугодію своему послѣдуя и пьянству повинуюсь, обѣдни служатъ безъ часовъ. Пономари по церквамъ молодые безъ женъ; поповы и мірскихъ людей дѣти во время службы въ алтарѣ безчинствуютъ.

— Вотъ страмота,—поразила отецъ Степанъ.—Патріархъ Іосифъ грамоту разослалъ келейно, а этотъ на весь народъ.

— И не упомяну, что дальше говорилъ,—продолжалъ Нероновъ:—но страмотно было выйти изъ собора, такъ и указываютъ на тебя пальцами, пьяницами обзываютъ мальчишки.

— По истинѣ соблазнъ,—воскликнулъ отецъ Степанъ.

— Говорю еретикъ, Лютеръ,—подтвердилъ Ѳедоръ, съезживъ носъ и поглаживая рѣдкую свою бородку.—Учился я въ Сергіевской лаврѣ, у уставщика чернеца Логгина, былъ онъ при Шуйскомъ царѣ у печатнаго дѣла, и какъ бывало пропустишь слово или азъ, а онъ: „куй ты мнѣ только гласныя, согласныя, аль всякія инныя буквы“, да такъ при этомъ за вихры отдереть, что искры изъ глазъ сыплются. Натерпѣлся я мукъ изъ-за каждой буквы требника и псалтиря, а теперь хотятъ вновь чтобъ учился. Помню, вышелъ въ Сергіевскомъ самъ архимандритъ Діонисій посередъ церкви и хотѣлъ читать, а Логгинъ какъ подскочить къ нему, да какъ толкнетъ его въ бокъ, а тотъ и книгу уронилъ; вотъ

тебѣ и читай безъ уставщика. Нѣтъ, святѣйшій, не на такихъ напалъ, будешь ты плясать по нашей дудкѣ.

На эту рѣчь отецъ Степанъ отвѣтилъ благосклонно:

— Монахи только мутятъ православный людъ. Вотъ взялись тоже за иконы; не нужно, говорятъ они, вмѣсто у трехъ ручьевъ, трерукихъ Богородицъ; не нужно, горланять они, „благоразумнаго разбойника“. А объ адѣ кромѣшномъ они говорятъ, то еретичество.

— Какъ!—озлобился Федоръ:—да священное писаніе говорить:

Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Мужамъ беззаконнымъ,
Инымъ будетъ грѣшницамъ,
Женамъ беззаконницамъ
И младенческимъ душегубицамъ,
Котлы имъ будутъ мѣдныя,
Огни разноличныя,
Змѣи груди ихъ высосаемы
И сердце вытягаемо:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное.

— Полно, полно, отецъ дьяконъ; то калики переходятъ поютъ, а не святое писаніе, — замѣтилъ царскій духовникъ.

— Все едино,—авторитетно произнесъ дьяконъ:—и калики Божьи люди.

— Вотъ и икона объ адѣ умѣстна въ церкви Божьей... и зачѣмъ нѣтъ? На страхъ грѣшникамъ.

— Да,—покачалъ сомнительно головой Нероновъ:—но не поклонятся же ни разбойникамъ, ни аду.

Хотѣлъ было заспорить съ нимъ дьяконъ, но вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, онъ взялъ свой посохъ, шляпу, поклонился хозяину и гостю и поспѣшно вышелъ.

Пошелъ онъ прямо къ стрѣлецкимъ слободамъ и тамъ остановился у одного небольшого домика, на во-

ротахъ котораго красовалось метло, т. е. что здѣсь де-
скать подворье для прїѣзжихъ.

Онъ постучалъ въ ворота. Отворили ему дверь старая
баба и хромой рыжий горбунокъ.

— Здѣсь подворье Настасьи Калужской?—спросилъ
дьяконъ.

— Здѣсь, здѣсь, батюшка, кормилецъ...—Я-то она
самая—хозяйка, а это—братишка мой, Терешка... Что
же это ты, озорникъ, благословеніе-то отца дьякона не
возьмешь?

— Благословите, батюшка, — прошепелявилъ Те-
решка.

— Господи благослови. Что, прїѣзжіе попы еще
здѣсь?—прокозливилъ дьяконъ.

— Здѣсь, здѣсь, батюшка, пожалуй въ избу.

Дьяконъ пошелъ за старухой. Она ввела его въ об-
ширную горницу; въ углу ея висѣло множество старин-
ныхъ образовъ и все изъ запрещенныхъ Никономъ; по-
среди комнаты стоялъ столъ, на немъ стояла миска и
изъ нея деревянными ложками, сидя на скамьяхъ, хле-
бали щи нѣсколько священниковъ въ подрясникахъ.

— Хлѣбъ да соль,—сказалъ дьяконъ.

— Милости просимъ,—произнесъ привѣтливо старшій
изъ нихъ.

Это были все сотрудники отца Василия по изданію
требника; они прїѣхали къ избранію патріарха и ихъ не
отпускали домой подъ разными предлогами.

— Вѣсти недобрыя,—сказалъ дьяконъ.—Былъ ми-
лѣйшій у царскаго духовника и тотъ сказаалъ: надоть
наперсныя пожаловать отцамъ протопопамъ за возста-
новленіе древлеобычнаго двуперстнаго знаменія, а тотъ
какъ раскричится: надо исправить всѣ заблужденія въ
требникахъ соборомъ!

— Созови онъ хотя сто соборовъ, всѣхъ изобличу
въ ереси,—воскликнулъ протопопъ Аввакумъ, подняв-
шись съ мѣста и ударивъ кулакомъ по столу.

При высокомъ его ростѣ, щетинистой бородѣ и мало чesanной головѣ, его рѣзкій и басовой голосъ имѣлъ потрясающее дѣйствіе, въ особенности когда его глаза блистали негодованіемъ и злобой.

— Намъ,—продолжалъ онъ:—попамъ изъ другихъ мѣстъ: я—изъ Юрьевца Повольскаго, Лазарь изъ Романовки, Никита—изъ Суздаля, Логгинъ—изъ Муромъ, Данила—изъ Костромы,—намъ-де па нашего милѣйшаго плевать... Имѣемъ мы своего епископа, свою паству. Читатъ мы и будемъ по своимъ книгамъ древле-завѣтнымъ... Молится будемъ своимъ иконамъ и креститься будемъ двуперстно.

— Правда! Во истину онъ говорить!—крикнули голоса.

— У васъ на Москвѣ онъ точно топоръ, аль сѣкира на вашей шеѣ,—продолжалъ Аввакумъ.—Вы и раздѣльвайтесь съ нимъ, а мы на воеводствахъ да по областямъ сами господа, люди вольные. А коли послѣ собора не захочетъ онъ ставить изъ нашей братіи, на то есть Кіевъ, аль Царьградъ: оттелева будутъ ставленныя грамоты нашимъ епископамъ и попамъ.

— Да скажи,—прервалъ его Никита:—и отецъ-то Василій ханжа и еретичествуетъ: единогласіе и согласіе сочинилъ въ церковномъ служеніи, проповѣди, на смѣхъ курамъ и на соблазнъ народа говорить... Ужъ умнѣе не скажешь слова Божьяго и евангелія. Все это латинство и стряпня кievлянъ, андреевскихъ старцевъ.

— Горе намъ, горе! По словамъ апостола, времена антихриста пришли,—заревѣлъ Аввакумъ.—Будутъ лживыя знаменья... Будутъ лжепророки... сирѣчь проповѣдники... Вотъ и милѣйшій, а не свѣтлѣйшій, сонмы проповѣдниковъ-юнцевъ выпустилъ и тѣ ходятъ въ народъ, исцѣляютъ снадобьями и волшебствомъ недуги и призываютъ къ покаянію. Бають они: старики-де чревоугодники, пьяницы, безобразники, и говорятъ они, что грѣшнымъ іереямъ геэнна огненная, а въ преданіи сказано:

Погреба имъ будутъ глыбокіе
Мразы имъ будутъ лютые.

— Нероновъ,—прервалъ его дьяконъ Ѳеодоръ,—баить, что это сказъ каликъ переходжихъ.

— Каликъ переходжихъ,—стукнулъ Аввакумъ вновь о столъ рукой.—А это нѣшто не люди Божьи?.. Самъ Иванъ Грозный, и тотъ Василя блаженнаго несъ на своихъ раменахъ, когда воздвигъ его имени церковь. Мы отъ древняго сказанія и свычая не откажемся, пуцай насъ распинають, пуцай жгутъ на огнѣ... не нужно намъ новшествъ,—жили безъ нихъ наши дѣды и мы проживемъ.

— Аминь,—воскликнула вся братія.

— Такъ и передай, отецъ дьяконъ, своему батюшкѣ,—царскому духовнику. Мы здѣсь синклитомъ говоримъ: не нужно и собора, все это смута и мятежь въ церкви Христовой; хотимъ жить по старинѣ, желаемъ молиться по тѣмъ книгамъ и тѣмъ иконамъ, по которымъ спасались наши дѣды и святители Петръ, Филиппъ, Гермогенъ и Ювъ. Пуцай тако доложить царю; мы же, богомольцы его, будемъ вѣчными его рабами... Не нужно намъ тожь святѣйшаго, а нуженъ рабъ Божій патріархъ... Не по чину тожь и непригоже церковному и царскому рабу именоваться великимъ государемъ... Да, и это поразскажи ему.

Аввакумъ повелъ дьякона въ сосѣднюю комнату,—она вся завалена была старыми образами.

— Это все,—сказалъ онъ,—Никонъ хотѣлъ предать сожженію, мы спасли святыни и сложили здѣсь; а коли грѣхъ продлится, мы разошлемъ ихъ по монастырямъ и скитамъ.

— Господи помилуй.. Господи помилуй,—шепталь Ѳеодоръ и уходя произнесъ громко, чтобы слышала вся братія:—Безпремѣнно передамъ батюшкѣ... Пуцай тишайшій сыщеть сіе безобразіе и кощунство.

XXXII.

Цыганка.

Цари наши жили въ старину патриархально и просто. Вся семья, изъ сколькихъ бы членовъ она ни состояла, громоздилась въ одномъ и томъ же дворцѣ, со всѣмъ своимъ огромнымъ штатомъ...

Такъ было и при Алексѣѣ Михайловичѣ; послѣ смерти его отца съ нимъ оставались и три его сестры, Ирина, Анна и Татьяна.

Всѣ онѣ, послѣ неудачнаго сватовства старшей къ королевичу датскому Вольдемару, оставались Христовыми невѣстами, и по тогдашнему этикету не оставляли царскаго терема и жили въ немъ со всѣмъ большимъ своимъ штатомъ.

Между тѣмъ царица Марья Ильинична, жена Алексѣя Михайловича, имѣла годъ отъ году дѣтей и ея собственная семья разрослась; Богъ ей далъ трехъ сыновей и шестерыхъ дочерей: Софію, Евдокію, Марю, Екатерину, Марію, Θεодосію и Наталію.

Всѣ эти дѣти имѣли дядекъ, нянекъ, постельничьихъ, служекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ; кромѣ того при дворѣ жило множество приживалокъ и дальнихъ свойственникововъ и родственникововъ царскихъ, такъ что во дворцѣ стало тѣсно, когда вступилъ на патриаршій престолъ Никонъ.

Царь посовѣтовался съ нимъ и съ боярской думой и рѣшили царскихъ сестеръ временно, до перестройки терема, перевести въ женскіе московскіе монастыри и дать имъ приличный штатъ и содержаніе или, какъ тогда говорили, „кормы“.

Этому переселенію въ особенности сочувствовали Милославскій и Морозовъ, такъ какъ при царевнахъ родственники ихъ, Стрѣшневъ, наводняли дворецъ, а съ ихъ удаленіемъ окончательно дворецъ долженъ былъ

оказаться въ рукахъ Милославскихъ. Такъ какъ Алексѣй Михайловичъ находился подъ рѣшительнымъ вліяніемъ царицы, и хотя онъ въ письмѣ своемъ къ Никону и увѣрялъ того, „что слово его теперь во дворцѣ добре страшно и дѣлается все безъ замедленія“, но это было маленькое хвастовство со стороны его, а всѣмъ во дворцѣ заправляла царица Марья Ильинична; поэтому царевны были для нея и для Милославскихъ лишнимъ бременемъ.

Царевны же обрадовались этому событію, такъ какъ это дѣлало ихъ, нѣкоторымъ образомъ, самостоятельными: онѣ должны жить впередъ на своемъ хозяйствѣ, да хоть въ монастырѣ, но не подъ строгимъ глазомъ всей придворной прислуги и челяди.

Татьяна Михайловна избрала временно Алексѣевскій монастырь и частью изъ царской казны, частью изъ монастырскаго приказа стали дѣлать необходимыя пристройки и отдѣлки, чтобы привести хоромы въ приличный для царевны видъ.

Самъ патріархъ пріѣхалъ въ монастырь осмотрѣть, какъ все дѣлается, и когда затѣмъ царевна должна была туда переѣхать, онъ лично освятилъ ея помѣщеніе.

Помѣщеніе царевны было такъ устроено, что ея горницы были отдѣльно отъ прислуги и службъ ея и къ ней можно было попасть прямо изъ сада, минуя монастырь: это давало ей возможность и принимать и выѣзжать безъ контроля со стороны обителѣ и даже собственной прислуги.

Притомъ царевна сократила свой штатъ, что очень понравилось Милославскимъ; расходы-де уменьшились значительно; а царевнѣ это было на руку,—она избавлялась отъ шпионства челяди, что было тогда между дворовыми въ большомъ ходу.

Поселилась царевна въ монастырѣ уютно и съ большимъ удобствомъ. Не стѣсняясь больше ни придвор-

вымъ этикетомъ, ни празднествами, она проводила все время или въ чтеніи церковныхъ книгъ, или въ поѣздкахъ по монастырямъ и церквамъ, или въ посѣщеніяхъ дворца и боярскихъ именитыхъ людей и родственникововъ.

Пылкая и энергичная ея натура нашла какую-нибудь пищу и она повеселѣла и какъ будто вновь родилась: ей на свободѣ показался и міръ Божій прекраснѣй, и сдѣлалось ей такъ легко и радостно на сердцѣ, и захотѣлось ей еще пуще прежняго любить кого-нибудь.

Но кого любить? Князя Ситцова? Но тотъ давно женился, разжирѣлъ и уѣхалъ воеводою; а изъ тѣхъ, кого она знала и съ кѣмъ могла по этикету двора говорить, были близкіе родственники. Когда она ходила однажды съ такими мыслями по саду обители, въ ея воображеніи выросъ величественный образъ Никона.

Давно ужъ запалъ онъ въ ея мысли, но она обожала его, какъ идеаль прекраснаго, умнаго и честнаго.

Когда она такъ думала, неожиданно изъ сосѣдней аллеи появилась цыганка.

Царевна вадрогнула; предъ нею стояла женщина высокаго роста, съ блестящими черными глазами, въ лохмотьяхъ и съ лицомъ, измазаннымъ сажей.

— Ай, да раскрасавица царевна, ай, да распрекрасная... Позолоти ручку,— всю правду скажу... жениха загадаю,—заговорила она.

— Иди прочь, я не гадаю; кто впустилъ тебя...

— Не гони ты прочь счастья... позолоти ручку... дай ручку...

И не ожидая отвѣта, она вынула изъ кармана нѣсколько бобовъ и съ ними были и раковые жерновки и раковинки, встряхнула она все это въ закрытыхъ рукахъ и потомъ, отнявъ одну руку, стала болтать.

— Высокъ теремъ царскій, да соколъ летаетъ выше... Любить онъ дѣвицу красную, царевну Михайловну... любить и плачетъ онъ, что день, что ноченька... Мо-

лить онъ образа святыя сподобить его узрѣть дѣвицу, зорю свою распрекрасную... Говорю, позолоти ручку, больше скажу... не гони счастья...

— А когда я увижу сокола? — полюбопытствовала царевна.

— Отворишь окошечко створчатое, влѣтять и соколъ... сними ты затворы крѣпкіе, сними, не бойся... не съѣсть соколъ голубицу: самъ станетъ голубемъ...

— Прочь иди, сатана!

И царевна бросила ей золотой.

Цыганка подняла монету и, сверкая глазами, удалилась.

— Странно; какъ будто ея лицо мнѣ знакомо, какъ будто гдѣ-то я ее видѣла... Впрочемъ, цыгане такъ схожи другъ на друга,—подумала царевна послѣ ея ухода.

Пока такъ думала царевна, Никонъ былъ въ сильныхъ хлопотахъ. Изъ Малороссіи получались каждый день свѣдѣнія объ ужасахъ, творимыхъ поляками, Бѣлороссія волновалась, а Богданъ Хмѣльницкій посылалъ гонцовъ каждый день, что онъ-де передастся султану.

Послѣдняя угроза была въ особенности страшна: увидѣть святыню русскую въ рукахъ султана и турокъ на самой границѣ нашей,—это было равносильно тому, что отдать себя въ подданство вновь татарамъ и возстановить монгольское иго.

Ежедневно Никонъ поэтому собиралъ боярскую думу и въ присутствіи царя обсуждались мѣры къ присоединенію Малороссіи и для объявленія войны Польшѣ.

Но государство было безъ денегъ и безъ ратныхъ людей. Нужно было собирать войско и записаться, по тогдашнему выраженію, пенязями. Гонцы полетѣли всюду и ежедневно, поэтому, получались гонцы изъ окраинъ.

Патріархъ былъ неутомимъ: онъ посѣщалъ всѣ приказы, распорядился о присылкѣ денегъ и ратныхъ людей, диктовалъ наставленія и наказы воеводамъ и по-

сланцамъ, осматривалъ склады оружія и людей, снаряжалъ за-границу пословъ для покупки оружія и призыва ратниковъ и мастеровъ. Эти хлопоты и разъѣзды заставили его выѣзжать ужъ не съ патріаршею свитою, а какъ ѣздили вообще въ то время знатные бояре, въ колымагѣ съ простежомъ.

И въ этотъ день Никонъ не ранѣе вечера возвратился къ себѣ, даже не пообѣдалъ нигдѣ.

Дома ждали его дѣтки разныхъ вѣдомствъ съ бумагами и онъ озабоченно взобрался къ себѣ по лѣстницѣ.

XXXIII.

Разрывъ съ Польшею.

Зимою въ томъ же году у Андреевскаго монастыря остановились дорожныя сани. На козлахъ, на облучкѣ и въ саняхъ сидѣли люди въ малороссійскихъ кожаныхъ и бараньихъ шапкахъ.

— Оце мы и пріехали,—замѣтилъ казакъ, сидѣвшій на облучкѣ.

— Добре, добре,—процѣдилъ баринъ, закутанный, въ саняхъ.—Сходишь, сердце, голубчикъ, панъ Сидоръ, въ монастырь. Колы отецъ Епифаній туточки, кажи: пріяхавъ отъ пана гетмана войсковою судья, Самойло Богдановичъ.

Сидоръ зашелъ въ обитель и нѣсколько минутъ спустя ворота монастыря раскрылись и въѣхали туда сани.

Епифаній встрѣтилъ гостя радушно, обнялъ и, расцѣловавъ его, ввелъ въ келію, гдѣ всегда принимала обитель гостей.

Служки тотчасъ убрали сани и коней, а хозяинъ велѣлъ накрыть на столъ и подать господствовавшіе въ монастырѣ, хотя и постные, борщъ и вареники (съ кашей и грибами), да добрую фляжку старки.

Съ дороги панъ судья и его казакъ добре посни-

дали, а послѣ молитвы Самойло обратился къ хозяину и сталъ ему объяснять цѣль своего прїѣзда.

Разсказывалъ онъ, что казаки осаждаютъ Каменецъ-Подольскъ, Хмѣльницкій въ Чигиринѣ и собираетъ войско. Король польскій созвалъ сеймъ и тамъ рѣшено послать пятьдесятъ тысячъ ратниковъ на Малороссію.

— Минута, закончилъ онъ:—рѣшительная. Гетманъ Богданъ отдаетъ себя подъ высокую руку русскаго царя.

— Коли такъ,—разогорчился Епифаній,—ѣдемъ сейчасъ къ Артаману Сергѣевичу Матвѣеву, дьяку посольскаго приказа.

Въ небольшомъ домикѣ въ приходѣ Николы въ Столбахъ жилъ Матвѣевъ.

Это былъ не дюжинный человекъ и замѣчательный дипломатъ не только во внѣшнихъ дѣлахъ, но и въ общественной жизни. Изъ маленькихъ людей онъ умомъ и силою воли выдвинулся впередъ, не смотря на то, что мѣстничество было въ то время еще въ большой силѣ и что Милославскіе и всѣ ихъ родственники: Соковнины, Хитрово, Урусовы, не давали никому ходу, а бояре: Долгорукіе, Ромодановскіе, Пушкины, Голицыны, Стрѣшневъ, Ситцкіе, Одоевскіе гордо держали боярское знамя.

Достигъ же значенія Матвѣевъ единственно умѣнъемъ жить и ладить; вотъ почему посольскій приказъ былъ почти весь въ его рукахъ, хотя первенствующій голосъ имѣлъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ Никонъ.

Матвѣевъ принялъ радушно гостей, поподчивалъ ихъ романею и спросилъ, съ чѣмъ прїѣхалъ панъ войсковою судья въ Москву.

Тотъ разсказалъ о бѣдственномъ положеніи Малороссіи и закончилъ, что гетманъ хочетъ отдать себя подъ высокую руку русскаго царя.

— Что значить, что гетману и всему войску запорожскому быть подъ царскаго величества высокою рукою?

Богдановичъ объяснилъ, что онъ не получилъ по этому предмету подробныхъ наставленій, но гетманъ про-

силь только, чтобы царь полякамъ помощи на нихъ не давалъ.

На это Матвѣевъ возразилъ, что для этой цѣли нечего было ѣздить въ Москву: православный царь и безъ того не будетъ сражаться противъ своихъ братьевъ по вѣрѣ; въ заключеніе же онъ присовокупилъ:

— Власть теперь въ твердыхъ рукахъ: всѣми государевыми дѣлами вѣдаетъ свѣтлѣйшій патріархъ Никонъ, и если онъ скажетъ, чтобы принять подъ царскую высокую руку Малороссію, то тогда весь народъ русскій подыметъ, какъ одинъ человекъ, и всѣ пойдутъ на ляховъ.

— Такъ что же намъ дѣлать? Съ чѣмъ ѣхать домой?—спросилъ судья.

— Ёдемъ сейчасъ къ патріарху и услышишь, панъ судья, его слово.

Втроемъ взгромоздились они на сани монастырскія и тронулись къ патріаршимъ палатамъ.

Никона они застали дома и онъ тотчасъ ихъ принялъ.

Выслушавъ благосклонно судью, патріархъ сказалъ:

— Великій государь нашъ Алексѣй Михайловичъ не любитъ пустословить, какъ это прежде дѣлала боярская дума: у насъ слово и дѣло все едино. Принять мы примемъ Малороссію, но пуцай присягаетъ весь народъ въ подданствѣ, тогда мы и пойдёмъ войной противъ ляховъ. Но чтобы идти на нихъ войной, нужно показать сосѣдямъ, что это не спроста, а что ляхи вызвали насъ на войну. Пуцай панъ гетманъ пришлетъ пословъ къ намъ и бѣгъ съ народомъ и съ войскомъ челомъ о присягѣ, тогда и мы пошлемъ пословъ въ Польшу, и къ сосѣдямъ, что мы идемъ войной на ляховъ.

Послѣ того, благословивъ Богдановича, патріархъ продолжалъ:

— Мы готовимся день и ночь къ войнѣ: много казны и ратныхъ людей собирается; но не сдѣлаемъ мы ни шагу безъ присяги казаковъ и гетмана. Такъ передайте ему и великому войску запорожскому вмѣстѣ съ моимъ

благословеніемъ и скажите имъ, что я молю Богородицу, да защититъ она ихъ, дѣтей ихъ, грады и веси Малой и Бѣлой Руси отъ лихого супостата.

— Аминь — произнесли присутствовавшіе и удалились.

Судья Богдановичъ на другой день выѣхалъ въ обратную и передалъ гетману въ Чигиринѣ о той перемѣнѣ, которая произошла въ московской политикѣ по милости Никона, изъ холоднаго и равнодушнаго бездѣйствія Русь готовится къ серьезной борьбѣ съ Польшей.

Вѣсть эта облетѣла всю Малую и Бѣлую Русь и гонцы за гонцомъ стали пріѣзжать въ Москву изъ всѣхъ окраинъ, что Малая Русь какъ одинъ человекъ вся желаетъ поступить въ подданство Россіи, такъ какъ Никонъ человекъ разума, совѣта и дѣла.

Узнавъ объ этомъ, поляки послали на Украину лучшаго своего полководца Чарнецкаго съ значительнымъ войскомъ, а сами начали укрѣпляться и вооружаться.

Чарнецкій страшно опустошалъ Украину: всюду выжигалъ села и города, рѣзалъ, топилъ и сжигалъ жителей, церкви и поповъ.

22 февраля 1653 года собрана по этому поводу Никонѣмъ боярская дума: онъ на ней говорилъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ; бояре и царь хотя и соглашались на присоединеніе Малороссіи, но, по обычаю, отложили окончательное рѣшеніе до новыхъ вѣстей.

Пришли новыя вѣсти и Никонъ, въ понедѣльникъ, на третьей недѣлѣ поста, 14 марта, вновь собралъ думу и говорилъ съ такимъ вдохновеніемъ, что по словамъ лѣтописца, „совершася въ тотъ день государская мысль въ семь дѣлѣ“, т. е. рѣшено принять Малороссію подъ высокую руку государя.

Дали объ этомъ знать въ Малороссію и въ апрѣлѣ пріѣхали въ Москву отъ гетмана послы Бырляй и Мужиловскій, прося отъ имени Малороссіи принять ее въ подданство.

Выслушавъ пословъ и не давая имъ прямаго отвѣта,

царь отправилъ въ Польшу 24 апрѣля пословъ: князей Бориса Александровича Репнина и Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго съ дьякомъ Алмазомъ. Послы, огромнымъ поѣздомъ и съ сильной стражей, двинулись въ путь, и когда прибыли на польскую границу, то съ такою медленностью двигались впередъ, что попали въ галиційскій Львовъ, гдѣ находился тогда польскій король Янъ-Казиміръ, только 20 іюля.

По всему пути русскіе послы имѣли различныя встрѣчи: Бѣлая Русь и Литва, гдѣ было много православныхъ, встрѣчали ихъ радушно и съ любопытствомъ; но галичане приняли ихъ прямо восторженно. Отъ границы до Львова народъ встрѣчалъ посольство со святыми иконами, хлѣбомъ и солью, и ихъ удивляло, что, начиная съ одежды, языка и вѣры, русскіе имѣли съ ними все общее.

Но всюду слышались жалобы на угнетеніе русскаго народа жидами и панами; всюду глядѣли на русскаго царя, какъ на ихъ спасителя, и слава о Никонѣ дошла до крайнихъ предѣловъ Руси.

Когда же посольство прибыло во Львовъ, его размѣстили въ такъ называемой посольской избѣ, и пока шли переговоры о церемоніалѣ ихъ приѣма Яномъ-Казиміромъ, проживавшимъ въ католическомъ монастырѣ, послы осматривали церкви Львова и принимали депутаціи разныхъ русинскихъ братствъ.

Тутъ-то князь Репнинъ понялъ впервые, какъ важно было присоединеніе Малороссіи къ Россіи: кіевскій митрополитъ былъ митрополитомъ и галицкимъ, такъ что отъ этого титула и нынѣ митрополія кіевская не отказывается, сліянiе же коронъ—польской и русской—показалось ему еще настоятельнѣе, такъ какъ огромное большинство Польскаго государства состояло изъ русскихъ. Янъ-Казиміръ, спустя нѣсколько дней послѣ приѣзда пословъ, сдѣлалъ имъ торжественный приѣмъ и, послѣ того, пошли переговоры о цѣли ихъ приѣзда.

Князя Репнинъ и Волконскій предъявили свои требованія очень умѣренно: они хлопотали, чтобы возстановленъ былъ только зборовскій договоръ Польши съ Хмѣльницкимъ, по которому Малороссія, оставаясь въ ея подданствѣ, получила только внутреннюю свободу, т. е. автономію и свободу вѣроисповѣданія.

Поляки рѣшительно отказали въ этомъ и требовали низложенія Хмѣльницкаго, равно совершенной его покорности Рѣчи Посполитой.

Тогда послы предложили свое посредничество между панами и Хмѣльницкимъ, но радные паны и въ этомъ имъ отказали, причемъ потребовали голову Никона, за то, что онъ позволяетъ себѣ ставить поповъ въ мѣстностяхъ, уступленныхъ Польшѣ Русью въ предшествовавшее царствованіе.

Между тѣмъ какъ шли такъ неуспѣшно мирные переговоры наши съ панами, Богданъ Хмѣльницкій далъ знать въ іюль въ Москву, что если царь будетъ медлить, то онъ отдается въ подданство султану.

Никонъ отвѣчалъ именемъ царя: „Мы изволили принять васъ подъ нашу высокую руку, да не будете врагомъ креста Христова въ притчу и въ поношеніе, а ратные наши люди собираются“.

Послѣ того были вновь получены гонцы отъ гетмана и Никонъ послалъ въ Малороссію дьяка Фомина съ дарами отъ царя и съ царскимъ словомъ, что онъ принимаетъ гетмана и запорожское войско подъ свою защиту.

Въ сентябрѣ же отправлены къ гетману послами Стрѣшневъ и Бредихинъ, но въ это же время князь Репнинъ возвратился изъ Польши, и когда царь и дума узнали, что паны упорствуютъ не только въ удовлетвореніи требованія Москвы, но требуютъ даже головы Никона, то негодованіе всѣхъ было такъ сильно, что послано въ слѣдъ Стрѣшневу и Бредихину, чтобы они объявили гетману, что царь принимаетъ подданство Малороссіи.

Но боясь начать войну съ Польшею безъ общаго согласія народа, Никонъ, 1 октября, собралъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ подробно доложено было все дѣло о Малороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что Хмѣльницкій прислалъ посланца Капусту, что король Польши идетъ на Украину войной и казаки, „не хотя монастырей, церквей Божіихъ и христіанъ въ мучительство выдать, бьютъ челомъ, чтобы государь прислалъ въ Кіевъ и въ другіе города своихъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей хоть 3,000 человекъ“.

Соборъ рѣшилъ: принять Малороссію подъ высокую руку русскаго царя и объявить Польшѣ войну.

Въ это время Богданъ Хмѣльницкій послѣ смерти сына его Тимоея тяжело раненаго въ Сочавѣ, собралъ огромное войско и, вмѣстѣ съ татарскимъ ханомъ двинулись на польскаго короля, который стоялъ на берегахъ Днѣпра у Жванца, въ 15 верстахъ отъ Каменца.

Янъ-Казиміръ былъ окруженъ непріятелемъ и погибъ бы, но крымскіе татары измѣнили Хмѣльницкому и онъ отступилъ въ Чигиринъ.

Поляки, за эту услугу татаръ, разрѣшили имъ въ продолженіе сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ русскихъ жителей польскихъ областей.

Это окончательно убѣдило Хмѣльницкаго въ необходимости докончить дѣло съ Москвою.

Въ Чигиринѣ Богданъ засталъ царскихъ пословъ, Стрѣшнева и Бредихина, но вскорѣ послѣ того гонецъ далъ знать, что пріѣхалъ отъ царя въ Переяславль бояринъ Бутурлинъ для принятія присяги отъ Богдана и отъ Малороссіи.

Гетманъ выѣхалъ туда.

8 января, послѣ рады, войско запорожское и малороссійское приняло въ соборѣ присягу.

Въ мартѣ же мѣсяцѣ царь утвердилъ для Малороссіи полное внутреннее самостоятельное управленіе.

XXXIV.

С о б о р ъ

Когда соборъ одобрилъ войну съ Польшею, Никонъ принялъ энергическія мѣры, чтобы не посрамить земли русской и быть готовымъ къ сильной и продолжительной войнѣ,—поэтому нужно было немного оттянуть войну, чтобы собраться съ силами, и для этой цѣли онъ вновь послалъ князя Репнина въ Польшу для послѣдняго слова.

Но въ этомъ случаѣ Никонъ имѣлъ еще другіе виды: онъ зналъ, что безъ исправленія книгъ ему не подчинится кievская митрополія. Вотъ почему въ то время, когда Малороссія присягала русскому царю, Никонъ въ началѣ 1565 года собралъ соборъ.

Наканунѣ этого собора патріархъ былъ въ сильной тревогѣ и сомнѣніи. Предположенное имъ исправленіе книгъ было важнымъ шагомъ для тогдашняго времени, а общество и духовенство были еще такъ невѣжественны, что сомнительно было, чтобы они могли усвоить ихъ безъ потрясенія церкви, безъ раскола.

Это Никонъ отлично понималъ, но безъ этого нельзя было соединить всего русскаго народа, что сдѣлалось завѣтною его мыслью, въ особенности послѣ возвращенія съ перваго посольства князя Репнина и увѣреній его, что унія насильственно привита и въ Бѣлоруссіи, и въ Литвѣ, и въ Галиціи.

Но Никонъ не былъ такой человекъ, чтобы остановиться предъ какими бы-то ни было препятствіями, и если онъ добился отъ собора—начать ожесточенную войну съ сильною еще тогда Польшею,—то борьба съ старовѣрами показалась ему, въ сравненіи съ этимъ, ничтожною. Нужно было поэтому заручиться только большинствомъ на соборѣ.

Въ этихъ мысляхъ онъ вызвалъ Епифанія Славенецкаго и тотъ явился къ нему наканунѣ собора.

Когда Славенецкій вошелъ къ нему, онъ засталъ патріарха расхаживающаго въ волненіи по рабочей своей горницѣ.

— Я насилу дождался тебя,—сказалъ онъ навстрѣчу Епифанію.

— Я объѣздила,—отвѣчалъ тотъ,—всѣхъ митрополитовъ, архіереевъ и епископовъ: всѣ согласны на исправленіе того, что соборъ найдетъ нужнымъ, только одинъ епископъ Павелъ кричитъ: „По старинѣ хочу жить!..“

— А отецъ Степанъ, царскій духовникъ?

— Онъ на все согласенъ, только не трогайте его сугубаго аллилуія и двухперстнаго знамени.

— А протопопы и попы что говорятъ?

— Молодые всѣ стоятъ за исправленіе книгъ, а старики ничего и слышать не хотятъ...

— Очень жаль, а они вѣдь въ церкви все: вся пастьерская власть у нихъ въ рукахъ. Между тѣмъ, Куракинъ изъ Кіева доноситъ, что онъ хотѣлъ близъ Софійскаго собора основать крѣпость, такъ митрополитъ кievскій запретилъ ему и велѣлъ сказать, что гетманъ съ войскомъ запорожскимъ поддался государю московскому, но онъ, митрополитъ, со всѣмъ соборомъ о томъ бить челомъ государю не посылалъ. Значитъ онъ и меня не захочетъ знать, и предлогъ есть: патріархъ молится и крестится не по нашему. Но какъ уломать нашихъ-то поповъ?..

Никонъ быстрыми шагами началъ ходить по комнатѣ.

— Вдвоемъ, свѣтлѣйшій патріархъ, съ Божьею помощію мы поборемъ враговъ и истина восторжествуетъ. Мы же должны исповѣдывать грековосточное православное ученіе какъ оно есть, а не такъ, какъ исказили его переписчики и горланники-уставщики.

— Однакожь,—прервалъ его Никонъ,—нѣкоторые говорятъ, что если ломать что-нибудь, то ломать все, а не часть, т. е. нужно поступать подобно Лютеру: вѣдь и монашества не признаетъ наша древняя церковь..

— Это,—возразилъ Епифаній,—можно бы было сдѣлать, если бы весь русскій народъ былъ уже соединенъ; а теперь, для того, чтобы соединить, намъ нужно приблизиться только къ ученію православныхъ церквей—малорусской и бѣлорусской, которыя сохранили въ чистотѣ ученіе восточной церкви.

— Но если это у насъ самихъ произведетъ распаденіе церкви?—замѣтилъ Никонъ.

— Едва ли это совершится, коли мы, нововводители, будемъ дѣйствовать братолюбиво; коли же отпадутъ сотни или тысячи, такъ все же, вмѣсто нихъ, мы приобрѣтемъ во всероссійскомъ патріаршествѣ милліоны нашей брати изъ Малой и Бѣлой Руси, изъ Литвы и Галичины.

— Коль такъ, то да благословить тебя Господь Богъ на путь грядущій.

Съ этими словами Никонъ отпустилъ Епифанія, а самъ сталъ на колѣни передъ иконой Спасителя и горячо молился, чтобы Господь смягчилъ сердце его враговъ, такъ какъ исправленіе книгъ нужно для блага цѣлаго русскаго народа, разрозненнаго и стонущаго подъ игомъ ляховъ, іезуитовъ и папы.

Когда такъ молился Никонъ, забывая въ это время о собственной безопасности и готовясь самоотверженно вести борьбу съ невѣжествомъ и предразсудками, въ стрѣлецкой слободѣ, гдѣ мы уже видѣли въ одномъ изъ его подворій синклитъ бѣлаго духовенства, и теперь собрался тотъ же соборъ, только съ прибавкою новыхъ двухъ лицъ: чернеца Никиты и епископа Павла.

Первый былъ постникъ и благочестивый человекъ, но по невѣжеству фанатикъ Стоглава и полоумный аскетъ.

Собраніе это было тайное, и потому всѣ пришли съ большими предосторожностями.

Попы были уже въ соборѣ, когда вошелъ епископъ съ Никитою.

Попы поклонились въ ноги епископу и усадили его на предсѣдательское мѣсто.

Началь говорить собору Аввакумъ; онъ подробно докладывалъ о новшествахъ въ церкви: объ иконоборствѣ, согласномъ служеніи и пѣніи, о проповѣдяхъ и, наконецъ, объ исправленіи книгъ и т. д. Все это, по его мнѣнію, было еретичество и больше ничего, и затѣя монаховъ унижить бѣлое духовенство, чтобы изобличить его, что оно неправо служить и раскольничаетъ.

Вопросъ былъ поставленъ имъ ребромъ: бѣлое духовенство издревле владѣло правомъ совершенія церковной службы и требъ, и правомъ быть духовными отцами; а тутъ являются вдругъ монахи, дерзающіе утверждать, что все ихъ древле обычное ученіе, ихъ иконы, которымъ они поклонялись, и книги, по которымъ они молились, все это заблужденіе. Нужно отстоять поэтому каждую букву каждой книги, каждую черточку ихъ старыхъ иконъ, а всѣ новшества объявить еретичествомъ, а нововводителя антихристомъ.

Подымается съ мѣста Никита: его атлетическій видъ, хотя онъ и юноша, его рѣзкій голосъ, его глаза горять лихорадочно. Онъ говоритъ:

— И я,—глаголетъ апостоль Іоаннь,—также свидѣтельству всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложитъ что къ нимъ, на того наложитъ Богъ язвы, о которыхъ написано въ книгѣ сей; и если кто отниметъ что отъ слова книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни и въ святомъ градѣ, и въ томъ, что написано въ книгѣ сей.

— Благодать Господа нашего со всѣми вами,—произнесъ восторженно епископъ Павелъ и присовокупилъ:—Какъ же мы можемъ прибавить или убавить хоть одинъ азъ изъ древле завѣтныхъ намъ книгъ? Не поразитъ ли насъ Господь Богъ язвами и не лишитъ ли Онъ насъ участія въ книгѣ жизни и царствія небснаго?..

— Пуцай самъ Никонъ изыдетъ въ адъ,—воскликнулъ Аввакумъ:—со своимъ еретикомъ Епифаніемъ и чернецомъ Арсеніемъ.

— Ты правъ, отецъ Аввакумъ,—подхватилъ Никита:— апостоль Павелъ глаголетъ: „невозможно однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго и содѣлавшихся причастниками Духа Святаго и вкусившихъ благо глагола Божья и симъ будущаго вѣка и отпавшихъ обновлять опять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божьяго и ругаются ему (Посл. къ Евр., глава 6).

Этотъ доводъ привелъ всѣхъ присутствовавшихъ въ какое-то неистовство: они начали ругать и Никона, и Епифанія, и Арсенія-грека и нарекли Никона антихристомъ. Когда же они немного поуспокоились, Аввакумъ объявилъ, что извергнуть Никона изъ церкви еще рано; онъ-де надѣется еще на соборъ и его привести къ истинѣ; а потому онъ, Аввакумъ, проситъ всѣхъ присутствующихъ только поддержать его.

Синклитъ разошелся. Епископа Павла пошелъ провозжать чернецъ Никита до Спасскаго монастыря, гдѣ послѣдній поселился.

Придя въ свою келію, Павелъ былъ въ сильно возбужденномъ состояніи; онъ ходилъ взадъ и впередъ, сердился, кому-то грозилъ или хохоталъ безумно.

Долго не могъ онъ уговориться, наконецъ, легъ и снится ему апокалипсическое видѣніе: видитъ онъ одного ангела, стоящаго на солнцѣ, и тотъ воскликнулъ громкимъ голосомъ, говоря всѣмъ птицамъ, летающимъ по срединѣ неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божію, чтобы собирать трупы царей, трупы сильныхъ, трупы тысяченачальниковъ, трупы коней и сидящихъ на нихъ, трупы всѣхъ свободныхъ и рабовъ, и малыхъ и великихъ. И увидѣлъ онъ звѣря и царей земныхъ и воинства собранна, чтобы сразиться съ сидящимъ на конѣ и съ воинствомъ его... Убиты всѣ мечомъ сидящаго на конѣ, исходящимъ изъ устъ его, и всѣ птицы напятились ихъ трупами.

.....

Утромъ другого дня ударъ колокола Ивана Великаго сзывалъ духовенство въ Успенскій соборъ на обѣдню, а оттуда они должны были идти на соборъ въ грановитую палату, гдѣ ожидали и царя.

Собрались въ церковь не только все священство, но всякихъ чиновъ люди и боярская дума.

Свѣтскіе люди явились не столько изъ религіозности, какъ по любопытству: послушать, какъ, дескать, монахи уличать будутъ поповъ въ невѣжествѣ и ереси.

Это была битва на жизнь и смерть и тѣхъ и другихъ, и исходъ борьбы былъ интересенъ и для обѣихъ сторонъ, и для общества, тѣмъ болѣе, что битва давалась съ одной стороны царскимъ духовникомъ отцомъ Степаномъ и протопопомъ Успенскаго собора, съ другой—патріархомъ.

Послѣ обѣдни и краткаго молебна за царя, всѣ отправились въ грановитую палату; царь съ патріархомъ поѣхали туда въ колымагѣ.

Никонъ открылъ соборъ краткимъ словомъ; началъ докладывать о необходимыхъ исправленіяхъ Епифаній Славенецкій.

Когда онъ кончилъ, протопопъ Аввакумъ сталъ его уличать въ неправдѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Сподвижники его тоже заспорили съ нимъ, а сугубое аллилуія они основывали на апокалипсисѣ.

Споръ былъ основанъ, главнымъ образомъ, на преданіи и на томъ, что по апокалипсису нельзя измѣнить ни единой буквы изъ священнаго писанія, на всѣ же возраженія Епифанія о томъ, что рѣчь идетъ именно о восстановленіи правильнаго текста, раздавались голоса:

— Не хотимъ, не хотимъ, будемъ молиться по старымъ книгамъ, по старымъ иконамъ.

Стали баллотировать вопросы: держаться-ли книгъ, отпечатанныхъ царскимъ духовникомъ, или же греческихъ и старыхъ нашихъ книгъ.

Отвѣтъ былъ въ пользу послѣдняго, т. е. вставки,

сдѣланныя царскимъ духовникомъ и Аввакумомъ съ братією, отвергнуты, во имя старопечатныхъ книгъ до Шуйскаго.

Когда это было рѣшено, Никонъ и царь благодарили соборъ за его разумное рѣшеніе; но противники ихъ, разсѣявшись по городу, распространяли слухи, что Никонъ, подъ видомъ исправленія книгъ по старопечатнымъ, хочетъ ввести латинство.

Нужно было унять смуту, и Никонъ, по соизволенію царя, велѣлъ посадить въ Спасо-каменный монастырь и епископа Павла, и Неронова, и всѣхъ протопоповъ (за исключеніемъ царскаго духовника), участвовавшихъ въ передѣлкѣ требника и мутившихъ теперь народъ.

Но вскорѣ всѣ были освобождены и при этомъ Никонъ сдѣлалъ уступку: онъ разрѣшилъ и отцу Степану, и Неронову двуперстное знаменіе и сугубое аллилуія; тогда-то враги Никона ополчились на него еще ожесточеннѣе.

— Если, — вопіяли они, — это грѣхъ, то не слѣдуетъ дозволять; если же не грѣхъ и можно спастись и старыми порядками, то слѣдуетъ оставить насъ при старой вѣрѣ.

Съ епископомъ Павломъ случилось иное, что вызвало вполнѣдствіи на Никона цѣлую бурю.

Чтобы епископъ не мучилъ народъ послѣ собора, Никонъ велѣлъ его содержать въ Спасскомъ монастырѣ, но на того нашло бѣшенство и онъ сталъ кощунствовать надъ одеждой епископской.

Узнавъ объ этомъ, Никонъ велѣлъ отъ него отнять церковное облаченіе и принадлежности епископскаго сана.

Коломенская его епархія упразднена и всѣ имуществы, принадлежавшія къ епископіи, присоединены къ будущему „Новому Іерусалиму“. Епископъ же Павелъ отправленъ въ Хутынской монастырь Новгородской губерніи.

Въ монастырѣ, по случаю его болѣзни, дали ему простое монашеское облаченіе.

Епископъ окончательно съ ума сошелъ и въ одинъ прекрасный день бѣжалъ изъ монастыря; слѣдъ его съ того времени простылъ: вѣроятно, онъ или утонулъ гдѣ-нибудь, или съѣденъ звѣрями въ тогдашнихъ непроходимыхъ лѣсахъ Россіи.

Сочинили по этому поводу, что Никонъ его заточилъ гдѣ-то и держать это въ тайнѣ.

Раскольники же распустили слухи, что Никонъ сжегъ его въ срубѣ; если бы это была правда, то соборъ, низложившій Никона, вообще, возбудивъ вопросъ о Павлѣ, не преминулъ бы воспользоваться этимъ фактомъ.

Аввакума же взяли въ Андреевскій монастырь и по случаю лѣта помѣстили его даже для прохлады въ палаткѣ; но онъ сочинилъ, что будто бы его не кормили, а потому ему явился ангелъ и поднесъ ему щецъ. Аввакумъ изъ монастыря этого дѣйствовалъ пропагандой, а потому его выслали въ Тобольскъ и здѣсь онъ, занявъ священническую должность, свирѣпствовалъ противъ Никона до самаго его удаленія изъ Москвы.

Раскольники же распускали слухи о Никонѣ, какъ объ инквизиторѣ.

Онъ, однако же, не обращалъ вниманія на эти толки и шелъ впередъ: патріархъ послалъ Арсенія Суханова на Аeonъ и въ другія мѣста для собиранія рукописей и тотъ привезъ 500 экземпляровъ, и греческіе архіереи прислали 200.

Эти рукописи дали возможность Никону окончательно исправить церковныя книги.

Но Никонъ не даромъ такъ хлопоталъ объ этомъ: въ іюлѣ прибылъ отъ митрополита кievскаго архимандритъ Гизель и требовалъ, чтобы митрополія кievская оставалась въ подчиненіи константинопольскаго патріарха. Никонъ далъ уклончивый отвѣтъ: нужно-де ждать окончанія предпринятаго царемъ похода въ Польшу; рассчитывалъ онъ, что къ тому времени будутъ ужъ исправлены церковныя книги и что тогда подчиненіе митро-

поли кѣвской русскому патріарху сдѣляется возможнымъ.

XXXV.

Походъ въ Польшу.

Русь поднялась, встрепенулась, раскрыла крылья, отъострила когти и могучій орелъ собирается на добычу.

То кликнулъ кличъ святѣйшій патріархъ Никонъ отъ имени батюшки царя, яснаго сокола, краснаго солнышка Алексѣя Михайловича, за вѣру православную и за братьевъ единовѣрныхъ, и поднялась, и ополчилась вся Русь, и убралась она точно на пиръ великій.

Спѣшать ратники со степей Донскихъ и съ земель мордвы и черемисъ и изъ Казани; прибываютъ наемники изъ нѣмецкой земли и оружіе разное, — и татарское, и турецкое, и нѣмецкое.

Наполнилась Москва ратными людьми; обозы и пушки день-деньской прибываютъ со всѣхъ сторонъ и шумить первопрестольная, точно улей пчель.

Умолкли и всѣ шумные толки о неправдахъ Никона,—всѣ воодушевлены одною лишь мыслию: нужно сражаться за Русь православную, нужно разсчитаться съ ляхами и за всѣ прошлыя обиды, и за кровь, пролитую во время смуть и въ прежнее царствованіе, нужно взять обратно ключъ въ Россію — Смоленскъ, нужно забрать всю Бѣлую Русь, Литву и галичанъ. Царь, соколъ, распѣлъ,—ему двадцать пять лѣтъ, и идетъ онъ самъ въ походъ сражаться съ врагами; а кормило царства въ твердыхъ рукахъ мужа мудраго,—Никона.

И воодушевляеть это и старцевъ, и юношей: препоясываютъ первые мечи свои, которыми они сражались и у Троицы, и подъ Москвою, а юнцы слушаютъ отъ старыхъ ратниковъ о Скопинѣ Шуйскомъ, о Ляпуновѣ, о Мининѣ и Пожарскомъ, объ этихъ сказочныхъ бога-

тыряхъ, и глаза ихъ пылають, а уста шепчуть: раззудись плечо, размахнись рука.

Стрѣльцы же расхаживають по городу и поють пѣсню о Скопинѣ:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ во колоколь звонили...
А расплачутся гости москвичи:
А таперь наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила...
А сѣзжались князя, бояре супротиво къ нимъ,
Мстиславскій князь, Воротынскій,
И между собою они слово говорили;
А говорили слово, усмѣхнулись,
Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся...

Движеніе, радость и веселье,—что съ юнымъ царемъ Русь пойдетъ на исконныхъ враговъ православія и русской народности, сражаться за вѣру, честь свою и отечество.

Между этимъ народнымъ движеніемъ и наборомъ ратниковъ въ предшествовавшее царствованіе была огромная разница: прежде нужно было сзывать служилыхъ людей насильно, подъ угрозой кнута и тюрьмы, а теперь все шло добровольно и охотно. Много къ этому содѣйствовало еще и то, что четыре года до смерти своей царь Михаилъ Ѳедоровичъ запретилъ къ боярскимъ и вообще дворянскимъ дворамъ записывать бездомныхъ и безпомѣстныхъ боярскихъ дѣтей, а потому весь этотъ людъ, желая выслужиться, явился добровольно на призывъ; а между людьми служилыми тоже не оказалось такъ называемыхъ въ то время нѣтей, то есть скрывшихся отъ ратнаго дѣла помѣщиковъ и крестьянъ.

Всѣ ратные люди вступили въ Москву въ збруяхъ, латахъ, бехтерцахъ, панцыряхъ, шеломахъ и въ шапкахъ—мисюркахъ; тѣ, у которыхъ имѣлись пистолеты, должны были еще имѣть и карабины; кто носилъ пики

(саадаки), тѣ имѣли или пищали, или карабины; нѣкоторые, не имѣвшіе оружія, являлись съ рогатиной, да и съ топоромъ.

Всѣхъ ихъ нужно было распредѣлить по полкамъ, имѣвшимъ капитановъ, маіоровъ и полковниковъ или изъ иностранцевъ, или изъ боярскихъ дѣтей, обучавшихся нѣмцами ратному дѣлу.

Работалъ Никонъ, и съ нимъ всѣ бояре, день и ночь надъ устройствомъ этого воинства и въ іюнѣ царь осмотрѣлъ на Дѣвичьемъ полѣ ратниковъ и, оставшись ими доволенъ, велѣлъ думному дяку прочесть приказъ въ которомъ между прочимъ говорилось: „Когда же благоволитъ Богъ, по Его святому смотрѣнію супротивные воевать, и вамъ бы съ такимъ же тщаніемъ, какъ и нынѣ видимъ васъ, съ радостнымъ усердіемъ готовымъ быть, да не мимо идетъ и насъ Христова велѣніе: болѣе сія любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя. Воинствующіе за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную вѣру противъ всего достоянія и отъ нашего царскаго величества милость получаютъ и небснаго царствія сподобятся, какъ и первые побѣдоносцы, за православіе пострадавшіе“.

Послѣ того, 23 октября, въ Успенскомъ соборѣ прочитанъ манифестъ: „Мы, великій государь, положивъ упованія на Бога и на Пресвятую Богородицу и на московскихъ чудотворцевъ, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, съ великимъ государемъ святѣйшимъ Никономъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вами, боярами, окольничьими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, польскаго короля. Воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣсть“.

Послѣднее распоряженіе дало возможность распорядиться правительству походомъ по своимъ соображеніямъ.

Для защиты царя былъ сформированъ особый полкъ,

куда поступили дѣти лучшихъ дворянскихъ родовъ; въ свиту его тоже примкнули царевичи грузинскіе и сибирскіе. Старшимъ воеводою назначенъ старикъ князь Трубецкой; а царь долженъ былъ главенствовать.

15 марта царь выѣхалъ съ Никономъ на Дѣвичье поле и дѣлали смотръ рейторскому и солдатскому ученью и тамъ онъ поздравилъ войска съ походомъ; князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой долженъ былъ 28 августа выступить въ Брянскъ, о чемъ два дня спустя отданъ царскій приказъ.

Былъ воскресный день. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ соборне патріархъ Никонъ. Царь и вся семья его (царица за особой занавѣской со всѣми боярскими женами) слушали обѣдню.

Соборъ наполняли всѣ стольники, дворяне, стряпчіе, полковники и головы стрѣleckіе, сотники и подъяччіе, которые должны были идти въ походъ съ воеводами.

По окончаніи обѣдни и молебна, патріархъ благословилъ всѣхъ отправлявшихся въ походъ и тѣ затѣмъ приложились къ мощамъ и къ иконамъ.

Послѣ того царь и патріархъ подошли къ образу Владимірской Богородицы; прочитавъ молитву и помянувъ имена идущихъ военачальниковъ, патріархъ положилъ поданный ему царемъ наказъ воеводамъ въ кіотъ иконы; потомъ онъ вынулъ его и сказалъ краткое слово, которое онъ началъ такъ: „Примите сей наказъ отъ престола Господа Бога“.

Князь Трубецкой принялъ наказъ и поцѣловалъ у патріарха руку.

При выходѣ изъ церкви, поддерживаемый князьями Трубецкимъ и Куракинымъ, царь всталъ на возвышенность (рундукъ) у дверей храма и попросилъ бояръ и воеводъ къ себѣ хлѣба-соли откупать.

Столы были накрыты во дворцѣ для начальныхъ людей, а для остальныхъ въ грановитой палатѣ.

За столомъ царь говорилъ боярамъ и воеводамъ рѣчь,

въ которой онъ указывалъ имъ, какъ они должны вести себя во время войны.

Послѣ обѣда царь всталъ изъ-за стола съ правой стороны и тогда ключарь съ соборомъ началъ совершать хлѣбъ Богородицынъ.

Обрядъ этотъ заключался въ томъ, что царь и предстоящіе должны были съ панагии Богородицы взять хлѣбъ и чашу; хлѣбъ долженъ былъ быть съѣденъ, а изъ чаши слѣдовало испить три раза.

Государь хлѣбъ съѣлъ и, испивъ изъ чаши трижды, подалъ ее боярамъ и воеводамъ по чину, и каждый удостоенный этой чести цѣловалъ царскую руку.

Отпустивъ панагію, царь сѣлъ на прежнее мѣсто, а бояре, воеводы, дьяки и полчане стояли; царь сталъ раздавать: боярамъ и воеводамъ водку и красный медъ, дьякамъ красный и бѣлый медъ, полчанамъ — бѣлый медъ.

Послѣ этого царь вновь обратился къ начальствующимъ и далъ имъ завѣтъ, чтобы все воинство приобщалось святыхъ таинъ ежегодно.

Въ трогательныхъ выраженіяхъ отвѣчалъ на это князь Трубецкой.

Началось прощаніе: первый подошелъ къ царской рукѣ князь Трубецкой; царь взялъ его голову обѣими руками и прижалъ ее къ своей груди.

Растроганный до слезъ, воевода началъ кланяться въ землю разъ до тридцати. Отпустивъ начальниковъ, царь пошелъ въ грановитую палату, гдѣ обѣдали ополченцы, и тамъ, раздавая имъ медъ, царь сказалъ рѣчь, въ которой онъ объяснилъ имъ цѣль похода.

Ополчане отвѣчали, что они готовы за государя и за православныхъ христіанъ безъ всякой пощады головы положить.

Царь тогда со слезами произнесъ:

— За это Богъ дастъ вамъ жизнь, а я буду васъ всякою милостью жаловать.

Черезъ три дня войска выступили въ Брянскъ. Они шли черезъ Кремль, мимо дворца, подъ переходы, на которыхъ сидѣли царь и патріархъ. Никонъ кропилъ проходящее войско святою водою.

Когда подѣхали къ переходамъ бояре и воеводы, то сошли съ лошадей и поклонились по обычаю; государь спросилъ ихъ о здоровьѣ и они поклонились вновь до земли.

— Поѣзжайте да послужите,—сказалъ имъ царь. — Богъ съ вами: той вамъ поможетъ и васъ соблюдетъ.

Бояре и воеводы вновь поклонились.

Тогда патріархъ поднялся съ мѣста и вслѣдъ за нимъ и царь. Никонъ сказалъ краткое слово и благословилъ ихъ.

Воеводы поклонились ему въ землю и Трубецкой сказалъ отвѣтную рѣчь, въ которой, титулуя его патріархомъ Великія и Малыя Руси и обѣщаясь служить безъ хитростей, онъ заключилъ, что если бы по недомѣнью это и совершилось, то онъ просить отъ него и заступленія, и помощи.

Нѣсколько дней спустя, царь съ Никономъ отправились въ Сергіевскую Троицкую лавру и въ Саввинъ монастырь. Поклонившись угодникамъ и моцамъ и отслуживъ тамъ молебны, они возвратились въ Москву, съ тѣмъ, чтобы царь двинулся въ походъ съ главнымъ войскомъ.

Первымъ дѣломъ было отправить съ большимъ торжествомъ Иверскую икону Божьей Матери въ Вязьму; а три дня спустя, выступилъ самъ царь.

Войска сначала собрались на Дѣвичьемъ полѣ, откуда они шли сотнями черезъ дворецъ; здѣсь изъ окна столовой избы патріархъ кропилъ ихъ святою водою. Въ воротахъ, чрезъ которыя шель государь, по обѣ стороны сдѣланы были большіе рундуки со ступенями и обиты краснымъ сукномъ; на рундукахъ стояло духовенство и кропило государя и ратныхъ людей водою.

На царѣ была шапка Мономахова. Надѣта она была на немъ для похода, потому что король польскій Сигизмундъ III присвоилъ ее себѣ и умирая велѣлъ надѣть ее на себя, въ знакъ того, что онъ умираетъ царемъ русскимъ, а потому и его потомство должно царствовать въ Россіи; поэтому, въ знакъ лживости этого права, Алексѣй Михайловичъ и надѣлъ эту шапку въ походъ, чтобы показать полякамъ, что онъ не державецъ *), какъ они титуловали его, а самодержецъ всея Руси.

Царь былъ верхомъ на бѣлой лошади, съ дорогимъ чепракомъ и сѣдломъ; опоясанъ онъ былъ дорогимъ кушакомъ и съ нимъ пистолеть, а при бедрѣ драгоцѣнный мечъ. Въ свитѣ виднѣлись всѣ начальники полковъ и дворовые воеводы: Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Ивановичъ Милославскій.

Царица, дѣти царскія и царевны провожали царя въ колымагахъ, съ придворной свитой, за городъ и простились тамъ съ большими рыданіями.

Войско выступало бодро и весело изъ города, по обычаю съ пѣснями, но Москва была печальна: на улицахъ слышались рыданія женщинъ и дѣтей; вообще же, какое-то странное чувство овладѣло москвичами, какъ будто съ выступленіемъ рати съ царемъ въ походъ должно было что-то случиться.

Такое же чувство овладѣло и Никономъ, когда онъ послѣднюю сотню войска окропилъ и когда стоявшій близъ него монахъ взялъ изъ его рукъ чашу и кропилку. Никонъ набожно перекрестился, чтобы отогнать невольную и непонятную тоску и тихо отправился къ ожидавшей его у избы колымагѣ.

По случаю отъѣзда царя, все государственное управ-

---

*) Державцами въ Польшѣ именовались служилые люди, имѣвшіе коронныя земли на помѣстномъ правѣ, т. е. съ обязанностью ратной службы.

леніе ввѣрено Никону, а потому тотчасъ послѣ отъѣзда царя онъ занялся усиленно снабженіемъ арміи и деньгами, и людьми, и провизіею, и пушками, и снарядами.

XXXVI.

Нѣтъ худа безъ добра.

Князь Трубецкой, выступивъ въ походъ, поспѣшно двигался впередъ черезъ границу Польши въ Бѣлорусію, разбрасывая всюду прокламаціи, взывая къ православному и объявляя священную войну.

Крестьянство тотчасъ тамъ возстало, а поляки очистили Дорогобужъ и сдали Бѣлую, и затѣмъ Полоцкъ и Рославль.

Царь же наступалъ съ войскомъ прямо на Смоленскъ, и 28 іюня наша рать окружила крѣпость. 2 іюля царь расположился ужь на Дѣвичьей горѣ, въ двухъ верстахъ отъ Смоленска. Въ это время русскіе, упоенные успѣхомъ и бѣгствомъ польскихъ ратныхъ людей при ихъ пришествіи, подступали къ Оршѣ, и недалеко отъ этого города расположился станомъ передовой нашъ отрядъ.

Лаазутчики и вѣстовщики не давали знать о какой-либо опасности, а напротивъ того, сообщено, что литовскій гетманъ Радаивиль, услыша о приближеніи русскихъ, выступилъ изъ Орши и двинулся въ лѣса, чтобы тамъ скрыться.

Передовой нашъ отрядъ, поэтому, расположившись станомъ, разложилъ костры, заварилъ пищу, и такъ какъ ночь была очень темна, то всѣ, утомленные дальнимъ переходомъ, вскорѣ заснули.

Часовые, какъ видно, тоже задремали. Въ то время верстахъ въ пяти отъ русскаго стана, въ дремучемъ лѣсу, происходило что-то таинственное; на одной изъ полянъ былъ разбитъ шатеръ и въ немъ шло совѣща-

ніе. За большимъ складнымъ столомъ, на складномъ стулѣ, сидѣлъ высокаго роста польскій воинъ, на немъ виднѣлись рыцарскіе доспѣхи и воинственный его видъ, также величественная осанка напоминали средневѣковыхъ рыцарей; а гетманская булава или бунчукъ, красовавшійся на столѣ, обнаруживали его званіе, — это былъ литовскій гетманъ Радзивиль, неограниченный въ то время распорядитель судебъ Литвы и Бѣлоруссіи.

— Вы, паны радные, Сапѣга и Сангушко, ошибаетесь, какъ кажется,—сказалъ онъ:—если полагаете, что москали наступаютъ большой силой на Оршу. Они упорны такъ успѣхомъ своимъ и хлопской революціею, что бросились сюда очертя голову. Я бьюсь съ вами объ закладъ, радные паны, что они воображаютъ, что и я бросилъ Оршу и бѣгу въ литовскіе лѣса. Гей! хлопецъ!.. онъ ударилъ въ ладоши.

Изъ-за дерева лѣса появился казачекъ.

— Покличъ Цѣкаваго.

Появился воинъ въ полныхъ доспѣхахъ.

— Лазутчики возвратились?—спросилъ Радзивиль.

— Возвратились.

— Что сообщаютъ?

— Русскіе варили пицу, поѣли, выпили и легли спать; а часовые дремлютъ и, вѣроятно, тоже заснутъ. Лазутчики пробрались въ самый лагерь и видѣли это собственными глазами.

— Видите ли, радные паны, моя правда, и намъ нужно дать урокъ москалямъ. Распорядись, Цѣкавый, чтобы всѣ воины наши двинулись безъ доспѣховъ и безъ лошадей, т. е. такъ, чтобы не было шума и стука,—на русскій лагерь. Сапѣга съ своими будетъ наступать съ правой стороны, Сангушко—съ лѣвой, а я прямо ворвусь въ лагерь; мы окружимъ, такимъ образомъ, москалей и заберемъ ихъ всѣхъ.

Цѣкавый удалился.

— А мы, паны радные,—воскликнулъ тогда Радзи-

вилъ:—выпьемъ по чаркѣ горилки, какъ подобаеть добрымъ шляхтичамъ, и двинемся въ путь.

Онъ снова ударилъ въ ладоши и казачекъ появился.

— Дай по чаркѣ,—скомандоваль онъ.

Вмигъ досталь казакъ изъ подъ огромнаго дерева гдѣ онъ скрывался, огромную флягу и, наливъ старки изъ нея въ большой золотой кубокъ, поднесъ его гетману.

Пожелавъ здравія раднымъ панамъ, Радзивилъ выпилъ чарку, потомъ налилъ собственноручно полный бокаль и подалъ его Сапѣгѣ.

Сапѣга пожелаль ему и товарищу здравія и выпилъ тоже залпомъ; такимъ же образомъ поступилъ и Сангушко.

Послѣ этого Радзивилъ съ товарищами вышелъ изъ шатра и они направились въ лѣсъ. Здѣсь шли они на огонекъ костровъ и каждый изъ нихъ прибылъ къ своей части.

Тихо, безъ шума, оставивъ у обоза и у шатровъ сторожей, тронулось все шляхетное войско съ литовскими ратниками по разнымъ направлениямъ...

Русскій станъ погруженъ въ глубокой сонъ; вдругъ послышался выстрѣлъ изъ пистолета. Сонными повскачили изъ своего ложа начальники въ своихъ шатрахъ. Новые выстрѣлы изъ пищалей... Бросились всѣ изъ шатровъ, лагерь зажженъ со всѣхъ сторонъ. Неистовый крикъ сражающихся... Русскіе ратники, сонные, дерутся и умирають... Вопли, стоны, проклятія, кулачный бой, выстрѣлы... Но литвины и шляхта никого не щадятъ: какъ палачи, они рубятъ спящихъ... не щадятъ беззащитныхъ, молящихъ о пощадѣ!.. Съ полчаса продолжалась эта бойня, и, наконецъ, все русское или плаваеть въ лужѣ крови—зарѣзанное, или вошетъ—раненое...

Забираеть литовскій гетманъ обозъ и лошадей, оружіе и порохъ русскій; захватываетъ нѣсколько раненыхъ и нѣсколько уцѣлѣвшихъ чудомъ русскихъ, и велить вести это въ видѣ триумфа въ Оршу.

На другой день Радзивиль, верхомъ, въ доспѣхахъ, окруженный радными панами и рыцарями шляхтичами, вступилъ при звукѣ трубъ и литавръ и колокольномъ звонѣ въ Оршу; при чемъ въ прокламаціи объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ такъ поступать со всѣми русскими войсками, которыя дерзнутъ приближаться къ Оршѣ.

Послѣ того шли нѣсколько недѣль празднества и польское рыцарство стало съѣзжаться со всѣхъ сторонъ съ огромнымъ количествомъ ратниковъ, чтобы подъ начальствомъ счастливца Радзивила истребить москалей, которые дерзнутъ подойти къ Оршѣ. Объ осадѣ же Смоленска, затѣянной главными силами царя, они говорили: пускай потѣшаются москаля, скорѣе Днѣпръ потечетъ вспять, чѣмъ они возьмутъ Смоленскъ.

Между тѣмъ слухъ о несчастной гибели передоваго нашего отряда подъ Оршей достигъ царя и царскаго стана: тишайшій сильно было смутился. Вотъ ужъ двѣ недѣли они стояли безуспѣшно подъ Смоленскомъ, а между тѣмъ маменькины сынки, составлявшіе его свиту, еще по пути къ Смоленску нажужжали ему въ уши, что война напрасно начата, что поляки сильны и что едва ли будетъ благопріятный исходъ этой войны.

Но благопріятныя вѣсти изъ лагеря князя Трубецкаго, двигавшагося вмѣстѣ съ Шереметьевымъ и малороссійскимъ наказнымъ Золотаренко къ Литвѣ, немного воодушевили царя, а тутъ вдругъ извѣстіе, что цѣлый храбрый отрядъ изъ нѣсколько тысячъ человекъ погибъ безславно, и непріятель забралъ и оружіе, и порохъ, и весь обозъ.

— Вотъ,—говорили недовольные войной:—наше предсказаніе сбылось: ляхи и литвины заманили насъ и потомъ перерѣзали, какъ дураковъ.

Иначе думалъ царь. Это случайность,—говорилъ онъ приближеннымъ,—и нужно почитать умершихъ.

Онъ велѣлъ передать во всемъ станѣ подъ Смоленскомъ о судьбѣ погибшихъ и приказалъ служить пани-

хиду въ разныхъ мѣстахъ своего лагеря, при чемъ самъ присутствовалъ при церковной службѣ и горько при этомъ плакалъ.

Все войско пришло въ сильное негодованіе, узнавъ, какъ поляки рѣзали сонныхъ и беззащитныхъ. Злоба и месть закипѣли въ его груди.

— И мы никому не будемъ давать пощады,—кричали ратники:—пуцай ведутъ насъ на бой. На приступ! На крѣпость! чего медлить,—нужно крѣпость взять, а тамъ всё пойдемъ на Радзивила...

Такое настроеніе было и въ воинствѣ князя Трубецкаго, который стоялъ не болѣе какъ въ семи верстахъ на пути къ Оршѣ.

Князь, видя воодушевленіе всего войска, готоваго сражаться и биться до послѣдняго съ ляхами за убитыхъ братьевъ, двигался, однако, впередъ медленно. А поляки приняли систему отступленія: они очистили Дисну, Друю и стянулись въ Оршѣ подъ начальствомъ Радзивила.

Узнавъ отъ вѣстовщиковъ, что князь Трубецкой имѣетъ намѣреніе осадить его и чрезвычайно медленно наступаетъ, Радзивиль рѣшилъ съ радными панамъ, что Орша такъ слабо укрѣплена, что не можно выдержать правильную осаду, а потому лучше выступить къ Борису и тамъ, сдѣлавъ укрѣпленный лагерь, дать битву русскимъ. Этотъ планъ казался тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что воинство русское будетъ подъ Борисовымъ еще болѣе отдалено отъ главныхъ своихъ силъ, такъ что можно будетъ, по выраженію гетмана, забрать ихъ руками.

Въ концѣ іюня, поэтому, польскія войска выступили изъ Орши по дорогѣ въ Борисовъ и за ними потянулись огромные не только шляхетскіе обозы, но и горожанъ; къ ужасу же ихъ, москали изъ медленнаго своего движенія перешли вдругъ въ быстрое наступленіе: летучіе ихъ отряды не только успѣшно заняли Дисну и Друю, но почти на польскихъ плечахъ вступили въ Оршу и погнались за отступающею арміею Радзивила.

Когда дали объ этомъ знать Радзивилу и о томъ, что большинство обоза находится уже въ рукахъ русскихъ, онъ собралъ небольшую рать вокругъ себя и, отдавъ приказъ отступить къ Борисову, бросился защищать отступление своего войска.

Неожиданно онъ долженъ былъ дать сраженіе русскимъ: занявъ съ отрядомъ сильныя высоты, онъ думалъ удержать наступленіе нашихъ ратниковъ, но тѣ двигались впередъ и впередъ... Радзивиль храбро сражался съ своимъ отрядомъ, но разбитый, онъ воспользовался наступившею ночью и отступилъ, хотя въ безпорядкѣ, но невредимый, къ укрѣпленному лагерю въ 15 верстахъ отъ Борисова, на берегахъ рѣки Шкловки.

Отсюда онъ разослалъ гонцовъ и къ нему стала прибывать и артиллерія, и войска, такъ что многіе ему совѣтовали даже начать наступательное движеніе на Оршу, занятую княземъ Трубецкимъ, тѣмъ болѣе, что слухи носились, что онъ раздробилъ свои силы.

И дѣйствительно Шереметьевъ съ своимъ отрядомъ, вскорѣ послѣ взятія Орши, овладѣлъ городами: Глубокимъ и Озерищемъ.

Но неожиданно, какъ снѣгъ на голову, появились войска князя Трубецкаго на берегахъ Шкловки и окружили Радзивила.

Принимая ихъ, по старинному предубѣжденію, за нестройныя полчища, Радзивиль бросился съ сильнымъ отрядомъ на главныя силы Трубецкаго, но былъ отброшенъ съ большимъ урономъ.

Наступила затѣмъ ночь. Русскіе стали окапываться, разставляя орудія.

Радзивиль собралъ совѣтъ—какъ и что дѣлать.

Потерявши почти весь обозъ, нельзя было въ этомъ лагерѣ долго держаться; поэтому нужно было дать сраженіе, съ тѣмъ: или панъ, или пропасть.

Всѣ были того же мнѣнія, тѣмъ болѣе, что русскихъ было не больше чѣмъ поляковъ и литвиновъ.

На другой день еще до свѣта всѣ польскія войска были ужъ на готовѣ къ выступленію, съ тѣмъ, чтобы ударить русскимъ въ самое сердце и прорваться съ честью.

Раздался со стороны поляковъ грохотъ выстрѣловъ и польскія войска съ неистовыми криками бросились на лагерь русскихъ.

Но тамъ было мертвое молчаніе: польскихъ ратниковъ не останавливалъ ни одинъ выстрѣлъ; когда же они приблизились къ сдѣланнымъ ночью русскими окопамъ, тогда раздалась страшная пальба и изъ окоповъ повискакали казаки и ратники, и пошли въ рукопашную.

Поляки рубились отчаянно и имъ казалось ужъ, что они начинаютъ одолѣвать, какъ услышали крики и выстрѣлы со всѣхъ сторонъ. Русскіе окружили ихъ и шла ожесточенная битва холоднымъ оружіемъ.

Самъ гетманъ Радзивиль, несмотря на бѣшеную свою храбрость, чуть-чуть — раненый — не попался въ плѣнъ; но его вытащилъ изъ битвы вѣрный его слуга, шляхтичъ Цѣкавый. Онъ схватилъ за узду его лошадь и потащилъ ее къ рѣчкѣ Шкловкѣ, съ тѣмъ, чтобы, переплывъ рѣку, спастись бѣгствомъ.

Но на берегу рѣки конь гетмана палъ; тогда, снявъ съ Радзивила доспѣхи и отнявъ у него гетманскую булаву, Цѣкавый отдалъ ему своего коня.

Радзивиль бросился съ нимъ въ рѣку, переплылъ ее и бѣжалъ.

Вѣрный слуга, желая спасти дорогіе доспѣхи и драгоценную гетманскую булаву, сталъ ихъ погружать въ воду, но налетѣли казаки.

Какъ левъ, защищаль Цѣкавый эти драгоценности, уложилъ на мѣстѣ нѣсколько казаковъ, но сила одолѣла: его убили и разрубили на части.

Гетманская булава и доспѣхи сдѣлались русскими трофеями.

Почти все войско Радзивила пало, но взято еще много

въ плѣнь: 12 полковниковъ, знамена и литавры достались побѣдителямъ, кромѣ обоза и лагеря.

XXXVII.

Чума въ Москвѣ.

Въ то время, какъ русская рать такъ побѣдоносно шла впередъ и царь осаждалъ Смоленскъ, въ Москву вступалъ караванъ изъ дальнихъ мѣстъ: то прибыли съ Кавказа грузины съ гостинцами къ грузинскимъ царевичамъ и царю!

Но не застали они ихъ въ Бѣлокаменной, такъ какъ тѣ недавно выступили въ походъ.

Отвели поэтому грузинамъ въ одной изъ слободъ помѣщеніе и они пошли глазѣть по Москвѣ.

Но вотъ разнеслось по столицѣ роковое:

— Морь!.. и привезли его грузины.

Но какой морь?

По сказанію лѣтописи *), куда Никонъ заглянулъ, онъ нашель, что въ Новгородѣ былъ морь въ 1354 году, но тогда, по сказанію лѣтописи, хракнетъ человѣкъ кровью и до 3 дній бывъ да умереть?! О теперешней же болѣзни разсказываютъ иначе: заболѣетъ человѣкъ, почернѣетъ, умереть, а потомъ являються язвы, какъ болячки, или какъ чирьи, подъ мышками.

— То моровая язва,—опредѣляютъ иностранные гости и начинаютъ выселяться изъ города.

Но Москва еще держится; правда, бояре и дворяне разѣхались, кто на войну, кто въ помѣстья, но всѣ жильцы, гости и ремесленники, все это еще живеть въ городѣ и не покидаетъ его. Слухи же о томъ, что моровая язва въ Москвѣ, растутъ съ каждымъ днемъ и

---

*) Лѣтопись, собранная Никономъ, сохранила названіе «Никонской».

къ Никону доходятъ слухи, что мрутъ повально, кто лишь прикоснется къ заболѣвшему, и косить поэтому цѣлыми домами.

Разобцилъ Никонъ царскій дворець отъ Москвы, установилъ карантинъ по дорогѣ въ Смоленскъ, чтобы къ царю не занесли болѣзни, и отписалъ ему, что царицу онъ отправить въ Калязинъ монастырь.

Царь отвѣчалъ ему, чтобы и онъ выѣхалъ туда съ его семьей; при чемъ онъ присовокупилъ, что онъ никого не неволить оставаться тамъ.

Никонъ объявилъ это по городу и вмѣстѣ съ тѣмъ и боярамъ князьямъ Пронскому и Хилкову, управлявшимъ Москвою.

Оба отказались и остались блюсти столицу.

Никонъ изготовилъ подводы и, забравъ царскую семью и весь дворъ со служками, такъ равно весь штатъ дьяковъ и писцовъ, съ которыми онъ управлялъ государствомъ, огромнымъ караваномъ двинулся въ Калязинъ.

Обозъ былъ безконеченъ, такъ какъ онъ вмѣщалъ въ себѣ не только одежду, но и необходимую мебель и утварь и царской семьи, и всего двора, и всѣхъ служекъ, кромѣ того везлись еще шатры, провизія и тому подобное.

Весь этотъ поѣздъ долженъ былъ двигаться медленно за царскими колымагами, которыя постоянно останавливались, такъ какъ съ царицей были маленькія дѣти, да и царевны останавливали караванъ то за тѣмъ, то за другимъ.

Съ патриархомъ для письменоводства по дѣламъ духовнымъ, кромѣ дьяковъ, имѣлся еще іеромонахъ Арсеній, отлично говорившій по-русски и вѣдавшій печатнымъ дѣломъ въ Москвѣ. Никонъ его полюбилъ и приблизилъ къ себѣ. Монахъ этотъ былъ истиннымъ кладомъ въ этомъ путешествіи: когда маленькій царевичъ и царевны, дѣти Алексѣя Михайловича, ревѣли благимъ матомъ, такъ какъ было очень жарко въ колымагахъ и

было скучно сидѣть на одномъ мѣстѣ, то Арсеній тотчасъ являлся и выдумывалъ такія забавы, что они тотчасъ угомонятся.

Монахъ былъ среднихъ лѣтъ, имѣлъ бѣлое лицо, черную красивую бородку, блестящіе черные глаза и говорилъ красиво, витіевато и восторженно.

По тогдашнему этикету ни царица, ни царевны, ни весь бывшій съ ними женскій персоналъ не могли появиться безъ покрывала; но въ пути разрѣшается отступленіе и притомъ Арсеній ангельскаго чина, а потому съ разрѣшенія патріарха можно и покрывало снять.

Спросила объ этомъ царица Никона и тотъ разрѣшилъ; тогда и Арсеній сталъ лицедрѣть и сестеръ царя, и царицу; но всѣхъ прекраснѣе показала ему послѣдняя,—ея умное лицо, немного гордое, было, однакожъ, очень симпатично.

Въ теченіе дня успѣлъ наглядѣться на царевенъ и Никонъ, въ особенности на Татьяну Михайловну: каждый разъ она краснѣла, когда онъ взглянетъ на нее.

Общій обѣдъ на вольномъ воздухѣ еще болѣе сблизилъ всѣхъ, и смѣхъ царицы и сестеръ ея сдѣлался непринужденнымъ, въ особенности когда онѣ, бѣгая по лугу съ дѣтьми, собирали цвѣты для вѣнковъ.

Послѣ обѣда, когда лошади отдохнули, поѣздъ вновь тронулся въ путь.

Первая ночевка была станомъ въ 15 вер. отъ Москвы.

На другой, третій и четвертый день было то же самое.

Ночевка на пятый назначена въ вотчинѣ боярина Боборыкина, въ 50 верстахъ отъ Москвы.

Для царицы и ея семьи были отведены боярскія хоромы, а для остальныхъ разбиты шатры въ мѣстѣ, указанномъ бояриномъ.

Пріѣхавъ туда поѣздъ еще спозаранка и царевны объявили, что онѣ не хотятъ ночевать въ душныхъ палатахъ у боярина и чтобы имъ разбили шатеръ вмѣстѣ со всѣми.

Царица согласилась на это.

Станъ расположился на возвышенномъ мѣстѣ и, пока устанавливались шатры, царскія сестры, Никонъ и Арсеній пошли осматривать окрестности.

Въ одномъ мѣстѣ Арсеній остановился и сказалъ восторженно:

— Какъ эта мѣстность напоминаетъ Иерусалимъ: вонъ та рѣка (Истра)—точно Иорданъ, вонъ тѣ горы на западъ—точно Фаворъ и Ермонъ; а вотъ ручей, текущій у подножія горъ,—точно Кедронъ; а вотъ,—продолжалъ онъ,—Иосафатова долина, а роща вотъ эта,—Геосиманская, недостаетъ только храма Воскресенія и это былъ бы второй Иерусалимъ.

— Святѣйшій патріархъ,—опустивъ тогда глаза и съ жаромъ сказала царевна Татьяна:—соизволь же на сооруженіе церкви Воскресенія на семь мѣстѣ и постройки монастыря, все, что я имѣю, я пожертвую на эту обитель, да и царя упрошу.

— Твое слово,—отвѣчалъ Никонъ:—для меня законъ, многомилостивая царевна: попытаюсь купить эту землю у боярина Боборыкина, и коли онъ соизволитъ на это, тогда я сооружу здѣсь храмъ такой же, какой во Иерусалимѣ и нареку мѣсто это „Новымъ Иерусалимомъ“ и упокоятся когда-нибудь на семь мѣстѣ мои бранныякости.

Послѣ того почти до самаго вечера они ходили по этой мѣстности, любуясь и восхищаясь красотою вида.

— Никогда бы не повѣрилъ,—говорилъ Никонъ:—чтобы въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы можно было отыскать то, что я искалъ когда-то на краю свѣта, въ Соловкахъ. Здѣсь все: и вода, и горы, и лѣсъ,—все есть, чтобы наслаждаться Божьимъ твореніемъ и умиляться. Завтра же переговорю съ бояриномъ и куплю это мѣсто.

Но насталъ вечеръ, патріархъ и чернецъ сказали громко молитву и, простившись съ царевнами, разошлись по своимъ шатрамъ.

Поспѣшный отъѣздъ Никона съ царской семьей изъ Москвы произвелъ въ послѣдней переполохъ, тѣмъ болѣе, что москвичи узнали, что, по распоряженію князя Пронскаго, всѣ окна дворца забиты досками, замазаны глиной и вокругъ него поставлена стража.

Оставшіеся въ Москвѣ бояре и боярскія семьи, узнавъ объ удаленіи двора изъ столицы, тоже потянулись вонъ.

Всѣ же крестьяне подмосковныхъ деревень, сель и городовъ перестали ѣздить въ Москву и всякій подвозъ провизіи пріостановился, тѣмъ болѣе, что заставы были сдѣланы на всѣхъ путяхъ.

Смертность же стала страшно увеличиваться: прежде вымирали дворы, а теперь цѣлыя улицы, а потомъ части.

Задвигался, забушевалъ народъ: зачѣмъ-де царица уѣхала и патріархъ. Зачѣмъ Иверскую Божью Матерь увезли подъ Смоленскъ.

Загудѣли колокола, ударили и въ царь-колоколъ и сталъ народъ толпиться предъ приказомъ, въ которомъ засѣдалъ князь Пронскій. Но его тамъ не застали и народъ разошелся.

Вечеромъ того же дня, въ стрѣлечкой слободѣ, въ подворьи Настасьи Калужской, гдѣ мы уже видѣли два раза синклитъ поповъ, собралось нѣсколько купцовъ: Дмитрій Заика, Александръ Баевъ, да кадышовецъ Иванъ Нагаевъ и тяглець новгородской сотни Софронъ Лапотниковъ.

Настасья Калужская и братъ ея Терешка приняли гостей и, усадивъ ихъ за столъ, стали выносить старыя иконы и показывать гостямъ.

— Страмота, — говорила Настасья: — Христовы люди молились имъ вѣками и не было моровой язвы; пришелъ антихристъ и выбросилъ ихъ... Видѣла я видѣніе, — Новый Іерусалимъ... въ апокалипсисѣ сказано... и тамъ — всѣ эти иконы... и обновленныя да всѣ святые угодники и ангелы имъ поклоняются. Восплакала я отъ радости и проснулась. А онъ, антихристъ, такъ живьемъ и стоитъ

предо мною и грозить ножемъ... вскрикнула я, а онъ яко дымъ исчезъ... Дьявольское навожденіе... А ты, Терешка, расскажи-ка про Магдалину-то... вѣдь она здѣсь, на Москвѣ, многострадальная.

Терешка, рывіи горбунокъ, хромой на одну ногу, началъ шепелявить:

— Иду я ономьясь по Кузнецкому и вижу—простоволосая, босая, съ распущенной косой, бѣжить навстрѣчу мнѣ баба, а на рукахъ у нея дѣтенышъ: голый и черный, точно земля... Кричитъ она неистово и народъ стонитъ. Я-де Магдалина, голосить она, и какъ этотъ младенецъ, такъ и вы помрете: всѣхъ уморю, какъ его уморили... пожру я васъ всѣхъ съ тѣломъ, костями и душами вашими... и побѣжала, побѣжала...

Поднялся тогда съ мѣста Софронъ Лапотниковъ и вынулъ изъ кармана икону.

— Глядите,—сказалъ онъ:—взяли отъ меня сей нерукотворенный образъ въ тѣнскую избу для переписки и возвратили съ оскребленнымъ лицомъ, а скребли образъ по патріаршему указу.

— Вотъ,—воскликнула тогда Настасья Калужская:—и причина-то моровой язвы. Сказывалъ здѣсь и протопопъ Аввакумъ, и Никита постникъ, и епископъ Павелъ, что въ откровеніи Іоанна сказано, что за одно слово, за одну черточку, что прибавляемъ или убавляемъ мы изъ священнописанія или изъ иконы, будутъ язвы; вотъ и моровая язва, вотъ и Магдалина покарала насъ.

— Не пригоже сему быть,—сказалъ одинъ изъ гостей.—Завтра въ Успенскомъ соборѣ будетъ служба, мы всѣ будемъ бить челомъ князю Пронскому.

На другой день въ Успенскомъ соборѣ собралось много народу, такъ какъ большей части церкви попы или перемерли или бѣжали изъ города.

Обѣдня шла печальная: почти весь народъ плакалъ, такъ какъ у каждаго была потеря, а были такіе, которые остались совершенно одинокими.

По окончаніи церковной службы князь Пронскій былъ остановленъ народомъ на паперти.

Показывая ему икону Софрона Лапотникова, земскіе люди жаловались и на патріарха, и на чернеца Арсенія, который печатаетъ книги и портитъ иконы; а главнѣе всего имъ было обидно, что Никонъ въ такія тяжелыя минуты покинулъ Москву.

Пронскій объявилъ, что Никонъ выѣхалъ по указу царскому и что онъ отпишетъ ему и царицѣ; между тѣмъ онъ созвалъ представителей отъ купечества и тѣ объявили, что они въ смутѣ не участвовали и что лишь просятъ патріарха, чтобы тотъ назначилъ въ церкви священниковъ, потому что служба во многихъ прекратилась и некому отпѣвать мертвыхъ. Послѣднихъ въ дѣйствительности таскали и хоронили какъ собакъ; особая артель изъ общественныхъ подонковъ, одѣтая черезъ голову въ кожаную одежду и рукавицы, являлась въ домъ, гдѣ были покойники и крючьями таскали ихъ на повозку и везли гуртомъ на погребеніе, безъ молитвы и обряда, а за городомъ всѣ они бросались въ большую могилу и та засыпалась известью.

Но и эти люди мерли, какъ мухи, а потому погребеніе становилось затруднительнымъ.

Поэтому, когда сотскіе головы узнаютъ, что въ домѣ какомъ-нибудь перемерли всѣ, тотчасъ окна и ворота заколачиваются, ставится на воротахъ черный крестъ и домъ тотъ ждетъ очереди для очистки.

Такая смертность вызвала то, что подъ страхомъ смертной казни запрещено было сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями,—вотъ откуда начало этого страшнаго карантиннаго закона, который въ Одессѣ еще въ 1837 году, въ время чумы, былъ практикованъ: тамъ разстрѣляли еврея за то, что онъ спрятался въ возѣ сѣна, желая избѣгнуть карантина на заставѣ... Но обратимся къ царицѣ. Послѣдняя стоянка ея была на рѣкѣ Нерпи, не доѣзжая Калязина монастыря,

и въ то время, когда станъ долженъ былъ тронуться, дали знать, что черезъ дорогу въ Калязинъ привезено только что тѣло думной дворянки Гавленевой, умершей отъ заразы.

Никонъ тотчасъ распорядился, чтобы на дорогѣ и по обѣ ея стороны, сажень по десяти и больше, накласть дровъ и сжечь ихъ; потомъ уголь и пепель отвезены далеко, и на дорогу наложили новой земли.. Грамоты, присланныя ему изъ Москвы отъ бояръ, переписывались и грамоты сжигались..

Царица такъ медленно подвигалась, что только два мѣсяца послѣ выѣзда изъ Москвы прибыла въ Калязинъ монастырь. Отъ Калязина же до Москвы всего только 332 версты.

Но вскорѣ послѣ ея прибытія въ обитель пришла изъ Москвы нерадостная вѣсть: князья Пронскій и Хилковъ сдѣлались жертвой чумы.

Невольно и Никонъ, и чернецъ Арсеній, получивъ всѣ эти извѣстія, возблагодарили небо за то, что они покинули ее.

— Если бы, — говорилъ Арсеній, — мы избѣгли моровой язвы, то ужъ висѣлицы или топора—никакъ, въ особенности я, какъ печатникъ книгъ. Невѣжды приписываютъ мнѣ всѣ исправленія, а потому я, по слову апокалипсиса, навель-де язву.

XXXVIII.

Возвращеніе Смоленска.

Стѣны Смоленска были растянуты на огромное пространство и имѣли тридцать шесть башенъ, и если осаждать было такую крѣпость трудно, то трудно было ее и защищать.

Защитники крѣпости были казаки и шляхта, а воеводою былъ Обуховичъ и помощникъ его Корфъ.

Во главѣ шляхты стояли два Соколинскихъ и панъ Голимонть.

Со времени осады всѣ эти лица собирались во дворцѣ Обуховича и стояли на томъ: чтобы держаться до послѣдняго.

Несмотря на тѣсную осаду крѣпости, городъ имѣлъ сообщеніе съ Радзивиломъ и тотъ писалъ: „Разбилъ-де русскихъ подъ Оршей, теперь заманиваю стараго дурака Трубецкаго подальше и руками заберу“. По случаю такихъ радостныхъ вѣстей, Обуховичъ велѣлъ трезвонить во всѣ колокола, и когда царь совершалъ панихиды и плакалъ по оршинскимъ великомученикамъ, тотъ задавалъ пиръ за пиромъ, о чемъ онъ сообщалъ чрезъ лазутчиковъ въ русскій лагерь.

Вдругъ онъ получаетъ грамоту отъ Радзивила: „Развязка близится къ концу: я получилъ извѣстіе, что крымскій ханъ бросился на гетмана Богдана; значитъ тотъ сюда не придетъ, а я, какъ разобью и полоню стараго Трубецкаго, то приду къ вамъ на помощь, и забравъ русскихъ руками, полоню ихъ царя и повезу его въ Краковъ. Слишкомъ юнъ, чтобы бороться съ гетманомъ Радзивиломъ“.

Гетмана слова какъ будто и оправдываются: съ крѣпостныхъ стѣнъ ясно видно, что казачій полкъ, стоявшій здѣсь, снялся и выступилъ въ походъ на Оршу, а подъ самой крѣпостью у царя ратники точно сырыя яйца: не позволяетъ онъ охотникамъ лѣзть подъ пулю и коли потрафится раненый, онъ ухаживалъ за нимъ точно за сыномъ роднымъ. Въ такомъ разѣ будетъ онъ сиднемъ сидѣть подъ Смоленскомъ, пока Радзивиль не нагрянетъ съ литовцами и съ короннымъ войскомъ,— думаютъ въ крѣпости ляхи.

Но ошибались враги наши: не изъ трусости дѣлалъ это типайшій, а изъ человѣколюбія и религіозности: смерть человѣка, безъ государственной потребности, онъ считалъ тяжкимъ грѣхомъ. Притомъ, при всемъ своемъ

мужествѣ, онъ былъ не воинственъ и предпочиталъ тихую семейную жизнь бурному и шумному лагерному разгулу; поэтому онъ въ станѣ сильно затосковалъ по семьѣ и часто переписывался съ нею; дѣтей же страстно любилъ, и когда встрѣтитъ какое-нибудь деревенское дитя, онъ не знаетъ, какъ его обласкать. Но въ станѣ онъ строго запретилъ, чтобы жены или сестры сѣзжались къ мужьямъ и къ братьямъ, такъ какъ это портило войско.

Вскорѣ, однакожь, ему пришлось сдѣлать исключеніе: Артамонъ Сергѣевичъ Морозовъ занялъ въ его войскѣ большую должность: онъ назначенъ стрѣльцкимъ головой и сдѣлался душою не только его арміи, но и главнымъ совѣтчикомъ по дѣламъ военнымъ.

Опечалился однажды Матвѣевъ по полученіи изъ Смоленска грамотки, отъ хорошаго своего знакомаго, Кирилла Полуехтовича Нарышкина. Какъ помѣщикъ—смоленчакъ, тотъ при приближеніи русскихъ войскъ забрался въ Смоленскъ съ женою Анною Леонтьевною и съ дѣтьми: Иваномъ и Анастасіемъ, да съ маленькими дочерьми: Натальею и Авдотьею.

Вся эта семья умирала тамъ съ голоду и Нарышкинъ умолялъ обмѣнять на нихъ нѣсколько плѣнныхъ поляковъ. Доложилъ объ этомъ Матвѣевъ царю и тотъ разрѣшилъ обмѣнъ. Нѣсколько дней спустя, вся большая семья Нарышкина выведена изъ Смоленска и доставлена въ лагерь.

Матвѣевъ далъ Нарышкину возможность выѣхать въ свою вотчину, но дѣвочка Наталья сильно заболѣла и Матвѣевъ упросилъ царя оставить ее въ его, Матвѣева, шатрѣ.

Оставленная у него, она вскорѣ выздоровѣла и сдѣлалась ихъ утѣшеніемъ.

Это была черноглазая смуглянка, быстрая, проворная.

Царю она понравилась и онъ для развлечения часто заживалъ въ шатеръ Матвѣева, чтобы поиграться нею.

Та сначала его чуждалась, убѣгала и пряталась подъ свою кроватку, но потомъ привыкла къ нему, — только ужъ очень безцеремонно обращалась съ царскимъ величествомъ: борода его неоднократно была въерошена по милости ея маленькихъ ручекъ. Зато царь какъ поймаетъ ее и посадить на колѣни, то нацѣлуетъ обѣ щечки до красна.

При чемъ тишайшій приговариваетъ:

— Зналъ я другую Натю и колибъ я съ той совершилъ, что съ тобой, она бы мнѣ носъ откусила. Право слово.

Маленькая Ната сдѣлалась, такимъ образомъ, предметомъ особой нѣжности и заботливости царя и онъ готовъ бы былъ оставаться Богъ знаетъ сколько въ качествѣ осаждающаго Смоленскую крѣпость: безъ кровопролитія, но рать вывела его изъ этого мирнаго покоя.

Послѣ оршинскаго погрома нашей рати, войско прямо потребовало приступа къ крѣпости, чтобы идти потомъ на Радзивила. Нечего было дѣлать, вечеромъ съ 15 на 16 августа войскамъ отданъ приказъ: съ разсвѣтомъ, послѣ всеобщаго молебна, двинуться на приступъ.

Воаликовали воины, раздались веселыя пѣсни; но вечеромъ все погрузилось въ глубокой сонъ.

Не спалъ, однакожъ, царь Алексѣй Михайловичъ: онъ долго молился и плакалъ, и когда всѣ успокоились и въ его шатрѣ, онъ тихо вышелъ.

Ночь была лунная. Свѣтъ ея падалъ на бѣлокаменные церкви Смоленска и на крѣпость, открывая чудный видъ. Въ отдаленіи и какъ будто изъ крѣпости слышался откликъ часоваго.

— Боже, — подумалъ онъ: — какая теперь тишь да гладь, а завтра что будетъ? Яростные крики, рѣзня... Стоны и вопли умирающихъ... Страшно и подумать... И для чего это?.. Пути твои, Боже, неисповѣдимы.

Едва это подумалъ онъ, какъ увидѣлъ приближающагося къ нему человѣка. Несмотря на то, что царь

былъ безъ оружія, онъ хладнокровно выждалъ, пока тотъ подошелъ къ нему.

— Кто идетъ? — спросилъ онъ безтрепетно.

— Я, голова стрѣлецкій, великій государь. Напрасно по ночамъ трудишься, на то мы, твои рабы, чтобы бодрствовать.

— Спасибо, Артамонъ Сергѣевичъ. Хорошо, что вижу тебя. Меня беспокоитъ одно: думаю я, что будетъ, коль мы понесемъ большія потери въ приступѣ и вынуждены будемъ отступить... или, все въ волѣ Божьей, — коль мы умремъ... Что тогда будетъ съ твоей Натей?

— На случай отступленія, — сказалъ тогда Матвѣвъ: — я распорядился: лошади и колымага готовы и повезетъ ее мой Аѳанасій въ Тверь. А вотъ, на случай смерти моей, ничего сдѣлать не могу, — самъ голъ какъ соколъ: окромя домишка вѣдь ничего не имѣю.

— Объ этомъ-то я и думалъ... Вотъ, возьми эту грамоту: коли меня не станеть, она получитъ изъ вотчинъ моихъ село... будетъ это для нея хорошее приданое.

Царь вынулъ изъ кармана грамоту и передалъ ее Матвѣву.

Это тронуло до слезъ стрѣлецкаго голову: наканунѣ приступа къ Смоленску, когда царь былъ такъ озабоченъ, онъ не забылъ его питомицу, маленькую Натю.

Принимая, поэтому, у царя грамотку, онъ поцѣловалъ его руку и какъ бы пророчески сказалъ:

— Наташа моя никогда не забудетъ царской милости, и придетъ время, когда она отблагодаритъ тебя, великій государь, сторицею.

Чтобы прервать этотъ разговоръ, такъ какъ онъ не любилъ благодарностей, Алексѣй Михайловичъ вдругъ спросилъ:

— Вѣдь Ната дочь Кирилла Нарышкина?

— Точно такъ.

— Отчего Нарышкины захудали.

— Одинъ изъ Нарышкиныхъ былъ воеводою при

Иванъ Грозномъ; послѣ него, извѣстно, одни не хотѣли служить Годуновымъ, другіе — самозванцамъ, третьи — Шуйскому, а при покойномъ отцѣ вашемъ государство не установилось, все еще бродило, а вотчинъ у Нарышкиныхъ было мало и какъ пошло на дѣлежъ, то и захудали. Отъ того,—заклучилъ онъ:—и многія не только боярскія дѣти, но и княжескія приписывались къ боярскимъ дворамъ, а тамъ вышелъ указъ, кто изъ нихъ былъ женатъ на крѣпостныхъ дѣвкахъ, такъ и тѣхъ закрѣпостили.

Въ это время въ отдаленіи заплѣли пѣтухи.

— Пора, великій государь, на покой, завтра до свѣту приступъ, — замѣтилъ Матвѣевъ.

Царь простился съ нимъ и ушелъ въ свой шатеръ.

Матвѣевъ пошелъ въ стрѣлецкій лагерь, осмотрѣвъ, все-ли въ порядкѣ и не спятъ-ли часовые и отправился въ свой шатеръ.

Послѣ третьихъ пѣтуховъ всѣ ратники были ужъ на ногахъ и полковники повели ихъ на приступъ; многіе изъ солдатъ несли съ собою лѣстницы.

Едва забили барабаны въ русскомъ лагерѣ, какъ поляки бросились на стѣны, чтобы отбить приступъ. Но русскіе двигались впередъ такъ, что нельзя было отгадать, гдѣ будетъ сосредоточено нападеніе.

Крѣпостныя стѣны, какъ мы уже говорили, были растянуты на огромномъ пространствѣ и поэтому полякамъ приходилось перебѣгать съ одного мѣста на другое, тѣмъ болѣе, что фальшивое нападеніе было то съ той, то съ другой стороны.

Послѣ такихъ маневровъ, огромная масса ратниковъ бросилась вдругъ съ восточной стороны, т. е. гдѣ глядѣлъ съ высоты самъ царь на крѣпость, и тысячи лѣстницъ сразу очутились у стѣнъ. Непріятель стрѣлялъ изъ пищалей, лилъ горячую смолу, бросалъ камня, но ратники все шли впередъ, карабкались по лѣстницамъ и, наконецъ, съ криками ура и гикомъ они

очутились на стѣнахъ. За первыми, какъ вода, потекли ратники и не болѣе какъ въ четверть часа вся стѣна съ той стороны покрылась сонмомъ воиновъ и царская хоругвь передоваго царскаго полка водрузилась на стѣнѣ.

Но раздался вдругъ страшный грохотъ, такъ что и царь, и окружающая его свита попадали и надъ крѣпостною стѣною поднялся столпъ дыма къ небесамъ и когда онъ разсѣялся, то предстоящіе и царь увидѣли вмѣсто стѣны, какія-то развалины и ни одного воина на нихъ.

Ужасъ овладѣлъ всѣми, и царь приказалъ бить отбой, чтобы собрать осаждающихъ.

Войска, наступавшія съ другихъ сторонъ, возвратились въ цѣлости, но изъ наступавшихъ съ восточной, по сказанію иностранцевъ, будто бы убито пятнадцать тысячъ и ранено десять тысячъ, а царь писалъ сестрѣ, что убито пятьсотъ и ранено тысяча человекъ; при чемъ онъ присовокупляетъ, что это поляки подложили подъ стѣны порохъ.

Послѣ отбоя царь послалъ объявить перемиріе на недѣлю, чтобы собрать убитыхъ и раненыхъ; многіе были если не ранены, то страшно опалены и умирали въ мукахъ; лекаря потребованы со всѣхъ городовъ бѣлорусскихъ, и тогда-то явились къ царю крещенные евреи Даниловъ и Самойловъ.

Оба дѣйствовали энергично и съ самоотверженіемъ: устроили для больныхъ особыя помѣщенія и подъ ихъ руководствомъ образовался огромный штатъ фельдшеровъ и аптекарей: всѣ ухаживали день и ночь за больными.

Царь и всѣ бояре посѣщали раненыхъ и раздавали имъ деньги и пищу; воинство отъ этой неудачи не только не пришло въ уныніе, но горѣло нетерпѣніемъ вновь идти на приступъ крѣпости.

Пороховой взрывъ, сдѣланный поляками, повредилъ

сильно крѣпостныя стѣны; они строились русскими многіе годы и поляки еще болѣе ихъ расширили и онѣ были такой толщины, что огромнымъ количествомъ пороха взорвало хотя часть стѣны, но ее трудно было возстановить въ короткое время.

Русскіе могли бы, поэтому, со дня на день предпринять новый приступъ и тогда паденіе крѣпости было бы неминуемо.

Употребивъ много пороху на взрывъ, у поляковъ оказалась недостача въ немъ, между тѣмъ воевода Обуховичъ получилъ увѣдомленіе, что войска Радаивила у рѣки Шкловки разбиты и что Усвятъ и Шкловъ уже сдались русскимъ, вся же Бѣлоруссія до Могилева возстала противъ поляковъ.

Окруженный и отрѣзанный отъ Польскаго королевства, Обуховичъ понялъ тогда, что крѣпость не можетъ болѣе держаться, а потому начались переговоры съ русскими о томъ, чтобы сдать Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы Обуховичу и Корффу разрѣшено было выѣхать въ Литву, что предоставлено было на волю и остальнымъ смоленцамъ.

Но окончаніемъ этого дѣла поляки медлили, ожидая вѣстей отъ Радаивила.

Началъ чувствоваться сильный недостатокъ въ провизіи, такъ какъ русскіе еще тѣснѣе обложили Смоленскъ и закрыли подвозъ припасовъ по Днѣпру. Въ городѣ, какъ мы уже говорили, проживали панъ Голимонъ и два Соколинскихъ.

Знатные и богатые шляхтичи и уніаты, они сражались за Польшу, которой служили, такъ какъ стояли во главѣ бѣлоруссовъ съ Обуховичемъ. Нужда у этихъ бояръ, проживавшихъ въ Смоленскѣ съ семействами, достигла крайнихъ предѣловъ и они потребовали, чтобы Обуховичъ сдалъ Смоленскъ, такъ какъ долше держаться было равносильно тому, что обречь всѣхъ голодной смерти.

Обуховичъ отказалъ.

Голимонть созвалъ сейчасъ всѣхъ наличныхъ шляхтичей Смоленска и вмѣстѣ съ Соколинскими говорилъ такъ энергично, что шляхта согласилась на сдачу города.

Какъ только это совершилось, Голимонть, Соколинскіе и шляхта бросились къ замковой пѣхотѣ, велѣли ударить тревогу, и когда ратники собрались, они возмутили ее и отправились съ барабаннымъ боемъ къ воеводскому дому.

Услышавъ шумъ, крикъ и стукъ оружія, Обуховичъ съ Корфомъ и еще съ нѣсколькими другими изъ свиты своей вышелъ на крыльцо.

Голимонть и Соколинскіе объяснили ему, что рѣшеніе и шляхты, и войска — тотчасъ сдать крѣпость русскимъ.

Обуховичъ заплакалъ.

— Радные паны, шляхтичи и ратные люди, — воскликнулъ онъ: — въ царствованіе Михаила Ѳедоровича польская кровь лилась здѣсь рѣками, но еще при пригнобительномъ Іоаннѣ Собѣскомъ здѣсь тысячи польскихъ головъ легли, и всѣ эти кости умостили дорогу на Смоленскъ, такъ какъ это ключъ въ сердце Россіи и ключъ къ Польшѣ. Вотъ почему за невзятіе Смоленска бояринъ Шеинъ лишился головы и онъ былъ въ гораздо труднѣйшемъ положеніи, чѣмъ мы. И если онъ лишился головы за невзятіе крѣпости, то насъ придется четвертовать. Умываю себѣ руки отъ этого позорнаго дѣла: снимаю оружіе, — дѣлайте со мною и съ городомъ, что хотите. Но предупреждаю, если я медлю, то имѣю основанія: мнѣ въ русскомъ станѣ говорили положительно, что въ Москвѣ и въ окрестностяхъ ея страшная чума. Люди мрутъ какъ мухи, и несмотря на заставы, она легко можетъ проникнуть въ царскій станъ. А разъ она проникнетъ сюда, царь тотчасъ сниметъ осаду и уйдетъ отсюда, — тогда вамъ вѣчная честь и слава будетъ.

— Не хотимъ больше ждать, наши семьи умирають съ голоду, — крикнули шляхтичи.

— А мы жалованья не получаемъ, — заголосили ратники.

Толпа обступила Обуховича и Корфа и заставила ихъ идти: тѣ повиновались силѣ.

Многіе ратники бросились на воеводскую крышу, сорвали оттуда хоругвь и бросились впередъ. Барабаны ударили и нестройной массою двинулась шляхта, воины, а за ними и народъ къ крѣпостнымъ воротамъ. За ними тронулись съ знаменами и барабаннымъ боемъ остальные войска.

Ворота раскрылись и всѣ они вышли за городъ, пославъ впередъ къ царю Голимонта и Соколинскихъ съ изъявленіемъ ему покорности.

Тотчасъ въ русскомъ лагерѣ ударили тревогу и весь станъ поднялся. Войска собрались предъ воротами Смоленска и тутъ-то, окруженный всѣми боярами, воеводами и полковниками, царь Алексѣй Михайловичъ ожидалъ побѣжденныхъ.

Литовскіе воеводы и полковники, выходя изъ Смоленска и проходя мимо него, били челомъ и клали знамена къ его ногамъ: ратники дѣлали то же самое и складывали въ одно мѣсто оружіе.

Послѣ этого царь отслужилъ благодарственный молебенъ и велѣлъ тотчасъ части войска занять Смоленскъ.

Съ распущенными знаменами, трубнымъ звукомъ и барабаннымъ боемъ вступили, 23 сентября 1654 года, вновь войска въ Смоленскъ, т. е. ровно двадцать лѣтъ послѣ неудачи Шеина.

Торжество было великое. Съ Смоленскомъ во власть нашу подпадала не только вся Бѣлоруссія, но окончательно присоединилась и Малороссія, такъ какъ Кіевъ и Смоленскъ командуютъ всѣмъ теченіемъ Днѣпра.

Прааждованіе этого великаго событія началось на другой же день: бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе

и дворяне явились поздравить царя и подносили хлѣбъ-соль и соболей; а царь въ столовомъ шатрѣ своемъ угостилъ обѣдомъ не только ихъ, но и сотенныхъ головъ имени его полка. За обѣдомъ присутствовали тоже и наказный атаманъ Золотаренко, прибывшій въ это время къ царю за приказаніемъ. Нѣсколько дней спустя, царь угощалъ обѣдомъ есауловъ своего полка и смоленскую шляхту. Но спустя нѣсколько дней, получивъ извѣстіе о взятіи города Горь, царь выступилъ въ Вязьму.

XXXIX.

Возвращеніе царя въ Москву.

Съ осени моровая язва стала утихать, заболѣвшіе люди стали выздоравливать, а къ зимѣ она совсѣмъ прекратилась.

Но моровая язва захватила не одну Москву, а покосила много народу и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Калугѣ, Троицкомъ монастырѣ, Торжкѣ, Звенигородѣ, Вереѣ, Кашинѣ, Твери, Тулѣ, Переяславлѣ-Рязанскомъ, Суздалѣ, Переяславлѣ-Залѣскомъ. Обширный районъ захватила она и выморила почти половину народонаселенія.

Когда же она утихла, радость была неимоверная; но царь перевезъ изъ Калязина въ Вязьму семейство свое и Никона, такъ какъ въ Тверской губерніи было не безопасно. Онъ остался бы въ Вязьмѣ даже зимовать, да въ Москвѣ чума совсѣмъ прекратилась, а многіе прямо затосковали по матушкѣ-то своей.

И къ царскому пріѣзду убралась и нарядилась столица бѣлокаменная, точно невѣста для встрѣчи жениха.

Церкви всѣ выбѣлили снаружи и внутри, всѣ дома обкурены внутри и вычищены, многія избы, гдѣ была большая смертность, снесены и новыя воздвигнуты; улицы вычищены; а тутъ стала еще зима ранняя и крѣпкая, — сначала снѣгъ, а потомъ трескучій морозъ.

Дворецъ и палаты, и приказы, и избы тоже вновь отдѣланы; а бояре, ихъ семьи, и гости иностранные, и свои, узнавъ о возвращеніи царя въ столицу, тоже возвратились во свояси, а тутъ еще наѣхало много дворянъ, чтобы узнать о своихъ, бывшихъ на войнѣ.

Сѣздъ сдѣлался огромный и закипѣла и зашумѣла бѣлокаменная; а тутъ каждый день возвѣщаютъ съ краснаго крыльца: царь ночеваль тамъ-то и пріѣдетъ въ Москву тогда-то, а перво на перво пріѣдетъ патріархъ Никонъ приготовить царскую встрѣчу.

А гости московскіе, и жильцы, и дворяне готовятъ хлѣба-соли царю и соболей дорогихъ съ поздравленіемъ о Смоленскѣ.

Вотъ загудѣли 9 февраля всѣ сорокъ сороковъ и появился Никонъ. Впереди него несутъ крестъ, а за нимъ все московское духовенство и монашествующіе, съ хоругвями, образами и крестами; и пошли крестнымъ ходомъ по Москвѣ, а потомъ въ Успенскомъ служили молебень.

На другой день выѣхали московскіе ратные люди, воеводы, дворяне, гости и жильцы, всѣ верхами, на встрѣчу царю.

И видятъ они, — идутъ впереди трубачи и литавришки, за ними двѣ сотни царскаго полка, потомъ двѣ сотни стрѣльцовъ и далѣе двѣ сотни казаковъ, за ними верхами дворцовые воеводы, а за этими царь солнышко, на бѣлой лошади, въ горностаевой шубкѣ, въ шапкѣ Мономаховой, со скипетромъ въ рукѣ. За нимъ бояре, окольничьи, стольники и стряпчие. А тамъ потянулись санныя колымаги царя, царицы, царевичей, царевень и дворцовыхъ бояръ и боярынъ, а вотъ и обозъ.

Поднесли царю москвичи хлѣба-соли на серебряномъ кованомъ блюдѣ и соболей дорогихъ, и присоединились къ поѣзду.

Проѣзжаютъ они по Москвѣ къ Успенію, а народъ такъ поклоны и бьетъ челомъ въ землю и чуть не мо-

лится на батюшку царя, а тишайшій кланяется по всѣмъ сторонамъ.

У Успенія слѣзъ царь съ лошади и всѣ поѣздные, а на паперти стоитъ патриархъ Никонъ со святою водою и крестомъ и со всѣмъ московскимъ духовенствомъ. Говорить онъ со слезами на глазахъ краткое слово царю, а тотъ обнимаетъ и цѣлуетъ Никона, называетъ отцомъ своимъ и великимъ государемъ.

Служить патриархъ соборне молебень и по окончаніи службы царь просить и патриарха, и всѣхъ бояръ окольныхчихъ, и стольниковъ, и дьяковъ, и сотенныхъ головъ къ себѣ хлѣба-соли откушать.

Москва ликуетъ, всѣ сорокъ сороковъ гудятъ, народъ кричитъ ура, а пищали или пушки стрѣляютъ, духовенство же всей Москвы поетъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“ и „Многая лѣта“.

Ликуетъ тоже юный царь и Никонъ. Хотя потеря подъ Смоленскомъ велика, но великая твердыня вновь въ рукахъ, а Польша показала свое безсиліе. Нужно за зиму приготовиться къ новой борьбѣ на слѣдующій годъ. Начинаетъ свою усиленную работу вновь святѣйшій, а царь пока отдыхаетъ и веселится съ своею семьей и съ Москвой.

Большая перемѣна произошла въ царѣ въ этотъ годъ: онъ окончательно возмужалъ и сдѣлался подвиженъ.

Ежедневно на прелестныхъ рѣзныхъ саяхъ, покрытыхъ дорогими коврами и огромною медвѣжьей полостью, тройкой съ бубенчиками и наборными серебряными хомутами, въ горностаевой шубкѣ и собольей шапкѣ началъ онъ разѣзжать по Москвѣ.

Да и царица, и царевны перестали прятаться отъ людей,—начали выѣзжать онѣ въ возкахъ, а дома давали вечеринки боярнякамъ и ихъ семьямъ.

Это оживило и воодушевило Москву. Только одно смущало всѣхъ,—во время моровой язвы многіе изъ дворянъ, купечества и мѣщанъ въ ожиданіи неминуемой

смерти приняли схиму, а тутъ, какъ нарочно, они остались въ живыхъ, и стало имъ смутно и грустно, что они поторопились, да и монастырская жизнь не ахти какъ сладка. Вотъ порѣшили они межъ собой вновь сойтись, какъ ни въ чемъ не бывало.

Дошло это до Никона, собралъ онъ соборъ, потолковали тайно, что дѣлать?

Рѣшили, что это большой соблазнъ, такъ какъ послѣ схимы растрижения нѣтъ; отнеслись поэтому строго и разлучили супруговъ.

Поднялась на ноги вся Москва. Это безбожно, кричали всѣ: что Богъ связалъ, того и схима не развяжетъ. Колибъ самъ патриархъ былъ женатъ, то и тогда онъ могъ бы жить съ своею женой.

Но разлученные супруги, преслѣдуемые духовенствомъ, бѣжали изъ своихъ мѣстъ и, продолжая въ глуши жить брачною жизнью, основали секту, отвергшую священство и бракъ, какъ таинство.

Вспомнилъ тогда Никонъ схимницу Наталью и ея слова: развѣ исправленіе у насъ книгъ не равносильно-де женитьбѣ патриарха: пожалуй, снисходительнѣе къ послѣднему отнесутся, чѣмъ къ первому.

Но Никонъ шелъ впередъ. Онъ поручилъ Арсенію Суханову не только собрать всевозможныя рукописи въ Греціи, но посѣтить и Іерусалимъ и привезти оттуда точный снимокъ храма Воскресенія на гробѣ Господнемъ.

Теперь тотъ привезъ все это и необходимо было взяться за исправленіе книгъ, что и поручено Епифанію и Арсенію.

Но не забылъ Никонъ и мірскихъ дѣлъ; ему доставилъ Епифаній изъ Кіева карту всей Европы и онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ надъ нею и, изучая ее, составилъ цѣлый планъ войны будущаго года.

Надъ этой работой застали его однажды Морозовъ и Милославскій.

Когда тѣ вошли въ его кабинетъ или комнату, какъ

тогда назывались кабинеты, Никонъ всталъ съ своего мѣста и благословилъ пришельцевъ.

— Дурныя вѣсти,—сказалъ онъ:—Поклонскаго нашего Радзивиль осадили съ двадцати тысячнымъ войскомъ въ Могилевъ и онъ измѣнилъ намъ, но воевода Воейковъ съ мѣщанами Могилева не сдаютъ; а Золотаренко сидитъ въ Старомъ Быховѣ: его отрѣзалъ отъ насъ Гонсѣвскій.

— Теперь зима и зима крѣпкая, лютая.. Велѣтъ бы изъ Смоленска дать тому и другому помощь, да отсюда въ Смоленскъ некого отправлять, да если бы и было, такъ зима сурова,—возразилъ Морозовъ.

— Если,—замѣтилъ Никонъ:—поляки могутъ осаждать зимою, то почему мы не можемъ дѣлать передвиженья? Конечно,—прибавилъ онъ,—нужна при этомъ хорошая обувь, рукавицы и шубы.. Все это я изготовилъ на собственныя свои деньги.. Теперь, бояре, отъ васъ зависитъ послать туда ратныхъ людей. Вы говорите, что здѣсь ихъ нѣтъ на Москвѣ, что нѣтъ ихъ въ Смоленскѣ.. Вотъ что мнѣ пишетъ смоленскій воевода Григорій Пушкинъ. „Хоша измѣнили намъ Ляпуновы и молодой Соколинскій, зато бѣлоруссы ежедневно являются въ Смоленскъ и поступаютъ въ ратники; да и я велѣлъ всѣмъ ратникамъ въ Москву не идти,—собираются украинскимъ въ Переяславль, а новгородскимъ, калужскимъ, тверскимъ—въ Смоленскъ“.

— Что же гонцы бають изъ Малой Руси?—спросилъ Милославскій.

— Митрополитъ кievскій и попы мутятъ шляхту: они говорятъ, что мы хотимъ ихъ перекрещивать по старымъ нашимъ книгамъ и для этой цѣли мы и хотимъ будто бы подчинить митрополита ихъ московскому патриарху. Мы-де—кричатъ они,—поэтому и унию не приняли, чтобы остаться за царьградскимъ патриархомъ, а гетманъ Богданъ насъ продалъ. Все это надѣлало намъ книжное дѣло,—горячился Никонъ:—съ соизволенія царя вызвалъ

я сюда антиохійскаго патріарха Макарія и многихъ восточныхъ архіереевъ. Нужно и Малороссіи, и Бѣлороссіи доказать, что мы едины и по духу, и по вѣрѣ. Но съ Божьею помощію мы этимъ дѣломъ сладимъ. Нужно же намъ подумать, что дѣлать съ гетманомъ Богданомъ,—онъ не помогъ намъ на Украинѣ ничѣмъ, онъ-де будто боится татаръ. Теперь Василій Борисовичъ Шереметьевъ доноситъ, что на него и на Богдана напали татары и поляки подъ Ахматовымъ; отбиваясь отъ нихъ, онъ по страшному снѣгу и морозу отступилъ къ Бѣлой-Церкви, гдѣ, впрочемъ, нашель и войска окольничьяго Федора Васильевича Бутурлина. Татары и поляки, пишетъ онъ, страшно опустошали Украину. Вотъ тутъ, что дѣлать?

— Какъ ты, великій государь, на это соизволишь—отвѣчалъ Милославскій.

— Моего хотѣнія тутъ мало, а думаю я своимъ слабымъ разумомъ, что гетманъ Богданъ съ Бутурлинымъ долженъ идти на Вольнь, въ Галицію и Краковъ.

— А съ татарами кто справится?—спросилъ Морозовъ.

— Казаки донскіе доносятъ, что они ранней весной, какъ только замерзнутъ рѣки и море, поѣдутъ на ладьяхъ въ Крымъ разорять татарскіе улусы: вотъ и будетъ имъ не до похода,—объяснилъ Никонъ.

Потомъ, поглядѣвъ на карту, онъ показалъ, какимъ путемъ пойдетъ царь на Вильно, Варшаву и Краковъ.

— Такимъ образомъ—заклучилъ онъ,—царь соединится съ Бутурлинымъ и Хмѣльницкимъ въ Краковѣ, а мы подсылать будемъ изъ Смоленска войска и въ тѣ мѣста, которыя ужъ заняты будутъ, и въ тѣ, гдѣ надобность укажетъ.

— Аминь,—произнесли Морозовъ и Милославскій.

— Но развѣ мы можемъ окончить это за одно лѣто?—спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія Милославскій.

— Нужно напрячь для этого всѣ силы и старанія. Нужно собрать большое ополченіе къ веснѣ, нужно

собрать казну, гдѣ только можно, и нужно двигаться впередъ и впередъ, пока вся Польша будетъ наша. Сила ея была въ Малороссіи и Бѣлороссіи, откуда она получила свои полчища, и если мы захватимъ въ началѣ года еще Подолію и Волынь, то едва-ли съ одной Литвой она выдержитъ съ нами борьбу. Намъ нужно только не медлить, чтобы не давать очнуться ни имъ, ни ихъ сосѣдямъ. Молдавскій и волошскій господари и венгры, вотъ пишетъ гетманъ, просятъ тоже подъ высокую царскую руку; но Виговскій называетъ ихъ измѣнниками. И я-то имъ не вѣрю, но послать имъ дары нужно,—пуцай не помогаютъ врагу. А вотъ свейцы, тѣ, какъ узнаютъ, что Польшѣ плохо, то они или нападутъ на насъ, или на Польшу, чтобы забрать, что плохо лежитъ. По этой причинѣ и я говорю: однимъ ударомъ нужно забрать Польшу, вѣнчать царя Алексѣя Михайловича польскимъ королемъ, а тамъ ужъ будемъ разговаривать съ сосѣдями.

— Планъ,—сказалъ Морозовъ,—хорошъ и царь его одобритъ, нѣтъ и сомнѣнія, но откуда ты возьмешь и казны, и столько войска?

— Надѣюсь я много и на то,—возразилъ Никонъ,—что всѣ русскіе возстанутъ и въ Подоліи, и въ Воляни, и въ Галиціи, но для этого нужно не притѣснять ихъ, не разорять, не безчестить ихъ семействъ, какъ это дѣлалось нашими ратниками до сихъ поръ.

— Подъ страхомъ смертной казни можно это запретить,—воскликнулъ Милославскій.

— На счетъ же казны,—продолжалъ Никонъ,—то я отдаю все, что имѣю, и многіе сдѣлаютъ тоже вклады, а тамъ что Богъ дастъ: свои подождутъ, а платить будемъ чужимъ. Да, поставщики, подрядчики и иноземцы тоже подождутъ за ставленные товары, пицали и порохъ. И съ Божьею помощію и по соизволенію Царицы Небесной двинемся мы на враговъ и одолѣемъ ихъ и возвеличится наше царство. Вотъ пишутъ тоже нашимъ

грекамъ, что всѣ народы турскаго султана ждутъ не дождутся, когда мы перейдемъ Дунай,— всѣ они пойдутъ съ нами.

— Придетъ когда-нибудь время,— вставилъ задумчиво Морозовъ:— и все это исполнится, но теперь намъ тяжело,— моровая язва столько людей прибрала въ Великой Руси.

— Съ Божьей помощью народъ будетъ нарождаться, а мы должны свое дѣло дѣлать. Чтобы достичь обѣтованной земли, Моисей сорокъ лѣтъ съ цѣлымъ народомъ блуждалъ въ пустынѣ, неужели же намъ тяжело поднять мечъ на годъ или другой? Только нужно рѣшиться и не отступать,— знамя наше должно быть: впередъ и впередъ! А Иверская Божья Матерь (она будетъ съ царемъ) приведетъ насъ и въ Варшаву, и Краковъ. Мы избавились отъ ига ляховъ и теперь должны избавить отъ нихъ и нашихъ братьевъ,— вся русская земля, какъ оно сказывается въ лѣтописяхъ, собранныхъ мною, должна быть единая. Такъ глядѣли предки наши, такъ и мы должны глядѣть. Придя въ Кіевъ, Олегъ сказалъ Аскольду и Диру: „Вы не князья, не бояре“, и велѣлъ ихъ умертвить, давая этимъ знать, что Кіевъ — Русь; а на врата Царьграда онъ прибилъ свой щитъ,— вотъ-де наша граница. Будемъ молить небо, чтобы оно дало намъ силы, а теперь настало ужъ время сражаться за обѣтованную намъ издревле землю. Аминь.

— Аминь,— произнесли набожно Милославскій и Морозовъ и, подойдя къ его благословенію, отправились къ царю.

Когда они передали разговоръ свой съ патріархомъ, тотъ перекрестился и сказалъ:

— Куда Духъ Божій устами патріарха направить насъ, мы пойдемъ и готовы положить кости наши, да не посрамимъ земли русской.

XL.

Русскіе въ Галиціи и въ Литвѣ.

11 марта 1654 года государь послалъ въ Бѣлую-Церковъ приказъ Шереметьеву и Бутурлину возвратиться въ Москву, а на ихъ мѣсто пріѣхали бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ и стольникъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, съ тѣмъ, чтобы идти съ гетманомъ Богданомъ подъ литовскіе города.

Богданъ долго медлилъ, но потомъ собралъ большую силу и выступилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ походъ.

Еще до выступленія онъ писалъ наказному атаману Золотаренко: „И прошлаго года многого добраго бы сдѣлалось, если бы около курятниковъ (городковъ) не замѣшкались, а то только людей и нашихъ, и московскихъ потеряли“.

Въ концѣ же письма онъ присовокупилъ: „Промышляйте надъ головой, а съ хвостами послѣ управитесь“.

Въ походѣ своемъ съ Бутурлинымъ онъ поступилъ точно такъ: какъ лава войска ихъ потекли массою, нигдѣ не останавливаясь и только на полпути одинъ сильный отрядъ подъ начальствомъ Петра Потемкина и Данилы Выговскаго отправленъ въ Люблинъ.

Нѣсколько недѣль спустя, главныя наши силы были ужъ въ Галиціи. Галичане встрѣтили русскихъ восторженно,—они выходили къ нимъ навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью и безъ выстрѣла сдавали города, какъ это дѣлала, впрочемъ, по пути почти вся Волынь.

Узнавъ объ этомъ вторженіи, коронный гетманъ галиційскій Потоцкій собралъ огромныя силы, вышелъ изъ Львова и укрѣпился въ Гродкѣ или Грудкѣ.

Позиція здѣсь очень сильна и въ случаѣ неудачи Потоцкій могъ отступить къ Кракову.

Соединенныя войска были подъ начальствомъ опытныхъ полководцевъ, а потому, не давъ Потоцкому укрѣ-

питься и стянуть большія силы, они стремительно ударили на укрѣпленный лагерь: коронный гетманъ не выдержалъ натиска и, оставивъ весь обозъ, много убитыхъ и раненыхъ, стремительно бѣжалъ въ Краковъ, оставивъ беззащитною всю Галицію.

Побѣдители пошли тогда на близлежащій Львовъ.

Оставленный здѣсь польскій воевода не хотѣлъ сдавать города и началось правильное обложение и осада.

Богданъ Хмѣльницкій изъ стремительности перешелъ вдругъ къ медленности, и когда Бутурлинъ потребовалъ отъ него, чтобы разослать отряды для занятія и привода къ присягѣ русскому царю всей страны, то онъ отговорился тѣмъ, что этого нѣтъ въ инструкціи и что сказано только идти имъ подъ литовскіе города и что они въ Галицію вошли лишь для того, чтобы разбить Потоцкаго, который могъ бы имъ вредить въ Литвѣ.

Дѣло, такимъ образомъ, клонилось лишь къ тому, что Богданъ вошелъ въ переговоры съ польскимъ воеводою о контрибуціи съ города Львова.

Ошибка Бутурлина заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ разойтись съ Богданомъ и предоставить ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію, а самому оставаться въ Галиціи, какъ это сдѣлалъ въ Могилевѣ Воейковъ, когда разошелся съ Поклонскимъ, измѣнившимъ намъ.

Изъ Галиціи Бутурлину не нужна вовсе была помощь Богдана, въ особенности послѣ одержанной ими побѣды подъ Грудкомъ, потому что въ это время Янъ-Казиміръ, низложенный шведскимъ королемъ Карломъ X, бѣжалъ въ Силезію и Карлъ, провозгласивъ себя королемъ Польши, овладѣлъ всею старою Польшею и имѣлъ столько работы, что ему было не до Галиціи и что почти вся Литва была въ нашихъ рукахъ.

Люблинъ же присягнулъ Россіи. Князя Семень Ивановичъ Урусовъ и Бяратинскій были подъ Врестомъ; князь же Волконскій, выѣхавъ на лодкахъ изъ Кіева,

успѣлъ покорить всѣ бѣлорусскіе города по теченію Днѣпра и его притоковъ—Припети и Горыни.

Сама Галиція была тогда болѣе русская, чѣмъ теперь,—нѣмцы, евреи и поляки наводнили ее уже впоследствии.

Минута тогда была самая благопріятная для воссоединенія ея съ остальною Россією, такъ какъ въ Галиціи были тогда воспоминанія объ ея самостоятельности и языкъ былъ ближе къ намъ, чѣмъ языкъ Малой Руси.

Понялъ это хитрый и лукавый Богданъ, понялъ, что если утвердится Бутурлинъ во Львовѣ, то и Подолія, и Волынь будутъ его и что тогда, быть можетъ, и значеніе Малороссіи, какъ главной союзницы Руси, потеряется, а поэтому заупрямился онъ и, взявъ со Львова ничтожную контрибуцію въ 60 тыс. золотыхъ, т. е. девять тысячъ рублей, отступилъ во сѣвои.

Выговскій же прямо писалъ львовцамъ, чтобы они не отдавались въ подданство русскому царю, такъ какъ Москва обманетъ ихъ такъ, какъ обманула Малороссію. Бутурлинъ отступилъ съ гетманомъ и потомъ долго галиційскіе русины это отступление приписывали прямой измѣнѣ обоихъ полководцевъ русскому дѣлу.

И дѣйствительно, это отступление нанесло сильный ударъ всей тогдашней русской войнѣ и русскому дѣлу, такъ какъ при отступленіи казаки и съ легкой ихъ руки и русскіе ограбили всѣ города и деревни, черезъ которые возвращались домой, такъ что долго галичане, Волынь и Подолія не могли послѣ того поправиться.

Въ то время, когда успѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ вредно шли наши дѣла на западѣ, царь Алексѣй Михайловичъ въ началѣ весны выѣхалъ въ Смоленскъ и издалъ приказъ по войскамъ или, какъ тогда называли его, „сказку“, въ которой онъ объявилъ, что если польскій король не исполнитъ его требованіе, то онъ будетъ продолжать войну и зимою, при чемъ подѣ страхомъ

строжайшихъ наказаній онъ запретилъ жечь и истреблять имущество жителей и производить безчинства.

24 мая выступилъ царь изъ Смоленска и въ началѣ іюля прибылъ въ Шкловъ; отсюда воинство разбилось на отряды: Поповича, Матвѣя Васильевича Шереметьева, Ѳедора Юрьевича Хворостинина, Якова Черкаскаго и Золотаренко.

Узнавъ, что царь съ главными силами своими движется на Вильно, Радаивиль и Гонсѣвскій стянули туда коронныя и гетманскія войска. За городомъ, въ полумилѣ отъ него, устроили они сильный укрѣпленный лагерь, откуда могли дѣйствовать не только артиллерія и пѣхота, но и кавалерія.

Разѣзды же ихъ и пикеты шли верстъ на пятьдесятъ впередъ, такъ что достигали деревни Крапивны.

Оттуда дали знать, что главныя силы царя движутся на Крапивну, но, къ удивленію поляковъ, съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ. 28 іюля къ вечеру появились князь Черкасскій съ русскими и Золотаренко съ казаками. Послѣ ничтожной перестрѣлки, по случаю наступленія темной ночи, войска наши заварили пищу.

Радаивиль понялъ это такъ: дескать, пришли передовые отряды, съ тѣмъ, чтобы дождаться главныхъ силъ, а потому нужно на нихъ напасть и разбить.

Съ разсвѣта поляки открыли страшную канонаду по русскому лагерю; казаки испугались и, сбѣвъ на коней, видимо ушли, а русскіе начали тоже отступать.

Но къ ужасу поляковъ, они вдругъ увидѣли, къ шести часамъ, казаковъ въ самомъ тылу своемъ за обозомъ.

Съ гикомъ казаки бросились на обозъ и начали рубить обозную прислугу; въ это время русскіе съ Черкасскимъ ударили во флангъ.

Поляки смутились, но оба гетмана рѣшились дорого разсчитаться съ казаками и русскими. Огромное ихъ войско дралось мужественно и сраженіе длилось до самой ночи. Одна ночь спасла ихъ: небольшой остатокъ

воиновъ переправился черезъ рѣку Вилію и ушелъ въ лѣсъ.

На другой день Золотаренко и князь Черкасскій вступили въ Вильно и заняли его именемъ царя.

Когда пришла эта вѣсть, государь почти не вѣрилъ такому счастью; онъ полагалъ, что будетъ лично имѣть дѣло съ пѣтушившимися Радзивиломъ и Гонсѣвскимъ или, какъ онъ ихъ называлъ, съ хвастунишками, которые отговаривали короля польскаго мириться, обѣщаясь или полонить юнаго царя, или сдѣлать прогулку въ Москву.

Царь тотчасъ отслужилъ молебенъ и принималъ поздравленія, а виленская шляхта и горожане, явась съ повинною, были угощаемы царемъ.

Государь послалъ въ Москву гонца съ извѣщеніемъ объ этомъ радостномъ событіи и испрашивалъ у патріарха разрѣшенія прибавить къ своему титулу „Великій князь литовскій“, и къ слову самодержецъ присокупить: „И Бѣлыя Руси“.

Когда была получена эта вѣсть въ Москвѣ, всѣ сорокъ сороковъ загудѣли и во всѣхъ церквахъ пошли молебны, въ Успенскомъ соборѣ служилъ соборне патріархъ.

Въ тотъ же день отправленъ отвѣтъ патріарха, что онъ благословляетъ его принять титулы всея Великія, Малыя, Бѣлыя Россіи, Литвы, Волыніи и Подоліи Самодержецъ, но какъ будто предчувствуя этотъ успѣхъ еще въ день битвы, онъ писалъ царю изъ Москвы и умолялъ его на этомъ не останавливаться, а взять Варшаву и Краковъ и провозгласить себя королемъ Польши.

Этому какъ будто все благопріятствовало: въ теченіе августа сдались русскимъ Ковно и Гродно.

Но едва заняли русскіе Вильно, какъ Гонсѣвскій прислалъ къ князю Черкасскому съ вопросомъ: не желаетъ ли царь мириться?

Узнавъ объ этомъ, гетманъ Радзивиль арестовалъ

Гонсѣвскаго, а король польскій отрѣшилъ гетмана Радзивила отъ должности и назначилъ на его мѣсто Павла Сапѣгу.

Но тутъ съ Польшею случилось обстоятельство, которое въ Европѣ до Наполеона совершалось только съ Польскимъ государствомъ: придравшись къ польскому королю Яну-Казиміру за ошибку въ титулѣ шведской короны, Карлъ, сынъ Христины, напалъ на него, выгналъ въ Силезію и, овладѣвъ старою Польшею и Варшавою провозгласилъ себя королемъ польскимъ.

Поляки не были довольны этимъ, такъ какъ они были католики, а тотъ—протестантъ; одинъ только Радзивиль, какъ кальвинистъ, былъ этимъ доволенъ, и, признавъ его королемъ, принялъ титулъ гетмана литовскаго и шведскаго.

Очевидно, что при такихъ событіяхъ царь долженъ былъ исполнить требованіе Никона, и немедля, послѣ взятія Вильно, идти на Варшаву и Краковъ, т. е. не на поляковъ, а на шведовъ, такъ какъ поляки изъ одной ненависти къ лютеранизму провозгласили бы русскаго царя, своего освободителя, королемъ польскимъ.

Но Алексѣй Михайловичъ медлилъ, началъ было переговоры съ Сапѣгою, потомъ съ Радзивиломъ и испортилъ этимъ все дѣло, между тѣмъ какъ патріархъ предупреждалъ царя еще 19 іюля: съ Радзивиломъ никогда ни въ какія соглашенія не входитъ; „Радзивила-де не призывать,—писалъ онъ,—его и такъ Богъ предастъ“.

Медленность царя надѣлала то, что шведы вскорѣ очутились въ Гродно и затѣмъ въ Друѣ и Дриссѣ, а извѣстія получены еще, что шведскій король переписывается и съ Хмѣльницкимъ, и Золотаренко объ измѣнѣ русскимъ.

Въ это время, то есть въ октябрѣ, пріѣхали въ Москву отъ германскаго императора послы, какъ посредники для примиренія воюющихъ.

Это заставило царя, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, возвратиться въ Москву.

Встрѣча была устроена на Лобномъ мѣстѣ: здѣсь была вся Москва, патриархъ и все духовенство.

Торжественно въѣхавъ при колокольномъ звонѣ верхомъ въ сопровожденіи бояръ, окольныхъ, стольниковъ и стряпчихъ, и сопровождаемый воинами, царь Алексѣй Михайловичъ прямо направился къ Лобному мѣсту и здѣсь, сойдя съ лошади, поклонился образу, который былъ въ рукахъ патриарха, и, поцѣловавъ крестъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, указавъ спросить весь народъ о здоровьѣ. Весь народъ палъ на колѣни и заплѣлъ: „Многая лѣта“.

Двѣ недѣли спустя, царь принялъ германское посольство. Оно поднесло ему: двѣ стеклянки св. мѣра Николая чудотворца, два золотыхъ кувшинца, осыпанные жемчугомъ, двѣ объяри цвѣтныя, объяръ серебряную, часы золоченые, двѣ коробки аромату, двѣ коробки сахару составного, т. е. конфетъ.

Цѣлую недѣлю вся Москва говорила о богатствѣ подарковъ, но этимъ дѣло и кончилось, вопросъ о мирѣ отложили въ долгій ящикъ.

Между тѣмъ, отступленіе Бутурлина и Богдана отъ Львова тотчасъ отразилось на ходѣ нашего дѣла въ Польшѣ: Янъ-Казиміръ явился во Львовъ, утвердиль вновь Сапѣгу гетманомъ литовскимъ и сталъ сражаться одновременно со шведами и съ русскими...

Такъ засталъ русскихъ 1655 годъ.

Никонъ выходилъ изъ себя: всѣ планы, всѣ усилія его рушились, несмотря на то, что все благопріятствовало дѣлу, но на каждомъ шагу являлись непредвидимыя препятствія, а неистовство князя Урусова, когда онъ занималъ Луцкъ и Брестъ, до того озлобили противъ русскихъ литовцевъ, что Сапѣга прямо заявилъ нашему посланнику, что нечего и думать о подданствѣ Литвы...

Никонъ тогда понялъ, что нужно побѣдить Польшу не одною силою своего оружія, но и своимъ образованіемъ, еще съ большимъ усердіемъ взялся онъ за исправленіе церковныхъ книгъ и за образованіе народа.

Занятый этими мыслями и дѣлами, онъ отправился въ Андреевскій монастырь. Феодоръ Михайловичъ Ртищевъ былъ ужъ въ это время окольничимъ и въ царской милости и продолжалъ дѣло просвѣщенія народа. Монастырь его, вмѣстѣ съ Епифаніемъ Славенецкимъ, содѣйствовалъ присоединенію Малороссіи къ Россіи и переводу богослужебныхъ книгъ и введенію у насъ церковнаго пѣнія.

Пріѣхавъ въ обитель, Никонъ не велѣлъ тревожить братію и отправился прямо въ рабочую комнату Епифанія. Онъ засталъ тамъ и Ртищева. Никонъ повелъ бесѣду жалобою, что всѣ его планы разстраиваются непредвидѣнными обстоятельствами и что самыя благія его намѣренія истолковываются Богъ знаетъ какъ.

— Кто бы могъ подумать,—воскликнулъ онъ:—что гетманъ Богданъ выкинетъ такую штуку; пройдетъ съ большимъ войскомъ побѣдоносно болѣе тысячи верстъ для того, чтобы взять съ Львова девять тысячъ и отступить... Кто бы могъ думать, что князь Урусовъ будетъ разорять литовскіе города хуже татарина... Вѣдь это было запрещено подъ страхомъ смертной казни... А вотъ кіевскіе чернецы,—обратился онъ къ Епифанію:—отличились: пишутъ они къ литовской братіи, что будто бы я заставляю себѣ присягать какъ всемірному патріарху и что будто бы хочу всѣхъ перекрещивать... Что скажешь на счетъ этого, отецъ Епифаній?

— Остается только скорбѣть,—замѣтилъ тотъ.—Но отчасти и наши бояре виноваты, они до грабежа повадны и въ войскѣ нѣтъ строгости и послушанія... Вѣдь въ Малороссіи они хотятъ устраивать московскіе порядки; то же самое и въ занятыхъ нами областяхъ—Бѣлороссіи

и Литвы. Это невозможно,—мы грубѣе и невѣжественнѣе тѣхъ.

— Да вѣдь съ боярами ничего не подѣлаешь: велишь имъ дѣлать одно, они дѣлають другое, горячился Никонъ.—Но это въ сторону,—продолжалъ онъ: — твои старцы, Федоръ Михайловичъ, должны бы написать въ Кіевъ всю правду: что я-де не домогаюсь сдѣлаться всемірнымъ патріархомъ, а что желаю, чтобы восточное исповѣданіе, въ которое вѣруеть митрополитъ кіевскій, сдѣлать всеобщимъ не силою оружія,—а убѣжденія; что я не перекрещиваю, а напротивъ, хотѣлъ бы окрестить и себя, и церковь, пасомую мною, Св. Духомъ, который имѣется въ преданіяхъ св. кіевской церкви. Объясни имъ это хорошенько и напиши, что у меня плохая надежда на силу нашего оружія,—одинъ въ полѣ не воинъ, и что мы, духовная братія, должны составить свое духовное ополченіе для того, чтобы соединить весь русскій народъ во едино, и для этой цѣли, я съ будущаго года буду строить „Новый Іерусалимъ“, въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы. Надобности тогда не будетъ именоваться мнѣ патріархомъ Великія, Малыя и Бѣлыя Руси, а буду я патріархомъ новоіерусалимскимъ или проще „русскимъ“, и буду пасти духовное стадо мое братскою любовью и смиреніемъ. Царствіе наше нѣсть отъ міра сего и отдѣлимъ мы, по святому евангелію и постановленію вселенскихъ соборовъ, наши дѣла отъ дѣлъ міра и будемъ распространять свѣтъ христіанскаго ученія и любви.

— Аминь,—сказалъ Епифаній:—этимъ путемъ скорѣе достигнуть единенія русскаго народа, чѣмъ оружіемъ и насиліемъ.

Послѣ того Никонъ всталъ и благословилъ присутствующихъ.

Епифаній и Ртищевъ проводили святѣйшаго къ его колымагѣ: онъ поѣхалъ въ типографію Арсенія Грека.

XLI.

Кулачный бой.

На Ильинкѣ стоитъ особнякъ, барскій домъ съ обширнымъ садомъ. Теремъ огромный, съ большими пристройками и со службами, гдѣ живутъ дворецкіе, шуты, проживалы и проживалки, конюхи, псары, сокольничьи повара, хлѣбопеки, судомойки, постельничьи, прачки. Съ утра до вечера въ этомъ боярскомъ домѣ точно на рыпкѣ,—то кони на выводкѣ, то сокола и кречеты въ упражненіи, то собаки на выучкѣ *).

Уже съ обѣда ко двору съѣзжается вся знатная боярская молодежь: кто верхомъ, кто въ таратайкахъ, кони съ дорогою упряжью, съ драгоценными сѣдлами, а конюхи въ дорогихъ кафтанахъ, поярковыхъ шляпахъ съ павлиными перьями, да и на упряжныхъ лошадахъ, на головахъ такія же перья.

Молодежь боярская въ хоромахъ забавляется всякими играми и попойкой; а на дворѣ челядь съ дворовой прислугой калякаетъ разный вздоръ и сплетничаетъ что ни есть и на господъ, и на прислугу.

Чей же это боярскій дворъ?

Это палаты племянника покойной царицы Евдокіи Лукьяновны, матери царя Алексѣя Михайловича, окольничьяго Родіона Матвѣевича Стрѣшнева.

Родіонъ остался рано сиротою и воспитывался у царицы съ Алексѣемъ Михайловичемъ, а когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, то онъ съ своимъ дядькой переѣхалъ въ родовую свой домъ и тамъ зажилъ на свободѣ.

---

*) Въ тѣ времена боярскіе дворы имѣли иногда до 500 дворовыхъ людей. Такъ, во время чумы у Никиты Ивановича Романова умерло 352 человекъ, осталось 134; у князя Черкаскаго—423 умерло, осталось—110; у Стрѣшнева въ живыхъ—одинъ мальчикъ, и ему пришлось набирать новый штатъ.

Обладая большимъ состояніемъ, онъ жилъ на большую ногу, имѣлъ огромный штатъ и любилъ, что называется, покутить; но такъ какъ это дорого стоитъ, то казна его и порастряслась порядкомъ, въ особенности послѣ чумы, когда пришлось пополнить весь штатъ.

Царь, самъ юный, не имѣлъ на него сильнаго вліянія, какъ товарищъ дѣтства; а Никона Стрѣшневъ не жаловалъ, и называлъ попомъ Берендеемъ, да и Никонъ въ постороннія дѣла не любилъ мѣшаться, такъ какъ и дѣлъ государевыхъ было довольно.

Жилъ, такимъ образомъ, Стрѣшневъ на своей волѣ, дѣлалъ что хотѣлъ и что задумается, точно такъ, какъ и долги,—а отъ царя если и бралъ порученія, то было тишайшему и горе, и досада.

Такъ царь было отправилъ его въ Малороссію съ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, когда та поступала въ подданство Россіи, но онъ тамъ закутилъ, забезобразничалъ и надѣлалъ долги, такъ что московское правитель-ство вынуждено было послать имъ на смѣну Бутурлина.

Во время войны царь не могъ ему тоже дать особую часть, такъ какъ онъ годился лишь быть при немъ, при дворовыхъ воеводахъ *).

Теперь, по возвращеніи съ войны, Стрѣшневъ отдыхалъ на лаврахъ, т. е., какъ онъ самъ говорилъ, онъ разминалъ, послѣ похода, кости.

Любилъ онъ охоту всякую, и птичью, и звѣриную, и держалъ онъ для этого псарню и соколовъ.

А коли взгрустнетъ, тотчасъ пѣсельники, гуслеры, бахари, плясуны и шуты.

Не соскучивалась, какъ съѣдется, у него молодежь: пѣсни, пляска, попойки, игры, шутки, остроты. Такому молодцу и при такомъ весельи и не до свадьбы было, хотя пошелъ ему третій десятокъ и хотя царица не

---

*) Начальники главной царской квартиры.

разъ бралась быть его свахой, а онъ только поцѣлуетъ у нея ручку и скажетъ:

— Дай, сестрица, еще побаловать,—нужно выслужаться. Вишь, только окольниковъ, а коли сдѣлаюсь бояриномъ, тогда и шабашъ кутежи, надоть окромя въ думѣ посидѣть да и дѣлами помышлять. А тутъ дѣла не пойдутъ на умъ, коли дума о соколахъ и борзыхъ. Да вотъ и бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ,—вѣдь онъ на сестрѣ твоей, царица, на Аннѣ-то Ильиничнѣ, кажись, женился лишь опосля четвертаго десятка, а счастливъ; вотъ и я...

И замолчить при такихъ доказательствахъ царица, а Стрѣшневу пуще прежняго закутить...

Вотъ и теперь у него съѣздъ не проста: созвалъ онъ товарищей поглядѣть ученаго медвѣдя, потомъ обѣдъ, послѣ того въ Сокольники, а тамъ кто куды гораздъ.

Гости собрались въ передней (пріемная) барича и сидятъ они кто на чемъ: здѣсь и скамьи, обложенныя мягкими подушками, и татарскіе топчаны, покрытые дорогими коврами, и стулья съ подушками, а самъ хозяинъ съ балалайкой въ рукѣ посреди горницы; затынетъ онъ пѣсню, а тѣ хоромъ и подхватываютъ.

Но вотъ кто-то подѣхалъ къ крыльцу.

— Думный дякъ Алмазъ Ивановъ, — вскрикиваетъ стоявшій у окна молодецъ.

— Боярину Алмазу, слава!—затягиваетъ Стрѣшневу и всѣ подхватываютъ.

— Ишь ты какъ разгорланились,—затыкая уши говорилъ Алмазъ, закадычный другъ и собутыльникъ Стрѣшнева,—отпуская низкій поклонъ всѣмъ присутствующимъ.

— Откелева?—спрашиваетъ Стрѣшневу.

— Оттелева,—отвѣчаетъ Алмазъ.

— Знамо; а пошъ Берендай?—продолжалъ Стрѣшневу.

— Баить, не должай и нагородилъ батюшкѣ всяку

всячину изъ святыхъ отецъ и изъ псалтири, и покончилъ притчей о блудномъ сынѣ.

— Ханжа, пустосвятъ! — процѣдилъ сквозь зубы Стрѣшневъ и, ударивъ въ балалайку, затынулъ:

Ужъ какъ на Москвѣ,
На Москвѣ-то матушкѣ,
Ходить сынъ боярскій,
Ходить, ходить сынъ боярскій
Козыремъ да гоголемъ,
Ловить, ловить онъ молодухекъ...

— То-то люли, ай да люли, сынъ боярскій,—подхватилъ хоръ.

— Таперя идемъ глядѣть медвѣдя,—сказалъ Стрѣшневъ, бросая балалайку на стулъ.

Онъ направился на парадное крыльцо, выходявшее въ садъ: тамъ ужъ собралась вся дворянскія поглядѣть на цыгана и цыганку, пришедшихъ съ медвѣдемъ.

Поклонился цыганъ низко и произнесъ обычное:

— А ну-ка, Мишка, встань, подымись, съ боку на бокъ перевались, боярамъ и дворянамъ поклонись.

Послѣ поклона Мишки велѣлъ онъ ему продѣлать разныя штуки: какъ дѣти горохъ воруютъ; какъ бабы на барщину идутъ и возвращаются домой и тому подобное.

— Ну,—сказалъ тогда Стрѣшневъ:—медвѣдь-то у тебя рѣдкостный. Я куплю его у тебя. А пса съумѣешь научить?

— Съумѣю,—отвѣчалъ цыганъ:—только годика два, аль три придется съ нимъ промаяться.

— Хорошо, ступай въ людскую и оставайся у меня.

— Да я со старухой,—робко замѣтилъ цыганъ.

— Я пойду въ другую сторону,—возразила старуха.

— Отчего, и ты оставайся: у насъ и на тебя станеть хлѣба-соли,—обидѣлся Стрѣшневъ.

— Напрасно сердцаешь, бояринъ, а вотъ за ласку и

милость твою дай погадаю, жалѣть не будешь, всю жизнь вспомнешь.

И съ этими словами цыганка взобралась на крыльцо и взяла Стрѣшнева руку.

— Много тебѣ счастья,—заболтала она:—много у тебя и золота, и добра всякаго, но голубки Богъ не далъ, а тратишь только ты молодечество и дѣтей у тебя нѣтути и не будетъ ихъ, коли не женишься... скоро не будетъ у тебя кому поминки по тебѣ справлять, и будешь ты на томъ свѣтѣ, бояринь, и томиться, и журишься,—зачѣмъ-де не женился спозаранку, зачѣмъ и молодость, и молодецкую силу потратилъ, а пташечки златокрылышки,—не то, что ласточки, касаточки домовитыя. Прости, бояринь, не я, а судьба твоя говорить и на рукѣ твоей Богъ начерталъ твои дѣла и твою будущность: судьбы не минешь и конемъ не объѣдешь.

Окончивъ этимъ, цыганка низко поклонилась господамъ и сошла съ крыльца. Она простилась съ цыганомъ и торопливо ушла, а товарищъ ея повелъ медвѣдя на барскую дворню.

Слова цыганки смутили Стрѣшнева,—она какъ будто отгадала всѣ его мысли, терзавшія его неоднократно. Замѣтивъ это, Алмазь Ивановъ весело произнесъ:

— У меня пѣтухи поютъ ужъ не впервой...

— Прикажи, любезный другъ, дворецкому подать обѣдъ,—отвѣчалъ Стрѣшневъ, направляясь въ хоромы.

Обѣдъ шель весело и шумно; шутили, остряли, говорили здравицы, но, по русскому исконному обычаю, пѣсни не пѣлись.

Послѣ обѣда лошади хозяина и гостей были поданы и они огромнымъ поѣздомъ полетѣли по Москвѣ; въ Сокольникиахъ они пошли смотрѣть кулачный бой.

Собралось много люду и дворянскаго, и купческаго и жилищцовъ.

На бой вышли богатыри Иванъ Митяевъ и Василій Парфеновъ, купческія дѣти.

Сталь на бой глядѣть и Стрѣшневь со своими молодцами.

Побороль и сбиль Иванъ Митяевъ своего противника и выступилъ точно пѣтухомъ и молвилъ народу:

— А давайте, господа честные, еще кого ни на есть, богатыря, молодчика, купеческаго сынка аль дворянчика, и его скручу въ три погибели, изогну изъ него дугу для мово коня.

— Скрути-ка, купецъ-молодецъ, да не сына купеческаго, а дворянскаго,—выступилъ Стрѣшневь.

У его товарищей руки опустились.

Царь не жаловаль кулачныхъ боевъ, и патриархъ Иоасафъ запретижь ихъ, а тутъ царскій троюродный братъ, да съ кѣмъ, съ купеческимъ сыномъ.

Хотѣлъ было Алмазъ Ивановъ заговорить, да царскій окольникій успѣлъ ужъ сбросить опасень и началъ готовиться къ бою.

Стали бойцы другъ противъ друга и, по обычаю боя Митяевъ, какъ вызвавшій, долженъ былъ первый подвергнуться удару, а тамъ ужъ дѣйствовать.

Стрѣшневь наступилъ на него и ударилъ въ грудь; Митяевъ пошатнулся, но собрался съ силами и вмѣсто того, чтобы ударить въ грудь, ударилъ его немного въ сторону отъ виска: повалился Стрѣшневь съ ногъ безъ чувствъ, да и противникъ его постоялъ съ минуту и грохнулся мертвый о землю.

— Боярину Стрѣшневу слава!—закричали было его товарищи.

— Исполать деспода, пропищаль кто-то въ народѣ.

Да дѣло плохо,—одинъ лежалъ мертвымъ, другой—безъ чувствъ, да въ присутствіи думнаго дьяка Алмаза, и этотъ совершенно растерялся.

— Лошадей!—крикнулъ онъ. Но куда вести?—спросилъ онъ самого себя.

Подошелъ въ это время незнакомый молодой священникъ и сказалъ:

— Не знаю какъ васъ чествовать, бояринъ, но коль хотите везти богатыря куда ни на есть по близости, такъ—въ мой домъ. Отсюда онъ близехонекъ, а я одинокъ, отъ моровой явы вся-то семья, и жена, и дѣти, перемерли.

Въ это время подали таратайку Стрѣшнева, подняли его съ земли, уложили въ экипажъ и повезли къ батюшкѣ.

Въ домѣ попа тотчасъ обложили его голову намоченными тряпками и Алмазь поскакалъ доложить обо всемъ царю.

Царь тотчасъ поскакалъ къ Стрѣшневу съ лекаремъ Даниловымъ.

Тотъ, по обычаю того времени, бросилъ больному кровь и обложилъ голову льдомъ.

Не долго царь пребылъ здѣсь: онъ оставилъ Данилова, а самъ уѣхалъ домой, успокоить царицу.

— Ну, что?—спросила та.

— Даниловъ говорить, что можетъ выадоровѣть, что можетъ умереть.

— Тотчасъ сама поѣду туда... горе великое,—говорила со слезами царица:—Сами мы виноваты,—бросили на произволь судьбы сироту, вотъ и дождались.

— Я тоже остался сиротой въ шестнадцать лѣтъ,—возразилъ было царь.

— Да ты, великій государь, рано женился,—вотъ и его нужно было женить.

— Такъ жени его,—попробуй.

— Женю, безпремѣнно женю.

И съ этими словами царица велѣла заложить колымагу, взяла съ собою нѣсколько приближенныхъ женщинъ и уѣхала въ поповскій домъ къ Стрѣшневу.

На порогъ своего дома встрѣтилъ попъ царицу.

Онъ низко до земли ей поклонился, поцѣловалъ у нея руку и ввелъ въ свой домъ.

— Какъ больной?

— Какъ будто приходитъ въ себя, но все же плохъ. Лекаръ и аптекаръ при немъ.

Царица вошла къ больному: онъ лежалъ еще безъ сознанья.

Даниловъ сказалъ ей шепотомъ, что если ночью онъ не очнется, то едва-ли онъ проживетъ до утра.

Голова больного была обложена льдомъ.

Царица приказала подать стулъ, усѣлась у кровати и велѣла одной лишь женщинѣ остаться, остальнымъ же ѣхать домой и сказать, что она возвратится тогда лишь, когда троюродный братъ царя очнется.

Боярыни и служки уѣхали, и съ царицей осталась только одна старая ея няня. Послѣдняя ушла въ поповскую кухню.

Царица съ Даниловымъ, его аптекаремъ и священникомъ оставались при больномъ: не прошло и полчаса со времени прїѣзда царицы, Стрѣшневъ изъ безчувственнаго состоянїя какъ будто началъ переходить въ другое: онъ застоналъ и зашевелился.

— Будетъ кажется хорошо,—обрадовался Даниловъ:— онъ придетъ въ себя. Пуцай стонеть...

— Прошло еще нѣкоторое время и Стрѣшневъ еще болѣе застоналъ и безпокойно ворочался и вдругъ открылъ глаза.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ и хотѣлъ было встать.

— Лежи... лежи... потомъ расскажемъ,—молвила царица.

Стрѣшневъ съ удивленїемъ взглянулъ на нее, потомъ, какъ бы узнавъ ее, онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Царица встала и, взявъ Данилова за руку, вывела его въ другую комнату.

— Какъ находишь его?—спросила она.

— Ладно, и царица напрасно безпокоится изволишь,—ты бы уѣхала, а мы останемся здѣсь. Хозяинъ хорошій человекъ, гостепрїимный.

— Ты развѣ не перевезешь его сегодня?

— Нельзя, ему нужно оставаться здѣсь денька два-три. Въ головѣ не ладно.

— Такъ я завтра сюда заѣду.

— Одного лишь боюсь,—какъ онъ очнется, тотчасъ гляди и потребуетъ везти себя домой.

— Такъ я уйду теперь съ батюшкой въ другую комнату и коли онъ очнется совершенно, позови меня, я ему прикажу остаться и онъ послушается.

Царица ушла съ попомъ въ другую комнату и затворила дверь.

Начала разговоръ царица: спрашивала она его объ его семействѣ и дѣлахъ, и узнавъ, что онъ остался круглымъ сиротою, очень соболѣзновала и посовѣтовала ему пойти въ монахи, съ тѣмъ, чтобы выдвинуться въ церковной іерархіи.

Священникъ отвѣчалъ, что для этого нужно знакомство съ патриархомъ.

Царица милостиво разрѣшила ему обратиться къ Никону отъ ея имени и присовокупила, что по случаю смерти во время чумы царскаго духовника отца Степана, онъ взялъ другого,—отца Лукьяна, но что наставникомъ къ ея дѣтямъ никто не назначенъ, а потому она попроситъ царя, чтобы къ старшему сыну ея, Алексѣю, сдѣланъ былъ бы духовнымъ отцомъ онъ.

Попъ *) едва успѣлъ поцѣловать царицѣ руку въ благодарность за ея милость къ нему; какъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ лежалъ Стрѣшневъ, послышались голоса:

— А ты, собака, жидъ, чего не пуцаешь домой? Да вотъ я тебя, пса...

— Смилуйтесь... на это царскій приказъ...

— Вотъ я тебя, царскій указъ... хочу домой. Гдѣ я?

— У отца... отца.

---

*) Называю священниковъ попами, такъ какъ это тогдашнее ихъ официальное названіе.

— Какого отца?

Попъ открыль дверь и вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Стрѣшневъ.

— У меня,—сказаль онъ:— бояринъ ты въ домѣ, я здѣшній приходскій священникъ.

— А! это тебя подкупиль попъ Берендяй держать меня у себя, да и этого жида Данилку, — заревѣль Стрѣшневъ.

— Не знаю я никакого попа Берендяя.

— Какой же ты попъ, коли не знаешь своего наистаршаго... попа изъ поповъ!

— Да такихъ у насъ и нѣту-ти... есть только попы и протопопы.

— Совсѣмъ ты дуракъ, и не попъ, наистаршаго, наисвѣтлѣйшаго не знаешь.

Священникъ догадался о комъ рѣчь, но прикинулся не понимающимъ.

— И свѣтлѣйшихъ поповъ не знаю, но могу увѣрить боярина: мы съ лекаремъ по указу царя и царицы.

— И царицы!—удивлялся Стрѣшневъ и спустя, съ минуту, продолжалъ: — И царицы! Такъ это не былъ сонъ?.. Такъ это она, милосердная, сидѣла здѣсь и брала меня за руку...

— Да, это была я,—сказала царица, входя къ нему:— Надѣюсь, упрямое дитя, ты полежишь здѣсь до утра?

— Не могу, милостивая царица, вели перевезти сегодня же. Здѣсь я еще пуще заболѣю съ тоски...

— Коли такъ ты желаешь,—ничего дѣлать: я сама доведу тебя, да вотъ и колымага моя пріѣхала.

Царица вышла, Даниловъ, священникъ и аптекаръ одѣли Стрѣшнева и черезъ четверть часа они вывели его на дворъ и усадили вмѣстѣ съ царицею въ экипажъ.

Даниловъ, священникъ и аптекаръ взобрались на стоявшую здѣсь же таратайку Стрѣшнева и поѣздъ тронулся къ дому окольникяго.

XLII.

С в а т о в с т в о .

Прошло двѣ недѣли послѣ кулачнаго боя и Стрѣшневъ, совершенно выздоровѣвъ, сидѣлъ въ своей опочивальнѣ у окна и близъ него на стулѣ виднѣлись пріатели его: думный дьякъ Алмазь Ивановъ и Богданъ Хитрово.

— Плохо, плохо,—говорилъ Стрѣшневъ:—казны нѣту-ти и дѣло съ концомъ!.. Царь не даетъ:—говорить: война и на ратныхъ людей надоть, а царская казна почти пустая.

— Народу-то у тебя, бояринъ, много,—замѣтилъ Алмазь.

— Много-то много, да нельзя же жить иначе: люди что скажутъ... Никита Ивановичъ Романовъ живетъ не такъ какъ я.

— Такъ женись на богатой,—замѣтилъ Хитрово.

— На богатой?—удивился Стрѣшневъ:—Да гдѣ же онъ теперь?.. На Трубецкой?—Да вѣдь онъ скареда: за дочь дастъ мѣдный грошъ.

— Есть невѣста богатая, улыбнулся Алмазь:—да не знаю, что дашь за сватовство, а мы съ Хитрово дѣло-то свахляемъ...

— Говори, а за подаркомъ дѣло не станетъ: любого коня... любое оружіе выбирай...—обрадовался Стрѣшневъ.

— Ишь ты расхотелся: любого коня... аль мечъ кладенець... Дашь ты не то, коли высватаемъ,—расхохотался Алмазь, ослабивъ бѣлые свои зубы.

— Ну, говори, не мучь... говори... кто жъ невѣста?..

— А царевна Татьяна Михайловна...

— Да вѣдь она мнѣ троюродная... Правда, невѣста хоть куда... Но царь что скажетъ, а попъ Берендей...

— Да лакомый кусокъ,—замѣтилъ Алмазь.—Вѣдь царевна Татьяна Федоровна, сестра царя Михаила, все

оставила ей: и вотчины, и села *), и всю-то богатую свою движимость да и отецъ, и царь наградили ее, что станеть не только на ея вѣкъ, но и на вѣкъ ея дѣтей.

— Оно-то вальяжно,—замѣтилъ Стрѣшневъ.—Но доселѣ я называлъ ее: сестрица Таня, а тутъ вдругъ „жена“... Люблю-то очень сестрицу... да и прекрасна она... но увы и ахъ, выйдетъ-ли за меня?—Вѣдь меня-то она не разъ за уши драла, какъ бывало я ненарокомъ въ ихъ дѣвичью попаду, покалякать съ сѣвными дѣвченками... аль за вихры отдереть... а теперъ вдругъ жена... Полно, Алмазь, шутки ты шутишь...

— Не шучу я шутки, не оставаться же такой красавицѣ, да съ состоянницею, да царской сестрицѣ, въ Христовыхъ невѣстахъ. Не хочеть царь родниться больше съ рабами... такъ ты же самъ изъ царскихъ,—отецъ-то твой дядя царю Михаилу.

— Оно-то такъ... ну вотъ и высватай... А красавица Татьяна Михайловна первая въ Москвѣ, да умница какая... Да только страшно, откажеть... тогда вѣдь посрамленіе одно.

— Нужно такъ съ боку... не прямо... Вотъ попроси Хитрово, онъ съ тетушкой Анной Петровной своею, а ты съ царицей... Коли возьмется царица, все пойдетъ какъ по писаному... И умница царица, и знаетъ норовъ царевень, какъ съ кѣмъ что нужно... А царевна ужъ въ такихъ годкахъ, что и пора... Ты же, бояринъ, первый здѣсь женихъ: и молодъ, и казистъ, да вотчинъ и помѣстьевъ видимо-невидимо. Поклонись же Хитрово.

— Отчего же,—сказалъ Хитрово:—коли можно удружить и службу сослужить, такъ я и въ огонь, и въ воду. Буду теперъ же домой, и тетушкѣ скажу, не даромъ же она и первая сваха, она и съ Анной Ильинишной Морозовой покалякаетъ, а тамъ и съ царицей.

Когда тетушка Хитрово узнала, что забубенный

---

*) Селами назывались дворцовыя имѣнія.

Стрѣшневъ желаетъ жениться, да еще на царевнѣ, она тотчасъ велѣла заложить свой рыдванъ и поѣхала къ Аннѣ Ильиничнѣ.

Анна Ильинична немедленно поѣхала съ нею къ царицѣ, такъ какъ она слышала отъ нея, что нужно Стрѣшнева женить, да поскорѣе.

Явились свахи къ царицѣ и та обрадовалась прїѣзду сестры и свояченицы. Усадила она ихъ въ своей опочивальнѣ, велѣла принести меду и романи, и давай съ ними калякать.

— А что твой Борисъ Ивановичъ? — спросила она сестру.

— Скрипить, — молвила та: — Опосля, значить, похода кости не на мѣстѣ... старенецъ сталъ... кряхтитъ, что ни на есть, точно баба.

— Старость не радость, — поддержала ее Хитрово.

— А что князь-то Семень Андреевичъ Урусовъ, да князь Никита Ивановичъ Одоевскій?

— Живы живехоньки и богомольцы твои, царица милостивая, — сказала сестра ея. — Князь Никита Ивановичъ съ твоею помощію оправился; умерло-то у него отъ моровой изъ дворни 295, а осталось 15...

— Да, — встала царица: — нагнали ему вновь изъ дворцовыхъ сель триста душъ, да царь помѣстьями пожаловалъ во вновь-то присоединенныхъ областяхъ: въ Малой и Бѣлой Руси.

— А князь Семень Андреевичъ ужъ очинно обижень... обойдены, — замѣтила Хитрово.

— Царь-то имъ не совсѣмъ... Вѣдь, дорогая свояченица, новгородскіе дворяне и дѣти боярскія били на него челомъ, что онъ билъ ихъ булавою и ослепемъ до умертвія, а иныхъ велѣлъ бить плетью и кнудомъ на козлѣ безъ пощады... иныхъ собирался вѣшать... Нужна ему рыба, выпустить у дворянъ-литвянъ пруды и беретъ рыбу руками. Въ церквахъ позабирали утварь, снимали колокола, иконы, а въ костелахъ — срывали

ризы съ образовъ, у помѣщиковъ позабирали лошадей и кареты *), и коляски. Царь на него и осерчалъ. Да и гетманъ Сапѣга отписалъ царю: дескать колибъ не князя Урусова погромы, подъ высокую царскую руку пошла бы вся Литва.

— Нечто это взаправду, царица милостивая, — скривила отъ злобы ротъ Хитрово:—Родичъ онъ нашъ, вотъ и поклепы на него святѣйшаго.

— Бога не гнѣви, свояченица ты моя, весь свѣтъ это баить, да и самому царю новгородцы били челомъ о сыскѣ. Правда, святѣйшій въ думѣ перечить, говорить: довольно-де и Хитрово, и Одоевскіе, и Урусовы царемъ одарены, но о поклепахъ и слыхомъ не слыхала, и видомъ не видала. Что жъ, по твоему и то хорошо, что онъ-то, Урусовъ, въ постѣ мясо жретъ?—Говори, говори...

— Ахти!—ужаснулась Хитрово.

— Да, да, жрала и не околѣла...

— Коли такъ... такъ бы и сказала, царица много-милостивая.

— Но довольно объ этомъ,—торжествовала царица.—Слыхали-ли вы, родненькія, объ Родивонушкѣ-то?

— О какомъ?—прикинулась Хитрово ничего не вѣдающей...

— Да объ озорникѣ-то... троюродномъ... Стрѣшневъ... Да вѣдь и твой-то сынокъ былъ съ нимъ на кулачномъ... Срамота одна: окольничій и въ кулачный и съ кѣмъ? съ сыномъ купецкимъ...

— Женить надоть,—вставила Хитрово.

— Женить... знамо... да невѣсты не валяются, вѣдь царскій онъ троюродный... Гдѣ же ему и невѣста здѣсь подъ стать? Нужно, чтобы и родъ былъ, да и приданое по царски.

---

*) Карета и коляска встрѣчались уже во всѣхъ бумагахъ того времени.

— Такихъ здѣсь и нѣтути,—замѣтила сестра царицы.

— А отыскать бы можно,—какъ бы про себя произнесла Хитрово.

— Говори, говори, милая свояченица; да мы ужъ и съ княгиней Долгоруковой, и съ княгиней Черкасской перебрали всѣхъ и ни одна не подходяща: одна стара, другая молода, одна хороша да безъ приданого, одна съ приданымъ, да не хороша какъ темная ночь: аль горбата, аль курноса, аль ряба. Вотъ вамъ, родненькія и всѣ-то московскія невѣсты.

— А все отыскать можно,—стояла на своемъ Хитрово.

— Коли можно, такъ говори и не мучь ты мое сердце.

— А коли скажу, не осерчаешь?

— Да ужъ говори, хоша бы и на меня, Господи прости, а озорника надоть женить: пропадетъ ни за что... скалдыжникъ онъ, и больше ничего.

— Хоша бы на царевнѣ, да на Татьянѣ Михайловнѣ. Чѣмъ не невѣста? Не Христовой же ей невѣстой быть, не поразмыкать же ей и добра-то своего по монастырямъ, да по церквамъ. А Стрѣшневъ, Родивонъ Матвѣевичъ, свой же чедовѣкъ и своимъ останется, значить въ нашей же семьѣ,—единымъ духомъ произнесла Хитрово.

Царица опѣшила: съ этой стороны она не ожидала быть разбитой.

— А троюродство?—сказала она, обдумавшись и спохватившись.

— Троюродство?—замѣтила Анна Ильинична Морозова,—можно обойти: царя ты убѣди, сестрица, а онъ святѣйшаго.

Царица покачала головой и произнесла:

— Да это будетъ грѣхъ, а мой-то въ грѣхъ не вступится.

— Попробуй, сестрица,—уговаривала ее Морозова.

Подумавъ немного, царица умилилась:

— Парочка была бы знатная и завидная. Поговорю

сначала съ святѣйшимъ и коли тотъ благословить, тогда я съ царемъ побелакаю.

Гости поднялись съ своихъ мѣсть, довольныя своимъ успѣхомъ у царицы.

Когда онѣ ушли, царицу взяло сильное раздумье: устроить этотъ бракъ нужно во что бы то ни стало.

Она позвала свою боярыню и велѣла ей тотчасъ ѣхать за патриархомъ.

Никонъ немедленно явился на ея зовъ. Царица встрѣтила его привѣтливо, съ высокимъ уваженіемъ и спросила, какъ по церковнымъ правиламъ: могутъ-ли троюродные братъ и сестра быть обвинчаны?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ патриархъ;—по кормчей только можно вѣнчать послѣ четвертаго рожденія, а здѣсь только третье.

При этомъ патриархъ сталъ объяснять ей это наглядно.

— А съ благословенія патриарха?—спросила она.

— Можно,—отвѣчалъ онъ:—только по свойству и разрѣшать даже во второй степени, т. е. при второмъ рожденіи. О комъ же, великая государыня, ты хлопочешь?—спросилъ онъ.

— Хочу женить Родивона Матвѣевича Стрѣшнева на Татьянѣ Михайловнѣ.

Никонъ вспыхнулъ, но овладѣлъ собою и произнесъ взволнованнымъ голосомъ.

— Можно созвать соборъ, я ничего не имѣю, но прежде всего нужно согласіе жениха и невѣсты, иначе потомъ будетъ отъ нихъ духовное нареканіе, скажутъ: соборъ ввелъ насъ въ грѣхъ. Пуцай они бьютъ челомъ собору.

— Они, я полагаю, будутъ согласны, лишь бы было твое благословеніе, святѣйшій патриархъ, и лишь бы царь на это соизволилъ... Я поговорю съ царемъ.

Никонъ благословилъ царицу и уѣхалъ.

Не прошло и полчаса, какъ царь зашелъ къ ней.

Марья Ильинична объявила ему о мысли ея женить Стрѣшнева на Татьянѣ Михайловнѣ, причемъ сообщила ему и отвѣтъ святѣйшаго.

— И я,—сказалъ царь,—согласенъ на то, что говорилъ святѣйшій; грѣха на душу не возьму,—пушай сами бьютъ челомъ собору, чтобы потомъ не плакаться на насъ, а мое соизволеніе будетъ послѣ собора.

Услышавъ это рѣшеніе царя и зная его набожность, царица болѣе не распространялась; а думала только думу, чтобы или царица, или Стрѣшневъ не заупрямились.

Болѣе всего она боялась послѣдняго, а потому послала за боярыней Хитрово.

Свояченица тотчасъ явилась. Царица поручила ей черезъ сына узнать мысль Стрѣшнева.

— Я ужъ узнала, прежде чѣмъ говорила съ тобой царица,—сказала та:—онъ обѣими руками возьметъ ее лишь бы та не заупрямилась.

— Да какъ та можетъ и какъ посмѣеть... да вѣдь она Христова невѣста на вѣкъ, коли таперь не возьметъ судьбу.

— Позволишь, великая государыня, быть у нея,—я и поѣду.

Царица разрѣшила ей. Она поднялась съ мѣста, поцѣловала руку Марьи Ильиничны и ушла.

Когда она пріѣхала къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, та тотчасъ ее приняла: она только что пришла отъ вечера и переодѣвалась. Она обняла родственницу и, поцѣловавшись съ нею, усадила ее на мягкій топчанъ.

Хитрово политично начала ей говорить о скукѣ одиной жизни, о необходимости каждому человѣку составить семью, имѣть дѣтей.

Царевна на это отвѣчала, что въ ея возрастѣ,—ей слишкомъ за двадцать, пора ужъ и не думать объ этомъ. Дни ея молодости прошли; при покойномъ отцѣ, когда князь Ситцкій къ ней сватался, его прогнали; а послѣ она никого не любила и любить не желала. Да и жени-

ховъ для себя она не видитъ изъ своей молодежи, которую она знаетъ.

Хитрово указала ей тогда на Родіона Стрѣшнева.

Царевна вспыхнула.

— Не я буду ему жена, а мои вотчины, помѣстья, и мое добро и золото. Почему онъ не сватался ко мнѣ, когда казна у него была богата? При томъ онъ мнѣ троюродный и я за него замужъ не пойду,—грѣха на душу свою и на дѣтей, и внуковъ не возьму.

Хитрово объяснила ей тогда, что она получить разрѣшеніе собора и патріарха Никона.

Царевна разсердилась и взволнованнымъ голосомъ произнесла:

— Не можетъ быть... Патріархъ не приметъ на свою душу такой грѣхъ... Къ тому же соборъ не можетъ меня приневолить ко грѣху.

— Видишь-ли,—возразила боярыня;—они и не будутъ приневолить, патріархъ сказалъ только царицѣ я де не буду перечить, коль молодые подадутъ мнѣ и собору челобитню... пуцай грѣхъ будетъ на нихъ.

— Онъ и правъ, можно нешто кого-либо принудить ко грѣху, да еще кто? Священный соборъ. А я челобитню не подамъ,—мнѣ вѣра моя дорога и я не басурманка, не татарка, не лютеранка,—за родича не выйду, пуцай хоша и голову рубячь... Пуцай выдаетъ меня царь за нѣмца, крещенаго жида, аль татарина, но не за родича. Тутъ кровь одна,—что братъ, что сестра; да въ сотомъ колѣнѣ она отзовется за грѣхи родителей и не будетъ мнѣ покоя ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ, и буду я видѣть въ адѣ мученія своихъ дѣтей и внуковъ: будетъ это мука вѣчная, безысходная, лютая... Нѣтъ, не могу и не хочу, такъ и скажи, боярыня, царицѣ.

— И не смѣю, родненькая, да она съ глазъ меня прогонить... Ужъ прошу я тебя... не отказывайся... вѣдь молодець-то Родивонъ Матвѣвичъ, богатырь...

- Пушай богатырь для другихъ, не для меня.
- Красавецъ...
- Пушай красавецъ для другой.
- Такъ твой отвѣтъ?
- Слышала, боярыня...

Съ этими словами царевна поднялась съ мѣста.

Хитрово злобно поцѣловалась, какъ-то дико оглядѣла ея комнату, — не замѣтитъ ли она чего-либо подозрительнаго, чтобы у царицы почесать на ея счетъ язычекъ, и поспѣшно удалилась.

Едва она ушла, какъ царевна заплакала, бросилась на колѣни и начала молиться, чтобы чаша сія миновала ее.

XLIII.

Царевна Татьяна.

На дворѣ стоитъ маѣскій день. Московскіе сады, или, какъ ихъ тогда называли, огороды, которые были тамъ такъ обильны въ то время, въ цвѣту и аромать идетъ отъ нихъ по улицамъ.

Въ саду Алексѣевского монастыря въ это время тоже прекрасно и царевна Татьяна, большая любительница цвѣтовъ, ухаживала въ небольшомъ своемъ садикѣ за незатѣйливыми своими гвоздиками, ноготками, вдовушками, левкоями и васильками.

Поливаетъ она свои цвѣточки, вырываетъ изъ кустовъ сорныя травки, а мысли ея далеко: она думаетъ о томъ, который составляетъ всѣ ея помышленія, всю ея жизнь. И тотъ, кого она обожаетъ, не только не можетъ принадлежать ей, но страшно даже сказать кому-нибудь, кто онъ... Между тѣмъ онъ у всѣхъ на устахъ, всѣ говорятъ объ его умѣ и способностяхъ, объ его честности, и безкорыстіи; имѣетъ онъ и враговъ, и завистниковъ, но и тѣ признаются, что одному ему обязана Русь своимъ возвеличеніемъ, славою и присоединеніемъ Малороссіи, и

завоеваніемъ Бѣлоруссіи. Даже и видится она съ нимъ рѣдко, а если это случится, то такъ таинственно, съ такою опасностью, что каждый разъ сердце ея замираетъ и она умоляетъ его болѣе не посѣщать ее; а когда онъ на нѣсколько минутъ потомъ опоздаетъ, сердце у нея разрывается на части и минуты ожиданія точно адъ кромѣшный.

Думаетъ такъ царевна и вдругъ слышитъ голосъ:

— Прекрасная царевна.

Голосъ знакомый; царевна вздрагиваетъ и оглядывается, передъ нею стоитъ черничка.

— Не узнаешь меня, царевна?

И съ этими словами черница откидываетъ свое покрывало.

— Мама Натя! — вскрикиваетъ царевна, обнимая и цѣлуя ее горячо:— Гдѣ была, гдѣ пропадала... Мы тебя давно ужъ оплакиваемъ... Идемъ ко мнѣ въ хоромы... расскажешь все.

— По монастырямъ... по скитамъ ходила.

Она вошла въ хоромы, царевна усадила гостью въ своей опочивальнѣ и не могла на нее наглядѣться.

Та немного загорѣла и лицо отъ воздуха огрубѣло, но та же энергія, тотъ же умъ въ лицѣ и въ глазахъ.

— А я у тебя ужъ была разъ,—говоритъ мама Натя.

— Когда?

— Да вотъ цыганка, что ворожила тебѣ... Помнишь, когда только что хоромы эти были готовы?

— Отчего же ты тогда не призналась?

— Не могла.

— Почему?

— Не могла... Вишь, ушла я изъ монастыря и прямо къ Настѣ Калужской.. въ раскольниковъ вертепъ... Сказала, что троеперстно не хочу креститься, да старымъ иконамъ желаю молиться,—они меня и пріютили... Пожила я у нея съ мѣсяць, да снарядила меня она въ Нижній-Новгородъ... Достала и охранную грамоту... и по-

ѣхала я къ Макарію съ товарами изъ гостинаго... Приѣхала такъ я въ свое село Вельманово... Отець мой умеръ и оставилъ мнѣ все добро свое. Остановилась я у новаго попа и онъ отдалъ мнѣ все отцовское, и деньги, и вещи. Распродала я вещи и у меня набралось порядочно денегъ. Думаю, пойду по монастырямъ, да въ Кожеезерскій монастырь,—тамъ съ дядей увижусь. Поѣхала туда, а келарь монастырскій встрѣчаетъ меня и говоритъ: дядя твой давно умеръ и оставилъ много добра, вещей, денегъ и все тебѣ, хранится это у нашего казначея. Повелъ онъ меня къ казначею, а тотъ все мнѣ отдалъ, многое я монастырю оставила, а золото, серебро и деньги въ поклажу отдала въ монастырскую казну и уѣхала въ Кіевъ, искать родственниковъ: оттуда вѣдь дѣдъ мой, отецъ и дядя. Въ Кіевѣ одинъ попъ сказасть, что дѣдъ мой былъ очень богатъ, имѣлъ и вотчины, и помѣстья; что былъ онъ изъ казаковъ, но ляхи-де его ограбили, а теперь гетманъ Богданъ все награбленное возвращаетъ... Поѣхала я въ Чигиринъ къ гетману и тотъ велѣлъ мнѣ все возвратить, когда я показала ему грамоту изъ Кожеезерскаго монастыря, что я дочь попа Василия... Началась тамъ тяжба... Затянулась... Мнѣ скучно было... Ваяла я охранную тамъ грамоту, какъ цыганка... и поплелась къ Москвѣ... Пришла сюда, да поселилась въ вертепѣ раскольничьемъ у Насти Калужской... и къ тебѣ приходила... и къ святѣйшему. А тамъ зашла въ Кожеезерскую обитель, взяла немного денегъ и уѣхала вновь въ Кіевъ. Кончила тамъ тяжбу: много вотчинъ мнѣ досталось... теперь пришла сюда какъ цыганка... по дорогѣ встрѣтила цыгана съ медвѣдемъ и наняла его ходить со мною... Теперь онъ у Стрѣшнева, а я снова въ раскольничьевъ вертепѣ у Насти.

— Да ты бы, мама Натя, просила царя и патріарха, и они позволяютъ тебѣ не быть схимницей.

— Нельзя, царевна:—схимница не можетъ покинуть монастыря, и въ томъ-то и горе, коли узнають, что я

здѣсь, да ходила по монастырямъ, да была въ міру, — меня въ заточеніе сошлютъ.

— Дурно, скверно...

— Сама жалѣю, грамотку имѣю радостную отъ гетмана Богдана къ святѣйшему, да и то не самой придется передать ему.

— Что пишеть гетманъ?

— Отдала я, значить, на случай смерти моей всѣ свои маетности и вотчины на монастыри и церкви и сказала въ духовной: коли митрополитъ кіевскій будетъ рукополагаться патриархомъ московскимъ и будетъ подъ его высокою рукой...

— Что жъ, согласился митрополитъ?

— Вотъ со мною и грамота гетмана Богдана къ патриарху.

— Вечеромъ патриархъ у меня будетъ; коль хочешь, я передамъ ему.

— Нѣтъ, подожди, нужно предупредить патриарха, — не пригоже ему быть сегодня у тебя. Цыганъ, сказывала я тебѣ, живеть у Стрѣшнева и холопы бають, что Стрѣшневъ подстерегаетъ патриарха и хочетъ напасть на него сегодня у монастыря, понимаешь? Потому и я здѣсь.

— Надоть предупредить патриарха! — воскликнула Татьяна Михайловна.

— А какъ предупредить? Теперь иль въ думѣ, али у царя. Ужъ ты позволи, царевна, мнѣ остаться вечеръ у себя, а тамъ, что Богъ дастъ, — произнесла въ раздумѣ черница.

XLIV.

Коли не мытьемъ, такъ катаньемъ!

Часовъ въ девять вечера, когда ночь своею темною пеленою покрыла матушку Москву и когда, по случаю отсутствія фонарей и луны, можно было на каждомъ шагу носъ разбить или попасть въ какой-нибудь ровъ,

изъ патриаршихъ палатъ вышелъ высокій человекъ и поспѣшно принялъ направленіе къ Алексѣевскому монастырю.

Едва онъ вышелъ оттуда, какъ три человека, скрывшіеся близъ палатъ, тоже двинулись за нимъ, но въ довольно далекомъ разстояніи.

— Это онъ,—сказалъ Алмазь.

— И мы узнаемъ его,—прошепталъ Стрѣшневъ и Хитрово.

Всѣ трое были, что называется, выпивши.

— Ну, пошь Берендей, не выкрутишься, теперь ты нашъ,—шепталъ Стрѣшневъ.

— А коли хочешь, я имъ порѣшу,—молвилъ Алмазь.

— Какъ порѣшишь?

— Ножемъ въ бокъ, и былъ таковъ: пуцай по ночамъ не шляется.

— Порѣшить! Съ ума ты, что-ли, спятилъ? Врагъ онъ мнѣ, правда, да на безоружнаго, изъ-за угла... не воры, разбойники мы: вотъ колибъ съ нимъ подраться, ино дѣло,—возразилъ Стрѣшневъ.

— Правду онъ баить,—поддержалъ его Хитрово.

— Коли такъ, я самъ-другъ его порѣшу,—разсердился Алмазь.

— Не мытое ты рыло, не дадимъ мы его порѣшить, а тебя порѣшимъ,—разгорячился Стрѣшневъ.

— А вотъ, что я скажу,—молвилъ Хитрово:—пойдемъ мы скоро мимо моего-то дома, и я зайду, да тетушку свою и пошлю къ царицѣ: дескать пошь Берендей пошелся въ Алексѣевскій, а вы тѣмъ часомъ за нимъ идите, да ждите у Алексѣевской: тетушка туда зайдетъ за вами.

Несмотря на то, что былъ поздній вечеръ, встревоженные гнуснымъ доносомъ, царь и царица подъѣхали къ Алексѣевскому монастырю, вышли изъ экипажа и прямо пошли къ Татьянѣ Михайловнѣ. Дверь съ лѣст-

ницы, ведшей къ ней, была открыта, а сама лѣстница освѣщена.

Они вбѣжали по ней и постучали въ дверь: отворила ее служка царевны.

Марья Ильинична побѣжала впередъ, за нею Алексѣй Михайловичъ, и когда первая отворила дверь, они увидѣли въ пріемной маму Натю и патріарха Никона.

— Матушка Наталья! — вскрикнула удивленная царица.

— Мама Натя! — обрадовался царь.

— Это я, — сказала та, бросившись въ ноги царю.

Онъ поднялъ ее и поцѣловался съ нею.

То же самое сдѣлала и царица съ своею любимицей, когда та поклонилась ей въ ноги.

Во все это время патріархъ стоялъ съ выраженіемъ строгимъ и величественнымъ.

— Гдѣ жъ ты была, а мы плакали по тебѣ, мама Натя? — молвилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Ходила по монастырямъ и скитамъ, была и въ Кіевѣ въ пещерахъ и теперь оттуда.

— Она привезла грамоту отъ гетмана Богдана, — онъ винится въ своихъ грѣхахъ и отписываетъ, что митрополитъ кіевскій хочетъ быть рукоположенъ мною и соединить обѣ церкви Великія и Малыя Руси.

— Слава тѣ Господи, — крестясь набожно, воскликнули вмѣстѣ и царь, и царица.

— Завтра я буду служить соборне въ Успенскомъ молебень, да ниспошлетъ Господь Богъ благодать свою на кіевскую церковь. Я думалъ, что и тебя, великій государь, — оповѣстила царевна Татьяна Михайловна о радостномъ пришествіи къ намъ черницы Натальи.

— Нѣтъ, мы такъ... къ царевнѣ... Прости, великій государь и святѣйшій патріархъ... Мы съ женою обрадовались черницѣ и забыли идти подъ твое благословеніе.

Царь и царица подошли подъ его благословеніе и поцѣловали его руку.

— Великій государь и царица, — воскликнулъ патриархъ:—сегодня одинъ изъ радостнѣйшихъ дней въ моей жизни. Я страшился, что гетманъ Богданъ пишетъ въ грамотѣ своей объ отказѣ митрополита и боялся уйти отсюда развѣнчаннымъ патриархомъ Малой Руси. Я и пришелъ сюда въ одеждѣ простого чернеца, чтобы не было срамотно патриарху Великой Руси. Теперь простой чернецъ выйдетъ отсюда патриархомъ Малой Руси. Отнынѣ Великая и Малая Русь будутъ одно тѣло и одна душа, въ вѣрѣ наше единство и наша сила.

— Аминь!—произнесли царь и царица.

— А царевна Татьяна какъ поживаетъ?—обратилась къ инокинѣ Натальѣ царица.

— Она почиваетъ въ своей опочивальнѣ.

Раздался стукъ подѣхавшаго къ монастырю экипажа.

— Это моя колымага и моя свита, — сказалъ патриархъ.—Великій государь прѣхалъ въ чемъ?—продолжалъ онъ.

— Мы съ женой въ колымагѣ одной боярыни.—Повѣзаетъ съ царицей въ моей, а я хочу пройтись пѣшкомъ: не подобаетъ патриарху Малой Руси выѣхать отсюда въ колымагѣ, коли пришелъ сюда пѣшкомъ патриархъ Великой Руси.

Царь и царица простились съ инокиней, а патриархъ, проводивъ ихъ до колымаги, направилъ шаги къ своимъ палатамъ.

Хитрово и Стрѣшневъ получили нагоняй и отъ царя, и отъ царицы.

На другой день патриархъ Никонъ соборно служилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, боярской думы и огромной массы народа, за благоденствіе соединенныхъ церквей—Великой и Малой Руси; а на эктени провозглашенъ былъ этотъ новый титулъ патриарха.

XLV.

**Никону возлагаетъ митру восточный
патріархъ.**

Никонъ сидитъ въ своей рабочей комнатѣ съ Матвѣевымъ. Они озабочены внѣшними дѣлами.

Пріѣхали и польскіе и шведскіе послы.

— Да,—говоритъ Никонъ:—мы много потеряли съ измѣной гетмана Богдана; возьми онъ Львовъ и овладѣй всею Галиціею, Яну-Казимиру не было бы гдѣ укрѣпиться и откуда воевать. Теперь всѣ почти города Волыни и много литовскихъ городовъ отпали отъ насъ. Придется удовольствоваться одною Бѣлою Русью, да не удастся-ли захватить рѣку Неву и Ладожское озеро,—намъ море нужно.

— Да, безъ моря,—поддержалъ его Матвѣевъ:—мы какъ безъ глазъ. Отъ голландскихъ нѣмцевъ и отъ англичанъ мы можемъ получать товаръ лишь на Архангельскъ; а это дорого, да и мѣшкотно. Иное дѣло, ка-бы море да наше. Потеряли мы много въ войнѣ съ Польшей, что море не наше... Послѣ столбовскаго мира король швейцарскій Густавъ-Адольфъ докладывалъ сейму: русскіе—опасные сосѣди; границы земли ихъ простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей; у нихъ могущественное дворянство; многочисленное крестьянство; многолюдные города, они могутъ выставить въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одно судно спустить въ Балтійское море. Большія озера, Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Руси отнято море и Богъ дастъ таперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ...

— Да,—воскликнулъ Никонъ;—не отдашь бы моря блаженный Филаретъ, колибъ онъ не былъ въ плѣну...

Это все Грамонинъ-дьякъ... да и мы теперь будемъ сражаться за море.

— А столбовскій миръ или вѣчное докончаніе, какъ называютъ его свейцы?..

— Будетъ тогда вѣчное докончаніе, коли мы будемъ у моря,—произнесъ рѣшительно Никонъ.

— Но царь и бояре хотятъ брать Ригу,—замѣтилъ Матвѣевъ.

— А я стою за Орѣшковъ и за Кексгольмъ. Коль рѣка и Ладожское озеро будутъ наши—и море будетъ наше; тамъ мы соорудимъ города и ладьи, какъ было при новгородцахъ. Брать же Ригу тяжело: тамъ Дела-Гарди, старый воинъ, и трудно съ нимъ совладать; изъ-за моря у него будутъ и ратники, и пушки, и хлѣбъ, и порохъ, и все, что нужно, а намъ—подвози еще изъ Москвы... И Иванъ Грозный чуть-чуть не положилъ тамъ кости.

— Царь говорить: Рига готовый городъ...

— Близокъ локоть, да не укусишь... Было бы болото, а кулики заведутся: намъ нужны Нева и Ладожское озеро.

Нѣсколько минутъ онъ ходилъ въ раздумьи и, оставившись, съ неудовольствіемъ перемѣнилъ разговоръ; онъ зналъ, что вопреки его желанія походъ подъ Ригу состоится и будетъ неудаченъ.

— Батюшка царь, нашъ благодѣтель, сказываль,—обратился онъ къ Матвѣеву,—что былъ онъ въ твоей избенкѣ у Николы и стало царю больно, что ты, Артамонъ Сергѣевичъ, и мѣстечко-то не важное имѣешь, и домишко ветхій. Я и сказываль царю: есть пустошь дворцовая, тамъ и теремъ можно поставить, и огородъ развести, и садъ, да и службы возвести.

— Благодарствуемъ, великій государь и отецъ нашъ, за заботы о нашихъ нуждахъ, вѣчный богомолецъ твой. Гдѣ же взять казну на обзаведеніе? Нужно и того, и саго; собрались ко мнѣ сотенные гости съ хлѣбомъ съ

солью и поклономъ, дескать мы сами соорудимъ домишко... А я поблагодарилъ, посулъ отродясь не брать...

— Царь и пенязи дастъ, и людей, и всего, что нужно... камень, лѣсъ...

— Благодарствуемъ... не заслужилъ... А коли батюшка царь ужъ такъ милостивъ ко мнѣ, такъ отъ царской милости грѣхъ отказаться: вѣдь милость отъ Бога, аль отъ царя.

Матвѣевъ при этомъ низко поклонился патриарху до земли.

— Я чувствую себя сегодня не такъ хорошо,—сказалъ вдругъ патриархъ.

— Много работаешь, великій государь и святѣйшій отецъ нашъ.

— Что-жъ дѣлать! Царь все ввалилъ на меня; ни отъ кого не хочеть слушать докладовъ по дѣламъ окромя меня. Да, хочу тебѣ показать митру... Я изготовилъ ее ко дню пріѣзда антиохійскаго патриарха Макарія,—я жду его съ часу на часъ: митра стоитъ пять тысячъ. Очень она красива. Погляди.

Патриархъ открылъ ящикъ, вынулъ митру и показалъ ее Матвѣеву.

Тотъ пришелъ въ восхищенье: работа была дѣйствительно изящная и драгоценные камни, жемчугъ и финифть были съ большимъ вкусомъ распределены на ней.

— Патриархъ антиохійскій,—сказалъ Никонъ:—возложить на меня эту митру и тогда лишь я буду настоящимъ патриархомъ.

— Отчего же, святѣйшій отецъ, ты самъ не возложишь ее на главу свою,—ты же такой святѣйшій, какъ и антиохійскій Макарій.

— Это такъ, Артамонъ Сергѣевичъ; но какъ молитва къ царю небесному не лишняя, такъ и благословеніе и рукоположеніе никогда не бываютъ лишними, и благодать Божья снизойдетъ на меня и наставитъ меня, какъ дальше пасти стадо Христово. Притомъ это нужно для

кіевскаго митрополита. Велики были святители, мои предшественники, но они не понимали, что для соединенія церквей нужно единство, а не разнь въ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ. Въ 1620 году, на соборѣ великій Филаретъ рѣшилъ, что кто не крестился погруженіемъ, тотъ долженъ быть перекрещень,—это теперь препятствуетъ къ переходу къ намъ изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій,—мы, говорятъ они, не язычники... а расколуучители погруженіе отрицаютъ; ну поиди ты... Да, Артамонъ Сергѣевичъ, много хлопотъ и заботъ надѣлали церкви митрополитъ Іовъ и патріархи Филаретъ и Іосифъ. Испортили они книги церковныя и ввели соблазнъ и расколъ. Нельзя же оставить это такъ; при этихъ порядкахъ ни Бѣлая, ни Малая Русь не будутъ съ нами дѣти одной и той же церкви. Наши же попы упрямы и только мятежъ производять, — ничего не хотять знать и слышать.

Когда такъ говорилъ Никонъ, вбѣжалъ въ попыхахъ служка и объявилъ, что дали знать по пути изъ Кіева, что патріархъ антиохійскій Макарій приближается къ Москвѣ.

Никонъ велѣлъ заложить свою колымагу, приказалъ всему двору своему ѣхать съ нимъ, распорядился, чтобы начали звонъ во всѣхъ церквахъ и чтобы всѣ митрополиты, архіереи и архимандриты, находившіеся въ то время на Москвѣ, явились въ Успенскій соборъ для встрѣчи патріарха. Послалъ онъ тоже оповѣстить объ этомъ царя.

Съ крестомъ и евангеліемъ встрѣтилъ Никонъ патріарха, облобызался съ нимъ и взялъ его въ свою колымагу.

Москва, услышавъ трезвонъ, высыпала на улицу и народъ закипѣлъ въ Кремлѣ у Успенскаго собора. Царь съ боярами явились тоже туда, чтобы встрѣтить гостя и везти его оттуда къ царской трапезѣ.

Едва показалась на площади патріаршая карета,

какъ весь народъ палъ ницъ, а патріархи Макарій и Никонъ благословляли троеперстно народъ.

Это было полное торжество православія, т. е. греко-восточнаго исповѣданія.

Другой день былъ воскресный. Оба патріарха служили, и когда литургія отошла, патріархъ антїохійскій благословивъ Никона, возложилъ на него патріаршую митру. Послѣ возложенія патріархъ Макарій смиренно палъ ницъ и поклонился въ ноги Никону; Никонъ сдѣлалъ то же самое и они оба поцѣловались и прослезались.

Царь и народъ въ этотъ мигъ пали ницъ, чтобы принять благословіе обоихъ архипастырей, и когда они оба вышли со свѣтильниками и благословляли народъ, то многіе въ народѣ рыдали отъ умиленія.

Возложеніемъ этимъ Никонъ хотѣлъ показать и боярамъ, и народу, и духовенству, что онъ сидитъ на патріаршемъ престолѣ не только по избранію російскаго духовенства, но и по вѣнчанію восточной церкви.

Цѣль была достигнута: всѣ присутствовавшіе при этомъ были сильно поражены, въ особенности когда патріархи сѣли въ карету, а царь впереди ихъ верхомъ указывалъ имъ путь ко дворцу, гдѣ ожидала ихъ трапеза.

При трапезѣ царь сидѣлъ по срединѣ, а патріархи по бокамъ.

Высшіе сановники царства подносили блюда обѣдавшимъ.

За умъ и геній бѣльшаго величія худородному сыну села Вельманова и курмышанину, какъ называли его раскольники, не могло казаться выпасть на землѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
Предисловіе	3
I. Мордовскій шаманъ	11
II. Мнѣ путь—одинъ лишь монастырь	16
III. Макарьевская обитель	23
IV. Сынъ Козьмы Минича Сухорукаго	28
V. Суженаго конемъ не объѣдешь.	35
VI. Царская невѣста	43
VII. Не судьба.	60
VIII. Переѣздъ отца Никиты въ Москву	73
IX. Хоть тресни да женись	78
X. Бояринъ Шеинъ	93
XI. Подъ Смоленскомъ	99
XII. Смерть патріарха Филарета	103
XIII. Казнь боярина Шеина и окольникяго Измайлова	108
XIV. Соловки	116
XV. Анжерскій скитъ	123
XVI. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей	133
XVII. Черница	139
XVIII. Кончина царя Михаила Феодоровича.	146
XIX. Тяжба монастыря.	151
XX. Московскій мятежь	155
XXI. Собинный другъ царя	163
XXII. Никонъ митрополитъ новгородскій.	171
XVIII. Новгородская гиль.	185
XXIV. Царскій посоль	194
XXV. Грозная кара.	201
XXVI. Обрѣтеніе мощей св. Филиппа	213

	СТР.
XXVII. Богомъ избранный.	219
XXVIII. Великій государь патріархъ Никонъ.	225
XXIX. Первая мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ	230
XXX. Схимница	237
XXXI. Раскольничій вертепъ	245
XXXII. Цыганка	252
XXXIII. Разрывъ съ Польшею.	256
XXXIV. Соборъ	263
XXXV. Походъ въ Польшу.	271
XXXVI. Нѣтъ худа безъ добра	278
XXXVII. Чума въ Москвѣ	285
XXXVIII. Возвращеніе Смоленска.	292
XXXIX. Возвращеніе царя въ Москву.	302
XL. Русскіе въ Галиціи и въ Литвѣ	310
XLI. Кулачный бой	319
XLII. Сватовство.	329
XLIII. Царевна Татьяна	337
XLIV. Коли не мытьемъ, такъ катаньемъ!	340
XLV. Никону возлагаетъ митру восточный патріархъ	344

Альбомъ фототипій съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: Айвазовскаго, Вунина, Горшелята, Гофмана, Казанцева, Каразина, Кившенко, Кондратея, Кожкарова, Крачковскаго, Лагорю, Пимоненко, Попова, Рѣпина, Судковскаго, Худякова, Черкасова и другихъ. Альбомъ состоитъ изъ 20 фототипій (9×12 д.). Цѣна въ изящной папкѣ 1 рубль.

Русскіе чиновники въ былое и настоящее время. Историческіе очерки Е. П. Карновича. Спб. 97 г. Цѣна 50 коп.

О счастіи. Сочиненіе Н. А. Лухмановой. Изящное изд., 142 стр. 98 г. Цѣна 75 коп.

Люди темные. Очерки и разказы изъ народной жизни. И. И. Захарьина (Отходчивое сердце.—Дядя Гаврилыч.—Похороны.—Огонекъ.—Деревенскій знахарь.—Дѣвъ швецъ.—Расколница.—Капканы.—Дѣтубійца.—Василиса — сладкія медь.—Подневольная клятва.—Лѣтняя спора.—Таня-воровка.—Смерть Пляски.—Телеграфные столбы.—Каменная баба.—Графиня-тюремщица.—Что мы имѣемъ). Изданіе 2-е, 97 г. Цѣна 1 рубль.

Соломея. Повѣсть изъ быта приволжскихъ сектантовъ. Сочин. Л. Воронина. Спб. 98 г. 186 страницъ. Цѣна 75 коп.

Послѣдніе дни Іерусалима. Историческая повѣсть Д. Л. Мордовцева. Спб. 98 г. 138 страницъ. Цѣна 75 к.

Хива. Зимній походъ въ Хиву графа В. А. Перовскаго въ 1839 г.—и Первое посольство въ Хиву въ 1842 году. По разсказамъ и валяскамъ очевидцевъ составилъ И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Спб. 98 г. 205 страницъ. Цѣна 50 коп.

Басни Лафонтена съ рисунками Дорэ, въ переводахъ: Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Корняфскаго, Лихачева и друг. Цѣна 1 рубль.

Основы трезвости. Составилъ д-ръ А. В. Соболевскій въ 2-хъ частяхъ. Часть I. (Спеціальныи отдѣлъ.—Циркуляръ Министра Финансовъ.—Уставъ попечительства о народной трезвости.—Инструкція.—Изъ „Правительственнаго Вѣстника“.—Изъ доклада Министра Финансовъ. Часть II. (Хрестоматія).—Праздничный разгулъ.—Послѣ попойки.—Богатырь.—Два мужика.—Цыганка.—Первый винокуръ.—Картинки.—Обѣтъ воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ.—Передъ смертію.—Зачѣмъ пьешь мужичекъ.—Ссора.—Козинка.—Пѣснь о камаринскомъ мужикѣ.—Кто виноватъ? — Мужъ и отецъ.—Прощайте!—Мать и отецъ. Мужъ и жена.—Мельникъ.—Хмель убійцы.—Два друга.—Логика пьянаго.—Мірской сходъ.—Пословицы.—Праздникъ просвѣщенія.—О сквернословіи пьяныхъ.—Ладя.—Мыслитель.—Горь.—Петербургскій подвалъ.—Изъ бѣдной жизни.—Сонъ крестьянки.—Горемычная жена). Спб. 99. Цѣна 50 коп.

Торжество Германской промышленности. Соч. Е. Уилльямса, переводъ съ англійскаго В. Лапидевскаго, съ предисловіемъ профессора Имп. Спб. Унив. П. И. Георгіевскаго. 238 стр. Цѣна 1 руб.

Донъ-кихотъ ламанчскій. Сочиненіе Сервантеса, полный переводъ въ 2-хъ частяхъ Н. М. Тимофьева. 356 стр. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Съ требов. обращаться въ Кни. Складъ П. П. Сойкина, Спб. Стремянная, 12.

Серія духовно-нравственныхъ сочиненій подъ общимъ заглавіемъ:

«ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА РУССКАГО ПАЛОМНИКА»

- Св. Адрианъ и Наталія. Церковно-историч. пов. Д. Алексича. Изд. 2-е. 25 к.
- Анакосты. Виблюграф. заѣтки . . . 5 >
- Алфей изъ Назарета. Виды и нравы галилейскіе во время земной жизни Христа Спасителя . . . 10 >
- Апология Св. Кіевскихъ мощей. Соч. Архіеп. Теофана (Прокоповича) . . . 10 >
- Афонскій подвижникъ. Рассказъ изъ жизни на Афонѣ въ 2-хъ частяхъ. Соч. Е. Багреевой-Сперанской . . . 75 >
- Бен-Гуръ. Рассказъ изъ временъ земной жизни Иисуса Христа. Сочин. Уоллеса, б. послани. С.-А. Штатовъ въ Турціи. 418 стран. . . . . 75 >
- Бесѣды христіанскаго семейства. Изъ «Часовъ Благоговѣнія» . . . 10 >
- Благоговѣнія размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя . . . 25 >
- Благочестивыя христіанскія странствованія. Изъ соч. Игумена Марка . . . 20 >
- Вѣчное чудо христіанской вѣры. страданія І. Х., описанныя за 1500 лѣтъ до Рожд. Христова . . . . . 5 >
- Гласъ Пастыря, или бесѣды священника со своими прихожанами . . . 25 >
- Св. Григорій Богословъ, его жизнь и избранныя творенія. Сост. подъ ред. Пресс. Никанора, еписк. Орловскаго . . . 75 >
- Дневникъ Протоіерея Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго) . . . 25 >
- Духовныя размышленія свѣтскаго челоуѣка . . . . . 10 >
- Душа. Изъ твореній епископа Иліи Минаія . . . . . 5 >
- Защитники христіанства (апологеты). Сочин. проф. Кав. дух. академіи П. Реверсова. . . . . 50 >
- Избранныя мысли изъ душепасительныхъ поученій Платона, митроп. Московск. Вол. томъ, болѣе 500 стр. . . . 75 >
- Св. Іоаннъ Златоустъ. Его жизнь и дѣятельность. Сост. іеромон. Θεодосій, подъ ред. Пресвщ. Никанора, еписк. Орловскаго . . . . . 25 >
- Св. Іоаннъ Златоустъ. Его избранныя творенія . . . . . 25 >
- Калиста. Повѣсть изъ жизни кароагенскихъ христіанъ . . . . . 25 >
- Книга бытія моего (Изъ воспоминаній о Востокахъ). Епископа Порфирія (Успенскаго) . . . . . 25 к.
- Константинопольское монашество отъ основанія города до конч. Патриарха Фотія (330—893). Соч. Аб. Марена . . . 50 >
- О крестѣ Христовомъ противъ раскольниковъ, соч. о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго). . . . . 35 >
- Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ Ѳ. Е. Шеляговскаго . . . 25 >
- По слѣдамъ Апостола Павла. Жизнь и дѣятельность Св. Апостола языковъ, соч. Шнеллера. Съ картою. . . 25 >
- Палестина подъ властью христіанскихъ императоровъ. Историческіе очерки . . . . . 30 >
- Праотець Моисей, его жизнь и время, соч. проф. Раулинсона . . . . . 35 >
- Размышленія о жизни Иисуса Христа. Соч. Фомы Кемпійскаго, перев. съ англ. свящ. М. Славинскаго . . . 50 >
- Свѣтъ Азии. Распространеніе христіанства въ Сибиріи въ связи съ описаніемъ быта, нравовъ, обычаевъ и религіозныхъ вѣрованій инородцевъ этого края. Сост. Т. Догуревичъ. . . 25 >
- Святѣны нашего сѣвера. Путешествія по обителямъ Сѣверной Россіи И. Остроумова . . . . . 25 >
- Слѣпорожденный. (Уроки христіанской жизни). Соч. О. Функе . . . . . 25 >
- Сивозъ мрамъ къ свѣту. Историч. повѣсть Ф. В. Фаррара . . . . . 25 >
- Святѣны земли руссой. Съ описаніемъ жизни и подвиговъ святыхъ и знаменій, бывшихъ отъ чудотворныхъ иконъ. Состав. Е. Поселянинъ. . . 25 >
- Сестры Фабіолы. Пов. изъ врем. гоненія на христіанъ. Соч. К. Семенова . . . . . 25 >
- Тайны загробной жизни, при свѣтѣ православно-христіанскаго ученія. Сост. на основаніи Св. Писанія, твор. Св. Отцовъ и лучшихъ отецъ сочненій С. Архангеловъ . . . . . 25 >
- У святѣны притидіпровѣя. Заѣтки странника. Соч. С. Астафьева . . . 25 >

Гг. иногородніе прилагаютъ на пѣ есылку 20 к. на 1 р. назначени. цѣны.

Съ треб.е. обращаться въ Книжный Складъ П. П. Сойкина, Слб., Стремянная, 12.

ПАТРИАРХЪ ВИКОНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

М. А. Филиппова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание П. П. Сойкина
12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюня 1899 года.

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная ул., собств. д. № 12.

I.

Новый Иерусалимъ.

Стоять прекрасные весенніе дни 1656 года. Москва въ большомъ движеніи: колымаги, рыдваны, кибитки, возы, верховые и пѣшеходы движутся ужъ нѣсколько дней на новгородскую дорогу. У всѣхъ запасы провизіи. Проѣзжаютъ по той же дорогѣ и гости (купцы) съ обоими разнаго съѣстнаго и питія. Туда же направляются и множество духовныхъ особъ: бѣлаго и чернаго духовенства,—кто въ чемъ.

Вотъ и самъ царь со всѣмъ дворомъ, окруженный огромной свитой и рейтарами, выѣзжаетъ туда же.

По всей дорогѣ, какъ видно, ожидали такое всеобщее движеніе: повсюду вновь возникшіе трактиры, заѣзды, распродажа съѣстнаго и питія.

Ѣдетъ этой дорогой и царь Алексѣй Михайловичъ и на пятидесятой или шестидесятой верстѣ отъ Москвы сворачиваетъ въ сторону и видитъ, неожиданно, надъ рѣкой Истрой, на горѣ, обширный станъ.

— Это Новый Иерусалимъ!—воскликаетъ онъ набожно и выходитъ изъ своего экипажа.—Насъ,—продолжаетъ онъ,—встрѣтитъ, вѣрно, святѣйшій патріархъ.

Всѣ спѣшваются, окружаютъ царя и движутся впередъ.

У подножія горы встрѣчаетъ царя патріархъ Никонъ, окруженный сонмомъ духовенства, хоругвями и иконами, а впереди его несутъ животворящій крестъ.

И царь, и дворъ, и народъ — все падаетъ ницъ, патріархъ благословляетъ всѣхъ и цѣлуется съ царемъ.

— Великій государь, — говоритъ онъ, — да будетъ приходъ твой на это мѣсто, гдѣ сподобитъ меня Господь Богъ воздвигнуть обитель и храмъ Воскресенія, великимъ знаменіемъ, что цари російскіе во вѣки будутъ посѣщать сей храмъ. Чтобы благодать Царя царствующихъ на нихъ снизошла и спасала отъ враговъ... Я и все російское духовенство привѣтствуемъ и благословляемъ тебя. Теперь грядемъ на мѣсто, гдѣ предположено сооруженіе храма и обители: помолимся Господу силъ, освятимъ это мѣсто и назовемъ его „Новый Іерусалимъ“...

Съ этими словами Никонъ двинулся впередъ съ животворящимъ крестомъ, а за нимъ царь и народъ, и всѣ запѣли единогласно: „Тебе Бога хвалимъ“...

Мѣстность была восхитительная: волнистая и въ рощахъ, а у подошвы рѣка Истра живописно извивалась. Приѣхавшіе москвичи расположились по горѣ шатрами, и посреди ихъ высились шатры — царскій и патріаршій. Трапеза готовилась и для царя, и для народа.

Отслужилъ Никонъ молебень на рѣкѣ, освятилъ воду, и потомъ набрали ее въ ковши, и патріархъ пошелъ окроплять всѣ мѣста, гдѣ предполагались сооруженія.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ предположено было заложить храмъ Воскресенія, были ужъ выкопаны рвы и приготовлены камни и монеты.

Здѣсь Никонъ остановился, и начался вновь молебень и водосвятіе, послѣ чего царь положилъ въ ровъ первый камень и монету; то же самое сдѣлалъ и Никонъ.

Все духовенство и народъ запѣли: „Тебе Бога хвалимъ“, а потомъ „Спаси Господи люди твоя“.

По окончаніи этого обряда, царь и бояре приложились ко кресту, и тогда патріархъ, скинувъ облаченіе, повелъ ихъ къ обѣденному столу.

За обѣдомъ царь обратился къ Никону.

— Великій государь, святѣйшій отецъ и богомолецъ нашъ! повѣдай и намъ: почему ты нарекъ мѣсто сіе „Новымъ Іерусалимомъ“?

— Великому и благовѣрному государю моему и предстоящимъ боярамъ, окольничьимъ и думнымъ дворянамъ не безвѣдомо, что церковь восточная и св. Іерусалимъ въ полону у султана... Патріархи восточные: Антіохійскій, Александрійскій, Іерусалимскій и Царьградскій въ полону турскомъ. Не можетъ быть по этой причинѣ и церковной свободы паломникамъ нашимъ; ходящимъ ко гробу Господню чинять тамъ всякія неправды. Вдохновиль меня Святой Духъ соорудить на семь мѣстѣ храмъ Воскресенія, по образу и по подобію храма Іерусалимскаго. Да имѣють благочестивые и вѣрующіе мѣсто безопаснаго поклоненія; а святая Восточная церковь со своими блаженными патріархами да имѣеть убѣжище и пріютъ на случай турскаго гоненія.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Латинство тѣмъ и сильно, что папа въ Римѣ независимъ и единъ на Западѣ; а наша Греко-Восточная церковь тѣмъ и слаба, что она разрознена на многія патріаршества. Молю Господа силъ, да соединитъ Онъ, въ грядущемъ, всю Восточную церковь въ семь „Новомъ Іерусалимѣ“. Безъ этого не можетъ быть единенія и всѣхъ славянскихъ народовъ, указанныхъ преподобнымъ Несторомъ. Мы съ тобой, великій государь, положили первый камень этому единенію: къ намъ присоединена Малая Русь, и подъ высокую твою руку скоро станеть и Бѣлая. Съ подчиненіемъ моему патріаршеству кievской митрополіи присоединяется и епископство галиційское, и тебѣ, мой великій государь, придется его присоединить къ своему царству. Но стонуть еще подъ игомъ турокъ и нѣмцевъ иные православные народы: болгаре, сербы, словенцы, моравы, герцеговинцы, босняки черногорцы... Всѣ они пищутъ и молятъ, чтобы ты взялъ ихъ подъ свою высокую руку... Тогда и мѣсто сіе, какъ

пробываніе ихъ патріарха, сдѣлается для нихъ „Новымъ Іерусалимомъ“. — Вотъ почему я и нарекъ сіе мѣсто этимъ именемъ.

Рѣчь эта произвела на царя благопріятное впечатлѣніе: онъ понялъ политическій смыслъ новаго храма; но боярамъ она не понравилась:

— Вишь, куда залетаеть, — зашептались они межъ собою:—хочеть сдѣлаться всемірнымъ и новымъ папою... Восточныя патріаршества учреждены вселенскимъ соборомъ, а онъ, какъ папа, хочеть быть однимъ... это—латинство... еретичество... Еще и Бѣлая-то Русь не наша... да и Малая можетъ улыбнуться, а онъ метнулъ ужъ въ Галицію, да и нѣмцевъ и турскаго султана полонилъ... блажной, а не блаженный...

Окончился обѣдъ, и патріархъ повелъ царя и всю его свиту на мѣсто сооруженія и показывалъ, какъ и что гдѣ будетъ.

Царь остался всѣмъ доволенъ и тутъ же пожертвовалъ на сооруженіе храма, обители и ихъ содержаніе множество деревень бывшаго коломенскаго епископства.

Вся его свита стала тоже жертвовать, и набралось такъ много, что патріархъ могъ тотчасъ же приступить къ постройкѣ, тѣмъ болѣе, что планы Іерусалимскаго храма были ужъ доставлены іеромонахомъ Арсеніемъ, а строителемъ взялся быть архимандритъ Ааронъ и одинъ изъ лучшихъ въ то время архитекторовъ.

Несмотря, однакожъ, на обиліе пожертвованій со стороны бояръ, что они дѣлали лишь въ подражаніе царю, они были этимъ очень недовольны, что видно было по общему ихъ недовольному виду и перешептываньямъ.

Однимъ же изъ самыхъ недовольныхъ былъ Стрѣшневъ; казна его была пуста, а тутъ царскому родственнику стыдно-де отстать отъ другихъ, и онъ, хотя и сдѣлалъ крупное пожертвованіе, но въ душѣ злобствовалъ на **Никона**.

Въ такомъ настроеніи онъ незамѣтно удалился отъ царской свиты и побрелъ въ свой шатерь.

Онъ засталъ тамъ Хитрово, Алмаза и архимандрита Чудовскаго монастыря Павла.

— А! вы, друзья, собрались... Ну, попъ Берендяй задалъ намъ задачу... Заставилъ раскошелиться и царя, и бояръ... Царь-то ничего... а вотъ бояре—унеси ты мое горе, точно полныи облопались... Держался я за животики, — князь-то Трубецкой, скареда, и тотъ вотчину отдалъ... то-есть, послѣ своей смерти... А Одоевскій, Урусовъ, Лыковъ, Ромодановскій... Ха! ха! ха!.. Одинъ лишь Шереметьевъ, тотъ и пенязями, и лѣсомъ, и камнемъ, и землями.

— А ты что даль?—прервалъ его Алмазь.

— Я?... да что лучшую вотчину-то свою подмосковную,—вдохнулъ Стрѣшневъ.

— А чѣмъ будешь теперь жить?—озлобился Алмазь.

— Положу зубы на полку,—улыбнулся Стрѣшневъ.

— Зубы-то не положишь,—обидѣлся за него же Хитрово:—ты пойдика на войну да отличись, какъ сдѣлали Урусовъ и Одоевскіе, и царь тебя взыщетъ. Не поспеетъ онъ тебѣ дать тогда и десятокъ помѣстьевъ съ угодьями, пашнями и пущами.

— Держи карманъ пошире,—расхохотался Алмазь:—кому служба мать, кому мачиха.

— А впрямь, пойду въ рать,—вдохнулъ Стрѣшневъ.

— Да, вѣдь, купецкія-то дочери и молодоженки поиздыхаютъ на Москвѣ,—подшутилъ архимандритъ Павелъ.

— Ты останешься,—засмѣялся Стрѣшневъ.

— Шутки въ сторону,—серьезно возразилъ архимандритъ:—окромя, нужно ножку подставить святѣйшему... а коли онъ долой, то и монастыря, и храма Воскресенья не будетъ,—вотъ и вотчины вновь отойдутъ назадъ къ жертвователямъ.

— Оно-то такъ,—возразилъ Стрѣшневъ,—да пойдик

ты съ нимъ, потягайся... сегодня онъ нагородилъ съ три короба, а царь-то и ротъ раскрылъ, и уши-то развѣсилъ, точно самъ Іоаннъ Златоустъ съ амвона глаголетъ. Я, говоритъ... и того... и сего... и патриархи-то плевка не stoютъ, и вотъ-де папа... тотъ и такой и сякой распрекрасный... и будетъ сіе мѣсто точно Римъ... а я, дескать, новый папа... и всѣ придуть ко мнѣ на поклоненіе... и будутъ-де цѣловать они не туфлю мою, а сапогъ.

— Смазной,—расхохотался Алмазь.

— Позволь, не то онъ говорилъ,—прервалъ Стрѣшнева Хитрово.

— Все едино, такъ я и рассказывать то буду, коли возвращу въ Москву,—разсердился Стрѣшневъ.

— Вотъ за это—люблю! восхитился архимандритъ.

II.

Никонъ стремится прорубить окно въ Европу.

Въ началѣ XIV вѣка, т. е. въ 1323 году, на мѣстѣ нынѣшняго Шлиссельбурга, у истока Невы изъ Ладожскаго озера новгородцы заложили крѣпость Орѣшковъ.

Цѣль ея была не только защитити свои владѣнія отъ шведовъ и финновъ, но это былъ портъ, по которому ихъ торговый флотъ велъ свои операціи съ Европой, а морской флотъ, который былъ довольно силенъ, дѣйствовалъ въ случаѣ надобности противъ шведовъ.

Но во время междуцарствія и смуть въ Россіи въ началѣ XVII вѣка шведы вторгнулись въ новгородскую область, овладѣли ею и вмѣстѣ съ тѣмъ захватили на Ладожскомъ озерѣ Кексгольмъ или Кареллу и Орѣшковъ.

Карелла была сильною крѣпостью и господствовала надъ западнымъ берегомъ Ладожскаго озера, и шведы

взяли ее съ большимъ трудомъ: гарнизонъ нашъ бился до послѣдняго и почти весь погибъ. Овладѣвъ этими двумя пунктами, шведы отрѣзали насъ совершенно и отъ Балтійскаго моря, и отъ Европы. По Столбовскому договору, послѣ тяжкой войны царь Михаилъ Ѳедоровичъ заставилъ шведовъ возвратить намъ новгородскія земли, но граница наша отодвинута отъ Ладожскаго озера и Невы, такъ что мы остались все же безъ моря и безъ порта. Фактъ этотъ былъ такъ многозначителенъ, что тогдашній шведскій король Густавъ Адольфъ на сеймѣ говорилъ, что онъ не столько сожалѣетъ о возвращеніи новгородскихъ земель Россіи, какъ радуется тому, что мы отодвинуты отъ моря: такъ какъ эта варварская страна владѣетъ землями, дворянствомъ и естественными богатствами, и если она получитъ портъ въ Балтійскомъ морѣ, то сдѣлается страшною для Швеціи сосѣдкою.

Послѣ этого и походъ именно подъ Смоленскъ, и война наша съ Польшей при Алексѣѣ Михайловичѣ показали, что мы безъ порта не можемъ политически существовать.

Вотъ причина, почему тотчасъ послѣ возложенія на себя патріаршей митры Никонъ снарядилъ Петра Потемкина для занятія береговъ Финскаго залива; а 25 мая онъ отправилъ къ нему донскихъ казаковъ, которыхъ онъ благословилъ идти даже на Стокгольмъ.

Пошли эти войска на Новгородъ и двинулись къ берегамъ Ладожскаго озера. По пути попадались Потемкину одни лишь финны; они принимали его радушно, съ хлѣбомъ и солью, и указали на одни лишь шанцы, занятые шведами.

Войска наши двигались очень медленно, и потому казаки нагнали ихъ, и они вмѣстѣ обложили эту крѣпостцу.

Шведы отчаянно защищались, но должны были уступить силѣ и сдались.

Дальнѣйшая судьба этого похода неизвѣстна, но изъ жалобъ тогдашнихъ шведскихъ пословъ видно, что онъ былъ успѣшенъ, что захвачена вся мѣстность Финскаго залива и вмѣстѣ съ нею множество плѣнныхъ и добра.

Этотъ первый походъ московскихъ царей къ берегамъ Невы и Ладожскаго озера не могъ остаться безслѣднымъ въ исторіи нашей, и походъ Петра Великаго туда же есть только продолженіе начатаго Никономъ.

Но въ то время, какъ Потемкинъ прокладывалъ намъ путь къ Финскому заливу, царь, торжественно въѣхавъ въ Полоцкъ 5 іюля, черезъ десять дней выступилъ въ Ливонію противъ шведовъ.

Ночью черезъ дремучія лѣса Ливоніи, по пути къ Динабургу движутся гнѣшіе ратники съ небольшимъ обозомъ; они идутъ безъ усталости и роздыха и спѣшаютъ какъ бы на пиръ. Впереди рати двое: одинъ среднихъ лѣтъ другой помоложе.

— Бояринъ, говоритъ младшій:—не осерчаетъ царь?... Въдъ мы на развѣдку лишь посланы, а ты хочешь ударить на Динабургъ.

— И ударимъ, Родивонъ Матвѣевичъ! что-жъ мѣшкать-то? Царь, батюшка, за нами идетъ, и не ему-же, драться?... Коли удастся, спасибо скажетъ; коли нѣтъ самъ пойдетъ съ главными силами. Авось и удастся тогда намъ слава.

— Слава-то слава, бояринъ, а коли головы мы тамъ сложимъ?

— Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать.

— Это-то правда.

Предводители были князь Урусовъ и Родивонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ.

Когда этотъ отрядъ, имѣвшій три тысячи четыреста ратниковъ, приблизился къ Динабургу, шведамъ и въ голову не приходило, что онъ рѣшится на что-нибудь серьезное, и полагали, какъ это было въ дѣйствительности, что онъ будетъ ждать главныя силы съ царемъ.

Но вышло иначе: придя до свѣта часа за два и отдохнувъ немного, войска наши бросились на большой городъ и въ теченіи одного часа заняли его послѣ ожесточеннаго боя.

Шведы отступили и заперлись въ верхнемъ городѣ, Русскіе бросились на приступъ и, хотя нѣсколько разъ были отбиваемы, но наконецъ одолѣли враговъ; шведы, однакожь, не хотѣли сдаваться и всѣ до одинаго погибли.

Урусовъ и Стрѣшневъ всюду были впереди и только геройству своему обязаны были успѣхомъ; въ особенности Стрѣшневъ содѣйствовалъ много побѣдъ.

Обладая отличнымъ оружіемъ и богатырской силой, онъ прямо косилъ шведскихъ тяжелыхъ и неповоротливыхъ латниковъ: у кого руку, у кого ногу, у кого голову снесетъ.

— Перкеле!—кричали ратники финны.

— Фанъ! *)—вопили шведы.

Въ тотъ же день и главныя наши силы приблизились къ Динабургу, и къ удивленію царя посланецъ отъ Урусова и Стрѣшнева доложилъ ему черезъ Богдана Хитрово, что городъ ужъ взятъ.

Царь очень сожалѣлъ, что Динабургъ не сдался, а взятъ съ бою, и на другой день присутствовалъ при закладкѣ храма во имя Бориса и Глѣба, а городъ велѣлъ назвать—Борисо-Глѣбовымъ **).

Послѣ того всѣ русскія силы двинулись къ Кукойносу. Городъ укрѣпленъ былъ такъ сильно, что царь писалъ о немъ сестрамъ, что онъ можетъ сравняться съ Смоленскомъ и окруженъ ровомъ, напоминающимъ ровъ вокругъ Московскаго Кремля. Крѣпость не хотѣла

---

*) Перкеле и Фанъ,—чертъ.

***) Неизвѣстно, что препятствуетъ и въ настоящее время это сдѣлать, въ память русскихъ героевъ и русскихъ угодниковъ: слово Динабургъ и смысла не имѣетъ. *Авт.*—Нынѣ онъ названъ Двинскъ. *Ред.*

сдаться, и Алексѣй Михайловичъ взялъ ее штурмомъ. „67 убито и 430 ранено нашихъ“,—отписывалъ царь въ Москву, но вѣроятно потери были болѣе значительныя, и царь не хотѣлъ тревожить ни семью, ни Москву дурными вѣстями.

За то крѣпость сильно пострадала: наши вырѣзали весь гарнизонъ, а городъ сожгли.

Послѣ того, собравшись съ силами, царь, въ концѣ августа, приблизился къ Ригѣ и осадилъ ее.

1 сентября, въ день новаго года, послѣ молебна, шесть нашихъ батарей открыли огонь по городу, и стрѣльба продолжалась безостановочно день и ночь.

Но успѣха нельзя было ожидать: море для осажденныхъ было открыто, и шведскій флотъ подвозилъ имъ и провизію, и ратниковъ, и оружіе, и порохъ.

Мы же, напротивъ того, имѣли во всемъ затрудненія: подвозы были затруднительны, и продовольствіе большихъ силъ было почти невозможно, а мѣстные жители не только не снабжали насъ необходимымъ, но еще вели противъ насъ партизанскую войну и уничтожали нашихъ фуражировъ.

Положеніе царя подъ Ригею становилось незавиднымъ тѣмъ болѣе, что тамъ командовалъ шведами храбрый воинъ и отличный генераль графъ Делла-Гарди.

Но царь окопался, велъ правильную осаду и ждалъ подкрѣпленій...

1-го октября, въ день Покрова, войска наши торжествовали праздникъ молебномъ и усиленными порціями пищи и вина. Послѣ вечерни и трапезы царь зашелъ въ свою опочивальню.

Ставка его была изъ избы, собственно для него срубленной, и довольно теплая: печи русскія и стѣны, завѣшенныя коврами, давали большое тепло.

Въ опочивальню царскую зашли Матвѣевъ, Хитрово и Стрѣшневъ за приказаніями.

— Дѣла плохи, сказалъ царь. Только что получилъ

гонца отъ патріарха Никона; онъ пишетъ: повсюду распутица, слякоть; поэтому подвозъ пороха, орудій и хлѣба будетъ возможенъ только тогда, когда установится зима... но дожидаться здѣсь зимы невозможно: и люди, и лошади не выдержатъ голодухи... будетъ съ нами то, что было съ Шейнымъ подъ Смоленскомъ: изъ осаждающихъ мы обратимся въ осажденныхъ. Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что плѣнные шведы говорятъ, что Делла-Гарди ждетъ короля свейскаго Карла съ большимъ войскомъ и разными снарядами.

— Что же ты, великій государь, хочешь сдѣлать?— спросилъ Матвѣевъ.

— Пока у насъ имѣются еще люди, лошади и порохъ, отступить къ Полоцку и на пути захватить Юрьевъ (Дерптъ). Ты какъ думаешь, Богданъ? — обратился онъ къ Хитрово.

— Я давно ужъ стою на томъ же самомъ. Да вотъ что, великій государь, позволю правду сказать, какъ предъ Богомъ: думаю я, что и войну со свейцами не слѣдъ было начинать: король напалъ на Польшу, и это было намъ на руку: пуцай бы онъ съ одной стороны душилъ ляховъ, а мы съ другой. Потомъ ляхи одолѣли бы свейцевъ и выгнали бы ихъ изъ Польши, а мы остались бы въ Литвѣ. Патріархъ же затѣялъ теперь войну со свейцами, и тѣ отянуть свои войска отъ Польши, а поляки, коли кончится годичное перемиріе, разобьютъ насъ у себя, такъ какъ большая часть нашего войска здѣсь.

— Пойми, Богданъ, мы безъ моря совсѣмъ войны не можемъ вести. При томъ патріархъ былъ только за походъ Потемкина, а не на Ливонію и не за перемиріе съ Польшею; онъ осерчалъ, когда мы застряли въ Вильнѣ, и кричалъ: нужно-де идти на Варшаву и Краковъ. А бояре стояли на своемъ: на ~~перемиріи съ поляками~~ и на походѣ въ Ригу.

— Безъ моря взаправду нельзя и быть; такъ снова

взять Орѣшковъ (теперь Нотенбургъ) и Кексгольмъ, а тамъ мы можемъ имѣть свою крѣпость и свои суда, а для этого нужно послать только побольше ратниковъ Петру Потемкину. Теперь мы погнались за двумя зайцами и ни одного не поймемъ... Ригу трудно взять.

— Одначе намъ Рига нужна, и Иванъ Грозный былъ здѣсь. Коли мы ее возьмемъ, къ намъ на помощь приведутъ суда и датчанъ, и голландцевъ; а въ Ладожское озеро имъ не пройти,—съ береговъ Невы не пустятъ ихъ ни финны, ни швейцы.

— Дай-то Господи, великій государь, взять Ригу,—возразилъ Стрѣшневъ:—но взять-то не въ моготу.

— А ты какъ мыслишь, Артамонъ Матвѣвичъ?

— Я, великій государь, что и бояринъ Богданъ, — думаю думу: коли мы возьмемъ Орѣшекъ, то на островѣ Котлинѣ (Кронштадтъ) мы устроимъ пристань,—туда-то и пожалуютъ къ намъ и голландцы, и датчане.

— Тамъ нужно еще все устроить, Артамонъ Матвѣвичъ, а въ Ригѣ все готово,—облупленное яичко.

— Да вотъ въ ротъ-то оно не дается, — вздохнулъ Хитрово.

— Но что это, кажись, выстрѣлы,—сталъ прислушиваться Стрѣшневъ.

— Я отправлюсь къ своимъ стрѣльцамъ, — встревожился Матвѣвъ.

— А я пойду, узнаю, что въ станѣ и въ окопахъ, и донесу тебѣ, великій государь... какъ прикажешь? — спросилъ Стрѣшневъ.

— Ступай.

Стрѣшневъ вышелъ. Ночь была темна. Вѣтеръ шумѣлъ, снѣгъ большими хлопьями падалъ.

Выстрѣлы изъ орудій и изъ ружей раздавались во многихъ пунктахъ окоповъ; ясно было, что шведы сдѣлали вылазку изъ крѣпости въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Стрѣшневъ сѣлъ на своего коня, стоявшаго у царской ставки, и съ конюхомъ своимъ, Федькою, помчался

по направленію ближайшихъ выстрѣловъ. Когда онъ примчался къ окопамъ, онъ увидѣлъ зарево отъ зажженного непріателемъ нашего лагеря, въ которомъ ратники наши бились съ ожесточеніемъ со шведскими латниками. Стрѣшневъ бросился было рубиться со шведами, но вдругъ ему пришла мысль: если шведы побѣдятъ въ этомъ мѣстѣ, то меньше чѣмъ въ полчаса они будутъ у ставки царя и полонятъ его или убьютъ.

Эта мысль ужаснула Стрѣшнева.

— Федька!—крикнулъ онъ конюху, — скачи къ Матвѣву: пуцай со всѣми стрѣльцами идетъ къ царю, а я помчусь къ Урусову... да по дорогѣ заверни къ царской ставкѣ и скажи Хитрово: пуцай-де держится крѣпко у ставки, помощь-де будетъ.

Съ этими словами Стрѣшневъ прищпорилъ коня и помчался на другой конецъ лагеря, гдѣ не было слышно выстрѣловъ. Когда онъ прибылъ къ отряду Урусова, оказалось, что тотъ небольшую лишь часть отряда оставилъ на этомъ мѣстѣ, а съ остальною, по первой же тревогѣ, онъ бросился отстаивать наши редуты.

Стрѣшневъ забралъ остальную рать и повелъ ее къ царской ставкѣ. Подходя къ ней, онъ увидѣлъ, при усиливающемся заревѣ въ лагерѣ, что они уже атакованы шведами.

Хитрово съ небольшою частью царскаго полка дрался здѣсь отчаянно, и шведы готовы были ихъ подавить своею многочисленностью, тѣмъ болѣе, что впереди ихъ графъ Делла-Гарди рубилъ нашихъ налѣво и направо.

— Впередъ, ребятушки, на выручку царя, съ нами Богородица воительница!—крикнулъ Стрѣшевъ и ударилъ въ тылъ шведамъ.

Непріатель, не ожидавшій нападенія съ этой стороны, немного смѣшался, но храбрый Д. д. Гарди, оставивъ одного рыцаря сражаться съ Хитрово, ударилъ на Стрѣшнева.

Оба противника сошлись и оба сыпали удары другъ другу; вдругъ крикъ: „ура!“ раздался съ третьей стороны,—это Матвѣевъ врубился со стрѣльцами въ шведскую рать.

Шведы дрогнули и разсыпались, а Делла-Гарди прищпорилъ коня и сталъ отступать, призывая громко свою рать.

Русскіе начали на него сильно наступать и много положили на мѣстѣ латниковъ, Делла-Гарди же съ небольшими остатками отступилъ за окопы наши въ крѣпость.

Во всю ночь и почти до полудня 2-го октября шла ожесточенная борьба со шведами, такъ какъ они пытались нѣсколько разъ врываться въ нашъ лагерь.

Мы отъ нихъ насилу отбились, и хотя много ихъ пало, но и съ нашей стороны потеря была велика; въ особенности намъ была чувствительна потеря жилыхъ помѣщеній и складовъ, сожженныхъ непріателемъ; также уничтожено имъ много нашихъ запасовъ и заклепано нѣсколько орудій.

Многія же изъ нашихъ укрѣпленій взорваны ими на воздухъ.

Дольше, такимъ образомъ, оставаться было невозможно, и царь, разсчитывая на то, что шведы слишкомъ много потеряли людей и не могутъ его преслѣдовать, велѣлъ собраться къ отступленію; забравъ всѣ осадныя орудія, лагерь и обозъ, онъ отступилъ къ Подоцку и по дорогѣ захватилъ Юрьевъ (Дерптъ), гдѣ и оставилъ сильный гарнизонъ.

Матвѣевъ, Хитрово и Стрѣшневъ за подвиги ихъ получили большія награды и съ того времени въ особенности Богданъ Хитрово сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ царю.

Не болѣе мѣсяца спустя, царь отправилъ Матвѣева подъ Вильно, такъ какъ тамъ шли неуспѣшно перегово-

воры нашихъ пословъ съ поляками о мирѣ. Послы наши получили уполномочіе приостановить въ Литвѣ военныя дѣйствія съ тѣмъ, чтобы намъ разрѣшено было обратиться оружіе въ Малороссію.

III.

Янъ Казиміръ и Марія Людви́ка.

Что же дѣлалось во время годоваго перемирія въ Польшѣ?

Она сбросила съ себя ненавистное иго шведовъ. Ненавистнымъ было оно потому, что Польша была преимущественно страна католическая, а шведы или, лучше сказать, нѣмецкія войска, пришедшія съ Карломъ X, были фанатичные протестанты: они грабили католическіе костелы, православныя и униатскія церкви, рѣзали и вѣшали поповъ и ксендзовъ. Всеобщій энтузіазмъ овладѣлъ страной, и примѣръ тому подалъ Ченстоховъ: патриоты тамъ собрались, призвали къ себѣ знаменитаго воина Чарнецкаго, и не болѣе, какъ черезъ годъ, шведы были изгнаны или перерѣзаны, а Краковъ и Варшава очутились вновь въ рукахъ Яна Казиміра.

Послѣ того, какъ Янъ Казиміръ былъ разбитъ шведами, 16-го сентября 1654 года, подъ Страповою Волею, онъ уѣхалъ было съ женою въ Малый Глоговъ, въ Силезію, и жилъ почти изгнанникомъ. Но польскіе патриоты, изгнавъ шведовъ, послали за нимъ депутатовъ, и тотъ возвратился въ Краковъ съ большимъ торжествомъ.

Мѣсяць спустя послѣ прибытія его туда, въ кабинетъ къ нему вошла, однажды утромъ, жена его Марія Людви́ка. Это была женщина лѣтъ подъ-тридцать, статная, высокая, съ черными огненными глазами, типа болѣе итальянскаго, чѣмъ французскаго, хотя она была изъ королевскаго французскаго дома.

Она была въ первомъ бракѣ за королемъ польскимъ Владиславомъ, роднымъ братомъ Яна Казиміра, но, овдовѣвъ, она упросила папу разрѣшить ей выйти замужъ за роднаго брата покойнаго ея мужа.

Впрочемъ, тогдашній папа былъ очень податливъ: не надѣясь когда-либо сѣсть на какой-либо престолъ, Янъ Казиміръ за пять лѣтъ до вступленія на престолъ брата своего, т. е. въ 1638 г. отправился путешествовать въ Италію. Тамъ прельстился онъ іезуитами, вступилъ въ ихъ орденъ и рукоположенъ даже папою въ кардиналы.

Это кардинальство не помѣшало ему, послѣ смерти брата своего, вступить 10-го января 1644 года на польскій престолъ и потомъ жениться на своей невѣсткѣ.

Къ этому-то женатому іезуиту-кардиналу-королю вошла его жена и невѣстка.

Король, имѣя въ это время лѣтъ за сорокъ, былъ однакожь очень хилъ и, страдая подагрой, сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ, а ноги его, укрытыя шалью, покоились на мягкой скамеечкѣ.

Войдя къ нему, королева поцѣловала его въ лобъ, опустила на стулъ и, поднявъ набожно глаза къ небу, произнесла восторженно:

— Благодаря Ченстоховской Божьей матери, нашей заступницѣ, дѣла наши идутъ недурно. Москали сидятъ подъ Ригой... наши комиссары дурачатъ подъ Вильной князя Одоевского, — они все поддерживаютъ въ немъ надежду, что царь Алексѣй Михайловичъ будетъ избранъ въ короли... но это вѣдь невозможно: у поляковъ избирательное начало, и они никогда не согласятся на наслѣдственное избраніе. При томъ царь не измѣнитъ своей вѣрѣ и не признаетъ папы, а безъ этого ему и не быть избраннымъ: по этой самой причинѣ и царь Иванъ Грозный не былъ избранъ сеймомъ.

— Это-то такъ, — замѣтилъ Янъ Казиміръ, — но вѣсти я получилъ изъ Москвы, что патріархъ Никонъ исправилъ книги церковныя и внесъ въ постановленіе со-

бора Сардикійскаго правило, что въ случаѣ разногласія на соборахъ обращаться къ посредничеству папы. Этимъ и признано главенство папы. Исправилъ онъ также книги такъ, чтобы быть въ единогласіи съ кіевскою церковью. Когда онъ сдѣлалъ этотъ шагъ, есть надежда, что онъ пойдетъ и дальше.

— Говорять,—первала его Марія Людовика:—что онъ основалъ Новый Іерусалимъ, а тайно говоритъ, что это новый Римъ... и желаетъ онъ сдѣлаться въ славянствѣ и на Востокѣ новымъ папою; при томъ говорятъ, что онъ очень свѣтскій человѣкъ, точь въ точь кардиналы Ришелье и Мазарини, и что въ случаѣ прекращенія мужскаго рода Романовыхъ онъ готовъ даже жениться на сестрѣ царя Алексѣя, Татьянѣ, — очень красивой и умной женщинѣ. Но какъ патріархъ—да женится?

— Я же кардиналъ, однакожь это не мѣшало мнѣ жениться, да и Мазарини былъ женатъ на Аннѣ австрійской. При вступленіи кого-либо на престолъ церковь католическая все разрѣшаетъ,—ну, и Никону соборъ разрѣшилъ бы.

— Но русскіе что скажутъ?

— Что бы они ни сказали, но согласись, что по ихъ понятіямъ престолъ не можетъ не быть наслѣдственнымъ,—вотъ почему они и все простятъ своему избраннику. Такъ они искали для царя Михаила невѣсту въ Швеціи и Бранденбургіи. Да и теперь они домогаются, чтобы царь ихъ былъ избранъ въ короли Польши. Но развѣ это возможно?

— Я-то стою за племянника своего, принца Энгіенскаго, но въ томъ лишь случаѣ, если племянница наша, дочь твоего брата Александра, будетъ отвергнута царемъ русскимъ, какъ невѣста его сына. Но послать дочь нашу къ этимъ варварамъ тоже невозможно. Охотно я бы усыновила царевича Алексѣя Алексѣевича, да онъ теперь пока еще единственный у своего отца, и русскіе не отпустятъ его къ намъ. Къ несчастію Богъ не далъ

намъ дѣтей: будь у насъ сынъ,—другое дѣло,—мы бы его женили на одной изъ дочерей Алексѣя, и тогда въ случаѣ прекращенія мужскаго колѣна Романовыхъ, онъ сѣлъ бы на оба престола: на польскій и на русскій. Скажи, когда братъ твой, Владиславъ, былъ избранъ на русскій престолъ, было ли обусловлено, что онъ долженъ принять православную вѣру?

— Видишь-ли, дѣло было такъ: послѣ изложенія въ Москвѣ царя Василия Шуйскаго бояре рѣшили избрать одного изъ трехъ: Михаила Романова, Василия Голицына или Владислава. Большинство стало на сторонѣ Владислава, такъ какъ онъ, хотя былъ еще юнъ, но былъ образованъ и могъ бы быть не только польскимъ, но и шведскимъ королемъ. При подобномъ избраніи русскіе надѣялись покончить вражду со шведами и поляками, и возвеличить этимъ свое государство. Но отецъ мой былъ упрямъ. Въмѣсто того, чтобы отпустить сына въ Москву, онъ самъ надѣлъ на себя шапку Мономаха и, напавъ на Русь, осадилъ Смоленскъ и взялъ его, а Гонсевскій потомъ сжегъ Москву. Это озлобило русскихъ, и они избрали на престолъ Михаила Ѳедоровича. Теперь, какъ ты видишь, мы расплачиваемся за грѣхи отца моего, — русскіе, если бы не заключили съ нами годового перемирія и не бросились бы на шведовъ, то едва-ли мы сидѣли бы теперь въ Краковѣ.

— Что же ихъ вынудило оказать намъ эту помощь?

— Трудность вести войну безъ моря. Шведы овладѣли при отцѣ моемъ Ливонією и берегами Балтійскаго моря; теперь русскіе домогаются отнять у шведовъ Балтійское море, и это только и причиною, что они такъ уступчивы въ отношеніи насъ. Я надѣюсь, что они скоро заключатъ съ нами выгодный миръ. Богдану Хмѣльницкому, хотя онъ присягалъ на подданство Россіи, царь теперь не вѣритъ: тотъ сносится со швед-

скимъ королемъ и списался съ семиградскимъ княземъ Рагоци, чтобы избрали его послѣ моей смерти на польскій престолъ.

— При такихъ обстоятельствахъ, — покачала сомнительно головою Марія Людвика: — сомнительно, чтобы русскіе заключили съ нами скоро миръ. Какъ только они увидятъ, что мы усиливаемся, они покончатъ со шведами и будутъ упорно съ нами драться. А это для Польши раззореніе, да и кровь невинныхъ льется безъ конца. Господи... Матерь Божья, нельзя-ли найти другого исхода?

— Королева, какой можетъ быть тутъ исходъ?.. Единственное, что можно было предложить, это соединеніе обоихъ государствъ: польскаго и русскаго. Здѣсь еще въ отношеніи династическомъ можно бы было кое-какъ примириться съ домомъ Романовыхъ. Но общественный строй нашъ не одинаковъ: главное — такъ это разность религіи, но и тутъ патріархъ Никонъ и нашъ примасъ сошлись бы; важнѣе же то: что сдѣлаешь ты съ нашимъ выборнымъ правомъ въ короли? Тутъ-то мы съ русскими окончательно расходимся: они за наследственность, мы противъ нея, какъ же слиться?

— Нельзя-ли и у насъ установить наследственность престола?

— Видишь-ли, двоюродный братецъ мой, шведскій король Карлъ XI, когда овладѣлъ въ прошломъ году всею Польшею, такъ ему тотчасъ поляки заявили: собери сеймъ и объяви, чтобы тебя избрали, а онъ показавъ на свой мечъ и воскликнулъ: „Я Польшу завоевалъ и не нуждаюсь въ избраніи, — меня мой мечъ провозгласитъ королемъ“... Чтожь? поляки возстали и изгнали его изъ Польши. О наследственности же престола—если заикнуться, то обзовутъ насъ измѣнниками и изгонять изъ Польши. Нужно покориться силѣ и обычаю: полякъ безъ сеймика, сейма и посольской палаты не считаетъ себя безопаснымъ и счастливымъ, а

русскіе обратно: безъ самодержавнаго царя они не видятъ возможности существовать.

— Въ такомъ случаѣ...

— Въ такомъ случаѣ нужно положиться на Бога и, придерживаясь правила „laissez faire“, надѣяться, что все, что ни дѣлается, то воля Божья, и стараться помириться съ русскими и жить съ ними въ ладу, пока оба народа не сблизятся и въ своихъ вѣрованіяхъ, и въ понятіяхъ. Тогда самое сліяніе сдѣлается неизбежнымъ во имя общихъ интересовъ и благополучія.

— Правъ ты: противъ историческаго хода народной жизни ничего не сдѣлаешь,—вадохнула королева, поднялась съ мѣста и отправилась въ свое отдѣленіе.

IV.

Смерть Богдана Хмѣльницкаго.

Въ Чигиринѣ, во дворцѣ гетмана Богдана Хмѣльницкаго сидятъ двѣ женщины: одна въ одеждѣ инокини, другая — въ малороссійскомъ платьѣ, т. е. въ юбкѣ, кофтѣ, обложенной мѣхомъ, а на головѣ ея турецкій платокъ, на шеѣ дорогія монисты, въ ушахъ — брилліантовыя серги. Малороссіянкѣ лѣтъ подѣ сорокъ, и она во всемъ блескѣ красоты: глаза блестящіе черные, цвѣтъ лица свѣжій, но съ загаромъ, черты лица тонки, брови густыя.

Это жена гетмана — Анна, а собесѣдница ея — мама Натя, бывшая жена Никона.

Разговоръ идетъ на малороссійскомъ языкѣ:

— Ты видѣла, матушка, моего мужа, — такъ говори, какъ по твоему разумѣнію: не опасенъ-ли онъ?

— Болѣзнь пана гетмана сильная, нужно тебѣ принять мѣры, чтобы сынъ твой Юрій былъ признанъ еще при жизни отца гетманомъ, потому что это невозможно будетъ сдѣлать... У гетмана столько враговъ, а Юрій юнъ.

— Правду ты говоришь, — вѣдь Юрію только шест-

надцатый годокъ пошелъ. Писалъ недавно гетманъ съ посланцемъ Коробкою къ царю, что онъ сдалъ за старостью и за болѣзнію гетманство Юрію, за радюю полковниковъ и всего войска, и умолялъ царя прислать въ Кіевъ святѣйшаго Никона патріарха, и тотъ бы митрополита на митрополію, а гетманскаго сына на гетманство поставилъ и благословилъ. Царь же о Никонѣ ни слова, а лишь отписалъ: „Вамъ бы, гетману, сыну своему приказать, чтобы онъ намъ, великому государю, служилъ вѣрой и правдой, какъ вы, гетманъ, служили; а мы, увидя его вѣрную службу и въ цѣлости сохраненную присягу, станемъ держать его на милостивомъ жалованьѣ“.

— Слышала... слышала, какъ узналъ о такомъ отвѣтѣ миргородскій полковникъ Грицко Лесницкій, онъ и сталъ прочить въ гетману войскавого писаря Выговскаго.

— Да, а мужъ мой, какъ узналъ объ этомъ, такъ Лесницкаго хотѣлъ казнить, Выговскаго же держалъ пригнетеннаго лицомъ къ землѣ цѣлый день, — да я упростила отпустить и того, и другого.

— Напрасно онъ это сдѣлалъ, а Никона едва-ли выпустятъ изъ Москвы: у царя теперъ въ милости Хитрово и Стрѣшневъ, — а тѣ враги святѣйшаго.

— Знаемъ это и мы, и все войско, да когда бы Никонъ былъ здѣсь, все было бы иное; былъ бы онъ здѣсь и патріархомъ, и главнымъ надъ всѣми, и тогда не нужно бы было быть намъ подъ рукой (въ подданствѣ) московскаго государя, и св. градъ Кіевъ былъ бы, быть можетъ, новымъ Римомъ, не только для насъ малорусовъ, но и для другихъ. Какъ въ войскѣ узнали, что царь не отпускаетъ къ намъ Никона, — всѣ плакали.

— А на Москвѣ, — воскликнула инокиня съ сверкающими глазами, — ругаютъ его, называютъ еретикомъ, за чѣмъ-де исправилъ книги и ввелъ единогласіе въ пѣніи въ церкви, какъ это и у васъ. А за государевымъ

дѣломъ онъ не имѣеть покоя ни днемъ, ни ночью, недобѣсть, недоспять, а отъ бояръ одна честь, — зависть одна подлая да и подкапываются подъ него. Взяли мы, говорятъ они, и Бѣлоруссію, и Малороссію, и довольно... значить, больше онъ намъ ненуженъ, теперь раздѣлимъ межъ собою добычу; а онъ не даетъ, говорить: все-де государское... и увидишь, гетманша, — не отпустятъ они его сюда да и самого заточатъ.

— Крїй*) Боже!—воскликнула съ ужасомъ Анна.— Да, чтобъ такого умнаго извели! Ужь Богданъ, гетманъ, какой умный, аль Выговскій.. да и тѣ говорятъ: куда намъ до Никона. Такого человѣка и не было втораго на свѣтѣ. Да признаться, если бы не Никонъ, то Богданъ не сдался бы царю, и, коли были у насъ какія обиды отъ воеводъ, такъ Никонъ, какъ узнаеть, всегда просить прощенія и взыщеть. Безъ него же, увидишь, матушка инокиня, снова мы будемъ или съ ляхами, или съ турками. Никонъ зналъ, кого карать, кого жаловать, умѣлъ ладить съ людьми, а коли бояре начнутъ жить своимъ умомъ, то ладу не будетъ: вооружать они противъ царя и войско, и народъ.

Вошелъ въ этотъ мигъ молодой человѣкъ, безбородый, но съ мужественнымъ лицомъ, хотя скромнаго вида: на немъ былъ казакинъ, припоясанный серебрянымъ кушакомъ, съ боку котораго висѣла драгоцѣнная турецкая сабля. Поцѣловавъ руку гетманшѣ, онъ торопливо сказалъ:

— Къ намъ, матушка, гости прїѣхали... изъ Кіева воевода Бутурлинъ... Говорять, отъ царя. Онъ ужь въ лагерь наказнаго атамана.

— А отецъ-то твой болень... Захочеть-ли онъ принять его и говорить съ нимъ?

— Зайди къ нему, матушка, вѣдь онъ, коли болень, такъ не любитъ, чтобы къ нему заходили, кромѣ тебя.

---

*) Сохрани.

— Идемъ къ гетману вмѣстѣ, послушаемъ, что онъ скажетъ.

Они прошли корридоръ и очутились въ обширномъ залѣ, это была и пріемная, и столовая гетмана. Посрединѣ этой огромной комнаты съ большими окнами стояли дубовые столы, и по бокамъ виднѣлись дубовыя скамьи. Стѣны столовой были украшены оружіемъ, отнятымъ у непріятелей, знаменами, бунчуками, и здѣсь же виднѣлись головы лосей, оленей, кабановъ и медвѣдей, добытыхъ Богданомъ на охотѣ.

Отсюда они вошли въ другую комнату; это была рабочая гетмана.

Усталая дорогими коврами, она имѣла въ углу у большаго топчана небольшой столъ, на которомъ стояла чернильница и лежали въ порядкѣ бумаги. Надъ топчаномъ висѣли хорошей нѣмецкой работы масляными красками портреты—его и жены его. На противоположной стѣнѣ виднѣлись портреты покойнаго пріемнаго его сына, убитаго въ Румыніи, и родного его сына Юрія.

Въ комнатѣ этой они застали войсковаго писаря Выговскаго; онъ сидѣлъ на топчанѣ въ ожиданіи приказаній гетмана.

Поклонившись съ сыномъ Выговскому, который поцѣловалъ имъ руки, они подошли къ завѣшенной большимъ ковромъ двери, ведущей въ опочивальню Богдана. Стоявшій у двери казачекъ отдернулъ коверъ и впустилъ туда Анну и ея сына.

Опочивальня Богдана была большая комната, уставленная мягкими топчанами; полъ и стѣны были завѣшены и закрыты дорогими коврами.

Въ турецкомъ халатѣ, въ малороссійской барашковой шапкѣ гетманъ полулежалъ на топчанѣ противъ иконъ. Ноги его были укрыты парчевымъ одѣяломъ, а въ изголовьѣ у него виднѣлись подушки, покрытыя наволочками изъ тонкаго полотна.

Увидѣвъ входящихъ къ нему жену и сына, гетманъ

видимо обрадовался: страдальческое лицо его повеселѣло. Анна и сынъ ея поцѣловали у него руку.

— Радъ васъ видѣть, — закричѣлъ Богданъ отъ боли въ ногахъ, опухшихъ отъ водянки. — Кажется, — продолжалъ онъ, — лисица Выговскій ждетъ, чтобы я его позвалъ. Слышалъ я отъ людей, что отецъ его побратался съ москалями...

— Бутурлинъ Ѳедоръ Васильевичъ изъ Кіева пріѣхалъ, — перебила его Анна. — Значить, онъ вовсе не на сторонѣ Выговскаго.

— Они уже успѣли прежде въ Гоголевѣ повидаться съ нимъ; но обманетъ ихъ эта лисица. А Бутурлинъ сюда пріѣхалъ, знаешь, зачѣмъ? Чуетъ-де воронъ падаль. Охъ! лышенько мнѣ, конецъ насталъ Богдану: не ѣсть, не пьеть, а горше всего, — горилка опротивѣла. Прежде бывало полъ ока (бутылка) на снѣданье, да око на обѣдъ, а теперь и чарка противна. А человѣкъ коли не ѣсть, значить смерть пришла.

— Не первина это, — утѣшала его жена: — и съ Божьею помощью поправишься. Теперь, одначе, нужно подумать, какъ принять московскихъ гостей.

— Принять! — закипятился Богданъ. — Да лучше бы они прислали ко мнѣ Никона. Пріѣзжай сюда Никонъ, другое бы дѣло: мы бы съ нимъ все вверхъ дномъ поставили: перенесли бы московскую столицу въ Кіевъ, завоевали бы Польшу, уничтожили бы и татарву, и турскаго султана. Да и сынъ мой имѣлъ бы дядьку такого, какого на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ и не было. Гляди, вѣдь счастье же московскому царю, — родился же у него да изъ крестьянства, изъ черныхъ-то людей такой человѣкъ, а здѣсь, коли кто умень, то плутовать и продаженъ какъ Іуда, хотя бы вотъ и писарь нашъ войсковой, — Выговскій. А Никонъ какъ песъ вѣреть своему царю и не только ничего отъ него не беретъ, но всю церковную свою казну ему отдалъ; теперь, говорятъ, нечѣмъ ему даже достраивать свой Новый Іерусалимъ.

— Я еще лучшее слышала отъ инокини Наталіи, — понизила голосъ Анна. — Она боится, что бояре низложатъ и заточатъ Никона, такъ какъ они перестали въ немъ нуждаться, и онъ мѣшаетъ имъ только грабить завоеванныя имъ земли Бѣлоруссіи и занятую имъ Малороссію.

— Если это правда, и если они заточатъ его, — я примирюсь съ татарами, и мы пойдемъ на Москву... дорого имъ будетъ это стоить, — я разорю всю Великую Русь и сожгу Москву... Нѣтъ, пока живъ Богданъ, волосъ съ головы святѣйшаго патріарха не упадетъ. И если я согласился быть подъ высокою рукою русскаго царя, такъ лишь потому, что царствомъ править этотъ великій разумъ, эта правдивая и честная душа. Что бы я далъ, если бы возможно было его перетащить сюда!.. я бы посадилъ его гетманствовать, а самъ былъ бы у него простымъ наказнымъ атаманомъ.

— Что же дѣлать, коли царь не отпускаетъ его теперь. Но вотъ гонецъ отъ наказнаго атамана Лесницкаго прибылъ изъ нашего Чигиринскаго лагеря, и онъ пишетъ, что Бутурлинъ ужь у него, а это всего десять верстъ, — нужно бы послать кого-нибудь къ нему на встрѣчу.

— Чорта я ему послать бы, — вспыхнулъ Богданъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ продолжалъ: — покличьте писаря Выговскаго.

Сынъ его Юрій исполнилъ его приказаніе. Выговскій Иванъ, войдя къ гетману, низко ему поклонился, подошелъ къ нему, поцѣловалъ у него руку и остановился у двери.

— Иванъ, полученъ гонецъ наказнаго атамана: онъ пишетъ, что у него ужь бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ. Возьми двѣсти казаковъ, сына моего и есаула Ивана Ковалевскаго и поѣзжай къ нему на встрѣчу. Сынъ мой Юрій поклонится ему отъ меня и скажетъ, что я боленъ.

Посольство это тотчасъ уѣхало на встрѣчу царскому послу и встрѣтило его въ пяти верстахъ отъ Чигирина.

— Не погнавайтесь, — сказалъ Бутурлину Юрій: — что отецъ мой самъ не выѣхалъ къ вамъ на встрѣчу: онъ очень боленъ.

— Очень жаль, что отецъ вашъ боленъ, я къ нему съ великими государевыми дѣлами.

Послѣ того малороссы торжественно въѣхали съ Бутурлинымъ въ Чигиринъ при колокольномъ звонѣ.

На другой день Бутурлинъ отправился рано утромъ къ гетману. Богданъ принялъ его въ своей опочивальнѣ, и, когда тотъ заговорилъ было о предметѣ своего посольства, гетманъ отказался его слушать по причинѣ болѣзни и просилъ отложить разговоръ до другого раза.

Бутурлинъ разсердился и хотѣлъ уѣхать; но Богданъ объявилъ ему, что онъ приметъ это за прямой разрывъ съ царемъ. Это заставило Бутурлина и его свиту остаться обѣдать.

За обѣдъ сѣли: жена Богдана Анна, дочь Катерина, другая дочь — жена Данилы Выговскаго, писарь Иванъ Выговскій и есаулъ Иванъ Ковалевскій. Гетмана вынесли съ кроватью въ столовую, и онъ во время обѣда лежалъ тамъ, но въ половинѣ стола онъ велѣлъ налить себѣ кубокъ венгерскаго, всталъ и поддерживаемый слугами пилъ за здоровье царя и его семейства. Потомъ онъ провозгласилъ тостъ:

— За здоровье святѣйшаго патріарха Никона, милостиваго заступника и ходатая!

Не извѣстно, понравилось-ли послѣднее Бутурлину, но объ этомъ оффиціально донесено было въ Москву.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого, Богданъ пригласилъ къ себѣ Бутурлина для выслушанія государева дѣла.

Бутурлинъ, какъ видно изъ его донесенія въ Москву, говорилъ съ Богданомъ даже не какъ съ вассаломъ, а

какъ съ простымъ воеводою: онъ упрекалъ его чуть-ли не въ измѣнѣ и клятвопреступленіи.

Богданъ вспыхнулъ и обратно доказывалъ, что бояре при виленскомъ перемиріи продали Малороссію ляхамъ; наконецъ онъ воскликнулъ:

— Когда еще мы не были у царскаго величества въ подданствѣ, великому государю служили, крымскаго хана воевать московскія украины не пускали девять лѣтъ... и теперь мы отъ царской высокой руки неотступны и идемъ воевать съ неприятелями (крымскимъ ханомъ) царскаго величія, хотя-бы отъ нынѣшней моей болѣзни и смерть приключилась... для того и веземъ съ собою гробъ.

— Послѣднее правда, я въ лагерѣ наказнаго атамана видѣлъ десять тысячъ ратниковъ, готовыхъ въ походъ противъ крымскихъ татаръ, но сможешь-ли ты, гетманъ, съ ними выступить?

— Какъ Богъ дастъ, а разорителемъ вѣры христіанской я никогда не буду... были съ нами въ союзѣ и бусурманы—крымскіе татары, и меня слушали, бились за церкви Божіи и за вѣру православную. Великому государю во всемъ воля: только мнѣ диво, что бояре ему ничего добраго не совѣтуютъ: короною польскою еще не овладѣли и мира въ совершеніе еще не привели, а уже съ другимъ государствомъ, со шведами, начали войну. Пришлось мнѣ заключать союзъ со шведами, венграми, молдаванами и волохами; если-бы я этого не сдѣлалъ, то сдѣлали-бы это ляхи и насъ всѣхъ въ Малой Руси вырубил-бы и выжгли.

Бутурлинъ тогда возразилъ, что по милости семиградскаго князя Рагоци и шведскаго короля мы, русскіе, потеряли много городовъ въ Польшѣ. Потомъ онъ укорялъ его за рѣзкую рѣчь.

— Когда вамъ отъ неприятелей было тѣсно,—говорилъ Бутурлинъ,—такъ ты-бы, гетманъ, съ послами великаго государя говаривалъ поласковѣ; а теперь ты

говоришь съ большими пыхами *), невѣдомо по какой мѣрѣ. Тебѣ самому памятно, какъ приходилъ я со многими ратными людьми тебѣ на помощь противъ поляковъ и крымскихъ татаръ; въ то время ты былъ очень низокъ (скромень) и къ намъ держалъ любовь большую. Носи платье разноцвѣтное, а слово держи одинакое.

Потомъ онъ началъ оправдывать войну нашу со шведами и заключилъ, что царь не измѣняетъ ни своего расположенія, ни милостей своихъ къ нему, Богдану, и что все остальное поклепъ.

— Я вѣрный подданный царскаго величества,—возразилъ тогда гетманъ:—и никогда отъ его высокой руки не отлучусь. Царскаго величества милость и оборона намъ памятны, и за то готовы мы также царскому величеству служить и головъ своихъ не шадить. Только теперь дайте мнѣ покой; подумавши обо всемъ, вамъ отвѣтъ учинимъ въ другое время: теперь я страдаю отъ тяжелой болѣзни, не могу говорить.

Послѣ того Богданъ велѣлъ тутъ-же накрыть на столъ и просилъ Бутурлина попріятельски отобѣдать у него, чѣмъ Богъ послалъ.

Жена и дочь его Катерина сѣли за столъ и подчивали гостя.

На другой день гетманъ послалъ писаря Ивана Выговскаго къ Бутурлину извиниться, что по случаю болѣзни онъ рѣзко говорилъ съ нимъ о государевыхъ дѣлахъ.

Два дня спустя, пріѣхали къ гетману шведскіе и венгерскіе послы.

Бутурлинъ встревожился и сдѣлалъ запросъ: что это значитъ?

Въ отвѣтъ на это гетманъ на другой день пригласилъ къ себѣ русскихъ пословъ и увѣрилъ ихъ, что

---

*) Собственное выраженіе Бутурлина.

онъ ищетъ союза со шведами и венграми, чтобы уни-чтожить Польшу, и въ заключеніе присовокупилъ:

— Теперь-бы начатое дѣло съ ляхами къ концу привести, чтобы всѣми великими потугами съ обѣихъ сторонъ ляховъ бить, до конца искоренить и съ другими государствами соединиться не дать; а мы знаемъ навѣрное, что словомъ ляхи великаго государя на корону избрали, а дѣломъ никакъ не случилось, какъ видно изъ грамоты ихъ къ султану, которую я отослалъ къ царскому величеству.

Великую правду, сказанную гетманомъ, Бутурлинъ обошелъ молчаніемъ, придирался только къ мелочамъ и предъявилъ разныя претензіи, между прочимъ, чтобы сынъ гетмана, Юрій, присягнулъ Россіи на подданство. На это Богданъ справедливо возразилъ, что требованія русскихъ будутъ удовлетворены; что-же касается сына его, то необходимо прежде, чтобы онъ, гетманъ, умеръ, и чтобы войско поставило сына его въ гетманы, и тогда, вѣроятно же всего, онъ и присягнетъ царю.

Это была послѣдняя бесѣда Богдана съ русскимъ посольствомъ: ежедневно ему становилось все хуже и хуже, и 27 іюля, во вторникъ, утромъ, онъ почувствовалъ себя такъ дурно, что пригласилъ духовника: исповѣдался, приобщился и соборовался. Послѣ того ему сдѣлалось какъ будто легче, и онъ велѣлъ вынести себя съ кроватью на террасу, ведущую въ садъ. Къ полудню онъ сдѣлался тревоженъ:

— Что пишеть изъ Москвы Тетеря?—спросилъ онъ жену.

— Мы отъ него писемъ еще не получили,— сказала она.

— Я его просилъ, чтобы онъ повидался съ патриархомъ Никономъ и билъ-бы челомъ: не только я и войско, но теперь и все наше духовенство молить его пріѣхать сюда, поставить митрополита... Господи! а онъ не ѣдетъ... если выздоровѣю, я самъ поѣду въ Москву, я упрошу

царя отпустить его сюда. Бояре съума спятили: чего они рѣжутся со шведами подъ Ригой, — имъ-бы ляховъ добить.

Онъ замолчалъ, но заметался на постели и жаловался на стѣсненіе въ груди и на то, что отъ лежанія у него болитъ то тамъ, то сямъ. Жена его Анна, дочь Катерина и Юрій помогали ему поворачиваться съ боку на бокъ и подавали ему воду, такъ какъ онъ жаловался на жажду.

Часа въ четыре онъ заснулъ на нѣсколько минутъ, но вдругъ проснулся и крикнулъ:

— Ганна, Катя, поглядите, Никонъ не пріѣхалъ-ли?.. Мнѣ казалось, точно онъ подѣхалъ къ крыльцу.

— Никто не пріѣзжалъ, — отвѣтила жена его.

— Никто? такъ это былъ сонъ... сонъ... а я какъ будто его видѣлъ, онъ такъ кланялся мнѣ, благословлялъ... да и Юрія... Гдѣ Юрій?.. Гдѣ Катя?.. Гдѣ ты, Ганна?.. Я васъ не вижу. Гдѣ мое войско?.. Развѣ оно пошло на татаръ? Да, пошло... пошло... слышишь?.. Да, я слышу, — пушки палятъ, сабли стучать, кровь рѣкою. Села и города горять. Коня! Коня! Какъ-же безъ коня? Коня! На шихъ бьютъ...

Онъ умолкъ и больше не говорилъ: къ пяти часамъ великаго человѣка не стало.

V.

Первая размолвка Никона съ царемъ.

Послѣ свиданія съ Бутурлинымъ и крупнаго разговора съ нимъ, Богданъ Хмѣльницкій отправилъ посломъ въ Москву одного изъ приближенныхъ своихъ, Павла Тетерю.

Прибывъ въ Москву, Тетеря насилу добился оффиціального приѣма царемъ 4 августа. Царь принялъ его торжественно, и Павелъ Тетеря сказалъ витіеватую рѣчь, очень длинную и составляющую наборъ фразъ.

Вотъ ея начало:

„Егда благодарованную пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества державу нынѣшними времяны надъ малороссійскимъ племенемъ нашимъ утвержденну и укрѣпленну внутренними созираю очима, привожу собѣ въ память реченное царствующимъ пророкомъ“ и т. д.

Послѣ этой рѣчи, не откладывая въ долгій ящикъ, бояре задали посланнику вопросы, относящіеся до утверженія воеводской системы управленія Малороссією.

Ораторъ давалъ уклончивые отвѣты, а по политическимъ вопросамъ прямо сказалъ, что гетманъ постарается склонить къ миру шведовъ и будетъ поддерживать въ Польшѣ домогательство царя, чтобы послѣ смерти Яна-Казиміра избрали его въ короли.

Этимъ переговоры посла ограничились съ боярами, но вовсе не для этого пріѣхалъ Павелъ Тетеря въ Москву; у него была совершенно иная цѣль: онъ рассчитывалъ возвратиться въ Кіевъ съ патріархомъ Никономъ.

Но какъ это устроить?

Онъ отправился въ Андреевскій монастырь къ Епифанію Славенецкому.

Ученый монахъ принялъ соотечественника своего радушно, угостилъ его варениками съ гречневою кашею, пампушками съ чеснокомъ, гороховымъ супомъ, причемъ не была забыта и чарка.

Послѣ нѣсколькихъ возліяній обѣ стороны сдѣлались откровенны:

— Да вѣдь я, отецъ Епифаній, собственно за вашимъ Никономъ пріѣхалъ,—молвилъ Тетеря.

— Напрасные разговоры, — махнулъ рукою Епифаній.—Бояре Никона изъ Москвы не выпустятъ, въ особенности въ Малороссію. Онъ теперь ужъ пишется: великій государь и патріархъ Великія, Малыя и Бѣлыя Руси. Такъ коли онъ поѣдетъ въ Кіевъ да засядетъ тамъ, то будутъ два великихъ государя: одинъ въ Кіевѣ, другой въ Москвѣ. Лучше, такимъ образомъ, держать его въ Москвѣ, такъ, знаешь, подъ рукою.

— И въ плѣну?—подсказалъ Тетеря.

— Отгадали, землякъ. Впрочемъ, заѣзжайте къ патріарху и поговорите съ нимъ. Быть можетъ, онъ уговоритъ царя и бояръ отпустить его въ Кіевъ. Болѣзнь Богдана, желаніе его, чтобы избрали сына его въ гетманы, и необходимость поставить туда митрополита—быть можетъ, и заставятъ ихъ склониться на просьбу малороссовъ.

— Когда-же можно видѣть патріарха?

— Поѣдемъ туда хоть тотчасъ.

— Ёдемъ на моихъ лошадяхъ.

Они вышли, сѣли въ коляску Тетери и помчались въ Москву.

Патріархъ, если онъ былъ только въ своихъ палатахъ, всегда сидѣлъ въ своей комнатѣ за работой.

Епифаній безъ доклада повелъ къ нему малороссійскаго посла.

Послѣ обычнаго въ то время поклона до земли Епифаній и Тетеря подошли къ патріаршему благословенію, причемъ Епифаній представилъ Тетерю, какъ посла отъ гетмана.

— Слышалъ я, почтенный посоль, — началъ Никонъ: — что тебя приняли очень ласково и съ почетомъ у царя, и что отъ тебя потребовали объясненія о малороссійскихъ неправдахъ... и воровствахъ.

— Я-бы даль отвѣтъ, — о неправдахъ воеводъ, а отъ насъ не было ничего не по Божьему; мы теперь готовимъ на крымскаго хана большую рать и ждемъ только вашихъ бояръ.

— Бояре Ромодановскіи и Шереметьевъ идутъ къ вамъ.

— И съ Божьей помощью, святѣйшій патріархъ. Но кабы ты смиловался на наше слезное моленіе и приѣхалъ въ Кіевъ, то поставилъ-бы и новаго митрополита и утвердилъ-бы гетманскаго сына Юрія.

— Говорилъ я съ царемъ да онъ не пуцаеть.

— Прежде гетманъ Богданъ былъ немного нездоровъ, а теперь на смертномъ одрѣ.

— Я этого не зналъ, почтенный посоль. Нужно сообщить объ этомъ царю,—быть можетъ, онъ и отпустить меня въ Кіевъ. Я тотчасъ-же къ нему поѣду.

Патріархъ благословилъ пришедшихъ, и тѣ вышли.

Никонъ только что началъ одѣваться, какъ появился у дверей строитель Новаго Іерусалима, архимандритъ Ааронъ.

— Что скажешь, отецъ архимандритъ? — спросилъ Никонъ благосклонно.

— Былъ я, святѣйшій патріархъ, по твоему приказу во всѣхъ приказахъ, чтобы откуда нибудь достать хотя нѣсколько денегъ: у насъ рабочіе наняты, время лѣтнее, камень, доски и иной лѣсъ подвозятся. Теперь ограда ужъ готова, башня тоже, церковь заложена, нужно-бы подогнать стѣны до крыши, а тутъ денегъ ни откуда. Въ приказахъ всюду одинъ отвѣтъ: безъ царскаго указа серебра не выдадимъ,—на войну нужно.

— Да вѣдь я-то расплачивался на приказныя нужды своими деньгами, такъ пуцай хоть часть возвратятъ... притомъ развѣ мой указъ не одинаковъ съ царскимъ? Кто-же осмѣлился это говорить?

— Въ дворцовомъ: Милославскій и Морозовы, въ другихъ: бояре—Романовъ, Черкасскіе, Трубецкой и другіе.

— Странно,—воскликнулъ патріархъ! — прежде безъ моего указа не отпускали деньги, а теперь безъ царскаго. Прежде царь велѣлъ послушниковъ моего указа судить, а теперь онъ велѣлъ моего указа не слушать... притомъ я не прошу ихъ казны, прошу немного лишь, чтобы возвратили мое. Не могу-же я въ монастырѣ не кормить людей и не платить рабочимъ. Ёду я сейчасъ къ царю, а ты подожди.

Никонъ вышелъ и съ большою свитою уѣхалъ къ царскимъ палатамъ.

Было время обѣденное, и царь принялъ его мило-

ство въ своей комнатѣ и велѣлъ принести обѣдъ, желая съ нимъ раздѣлить трапезу.

По обычаю за обѣдомъ о дѣлахъ не было говорено, а по окончаніи трапезы и молитвы, когда со стола убрали, Никонъ обратился къ царю:

— Слышалъ ты, великій государь, гетманъ Богданъ при смерти боленъ.

— Мнѣ говорили, что онъ не такъ здоровъ, да это не впервые.

— Это такъ; но теперь Малороссія безъ митрополита, а тамъ она будетъ и безъ гетмана.

— Того и другого они избираютъ, и это не наше дѣло, кого они посадятъ. Намъ лишь-бы они остались вѣрны и лишь-бы присягнули подъ нашу высокую руку.

— Не говори, великій государь! Важно намъ, чтобы гетманъ и митрополитъ были-бы нашими. Не такъ тебѣ докладывали; есть тамъ много враговъ нашихъ: и Выговскій писарь, и тѣ, которые съ нимъ, все это—враги наши. А Богданъ и духовенство за насъ. Было-бы хорошо, великій государь, если-бы ты отпустилъ меня въ Кіевъ: я-бы тамъ поставилъ имъ митрополита и настоялъ-бы на избраніи сына гетмана.

— Онъ еще молодъ, ему всего шестнадцать лѣтъ.

— Великій государь, и ты имѣлъ шестнадцать лѣтъ, когда вступилъ на царство.

— Отъ того-то и смуты были въ началѣ моего царствованія.

— Отъ того, великій государь, что ты не имѣлъ добрыхъ совѣтниковъ... а Юрію ты можешь дать совѣтниковъ пожилыхъ изъ ихъ рады и изъ бояръ.

— Развѣ Борисъ Ивановичъ,—вспыхнулъ царь:—и Илья Даниловичъ не радѣли о государевомъ дѣлѣ?.. А потому лишь, что я былъ юнъ, ихъ и охуждали.

— Великій государь, не сказалъ я въ укоръ боярамъ Морозовымъ и Милославскому, а такъ лишь—къ слову.

Малороссія не наша страна: межъ полковниками и судьями есть люди съ высокимъ разумомъ, люди ученые.

— Ужъ будто у насъ все люди безъ ума, безъ знанія,—обидѣлся вновь царь.

— Есть и у насъ люди съ знаніемъ, но меньше чѣмъ тамъ, да не въ этомъ дѣло, а то хотѣлъ я сказать, что къ юному царю можно поставить цѣлую думу или, по ихъ выраженію, раду, которая заправлять будетъ всѣмъ государскимъ дѣломъ.

— А мнѣ бояре говорили: коли умреть Богданъ, такъ пушай кого захотятъ избираютъ, а мы туда воеводъ своихъ по городамъ назначимъ.

— Воеводъ можно назначить,—замѣтилъ Никонъ:—Малороссы, одначе, къ тому непривычны, и воеводы будутъ ихъ обижать. При томъ,—присовокупилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—нужно еще намъ укрѣпить за собою, миромъ съ Польшею, и Малороссію, и Бѣлую Русь; потомъ мы должны держаться ихъ порядковъ и обычаевъ.

— Бояре говорятъ иное: воеводство соединило-де всю Русь, начиная съ удѣльныхъ князей до Новгорода, Пскова, Казани и Астрахани; воеводство соединитъ насъ и съ Малою, и Бѣлою Русью, и я стою за это.

— Великій государь, не смѣю послушаться твоей воли, одно только скажу: введи въ Малую Русь воеводство, да тогда лишь, когда со свейскимъ королемъ и съ Польшей будетъ миръ. Такъ ты, великій государь, не отпустишь меня въ Кіевъ?

— Бояре бають, не пригоже-де святѣйшему патріарху ѣхать въ Кіевъ ставить митрополита: пушай-де духовенство Малой Руси избереть кого хочетъ и сюда пришьлетъ. Не намъ-де кланяться имъ, а они должны намъ поклониться въ Москвѣ.

— Великій государь,—сказалъ горячо Никонъ:—царьградскіе патріархи не разъ пріѣзжали въ Кіевъ ставить

митрополитовъ и благословить паству. Отчего бы и мнѣ не поѣхать благословить свою паству?

— Ты самъ говоришь, до мира съ Польшею мы не можемъ считать Малую Русь своею.

— Это правда, да дѣло церкви иное: это не зависитъ отъ мира.

— Да; но бояре бають: безъ утвержденія царьградскаго патріарха ты-де не вправѣ присоединить къ себѣ митрополію Кіевскую: за это, по соборнымъ уложеніямъ, изверженіе изъ церкви.

— Это правда, когда присоединеніе насильственное, а не добровольное. Притомъ, коли царьградскій патріархъ сталъ бы жаловаться: пуцай тогда разберетъ насъ вселенскій соборъ, но не бояре—это не ихъ дѣло. Разсудить двухъ патріарховъ можетъ или соборъ патріаршій, или же, по соборному уложенію сардикійскому, папа.

— Развѣ ты, святѣйшій патріархъ, признаешь этого еретика за патріарха?

— Не могу не признавать,—отлучена не церковь римская и ея первосвященники. а отлучены и проклинаются еретики папы. Церковь, водворенная апостолами Петромъ и Павломъ, не можетъ быть отлучена, а отлучаемъ и проклинаемъ мы тѣхъ папъ, которые не слѣдуютъ божественному евангелію и писанію святыхъ апостоловъ и отецъ... теперь же у меня пока первенствующій патріархъ аль папа—константинопольскій.

— Пуцай будетъ по твоему, святѣйшій патріархъ,—ужь больно ты наученъ во всякой мудрости... все же въ Кіевъ не пуцу,—пуцай митрополитъ ѣдетъ сюда.

— Еще я по другому дѣлу къ тебѣ, великій государь. Былъ и ты при закладкѣ Новаго Іерусалима и обѣщаль ты дать и волости, и села, и пенязи, и началъ я строить и обитель, и св. церковь Воскресенія Христова. Тогда и бояре сдѣлали много пожертвованій. Потомъ... потомъ никто ничего не далъ, видитъ Господь Богъ:

ташу и я, и братія на себѣ и камень, и всякое дерево, усердствуемъ мы, да безъ казны ничего не сдѣлаешь: нужно и хлѣба купить, и того, и другого, и рабочихъ разсчитать.

— Обѣщаль я тебѣ, правда, да видишь самъ, война, а денегъ въ казнѣ нѣтъ, а бояре бають, здѣсь хлѣба нужно войскамъ, пороху, оружія, а тутъ патріархъ затѣяль монастырь строить.

— Кесарю Кесарево и Божіе Богови,—вспылилъ патріархъ.—Строю я монастырь на свои деньги и прошу теперь не царскую аль боярскую казну, а свои собственные деньги: болѣе десяти тысячъ я далъ изъ патріаршей казны, а тутъ такая обида: приказы говорятъ, указовъ-де моихъ не слѣдуетъ слушать,—ты-де запретилъ, великій государь.

— Не запрещаль я, а они указовъ и моихъ не слушаютъ: серебряныхъ денегъ совсѣмъ нѣтъ, а мѣдныхъ рублей бери сколько хочешь.

— Надѣлають бѣды, великій государь, эти мѣдные рубли... говорилъ я, меня не слушали. Даваль и снабжалъ я не мѣдными рублями приказы, а серебряными... пущай дадутъ хоша не много: нужно обитель и церковь кончить.

— Ничего не могу дать,—войну нужно вести.

— Великій государь, знаешь ты, что я былъ противъ осады Риги и стоялъ я за то, чтобы забрать Новгородскія прибрежныя земли,—Орѣшковъ и Кексгольмъ. На это было достаточно и Петра Потемкина съ казаками. А бояре настояли въ Вильнѣ на годовое перемиріе да на осаду Риги; это было на руку ляхамъ. Въ годъ они укрѣпились и вытѣснили свейскаго короля изъ Польши; вытѣсняли и выбьютъ они и насъ изъ Литвы. А коли мы не устроимся въ Малой Руси, такъ будетъ намъ очень трудно.

— Видишь, святѣйшій патріархъ, а ты говоришь, нужно-де строить монастырь.

— Великій государь, строилъ я обитель «Новый Іерусалимъ» такъ, что станеть онъ оплотомъ и противъ враговъ: и ляховъ, и татаръ, коли они придуть.

— Развѣ ты опасаясья?

— Не опасуюсь, да все въ волѣ Божіей, прошу по-этому, дай мнѣ средства исполнить обѣтъ мой и воздвигнуть святую обитель.

— Я тебѣ говорилъ ужъ, нѣтъ у меня средствъ.

Никонъ постоялъ въ недоумѣніи: въ первый разъ за время его святительства онъ получилъ отказъ отъ царя, притомъ онъ считалъ свое дѣло совершенно правымъ.

— Какъ,—воскликнулъ онъ:—твоему царскому величеству жаль нѣсколькихъ сотъ серебряныхъ рублей; и не жаль плечъ моихъ... погляди, гноятся они отъ ранъ, при переноскѣ каменьевъ... тебѣ жаль этихъ нѣсколькихъ сотъ рублей, когда Хитрово и Стрѣшневъ проигрываютъ тысячи въ карты, аль бресають тысячи на псовъ и аргамаковъ... Чтожъ?... Значить, я послѣдній здѣсь.. указовъ моихъ не велѣно слушать.. Собственную казну мою мнѣ не возвращають... въ Кіевъ, гдѣ бы я могъ собрать милостыню на Божій храмъ, меня не отпускають,—такъ я отряхаю прахъ моихъ ногъ... и даю слово: никогда не ѣсть болѣе въ сей трапезной... *).

— Святѣйшій патріархъ, благослови, — переконфуженно произнесъ государь.

— Господи благослови,—торопливо произнесъ патріархъ и вышелъ.

Послѣ этого ухода, Алексѣй Михайловичъ потребовалъ къ себѣ Богдана Матвѣевича Хитрово,—этотъ былъ ужъ при немъ окольничьимъ.

---

*) Объ этомъ первомъ отряханіи праха своихъ ногъ въ столовой въ одномъ изъ своихъ писемъ царю говоритъ Никонъ, безъ поясненія причины этого отряханія. Но то, что въ началѣ слѣдующаго года это было одною изъ причинъ неприглашенія къ обѣду патріарха, когда пріѣзжалъ грузинскій царевичъ,—это очень вѣроятно.

Царь передалъ ему сущность ссоры своей съ патриархомъ.

— Ужъ много ты, великій государь, воли-то даль ему... все ему не ладно, и глупы-де наши бояре, неучи, а онъ лишь одинъ умница.

— Надоѣлъ онъ и мнѣ, признаться тебѣ, Богданъ, пуще рѣдки въ постъ... да ничего не подѣлаешь: патриархъ онъ и терпи.. Патриархъ, что отецъ, все едино... иной разъ и отъ отца бывало терпишь обиды, да ничего: помолишься Богу и стерпишь... и Богъ благословить за это.

— Да и подѣлать-то съ нимъ что мудрено, и много бояръ за нимъ.. а ужъ народъ,—точно молится на него..

— Видишь, Богданъ, коли-бъ онъ да самъ ушелъ: иное дѣло... тогда и Богъ простить: самъ-де не схотѣлъ а принудить-де нельзя..

— Уйдетъ онъ... уйдетъ великій государь, по своей, волѣ... только ты не серчай... увидишь..

— Лишь бы я въ сторонѣ, и его-то жаль... да вѣдь святитель... богомолецъ нашъ,—вотъ и грѣхъ предъ Богомъ. Да, вотъ скажи: коли гетманъ Богданъ умереть, что тогда дѣлать?..

— Меня, великій государь, пошли туда, и безъ патриарха дѣла оборудуемъ... и безъ святѣйшаго обойдемся,—изберутъ тамъ и гетмана, и митрополита, и будутъ они подъ твоей высокой рукой, а тамъ мы воеводства учинимъ. Русская земля должна быть едина, что въ Москвѣ, что въ Кіевѣ... Съ патриархомъ, иначе, теперь рано ссориться: нужно дать ему нѣсколько сотъ, чтобъ умилостивить; а коли я возвращусь изъ Кіева, и все тамъ устроится по его благословенію, тогда мы ужъ—позволь, великій государь—и дѣло сладимъ къ добру... отдѣлаемся мы отъ святѣйшаго.

— Дѣлай, Богданъ, какъ знаешь, а я въ сторонѣ.

— Будеть онъ клясть меня и Стрѣшнева, а намъ

что? Лишь бы тебѣ служить. Теперь позволю идти къ патриарху,—все улажу...

— Ступай да только знай: коли царевны, сестрицы, узнаютъ что либо, онѣ меня заплачутъ и покоя не дадутъ... выживутъ онѣ меня изъ Москвы.

— О размолвкѣ твоей съ нимъ, великій государь, патриархъ никому не расскажетъ, а я подавно болтать не стану... ужъ коли я возьмусь, я и дамъ отвѣтъ.

— Поѣзжай къ патриарху и уладь все, а я пойду къ дѣткамъ... да къ царицѣ... ждетъ она... и поглядишь, вновь дочь... я ее Софіей нареку... дескать пора царицѣ поумнѣть и дать сына... а то Алексѣй-то мой и хилъ, и болѣзненъ... Ну, пока ступай къ патриарху, пушай не сердится и молится: да даруетъ намъ Господь Богъ сына...

Хитрово поцѣловаль у царя руку и удалился.

— Пушай,—подумалъ послѣ его ухода Алексѣй Михайловичъ:—патриархъ молится, авось съ его молитвой и сынъ родится. Сказываютъ, какъ женился царь Иванъ III на Софіи Палеологъ, не была она чадородною, вотъ и пошла на богомолье въ троицко-сергѣевскую лавру; на дорогѣ у самой обители встрѣтился ей ангелъ во образѣ инока и на рукахъ его былъ младенецъ; бросилъ онъ на нее младенца, а тотъ прямо во утробу и родился у нея сынъ Василій, отецъ Ивана Грознаго. Да ужъ не гнѣвить теперь святѣйшаго, а то чрезъ мѣсяць не сынъ, а дочь родится.

Онъ набожно перекрестился.

VI.

Малороссійская смута или рокошъ.

Страхъ и неизвѣстность, что будетъ, задержали погребеніе Богдана Хмѣльницкаго почти на цѣлый мѣсяць; притомъ въ Чигиринѣ ждали, чтобы съѣхалос

изъ Кіева все высшее духовенство, а изъ всей страны рада для выбора гетмана.

Наконецъ къ 23-му августа всѣ съѣхались туда, и печальная процессія, сопровождаемая тысячами верховыхъ и пѣшихъ двинулась въ Субботово, гдѣ останки его погребены.

Многіе изъ патриотовъ, не смотря на то, что Богданъ своевольничалъ и не слушался рады, вмѣстѣ съ погребеніемъ его тѣла какъ будто погребали и вольности, и права Малороссіи, которыя такъ оберегаль и защищаль гетманъ.

И замѣчательно то, что его оплакивали обѣ партіи: шляхетская, стоявшая подѣ главенствомъ Ивана Выговскаго, и народная или черная, имѣвшая во главѣ своей полтавскаго полковника Мартына Пупкаря.

Два дня послѣ этой печальной церемоніи справлялись по покойникѣ поминки, и на третій день собралась рада, но она состояла тогда изъ однихъ начальниковъ войсковыхъ, т.-е., изъ партіи шляхетской, и, вопреки ожиданіямъ народа и даже самого Ивана Выговскаго, рада вручила ему гетманскую булаву.

Но имя и воля Богдана были такъ сильны, что Выговскій писалъ въ Москву, что покойный Богданъ сына своего и все войско запорожское ему въ обереганье отдалъ, а теперь вся страна и чернь старшинство надѣ войсками ему же вручили, и онъ царскому величеству вѣрно служить будетъ.

Узнавъ о смерти Богдана, изъ Москвы тотчасъ отправили въ Малороссію Матвѣева.

Прибывъ къ Выговскому, Артамонъ Сергѣевичъ потребоваль, чтобы новый гетманъ отправилъ въ Швецію посла—уговорить короля Карла примириться съ нами.

Гетманъ исполнилъ требованіе Матвѣева, и тотъ возвратился въ Москву съ увѣреніями въ вѣрноподданствѣ Выговскаго, такъ что царь отправилъ къ нему даже

стрипчато Рагозина съ извѣщеніемъ о рожденіи царевны Софіи Алексѣевны.

Немедленно же послѣ отъѣзда Матвѣева гетманъ собралъ въ Корсунѣ раду.

Всѣ же землевладѣльцы, къ тому времени, были ужъ наэлектризованы двумя прокламаціями миргородскаго полковника Лесницкаго.

Прокламаціи говорили объ уничтоженіи русскими правъ малоруссовъ и о закрѣпощеніи народа.

Когда же въ полѣ собралась вся рада, т.-е. нѣсколько тысячъ человекъ, гетманъ явился туда, отдалъ имъ булаву и сказалъ:

— Не хочу быть у васъ гетманомъ: царь прежнія вольности у насъ отнимаетъ, и я въ неволѣ быть не хочу.

— За вольности,—отвѣчала рада:—будемъ стоять всѣ вмѣстѣ.

Тутъ же она постановила: послать къ царю бить челомъ чтобы все было по старому.

Тогда Выговскій воскликнулъ:

— Вы, полковники, должны мнѣ присягать, а я государю не присягалъ, присягалъ Хмѣльницкій.

— Не правда,—крикнулъ полковникъ Мартынъ Пушкаръ:—все войско запорожское присягнуло великому государю. А ты чему присягалъ: саблѣ или пищали?

— Такъ что же, по твоему и это хорошо: хочеть намъ царь московскій давать жалованье мѣдными рублями... какъ ихъ брать?

— Хотя бы,—возразилъ Пушкаръ:—великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то и я радъ его государево жалованье принимать.

— Ничего ты, панъ полковникъ, не понимаешь,—разсердился гетманъ:—подъ царскіи квитокъ (росписку) дадутъ и миллионъ, а мѣдные рубли не стоютъ болѣе того, что мѣдь.

Шумно сдѣлалось послѣ того на радѣ: одни стояли за гетмана, другіе—за Пупшаря, и стороны разѣхались со взаимными проклятіями и угрозами.

Не испугался Выговскій прокламаціи Грицка Лесницкаго и, возвратясь въ Чигиринь, онъ созвалъ на раду полковниковъ.

— Вѣдома намъ,—сказалъ онъ,—что покойный Богданъ назначилъ въ походъ противъ татаръ Грицка Лесницкаго и далъ ему булаву и бунчукъ наказнаго атамана, а теперъ уѣхалъ онъ въ Миргородъ, булавы и бунчука не возвращаетъ и мутитъ чернь. Посылалъ я къ нему Юрія Хмѣльницкаго, да и тому не отдалъ. Что дѣлать?

— А то,—отвѣчали полковники—что пойдемъ къ нему съ войскомъ и силой отберемъ.

Взяли полковники нѣсколько тысячъ казаковъ, нагрянули на Лесницкаго въ Миргородъ, отняли силой булаву и бунчукъ и въ наказанье заставили его кормить все войско нѣсколько дней да и дать кормъ на обратный путь.

Но хуже всего было то, что запорожцы стали тоже волноваться, но въ пользу лишь Москвы: они отправили туда пословъ бить челомъ, чтобы избраніе въ гетманы было совершено вновь.

Въ Москвѣ назначили собраться радѣ въ Переяславлѣ и отправленъ туда Богданъ Хитрово.

Собраться тамъ радѣ было для насъ выгодно, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій стоялъ здѣсь съ сильнымъ войскомъ.

Когда Хитрово пріѣхалъ въ Переяславль, его встрѣтили какъ царскаго посла съ большимъ почетомъ, и войска наши и малороссійскія вышли къ нему на встрѣчу; а святители кіевскіе встрѣтили его съ иконами и крестами.

Хитрово, подѣхавшій было верхомъ къ встрѣчающему его народу, сошелъ съ лошади и, поклонившись

святымъ иконамъ, объявилъ духовенству, что царь жалуетъ его своимъ словомъ и предоставляетъ ему право избрать, кого угодно, а патриархъ Никонъ благословляетъ ихъ на это. Полковникамъ и раднымъ людямъ Малороссіи онъ объявилъ, что царь не стѣсняетъ ихъ въ выборѣ, и, кого они излюбятъ, тотъ будетъ излюбленъ и царю; и что онъ пріѣхалъ лишь для того, чтобы видѣть ихъ свободное избраніе.

Восторженное духовенство тотчасъ уѣхало въ Кіевъ и избрало въ митрополиты архимандрита кіево-печерскаго Діонисія Балабана.

Осталось избраніе гетмана. Ожидали прибытія на раду полковника Пушкаря изъ Полтавы; но онъ медлилъ.

Тогда разнеслись слухи, что Пушкаръ идетъ въ Переяславль съ войскомъ, чтобы принудить раду не избирать Выговскаго.

Хитрово испугался и рѣшился ускорить избраніе, не желая внести въ раду междоусобицу: онъ назначилъ день сбора.

На соборной площади собрались всѣ наши войска, и въ середину ихъ безъ оружія были впущены всѣ радные люди. Тамъ стоялъ столъ съ евангеліемъ, иконой и крестомъ, а священникъ, во всемъ облаченіи, находился у стола въ ожиданіи, кого изберуть.

На столѣ лежала булава гетманская, вперёдъ возвращенная Выговскимъ.

Когда всѣ собрались, появился Хитрово; онъ объявилъ: чтобы все войско выбирало себѣ гетмана кого хочетъ, по своей волѣ.

Всѣ единогласно крикнули:

— Желаемъ Ивана Выговскаго, онъ любъ намъ всѣмъ.

Тогда Хитрово подошелъ къ столу, взялъ булаву и передалъ ее Выговскому.

Но Выговскій возвратилъ ее назадъ Хитрово и громко произнесъ:

— Не хочу я гетманства, многіе люди въ черни го-

ворять, будто я на гетманство самъ захотѣлъ и будто выбрали меня друзья.

Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать и, наконецъ, умолили его.

Онъ принялъ тогда булаву и присягнулъ въ вѣрности царю,—последнее, конечно, произошло безъ помѣхъ, потому что князь Ромодановскій стоялъ здѣсь съ внушительными силами.

Не успѣла кончиться церемонія избранія и присяги, какъ явился отъ Пушкаря гонецъ изъ Полтавы. Онъ увѣдомлялъ Хитрово, что онъ и его единомышленники просятъ назначить раду въ Лубнахъ.

Хитрово далъ ему отвѣтъ, что выборы уже состоялись.

Нѣсколько дней потомъ шли пиршества: то русскіе угощали малороссовъ, то они—нашихъ.

Казалось, что установился вѣчный миръ и согласіе; но на одномъ изъ пиршествъ Хитрово замолвилъ гетману о томъ, что необходимо-де въ Малороссіи устроить воеводства. Это огоршило Выговскаго, и онъ отвѣтилъ, что онъ поѣдетъ въ Москву повидать свѣтлыя царскія очи, и тогда поговорить можно будетъ и о воеводствѣ.

Отвѣтъ этотъ совершенно удовлетворилъ Хитрово, и онъ выѣхалъ обратно въ Москву, гдѣ и увѣрилъ царя, что и безъ Никона онъ устроилъ дѣла малороссійскія: митрополить-де избранъ, и новый гетманъ присягалъ царю.

Враги Никона успѣли раздуть услугу Хитрово такъ, что царь осыпалъ своего любимца милостями, и съ того времени Хитрово сдѣлался главнымъ совѣтникомъ и докладчикомъ царя.

Между тѣмъ какъ дѣла Хитрово имѣли такой успѣхъ въ Москвѣ, гетманъ Выговскій рѣзлся въ Малороссіи съ полковникомъ Пушкаремъ. Последній по этому поводу прислалъ пословъ просить пріѣзда въ Кіевъ царя и Никона; митрополить же кіевскій предалъ Пушкаря

анаемъ, а Выговскій собирався измѣнить царю и передаться вновь Польшѣ.

Сумятица и чепуха сдѣлалась невообразимая, и рускіе поплатились бы очень дорого, если бы Шереметевъ въ Кіевѣ не отстоялъ русскаго дѣла.

Дѣла подъ Ригой шли то же неудачно: моровая язва посѣтила этотъ городъ, и жертвою ея сдѣлался знаменитый шведскій генераль Магнусъ Делла-Гарди, и всѣ наши города, прилегающіе къ Ливоніи. Мы же должны были чрезъ язву прекратить военныя дѣйствія. Никонъ изъ себя выходилъ. Онъ видѣлъ, что всѣ планы его рушились по милости бояръ: множество народу и денегъ погибло и отъ насъ не только ускользнула Литва, но и Бѣлоруссія была на волоскѣ, а Малороссію пришлось брать вновь съ оружіемъ въ рукахъ.

Мѣдные же рубли совершенно насъ раззорили: явилась масса поддѣльвателей на украиннахъ и въ самой Москвѣ.

Никонъ громко жаловался на эти безпорядки и въ особенности осуждалъ погоню за польской короной, что онъ считалъ химерой.

— Доиграемся, — говорилъ онъ, — что въ одно прекрасное утро явятся въ Москву и ляхи, и шведы, и татары, и казаки.

Его враги передавали рѣчи эти царю, и тотъ охладѣлъ къ нему, и зимою 1657 на 1658 годъ они уже видѣлись съ патріархомъ только въ Успенскомъ соборѣ и въ боярской думѣ. По государственнымъ же дѣламъ доклады производили: по внѣшнимъ — Матвѣевъ, по внутреннимъ — Хитрово.

Морозовъ, Борисъ Ивановичъ, былъ въ это время сильно занятъ измѣною своей жены и судомъ надъ англичаниномъ Барнсли; а Илья Даниловичъ Милославскій со второю своею женою, Акинъею Ивановною, — имѣлъ тоже много горя, и поэтому оба охотно уступили государственныя дѣла Хитрово и Матвѣеву.

VII.

Немилость терема къ Никону.

Анна Петровна Хитрово встала въ отличномъ расположеніи духа; съ вечера легла она спать, и при этомъ дурка Дунька чесала ей подошвы и рассказывала пріятныя сказки, ласкающія слухъ. И заснула она такъ сладостно... Снился ей, поэтому, отличный сонъ: состоитъ она у царицы первой боярыней и глядятъ ей всѣ въ глаза, ищутъ ея милостиваго слова, а она только выстукаетъ гордо, павой, и еле-еле киваетъ въ отвѣтъ головой.

— И за что мнѣ такая милость?—спрашиваетъ она.

— Оттого,—отвѣчаетъ толпа боярынь:—что умомъ-то тебя Господь не обидѣлъ.

Откуда ни возмись и архимандритъ Павелъ тутъ какъ тутъ,—руки у нея цѣлуетъ и говоритъ:

— Ужъ ты, моя благодѣтельница, не покидай меня... видишь, и тебѣ, и царицѣ я всякое угодное творю, а ужъ вы-то крутицкаго митрополита—въ новгородскіе, а меня—въ крутицкіе...

— Безпремѣнно будешь,—только ты вымоли у Бога-то сына царицѣ... помнишь ты царицу Софію и инока.

— Какъ же то не помнить, ужъ какъ буду молить, поститься сорокъ дней буду, сегодня же начну: елей и рыбу лишь въ праздники.

При этомъ проснулась Анна Петровна и очень пріятно сдѣлалось ей на душѣ, обѣщался святитель, что у царицы будетъ сынъ, а это все тогдашнее ея желаніе,— бояре-де баютъ: коли не родить сына, нуженъ разводъ, пока царь-де еще не старъ. Нуженъ-де сынъ непремѣнно, во что бы то ни стало, а святитель Павелъ такъ сладко говорилъ съ нею во снѣ, что и она даже сама разохотилась на сына.

— Безпремѣнно будешь митрополитомъ,—повторяетъ

она на яву тоже самое, что говорила ему во снѣ.—Эй! Акулька...

Является барская-боярыня; кланяется она низко и подходит ужъ къ ручкѣ барыни.

— Который часъ?

— Восьмой.

— Какъ восьмой?—Зачѣмъ не будила?

— Заходила, кашляла.

— Такъ заутреня отошла?

— Отошла, боярыня.

— Ахъ, ты, мерзкая...

Двѣ звонкія оплеухи оглушаютъ опочивальню.

— А архимандритъ здѣсь?

— Здѣсь.

— Давно ждешь? говори, мерзкая.

— Давно.

Новыя двѣ оплеухи звенятъ, и платокъ летитъ съ головы барской боярыни.

Акулька подбираетъ платокъ и надѣваетъ его на голову съ такимъ видомъ, какъ будто это дѣло привычное и обычное.

— Умыться и одѣваться скорѣй! — вопить боярыня.

Барская-боярыня начинаетъ метаться, зоветъ постельничью, сѣнныхъ дѣвушекъ, всѣ суетятся, а дѣло какъ-то подвигается медленно: то вода слишкомъ холодна, то слишкомъ тепла, то мыло не такъ мылить, и слышны звонкія оплеухи, то изъ прелестныхъ ручекъ барыни, то изъ жилистыхъ рукъ барской-боярыни.

Кончилось умыванье, началось натиранье. То слишкомъ много набѣлили, то слишкомъ мало; съ румянами тоже самое. А съ бровями — горе одно: то наведутъ въ палецъ ширины, то съюзятъ. А тамъ пошло одѣванье. Начали съ головы, которую украсили по случаю зимы каптурой, которую носили преимущественно вдовы. Потомъ надѣли на нее верхнія два платья темнаго цвѣта,

но отдѣланныя кружевами, а рукава были вышиты шелками и серебромъ.

Анна Петровна имѣла болѣе сорока лѣтъ, но, принадлежавшия и подшукатурившия, она поспорила бы съ молодой, такъ какъ имѣла прекрасныя черныя глаза; а на зубы тогда не обращали вниманія, потому что мода требовала окраску зубовъ въ коричневый цвѣтъ.

Принявъ видъ святости, боярыня, въ сопровожденіи всего штата прислуги, тронулась въ крестовую комнату, т. е., моленную.

Архимандритъ Павелъ, красивый, чернородый и черноглазый монахъ, съ бѣлыми женскими руками, встрѣтилъ ее съ благословеніемъ и просфорой, такъ какъ онъ успѣлъ ужъ отслужить у себя въ Чудовскомъ монастырѣ обѣдню; но былъ онъ въ епитрахили, чтобы отслужить молебень за здравіе царицы и хозяйки дома.

Анна Петровна благодарила его за вниманіе, и тотъ началъ службу.

Въ тѣ времена каждый не только боярскій, но и зажиточный домъ былъ тотъ же монастырь.

Тотчасъ по вступленіи своемъ на престоль, царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ неудачнаго обрученія своего съ Евфимією Всеволожскою, получилъ отвращеніе къ музыкѣ, пляскѣ, свѣтскому пѣнію и ко всякимъ играмъ; все это было формально запрещено, и господствовавшая при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ потѣшная палата съ органами, домрами, цимбалами замѣнена каликами переходжими и обращена въ пріютъ нищихъ. Пржегіе бахари, гусельники, потѣшники, домрачеи, шуты скоморохи—исчезли, и во дворцѣ можно было слушать лишь духовныя пѣсни. Царю подражало боярство, и каждый домъ представлялъ собою собраніе каликъ, монаховъ, монахинь; все это дисциплинировалось домостроемъ знаменитаго Сильвестра и имѣло наружный видъ обители.

Вслѣдствіе этого теремъ, въ которомъ господствовалъ

женскій полъ, получилъ видъ женскаго монастыря, и женщины, казалося, совершенно изолировались отъ свѣта и міра; даже въ церкви онѣ стояли подъ покрывалами съ лѣвой стороны и скрывались отъ мужчинъ особымъ занавѣсомъ.

Безъ покрывала женщина являлась только предъ мужемъ или когда хотѣла чествовать особенно дорогаго гостя; однѣ лишь вдовы имѣли право принимать безъ покрывала. Но вся эта изолированность была кажущаяся. Теремъ имѣлъ между собою тѣсную связь и составлялъ нѣчто цѣльное, правильно организованное и, можно сказать безъ преувеличенія, управлявшее цѣлымъ государствомъ. Всѣ терема имѣли между собою связь и группировались у лицъ женскаго пола, бывшихъ близкими къ царицѣ. Поэтому, что затѣвалось въ теремахъ, то получало отголосокъ и въ царской палатѣ, и въ боярской думѣ. Дѣйствовалъ здѣсь теремъ или чрезъ мужей, или чрезъ духовенство.

Бѣлое духовенство въ этотъ періодъ достигло высшаго могущества въ государствѣ: каждый домъ имѣлъ своего духовнаго отца, который владѣлъ умами и хозяйина, и хозяйки; и обратно—теремъ былъ силенъ, потому что въ его распоряженіи было все бѣлое духовенство; независимо отъ этого, каждый боярскій и зажиточный домъ, имѣя видъ монастыря, былъ тѣсно связанъ съ монастырями и, одаривая ихъ, онъ имѣлъ въ ополченіи своемъ всѣхъ, начиная иноками и кончая патріархомъ.

Занявъ такую позицію, въ особенности при исключительномъ правѣ проникать даже въ теремъ, духовенство стало само понимать, что красота, чистоплотность и тонкость обращенія должны быть его принадлежностью, и тогда-то начали цѣниться и пріятный голосъ, и красота рукъ и лица святителей,—такъ какъ все это вело и къ каррьерѣ, и къ обогащенію.

Архимандритъ Павелъ понялъ это тоже и, обладая замѣчательною красотою, онъ, на первыхъ же порахъ,

послѣ своего постриженія сразу занялъ важный постъ въ Чудовскомъ монастырѣ.

И теперешній его прїѣздъ къ Аннѣ Петровнѣ былъ не безцѣленъ: ему передалъ Стрѣшневъ, что царица такъ чтитъ Анну Петровну, что просила государя назначить ее къ прїѣзду ко двору первой боярыней.

Постъ этотъ былъ такъ высокъ, что за обѣдомъ и во всѣхъ торжественныхъ выходахъ она послѣ царевенѣ должна была занимать первое мѣсто.

Отслуживъ поэтому молебень, архимандритъ Павелъ поздравилъ ее съ царской милостью.

— Ты, отецъ архимандритъ, просто пророкъ, — воскликнула удивленно Анна Петровна. — Ты знаешь больше, чѣмъ я сама. Къ тому же удивительный сонъ снился мнѣ сегодня: снится мнѣ, что возвеличена я царицей... Да и ты приснился... Вотъ сонъ и въ руку. Да откуда ты узналъ, — я то и сама не знаю.

— Стрѣшневъ сказывалъ.

— А! спасибо, добрый вѣстникъ... Теперь пойдемъ, благослови трапезу, коли обѣдня отошла... Она повела его въ столовую.

Весь завтракъ состоялъ изъ вареныхъ и жареныхъ рыбъ, пироговъ и тому подобнаго, и все было, хотя постное, но прекрасно приготовленное и роскошно обставленное.

Водка, романя и венгерское не были забыты.

Отецъ Павелъ скромно ѣлъ и скромно пилъ, оставляя остальной аппетитъ для Стрѣшнева, который пригласилъ его на свой обѣдъ къ двѣнадцати часамъ.

Послѣ обѣда, помолившись набожно, хозяйка отпустила всѣхъ присутствовавшихъ на трапезѣ и пригласила архимандрита въ комнату, то-есть, въ ея рабочую, для душевспасительной и тайной бесѣды.

Въ подобныхъ случаяхъ никто ужъ не смѣлъ заглянуть туда, развѣ хозяйка сама потребуеть.

Рабочая комната боярыни благоухала духами, и все

призывало болѣе къ нѣгѣ, чѣмъ къ труду: топчаны, мягкіе ковры, скамеечки для ногъ, кушетки и мягкіе стулья такъ и приглашали понѣжиться. Правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись пальцы съ начатою работою: вышитыя ширинки, церковныя принадлежности, начиная съ иконъ... Но это было скорѣе украшеніе, чѣмъ орудіе труда.

По обычаю, гость долженъ былъ все это смотрѣть и похвалить хозяйку за искусство, прилежаніе и усердіе къ церкви.

Послѣ того хозяйка, усѣвшись и выставивъ, какъ бы нечаянно, свою ножку, обутую въ бархатный бапмачекъ, украшенный жемчугомъ, пригласила отца архимандрита сѣсть.

— А теремъ,—сказала она,—недоволенъ патріархомъ Никономъ.

— Почему?

— Какъ же быть-то имъ довольнымъ... Никакого уваженія къ царскимъ сродственникамъ; знаешь жена Глтѣба Ивановича Морозова, боярыня Ѳедосья Прокофьевна, да родная сестра ея Евдокія Урусова ужъ какъ просили за протопопа Аввакума, а тотъ его въ ссылкѣ держить... А вѣдь того не знаетъ патріархъ, что самъ-то Борисъ Ивановичъ иначе не говоритъ невѣсткѣ, какъ: приди, другъ, ты мой духовный... Пойди ты, радость моя душевна.

— Ахти! какія страсти,—удивился отецъ Павелъ.

— Вотъ ты пойди съ нимъ... А за что? Зачѣмъ дескать Аввакумъ двуперстно крестится... Зачѣмъ-де написалъ „слово плачевно“ и отвѣтъ на „крестоборную ересь“. А самъ-то кlobуку-то надѣлъ двурогій, точно у грековъ... Вмѣсто Никола исправилъ въ требникахъ Николай... А иконы велить въ оружейной будто живыя писать.

— Ахти, какія страсти,—воскликнулъ вновь отецъ Павелъ,—забывъ, что онъ самъ говорилъ въ Чудовомъ монастырѣ проповѣди въ уличеніе раскола.

— Вот видишь, и тебя это дивуеть... А ужь о по-
пахъ и не подходи къ нему... Скажетъ ему аль боярыня,
аль иная особа: ужь ты смилуйся, святѣйшій, дай мѣ-
стечко моему духовнику... а онъ: „нѣтъ у меня мѣсть
для куколь... онъ, матушка боярыня, не токмо службы
не знаетъ, да и читать-то не умѣеть...“ Да и отмѣтитъ
у себя, а тамъ, гляди, духовника подальше отъ Москвы,
да въ дальнюю деревню... И плачь, и рыданіе, и недо-
вольство всякое... Не то, что при Іосифѣ: коли боярыня
придетъ къ нему, тотъ всякія угожденія учинить и не
откажетъ.

— Тотъ былъ патріархъ, какъ патріархъ,— восклик-
нулъ одобрительно отецъ архимандритъ.

— Да и въ царскомъ-то теремѣ Никону нѣтъ ужь
вѣры... Молился онъ... молился, да даруетъ Господь Богъ
царицѣ сына... анъ у нея дочь родилась, а царь и на-
зови ее Софіею, тоись, премудрость; значить, поумнѣй,
царица, и роди сына.

— Не усердствовалъ въ молитвѣ, значить,—подска-
залъ ей архимандритъ.

— Какое тамъ усердіе... Вотъ, какъ пошла Софія
царица въ Сергіевскую-то обитель, да поусердствовала,
такъ и сынъ родился... отецъ Іоанна Грознаго.

— Пущай и царица поусердствуетъ.

— Поусердствуетъ-то она, да вотъ что... Нужно усерд-
наго богомольца... а въ Никона вѣры нѣтъ, все-де до-
чери нарождаются... Правда, съ его благословенія Алек-
сѣй Алексѣевичъ родился... да вѣдь не ровень часъ...
Нуженъ, значить еще сынъ.

— Это можно, только поусерднѣе молиться... Сорокъ
дней поститься... а тамъ молебень... да потомъ накрыть
эпитрахилемъ... да прочитатъ молитву.

— Праздничный сонъ до обѣда въ руку, — бають
люди, вѣдь снилось мнѣ, что ты тожь самбе говоришь
мнѣ и во снѣ, святой отецъ,—ужь ты поусердствуй, да
молись.

— Приготовлюсь я постомъ и молитвой, — поднялъ отецъ Павелъ набожно глаза къ небу, — съ сегодняшняго же дня.

Отецъ Павелъ простился съ хозяйкой и вышелъ сопровождаемый ея благодарностями.

VIII.

Триумвиратъ.

У Стрѣшнева сидятъ Алмазь Ивановъ и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово.

Они сильно озабочены. Достигли они того, что къ Никону новыя дѣла государевы не поступаютъ, а къ нему обращаются только по тѣмъ, которыя начаты имъ, и больше для разъясненій, нежели для рѣшенія. Явно идетъ упраздненіе его государственной дѣятельности. Патриарха Никона это нисколько не печалитъ, — у него слишкомъ много думъ и заботъ по дѣламъ патриаршимъ и по печатному дѣлу. Но въ правительствѣ чувствуется его отсутствіе: нѣтъ того рѣшительнаго голоса, который руководилъ всѣмъ, котораго слушались всѣ безусловно и который приводилъ все къ единству стремленій и дѣйствій. Приказы начали дѣйствовать въ рознь, и сила, и власть ихъ стали опредѣляться степенью вліятельности и силы боярина, который заправлялъ ими. Въ провинціи степень власти и значенія воеводы стали опредѣляться тѣмъ же самымъ. Очевидно, что однихъ приказовъ воеводы слушали, другихъ — нѣтъ. Испытали это на первыхъ же порахъ люди, устранившіе Никона, ца съ этимъ они еще мирились. Но было зло еще худшее; церковь была въ то время однимъ изъ самыхъ крупныхъ собственниковъ, выставляла она, поэтому, много ратныхъ людей и давала много сборовъ на военныя надобности, и при Никонѣ все шло въ порядкѣ, такъ какъ монастыри и церкви не смѣли ослушиваться

его распоряженій; а когда заговорили съ ними непосредственно приказы, они стали отвиливать, ссылались на разныя льготы, привилегіи.

Самое же главное было то, что перестали чувствоваться система и единство дѣйствій. Какъ думнаго дьяка, начали обезпокоивать Алмаза Иванова и Хитрово; послѣдній въ особенности не зналъ зачастую, что и какъ докладывать царю.

Собрались они теперь, поэтому, къ Стрѣшневу, чтобы потолковать между собою: какъ быть? на чемъ остановиться?

— Что же,—сказалъ Стрѣшневъ:—коли вы безъ попа Берендя не можете жить, цѣлуйте съ нимъ.

— Ты все въ шутку обращаешь, Родивонъ, — замѣтилъ Алмазъ,—а здѣсь такъ: аль Никона нужно слушаться, аль онъ долженъ уйти изъ патріаршества. Безъ головы патріарха мы безсильны въ боярской думѣ и въ другихъ дѣлахъ. Куда ни кинь, вездѣ клинъ: вездѣ, гляди, аль церковь, аль монастырь замѣшанъ. Вотъ и отправляй дѣло въ монастырскій приказъ, а тотъ безъ патріаршаго благословенія ничего не дѣлаетъ.

— Сдѣлай такъ: пуцай Никонъ оставить самъ патріаршество.

— Да какъ же это сдѣлать? — замѣтилъ Хитрово:— Я и самъ говорилъ объ этомъ царскому величеству, да сдѣлать-то это не такъ легко.

— Вотъ я начну, а тамъ ты доканчивай... Кстати пожаловалъ къ намъ и отецъ Павелъ.

Вошелъ отецъ архимандритъ, триумвиратъ встрѣтилъ его радостно.

— Я только что отъ тетушки твоей,—обратился онъ къ Хитрово.

— А? — расхохотался Богданъ Матвѣвичъ, — на счетъ... понимаю... она у меня умница, она хочетъ тебя— въ митрополиты... держись ея и будешь, — вѣдь она

теперь первая боярыня. А теремъ, извѣстно, и въ патриархи возводиль.

— Ужь, бояринъ, не откажись замолвить словечко царю, коли ослободится митрополичья каеэдра.

— Скоро, скоро ослободится,—пуцай Никонъ лишь уйдетъ.

— А вотъ и гости прѣхали,—воскликнулъ Стрѣшневъ.

Сразу подкатило множество саней; это была вся почти знатная московская молодежь.

Дворецкій Стрѣшнева, высокий, широкоплечій боярскій сынъ, въ обшитомъ галунами армякѣ принималъ на крыльцѣ гостей и вводилъ ихъ въ хоромы.

Стрѣшневъ съ друзьями своими перешелъ въ переднюю и тамъ принималъ прѣзжающихъ.

Молодежь шумно повела бесѣду о городскихъ сплетняхъ: все вращалось на лошадахъ, попойкахъ, выигрышахъ и проигрышахъ, охотахъ и травляхъ, такъ какъ съ запрещеніемъ публичнаго пѣнья, игрищъ и зрѣлищъ молодежь бросилась въ разныя другія потѣхи...

IX.

Кр о в н а я о б и д а.

Сплетни, кляузы и доходившіе ежедневно до Никона слухи о волненіи въ народѣ по поводу исправленныхъ имъ книгъ и иконъ, волненія въ Соловкахъ и Макарьевскомъ-Успенскомъ монастырѣ сильно тревожили и огорчали его.

Искалъ онъ, поѣтому, уединенія и еженедѣльно дня на два уѣзжалъ въ свой „Новый Іерусалимъ“. Были ужъ воздвигнуты у него и стѣны, и часть монастыря, но сооруженіе главнаго храма шло медленно.

Какъ только прѣдетъ туда патриархъ, онъ тотчасъ

разоблачается и вмѣстѣ съ монахами, которыхъ насчитывали до тысячи человекъ, работаетъ то каменщикомъ, то плотникомъ, то столяромъ, и спорится какъ-то у всѣхъ работа, и точно муравьи въ своемъ гнѣздѣ копошится этотъ людъ, руководимый своимъ великимъ подвижникомъ.

И гляди, несмотря на скудость средствъ, поставлена вокругъ монастыря ограда въ четыре съ половиною сажени въ вышину съ амбразурами и навѣсными бойницами для того, чтобы отбиваться отъ врага, коли онъ пожалуетъ: стѣна имѣетъ видъ шести-угольника съ 8 башнями.

Вокругъ ограды разведена широкая аллея, и съ ея сторонъ имѣются обрывы, поросшіе лѣсомъ.

Внизу съ сѣверной стороны виднѣются двѣ часовни съ колодцами: первая названа колодцемъ Самарянки, вторая Силоамская купель.

Съ западной стороны отъ аллеи лѣстница, ведущая въ другую аллею, идущую къ никоновскому скиту.

Такъ какъ Никонъ имѣлъ при рожденіи имя Никиты Столпника, то онъ построилъ себѣ скитъ въ видѣ башни. Это узкое, каменное трехъярусное зданіе. Въ первомъ этажѣ имѣется мѣсто для церкви (ужь не во имя-ли Никиты хотѣлъ онъ ее сдѣлать?), комната для служителей, кухня и маленькая келья. Во второмъ этажѣ—трапезная съ окномъ въ стѣнѣ, въ которое подавали пищу изъ кухни. Въ этомъ же этажѣ двѣ кельи для служащихъ. Изъ трапезной ведетъ узкая винтообразная лѣстница въ третій ярусъ. Этотъ этажъ занятъ печамн: хлѣбной и просфорной, а влѣво виднѣется келья, за нею пріемная патріарха и рядомъ другая келья. Въ кельѣ этой висѣлъ портретъ патріарха; рядомъ съ нею крошечная церковь Богоявленія Господня.

На плоской крышѣ скита, имѣющей перила, находилась лѣтняя келья патріарха; каменное ложе этой

кельи было скорѣе скамьею, такъ какъ оно имѣло всего полтора аршина; а настилка на ней была тростниковая.

Противъ кельи на крышѣ маленькая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла и позади нея столъ съ однимъ колоколомъ.

Въ этой-то башнѣ поселялся Никонъ, когда приѣзжалъ въ монастырь и отсюда онъ отправлялся на работу, которая шла неустанно весь день съ небольшими перерывами для отдыха.

Затѣи же Никона были грандіозны: строился кромѣ обширнаго монастыря на тысячу человѣкъ и кромѣ храма Воскресенія, еще и зимній храмъ во имя „Рождества Христова“.

При скудныхъ средствахъ Никона работа еще шла довольно успѣшно; правда, нужно отдать справедливость царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ: кромѣ того, что она перенесла въ Новый Іерусалимъ нетлѣнную руку св. Татьяны, но она присылала патріарху и деньги, и хлѣбъ, и утварь.

Лѣтомъ 1658 года въ этомъ же скитѣ ночевалъ Никонъ. Еще до свѣта онъ проснулся, умылся, помолился и на крышѣ скита любовался восходомъ солнца и окружающими его видами.

— Вотъ мой Іорданъ,—годумалъ онъ, глядя на извивающуюся вдаль рѣку Истру; и вотъ этотъ ручей, обтекающій съ трехъ сторонъ монастырь, потокъ Кедронской, а вотъ и Іосафатова долина... а это садъ Геесиманскій... а вонъ въ этомъ саду мой дубъ Мамврійскій.

Онъ любовно осмотрѣлъ вновь всю окрестность и по узкой лѣсенкѣ спустился въ третій этажъ, а потомъ— въ трапезную. Здѣсь онъ засталъ послушника: тотъ палъ ницъ передъ патріархомъ. Никонъ благословилъ его и сѣлъ къ деревянному столу.

Послушникъ взялъ у стоявшаго по ту сторону окна монаха деревянную миску щей, деревянную ложку, кусокъ чернаго хлѣба и поставилъ все это передъ патріархомъ. Никонъ помолился, сѣвъ въ поль-миски, снова по-

молился, поблагодарилъ послушника и спустился внизъ. Тамъ ждалъ его архимандритъ Ааронъ, строитель монастыря.

Это былъ небольшого роста, худощавый монахъ, съ острымъ носомъ и чрезвычайно умными глазами.

Благословивъ Аарона, Никонъ обратился къ нему:

— Я слышалъ ночью шумъ и стукъ колесъ,—ужь не привезли-ли намъ матерьяла?

— Прислала царевна Татьяна Михайловна и камня, и лѣсу.

— Да благословить ее Господь Богъ, значить, у насъ работа подвинется... Пойдемъ Ааронъ, и я сегодня помогу брати.

— О святѣйшій патріархъ, ужь ты бы не трудился, и безъ тебя здѣсь много рабочихъ.

— Чего жалѣть свою плоть, — усмѣхнулся Никонъ. Не жалѣю я своего тѣла, лишь бы свершить Божье дѣло... Мы строимъ здѣсь не на одинъ день, а будутъ стекаться сюда тысячи и будутъ благословлять нашъ трудъ, и вспомнать потомки и мое, и твое имя, Ааронъ, какъ строителя сей обители и храма.

Они пошли по аллеѣ, потомъ по лѣстницѣ и забрались въ другую, ведущую вокругъ церковной ограды.

Никонъ осматривалъ по дорогѣ каждое дерево, какъ бы ведя съ своими питомцами бесѣду; когда же они вошли въ монастырскія ворота, всѣ, не останавливаясь, только снимали свои шапки.

Они пошли въ мастерскія: въ столярной и слесарной работа шла оживленно для украшенія и сооруженія монастыря и храмовъ; имѣлась даже иконописная мастерская, гдѣ подъ наблюденіемъ и руководствомъ самаго Никона, приготовлялись иконы. Существовали еще мастерскія для удовлетворенія монастырской брати обувью и одеждою. Повсюду былъ образцовый порядокъ и шла оживленная работа. Вездѣ патріархъ дѣлалъ замѣчанія, наставлялъ, указывалъ и училъ. Нѣсколько

часовъ шель этотъ осмотръ; потомъ Никонъ вышелъ на работы по сооруженію храма. Здѣсь онъ сбросилъ рясу и ваялся совмѣстно съ другими тащить на носилкахъ камень на лѣса.

Нѣсколько часовъ проработавши такъ, онъ по обѣденному звону колокола оставилъ работу, накинулъ на себя рясу и побрелъ въ свой скитъ для трапезы.

Съ нимъ былъ и архимандритъ Ааронъ. Забравшись въ скитъ во второй этажъ въ трапезную, они усѣлись за деревянный столъ, и подано имъ послушникомъ чрезъ окно по мискѣ щей, по мискѣ гречневой каши, да по два жаренныхъ лещика при зеленыхъ огурцахъ, а на питье поставлено по кружкѣ квасу и пива.

Послѣ этого скромнаго обѣда собесѣдники разошлись. Архимандритъ ушелъ къ себѣ въ монастырь, а патриархъ забрался на верхъ крыши въ свою келію, гдѣ онъ присѣлъ отдохнуть.

Свѣжій воздухъ, утомленіе и спокойствіе въ этомъ уединеніи подѣйствовали на него благотворно и онъ сидя заснулъ.

Снится ему странный сонъ: онъ окруженъ какими-то гадами, змѣями, пиявками; все это ползеть къ нему, хочетъ вцѣпиться въ него; онъ душитъ и давитъ ихъ тысячами, но тѣ являются еще въ большемъ количествѣ, впиваются въ его тѣло... онъ, наконецъ, начинаетъ изнемогать... онъ чувствуетъ, что они одолѣютъ его...

Онъ просыпается, предъ нимъ стоитъ послушникъ.

— Святѣйшій патріархъ,—говоритъ онъ:—изъ Москвы изъ Чудова монастыря архимандритъ Павелъ...

— Павелъ?.. А!.. хорошо... проси его въ приемную.

Патріархъ оправляется и спускается въ приемную.

При его появленіи отецъ Павелъ распростерся, потомъ подошелъ къ его благословенію.

— Ужъ не пожаловалъ ли ты сюда посмотрѣть мое хозяйство?—спросилъ благосклонно Никонъ.

— Нѣтъ, святѣйшій патріархъ, за недосугомъ — въ иной разъ., а я вотъ съ патріаршимъ дѣломъ.

И при этомъ онъ подробно разсказалъ, какъ при собраніи дѣтей именитѣйшихъ бояръ Стрѣшневъ заставилъ собаку подражать, какъ патріархъ молится и благословляетъ народъ.

— И ты можешь это подтвердить подъ пыткой?.

— Какъ и гдѣ угодно. Да вотъ моя грамотка за моимъ рукоприкладствомъ, да и списокъ всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ.

Дрожащими отъ гнѣва руками Никонъ взялъ изъ рукъ его бумагу, прочиталъ ее и обратился къ нему:

— Возвращайся тотчасъ въ Москву и вели благовѣстити въ Успенскомъ соборѣ... я поспѣю къ вечернѣ... а на завтра вели изъ патріаршихъ палатъ дать знать во дворецъ и боярамъ: будетъ-де завтра, въ воскресенье, патріаршее служеніе соборне...

Отецъ Павелъ простился и тотчасъ возвратился обратно въ Москву.

Гнѣвъ Никона не имѣлъ границы и мѣры.

— Эти издѣвки не проста,—говорилъ онъ самъ съ собою,—кабы это было кѣмъ-нибудь инымъ, сказалъ бы: безуменъ онъ, не вѣдаетъ, что творить... А то Стрѣшневъ? царскій сродственникъ... да при комъ?.. При дѣтяхъ и сродственникахъ бояръ и царскаго дома... Смолчать нельзя.. опозорено не только патріаршество, да и все духовенство... всѣ святители... опозорена церковь... Я долженъ снять позоръ... дерзкаго я долженъ наказать... и накажу... всенародно покараю...

Онъ ударилъ въ ладоши, явился послушникъ.

— Лошадей... въ Москву... сейчасъ...

Послушникъ побѣжалъ исполнить приказаніе Никона.

Патріархъ поспѣшно умылся, одѣлся и спустился изъ своего скита въ аллею, шедшую мимо ограды.

Его коляска и небольшой штатъ, сопровождавшій его, были уже готовы.

Патріархъ помчался въ Москву.

Онъ успѣлъ къ вечернѣ; Иванъ-колоколь загудѣлъ, когда онъ вѣзжалъ въ Кремль.

Никонъ прямо подѣхалъ къ Успенскому собору, и народъ восторженно его принялъ. Въ это время Никонъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ,—Москва имъ гордилась, какъ гордилась она впоследствии митрополитомъ Филаретомъ. Да и было имъ чѣмъ гордиться: такого святителя послѣ митрополитовъ Петра и Филиппа Москва не имѣла. Доступный народу, онъ держалъ себя въ отношеніи бояръ гордо и недоступно, и не дѣлалъ никому никакихъ поблажекъ. Справедливый и строгій, онъ былъ единственный человѣкъ въ цѣломъ государствѣ, не дѣлавшій поборовъ и не бравшій взятокъ; а между тѣмъ для нуждающихся и бѣдныхъ его казна была открыта.

Имя Никона поэтому гремѣло по всей Руси и чтилось оно не только въ дворцахъ, хоромахъ и теремахъ, но даже и въ отдаленныхъ избахъ захолустій.

Неудивительно послѣ того, что звонъ, возвѣщавшій вечерню, на которую прибудетъ патріархъ, означалъ, что онъ будетъ служить и на другой день, и поэтому въ воскресенье для слушанія обѣдни собралась въ Успенскій масса народа.

Прибылъ въ соборъ и царь, а съ нимъ и дворъ, и боярская дума, и царица съ дѣтьми и родственницами.

Началось архіерейское служеніе, и Никонъ показался всѣмъ необычайно блѣднымъ и болѣзненнымъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ провозглашается: „изыдите оглашенніи“, патріархъ вышелъ на амвонъ и началъ говорить на тему „о грѣхѣ издѣваться надъ служителями алтаря“. Слово его было полно достоинства и негодованія; доказывая на основаніи святаго Евангелія всю непристойность и грѣховность этого безобразія, онъ прямо указалъ на неприличную выходку Стрѣшнева, причемъ онъ провозгласилъ, что онъ по архипастырской своей обязанности

не можетъ оставить это безнаказаннымъ и потому предаетъ его проклятію.

Едва онъ кончилъ, какъ протодьяконъ, выйдя посреди церкви, торжественно предалъ боярина Симеона Стрѣшнева проклятію.

Неожиданность эта страшно смутила всѣхъ, въ особенности когда ближній боярскій сынъ патріарха князь Вяземскій подошелъ къ Стрѣшневу и велѣлъ ему, какъ оглашенному, выйти изъ церкви.

Послѣ того служба пошла своимъ порядкомъ, но вся царская семья была въ неописанномъ смущеніи, и, когда кончилась служба, и они приложились къ животворящему кресту, всѣ тотчасъ уѣхали.

Никонъ торжествовалъ: онъ видѣлъ смущеніе двора и бояръ, и это его радовало; за публичное оскорбленіе онъ отвѣчалъ тѣмъ же и показалъ, что патріарха оскорблять нельзя безнаказанно и что онъ не пощадитъ никого, какъ бы высоко ни стояло это лицо. Предалъ онъ проклятію родного брата царицы...

Стрѣшневъ и его партія, т. е. враги Никона, воображали, что онъ начнетъ противъ него судъ и оскандалится, а тотъ неожиданно распорядился по своему и сдѣлалъ имъ публичный скандалъ.

Прогремѣвшая въ Успенскомъ соборѣ „анаѣема“ произвела поэтому двоякое дѣйствіе: народъ весь стоялъ на сторонѣ патріарха и говорилъ объ его справедливости и безпристрастіи.

За то дворъ и боярство сильно возстали противъ него и обвиняли его въ своеволіи: „безъ суда-де патріархъ не вправѣ былъ этого сдѣлать“.

Сторону Никона приняла, однакожъ, Татьяна Михайловна. Въ это время она перебралась въ теремъ, такъ какъ тотъ былъ отстроень, и она по уму, по богатству своему и по вліянію на царя господствовала тамъ.

Она помнила, какъ Стрѣшневъ устроилъ было скан-

дать ей самой и душевно радовалась, что Никонъ нашелъ случай ему отплатить.

Но царь разгнѣвался не на шутку на патріарха за неожиданное для него проклятіе дядюшки, тѣмъ болѣе, что Богданъ Хитрово и Матвѣевъ подбивали его „за самоволіе патріарха предать его суду“.

— Но какому суду?—спрашивалъ царь.

— Суду митрополитовъ и архіереевъ.

— Не знаешь ты, Богданъ, церковныхъ правилъ,— молвилъ царь:—патріарха можетъ судить лишь вселенскій соборъ.

Во время этой бесѣды, въ Покровскомъ селѣ, гдѣ теперь жилъ весь дворъ, явился стольникъ и доложилъ, что царское величество приглашается царевною Татьяною Михайловною въ теремъ.

Царь былъ съ сестрами своими очень вѣжливъ и ласковъ: онъ всегда являлся къ нимъ по первому же ихъ зову.

Татьяна была его любимица: игривая, ласковая, любящая до обожанія брата, она глубоко ему сочувствовала и онъ отъ нея ничего не скрывалъ и раздѣлялъ съ нею свои горести и радости. Притомъ они росли вмѣстѣ и играли вмѣстѣ и такъ привыкли другъ къ другу, что когда Алексѣй Михайловичъ уѣзжалъ въ походъ, онъ получалъ отъ нея письма, и какъ бы онъ ни былъ занятъ и гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всегда ей отвѣчалъ. Понинѣ много его писемъ къ ней сохранилось въ государственномъ архивѣ.

Вотъ почему онъ охотно къ ней заходилъ: такъ какъ она умѣла всегда разсѣять много его сомнѣній и подержать его въ его начинаніяхъ.

На зовъ ея и теперь онъ пошелъ въ веселомъ расположеніи духа.

Вострушка Таня встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, расцѣловала и усадила въ своей уютной пріемной. Это была прелестная гостиная, уставленная мяг-

кою мебелью и убранныя коврами. По случаю лѣта окна были открыты въ садъ, откуда шель запахъ цвѣтовъ, растущихъ въ клумбахъ.

— Что, вострушка моя,—обратился онъ къ царевнѣ:— ты такъ торжественно пригласила меня къ себѣ?

— Да все это противное дѣло нашего дядюшки, оно покою мнѣ не даетъ.

— За кого ты дьячишь?.. *) ужь не за Семена ли Лукича... успокойся, я и безъ того уже такъ гнѣвнень на святѣйшаго... всему царскому дому сдѣлалъ позоръ.

— Нѣтъ, видишь ли, братецъ **), я ино толкую... виновать патриархъ: безъ тебя и твоего соизволенія не долженъ онъ карать да еще всенародно. Да подумай самъ коли допускать надъ святѣйшимъ издѣвку, такъ что молвить о попахъ?..

— Не одобряю Стрѣшнева, не одобряю и Никона... Зачѣмъ не билъ челомъ, мы бы наистрого и наикрѣпко учинили сыскъ и выдали бы ему Стрѣшнева головой.

— Оно-то такъ, да вѣдь и Никонъ-то, святѣйшій, человекъ... вотъ гляди, братецъ, его грамотка ко мнѣ: плачетъ онъ, что вышло-де такъ... а сдѣлалъ я,—байтъ онъ:— патриарха-де достоинство поддерживать. Ставить дядюшка вашъ Семень и собаку, и патриарха на одну доску. Это позоръ и для церкви Господней и для царскаго дома. Коли не почитать отцовъ церкви, то зачѣмъ и избирать патриарха? И не дамъ я на посрамленіе ни храма Божьяго ни его служителей. А предъ царемъ каюсь и молю прощенія: виновать я, ему не докладывалъ.

— Кается? Не было бы провинности, не было бы покаянія. А ты вотъ что скажи, Танюшка, пригоже что-ль да патриарху учинить дурное, а тамъ каяться.

— Святѣйшій души доброй, жаль ему стало тебя братецъ, и насъ,—вотъ онъ и пишеть: благословляетъ

---

*) Въ то время это означало ходатайствовать.

**) Это обхожденіе историческое.

и тебя и насъ; я и просила тебя прійти: ужь ты прости святѣйшаго, служилъ онъ тебѣ вѣрой и правдой, ничѣмъ не досаждалъ, а отъ всякаго зла ограждалъ, ты ему прости, а я ему отпишу.

— Да ты послушай, что-де бояре бають: непотрафить завтра царь Никоцу, онъ и его проклянетъ. Отряхалъ же онъ прахъ со своихъ ногъ въ моей комнатѣ. Никонъ коли разсердится, не помнитъ себя, ужь такой норовъ.

— Святѣйшій знаетъ себѣ цѣну.

— Пушай такъ, каждый долженъ знать себѣ цѣну; да ужь онъ больно строптивъ.

— Да вѣдь онъ собинный двой другъ,—замѣтила она:—а надъ собиннымъ другомъ царя и издѣвка не пригожа.

Съ этими словами она упала на колѣни, начала цѣловать его руки, и прекрасные ея глазки глядѣли такъ жалостно, что Алексѣй Михайловичъ не устоялъ.

— Ужь ты отпиши ему, сестрица, какъ знаешь... а я, право... ну, ужь Богъ его прости! пушай... молится за наши грѣхи... а мы прощаемъ ему. Онъ нагнулся, поцѣловалъ Таню и вышелъ.

Когда онъ возвратился въ свою комнату, онъ обратился къ Богдану Хитрово.

— Ужь ты о святѣйшемъ больше мнѣ не упоминай... Теперь съ соколами во поле,—чай много перепеловъ наловилъ.

Нѣсколько минутъ спустя на отъѣзжемъ полѣ царь уже тѣшился успѣхами соколовъ, кречетовъ и ястребовъ.

Охота была двойная: выгоняли изъ кустарниковъ и и хлѣбовъ зайцевъ, и здѣсь отличались борзья, а перепела, выгнанные изъ хлѣбовъ, илавлывались на лету соколами, кречетами и ястребами.

— Молодецъ Ябединъ, ай да Терцевъ, экій хватъ Головцынъ, шустерь ты, Невѣровъ,—восклицалъ только царь, одобряя ловчій путь, т. е. управленіе охотой, а

самъ онъ въ это время подумывалъ: „Нанесъ мнѣ кровную обиду святѣйшій, и сердце какъ-то впервые не прощаетъ ему. Ужъ не собинный ты мнѣ другъ, коли проклялъ дядю.

Х.

Никонъ покидаетъ Москву.

У Стрѣшнева въ Москвѣ сидятъ: Алмазь Ивановъ, Хитрово и отецъ Павель.

— А каковъ братецъ-то,—говорить Хитрово!—Никонъ всѣхъ опозорилъ, а онъ баить: чтожь, ужъ норовъ такой... думаю я, какъ бы какую ни на есть пакость святѣйшему учинить: пускай самъ откажется отъ патриаршества.

— А вотъ ты, Алмазь? ты же думный дякъ, такъ слово за тобой,—обратился къ нему Стрѣшневъ.

— Думаю я давно думу, да что-то все не ладно... А вотъ надумался: ѣдетъ сюда въ гости царевичъ грузинскій Таймуразъ. Будетъ его чествовать царь въ Москвѣ, надоть не допускать патриарха къ торжеству... Никонъ, баяли попы, ждетъ не дождется его приѣзда; значить хочеть и грузинскую церковь залучить къ себѣ. Вишь хочеть онъ прибавить къ титулу: и грузинскій.

— Губа не дура,—расхохотался Стрѣшневъ.—А ты какъ слышалъ?—обратился онъ къ архимандриту.

— Люди бають, патриархъ готовить царевичу встрѣчу и въ Успенскомъ, и въ палатахъ патриаршихъ,—молвилъ отецъ Павель.

— А мы такъ учинимъ: прямо съ пути къ Красному крыльцу,—усмѣхнулся Хитрово.—Я-то встрѣчу царевича подь Москвой, я и въ отвѣтъ буду.

— Ладно, ладно, да ты же и уговори царя не звать патриарха къ трапезѣ.

— Уговорить-то уговорю,—самъ Никонъ отряхаль-де

прахъ съ своихъ ногъ съ клятвой не быть въ царской столовой, ну, и шабашъ, сиди дома.

— Да какъ же осерчаетъ онъ, сердечный!—расхохотался Алмазь.

— Пушай серчаетъ,—баюютъ люди: на сердитыхъ коняхъ воду возять, ну, и онъ повезеть, а ужъ трапезы царской не повидитъ онъ, какъ своихъ ушей,—авторитетно произанесь Хитрово.

— Такъ ты, Богданъ Матвѣевичъ, возьми и меня съ собой,—вмѣстѣ будемъ встрѣчать царевича Таймураза.

— Ладно, а теперь мнѣ въ Покровское къ царю,—пожалуй внесеть онъ въ разрядъ: быть патриарху къ встрѣчѣ царевичу и на трапезѣ у царя.

— А я намыслилъ вотъ что, сказалъ отецъ Павелъ: писалъ по наущенію монаха Арсенія, стоящаго у печатнаго дѣла, патриархъ Никонъ Паисію Лигариду митрополиту Гааскому: „Слышали-де мы о любомудріи твоемъ отъ монаха Арсенія, и что желаешь видѣть насъ, великаго государя, и мы тебя, какъ чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію принять хотимъ“. Писалъ въ прошломъ году то же патриархъ господарямъ Молдавскому и Волошскому, чтобы пропустили Лигарида черезъ свои земли. Не ѣдетъ Паисій,—казны не имѣеть. Пошлите ему пенязи, и онъ сюда прибудетъ,—пошлите къ нему кого-либо изъ монаховъ. Вотъ коли онъ приѣдетъ, такъ устройте, чтобы сблизить его съ царемъ,—самъ Никонъ тогда не посмѣеть противъ него что-либо сказать: онъ-де самъ его вызвалъ, какъ ученѣйшаго богослова. А мы-то грека залучимъ къ себѣ: баеть монахъ Арсеній—любить онъ и пенязи, и пожить во сытость и сласть. Я возьму его въ Чудовъ, и будетъ онъ весъ нашъ.

— Ай-да, молодець,—воскликнулъ Стрѣшневъ. Надумалъ ты такую вещь: разцѣловать-де тебя мало,—будешь ты митрополитомъ. Таперь, Хитрово и Алмазь,

нужно этого Паисія поскорѣй сюда. А я видѣлся съ дядюшкою, бояриномъ Семеномъ Лукичемъ Стрѣшневымъ; хоша его изъ ссылки, изъ Вологды возвратилъ Никонъ: теперь же вопить: я-де царя уговорю, дайте только богослова и Никона прогонимъ. Вотъ и богословъ будетъ: первый разборъ. Ура! наша возьметъ.

Друзья разстались. Богданъ Матвѣевичъ Хитрово уѣхалъ въ Покровское.

— Я тебя спрашивалъ, Богданъ,—встрѣтилъ его немало недовольнымъ видомъ царь.

— Былъ на Москвѣ, великій государь, нужно-де было устраивать встрѣчу грузинскому царевичу,—денька черезъ два онъ пожалуетъ къ намъ.

— Да какъ же ты тамъ? ужъ устрой... по обычаю, знаешь.

— Знаю, знаю, будетъ по чину и по порядку. Я встрѣчу за городомъ, у Краснаго крыльца Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій, въ сѣняхъ—Семень Лукичъ Стрѣшневъ, а въ передней—ты великій государь...

— Ладно, ладно, такъ и записать въ разрядъ, а за трапезой быть безъ мѣста.

— Кого соизволишь посадить за трапезой съ правой стороны?

— Съ правой—патріарха, а съ лѣвой—царевича.

— Какъ патріарха? да онъ отряхалъ прахъ своихъ ногъ въ твоей столовой.

— Правда, да какъ же безъ патріарха?..

— Да такъ, ѣдетъ въ гости царевичъ не къ нему, а къ твоей милости, великій государь... А тамъ пуцай царевичъ ѣдетъ къ нему и обѣдаетъ у него.

— И то правда, ужъ очень не хотѣлось бы сидѣть съ патріархомъ: ничего-то и ѣсть не буду... а ты ему со стола-то моего пошли...

— Пошлемъ, сколько угодно и сколько прикажешь, хоша бы и на всю его дворню...

Въ то время, какъ затѣвалось не ладное въ отношеніи Никона, тотъ считалъ пріѣздъ царевича поводомъ къ примиренію съ царемъ и поэтому готовился принять Таймураза съ особеннымъ почетомъ и торжественностью.

Послѣ встрѣчи въ Успенскомъ соборѣ долженъ былъ быть отслуженъ молебенъ соборне всѣмъ духовенствомъ, при чемъ всѣ пѣвчіе, какіе только находились въ Москвѣ, должны были пѣть: послѣ того патріархъ долженъ былъ сказать привѣтственное слово, а выходъ гостя изъ церкви съ патріархомъ до вступленія ихъ въ царскія покои долженъ былъ сопровождаться колокольнымъ звономъ всѣхъ московскихъ церквей.

Согласно этому сдѣланы были и распоряженія отъ него: какъ только дадутъ знать о приближеніи къ Москвѣ царевича, Иванъ-колоколъ долженъ былъ призвать въ Успенскій соборъ все духовенство.

Самъ Никонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этой минуты, такъ какъ онъ любилъ царя, и для него было тягостно, что такъ давно онъ съ нимъ не видѣлся, не слышалъ его ласковыхъ словъ.

Но вотъ, послѣ обѣдни, въ концѣ іюня, дали знать, что царевичъ приближается къ Москвѣ, и что царскіе экипажи и вся свита, долженствовавшая его встрѣтить, выѣхали изъ дворца.

Никонъ послалъ въ Успенскій соборъ ударить сборъ, и изъ всей Москвы стало съѣзжаться къ Успенскому собору духовенство съ пѣвчими.

Вскорѣ прибыли туда самъ Никонъ со всѣмъ своимъ обширнымъ дворомъ.

Въ соборѣ, приложившись къ животворящему кресту и къ иконамъ, святитель облачился въ свои драгоценныя ризы: они были изъ золотой ткани, убранной драгоценными камнями и вѣсили шесть пудовъ *). Послѣ того онъ надѣлъ свою митру.

---

*) Эта риза хранится теперь въ Новомъ Іерусалимѣ, и нужно

При его ростѣ и мужественной красотѣ, онъ по величію своему, былъ истымъ патріархомъ русскаго народа.

По обычаю, чтобы народъ не скучалъ, начались часы.

Но вотъ является князь Вяземскій, одинъ изъ патріаршихъ боярскихъ дѣтей, и объявляетъ, что царевичъ ужъ приближается къ площади.

Никонъ со всѣмъ духовенствомъ, предшествуемый протодьякономъ съ животворящимъ крестомъ, отправился на церковную паперть, чтобы встрѣтить тамъ царевича.

Площадь вся залита народомъ, точно такъ какъ и соборъ.

Но къ удивленію Никона процессія царевича не сворачиваетъ къ церкви, а прямо направляется ко дворцу.

Никонъ посылаетъ князя Вяземскаго узнать, что это значить.

Князь устремился на перерѣзъ кортежу, чтобы объяснить съ Хитрово, котораго онъ видитъ впереди всѣхъ съ приставами и стрѣльцами, очищающими для царевича путь ко дворцу.

Сквозь массы народа князь едва пробивается и забѣгаетъ на самомъ Красномъ крыльцѣ впередъ Хитрово.

— Бей его, шепчетъ товарищу Стрѣшневу, онъ дядю вывелъ изъ собора, а ты опозорь его здѣсь.

Хитрово имѣлъ въ рукахъ палку для очищенія пути; онъ поднялъ ее и ударилъ князя.

— Не дерись, Богданъ Матвѣевичъ, — крикнулъ князь, вѣдь я не спроста сюда пришелъ, а съ дѣломъ.

— Ты кто такой? — крикнулъ князю Хитрово, какъ будто не знаетъ его.

— Патріаршій человекъ, съ дѣломъ посланный... я... хотѣлъ спросить...

удивляться богатырской натурѣ Никона, что онъ могъ по нѣскольکو часовъ стоять въ такомъ тяжеломъ облаченіи,

— Экъ чванится... патріаршій человекъ... да я тебя... прочь!

Съ этими словами онъ ударилъ его палкой по лбу.

Съ окровавленнымъ лицомъ князь побѣжалъ обратно въ соборъ. Находившіеся въ соборѣ возмутились поступкомъ Хитрово: здѣсь было нанесено оскорбленіе не только лично Никону, но и всему духовенству.

Никонъ разоблачился, распустилъ духовенство и велѣлъ ударить въ колоколь Успенскаго собора; звонъ этотъ подхватили всѣ Московскія церкви, и при этомъ тревонѣ патріархъ уѣхалъ въ свою палату.

По горячности своей Никонъ тотчасъ написалъ царю жалобу и послалъ ее съ однимъ изъ своихъ бояръ; царь отвѣчалъ собственноручно, что онъ велѣлъ это дѣло сыскать и лично повидается съ патріархомъ.

Но Никонъ напрасно прождалъ болѣе недѣли: не только царь къ нему не пріѣхалъ, но за охотами и травлями царь забылъ и о сыскѣ, т.-е. никому не было поручено произвести слѣдственное дѣло, а Хитрово продолжалъ появляться всюду вмѣстѣ съ царемъ, какъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ его.

Въ подобномъ случаѣ Никонъ долженъ былъ поступить какъ Ришелье: онъ обязанъ былъ лично отправиться къ царю и подвѣйствовать на него силою своего краснорѣчія, но, избалованный предшествовавшими примѣрами, онъ слишкомъ положился на свою силу и на то, что безъ него не обойдутся, и ожидалъ, что во время крестнаго хода, въ день Казанской Божіей Матери (8-го іюля), царь, вѣроятно, пріѣдетъ въ Казанскій соборъ и тамъ состоится примиреніе.

Но ожиданія патріарха не сбылись: государь въ первый разъ въ свое царствованіе не пріѣхалъ участвовать въ крестномъ ходѣ.

Туть снова сдѣлано Никономъ опущеніе: онъ долженъ былъ посѣтить царя и поздравить его съ праздникомъ, но онъ этого не сдѣлалъ.

Враги Никона воспользовались его ошибками и увѣрили царя, что онъ относится съ совершеннымъ пренебреженіемъ къ нему и къ боярамъ.

Алексѣй Михайловичъ не столько разсердился, какъ обидѣлся, и былъ совершенно правъ: Никонъ всегда имѣлъ множество сильныхъ враговъ, и царь лично былъ причиною его возвышенія, и, благодаря лишь его привязанности и благосклонности, онъ достигъ и патриаршества и величія.

Поставленный разъ въ такое положеніе въ отношеніи своего собиннаго друга, что онъ считалъ его неблагодарнымъ и до крайности возмечтавшимъ о себѣ и о своей власти, Алексѣй Михайловичъ созвалъ у себя совѣтъ ближайшихъ къ нему бояръ и поставилъ имъ вопросъ: какъ унять строптивость Никона.

Отвѣтъ былъ: нужно ограничить власть и запретить ему именоваться великимъ государемъ..

Наступалъ вскорѣ праздникъ, 10 іюля, перенесенія ризы Господней въ Москву, и торжество это, какъ установленное отцомъ царя, всегда посѣщалось имъ. Бояре не пустили Алексѣя Михайловича въ Успенскій соборъ, и передъ обѣдней явился къ патриарху въ его палаты князь Юрій Ромодановскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобъ не дожидались его къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, причемъ онъ присовокупилъ:

— Царское величество на тебя гнѣвнень: ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—царь.

— Называюсь я великимъ государемъ не самъ собою, возразилъ Никонъ:—такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество,—свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою..

— Царское величество, --- прервалъ его князь:—почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты этого не понималъ; теперъ царское величество велѣлъ мнѣ сказать

тебѣ, чтобъ ты не писался и не назывался великимъ государемъ и „почитать тебя впередъ не будетъ“...

Съ этими словами князь удалился.

Когда ушелъ отъ него бояринъ, Никонъ сталъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ и говорилъ вслухъ:

— Онъ запрещаетъ мнѣ именоваться великимъ государемъ... Нешто я желалъ того? Нужно было во время его отсутствія, чтобы дѣла шли въ порядкѣ, чтобы воеводы повиновались, и онъ приказалъ мнѣ именоваться такъ. Развѣ можно было удержать порядокъ во время чумы, охватившей почти всѣ большіе города на Востокѣ, если бы я не дѣйствовалъ, какъ полномочный государь... или дошелъ-ли бы царь до Вильно, если бы я изъ Москвы не отправлялъ ему, какъ государь, и ратныхъ людей, и казну, и хлѣбъ, и иные запасы!.. Да, кабы не я, такъ и Богданъ не далъ бы намъ помощи,— и Малорусія и Бѣлорусія не были бы наши. А теперь, за спасибо, „почитать меня впередъ не будетъ“... Можетъ онъ не почитать меня какъ Никона, но какъ патріарха онъ долженъ... Къ тому жъ я патріархъ не токмо Великія, но и Малыя и Бѣлыя Руси... А эти страны пока нѣтъ мира, еще считаются за польской короной... Могу я отказаться отъ московскаго патріаршества, но я остаюсь еще патріархомъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ... Пойду въ соборъ и сложу съ себя московское патріаршество.

Съ полнѣйшимъ негодованіемъ за свое униженіе и за всѣ обиды, перенесенныя въ послѣднее время, Никонъ отправился въ соборъ служить обѣдню... Но при этомъ онъ, къ сожалѣнію, долженъ былъ вспомнить заповѣдь Христа: „Аще убо принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой иматъ нѣчто на тя: остави ту даръ твой передъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой (Мат. V. 23 и 24)“.

Забылъ эту заповѣдь великій человѣкъ, а между

тѣмъ кроткій и смиренный его отвѣтъ смягчилъ бы сердце царя, и прїѣзжай къ нему тотчасъ Никонъ, онъ поѣхалъ бы съ нимъ въ соборъ, но тотъ, какъ мы видѣли, отправился съ твердою рѣшимостью отказаться отъ патріаршаго московскаго престола... и тутъ онъ долженъ былъ избрать иную форму, чѣмъ онъ сдѣлалъ.. Послѣ причастія велѣлъ онъ ключарю поставить по сторожу, чѣобы не выпускали людей изъ церкви, будетъ-де поученіе!

Пропѣли „буди имя Господне“, народъ столпился у амвона слушать слово.

Вышелъ на амвонъ патріархъ во всемъ облаченіи и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Лѣннивъ *) я былъ васъ учить. Не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и всѣ, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ, если же помыслию быть патріархомъ, то буду анаеема **). Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Колязинъ монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ Лобному мѣсту собирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. Но я отбиралъ иконы латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ нѣмецъ изъ своей земли. Вотъ какимъ образомъ слѣдуетъ вѣрить и поклоняться (при этомъ указалъ на образъ Спасовъ на иконостасѣ), а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ, новыя-де книги завелъ! И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ. Я вамъ предлагалъ мое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, а вы въ окамененіи сердець своихъ хотѣли меня каменіемъ побить; но Христось одинъ разъ насъ кровію искупилъ, а меня вамъ каменіемъ побить, и мнѣ никого

---

*) Рѣчь эта буквально его и историческая.

**) Впослѣдствіи послѣднія слова Никонъ отрицалъ.

кровію своею не избавить, и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше я вамъ отъ сего времени не буду патріархъ.

Кончилъ патріархъ и сталъ разоблачаться. Народъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса,—обвиненіе шло къ нему, между тѣмъ предстоявшіе въ церкви были изъ тѣхъ, которые его обожали.

Послышались всхлипыванія и голоса:

— Кому ты насъ сирыхъ оставляешь?

— Кому вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволятъ,—отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ.

Народъ бросился, отнялъ платье и не далъ Никону его надѣть.

Никонъ отправился въ ризницу и между тѣмъ какъ народъ волновался, шумѣлъ, негодовалъ и плакалъ, онъ написалъ тамъ царю: „Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: и егда изженуть васъ отъ сего града, бѣжите во онъ градъ, и еже аще не пріимуть васъ, грядуще оттрясите прахъ отъ ногъ вашихъ“.

Надѣлъ Никонъ мантию съ источниками, и клубукъ черный, вмѣсто бѣлаго, посохъ митрополита Петра поставилъ на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую налку и хотѣлъ выйти изъ собора, но народъ не выпустилъ его...

Тогда, присутствовавшій здѣсь, митрополитъ крутицкій Питиримъ упросилъ народъ выпустить его, Питирима, обѣщаясь отправиться прямо къ царю во дворець.

Его выпустили, и онъ въ сопровожденіи огромной толпы, стоявшей на площади, пошелъ въ царскія палаты.

Почтеннаго святителя тотчасъ ввели въ пріемную царя, гдѣ въ то время былъ ужъ пріемъ бояръ съ праздничнымъ поздравленіемъ. Услышавъ о случившемся въ соборѣ, царь сильно встревожился и воскликнулъ:

— Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ.

И, дѣйствительно, дѣло было неслыханное, не бывалое: никогда еще въ такомъ видѣ никто не оставлялъ не только патріаршей, но и вообще епископской каѳедры на Руси, и при комъ же это совершается? При благочестивѣйшемъ изъ русскихъ царей. И кто же такъ оскандаливаетъ его? Собинный другъ.

— Князь Алексѣй Никитичъ, — обращается онъ къ князю Трубецкому, именитѣйшему боярину и воеводѣ, такъ блистательно доведшему армію до Вильно, — отправься въ соборъ и упроси Никона остаться патріархомъ и дать намъ свое благословеніе.

Князь Трубецкой поспѣшилъ въ соборъ. Войдя туда, онъ подошелъ подъ благословеніе патріарха.

— Прошло мое благословеніе, недостойнъ я быть въ патріархахъ, — молвилъ Никонъ.

— Какое твое недостойнство, и что ты сдѣлалъ зазорнаго? — спросилъ Трубецкой.

— Если тебѣ надобно, то я стану тебѣ каяться, князь.

— Не кайся, святѣйшій патріархъ, скажи только, зачѣмъ бѣжишь, престоль свой оставляешь? живи, не оставляй престола. Великій государь тебя жалуесть и радъ тебѣ.

— Поднеси, князь, это государю, — прервалъ его Никонъ, подавая ему написанное въ ризницѣ письмо: — попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью.

Съ нетерпѣніемъ и въ смущеніи ждалъ царь возвращенія князя Трубецкаго и самъ подходилъ къ окну, глядя на площадь, и, когда князь, выйдя на площадь, направился ко дворцу, Алексѣй Михайловичъ пошелъ ему на встрѣчу въ сѣни.

— Что, княже? — спросилъ онъ.

Князь передалъ ему разговоръ свой съ Никономъ и подалъ царю письмо.

— Что можетъ писать человѣкъ въ гнѣвъ! — милостиво произнесъ царь. — Возвратись вновь въ соборъ, отдай назадъ патріарху его письмо и проси его остаться на престолѣ патріарха.

Никонъ ждалъ почему-то, что самъ царь пріѣдетъ къ нему и примирится съ нимъ. Сильная тревога овладѣла и патріархомъ, и всѣми предстоящими: Никонъ то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ; народъ съ плачемъ не пускалъ его: наконецъ, Никонъ до того разстроился, что самъ заплакалъ.

Но вотъ не царь, а князь Трубецкой возвращается изъ дворца, отдаетъ назадъ Никону письмо и проситъ отъ имени царя патріаршества не оставлять.

Приходитъ Никону мысль: имъ такъ пренебрегаютъ, что даже и письма его не хотятъ читать, и онъ восклицаетъ:

— Ужъ я слова своего не перемѣню, да и давно у меня обѣщаніе патріархомъ не быть.

Сказавъ это, онъ поклонился боярину и вышелъ изъ церкви.

Карета его стояла у церкви; онъ вошелъ въ нее, но народъ выпрягъ лошадей.

— Такъ я и пѣшкомъ пойду.

Онъ пошелъ чрезъ Красную площадь къ Спасскимъ воротамъ.

Въ это время Москва, освѣдомившись о происходящемъ въ Успенскомъ соборѣ, бросилась въ Кремль и вся площадь была уже занята тысячами волнующагося и плачущаго народа.

Заперли Спасскія ворота и не выпускали Никона.

Изъ дворца это видѣли, бояре встревожились и поняли, что это волненіе можетъ принять дурной оборотъ, если вырвется хотя одно какое-нибудь неосторожное слово разсерженнаго Никона, а потому оттуда отправилась сильная стража съ боярами и заставила народъ отворить ворота.

Никонъ, сидѣвшій въ углубленіи воротъ, когда ихъ открыли, пошелъ пѣшкомъ чрезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье своего „Новаго Іерусалима“...

Такъ они прошли нѣкоторое разстояніе, но Никонъ упросилъ народъ разойтись, причемъ благословлялъ его.

Съ плачемъ и рыданіемъ всѣ прощались съ нимъ, цѣловали его ноги и одежду.

И Никонъ плакалъ навзрыдъ,—ему казалось, что съ любимымъ народомъ онъ разстается на вѣкъ.

Это не было прощаніе патріарха съ паствою, а отца—съ дѣтьми...

Народъ разошелся, и Никонъ уѣхалъ въ свое подворье.

Напрасно онъ ждалъ здѣсь нѣсколько часовъ *), что изъ дворца ему пришлютъ хоть ласковое слово или отъ царя, или отъ царевны Татьяны Михайловны.

Ожиданія его были напрасны... И вотъ почти безъ чувствъ монахи усадили его въ карету, и лошади помчали его въ „Новый Іерусалимъ“.

ХІ.

И н т р и г а.

Удаленіе Никона изъ Москвы было съ его стороны величайшею ошибкою: онъ далъ возможность всѣмъ врагамъ своимъ поднять головы и повести его къ окончательной размолвкѣ съ царемъ.

Первые возстали раскольники и торжественно праздновали удаленіе еретика изъ Москвы: жена Глѣба Морозова, раскольница Феодосія, и жена Урусова—фанатички,—бѣгали по теремамъ и бунтовали ихъ, разжигая страсти и преувеличивая поступокъ Никона, хотя въ рѣчи его къ народу не было ничего антиправитель-

---

*) Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ здѣсь пробылъ три дня.

ственнаго, а, напротивъ, все было направлено противъ раскола.

Раскольники это поняли и поняли то, что удаленіе Никона наноситъ имъ большій ударъ, чѣмъ его бывшее могущество; такъ какъ удаленіе его было изъ-за идеи, слѣдовательно, и онъ становился мученикомъ, пострадавшимъ изъ-за раскольниковъ и ихъ происковъ: „меня хотѣли побить камнями, — говорилъ онъ народу, — и я удалюсь“.

Поэтому раскольничья партія распустила слухи, что Никонъ удалился изъ честолюбивыхъ видовъ, чтобы изъ монастыря дѣйствовать противъ правительства совершенно самостоятельно и независимо; что для этого онъ построилъ такой обширный монастырь на тысячу монаховъ и устроилъ его, какъ крѣпость; что туда онъ можетъ набрать ополченіе изъ монастырскихъ крестьянъ и, пожалуй, можетъ держать въ осадѣ и самую Москву.

Нужно-де на этомъ основаніи отнять отъ него власть надъ монастырскими имуществами.

Средствомъ же къ тому было заставить Никона передать блюденіе патриаршаго престола митрополиту Питириму и въ монастырскій приказъ назначать бояръ — царю.

Всѣ эти толки, суды и пересуды, были на руку боярамъ: всѣмъ имъ, начиная съ Милославскаго и Морозова, Никонъ былъ какъ бѣльмо на глазу. Патриархъ не допускалъ имъ грѣть руки въ завоеванной Бѣлой Руси и въ присоединенной Малороссіи. По государственному же хозяйству и государевой казнѣ имъ введена была такая строгая отчетность, что каждая копѣйка должна была отчитываться.

Пуще же всего на него взѣлись за то, что онъ возставалъ противъ мѣдныхъ рублей, такъ какъ партія Милославскаго страшно злоупотребляла ими.

Эти причины вызвали то, что все боярство возстало противъ него и, собравшись въ боярской думѣ, угово-

рило царя сдѣлать въ отношеніи Никона рѣшительный шагъ.

Царь отправилъ къ нему на третій день Алексѣя Никитича Трубецкаго и дьяка Ларіона Лопухина.

Никонъ въ это время успѣлъ ужь устроиться въ „Новомъ Іерусалимѣ“ и усердно занялся своими сооруженіями.

Князь Трубецкой засталъ его на работахъ: онъ готовилъ въ мастерской окна и двери для монастыря.

— Для чего ты, святѣйшій патріархъ, — обратился къ нему Трубецкой: — поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не доложивъ великому государю и не давъ ему благословенія? А если бы великому государю было извѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честію. Ты бы подаль великому государю, государынѣ-царицѣ и дѣтямъ ихъ благословеніе; благословилъ бы и того, кому изволить Богъ быть на твоемъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь крутицкому митрополиту.

— Чтобъ государь, государыня-царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили, — отвѣчалъ съ кротостію и смиреніемъ Никонъ: — а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и кто будетъ патріархомъ, того благословляю; бью челомъ, чтобы церковь не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь вѣдать благословляю крутицкому митрополиту; а что поѣхалъ я вскорѣ, не извѣстивъ великому государю, и въ томъ передъ нимъ виноватъ: испугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобъ мнѣ въ патріархахъ московскихъ не умереть.

Приѣхавъ къ царю, князь Трубецкой къ этимъ словамъ отъ себя присовокупилъ, что будто бы патріархъ сказалъ: „А впредь я въ патріархахъ быть не хочу, а если захочу, то проклять буду, анаема“.

Послѣднія слова не отвѣтствуютъ всей смиренной рѣчи Никона, а князь Трубецкой явно прибавилъ ихъ отъ себя, чтобы окончательно убѣдить царя, что Никонъ

навсегда отказывается отъ патріаршества вообще, между тѣмъ какъ тотъ говорилъ лишь о московской кафедрѣ.

Согласно этому показанію, царь передалъ патріаршую кафедру блюсти митрополиту Питириму, а въ монастырскій приказъ назначилъ своихъ бояръ.

Нѣсколько дней спустя, Никонъ написалъ царю письмо, дышавшее смиреніемъ: въ немъ просилъ извиненія за поспѣшный свой отъѣздъ, который онъ объяснялъ своею болѣзнью.

Нѣсколько дней спустя, явился къ Никону Иванъ Михайловичъ Милославскій, племянникъ царицы, и отъ имени царя объявилъ ему, что Борисъ Ивановичъ Морозовъ сильно боленъ и, если патріархъ имѣетъ на него какую-нибудь досаду, чтобы простилъ ему.

Никонъ собственноручно отвѣчалъ царю письмомъ:

„Мы никакой досады отъ Бориса Ивановича не видали, кромѣ любви и милости; а хотя бы что-нибудь и было, то мы Христовы подражатели, и его Господь Богъ проститъ, если, како человѣкъ, въ чемъ-нибудь виновать предъ нами. Мы теперь оскудѣли всѣмъ, и потому молимъ твою кротость пожаловать что-нибудь на созиданіе храма Христова Воскресенія и намъ бѣднымъ на пропитаніе“.

Но его кротость ничего не прислалъ, и съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ „Новый Іерусалимъ“ Никонъ увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи.

Бояре же не дремали: они ежедневно наговаривали на патріарха, и царь далъ ему черезъ стольника Матюшкина, своего родственника, знать, что въ Москвѣ осталось еще только два человѣка, жалѣющихъ его,— это онъ, царь, и князь Юрій Долгорукій.

Спустя еще нѣкоторое время, бояре настояли арестовать и имущество, и бумаги Никона, оставшіяся въ Москвѣ.

При обыскѣ, который совершалъ князь Трубецкой, найдены письма не только царя къ нему, но и письма

царицы, царевенъ и многихъ бояръ. Переписка эта не понравилась царю и, какъ видно, склонила его на сторону бояръ,—иначе нельзя объяснить поступка его: всѣ цѣнные вещи патріарха, полученныя имъ въ даръ отъ различныхъ лицъ, онъ конфисковалъ въ свою пользу, и нѣсколько вотчинъ, приписанныхъ къ „Новому Іерусалиму“, было отобрано отъ него.

Сдѣлано еще одно распоряженіе: послѣ отъѣзда изъ Москвы Никона, масса народа изъ Москвы отправлялась въ „Новый Іерусалимъ“ повидать и поклониться своему святителю. Поэтому вышло запрещеніе: всякимъ чинамъ посѣщать монастырь; это лишило Никона окончательно всѣхъ средствъ, не только къ сооруженію храма, но и къ существованію обители.

Это же и вызвало со стороны Никона рѣзкій протестъ на имя царя, такъ какъ онъ увидѣлъ, что дѣло его потеряно въ Москвѣ.

Нужно полагать, что со времени этого письма, въ которомъ Никонъ укоряетъ Алексѣя Михайловича, въ своеволіи и неправосудіи, гдѣ, оправдываясь въ томъ что онъ писался великимъ государемъ, именуетъ это названіе проклятымъ, — онъ, Никонъ, твердо рѣшился повести съ правительствомъ царя открытую борьбу, чтобы отстоять права патріаршія.

Въ письмѣ этомъ онъ, между прочимъ, показываетъ непристойность ареста секретной его переписки, какъ патріарха; жалуется на свою нищету и на то, что онъ оболганъ, поношенъ и укоренъ; жалуется, что государю доносили несправедливо, что онъ съ собою взялъ будто бы большую казну, причемъ указываетъ ему счетъ своимъ расходамъ.

Неизвѣстно, какъ было принято это письмо въ Москвѣ, но, должно быть, съ негодованіемъ, потому что весь этотъ годъ прошелъ безъ всякой перемѣны къ патріарху, и слухи лишь доходили къ Никону, что боярство ищетъ противъ него повсюду какихъ-нибудь обличеній.

Между прочимъ, въ 1659 году сочинили слѣдующее: будто Никонъ въ бесѣдѣ съ цѣвчими дьяконами, Тверитиновымъ и Семеновымъ, прїѣзжавшими, вопреки запретнаго указа, въ „Новый Иерусалимъ“, говорилъ о Выговскомъ, что вотъ-де при немъ онъ, Выговскій, былъ вѣренъ царю, а теперь измѣняетъ, и что ему, Никону, стоитъ только двѣ строчки написать Выговскому, и тотъ снова будетъ служить царю.

Очевидно, что объ этомъ говорилось межъ бояръ, и имъ хотѣлось, во что бы то ни стало, показать неблагонадежность Никона и очернить его передъ государемъ, выставивъ его мятежникомъ. Вотъ почему и сочинена эта бесѣда. Нельзя же допустить, чтобы такой государственный чедовѣкъ и такой гордецъ, какъ Никонъ, сталъ болтать такъ съ какими-то цѣвчими дьяконами. Ясно было, что бояре ихъ послали въ монастырь, чтобы имѣть поводъ, снявши съ нихъ сказки, поточить свой языкчекъ на его счетъ.

Иначе нельзя объяснить всей этой исторіи: едва ли простые дьяконы осмѣлились бы, даже вопреки царскому указу, явиться въ монастырь, если бы за спинами ихъ не были сильные бояре.

Однакожь, царь, хотя и повѣрилъ ихъ сказкѣ, но послалъ патріарху церковное вино, муку пшеничную, медъ и рыбу. Повезъ все это дьякъ Дементій Башмаковъ.

Дьякъ засталъ Никона въ скитѣ и, спрося его о спасеніи *), представилъ ему царскіе дары.

Патріархъ билъ челомъ царю за эти дары и спросилъ объ его здоровьѣ; потомъ въ своей Воскресенской церкви отслужилъ обѣдню.

Послѣ того онъ повелъ Башмакова въ монастырь. Впереди его шли боярскія дѣти; когда они подошли къ монастырскимъ воротамъ, ихъ встрѣтила стража мо-

---

*) Духовныхъ не спрашивали тогда о здоровьѣ, а о спасеніи.

настырская, состоявшая изъ десяти человекъ. У монастыря вышла къ нимъ вся братія съ архимандритомъ.

Осмотрѣвъ съ Башмаковымъ сооруженія и монастырь, патріархъ ввелъ его въ свою монастырскую келію.

Здѣсь онъ обратился къ Башмакову:

— Между властями,—говорилъ онъ:— много моихъ ставленниковъ, они обязаны меня почитать, они мнѣ давали письмо за своими руками, что будутъ почитать меня и слушаться. Я оставилъ святительскій престолъ на Москвѣ своею волею, московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду; но патріаршества я не оставлялъ, и благодать Св. Духа отъ меня не отнята: здѣсь были два человека, одержимые чернымъ недугомъ; я объ нихъ молился, и они отъ своей болѣзни освободились;—и когда я былъ на патріаршествѣ, и въ то время моими молитвами многіе отъ различныхъ болѣзней освободились.

Въ первый разъ, какъ видно, царю донесли ясно, въ чемъ заключалось это отреченіе. Раньше же сказанное имъ въ Успенскомъ соборѣ объясняли, какъ общее отреченіе отъ патріаршества, а тутъ выходило, что онъ говорить лишь о московской каедрѣ.

Царь увидѣлъ, что бояре ввели его въ трущобу, изъ которой выпутаться было не легко.

Тутъ случилось новое обстоятельство: въ Вербное воскресеніе должно было совершиться хожденіе на ослиати патріарха, во образъ вѣзда Христа въ Іерусалимъ, и поэтому царь разрѣшилъ этотъ вѣздъ блюстителю патріаршаго престола. Но на это, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, воспослѣдоваль протестъ патріарха: такъ какъ, по его мнѣнію, церемонію эту могъ совершать лишь патріархъ; а если царь желаетъ избрать новаго, то онъ ничего не имѣетъ противъ этого, и кого благодать избереть на великое архіерейство, того онъ благословитъ и передастъ черезъ рукоположеніе божественную благодать, какъ самъ ее принялъ.

Протестъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Москвѣ; правительство поняло, что Никонъ и не думаетъ отказываться отъ патріаршества и, отказавшись лишь отъ московской кафедрѣ, предоставляет себѣ право рукоположить въ патріархи московскіе, кого изберетъ соборъ.

Но какую же роль будетъ онъ играть тогда въ государствѣ? А между тѣмъ правительство желало, чтобы онъ пересталъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя.

Дьякъ Алмазъ, его старинный врагъ и другъ Стрѣшневъ, вызвался въ боярской думѣ ѣхать къ нему съ думнымъ дворяниномъ Елизаровымъ.

Елизаровъ, пріѣхавъ къ нему 1 апрѣля 1659 года съ Алмазомъ, началъ ему выговаривать:

— Ты-де, патріархъ, отказался отъ московскаго патріаршества, и поэтому писать тебѣ о крутицкомъ митрополитѣ не довелось, такъ какъ онъ дѣйствовалъ по царскому указу.

Никонъ, объявивъ причины своего протеста, присовокупилъ:

— Престолъ святительскій оставилъ я по своей волѣ, никѣмъ не гонимъ, имени патріаршескаго я не отрицаю, только не хочу называться московскимъ; о возвращеніи же на прежній престолъ и въ мысляхъ у меня нѣтъ.

— А царь приказалъ,—прервалъ его Елизаровъ:—впередъ о такихъ дѣлахъ къ нему, великому государю, не писать,—такъ какъ ты-де патріаршество оставилъ.

— Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ,—обидѣлся Никонъ рѣзкостью тона:—благочестивымъ царямъ греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынники возвѣщали, я своею волею оставилъ паству, а попеченіе объ истинѣ не оставилъ, и впередъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану.

— При прежнихъ греческихъ царяхъ,—еще рѣзче произнесъ царскій посолъ:—процвѣтали ереси, и тѣ

ереси пустынники обличали, а теперь никакихъ ересей нѣтъ, и тебѣ обличать некого.

— Если митрополить,—сказалъ кротко Никонъ:—дѣйствовалъ по указу великаго государя, то я великаго государя прощаю и благословеніе ему даю.

Этотъ разговоръ былъ истолкованъ царю такъ: Никонъ объявилъ, что онъ, если даже избранъ будетъ новый патріархъ, оставляетъ за собою право высшаго наблюденія за церковью и молчать не будетъ и, вмѣсто извиненія передъ царемъ за неумѣстное письмо свое, онъ дерзаетъ прощать царя.

— Нужно низложить его,—кричали одни.

— Нужно гордеца смирить; а единственно возможная въ этомъ случая мѣра,—это предать его суду и лишить его архіерейства. Но какъ это сдѣлать?

Рѣшиться на такой шагъ царь не видѣлъ еще поводовъ, тѣмъ болѣе, что совѣсть подсказывала ему: да въ чемъ же вина Никона?

ХП.

Женихи царевнѣ.

Января 5-го, 1660 года, во дворцѣ праздновался торжественно день рожденія царевны Татьяны Михайловны: ей исполнилось двадцать четыре года.

Дворъ не имѣлъ въ тѣ времена того веселаго и европейскаго вида, какой онъ носилъ при предшествовавшихъ царствованіяхъ.

Бахари, гусельники, органисты, домрачеи, шуты, карлы, арапы исчезли, и ихъ замѣнили калики переходяжія, монахи и монашенки, странники и странницы.

Вмѣсто прежнихъ пѣсень и пляски, слышались духовные концерты, духовные хоры, духовныя пѣсни объ адѣ и тому подобное, или же рассказывались легенды: о посадникѣ новгородскомъ Шилѣ, о муромскомъ князѣ

Петръ и супругъ его Февроніи, о Марѣѣ и Маріи, объ Ульянѣ, о половчинѣ, о рабѣ, о двухъ сапожникахъ, объ инокѣ, объ умерщвленномъ младенцѣ, объ оживленной курицѣ, о вдовѣ цѣломудренной, и множество повѣствовалося другихъ, дошедшихъ и не дошедшихъ къ намъ былинъ и легендъ.

Сами же калики и странники помѣщались въ бывшей прежней Потѣшной палатѣ, а когда перестроился царскій теремъ, они сначала помѣщались внизу, а потомъ богадѣльня явилась не вдаль отъ дворца въ видѣ особой пристройки.

Праздникъ царевны прошелъ поэтому тоже въ молитвѣ въ церкви и потомъ въ слушаніи духовныхъ хоровъ и пѣсень, и тѣмъ тяжелѣе былъ онъ для царевны, что любимый ея святитель, Никонъ, отсутствовалъ и былъ въ опалѣ.

Вздумала она было при посѣщеніи терема царемъ заикнуться о Никонѣ, но тотъ съ несвойственнымъ ему неудовольствіемъ отвѣчалъ:

— Ужъ мнѣ Никонъ сидитъ здѣсь... Только и слышишь со всѣхъ сторонъ каждый часъ: вотъ кабы Никонъ, то давно былъ бы миръ съ Польшею; а иные баютъ: кабы не Никонъ, да съ своими затѣями да широкимъ стояніемъ, былъ бы давно миръ... И разбери ихъ..

— А вѣсти какія отъ князя Юрія Долгорукова изъ Вильны?—спросила царевна, чтобы замять разговоръ.

— Послушался онъ князя Одоевскаго и выступилъ оттуда, а гетманъ Гонсевскій... вообрази, что онъ въ бѣгствѣ и напалъ на него... А князь Юрій разбилъ его, да полонилъ и самаго гетмана... да кабы Одоевскій и Плещеевъ не съ своимъ мѣстничествомъ противъ Долгорукова:—не пойдемъ-де къ младшему на подмогу, то и гетманъ Сапѣга былъ бы въ плѣну... Выдалъ я ихъ головою Долгорукову... Получилъ я гонца да разругалъ князя Юрія: зачѣмъ-де Вильну покинулъ... Да ляхи баламутятъ, все обѣщаютъ избрать меня въ короли, а я

имъ будто бы вѣрю... А намъ бы съ свейцами миръ учинить; тамъ Польшу заставимъ отдать намъ Бѣлую Русь, да закрѣпимъ надоть за нами Малую Русь... Вотъ видишь ли, сестрица, теперь, послѣ побѣды князя Юрія да полоненія гетмана Гонсевскаго, ляхи позатихли... Да и свейцы затихли, моръ передупилъ ихъ, да и Янъ Казиміръ отдалъ имъ ливонскіе города,—такъ съ ними-де мы въ перемиріи... Теперь нужно справиться съ гетманомъ малороссійскимъ Выговскимъ: измѣнилъ онъ намъ, а Ромодановскій съ Шереметьевымъ въ осадѣ,—передался онъ вишь ляхамъ и союзъ учинилъ съ татарами. Мы и снарядимъ рати наши, да съ княземъ Трубецкимъ пошлемъ ихъ на хохловъ.

— Дай Господь Богъ тебѣ побѣду,—перекрестилась царевна:—А войска кажись много въ Москвѣ?

— Еще бы,—съ гордостью сказалъ царь:—Ратники мои бравые: драгуны, рейтары, пушкари и стрѣльцы были и при осадѣ Смоленска и Риги... Сколько они городовъ полонили... А счетомъ всей-то рати болѣе полтора ста тысячъ.

— А кто же будетъ въ передовомъ отрядѣ?—полюбопытствовала царевна.

— На кого князь Алексѣй (Трубецкой) соизволить.

— Коли такъ, такъ ты бы, братецъ, зашелъ къ сестрицѣ царевнѣ Иринѣ... Хотѣла она съ тобою по твоему государеву дѣлу молвить пару словъ.

— Ладно.

Царь поцѣловалъ ее и пошелъ въ отдѣленіе царевны Ирины.

Онъ поздоровался съ сестрою и сказалъ ей, что его прислала къ нему Татьяна Михайловна.

— Я по дѣлу къ тебѣ важному,—молвила Ирина:—Хотѣла я спросить тебя, что намѣренъ ты дѣлать съ царевнами Анною и Татьяною... Мой вѣкъ ужъ прошель, Христова невѣста... а тѣ-то чѣмъ провинились?..

— Да вѣдь Татьяна прежде не хотѣла слушать о женихахъ..

— То было прежде, а теперь она баить: нужно-де выйти замужъ... Гляди, говоритъ она, боярыни въ теремахъ-то лучше живутъ, чѣмъ царицы. На той глаза-то всѣхъ, а боярыня, что хошь, то и дѣлаеть, да коли она вдова, то все едино, что бояринъ у себя. А королевичей гдѣ набрать? Да у тебя-то, братецъ, тожъ царевны нарастаютъ.

— Я-то непрочъ, пушай-де замужъ идутъ, да жениховъ-то, Иринушка, гдѣ набрать?

— А чѣмъ-де не женихи: князь Семень Пожарскій, да князь Семень Львовъ,—обрадовалась царевна.

— О-го-го!—улыбнулся царь;—два князя, да два Семена... да вѣдь оба-то, хотя молодцы, но имъ бы взять допрежь по городу, аль въ полонъ хотя бы и Выговскаго.

— Такъ ты, братецъ, пошли ихъ съ княжъ Алексѣемъ Никитичемъ въ Малую-то Русь и, коли вернутся, да съ побѣдою... съ знаменами, да съ плѣнниками, булавами... тогда... тогда...

— По рукамъ, да въ баню,—расхохотался царь:—но бояре-де что загогочуть? Романовы, Милославскіе, Морозовы, Стрѣшневые, Черкасскіе, Одоевскіе, Урусовы, Матюшкины и иные; вѣдь заѣдятъ, скажутъ...

— Да что ихъ слушать-то, братецъ. Коли теремъ соизволить на это, то всѣ-то бояре уставятъ брады ко землѣ и молвятъ: умѣстенъ бракъ... Коли мы да бабы загогочемъ, то нашего-то брата не перекричишь. Ты лишь соизволь... да самъ посуди... Пожарскіе сражались за насъ съ ляхами и Русь спасли; а Львовы тоже именитые.. изъ удѣльныхъ.

— Это-то такъ, да видишь ли, сестрица, нужно подумать...

— Нѣтъ, ужъ ты не думай, а дай слово... Пойми, братецъ, Анята и Таня сироты, а я старшая ихъ сестра...

Кому же радѣть о нихъ? Танюшкѣ, видишь, сегодня двадцать четыре года, а Анютѣ и того больше... пора и въ замужество.

— Даю слово... но допрежь походь... Я скажу княжѣ Алексѣю, какъ онъ соизволить; опосля похода побалагуримъ.

Съ этими словами царь поднялся съ мѣста и вышелъ.

Сильная забота лежала на немъ,—армія его была поставлена на хорошую ногу, благодаря заботамъ и трудамъ Никона, и послѣдняго даже обвинили раскольники и попы въ томъ, что онъ-де больше занятъ барабанами, пушками и оружіемъ, чѣмъ своимъ святительскимъ дѣломъ. Теперь всю эту побѣдоносную и стройную, хорошо обученную армію онъ долженъ отправить въ зимній походъ, т. е. въ томъ же январѣ двинуть ее къ Сѣвску.

Какое-то странное предчувствіе овладѣло имъ, когда онъ вышелъ отъ сестры своей Ирины.

— Поговорю о Пожарскомъ и о Львовѣ съ княжѣмъ Алексѣемъ,—подумалъ онъ:—и послать ли ихъ съ войскомъ, коли они просятся въ женихи царевнамъ?..

На Москвѣ въ это время было весело: вмѣстѣ съ войсками стянулось сюда почти все боярство, т. е. семейства всего служилаго люда. Кто—повидаться съ родными, кто—за женихами, кто—за дѣтьми, кто—за мужьями. Съѣзду способствовала еще и хорошая санная дорога, и Москва закипѣла народомъ и торговымъ людомъ. По улицамъ звенѣли бубенчики, оружіе и гарцовали наѣздники: драгуны, рейтары, казаки. Ежедневно вступали отдѣльныя партіи и цѣлыя полки; а стрѣлечкія слободы были точно лагерь: почти со всѣхъ концовъ Россіи, особенно съ сѣвера и востока, они были сюда стянуты.

Царь Алексѣй Михайловичъ могъ тогда гордиться своею арміею,—она была одна изъ лучшихъ въ Европѣ потому что организаціею ея заняты были тысячи ино-

странныхъ лучшихъ офицеровъ: голландцевъ, нѣмцевъ и англичанъ.

Въ послѣдствіи времени, когда Петръ Великій спросилъ Якова Долгорукова, чтобы онъ откровенно ему сказалъ, какую разницу онъ находитъ между его и отца его царствованіемъ,—Долгорукій отвѣтилъ ему: „У отца твоего армія была лучше, чѣмъ у тебя, за то ты создалъ флотъ“.

Наши историки, поэтому, напрасно считаютъ Петра I творцомъ арміи. Инженерное искусство было въ то время на довольно высокой степени, и мы въ настоящее время зачастую только возвращаемся къ старинѣ: нынѣшнія земляныя работы тогда практиковались еще съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ теперь, а минное дѣло велось по всѣмъ правиламъ и теперешней науки.

Имѣя, такимъ образомъ, внушительныя силы, борьба съ Малороссією и татарами казалась боярамъ не опасною, и необходимою тѣмъ болѣе, что требовалось не допустить соединенія ихъ съ Польшею.

Самый зимній походъ предпринять въ Малороссію, чтобы не дать Польшѣ собраться съ силами для отправления Выговскому подкрѣпленій.

Планъ этотъ былъ удачно обдуманъ, рассчитанъ, а внушительная полутораста-тысячная армія обѣщала успѣхъ и полную побѣду.

Сама Малороссія призывала царя къ себѣ, а именно восточная часть по сую сторону Днѣпра, а Украина была намъ враждебна, и только Кіевъ находился въ рукахъ Шереметева.

При такомъ могуществѣ царя, казалось, ничтожною должна бы была для него быть борьба съ Никономъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что значить для царя отшельникъ, владѣющій въ Новомъ Іерусалимѣ десяткомъ стрѣльцовъ, сотнею бѣдныхъ монаховъ (остальная братія съ голоду разбѣжалась),—ему, побѣдителю поляковъ и

шведовъ, стоящему послѣ войны во главѣ сильной и побѣдоносной арміи?..

Такъ полагали тогда всѣ москвичи, видя стройныя царскіе полки.

Не такъ однакожь думалъ самъ царь: этотъ инокъ, какъ призракъ, преслѣдовалъ его и какъ будто шепталъ ему: „Вѣдь это все дѣло рукъ моихъ и когда я отпустилъ эти войска съ моимъ благословіемъ, былъ успѣхъ и побѣда... Посмотримъ, какъ это будетъ безъ моего благословія и безъ моего совѣта“.

И хотѣлось бы царю послушать и этого совѣта, и вдохновеннаго благословія, и слова святителя. Но какъ сдѣлать? Самолюбіе не позволяетъ: бояре успѣли уже вселить ему, что Никонъ хвасталъ, что стоитъ ему написать нѣсколько словъ гетману, и тотъ покорится, а арміи его, царя, гетманъ-де не устрашится.

— Поглядимъ,—отвѣчаетъ на свою мысль царь:— какъ это гетманъ не покорится моимъ войскамъ... Что есть лучшаго у меня, посылается туда, и коли они побѣждали и одолѣвали поляковъ и свейцевъ, то они уничтожатъ и черкасскихъ казаковъ, и татарскую орду... Но все же лучше бы было, кабы Никонъ не былъ строптивъ,—можетъ и въ заправду устроилъ бы миръ безъ кровопролитія. Мысль эта не даетъ царю покоя и, выйдя отъ сестры, онъ говоритъ себѣ самому:

— А вѣдь Таня что ни на есть умница. Послѣ обыска у святѣйшаго найдены ея письма... Я-то ихъ уничтожилъ, да все жъ князь Алексѣй ихъ читалъ... А тутъ она вдругъ замужъ,—ну и замажемъ рты... Да и отъ Никона нареканіе отойдетъ, и онъ перестанетъ злиться и укорять: зачѣмъ-де мою переписку читали... людей сгубили. А женихи, правда, молодцы,—хоша и вдовцы... Да и сестрицы не молодья.. По правдѣ-то, вѣдь и оба Морозовы, да и самъ тестюшка мой вдовымъ женился, да еще на старости.

Съ этими мыслями онъ возвратился въ свою пріем-

ную, принявъ поздравленія духовенства и бояръ, потомъ отправился объѣдать.

Послѣ объѣда, когда князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой возвратился къ себѣ, онъ велѣлъ дьяку своему занести въ разрядъ: Семену-де Романовичу князю Пожарскому и князю Семену Петровичу Львову быть воеводами въ конныхъ передовыхъ полкахъ.

ХІІІ.

Битва подъ Конотопомъ.

Десять дней спустя послѣ того, войска стройно двигались въ Кремль, для того, чтобы, помолившись и получивши отъ митрополита Питирима, заступившаго Никона, благословеніе, а отъ царя отпущекъ двинуться въ походъ.

Войска были ужь снаряжены по походному и съ самаго ранняго утра устраивались въ Кремль; царь же, царица и царевны прибыли туда, когда трезвонъ всѣхъ церковей съ Успенскимъ соборомъ возвѣстилъ прїѣздъ туда митрополита.

Царица и царевны должны были, по обычаю, быть въ покрывалахъ и за занавѣскою, но воины, возвратившись съ походовъ, видѣли, что и въ Бѣлоруссіи, и въ Польшѣ, и въ Малороссіи женщины безъ покрываль, и сидятъ за однимъ столомъ за объѣдомъ съ мужчинами, и поэтому сдѣлано было въ первый разъ отступленіе отъ обычая, и царскій домъ, равно и всѣ ихъ ближнія боярыни и боярышни, хотя и прїѣхали въ закрытыхъ возкахъ *), но были въ церкви безъ покрываль, и занавѣсь въ церкви была отдернута.

Отслужена была объѣдня и молебенъ; потомъ отъѣзжающіе въ войска князь Трубецкой, воеводы и полков-

---

*) Капторы, какъ ихъ тогда называли.

ники, поклонившись и приложившись къ святымъ иконамъ, стали подходить къ царю и къ его семейству прощаться. Подошли къ царевнамъ и князь Семень Пожарскій и князь Семень Львовъ.

Оба князя по обычаю ударили имъ сначала челомъ, потомъ, приложившись къ ручкѣ, которая была въ перчаткѣ, поцѣловались съ царевнами.

Обѣ царевны, Анна и Татьяна, были въ драгоценныхъ шубкахъ, а на головахъ ихъ собольи шапочки, украшенные жемчугами. Не бѣлились и не румянились онѣ, такъ какъ и безъ того были прекрасны съ ихъ черными глазами и темными бровями. Царевны были похожи другъ на друга, но Татьяна имѣла болѣе энергичное лицо и была больше ростомъ.

Но на обѣихъ произвели эти женихи не одинаковое впечатлѣніе: Анна нашла своего жениха, хотя не совсемъ молодымъ, но интереснымъ; Татьянѣ ея женихъ совсемъ не понравился, — онъ представлялся ей слишкомъ солдатомъ.

Но царю это прощаніе съ отъѣзжающимъ войскомъ показалось слишкомъ оффиціальнымъ и безжизненнымъ, — не было ни вдохновеннаго благословенія, ни горячей рѣчи, — словомъ, недоставало Никона, умѣвшаго электризовать всѣхъ.

Простившись съ войскомъ, которое было, впрочемъ, окроплено духовенствомъ, несмотря на сильный морозъ, царь уѣхалъ во дворецъ.

Прибывъ домой, онъ обратился къ царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ:

— Ты что-то не радостна, — сказалъ онъ.

— На сердцѣ будто камень, — прослезилась она.

— Да и у меня... Помнишь, когда бывало Никонъ благословляетъ войско... какъ-то радостно на сердцѣ... да и самъ идешь въ походъ... какъ будто такъ и слѣдъ.

— Ужъ не знаю что? А что-то не то, что было, — вздохнула царица.

Чтобы разсѣяться, царь зашелъ къ сестрѣ: Иринушка хлопотала объ обѣдѣ, Аннушка что-то рассказывала горячо боярынямъ и боярышнямъ, не бывшимъ въ церкви, а Танюшка забралась въ свое отдѣленіе и горько плакала.

Алексѣй Михайловичъ зашелъ къ ней; она ширинкою утерла слезы и, бросившись къ брату, повисла у него на шеѣ.

— Братецъ, братецъ, — говорила она всхлипывая: — зачѣмъ ты отослалъ ратниковъ?

— Тебѣ жаль, сестричка, жениха, такъ вернуть его можно.

— Зачѣмъ отослалъ войско, да безъ благословенія патріарха?

Она попала ему прямо въ сердце; это было именно то, что и его тревожило.

Но онъ собрался съ духомъ и произнесъ сухо:

— И на митрополитѣ Питиримѣ благодать Св. Духа, и его благословеніе оградить воиновъ, а воинствующая Богородица будетъ ихъ заступница и дастъ имъ одолѣніе враговъ...

— Но помнишь, братецъ, когда ты выступалъ въ походъ подъ Смоленскъ: послѣ благословенія патріарха ратники шли какъ на пирь... а теперь... всѣ лица мрачны, суровы, да и князь Семень Пожарскій, какъ будто семерыхъ съѣлъ.

— Полно, — прервалъ ее Алексѣй Михайловичъ: — такъ тебѣ кажется... Увидишь, побѣда за побѣдою ждетъ моихъ молодцовъ... вѣдь все что лучшее идетъ въ походъ... Притомъ главный воевода — князь Алексѣй Никитичъ, а онъ убѣленъ и съдинами, и опытомъ.

Царь вышелъ отъ нея и въ тотъ день былъ спокоенъ, но чѣмъ дальше уходили войска отъ Москвы, тѣмъ тревожнѣе онъ становился, а 7 февраля, выйдя послѣ обѣдни въ дворцовой церкви св. Евдокіи, ему въ трапезной докладывали рѣшеніе состоявшагося въ кабинетѣ совѣта бояръ: Бориса Ивановича Морозова, князя Якова

Черкаскаго, князя Никиты Одоевскаго, Ильи и Ивана Милославскихъ. Рѣшеніе это противорѣчило первоначальному плану силою подчинить себѣ Малороссію. Въ новой инструкціи предписывалось Трубецкому: во-чтобы то ни стало добиться примиренія съ гетманомъ Выговскимъ, а потому разрѣшено ему: 1) утвердить за нимъ всѣ привилегіи, какія предлагала ему Польша; 2) отказаться отъ воеводскихъ началъ; 3) въ случаѣ надобности очистить даже Кіевъ.

Другими словами: Трубецкому предлагалось медлить наступленіемъ и вести переговоры о мирѣ, — это чуть-чуть не погубило и русское дѣло, и всю нашу блестящую армію.

Здѣсь прямо сказалось отсутствіе Никона. Тотъ былъ въ отчаяніи, когда наша побѣдоносная армія остановилась въ Вильнѣ и не слѣдовала въ Варшаву и Краковъ, — а тутъ выслали сильное войско и заставили главнокомандующаго медлить, чтобы дать средства гетману Выговскому соединиться съ татарами.

Трубецкой исполнилъ инструкцію: онъ медленно двигался впередъ, и въ началѣ апрѣля былъ только въ Константиновѣ на Сулѣ. Сюда прибыли къ нему: Безпалый съ малороссійскими казаками, возставшими противъ гетмана Выговскаго, и изъ Лохвиць всѣ русскія войска, находившіяся въ Малороссіи.

Послѣднія онъ не долженъ былъ трогать, такъ какъ они должны бы были дѣйствовать или во флангъ, или въ тылъ непріятеля, который могъ появиться изъ-за Днѣпра съ татарами.

На пути Трубецкаго находился Конотопъ, въ которомъ заперся полковникъ Выговскаго, Гуляницкій. Здѣсь князь долженъ былъ бы оставить отрядъ для осады крѣпости, а самъ обязанъ былъ двигаться впередъ; а онъ, не окопавшись даже, занялся обложеніемъ и осадю Конотопа, ожидая, что гетманъ Выговскій самъ явится или пришлетъ ему повинную.

Такъ стоялъ онъ два мѣсяца, не посылая даже летучихъ отрядовъ для развѣдокъ въ глубь Малороссіи и по ту сторону Днѣпра.

Дурныя послѣдствія вскорѣ сказались: 27 іюня къ вечеру огромные таборы татаръ или, какъ ихъ называли тогда, ханъ съ калгою, и казаки подъ предводительствомъ Выговскаго остановились на берегахъ Сосновки, недалеко отъ Конотопа.

Узнавъ здѣсь, что князь Трубецкой, не окопавшись, стоитъ лагеремъ и не думаетъ даже о близости непріятеля, Выговскій зашелъ въ шатеръ хана.

Онъ передалъ ему, что желалъ прежде укрѣпиться на берегахъ Сосновки, чтобы дать сраженіе русскимъ, но теперь раздумалъ: необходимо взять нѣсколько отрядовъ и въ распахъ ночью напасть на враговъ.

Хану эта мысль понравилась, и, оставивъ при ханѣ въ засадѣ, въ лѣсахъ, большую часть татаръ и казаковъ съ орудіями и обозами, Выговскій съ летучими отрядами своими ночью же выступилъ въ походъ.

Ночи на Украинѣ очень темны, когда луны нѣтъ, и поэтому они за полночь достигли нашего лагеря. Здѣсь, недоѣзжая еще лагеря, Выговскій на поляхъ нашелъ огромное количество нашихъ обозныхъ и кавалерійскихъ лошадей; всѣ онѣ были забраны и погнаны по направленію къ Сосновкѣ.

Въ такой же безпечности находился и весь лагерь князя Трубецкаго,—безъ выстрѣла непріятель ворвался туда и началъ сонныхъ людей крошить или забирать въ плѣнъ.

Ударили тревогу, не зная даже, гдѣ и что дѣлается. Въ лагерѣ слышны были выстрѣлы, проклятія, крики и стоны раненыхъ и умирающихъ. Но вотъ многіе очнулись, собрали вокругъ себя ратниковъ и ударили на врага. До свѣту успѣли они очистить лагерь отъ казаковъ; Выговскій, боясь при разсвѣтѣ быть окруженнымъ и уничтоженнымъ, поспѣшно удалился.

Стало разсвѣтать, сумятица унялась, и князь Трубецкой, озадаченный и ошеломленный, созвалъ совѣтъ военачальниковъ. Судили, рядили, горячились и рѣшили: большія-де непріятельскія силы не могутъ быть вблизи, иначе имъ дали бы знать давно, и это, должно быть, какой-нибудь отрядъ подъ предводительствомъ хана и гетмана налетѣлъ на насъ врасплохъ, чтобы ограбить и ускакать. Ставъ на этой точкѣ зрѣнія, подняли всю нашу кавалерію, раздѣлили ее на два полка, вручили командованіе ими князьямъ Пожарскому и Львову и отдали имъ приказаніе полонить и хана, и гетмана, отбить у нихъ и людей, и лошадей, и скоть, которые они угнали съ собою.

Рѣшено и исполнено: вся кавалерія наша, въ количествѣ болѣе двухъ десятковъ тысячъ, составлявшая гордость нашу и первая въ Европѣ, подъ командою двухъ князей Семеновъ, жениховъ царевень, двинута впередъ.

Какъ вихрь эти массы помчались въ день Троерукой Богородицы, т. е. 28 іюля.

Кавалерія неслась впередъ и застигла верстахъ въ 25 отъ Конотопа врага. Въ ожиданіи погони гетманъ спѣшился, сдѣлалъ завалы и засѣлъ тамъ. Наши войска тоже спѣшились, и началась отчаянная рѣзня, татары и малороссы, видя себя побѣжденными, бросились на лошадей и ускакали съ гетманомъ. Началось ожесточенное преслѣдованіе его.

По дорогѣ многіе изъ мѣстныхъ жителей предупреждали Пожарскаго, что за Сосновкою стоятъ огромныя непріятельскія силы; но тотъ не вѣрилъ этимъ толкамъ и, боясь выпустить изъ рукъ крымскато хана, котораго въ особенности ему хотѣлось имѣть плѣнникомъ, онъ вопилъ:

— Давайте мнѣ ханишку! Давайте калгу, — всѣхъ ихъ съ войскомъ такихъ-то и такихъ-то... вырубимъ и выплѣнимъ.

— Княжъ Семенъ Романовичъ, не галдѣй,—говорить ему товарищъ князь Львовъ:— не ровень-де часъ... Татары услышатъ, хану передадутъ.

— Да ну ихъ!—кричитъ князь Пожарскій:— Намъ бы только добратся до нихъ.

— Княжъ Семенъ Романовичъ, — предостерегаетъ вновь Львовъ:— люди бають: много турокъ и казаковъ за Сосновкою рѣкою.

— Эхъ-ма! а насъ что-ль мало? Да мы татарву копытами вытопчемъ.

Сила за ними, точно, внушительная несется, двадцать, а можетъ быть, и цѣлыхъ тридцать тысячъ рейтаровъ и драгуновъ, да и въ придачу казаки.

Всѣ молодцы, да на добрыхъ коняхъ, съ мушкетами, пищалями и пиками, на головахъ шеломы, у большинства латы, а при бедрѣ сабли, ятаганы, пистолеты въ сѣдлахъ. Эта та конница, которая, какъ буря, нѣкогда прошла отъ Смоленска до Вильны.

Мчатся они такъ за Выговскимъ, отсталыхъ его воевъ аль разсѣкають, аль въ полонъ берутъ, и у самой Сосновки нагоняють его.

Выговскій со всѣми казаками бросается въ Сосновку и переплываетъ; Пожарскій съ своими тудажъ въ Сосновку и, такъ сказать, на хвостахъ гетманскаго войска, тоже переплываетъ рѣку и бросается за нимъ.

Но едва только вся наша конница очутилась на томъ берегу, какъ увидѣла себя окруженною со всѣхъ сторонъ татарами и казаками.

Раздался страшный грохотъ орудій, и картечь со всѣхъ сторонъ посыпалась на нихъ; потомъ раздались выстрѣлы мушкетовъ, пистолетовъ.

Наши попробовали спѣшиться. Но такая масса нашей конницы собралась на небольшомъ пространствѣ, и столько ужъ было убитыхъ и раненыхъ лошадей и людей, что нельзя было двигаться ни въ какую сторону.

Между тѣмъ татары высыпали со всѣхъ сторонъ,

какъ саранча, и начали даже стрѣлять съ той стороны Сосновки.

Наши бились съ ожесточеніемъ, но гибли какъ мухи, такъ какъ непріятелю было легко попадать въ ихъ массу.

Послѣ нѣскольکو-часовой такой драки осталось нашихъ въ живыхъ не болѣе пяти тысячъ. Они должны были сдаться.

Зной стоялъ невыносимый, весь день ратники или сражались, или мчались, ничего не ѣли и терпѣли жажду, а тутъ пришлось еще нѣскольکو часовъ биться; многіе до того изнемогли, что тутъ же перемерли.

Князь Львовъ, не отличавшійся особенно крѣпкимъ сложеніемъ, тоже изнемогъ и не могъ больше сражаться.

Видя неминуемую гибель, князь Пожарскій рѣшился, во что бы то ни стало, пробиться: онъ скомандовалъ оставшимся еще въ живыхъ ратникамъ сѣсть на коней и обратно плыть съ нимъ черезъ Сосновку.

Воины послѣдовали за нимъ; князя Львова они усадили на лошадь и повернули къ рѣкѣ.

Несмотря на убійственный огонь съ той стороны Сосновки, Пожарскій успѣлъ рѣку переплыть, но врагъ предупредилъ его: почти всѣми силами онъ появился здѣсь и встрѣтилъ его рукопашно.

Пожарскій не сдался бы. Но лошадь его пала убитою и въ то время, когда онъ барахтался подъ нею, чтобы освободиться, на него налетѣлъ цѣлый десятокъ татаръ и, скрутивъ по рукамъ и ногамъ, взяли его въ плѣнъ.

За его плѣненіемъ сдались и остальные ратники, да и князя Львова вскорѣ татары привели скрученного по рукамъ.

Какъ только закончили эту бойню татары и малороссы, какъ тотчасъ Выговскій и крымскій ханъ снялись и отступили, чтобы занять болѣе крѣпкую мѣстность. Но эти опасенія были напрасны: Трубецкой, узнавъ о несчастіи съ его конницею, тотчасъ снялъ осаду Конотопа и со всею арміею отступилъ въ Путивль.

Всю ночь татары двигались назадъ и къ свѣту лишь разбили лагерь и развели огонь.

Отдохнувъ послѣ тяжелой борьбы и движенія, ханъ потребовалъ къ себѣ плѣннаго Пожарскаго.

При ханѣ состоялъ толмачъ Фроловъ.

Черезъ него онъ спросилъ князя:

— Почему ты воевалъ въ прошлыхъ годахъ противъ крымскихъ царевичей въ Азовѣ?

— Потому, — отвѣтилъ князь, — что царь меня послалъ туда.

— Отчего ты заставлялъ ихъ принять христіанство?

— Не заставлялъ, а уговаривалъ и общалъ имъ много милостей отъ царя. У насъ-де и Сулешовъ изъ крымскихъ, и Булашовы, и Черкасскіе, и Урусовы, да Юсуповы... Послѣдній и помѣстій получилъ, почитай, тысячъ сорокъ... да всѣ въ разрядъ внесены князьями.

— Такъ ты, значить, искушалъ царевичей, такъ я, князь, вотъ что тебѣ скажу: прими ты мою вѣру, такъ останешься не только у меня княземъ, царевичемъ, чѣмъ хочешь, а не признаешь пророка Магомета и Аллу, — секимъ башка, т. е. голова долой.

— Татарва ты невѣрная, змѣя подколодная, да чтобъ я, да православный, да твою поганую вѣру принималъ? Да плюю я и на твою вѣру, и на тебя самого...

И съ этими словами Пожарскій плюнулъ ему прямо въ лицо и въ бороду, — высшее оскорбленіе у мусульманъ.

Ханъ взбелѣвился, крикнулъ стражѣ, и въ одинъ мигъ голова князя слетѣла.

Послѣ того разъяренный ханъ велѣлъ рубить головы всѣмъ плѣннымъ. Какъ на барановъ, накиннулись на нашихъ ратниковъ татары и не болѣе какъ въ часъ времени пять тысячъ головъ слетѣло.

Оставленъ былъ въ видѣ заложника одинъ лишь Львовъ, такъ какъ ханъ рассчитывалъ получить за него богатый выкупъ.

Окровенные татары пошли впередъ, но Трубечкой ужъ отступилъ. Недѣли черезъ двѣ и князь Львовъ не выдержалъ видѣнныхъ имъ кровавыхъ сценъ: онъ съ ума сошелъ и умеръ.

Князь Львовъ оставилъ потомство въ боковой линіи, но съ Пожарскимъ угасъ этотъ доблестный родъ.

XIV.

Первое возвращеніе Никона въ Москву.

Ничего не зная объ этихъ кровавыхъ бойняхъ Москва радостна и ликуетъ.

Она убралась вся, какъ на пирь: всюду веселыя лица, всюду, несмотря на строгое запрещеніе свѣтскихъ пѣсней, слышны веселые звуки..

Это возвѣщено ей, что въ Москву везутъ взятаго въ плѣнъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ короннаго литовскаго гетмана Гонсевскаго.

Гонсевскій былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ магнатовъ польскихъ, и имя его гремѣло у насъ, какъ имя не только знатнаго поляка, но и браваго полководца.

Желая быть избраннымъ въ короли Польши, въ предшествовавшемъ году, Алексѣй Михайловичъ отправлялъ къ нему Матвѣева съ специальною цѣлью — просить его содѣйствія ко возведенію его, Алексѣя Михайловича, на престолъ польскій.

Гонсевскій принялъ Матвѣева съ царскою пышностью, и хотя обѣщаль свое содѣйствіе, но привелъ при этомъ много причинъ несбыточности плана и въ заключеніе сказалъ, что если царь возьметъ въ невѣсты царевичу Алексѣю Алексѣевичу племянницу короля польскаго, то еще есть надежда, что послѣдняго изберутъ въ короли Польши.

Матвѣевъ, однакожъ, на это отвѣтилъ, что племянница короля католичка и, вѣроятно, не захочетъ при-

нять православія, а безъ этого она не можетъ быть и женою наследника престола.

Гонсевскій былъ, такимъ образомъ, изъ приверженцевъ Россіи; но плѣненіе его и привозъ его въ Москву имѣли важное политическое значеніе.

Отецъ его во время междуцарствія былъ отъ имени короля Сигизмунда начальникомъ Москвы, испепелилъ ее; онъ же потомъ защищался въ кремлевскихъ стѣнахъ долго и упорно противъ Пожарскаго и Минина и противъ ихъ предшественниковъ.

Народныя преданія сохранили слѣдующее сказаніе:

Москва цѣловала крестъ королевичу польскому Владиславу и добровольно сдалась полякамъ, пославъ своихъ именитыхъ бояръ и духовныхъ за новымъ царемъ.. Но тотъ не ѣдетъ, и вотъ 19 марта, во вторникъ на страстной недѣлѣ, въ часъ обѣдни раздается вдругъ набатъ въ Китаѣ-городѣ и слышатся стукъ оружія и выстрѣлы.

Гонсевскій, градоначальникъ польскій, прибылъ на мѣсто свалки и увидѣлъ, что поляки грабятъ купеческія лавки; силится онъ остановить безпорядокъ, но ничего не можетъ сдѣлать: ожесточенная борьба ужъ на обѣихъ сторонахъ.

Ляхи вломились въ домъ князя Андрея Голицына, принявшаго сторону народа, и убили его.

Жители Китаѣ-города бросились изъ домовъ своихъ въ Бѣлый городъ и за Москву-рѣку, но ляхи догоняли ихъ и рубили; у Тверскихъ воротъ, однакожь, наши стрѣльцы успѣли ихъ остановить.

На Срѣтенкѣ, услышавъ о разгромленіи Москвы ляхами, князь Дмитрій Пожарскій собралъ вокругъ себя дружину и, снявъ съ башенъ пушки, встрѣтилъ ляховъ огнемъ и мечемъ и вогналъ ихъ вновь въ Китай.

Между тѣмъ Иванъ Бутурлинъ въ Яузахъ и Колтовской за Москвою-рѣкою также рѣзались съ ляхами, окруживъ себя и дружинами, и народомъ.

На улицахъ: Тверской, Никитской, Чертольской, на Арбатъ и Знаменкѣ народъ и бояре тоже бились съ польскими войсками.

Всѣ сорокъ сороковъ московскихъ ударили въ набать, всѣ жители, даже старцы, дѣти и женщины высыпали на улицу съ дрекольями, топорами и рубились съ поляками; изъ оконъ и съ кровель летали на враговъ каменья и чурбаны. Улицы загроможились столами, лавками, дровами, домашнею утварью, возами. Изъ-за этихъ преградъ встрѣчали враговъ выстрѣлами.

Москвичи брали явный перевѣсъ надъ поляками, какъ явился изъ Кремля къ Гонсевскому въ помощь Маржереть...

Битва пошла упорная, но москвичи стали одолѣвать врага, и онъ ужъ отступалъ въ Кремль, какъ вдругъ въ вражьей дружинѣ раздалось: огня, огня!

Въ Бѣломъ городѣ запылалъ домъ Салтыкова:—какъ другъ поляковъ, онъ собственноручно зажегъ свой домъ.

И во многихъ другихъ домахъ показалось пламя.

Многіе бросились спасать свои дома, а сильный вѣтеръ сразу сталъ бросать пламя изъ одного дома въ другой; битва стала утихать, и поляки ушли въ Кремль, гдѣ они заперлись.

Бѣлый городъ весь запылалъ; набать гремѣлъ безъ перерыва. Съ воплемъ и отчаяньемъ москвичи гасили огонь, бѣгали, какъ безумные, ища своихъ женъ и дѣтей.

Ляхи же въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали, и многіе, къ позору нашему, русскіе посовѣтовали Гонсевскому разрушить Москву.

На другой день двѣ тысячи Ляховъ и нѣмцевъ выступили изъ Кремля и зажгли во многихъ мѣстахъ города дома, церкви, монастыри и гнали народъ изъ улицы въ улицу и оружіемъ, и пламенемъ.

Ужасъ обуялъ всѣхъ: деревянныя стѣны горѣли и рушились, и жители, задыхаясь отъ жара и дыма, бѣ-

жали изъ Москвы во всѣ стороны на коняхъ и пѣшіе, спасая свои семейства.

Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ во всѣ стороны.

Снѣгъ еще тогда лежалъ глубокой, и эти бѣглецы вязли въ его сугробахъ, цѣпенѣли отъ холода и замерзали. Умирая, эта масса народа глядѣла потухающими глазами на пламя горящей Москвы и съ проклятіемъ ляхамъ умирала тутъ же.

Въ двухъ только мѣстахъ русскіе удержались: въ Симоновской обители и между Срѣтенкою и Мясницкою.

Въ послѣднемъ мѣстѣ князь Пожарскій укрѣпился и дрался ожесточенно съ поляками, не давая имъ жечь городъ; лахи отступали, но Пожарскій, тяжело раненый, упалъ. Сподвижники его подняли его и отвезли въ Сергіевскую лавру.

Весь тотъ день поляки жгли Москву и ночью любовались изъ Кремля пожарищемъ.

Это сожиганіе Москвы продолжалось потомъ два дня...

Москва, простиравшаяся на двадцать верстъ въ поперечномъ разрѣзѣ и имѣвшая нѣсколько сотъ тысячъ жителей, обратилась въ пустыню и въ груды развалинъ.

Развалины курились потомъ долго...

Для полнаго торжества своего, поляки заграбили всю древнюю утварь нашихъ царей, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежду; грабили частные дома; золото, серебро, жемчугъ и камни понатаסקали грудями; рядились только въ бархатъ и парчу; пили изъ бочекъ старое венгерское и мальвазію...

А русскіе, совѣтовавшіе имъ это безбожіе и безобразіе, въ Кремлѣ, въ Свѣтлое воскресенье, молились за царя Владислава...

Памятно и живо было это не только въ преданіи народномъ, но многіе изъ москвичей, свидѣтели этихъ ужасовъ, были еще живы и рассказывали объ этихъ

подвигахъ Гонсевскаго, и теперь сынъ этого Гонсевскаго, первый вельможа и воевода Польши, ѣдетъ какъ плѣнникъ въ Москву.

Хотя какъ трофеемъ, но все же съ почетомъ, царь велѣлъ его ввести въ Москву.

Народъ несмѣтною толпою двинулся на Смоленскую дорогу, откуда долженъ былъ прибыть плѣнникъ.

— А что, его жечь будутъ на Лобномъ? — спрашиваетъ одинъ изъ бѣгущихъ на Смоленскую дорогу.

— Аль жечь, аль колесовать, аль четвертовать, какъ царь да бояре соизволятъ, — отвѣчалъ авторитетно вопрошаемый.

— Что ты! что ты! — останавливается третій: — бають стрѣльцы, изъ царя-де пушки его выстрѣлять, — значить, туда на польскую сторону... и полетитъ, значить, онъ туда во-свосяи къ ляхамъ.

— Да что вы тутъ рты-то раскрыли, — кричитъ на нихъ появившійся приставъ: — приказъ-де воеводы не останавливаться...

— Да мы, почтенный...

— Вотъ я те почтенный...

— Да ужъ скажи, почтенный... аль четвертовать будутъ, аль колесовать, аль изъ царя-пушки?..

— На Иванъ вздернуть... чтобъ Москва и крещеный мѣръ видѣли...

— Ахъ-ти страсти какія!

И побѣжали всѣ трое рассказывать любопытнымъ что вотъ-де Гонсевскаго да на Иванъ повѣсятъ, самъ-де приставъ сказалъ.

И гуторить толпа о разныхъ пыткахъ и казняхъ, какія готовятся сыну сжигателя Москвы; а тутъ вдругъ показывается сначала наше конное войско, потомъ пѣшее, — послѣднее окружаетъ плѣнниковъ пѣшихъ, — а тамъ несутъ и везутъ разные трофеи: пушки, знамена, барабаны; а тамъ въ коляскѣ самъ гетманъ; съ нимъ

сидитъ ближній бояринъ царскій, а коляска окружена сильнымъ конвоемъ.

Гонсевскій кланяется народу на лѣво и на право.

— Прощенія проситъ за родителя,—кричатъ многіе.

— Его бы на возу... а то гляди въ колымагѣ, да еще царской... и кажись съ нимъ... а кто съ нимъ?.. Эй, ты, какъ тебя тамъ.

— Аль бояринъ Борисъ Ивановичъ, аль бояринъ Илья Даниловичъ.

Бѣжитъ баба, расталкиваетъ ихъ и мчится впередъ.

— Ай, опоздаю... пустите... пустите, православные христіане.

— Куда-ты, точно съ цѣпи.

— Ай, опоздаю, родненькіе.

— Да куда?..

— Да я то?.. Поглядѣть... поглядѣть, родненькіе какъ-де вѣшать будутъ бусурмана.

Но диво: подъѣхала коляска къ Красному крыльцу, а тамъ встрѣтили Гонсевскаго стольники и Матвѣевъ, ввели его въ царскія комнаты.

Народъ недоумѣваетъ.

— А вѣшать-то? А четвертовать?—раздаются голоса.

— Лгаль то вишь ярыжка, — оправдывается одна чуйка.

— Лгать то лгаль, и мнѣ-то не въ домекъ... Допрежь баяли, на висѣлицу, а таперь?..

— Таперь...

— Чаго таперь?.. Значить, батюшка царь... Тишайшій-то нашъ и пожаловалъ: кого хошь, того милуетъ, на то царская воля... И намъ Господу Богу помолиться и грѣха не будетъ... Хоша басурманъ, но всежь душа.

— Экъ, широко сталь... аль у басурмана да душа?

— Души-то нѣтути... одинъ, значить, парь,—авторитетно произнесъ гостинодворецъ.

Между тѣмъ во дворцѣ представляли гетмана Гонсевскаго царю.

Алексѣй Михайловичъ встрѣтилъ его милостиво въ пріемной. Сожалѣлъ о случившемся съ нимъ несчастіи, приписывалъ это случайности войны и обѣщался ему покровительствовать.

Гонсевскій выразилъ сожалѣніе свое, что еще миръ не установленъ между Польшею и Русью, и между прочимъ сказалъ слѣдующее:

— Когда знаменитый нашъ гетманъ Жолкевскій поѣзъ въ Варшаву плѣннаго царя Василя Шуйскаго и присягу Москвы королевичу Владиславу, онъ на колѣняхъ и со слезами умолялъ короля Сигизмунда отпустить сына и говорилъ, что счастье обоихъ народовъ: польскаго и русскаго, въ соединеніи ихъ коронъ. Такъ мыслить каждый честный полякъ.

— Но, — прервалъ его царь, — у васъ много фанатиковъ-католиковъ, и это препятствуетъ этому сліянію... Я вотъ объявилъ въ завоеванныхъ провинціяхъ, что всѣ религіи одинаково будутъ покровительствоваться. Глядите, у насъ татары пользуются не только свободою исполнять свой законъ, но всѣми правами русскихъ.

— У насъ, ваше величество, было то же самое: когда Сигизмундъ вступилъ на престоль, въ сенатъ было 72 человекъ сенаторовъ, и изъ нихъ два только католика. Теперь почти всѣ католики. Сигизмундъ соблазнилъ шляхту къ католицизму тѣмъ, что раздавалъ должности только католикамъ. Но стоитъ только соединиться коронамъ, и святѣйшій папа, вѣроятно, сдѣлаетъ соглашеніе въ канонахъ, чтобы слить обѣ церкви: нашу и вашу.

— Это и я думаю, — замѣтилъ царь Алексѣй Михайловичъ: — вѣдь вѣра у насъ одна. Но у васъ шляхтичи привыкли избирать королей, а у насъ прирожденные права.

— Это дѣйствительно такъ, и сначала должны бы оставить выборное начало, а тамъ остальное со временемъ пришло бы само собою. Оба народа сблизились бы

и слились: наше хорошее перешло бы къ вамъ, а ваше — къ намъ.

— Благодарю тебя, гетманъ, за твои добрыя чувства и намѣренія, но одно скажу: судьбою царствъ управляетъ Божественный промыслъ, и если соизволене Господа Бога, чтобы оба народа и оба государства слились, то никакія преграды не помѣшаютъ этому, и если это не свершится при мнѣ, такъ при моихъ потомкахъ.

Съ этими словами царь отпустилъ благосклонно плѣнника. Его повезли въ Симоновъ монастырь, собственно для его безопасности,—на тотъ случай, если бы народъ возмутился и потребовалъ расправиться съ нимъ.

Сильный отрядъ проводилъ его до самаго монастыря, и тамъ же поставленъ значительный караулъ.

Вскорѣ пришла вѣсть о побѣдѣ князя Хованскаго надъ поляками при Мядзелахъ, и пошли празднества и молебны. Царь былъ радостенъ: дѣла въ Польшѣ шли хорошо, со шведами было перемиріе и шли переговоры о мирѣ; въ Малороссіи, хотя осада Конотопа шла медленно, но это было съ цѣлью—разорвать союзъ Выговскаго съ крымскимъ ханомъ, да съ нимъ примириться.

Вдругъ по Москвѣ разнеслась вѣсть, что князь Трубецкой разбитъ гетманомъ и татарами, что большая часть нашего войска уничтожена и отступаетъ на Путивль.

Едва только вѣсть эта пришла, какъ вся Москва, какъ одинъ человѣкъ, бросилась въ Кремль, чтобы узнать тамъ истину.

Жены пришли сюда съ дѣтьми и всеобщій вопль и негодование оглашали воздухъ; но были такіе, которые не дали вѣры этому слуху:

— Какъ,—говорили они:—князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, мужъ благоговѣйный и изящный, въ воинствѣ счастливый и недругамъ страшный, да чтобы онъ да погубилъ войско,—поклепъ одинъ.

Но вотъ дверь на Красное крыльцо отворилась, и самъ царь со всѣми боярами показывается народу.

Всѣ падаютъ ницѣ, и когда царь сказалъ имъ жалованное слово, они поднимаются и видятъ: царь и всѣ бояре въ печальной одеждѣ, и царь въ слезахъ.

Онъ говоритъ о совершившемся по неисповѣдимымъ судьбамъ несчастіи и гибели такого множества людей, вѣроятно, за грѣхи наши, призываетъ всѣхъ къ покаянію и молитвѣ и къ защитѣ престола града.

Царь съ боярами пѣшкомъ идутъ въ Успенскій соборъ, служить панихиду по убитымъ.

Начинается вооруженіе Москвы: кругомъ нея устраиваются земляные валы и редуты, копаются рвы, ставятся орудія.

Поговариваютъ даже, что царь удалится съ семьей въ Ярославль, или еще подальше.

А тутъ изъ войска начинаютъ прибывать раненые и преувеличенными разсказами о кровавой расправѣ татаръ съ князьями Пожарскимъ и Львовымъ увеличиваютъ смущеніе и панику.

Вспоминаютъ высшее духовенство и бояре Никона, вспоминаютъ и доносятъ на него, что онъ хвасталъ о вліяніи своемъ на гетмана Выговскаго, а тутъ самъ гетманъ съ крымскимъ ханомъ ѣдутъ сюда и, пожалуй, овладѣютъ Никономъ, и пойдетъ смута въ церкви.

Послали къ нему боярина съ вѣжливымъ предложеніемъ: такъ какъ врагъ наступаетъ и патриарху-де не безопасно въ „Новомъ Іерусалимѣ“, такъ не угодно-ли будетъ ему удалиться въ Колязинъ Макарьевскій монастырь, куда едва-ли врагъ зайдетъ.

Никонъ вспылить, понявъ, что его попросту отправляютъ въ заточеніе, боясь его измѣны; вотъ почему онъ съ достоинствомъ сказалъ:

— Возвѣсти благочестивѣйшему государю, что я въ Колязинъ монастырь не иду, лучше мнѣ быть въ Зача-тейскомъ монастырѣ; а есть у меня и безъ Колязина

монастыря, милостію Божіею и его государевою, свои монастыри крѣпкіе,—Иверскій и Крестный, и я доложилъ великому государю, что пойду въ свои монастыри, а нынѣ возвѣсти великому государю, что иду въ Москву о всякихъ нуждахъ своихъ доложиться ему.

— О какомъ Зачатейскомъ монастырѣ говоришь ты, святѣйшій?—спросилъ посланный.

— Тотъ, что на Варварскомъ крестцѣ, подъ горою у Зачатія.

— Вѣдь тамъ только тюрьма большая, а не монастырь,—возразилъ посланный.

— Ну, вотъ этотъ Зачатейскій и есть монастырь,—сухо произнесъ Никонъ.

Посланный возвратился въ Москву съ отвѣтомъ патриарха.

Пошли толки о томъ, что дѣлать?

Рѣшили лучше имѣть его въ Москвѣ, чѣмъ внѣ столицы: никто-де ему никогда не запрещалъ пріѣзжать въ Москву, и онъ по своей волѣ ее оставилъ, безъ царскаго указа. Но пока такъ разсуждали бояре, Никонъ получилъ ложное извѣстіе, что врагъ подъ Москвою, и онъ отправился тотчасъ въ Москву; пріѣхавъ онъ туда ночью и остановился въ своемъ Ново-Іерусалимскомъ или Воскресенскомъ подворьѣ.

Послѣ долгаго отсутствія изъ города, ему показался онъ такимъ прекраснымъ. Такъ сильно забилося сердце его, когда онъ проѣзжалъ знакомыя мѣста, и слезы выступили на его глазахъ.

Жаль ему сдѣлалось покинутаго, но когда взоръ его по дорогѣ встрѣчался съ хоромами бояръ, его враговъ, и когда онъ вспомнилъ, что всѣ благодѣтельствованные имъ люди, въ особенности въ духовенствѣ, отшатнулись отъ него ради угожденія мамонѣ, онъ возмутился и произнесъ:

— Что же! не вернуть ли ужъ царскую милость, чтобы прогнать ихъ и смести ихъ съ лица земли?.. Но

развѣ онъ-то, типайшій, поступилъ со мною лучше?.. Богъ съ ними, прощлаго не вернешь.

Съ такими мыслями. Никонъ прибылъ въ свое подворье, занялъ маленькую келію и заснулъ.

Рано утромъ во дворцѣ уже знали о пріѣздѣ Никона, и къ нему явился дьякъ Алмазь.

— Царское величество послалъ меня спросить, для чего ты пріѣхалъ въ Москву?

— По словамъ царскаго величества я сюда пріѣхалъ, спасаясь отъ нашествія варваровъ.

Съ этимъ отвѣтомъ Алмазь возвратился къ царю.

Узнавъ о пріѣздѣ Никона, поднялся на ноги теремъ и конотопское несчастіе стали приписывать тому, что не было-де благословенія войскамъ патріарха.

Да и царица возстала,—хотѣлось имѣть еще одного сына, и ей казалось, что если она получитъ благословеніе Никона о чадородіи, то Богъ, быть можетъ, и поможетъ ей, такъ какъ молитвы отца Павла что-то не помогали.

Сестры царя были тоже опечалены: Анна потому, что ей, въ дѣйствительности, понравился женихъ, а Татьяна, такъ какъ желаніе быть наконецъ свободною для нея вновь не осуществилось; при томъ ей казалось, что при свиданіи Никона съ царемъ воспослѣдуетъ ихъ примиреніе.

Сталъ теремъ плакать и шилить царя, и онъ рѣшился принять Никона съ подобающею честью.

Тѣмъ же болѣе онъ долженъ былъ это сдѣлать, что народъ узнавъ о пріѣздѣ патріарха, огромною массою двинулся къ Воскресенскому подворью и ждалъ съ нетерпѣніемъ его появленія, чтобы принять его благословеніе..

Къ тому же царю, при критическомъ тогда положеніи, хотѣлось выслушать нѣсколько его совѣтовъ.

Вотъ почему, получивъ отвѣтъ Никона черезъ Алмаза, государь тотчасъ послалъ за патріархомъ парадную карету и почетную свиту.

Когда Никонъ вышелъ, чтобы сѣсть въ экипажъ, и онъ сталъ благословлять народъ, тотъ палъ ницъ, многіе плакали, цѣловали его руки, платье.

Съ трудомъ экипажъ и свита двигались въ этой массѣ народа, и на каждой улицѣ все больше и больше прибавлялось его. Такимъ образомъ шествіе вошло въ Кремль, который залитъ былъ народомъ.

На Красномъ крыльцѣ самъ царь съ боярами встрѣтили патріарха и подошли подъ его благословеніе.

Въ хоромахъ Алексѣй Михайловичъ ввелъ святѣйшаго въ свою комнату для бесѣды. Государь разсказалъ ему вкратцѣ положеніе дѣлъ въ Польшѣ, Швеціи и Малороссіи.

На это Никонъ отвѣтилъ, что со шведами слѣдуетъ мириться, но съ тѣмъ, чтобы прежняя новгородская граница, т. е. Ладожское озеро и Нева были наши; о Польшѣ Никонъ сказалъ,—что, хотя благопріятное время уничтожить ее упущено, но слѣдуетъ отстоять Бѣлоруссію по Березину; въ отношеніи Малороссіи, онъ сказалъ,—что царь напрасно беспокоится: успѣхъ-де Выговскаго временный, что стоитъ только напустить на крымцевъ донскихъ казаковъ, и ханъ обратится вспять защищать свои улусы. Въ доказательство справедливости этого,—привелъ онъ фактъ, что ему странники сказывали, что Юрій Хмѣльницкій готовится разорить ханскіе улусы, и что тотъ, вѣроятно, и теперь уйдетъ отъ Выговскаго, а Малороссію займетъ междуусобица, и царь долженъ докончить тамъ дѣло. Противъ мысли же царя уѣхать изъ Москвы,—онъ возсталъ, такъ какъ Москва настолько крѣпка и обширна, что нужны слишкомъ большія силы, чтобы ее осадить; а у татаръ и у гетмана-де Выговскаго нѣтъ осадныхъ орудій.

— Положатъ они здѣсь головы, коль придутъ,—заклучилъ патріархъ:—Теперь,—продолжалъ онъ:—нужно лишь озаботиться насытить алчущихъ и жаждущихъ они отъ перепугу сбѣжались сюда со всѣхъ сторонъ

испужавшись врага. Я ужъ обратилъ свое подворье въ страннопріимный дворъ, и чѣмъ могу, насыщаю ихъ.

Послѣ этого разговора царь повелѣлъ патріарха въ Золотую палату царицы.

Царица собралась тамъ со всѣмъ теремомъ. Сама она сидѣла на тронѣ, и вокругъ нея царевны, боярыни и боярышни.

Когда вошелъ Никонъ, всѣ, начиная отъ царицы, послѣ прочитанной имъ молитвы, подошли подѣ его благословеніе.

Царица сказала ему нѣсколько ласковыхъ словъ и подвела ему дѣтей, чтобы онъ благословилъ ихъ; послѣ того она просила его молиться, чтобы Богъ даровалъ ей еще сына.

— За великаго государя и за тебя, царица, я молюсь ежечастно, да продлитъ онъ ваши дни въ счастіи и радостяхъ.

Этимъ окончился торжественный пріемъ патріарха.

На обратномъ пути народъ также восторженно провожалъ Никона въ его подворье и только удивлялся одному: почему его не повезли въ патріаршія палаты.

Казалось, миръ и согласіе водворились между бывшими друзьями, но это была тишь передъ бурей.

Съ обращеніемъ Никономъ своего подворья въ страннопріимный домъ, гдѣ онъ сдѣлался простымъ слугою, встрѣчавшимъ пришельцевъ съ кротостью и омывая имъ ноги, открылось для народа его убѣжище, и онъ съ самаго утра осаждался уже посѣтителями.

Москва заговорила о необходимости возвращенія Никона на патріаршество, и въ народѣ толковали, что-де все это боярскія ухищренія.

Бояре испугались этого ропота, отчасти же боялись, что и царь не устоитъ и вернетъ свою милость Никону; вотъ они и рѣшились на новую клевету: страннопріимный домъ они представляли государю, какъ вертепъ пропаганды противъ правительства и въ доказа-

тельство приводили показаніе какихъ-то странниковъ, которыхъ патриархъ, будто бы, спросилъ:

— Что, война съ Польшею еще не кончена?

— Нѣтъ,—отвѣчали тѣ.

— Какъ,—воскликнулъ тогда, будто бы, Никонъ:—еще и теперъ производится братское кровопролитіе?

И вотъ, на третій день послѣ пріѣзда Никона въ Москву, явился къ нему вновь Алмазь Ивановъ.

— Царское величество велѣлъ тебѣ ѣхать въ Колязинъ монастырь, и не сопротивляйся, чтобы не было большого смятенія...

— Если не угодно,—обидѣлся Никонъ,—царскому величеству пришествіе наше, миръ и благословеніе наше,—такъ мы пойдемъ въ нашъ Воскресенскій монастырь, а въ Колязинъ монастырь я не пойду.

Въ ту же ночь онъ выѣхалъ обратно въ свой „Новый Іерусалимъ“.

Отсюда онъ сталъ просить, чтобы ему возвратили хоть одежду его, оставшуюся въ патриаршихъ палатахъ, но отвѣта не получилъ.

Положеніе его въ монастырѣ сдѣлалось невозможнымъ: нужда и голодъ разогнали большинство монаховъ, и Никонъ написалъ въ Москву, прося разрѣшенія переѣхать въ Крестный монастырь.

Онъ получилъ это разрѣшеніе и къ зимѣ выѣхалъ туда.

XV.

Судъ нечестивыхъ.

Предсказаніе Никона сбылось. Къ зимѣ получились въ Москвѣ добрыя вѣсти: Юрія Хмѣльницкій, нападеніемъ своимъ на крымскіе улусы, заставилъ хана отступить во свояси, оставивъ только Выговскому пятнадцать тысячъ человѣкъ, но онъ при этомъ выжегъ и истребилъ на пути своемъ нѣсколько городовъ, мѣстечекъ и

сель. Въ Малороссіи же господствовали междоусобицы, и казаки рѣзались съ казаками: правая съ лѣвою стороною. Правая, во главѣ съ Безпалымъ и Юріемъ Хмѣльницкимъ, была на сторонѣ царя; а лѣвая, съ Выговскимъ, противъ него.

Борьба шла ожесточенная и кровавая, и братъ на брата восталъ; поляки же могли прислать Выговскому только полторы тысячи человекъ съ короннымъ обознымъ Андреемъ Потоцкимъ.

О томъ, въ какомъ положеніи была тогда эта прекрасная страна, рисуешь донесеніе королю Потоцкаго:

„Не извольте,—писалъ онъ,—ваша королевская милость, ожидать для себя ничего добраго отъ здѣшняго края. Всѣ здѣшніе жители (т. е. западной части Украйны) скоро будутъ московскими, ибо перетянетъ ихъ Заднѣпровье, и они того и хотятъ и только ищутъ случая, чтобы благовиднѣе достигнуть желаемаго. Одно мѣстечко воюетъ противъ другого, сынъ грабитъ отца, отецъ сына. Страшное представляется столпотвореніе. Благоразумнѣйшіе изъ старшинъ казацкихъ молятъ Бога, чтобъ кто-нибудь: или ваша королевская милость, или царь, взялъ ихъ въ крѣпкія руки и не допускалъ грубую чернь до такого своеволія“.

Потоцкій говорилъ правду: едва гетманъ Выговскій послѣ уничтоженія нашей кавалеріи, удалился въ Чигиринъ, какъ полковникъ его Цецура успѣлъ склонить на сторону царя еще четырехъ полковниковъ.

Потоцкій, видя критическое положеніе Выговскаго, пригласилъ его къ себѣ въ лагерь подъ Бѣлую Церковь.

Казаки бросили тогда Выговскаго и собрались къ Юрію Хмѣльницкому, въ количествѣ болѣе десяти тысячъ.

Татары ушли тогда изъ Чигирина во свояси, бросивъ Выговскаго на произволъ судьбы.

Къ 20 сентября, Хмѣльницкій, соединившись съ

полковниками Чигиринскимъ, Черкасскимъ и Уманьскимъ, направился къ Бѣлой Церкви, а Потоцкій и Выговскій отступили къ Хвостову.

Казаки послали къ Потоцкому просьбу, чтобы онъ уговорилъ Выговскаго сложить булаву на радѣ.

Потоцкій встрѣтилъ посольство бранью и выгналъ отъ себя.

Тогда казаки пустились на хитрость: они послали двухъ полковниковъ и брата Выговскаго къ нему, Выговскому, увѣрить его, что войско останется вѣрнымъ Польшѣ, лишь бы онъ возвратилъ булаву и бунчукъ.

Потоцкій на это согласился, и полковники съ значками гетманскаго достоинства возвратились къ Хмѣльницкому и, когда регалии были внесены въ раду, они тотчасъ вручили ихъ Юрію, съ пожеланіемъ счастливаго гетманства.

Но еще до этого князь Трубецкой успѣлъ пройти въ Переяславль, и всюду его встрѣчали со святыми иконами и пушечною пальбою.

Занявъ городъ, онъ послалъ къ Юрію Хмѣльницкому грамоту, чтобы тотъ явился къ нему.

Недѣли двѣ они переписывались, и наконецъ—подъ условіемъ, что заложникомъ долженъ быть Бутурлинъ,—Юрій Хмѣльницкій рѣшился переѣхать въ Переяславль.

Съ гетманомъ поѣхали: обоимъ Носачъ, судья Кравченко, есаулъ Ковалевскій, да полковники: Одинецъ, Лизогубъ, Петренко, Дорошенко и Сѣрко; кромѣ того, изъ каждаго полка сотники и казаки.

За городомъ гетмана встрѣтили двѣ сотни жильцовъ да три роты рейтаровъ; по улицамъ стояли стрѣльцы и солдаты съ оружіемъ, барабанами и знаменами.

На другой день князь принялъ торжественно малороссовъ и объявилъ имъ, что онъ собираетъ у себя раду для выбора гетмана.

17 октября съѣхались всѣ ратные люди Малороссіи и въ полѣ открыто было засѣданіе.

Предупредительный Трубецкой окружилъ все это мѣсто войскомъ подѣ начальствомъ князя Петра Алексѣевича Долгорукова: у него имѣлись сомнительныя статьи о воеводствахъ, которыя могли бы вызвать бурю въ радѣ.

Ужъ какъ это случилось, не вѣдомо, а всѣ статьи Трубецкаго, измѣнявшія почти весь строй Малороссіи, были приняты и затѣмъ въ книгу записаны, и тамъ росписались, гетманъ и старшины, и за отсутствующихъ тоже приложился гетманъ.

По окончаніи этой оригинальной рады, гетманъ старшины и казаки отправились въ соборную церковь и принесли присягу; отсюда при громѣ пушекъ, пошли они обѣдать къ боярину, который послѣ государевой чаши велѣлъ стрѣлять изъ всего наряда: т. е. всѣмъ войскамъ.

26 октября Трубецкой, съ Феодоромъ Феодоровичемъ Куракинымъ и Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, своими сподвижниками, выѣхалъ изъ Переяславля въ Москву, везя съ собою какъ трофеи четырехъ братьевъ Выговскаго; изъ нихъ Данило, шурина Хмѣльницкаго, по дорогѣ умеръ, а остальные привезены въ Москву и сосланы въ Сибирь.

Триумвратъ этотъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ въ Москвѣ и осыпанъ милостями, и все потому лишь, что все выставили какъ дѣло ихъ рукъ, между тѣмъ какъ здѣсь дѣйствовала рознь, междоусобица, ненависть къ полякамъ и панству.

Самыя статьи, которыми тогда восхищались бояре были преждевременны и вызвали въ послѣдствіи потоки крови съ обѣихъ сторонъ.

О безвинной же гибели подѣ Сосновкою десятковъ тысячъ людей, оплакиваемыхъ во всѣхъ концахъ государства, и о потерѣ всей почти нашей конницы, такъ что цѣлый вѣкъ послѣ того мы не могли создать подобную, — никто и не думалъ и не вспоминалъ...

Да и не удивительно: бояре поняли тогда это дѣло

какъ окончательное завоеваніе Малороссіи, а жажда грабежа и наживы была въ нихъ такъ сильна, что ради этого они забыли сосновское побоище.

Здѣсь сказалась рѣзко перемѣна духа времени: въ предшествовавшее царствованіе, за сдачу неприятелю нигуда негодныхъ орудій, знаменитый патріотъ и герой Шейнъ потерялъ голову, а теперь губитель цвѣта русской молодежи и воинства возвеличенъ за дѣло, которое принадлежитъ болѣе Никону, чѣмъ ему.

Между тѣмъ какъ это совершалось, Никонъ переехалъ въ Крестовый монастырь и устроился тамъ, если не хорошо, то, по крайней мѣрѣ, покойно.

Два года тревожной жизни и заботъ о «Ново-Іерусалимскомъ» монастырѣ лишили его много силъ. Въ Крестовой же обители, которую онъ выстроилъ, когда еще былъ въ силѣ и могуществѣ и которая была матерьяльно обезпечена, онъ не чувствовалъ нужды. Главнѣе же всего то, что онъ здѣсь не зналъ расчетовъ съ рабочими и не слышалъ жалобъ иноковъ на недостатокъ.

Велъ патріархъ жизнь уединенную, удалялся отъ всякихъ бесѣдъ съ окружающими его монахами и проводилъ время или въ чтеніи, или въ молитвѣ.

Мѣсто это дѣйствительно было только для молитвы и уединенія. Отъ Москвы оно отстоитъ на многія сотни верстъ, такъ какъ Крестовый монастырь расположенъ на островѣ на Онегѣ; мѣстность очень живописная, но дикая и суровая, въ особенности зимою. Выстроенъ монастырь Никономъ въ воспоминаніе чудеснаго своего избавленія во время бѣгства его изъ Соловецкой обители. Монастырь этотъ собственно названъ имъ Товрасъ или Ставросъ, по-русски же перевели это на „крестъ“. Въ обитель онъ внесъ крестъ изъ трисоставнаго дерева, во всемъ подобный животворящему кресту, обложивъ его серебромъ и золотомъ со множествомъ частей изъ мощей русскихъ и греческихъ.

Въ этой-то тихой обители Никонъ вель жизнь отшельника, но и это поставили ему въ вину: зачѣмъ-де такъ удалился далеко отъ Москвы?...

Что дѣлалось въ монастырѣ, доносилось въ Москву, и тамъ ликовали: значить, усмирили строптиваго, и нужно-де нанести ему послѣдній, рѣшительный ударъ; благо возвратились сюда, да еще съ большою силою враги Никона: князь Трубецкой, да князь Ромодановскій.

Подкрѣпленные ими, Хитрово и Матвѣевъ уговорили царя собрать соборъ русскихъ святителей,—не для суда надъ патріархомъ, а собственно рѣшить, что дѣлать безъ патріарха.

Объ этомъ бояринъ Зюзинъ, другъ Никона, далъ ему тотчасъ знать въ Крестный монастырь, и тотъ отвѣтилъ въ такомъ смыслѣ, что испорченность нравовъ только и вызываетъ непочитаніе архіерейства, при чемъ онъ сравнивалъ свое удаленіе съ удаленіемъ патріарха Іова, причинившимъ въ свое время много зла.

Ясно было, что Никонъ, хотя и не былъ ни съ кѣмъ въ сношеніяхъ, но зналъ, что на его сторонѣ правда.

Въ Золотой палатѣ, 16 февраля, было открыто первое засѣданіе собора.

Сверхъ митрополита Питирима, блжстителя патріаршаго престола, были еще митрополиты: Макарій, пострадавшій нѣкогда во Псковѣ, а теперь новгородскій митрополитъ; Лаврентій казанскій; архіерей Іоасафъ, тверской, въ послѣдствіи избранный на мѣсто Никона и множество другихъ архіереевъ и архимандритовъ.

Государь объявилъ, что патріархъ Никонъ оставилъ каеедру, и, поэтому, онъ предложилъ имъ постановить, что дѣлать.

Митрополитъ Макарій отговорился невнаніемъ дѣла, а Лаврентій заявилъ, что Никона слѣдуетъ пригласить на соборъ для дачи объясненія.

На другой день въ Крестовой патріаршей палатѣ собрался соборъ.

Въ засѣданіи этомъ докладывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ сказки, снятыя со свидѣтелей. Соборъ привелъ къ присягѣ свѣтскихъ, а духовныхъ допрашивалъ по евангельской заповѣди. Вопросъ былъ поставленъ: какъ отказывался Никонъ отъ патріаршества, — съ клятвою, или безъ нея? Митрополитъ Пятиримъ и Трубецкой подтверждали прежнія свои показанія, остальные отвергли ихъ, такъ какъ они не слышали клятвы.

Соборъ постановилъ: какъ дозано, Никонъ оставилъ патріаршескій престолъ своею волею, и какъ великій государь укажетъ?..

Салтыковъ возвратился отъ царя съ отвѣтомъ: чтобы составили и доложили собору выписку изъ соборныхъ правилъ.

Въ числѣ составителей выписокъ былъ и отецъ Павелъ.

Десять дней спустя, доложена была выписка эта собору, и онъ не пришелъ ни къ какому заключенію. Это вызвало посылку стольника Пушкина къ Никону.

Пушкинъ потребовалъ отъ него письменнаго разрѣшенія на избраніе новаго патріарха, но Никонъ отвѣтилъ:

— Патріарха поставитъ безъ меня не благословляю... Кому его безъ меня ставить и митру возложить? Митру дали мнѣ вселенскіе патріархи, митры митрополиту на патріарха положить невозможно, да и посохъ съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? Я живъ, и благодать Св. Духа со мною; оставилъ я престолъ, но архіерейства не оставлялъ. Великому государю извѣстно, что и патріаршій санъ и омофоръ взялъ я съ собою, а то у меня отложено давно, что въ Москвѣ на патріаршество не быть.

Далѣе онъ продолжалъ:

— Если же великій государь позволить мнѣ быть въ Москвѣ, то я новоизбраннаго патріарха поставлю и,

принявъ отъ государя милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь. А которые монастыри я строилъ, тѣхъ бы великій государь отбирать у меня не велѣлъ, да указалъ бы отъ соборной церкви давать мнѣ часть, чѣмъ мнѣ быть сыту.

Отвѣтъ былъ вполне удовлетворителенъ: по примѣру тому, какъ это дѣлалось въ восточной церкви, онъ подавалъ въ отставку отъ каедръ и съ титуломъ патріарха хотѣлъ удалиться.

Но боярство возстало, и 20 марта опять собрались во дворецъ духовныя власти и бояре, въ присутствіи царя, и соборъ опредѣлили:

«Когда епископъ отречется отъ епископіи безъ благословной вины, то по прошествіи шести мѣсяцевъ поставлять другого епископа». Кромѣ того, соборъ опредѣлилъ, что «Никонъ долженъ быть чуждъ архіерейства, и чести, и священства».

Три раза бояре подносили царю это рѣшеніе, но онъ не утверждалъ его и, наконецъ, приказалъ пригласить на соборъ трехъ греческихъ святителей, бывшихъ въ Москвѣ, и тѣ дали отзывъ: «Никто изъ предшествовавшихъ патріарховъ не исполнялъ такъ строго чинъ восточной церкви, какъ онъ; если же Никонъ въ своемъ отреченіи и погрѣшилъ какъ человекъ, то въ догматахъ православной вѣры онъ былъ благочестивѣйшій и правый; въ апостольскихъ же и отеческихъ преданіяхъ восточной церкви былъ большой ревнитель».

— Возвращеніе же возможно, если только онъ нуженъ и царь соизволитъ,—закончили они.

Но соборъ этотъ едва-ли могъ быть признанъ дѣйствительнымъ въ отношеніи Никона: по обычаю церкви восточной, экзархи и патріархи должны были быть судимы соборомъ, на которыхъ присутствовали бы всѣ митрополиты подчиненной имъ области и ближайшіе экзархи и патріархи. При томъ, по каноническимъ прави-

ламъ, требовалось единогласіе приговора. Но мы видимъ, что на соборѣ не были всѣ митрополиты, входившіе тогда въ московское патріаршество, какъ, напримѣръ, не было кievскаго; при томъ протестъ греческихъ митрополитовъ былъ достаточенъ, чтобы остановить дѣйствіе приговора. Но Епифанію Славенецкому приказано было составить приговоръ.

И порученіе это, и личное расположеніе Епифанія къ Никону вызвали въ почтенномъ этомъ старцѣ неудовольствіе, но нечего было дѣлать: приказаніе собора онъ обязанъ былъ исполнить.

Вышелъ онъ изъ Успенскаго собора, гдѣ было собраніе это, и собирався сѣсть въ свою повозочку, чтобы ѣхать въ Андреевскій свой монастырь, какъ услышалъ голосъ Зюзина.

— Отецъ Епифаній, куда торопишься?... Чай сильно усталъ? Ты бы лучше ко мнѣ пожаловалъ, хлѣба-соли откушалъ и переночевалъ бы.

— Благодарствую, бояринъ, съ государевымъ дѣломъ.

— Оно-то такъ... да вѣдь вечеръ на дворѣ... а ты устамши... Завтра до свѣта уѣдешь.

Приглашеніе было радушное и соблазнительное, притомъ бояринъ считался изъ друзей Никона, и хотѣлось Епифанію, какъ говорится, отвести душу.

Объявилъ свое согласіе Епифаній, и оба, усѣвшись на повозку его, тронулись въ путь.

— Да ты-жь, бояринъ, откелева?—обратился къ нему Епифаній.

— Да вотъ сновалъ все вокругъ да около Успенія... а дьячекъ мнѣ передавалъ, что тамъ у васъ баяли,—произнесъ онъ, понизивъ голосъ.

— Чудеса творились,—вдохнуль Епифаній:—На соборъ больше бояръ пустили, чѣмъ святителей, и какъ кто зайкнется о Никонѣ,—закричатъ... заплюютъ... аль застѣнкомъ грозятъ... Да и самъ-то царь ужъ очень приниженъ, и рта не можетъ раскрыть.

Въ такой бесѣдѣ они доѣхали до хоромъ Зюзина.

Бояринъ ввелъ святителя въ свой домъ и направился черезъ обширныя палаты въ уединенную комнату.

— Здѣсь,—сказалъ онъ,—мы повечеряемъ, отецъ Епифаній... Потомъ тебѣ сдѣлаютъ здѣсь постель, тебѣ и будетъ въ этой келии спокойно.

Прислуга тотчасъ накрыла на столъ, ужинъ поданъ и оба поѣли съ аппетитомъ, при чемъ выпито было тоже немного.

Послѣ ужина прислуга тотчасъ убрала со стола, приготовила гостю постель и ушла.

Хозяинъ тоже простился съ нимъ и вышелъ.

Оставшись одинъ, Епифаній сталъ обдумывать дѣло Никона и свое положеніе.

— Ну,—говоритъ онъ самъ съ собою:—рѣшили бы они избрать новаго патріарха, на это есть согласіе и Никона, но лишитъ его сана, чести и священства—это жестоко и неправильно... Вотъ, когда-бъ съ Никономъ повидаться?.. такъ иное дѣло,—онъ бы все выяснилъ.

Не успѣлъ онъ это подумать, какъ кто-то постучался въ дверяхъ.

— Гряди во имя Господне,—сказалъ архимандритъ.

Тихо отворяется дверь, и на порогъ стоитъ самъ Никонъ, въ одеждѣ крестьянской.

— Святѣйшій партіархъ!.. это ты?.. откуда?.. какъ?..

— Вчера еще ночью я пріѣхалъ сюда къ другу моему Зюзину... Хотѣлъ знать, что митрополиты греческіе скажутъ, и что соборъ нечестивыхъ.

— Митрополиты поставили тебя выше всѣхъ нашихъ патріарховъ... ты, по ихъ словамъ, столпъ и утвержденіе истины и греко-восточной церкви.

— А нечестивые?

— Тѣ представили выписку греческую изъ 16 правила перваго и втораго вселенскихъ соборовъ, въ которой сказано: „безумно убо есть епископства отрещися, дер-

жати же священство "... ну, и порѣшили всѣ: лишить тебя архіерейства и священства...

— Договаривай: и чести.

— И чести...

— И ты такъ рѣшилъ?

— Отъ правилъ святыхъ отецъ не отступаю, — ты знаешь, святѣйшій.

— Какъ не отступаешь?.. Отступилъ, какъ еретикъ, какъ фарисей, какъ нечестивецъ на судѣ...

— Я ни единой буквы не прибавляю... Вотъ и выписка изъ правила?..

— И кто сочинилъ его?

— Иеродіаконъ грекъ Мелетій, а толковникомъ былъ отецъ Павелъ, чудовскій игуменъ.

— Обошли они и соборъ, и тебя, — расхохотался Никонъ: — Да вѣдь такого правила нѣтъ... да и нашли же кому довѣрить? Мелетій извѣстенъ, какъ искусный поддѣлыватель подписей. Второй... тюремной... да оба мои враги... Вотъ со мною и греческія правила, возьми и читай.

Никонъ бросилъ на столъ толстую книгу.

Епифаній отыскалъ требуемое мѣсто и удивился: — въ выпискѣ былъ явный подлогъ.

— То-то, — воскликнулъ старикъ: — когда они читали выписку, на меня напало сомнѣніе, такъ какъ не помнилъ я такого правила; притомъ же много вѣдь было случаевъ, когда святители отрекались отъ кафедр... и чтобы за это ихъ лишали архіерейства, священства и чести, я не помнилъ.

— Притомъ, было-ли у васъ единогласіе? Коли не было, такъ и рѣшеніе ваше не рѣшеніе.

— Единогласія не было, да и рѣшенія не будетъ. Я напишу царю и откажусь... Пуццай другой пишетъ.

— Не дѣлай этого, — себя погубишь, а пуццай они пишутъ, что имъ угодно... Да безъ меня, по правиламъ соборнымъ, и суда не могло быть... Заочно не могли они

осудить; а ихъ нечестивый судъ и я не признаю, да и митрополитъ кievскій и вселенскіе патріархи.

— Нѣтъ, святѣйшій, ты укорялъ меня, что я отступникъ отъ правилъ... но отступникъ я не какъ фарисей, не какъ еретикъ, не какъ нечестивецъ, а по старости,—запамятовалъ, а воры обошли меня дурака. Теперь ты наставилъ меня, и я докажу, что я отъ правилъ святыхъ отецъ не отступлю и готовъ за нихъ и истязаніе, и смерть принять.

Онъ подошелъ къ столу, просилъ святѣйшаго сѣсть и написалъ письмо къ царю:

„Греки на соборѣ прочитали изъ своей греческой книги: „безумно убо есть епископства отрещися, держати же священства“... и сказали, что это 16 правило перваго и втораго вселенскихъ соборовъ. Я думалъ, что это правда, не дерзнулъ прекословить и далъ свое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха; но потомъ я сталъ искать и не нашелъ въ правилахъ этого изреченія, вслѣдствіе чего беру назадъ свое согласіе на низверженіе Никона и каюсь. Ваше царское величество приказали мнѣ составить соборное опредѣленіе. Я готовъ это сдѣлать относительно избранія и постановленія новаго патріарха, потому что это праведно, благополезно и правильно; о низверженіи же Никона не дерзаю писать, потому что не нашелъ такого правила, которое бы низвергало архіерея, оставившаго свой престолъ, но архіерейства неотрекшагося“.

Когда Епифаній прочиталъ вслухъ это письмо, Никонъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— Потомство,—сказалъ онъ:—не забудетъ твоего подвига, и занесетъ онъ въ лѣтописи и въ дѣянія подвижниковъ правды... Но боярство возстанетъ... оно загрызетъ, заѣстъ тебя.

— Пущай, и такъ ужъ Господь Богъ скоро призоветъ меня, а коли я отъ пытки умру, такъ помяни меня, святѣйшій патріархъ, въ своихъ молитвахъ.

— По гробъ твой богомолецъ... Ёду сейчасъ обратно въ свой Крестный.

— Благослови владыко!—поклонился ему въ ноги Епифаній.

Никонъ благословилъ его, обнялъ, расцѣловалъ и со слезами на глазахъ вышелъ.

Архимандритъ бросился на колѣни и горячо благодарилъ Богородицу, что она не допустила его сдѣлать несправедливости и подлости.

Не раздѣваясь, легъ онъ и заснулъ сномъ праведника.

На другой день Зюзинъ отнесъ письмо его къ царю.

Прочитавъ его, Алексѣй Михайловичъ и обрадовался, и рассердился: обрадовался онъ, что можно приговоръ собора не подписать; рассердился—за подлогъ.

Велѣлъ онъ крѣпко и доподлинно сыскать виновныхъ въ подлогѣ и сочиненіи правила, но и святители, и бояре затерли дѣло и вышло такъ, что Епифанію все это, за старостью, вѣроятно померещилось.

Царю, впрочемъ, было въ это время не до собора. Князья Хованскій и Долгорукій были въ Литвѣ разбиты и мы были почти изгнаны оттуда; Шереметевъ выступилъ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ въ походъ въ Галицію, но на пути, несмотря на свой героизмъ, былъ разбитъ поляками и татарами, и попался послѣднимъ въ плѣнъ. Юрій Хмѣльницкій измѣнилъ намъ и перешелъ на сторону враговъ.

Въ Москвѣ снова такъ было трусили, что царь собрался выѣхать въ Ярославль.

— Ужъ не отъ того-ли,—приходило не рѣдко въ голову Алексѣю Михайловичу,—намъ-де не стало везти, отъ того, что нѣтъ благословенія патріарха Никона? Послѣ его удаленія счастье явно отвернулось отъ насъ.

XVI.

Отравленіе Никона.

Протестъ Епифанія и отказъ царя утвердить приговоръ собора ввергъ святителей или лучше судъ нечестивыхъ въ страшную ярость. Питиримъ, мечтавшій при осужденіи Никона сдѣлаться его замѣстителемъ, и отецъ Павелъ, видѣвшій и во снѣ крутицкую митрополию, сильно приупали духомъ и готовы были на все, лишь бы избавиться отъ ненавистнаго имъ человѣка.

Но какъ избавиться? Подняли они и боярство, и теремъ, вызвали изъ ссылки всѣхъ раскольниковъ, и въ томъ числѣ Аввакума и Неронова. Но гдѣ рѣчь шла о совершеніи чего-либо противъ правилъ св. отецъ, т. е. противъ ученія Никона, или, другими словами, совершить грѣхъ и еретичество, тамъ Алексѣй Михайловичъ стоялъ какъ каменная гора, и ничто не въ силахъ было сдвинуть его съ мѣста.

Послѣ же обличенія Епифанія, вѣра въ непогрѣшимость и знаніе каноновъ святителями у него упала, и никто не смѣлъ даже заикнуться о Никонѣ.

На помощь къ нимъ явился грекъ.

Слѣдуетъ вспомнить, что въ совѣщаніи съ Хитрово, Стрѣшневымъ и Алмазомъ, отецъ Павелъ совѣтовалъ имъ послать Паисію Лигариду, миѳическому отставному греческому митрополиту, денегъ, для пріѣзда его въ Москву.

И вотъ въ одно прекрасное утро, когда отецъ Павелъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ своей келіи, грызъ ногти, съ досады, что митрополичья митра у него исчезаетъ, доложилъ ему послушка, что изъ Кіева пріѣхалъ въ простой повозкѣ какой-то монахъ и именуеть себя митрополитомъ газскимъ.

— А самъ-то на митрополита схожъ, какъ колесо на укусъ,—замѣтилъ послушка:—Совсѣмъ-то молодой... съ

маленькою черною бородкою и черными глазами... а хоша по нашему байть, но не то жидь, а скорѣе—грекъ.

— Паисій!.. эврика!—воскликнулъ отецъ Павелъ и побѣждалъ на встрѣчу пріѣхавшему.

Это въ дѣйствительности былъ Паисій, мѣнческій митрополитъ газскій, а потому, послѣ сильныхъ лобзаній, онъ просилъ именовать его просто: митрополитомъ Іерусалимскаго Предтечева монастыря, откуда онъ и предъявилъ ставленную грамоту, вѣроятно купленную на русскія деньги.

И отецъ Павелъ, и онъ,—оба были молоды, красивы, представительны и искатели приключеній,—поэтому, въ нѣсколько часовъ сошлись такъ, какъ бы отъ рожденія были знакомы. Сблизившись съ отцомъ Павломъ, Паисій узналъ отъ него не только положеніе дѣлъ съ Никономъ, но и всю подноготную, надежды Питирима и его.

— Дай мнѣ пожить здѣсь, такъ мы все устроимъ съ тобою,—замѣтилъ онъ:—Необходимо, чтобы ты сблизилъ меня съ Питиримомъ и съ боярами, а тамъ я дойду и до царя. Только нужно взяться сегодня же за изученіе русскаго языка. Я давно изучаю его, но нужно наметаться еще немного.

Съ этого же дня Паисій взялся усердно за изученіе языка и болталъ на немъ весь день, вслушиваясь въ русскій говоръ и читая разныя книги.

Между тѣмъ отецъ Павелъ вывозилъ его туда и сюда, и по высшему духовенству, и къ боярамъ, и пошелъ о немъ говоръ на всю Москву.

Какъ къ ученому стали къ нему обращаться всѣ религіозныя партіи,—онъ только и существовали тогда въ русскомъ обществѣ. И мужчины, и женщины, бояре, и среднее, и низшее сословіе только и толковали о религіи и о томъ, какъ удобнѣе спастись и чему отрѣчь для этого спасенія. На счетъ поста, молитвы и почитанія иконъ всѣ сходились одинаково, но были еще дру-

гіе предметы, гдѣ прямо расходились между собою и столбы раскола.

Пріѣздъ Паисія воодушевилъ всѣхъ, и нужно полагать, что онъ подкупленъ былъ раскольниками, чтобы дѣйствовать противъ Никона; раскольничьи же коноводы, т. е. всѣ раскольничьи попы, были освобождены изъ заточенія и возвратились въ Москву, тотчасъ послѣ выѣзда Никона.

Словомъ, вмѣстѣ съ прибытіемъ своимъ въ Москву, Паисій сталъ составлять связи, для того, чтобы нанести ему рѣшительный ударъ.

Но первая его попытка была восточная:—отдѣлаться отъ врага зельемъ.

Въ видахъ этихъ, онъ съ Питиримомъ и отцомъ Павломъ велъ переговоры, и слѣдствіемъ этихъ совѣщаній было то, что отправили въ Крестовый монастырь іеродьякона чернеца Θεодосія.

Отдаленность обители отъ Москвы, уединенность и затворничество Никона, много способствовали этому плану, такъ какъ, въ случаѣ внезапной его кончины, все было бы, какъ говорится, и шито, и крыто.

Вотъ почему, съ мѣсяць спустя послѣ того, какъ Никонъ повидался въ Москвѣ съ Епифаніемъ, ему доложили, что нѣкто іеродіаконъ Θεодосій желаетъ съ нимъ видѣться.

Никонъ принялъ его.

Распростершись на полу, тотъ просилъ у Никона защиты отъ обидъ, понесенныхъ имъ отъ митрополита Питирима и архимандрита Павла, и поразказалъ объ нихъ такія страсти, что Никонъ сжалился надъ нимъ и велѣлъ ему остаться въ монастырѣ. Но чтобы не обременить братію его содержаніемъ, Никонъ велѣлъ ему поселиться въ его келіяхъ, съ его служителями.

Штатъ его не былъ здѣсь сложный: крещеный полякъ Николай Ольшевскій, саввинскій сотникъ Осипъ, Михайло, кузнецъ Козьма Ивановъ и портной Тимошка

Гавриловъ. Михайло былъ у него на посылкахъ, Ольшевскій камердинерничалъ, Ивановъ необходимъ былъ ему для нѣсколькихъ экипажей, а портной обшивалъ его, такъ какъ мы видѣли, что платье его все заарестовано было въ Москвѣ.

Кузнецъ былъ глупъ и далѣе кузнечнаго дѣла не шель. У него, казалось, вся человѣческая смѣтка ушла въ кузнечное дѣло и въ его жилистыя руки. Это былъ высокій парень, рябоватый, вѣчно не умытый и нечесанный, съ разводами сажи на лицѣ. Но онъ чрезвычайно гордо держалъ себя со всѣми, какъ патриаршій кузнецъ, безъ котораго святѣйшій не отправлялся ни въ какую дорогу.

Тимошка Гавриловъ, худой, блѣдный, слабосильный и малорослый, былъ хорошій портной, но имѣлъ кое-какія слабости, и всѣ, глядя на его худобу, издѣвались надъ нимъ.

Ольшевскій, средняго роста, но плечистый и крѣпкій полякъ, съ сѣрыми глазками и большими рыжими усами, былъ человѣкъ приверженный къ Никону, готовый отдать за него душу. Любилъ онъ употреблять „альбо“ джеелебы“ и „надѣя на Бога“, кстати и не кстати.

Михайло былъ рослый хохоль, жилистый и плечистый. Всѣ они занимали одну обширную келію близъ кухни, и размѣщались на нарахъ.

Къ нимъ-то послушникъ привелъ Феодосія отъ имени патриарха и велѣлъ его устроить.

— Альбо то можно!—воскликнулъ полякъ:—Куда же мы его дѣнемъ?.. Джеелебы то было бы въ Новомъ Іерусалимѣ, иное дѣло.

— Да ужъ дѣвайте, куда хотите,—замѣтилъ скромно іеродіаконъ:—а безъ благодарности, знаете... Какъ васъ чествовать?

— Николай Ольшевскій... Я-то ничего... вотъ, надѣя на Бога, какъ мы въ „Новый Іерусалимъ“... а здѣсь одно паскудство... Джеелебы то можно бы...

— А робыть що будешь?—ослабилъ зубы Михайло.

— Я? Службу править буду... на клиросѣ пѣть.

— И безъ тебя здѣсь народу много, а ты вотъ въ кухню-бы да къ мѣху.

— И то можно... но я больше по портняжному...

— Куда тебѣ,—крикнулъ портной:—не твоего ума дѣло.

— Альбо-то можно,—заступился Ольшевскій:—Пришелъ гость, а тутъ и ссора. Надѣя на Бога, и ему stanno хлѣба... а хлѣбъ не нашъ,—патріаршій. А онъ-то, святѣйшій, кого хочеть, того и жалуеть. Джебелы онъ послушалъ, такъ намъ бы на орѣхи пожаловаль... А вотъ, какъ тебя?

— Іеродіаконъ Θεодосій.

— Іеро... іеро... Ужъ позволъ чествовать тебя діаконъ... Да вотъ... да что, бишь, я хотѣлъ сказать? Ну, въ другой разъ; таперь, діаконъ, коли ѣсть хочешь, то иди на куфню, тамъ и накормятъ, а здѣсь, коли хочешь спать, такъ дрыхай хошь три дня и три ночи сряду... Джебелы... да надѣя на Бога, мы въ „Новый Іерусалимъ“...

Поселился, такимъ образомъ, Θεодосій съ служителями патріарха и вскорѣ подружилъ съ ними. Разсказывалъ онъ имъ въ длинные вечера были и небылицы: были тутъ и сказки и былины, и овладѣлъ онъ всею этою честною компанією, такъ что, какъ уснетъ патріархъ и монастырь, они прикасаются къ чарочкѣ. Тогда они запрутъ свою келію, и такъ какъ стѣны и двери толстыя, да отъ патріарха и отъ келій монастырскихъ далеко, то они иной разъ и затянутъ:

«Чарочки по столику похаживали»...

аль:

«На рѣкѣ на Яузѣ кабачокъ стоялъ»...

И заливаются они точно соловьи, и пуще всѣхъ Θεодосій-чернецъ, да иной разъ въ присядку, а тамъ, гляди, кузнецъ Козьма и Михайло по казачьему, а Ольшев-

скій только покручиваетъ усы да ходить козыремъ, аль стучить нога объ ногу и притоптываетъ въ тактъ... Какъ не сдружиться при такой жизни?

Вотъ и сталъ иной разъ Михайло жаловаться Θεодосію, что сердце у него заѣдается за его Украйною, да ѣхать туда нельзя:—онъ панскій и боится висѣлицы за побѣгъ; а тамъ дома и молодежи и дѣтки малыя. И льетъ при этомъ разсказѣ хохоль горькія слезы.

Слушая это, Ольшевскій только покручиваетъ усы и хочется ему тоже молвить о далекой своей сторонѣ, да что-то не клеится,—начнетъ и слышно только:

— Джебелы... альбо то можно... надѣя на Бога...

А тамъ покрутитъ усы, махнетъ рукою и расплатится.

Только Тимошка-портной сидитъ какъ филинъ, глядитъ въ землю, и мысли его не то далеки, не то близки... на той сторонѣ берега есть сельцо, а въ сельцѣ томъ молодка-вдовушка... а у молодки той очи быстрыя, и брови-то соболиныя,—точно колесомъ прошло; щеки—точно бѣлый снѣгъ, покрытый алою кровью... и у вдовушки избенка знатная—вся въ срубъ, а ставни и ворота створчатя... и ходить вдовушка по воскреснымъ днямъ въ Крестный честному кресту поклоняться, да святымъ мощамъ помолиться. А сердце добра молодца ключемъ кипитъ, а вдовушка не токмо не взглянетъ на него, но и покосится, точно на чудище...

— Ужъ приворожи ты ее, аль волшебствомъ, аль вѣдовствомъ,—говоритъ онъ однажды Θεодосію,—а тотъ похвалялся всякимъ зелемьемъ...

— Приворожить-то приворожу,—отвѣчалъ Θεодосій.— Да видишь, нужно бы и пенязъ всякихъ... Молодицу-то приворожишь, да надоть ей и того, и иного.

— Гдѣ же взять-то?—вдохнулъ портной.

— Взять-то есть гдѣ,—у святѣйшаго пенязей и куры не склюютъ... Вотъ, ты его приворожи къ себѣ... а тамъ коли будутъ пенязи, такъ приворожимъ и молодку...

— А какъ же то дѣлать?

— Вотъ, ты возьми пригоршню муки пшеничной, да прижарь на сковородкѣ на огнѣ, скатай съ водою въ комъ, да волосъ туда положи, да потомъ съ лица оботри комкомъ потъ, а тамъ, коли будутъ печь для патриарха хлѣбъ, ты въ хлѣбъ по махонькому по кусочку всунь... аль пять, аль десять крохотныхъ комочковъ... Какъ проглотить хоша и одинъ,—такъ и приворожится... дасть онъ тебѣ и пенязъ и всякаго добра.

Обрадовался Тимошка-портной и готовъ сейчасъ это сдѣлать, а Феодосій байтъ:

— Нѣтъ, шалишь; ты постись три дня, да Богу молись, да по десять поклоновъ и утромъ, и вечеромъ ударь, да какъ ложишься спать, на правомъ боку засни, а на утро правую ногою вставай, да коли попа встрѣтишь, берегись... Ну, и потомъ ты мнѣ скажи... да чтобъ не было ни утра, ни вечера, да ни среды, ни пятницы. не праздникъ... да чтобъ луна на ущербѣ не была.

Затвердилъ это Тимошка и въ точности исполнилъ, а тамъ подѣхалъ къ Феодосію...

— Ну, чтожъ,—спросилъ онъ.

— А вотъ тебѣ и мука,—вынулъ Феодосій пригоршню муки въ бумажкѣ и подаль ему.—Но ты гляди,—прибавилъ онъ:—коли на сковородку положишь, такъ бай трижды: калисперо, калисперо, калисперо.

Пошелъ съ мукою Тимошка и твердитъ про себя: калисперо.

Былъ онъ хорошъ съ поваромъ, которому часто чинилъ бѣлье и платье, и тотъ далъ ему сковородку.

— А для ча?—спросилъ тотъ, пожавши плечами, означавшее: „послѣ меня развѣ кто смѣетъ что-либо готовить“.

— Снадобье отъ живота Феодосій далъ.

— Э!—махнулъ тотъ рукою:—не по нашей части, въ такомъ разѣ.—Ладно,—молвилъ поваръ, и самъ прижарилъ муку, какъ назвалъ снадобье портной.

Сдѣлалъ все по сказанному портной, а шарики на-

дѣлалъ махонькіе и, все это уложивъ въ бумажку, ушелъ къ себѣ и запряталъ подъ нары.

На другой день онъ повару сказалъ, что онъ съѣлъ всѣ шарики и что ему полегчало.

Нѣсколько дней спустя, зашелъ Тимошка въ пекарню поглазѣть, какъ хлѣбъ пекаръ готовить, да спросилъ:

— Какой хлѣбъ будетъ-де для святѣйшаго?

— А вотъ!—указалъ тотъ на только-что приготовленное тѣсто.

Сунуль ему нѣсколько денегъ въ руки Тимошка и просилъ его сбѣгать къ сторожу монастырскому за питьемъ, чтобы такъ, по пріятельски, чарку—другую... Обрадовался пекаръ и побѣжалъ.

А Тимошка взялъ тѣсто патріаршее, да въ середину понапихалъ маленькіе шарики чуть видные, точно головка большая отъ булавки, и когда возвратился пекаръ, сидитъ онъ точно святой.

Выпили они по чаркѣ, да по другой, а тамъ Тимошка поглядѣлъ, какъ въ печку тотъ патріаршій хлѣбъ посадилъ и какъ потомъ онъ его вынулъ, уже готовымъ, и поставилъ на столъ, чтобы остылъ. Стали они балагурить и о томъ, и о семъ, а тамъ пришли изъ кухни взяли хлѣбъ и сказали:

— Будетъ-де за трапезою сегодня съ патріархомъ и игумень, и казначей, и ризничій, и намѣстникъ...

Обрадовался Тимошка и подумалъ:

— Вотъ ужъ приворожу кого ни на есть, и будетъ мнѣ благо.

Поднялся онъ радостно и отправился обѣдать въ кухню.

Пообѣдавъ, онъ легъ не много спать, какъ влетаютъ въ ихъ келію поваръ и Михайло. Поваръ реветъ:

— Какъ! да чтобъ я, да испортилъ патріарха... Да въ петлю готовъ... что ты, что ты...

— А кто-жь?.. Джелебы я кухтоваль... а то кто же? А тамъ патріархъ, игумень, казначей, ризничій и на-

мѣстникъ лежать, задрамши ноги, за животики держатся, орутъ: ратуйте, батюшки свѣты... Значить зелье какое ни на есть... аль приворотъ...

— Приворотъ! Богородица святая, да ужъ не я-ли?— воскликнулъ Тимошка.

— Какъ, ты?—крикнули оба.

Плача и чуть-чуть не вырывая волосы изъ головы своей, Тимошка-портной разказалъ имъ о приворотномъ зельѣ, которое далъ ему чернецъ Θεодосій, и какъ онъ сунулъ шарики въ хлѣбъ.

— Бѣги же,—крикнулъ ему поварь:—къ патриарху, а ты Михайло отыщи чернеца... Онъ, кажись, въ кузнѣ... съ кузнецомъ... тотъ взялъ его къ мѣху...

Вошли поварь и портной Тимошка въ келію патриарха.

Это была довольно большая комната, въ нѣсколько оконъ; на полу разостланъ былъ большой татарскій коверъ, вокругъ стѣнъ татарскіе диваны, и въ углу виднѣлись дорогіе образа съ лампадкою. Столъ не былъ еще убранъ. Начальство обители лежало въ большихъ мукахъ на диванахъ, а патриархъ бѣгалъ по комнатѣ и сильно стоналъ.

— Батюшка, святѣйшій патриархъ... безъ вины виновать... Далъ мнѣ чернецъ Θεодосій приворотное зелье... да надѣлалъ я катушки, да въ хлѣбъ тебѣ... Хотѣлъ милости твоей заслужить...

— Какое зелье... говори скорѣй, — закричалъ патриархъ.

— И самъ-то не знаю... точно крупа мелкая... а онъ говорилъ: мука-де...

— Крупа?.. Да это не мышьякъ-ли?.. Хорошо, что сказаль, — произнесъ съ лихорадочнымъ жаромъ патриархъ.—Поварь! скорѣй кипятку... кипятку... да въ два чайника... да нѣсколько поставанчиковъ... А ты, Тимошка, пойди въ свою келію и жди приказа.

Тимошка ушелъ въ свою келію, и поварь, спустя

нѣсколько минутъ, возвратился къ патріарху съ кипяткомъ и со стаканами.

Патріархъ досталь изъ ларца двѣ пачки и изъ каждой изъ нихъ высыпаль въ чайникъ горсть порошка, и помѣшалъ тамъ ложечкою. Спустя нѣкоторое время онъ розлилъ приготовленное и обратился къ страдающимъ монахамъ:

— Пейте вотъ это,—это безуй-камень... Да чтобъ вы не боялись, такъ глядите, и я пью... А тамъ мы изъ другого чайника выпьемъ индроговый песокъ.

Монахи едва волочили ноги, приблизились къ столу и начали пить настой; послѣ того патріархъ налилъ имъ по стакану настоя индроговаго песка. Монахи, выпивъ того и другого, почувствовали, какъ будто лучше, и патріархъ велѣлъ принести еще горячей воды.

Между тѣмъ какъ патріархъ спасаль и себя и монастырское начальство отъ смерти, полякъ Ольшевскій отправился въ кузню, находившуюся на берегу Онеги.

Онъ засталъ тамъ чернеца Θεодосія и Михайло.

— Альбо то можно,—началь дипломатически Ольшевскій.—Святѣйшаго да зельемъ, да приворотнымъ...

— Що це таке,—выпучилъ глаза Михайло, ничего не понимая.

— Що?... да вотъ что... Эвототъ значить чернюкъ даль Тимошкѣ-портному приворотное зелье, и тотъ всунулъ его въ хлѣбъ... Ну, и у святѣйшаго животики, ой! ой! ой!..

Едва онъ это произнесъ, какъ чернецъ шмыгнулъ изъ кузни.

Полякъ и Михайло бросились за нимъ; послѣдній захватилъ изъ кузни молоть.

— Лайдакъ! Кепъ!—кричалъ ему вслѣдъ полякъ, а тотъ мчался прямо къ рѣкѣ.

Прибѣжавъ къ Онегѣ, Θεодосій бросился въ рѣку, чтобы переплыть на другую сторону.

— Альбо то можно... а я и плавать не умѣю...

— Я за васъ, панъ Ольшевскій... а вы вонъ въ ту лодку... вонъ стоитъ...

Ольшевскій побѣжалъ къ лодкѣ, а Михайло кинулъ на берегъ молотъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, и бросился въ воду. Отплывъ нѣсколько саженой, ему сдѣлалось жаль молота. „Еще украдутъ!“—подумалъ онъ, и возвратился на берегъ, взявъ увѣсистый молотъ и, бросившись въ воду, поплылъ оригинальнымъ образомъ; онъ какъ будто по грудь ходилъ, поднявъ высоко молотъ надъ головою и, помахивая имъ, выкрикивалъ:

— А ну! а ну же... ну!..

Θеодосій, слыша такія восклицанія за собою, сильно заторопился.

— Ай, дожену!—кричалъ ему хохоль.

Такъ проплыли они болѣе половины ширины рѣки; но вотъ Θеодосій, вѣроятно, отъ того, что сильно торопился, чувствуетъ, что слабѣетъ.

Медленнѣе онъ начинаетъ двигаться, и теченіе начинаетъ его сносить.

— Ага! утонешь... держись за воду!—раздается за нимъ хохоть хохла.

— Да не бись... серденько... ере... ере... какъ васъ тамъ... Θеодосій... Не втопитесь,—не дамо... еще намъ треба знати, звиткиль узаявся ты, да кто навчивъ... робить намъ пакость,—кричалъ ему вслѣдъ Михайло.

— Батюшка... ратуй... тону,—завопилъ Θеодосій.

— Не втонешь...

И вотъ могучая лѣвая рука хохла схватываетъ его за руку, а правая все же не выпускаетъ молота.

— Теперь кажи... звиткиль ваявся?.. Кто навчивъ? Кажі, не то молотомъ по лбу.

— Никто.

— Никто... гляди, — и Михайло погрузилъ его въ воду.

— Скажу, скажу, дяденька...

— Кажі.

— Митрополить Питиримъ...

— Якъ? якъ? Въ пятерыхъ?

— Питиримъ... Питиримъ...

— Чую... Еще кто?

— Больше никто.

Кузнецъ снова погружаетъ его въ воду.

— Ай! дяденька, скажу...

— Кажи.

— Архимандрить чудовскій Павелъ.

— Добре.

Переплываютъ они на другой берегъ,—въ это время показывается лодка съ Ольшевскимъ.

— Дожде... дзинькую пана,—кричитъ ожь и, причаливъ лодку, выскакиваетъ на берегъ.

Кузнецъ рассказываетъ, что Θεодосій сказалъ, что даль ему зелье митрополить въ „пятерыхъ“ и архимандрить Павелъ.

— Вретъ онъ, — отрицаетъ Θεодосій свое прежнее признаніе.

— А коли ты кажешь, що то брехня, що я казавъ, такъ поплывемъ зновъ...

Михайло схватываетъ его въ охапку, бросаетъ въ рѣку и самъ кидается туда.

— Ай, утопить,—вопить Θεодосій.

— Покайся!—кричитъ ему полякъ:—Надѣя на Бога, правды доищемся... Втопи его, Михайло.

Михайло погружаетъ того на нѣсколько минутъ въ воду.

— Михайло правду говорилъ,—реветъ Θεодосій.

— Коли правду, такъ подашь ты сказку патриарху?—спрашиваетъ полякъ.

— Подамъ.

— Коли подашь, такъ поѣдемъ домой... Только гляди, коли зновъ отречешься и не напишешь сказки, мы спустимъ тебя въ рѣку,—крикнулъ ему полякъ.

Они усѣлись втроемъ въ лодку и переплыли въ монастырь.

Въ келіи Θεодосій написалъ сказку о томъ, что онъ уговорилъ Тимошку-портнаго дать приворотное зелье патриарху, и все это по приказанію митрополита Питирима и архимандрита Павла. Сказку онъ скрѣпилъ своею подписью.

Патриарху между тѣмъ сдѣлалось легче, и Ольшевскій доложилъ ему о раскрытіи ими истины.

Никонъ велѣлъ игумену арестовать и Тимошку, и чернеца, и на другой же день отправить въ Каргополь.

Спустя нѣкоторое время, оправившись, напуганный этимъ событіемъ, онъ 28 іюня написалъ въ Москву боярину Зюзину:

„Едва живъ въ болѣзняхъ своихъ: крутицкій митрополитъ и чудовскій архимандритъ прислали діакона Θεодосія со многимъ чаровствомъ меня отравить, и онъ было отравилъ, егда Господь помиловалъ, безуемъ-камнемъ и индроговымъ пескомъ отѣлся; да иныхъ со мною четверехъ старцевъ испортилъ, тѣмъ же, чѣмъ и я, отпились, и нынѣ вельми животомъ скорбень“.

Неизвѣстно, по чьему докладу, но по отпискѣ патриарха, освѣдомясь объ этомъ, государь велѣлъ произвести слѣдствіе и судъ.

Что государь близко принялъ это къ сердцу, доказывается тѣмъ, что 5 сентября назначены для слѣдствія: первый тогдашній бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, думный дворянинъ Елизаровъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ.

Алексѣю Михайловичу казалось, что онъ отдалъ дѣло въ руки первыхъ столбовъ истины и правосудія, и что поблажки никому не будетъ.

Но боярство нарочно отрекомендовало этотъ судъ: всѣ эти лица были кровные враги Никона и они хотѣли оскандалить его, во чтобы то ни стало, показавъ его злобу и ненависть къ царскимъ любимцамъ: блю-

стителю патриаршаго престола Пителиму и къ архимандриту Павлу.

И вотъ началась слѣдующая трагикомедія: привезены Тимошка-портной и чернецъ Θεодосій въ приказъ тайныхъ дѣлъ, и дьякъ Алмазь, въ присутствіи Трубецкаго и Елеазарова, снялъ съ нихъ показанія. Чернецъ при этомъ отрекся отъ говореннаго въ Крестномъ монастырѣ о митрополитѣ и архимандритѣ, а Тимошка-портной показалъ, что онъ, по наущенію Θεодосія, составъ дѣлалъ, жегъ муку пшеничную, волосы изъ головы вырывалъ и въ поту валялъ, — велѣлъ ему этотъ составъ дѣлать діаконъ для приворота къ себѣ мужеска пола и женска.

Дали обомъ очную ставку: чернецъ снова отрекся, а портной сказалъ, что тотъ-де и повинную челобитную подалъ патриарху.

На это чернецъ возразилъ:

— Повинную писалъ по наученію и по неволѣ, за пристрастіемъ поляка Николая Ольшевскаго, который билъ его плетью девять разъ.

По тогдашнему судопроизводству слѣдовало обоихъ подвергнуть пыткѣ; но передъ пыткою снималось показаніе.

По порядку это совершалось не тотчасъ, а на другой день.

Вечеромъ приставъ зашелъ къ заключеннымъ, содержавшимся въ разныхъ застѣнкахъ.

Θеодосія онъ убѣждалъ въ томъ, что если онъ будетъ держаться отрицанія, то ему не будетъ пытки, хотя и поведутъ его въ пыточный застѣнокъ. Портному же онъ сказалъ: „Ужъ ты лучше свали на кузнеца, да на поляка,—они-де подговорили тебя. А будешь стоять на томъ, что Θεодосій виноватъ, то тебѣ и пытка, и казнь. Гляди, коли до пытки снимешь съ Θεодосія зазоръ, то и пытка будетъ такая, какъ бы и не пытка“...

На другой день князь Трубецкой снова потребовалъ въ присутствіе подсудимыхъ.

Θеодосій стоялъ на прежнемъ: не я-де научилъ портнаго.

Портной же снялъ съ Θеодосія поклепъ и повинился, что приворотное зелье дали ему кузнецъ и полякъ.

По порядку суда, Трубецкой, Алмазь и Елизаровъ должны были присутствовать при пыткѣ, а тутъ послали ихъ въ пыточный застѣнокъ съ приставомъ.

Приставъ вводилъ ихъ туда и выводилъ; была-ли пытка или нѣтъ,—неизвѣстно.

Но подсудимые, выйдя оттуда, вновь показали въ присутствіи, что и прежде, и подписали сказку, въ которой говорилось, что при пыткѣ присутствовалъ князь Трубецкой, Елизаровъ и Алмазь.

Послѣ того, по обычаю, слѣдовало привлечь къ отвѣту кузнеца, и поляка, и хохла, но этого не сдѣлано; да кромѣ того, по законамъ, по окончаніи дѣла, слѣдовало Никона выдать головою митрополиту и архимандриту, то есть онъ долженъ былъ заплатить имъ за безчестіе, а тутъ зачли дѣло оконченнымъ и предали его забвенію...

Дѣло вышло очень темнымъ, и для современниковъ, и для потомства. Мы вправѣ сказать, что истина была на сторонѣ патріарха, а Питирима и Павла рисуетъ это не въ блестящемъ свѣтѣ: какъ враги Никона, они не разбирали средствъ, чтобы отъ него отдѣлаться. Они же были вполслѣдствіи и свидѣтели на судѣ, и сами судьями Никона!

XVII.

Дѣло боярина Романа Боборыкина.

Въ московскихъ хоромахъ боярина Романа Боборыкина идетъ пиръ.

На пиру этомъ множество бояръ и высшаго духовенства, даже Авакумъ и Нероновъ, но ихъ не тѣшать ни

домрачей, ни бахари, ни скоморохи, ни гусельники, какъ это было во времена царя Михаила, и калики переходящіе поютъ духовныя пѣсни.

Сами лица боярскія болѣе постныя, чѣмъ праздничныя, а бесѣда идетъ шопотемъ между отдѣльными группами, и у всѣхъ шель разговоръ богословскій, или же о Никонѣ.

Толки идутъ самыя разнообразныя: и отзываются голоса умѣренные, слышатся сужденія рѣзкія, раскольничьи, говорится даже о Никонѣ, какъ о дѣятелѣ политическомъ, и онъ осуждается, какъ гонитель боярства. Между умѣренными слышны возгласы:

— Все едино, какъ ни молись, была бы у тебя въ сердцѣ молитва; а другой и по старому молитву слушаетъ, да на двѣ души кушаетъ,—по старому спасается, а кусается... А Никона все же на смарку,—ужь больно зазнался.

Аввакумъ и Нероновъ пѣли иное:

— Времена антихриста настали. Было Никона имя поповское, Никита, а это изъ греческаго Никитіосъ и соотвѣтствуетъ слову „побѣдитель“, одному изъ названій нечистой силы. Уничтожилъ онъ древнее благочестіе и баню пакибытія*).

Бояре же толковали межъ собою.

— А онъ и великимъ государемъ именуется и мѣстничество на дѣлѣ уничтожилъ, ни во что не ставилъ родовую доблесть и честь... Ну, и шалишь, мы-де сами съ усами.

Словомъ, всѣ партіи были за одно, что нужно ссадить Никона.

Но какъ отдѣлаться отъ него?

---

*) Вотъ откуда взялъ Аксаковъ это знаменитое изреченіе. Подъ этимъ раскольники подразумѣвали крещеніе. И такъ какъ Никонъ установилъ въ крещеніи мвропомазаніе лица и погруженіе въ воду, то раскольники отрицали и самое крещеніе это, какъ таинство; а свое крещеніе называли банею паки-бытія, то есть: ради будущей жизни.

Постановленіе собора русскихъ святителей царь не утвердилъ, а на вселенскій соборъ не соглашался.

Собрались, поэтому, кровные враги Никона въ комнату или кабинетъ Боборыкина: и для совѣщанія, и для келейной выпивки.

Тогда духовные и свѣтскіе были болѣе сближены одинаковостью интересовъ и обычаевъ, чѣмъ теперь: они были, поэтому, откровеннѣе другъ съ другомъ и не стѣснялись межъ собою.

Разъ гости приглашены въ комнату или въ кабинетъ хозяина, были они ужъ, какъ говорится, на распашку

Въ кабинетѣ сидѣли: самъ хозяинъ, митрополитъ Питиримъ, толстый, съ брюшкомъ и заплывшими отъ жира глазами; архимандритъ Павелъ,—какъ ужъ я говорилъ въ одномъ мѣстѣ,—красивый, чернобородый, съ бѣлыми ручками господинъ, немного женоподобный; Родіонъ Стрѣшневъ, Алмазъ Ивановъ и Хитрово.

Всѣ они полулежали на топчанахъ, и передъ ними, на столѣ, стояли наполненные мальвазіею золотые поставчанчики.

Отъ Алмаза Иванова они узнали ужъ исходъ извѣта Никона объ его отравленіи, и вотъ они собрались потолковать, что дѣлать дальше.

— Да что и подѣлать,—молвилъ дьякъ Алмазъ:—вѣдь пятнышка на немъ, хитрецъ, нѣтути... Управлялъ онъ государевымъ дѣломъ шесть лѣтъ и всею казною заправлялъ... Перебрали, пересмотрѣли всѣ дѣла во всѣхъ приказахъ и судахъ,—чистъ, какъ божья роса... свѣтель, какъ алмазъ...

— Я,—прервалъ его митрополитъ Питиримъ:—отписалъ всюду, во всѣ монастыри и протопопамъ: нѣтъ-ли на Никона челобитчиковъ, аль не бралъ-ли посулъ?.. и ни откуда ничего,—только бьютъ челомъ, что онъ не такъ скоро ихъ посвящалъ... Да и то въ тѣ поры было ему не до нихъ.

— Да что-же дѣлать?—съ отчаяньемъ спросилъ архимандритъ.

— А вотъ что я надумалъ, — молвилъ Алмазъ: — нужно сдѣлать такъ, чтобъ его бѣсить... выводить изъ терпѣнія... и онъ учнетъ продерзости дѣлать и царскимъ посламъ, аль, быть можетъ, и царю, и тогда... тогда мы напустимъ на него митрополита газскаго Паисія... Тѣмъ же часомъ нужно Паисія сблизить съ царемъ. Это, Хитрово, ужъ твое дѣло:... твоя тетушка Анна Петровна пуцай митрополита къ себѣ въ теремъ впустить, а тамъ и съ царицею познакомить.

— Вотъ я такъ попрошу дядюшку Семена Лукича Стрѣшнева; пуцай, какъ царскій дядя, возьметъ Паисія подъ свою высокую руку и доложитъ батюшкѣ-царю.

— Я же, — вставилъ Боборыкинъ: — берусь начать дѣло. Долженъ я вамъ повѣдать, что вотчина моя на границѣ Новаго Иерусалима и на границѣ вотчинъ бывшаго коломенскаго архіерейскаго дома. Архіерейская вотчина была тоже наша, да отецъ мой по завѣщанію отписалъ ее коломенскому епископу... Вотъ затѣялъ патриархъ строить на моей землѣ „Новый Иерусалимъ“ и купилъ у меня землишку, а какъ упразднилъ онъ коломенскую епископію, такъ получилъ отъ царя грамоту, что къ обители отходятъ всѣ вотчины той епископіи... Такъ и отошла къ нему и отца моего вотчина.

— И прекрасно, — крикнулъ Алмазъ: — Теперь ты и бей челомъ царю: отписать-де вновь вотчину къ себѣ.

— Я и того не сдѣлалъ, — прервалъ его Стрѣшневъ: — пожаловалъ я вотчину на „Новый Иерусалимъ“, а потомъ ничего не далъ, жалованной грамоты не далъ, и дѣлу конецъ. Такъ и тебѣ, бояринъ, мой совѣтъ: запиши ты свою землю и скажи „моя“, и дѣлу конецъ.

— Пожалуй, — замѣтилъ Алмазъ: — такъ и лучше будетъ; онъ разгнѣвается, а коли царь твою, бояринъ, руку возьметъ, то онъ осерчаетъ и пойдетъ писать.

— Ладно, ладно... вѣло запахать землицу и засѣять

хлѣбомъ,—обрадовался Боборыкинъ:—Только глядите, чтобъ царь не осерчалъ...

— Мы всё за тебя...

— Отстоимъ,—раздались голоса.

— Одного только попрошу у васъ, — сказала Боборыкинъ:—залучите къ себѣ всѣхъ раскольниковыхъ протопоповъ и поповъ; особливо Аввакума и Неронова... Они много намъ помогутъ...

— Я берусь переговорить съ царемъ,—сказалъ Питиримъ:—Аввакумъ духовникомъ у родственниковъ царицы: Ѳедосіи Морозовой и Евдокіи Урусовой; а Неронова и царь жалуетъ, съ ними Морозовъ поладить.

— Ладно, ладно,—закричали всѣ:—миръ съ раскольниками... Они намъ помогутъ низложить Никона, для нихъ онъ антихристъ, латынянинъ, лютеранинъ, кальвинистъ,—что хотите...

Послѣ того пошли здравицы, и позднею ночью всѣхъ развели по домамъ, съ перенесеніемъ на ложе сна.

На другой день Боборыкинъ послалъ своего дворецкого нарочито распорядиться о засѣвѣ монастырской земли; Хитрово же на другой день рано утромъ заѣхалъ въ Чудовъ монастырь, взялъ оттуда митрополита газскаго и свезъ его къ тетушкѣ Аннѣ Петровнѣ, гдѣ онъ оставилъ его вести съ нею душеспасительныя бесѣды.

Митрополитъ былъ красивый, женоподобный, черноглазый и чернородый грекъ, составившій себѣ карьеру своею красотою, но теперь онъ былъ ужъ желчный, лукавый и нервный человекъ.

Говорилъ онъ витіевато, льстиво и вкрадчиво. Анну Петровну онъ въ одинъ сеансъ привлекъ на свою сторону: онъ наговорилъ ей столько любезностей, столько льстиваго, что вдовушка растаяла...

Неудивительно, что вскорѣ она познакомила его и съ царицею Марьею Ильинишною, которая часто ее посѣщала; а тамъ онъ добрался и до царя.

Охотно Питиримъ, при церковной службѣ и обрядѣ,

сталь уступать ему первенство, будто бы какъ представителю двухъ патріарховъ: константинопольскаго и іерусалимскаго, и дѣлалось это для того, чтобы царь обратилъ на него серьезное вниманіе.

Молитвами его царица вскорѣ зачала и въ слѣдующемъ году родила желаннаго сына Феодора.

Бояре въ это время и въ приказахъ, и на воеводствахъ, и въ боярской думѣ овладѣли рѣшительно всѣми не только свѣтскими, но и духовными, и церковными дѣлами.

Была совершенная анархія и нельзя было даже въ точности опредѣлить, чья партія господствовала и какой приказъ старшій. И въ это-то время установилось понятіе: чѣмъ честиѣ (въ смыслѣ чествовать) бояринъ, тѣмъ болѣе правъ имѣеть и его приказъ.

Такъ было и на воеводствахъ.

Между тѣмъ какъ такіа дѣла совершались въ Москвѣ, Никонъ прибылъ изъ Крестнаго въ „Новый Іерусалимъ“.

Здѣсь онъ засталъ въ большой горести крестьянъ, приписанныхъ къ этому монастырю: всѣ поля ихъ засѣялъ бояринъ Боборыкинъ своимъ хлѣбомъ и имъ грозилъ въ тотъ годъ голодъ.

Никонъ возмущенъ этимъ поступкомъ и написалъ государю жалобу, въ которой просилъ, чтобы разобрали дѣло по документамъ.

На это не послѣдовало отвѣта. Тогда Никонъ послалъ царю другую жалобу, въ которой объяснялъ, что не могутъ же крестьяне его монастыря остаться зимою безъ средствъ къ существованію, а потому онъ проситъ ускорить рѣшеніемъ дѣла, иначе онъ долженъ принять противъ Боборыкина инья мѣры.

Отвѣта не воспослѣдовало. Приближалась, однакожь жатва, и Боборыкинъ могъ бы снять хлѣбъ, а потому монастырскіе крестьяне, не дождались указа изъ Москвы, вышли въ поле, сжали и свезли въ монастырь весь хлѣбъ.

Боборыкинъ подалъ царю жалобу. Тогда немедленно же полученъ указъ: всѣхъ крестьянъ выслать въ Москву.

Въ день полученія этого указа, послѣ обѣда, явился къ патриарху Ольшевскій и объявилъ, что нищенка-странница желаетъ его видѣть и принять отъ него благословеніе.

Никонъ, принимавшій всѣхъ безразлично, велѣлъ ее впустить въ свою келью.

Нищенка, подойдя къ его благословенію, остановилась и глядѣла на него пристально и молча.

— Инокія Наталья! — воскликнулъ Никонъ, бросившись обнимать ее.

— А я думала, что ты, Ника, забылъ меня.

— Не забылъ я тебя, а горя было столько... столько заботъ, что я и себя не помнилъ. Да и отъ тебя вѣстей не было...

— Жила я у Богдана Хмѣльницкаго... его похоронили... нельзя было покинуть семью его: скорбную жену Анну... а тамъ Нечая схватили наши, и жена его, то-есть Катерина, дочь Богдана, тоже осиротѣла... Да и Даніилъ Выговскій тоже умеръ по дорогѣ въ Москву, и старшая дочь Богдана, жена его, тоже сиротствуетъ... Было много мнѣ горя... Потомъ въ Украинѣ рѣзня... плачь и горе всюду. Нѣтъ Богдана, чтобы мстить ляхамъ за убіеніе его старшаго сына, о которомъ онъ плакалъ до могилы, и которому онъ клялся быть вѣчнымъ врагомъ ляхамъ. Нѣтъ его батога и для своихъ...

— Бѣдная, несчастная страна, и все отъ того, что нѣтъ тамъ хозяина.

— Умирая, Богданъ все кричалъ: дайте мнѣ Никона... Да, кабы ты пріѣхалъ туда, иное дѣло... Да и Юрій Хмѣльницкій, коли ты не пріѣдешь туда, отречется отъ гетманства и пойдетъ въ монастырь.

— Да какъ же туда пріѣхать? Царь не пуцалъ при Богданѣ, а теперь давно.

— Бѣги...

— Бѣжать, да какъ?

— Я средства дамъ... Приѣдутъ сюда изъ Украйны семь казаковъ съ охранными листами, поступить въ монастырь; ты съ тѣми же листами да и на ихъ лошадяхъ и увѣжай. Они приѣдутъ изъ Конотопа, а ты поѣжай на Нѣжинъ и Кіевъ.

— Но какъ бѣжать?.. Царь озлится, измѣнникомъ станетъ обзывать.

— Уходи, Ника, отъ зла. Осудилъ тебя ихъ соборъ православный къ лишенію архіерейства, священства и чести... Гляди, пойдутъ они еще дальше: соберутъ раскольничій соборъ и сожгутъ тебя... аль на вѣки заточать... А Малороссія, гляди, гибнетъ безъ тебя, а тамъ погибнетъ и Русь... Коли тебѣ не жаль себя, пожалѣй народъ... пожалѣй о томъ, что ты сдѣлалъ... Отвернулся ты отъ государева дѣла и гляди: подъ Конотопомъ конница наша вся погибла, въ Литвѣ все войско наше истреблено, Шереметевъ въ Польшѣ у татаръ, Юрій Хмѣльницкій поддался ляхамъ.

— Нельзя... какъ бѣжать?.. А Новый мой Іерусалимъ кто кончитъ?.. Что станетъ со всею братією?.. Да и бояре, и раскольники обрадуются... Бояре и теперь говорили, какъ я въ Крестовомъ жилъ: „Вотъ, дескать, наша взяла,—Никонъ испужался“. А Нероновъ да Аввакумъ всюду смущаютъ народъ. „Никона,—говорять они,—прогнали за еретичество; насъ же съ честью вернули, какъ страстотерпцевъ за православіе, да за древнее благочестіе“; а инымъ говорятъ они: „Никонъ покаялся въ еретичествѣ, да удалился, во пустыножителствѣ льетъ слезы покаянія... А коли я бѣгу, еще хуже будетъ... Да и жаль мнѣ царя Алексѣя... люблю я его, какъ сына... дорогъ онъ мнѣ... да и Русь-то мою такъ жаль, такъ жаль... иной разъ заплакалъ бы...

У Никона показались слезы на глазахъ.

Инокія Наталья расплакалась.

— Поѣду я въ Москву,—сказала она:—буду у царя, у царицы и у боярынь. Узнаю всю подноготную... и коли опасность какая ни на есть, отпишу тебѣ... У тебя же будутъ сегодня же казаки... и ты приготовься къ отъѣзду. Я тебѣ изъ Москвы отпишу... Теперь благослови... я поѣду.

— Поѣзжай, Ната... Богъ да благословить тебя... Но ты тамъ скажи имъ... приѣмлютъ они на себя судъ по дѣламъ вѣры, и имъ—грѣхъ... тяжкій грѣхъ... Духовный судъ судить по евангельскому обѣту—съ любовью... а они рѣжутъ языки, отсѣкаютъ руки, сжигаютъ во срубкахъ... Чѣмъ, опосля того, мы лучше инквизиторовъ Гипшпаніи?.. Надѣлаютъ они бѣдъ, коли возьмутся да своимъ судомъ судить раскольниковъ: начнутся пытки, пойдеть въ ходъ и плеть, и кнутъ, и сѣкира, и срубъ... Страшно и подумать, что будетъ... Изъ десятка безумныхъ поповъ сдѣлаютъ они сотни тысячъ раскольниковъ; изъ искры раздуютъ пламя, и устоитъ-ли тогда наша очищенная вѣра?.. наше православіе?.. Погибнетъ дѣло рукъ моихъ, да и я съ царствомъ погибнемъ, развѣ Богородица заступится за насъ.

Онъ сталъ ходить въ возбужденномъ состояніи по своей келіи:

— Настанетъ, Ната, день, когда безумцы... раскольники... очнутся... поймутъ, кто правъ, кто виноватъ. Теперь ихъ призвали въ Москву, чтобы низложить меня, и они низложатъ, — сила теперь на ихъ сторонѣ... Но того они не понимаютъ въ безуміи своемъ, что съ моимъ низложеніемъ, они сами погибнуть. Теперь Никонъ ихъ жалѣетъ, какъ блудныхъ дѣтей, умоляетъ смириться и наказуетъ по духовному: постомъ, молитвою, лишеніемъ сана..., а кровожаднымъ боярамъ—это не на руку... И коли они-то, раскольники, меня сокрушатъ, ихъ защитника, боярство заберетъ ихъ тогда въ свои лапы, жилы powyтянетъ изъ ихъ тѣла, кости разможатъ, члены отсѣкатъ будутъ и, коли нечего будетъ болѣе рвать на

части, бросають въ срубъ и медленнымъ огнемъ будутъ жечь,—въ угоду дьяволамъ, своимъ братьямъ... Повидайся тамъ съ протопопомъ Аввакумомъ и скажи ему мое послѣднее слово, вмѣстѣ съ словомъ любви и всепрощенія.

Они облобызались, и инокиня, растроганная, вышла отъ патріарха.

— Нѣтъ, — подумаль онъ, — нужно послѣднее средство употребить. Пуцай она тамъ дьячить *)... и все же я ему напишу... напишу всю правду... Напишу такъ, чтобы камни размягчились... а коли и это не пособить, то тогда... тогда Никонъ... отряси прахъ своихъ ногъ отъ сихъ мѣстъ и бѣги... бѣги туда, гдѣ вѣра еще не погибла, гдѣ еще бьется сердце человѣка... бѣги туда, гдѣ примутъ тебя съ любовью и почетомъ. Сейчасъ напишу царю грамотку, и коли отвѣта не будетъ, значитъ самъ Господь Богъ велить мнѣ бѣжать отъ сихъ мѣстъ.

Сидить и писать:

„Начинается наше письмо къ тебѣ словами, безъ которыхъ никто изъ насъ не смѣетъ писать къ вамъ **); эти слова: „Богомъ молю и челомъ бью“. Бога молю за васъ по долгу и по заповѣди блаженнаго Павла апостола, который повелѣлъ прежде всего молиться за царя. И словомъ, и дѣломъ исполняемъ свои обязанности къ твоему благородію, но щедротъ твоихъ ничѣмъ умолить не можемъ. Не какъ святители, даже не какъ рабы, но какъ рабичища, отовсюду мы избижены, отовсюду гонимы, отовсюду утѣсняемы. Видя святую церковь въ гоненіи, послушавъ слова Божія: „аще гонять вы во градѣ, бѣгите во инъ градъ“,—удалился я и водворился въ пустыни, но и здѣсь не обрѣлъ покоя. Во истину сбылось нынѣ пророчество Іоанна Богослова о женѣ, которой родящееся чадо хотѣлъ пожрать змій и вос-

*) Ходатайствуетъ (на тогдашнемъ языкѣ).

***) Здѣсь впервые Никонъ пишетъ царю «вамъ». Письмо это буквально историческое.

хищено было отроча на небо жъ къ Богу, а жена бѣжала въ пустыню, и низложенъ былъ на землѣ змій великій, змій древній. Богословы разумѣютъ подъ женою церковь Божію, за которую страдаю теперь заповѣди ради Божія... Больши сея любви никто же имать, да аще кто душу положитъ за други своя; и мы, видя братію нашу бѣнными *), жаловались твоему благородію, но ничего не получили, кромѣ тщеты, укоризны и уничиженія; тогда удалились мы въ мѣсто пусто. Но злонамѣренный змѣй нигдѣ насъ не оставляетъ въ покоѣ; теперь навѣтуетъ на насъ сосудомъ своимъ избраннымъ, Романомъ Боборыкинымъ, безъ правды завладѣвшимъ церковною землею. Молимъ вашу кротость престать отъ гнѣва и оставить ярость. Откуда ты такое дерзновеніе **) принялъ сыскивать о насъ и судить ны?.. Какіе законы Божіи велятъ обладать нами, Божіими рабами? Не довольно ли тебѣ судить вправдѣ людей царства міра сего? Въ наказѣ твоёмъ написано повелѣніе, взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря; по какимъ это уставамъ?.. Послушай, Бога ради, что было древле за такую дерзость надъ Египтомъ, надъ Содомомъ, надъ Навуходносоромъ царемъ? Изгнанъ былъ богословъ (апостоль Іоаннъ) въ Патмосъ: тамъ благодати лучшею сподобился: благовѣстіе (Евангеліе) написать и Апокалипсисъ. Изгнанъ былъ Іоаннъ Златоустъ, и опять на свой престоль возвратился; изгнанъ митрополитъ Филиппъ, но паки сталъ противъ лица оскорбившихъ его ***). И что еще прибавить? Если этими напоминаніями не умилишься, то хотя бы и все писаніе предложить тебѣ, не повѣришь. Еще ли твоему благородію надобно, да бѣгу,

---

*) Здѣсь намекъ на палочную расправу Хитрово съ княземъ Вяземскимъ.

**) Началъ святѣйшій за здравіе и кончилъ за упокой. Начинаясь онъ съ этого мѣста горячиться.

***) Здѣсь намекаетъ онъ на перенесеніе св. мощей въ Москвѣ.

отрясая прахъ ногъ своихъ къ свидѣтельству въ день судный *)?.. Великимъ государемъ больше не называюсь, а какое тебѣ прекословіе творю? Всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ. Страшно молвитя, но терпѣть невозможно, какіе слухи сюда доходятъ, что по твоему указу владыкъ **) посвящаютъ, архимандритовъ, игумновъ, поповъ ставятъ и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ, равночестна Св. Духу; такъ, „по благодати Св. Духа и по указу великаго государя“.. Не достаточно-де Св. Духу посвятить безъ твоего указа!.. Но кто на Св. Духа хулить, не имѣетъ оставленія. Если и это тебя не устрашало, то что устрашить можетъ, когда уже недостоинъ сдѣлался по своему дерзновенію. Къ тому же повсюду, по св. митрополіямъ, епископіямъ, монастырямъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ берешь нещадно вещи движимыя и недвижимыя, и всѣ законы св. отецъ и благочестивыхъ царей и великихъ князей, греческихъ и русскихъ, ни во что обратилъ, также отца твоего, Михаила Ѳедоровича, и собственные свои грамоты и уставы, уложенная книга, хотя и по страсти написана ***) , многонароднаго ради смущенія, но и тамъ постановлено: въ монастырскомъ приказѣ отъ всѣхъ чиновъ сидѣть архимандритамъ, игумнамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ; но ты все упразднилъ: судятъ и насилуютъ ****), и сего ради собралъ ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь

---

*) Въ этомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о предстоящемъ своемъ побѣгѣ.

**) Отецъ Павелъ, архимандритъ чудовскій, въ это время пожалованъ въ митрополиты крутицкіе.

***) Здѣсь онъ явно возстаетъ противъ жестокости наказаній уложенія, о чемъ мы ниже увидимъ, что онъ протестуетъ не только по дѣламъ вѣры, но и въ другихъ случаяхъ.

****) Здѣсь говорится о тяжелыхъ порядкахъ гражданскаго уголовного суда: правожѣ, пыткахъ и казняхъ.

поститься, а теперь и невѣдомо, кто не постится ради скудости хлѣбной, — во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ: нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернецы и черницы, — всѣ данями обложены тяжкими, вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стenanіе и воздыханіе... нѣтъ никого веселящагося во дни сіи“.

Написавъ это, онъ прошелся вновь по келіи и, какъ бы что-то вспомнивъ, началъ говорить самъ съ собою..

— Запоматовалъ было... Да... да... это было, кажись, января 12.. Были мы у заутрени въ церкви Св. Воскресенія... По прочтеніи первой каѳизмы сѣлъ я на мѣсто и немного вздремнулъ... Вдругъ вижу себя въ Москвѣ, въ соборной церкви Успенія: полна церковь огня... стоятъ умершіе архіереи... Петръ митрополитъ всталъ изъ гроба, подошелъ къ престолу и положилъ руку свою на Евангеліе. То же сдѣлали всѣ архіереи и я.. И началъ Петръ говорить: Братъ, Никонъ! говори царю зачѣмъ онъ св. церковь преобидѣлъ, — недвижимыми вещами, нами собранными, безстрашно хотѣлъ завладѣть? И не на пользу ему это... Скажи ему, да возвратитъ взятое, ибо многъ гнѣвъ Божій навелъ на себя того ради: дважды морь *) былъ... сколько народа перемерло, и теперь не съ кѣмъ ему стоять противъ враговъ“. Я отвѣчалъ: Не послушаетъ меня, хорошо, если бы кто-нибудь изъ васъ ему явился. „Судьбы Божіи, — продолжалъ Петръ: — не повелѣли этому быть. Скажи ему: если тебя не послушаетъ, то, еслибъ кто и изъ насъ явился, и того не послушаетъ... а вотъ знаменіе ему, смотри“... По движенію руки его я обратился на западъ къ царскому двору и вижу: стѣны церковной нѣтъ, дворецъ весь виденъ, и огонь, который былъ въ церкви, со-

---

*) Здѣсь говоритъ онъ о морѣ московскомъ и о морѣ во время второго похода на Ригу, когда умеръ Деллагарди. Морь этотъ проникъ и къ намъ. Только санитарныя мѣры Никона, во обоихъ этихъ случаяхъ, спасли народъ.

брался, устремился на царскій дворець, и тотъ запы-
лалъ... „Если не уцѣломудрится, приложатся больше
первыхъ казни Божіи“... „Вотъ,—прервалъ его какой-то
старецъ, обращаясь ко мнѣ:—теперь дворъ, который ты
купилъ для церковниковъ*), царь хочетъ взять и сдѣ-
лать въ немъ гостинный дворъ, мамоны ради своея. Но
не порадуется о своемъ прибыткѣ...“

— Да, такъ оно все было,—говорилъ Никонъ садясь
и продолжалъ писать... — Все это я ему отписалъ... Но,
пожалуй, онъ еще не повѣритъ, а вотъ я и заключаю
грамоту: „Все это было такъ, отъ Бога или мечтаніемъ,—
не знаю, но только такъ было; если же кто подумаетъ
человѣчески, что это я самъ собою мыслилъ, то сож-
жетъ меня оный огонь, который я видѣлъ“... Сейчасъ
отправлю это письмо съ архимандритомъ... Посмотримъ,
коли и оно не поможетъ, то отрясу прахъ отъ ногъ
моихъ въ сихъ мѣстахъ.

Онъ тотчасъ отправилъ это письмо въ Москву.

ХVII.

Свиданіе.

Царь Алексѣй Михайловичъ сидитъ въ своей прием-
ной. Онъ только что возвратился съ соколиной охоты
и въ отличномъ расположеніи духа: его любимый со-
коль сразу сразилъ дикую утку, случайно пролетающую
мимо; а тутъ еще, по возвращеніи, онъ узналъ, что ца-
рица въ интересномъ положеніи. Пользуясь этимъ, и
окружающіе его бояре, и домашніе стараются что-ни-
будь выпросить и выклянчить, а чтобы имѣть рѣши-
тельный успѣхъ, каждый старается выставить какой-
нибудь особенный подвигъ свой.

— Вотъ,—говоритъ Морозовъ:— у всѣхъ-то радость:
царица зачала... и Господь благословитъ тебя чай . сы-

---

*) Конфисковано было Воскресенское подворье.

номъ... А ты бы, великій государь, повелѣлъ на радостяхъ отпустить мнѣ коронныхъ-то у Днѣпра, сельцо... А я-то первый напорожилъ...

— Ужо, какъ справимся съ Хмѣльницкимъ, — улыбается государь.

— А все моя тетушка, Анна Петровна, — подхватываетъ Хитрово: — ужъ какъ она молилась... такъ молилась... что въ день ея крестной молебны... да съ Павломъ... аль Паисіемъ митрополитомъ... да и царица тамъ... и Господь услышалъ.

— Я Павла въ митрополиты крутицкіе поставилъ... а Питирима въ новгородскіе, — самодовольно произнесъ царь.

— Ужъ очинно, очинно всѣ довольны, мудрость твою прославляютъ, — вставилъ Морозовъ: — Аввакума, Никиту, Епифанія и другихъ расколоучителей видѣлъ, — всѣ такъ и молятся на тебя и баютъ: лишь бы намъ того звѣря Никона прогнать.

Алексѣй Михайловичъ вздохнулъ и вздрогнулъ: вспомнилъ онъ, что счастье покинуло его въ военныхъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ удаленіемъ Никона, и вотъ, чтобы перебить эту думу, онъ обращается къ своимъ собесѣдникамъ:

— Слышали вы какое чудо у меня?

— Нѣтъ, не слышали, — отвѣчаетъ Морозовъ.

— Привезли мнѣ безрукаго мальчика... такъ онъ устами иконы пишетъ... настоящей изографъ... Вотъ его иконки... я его въ науку отдалъ иконописцу Никитѣ Павловцу... а зовутъ мальчика Полуэхтомъ Никифоровымъ.

— Эко диво! — воскликнулъ Хитрово.

— Да и я впервые слышу о такомъ дивѣ, — воскликнулъ Морозовъ: — къ добру это великій государь; значить, мы согрѣшили руками, творя иконы, и Господь Богъ сподобилъ тебя имѣть иконы, писаныя устами.

— Знаменіе великое... знаменіе великое, — повторилъ

нѣсколько разъ государь, и снова дума: — Вотъ кабы Никонъ, онъ разъяснилъ бы, что это значить.

Преслѣдуетъ его мысль о Никонѣ постоянно. Что бы онъ ни сдѣлалъ, тотчасъ совѣсть говорить ему: а что святѣйшій бы сказалъ? Недавно уговорилъ его грекъ Паисій поставить Павла въ митрополиты крутицкіе, а крутицкаго Питирима въ новгородскіе, но сдѣлано это безъ благословенія патріарха, и оба поста очень важны: первый по древности каедръ, а второй, такъ какъ онъ намѣстникъ патріаршій. Но всѣ говорятъ, что народъ благословляетъ царя за это назначеніе...

Въ тотъ мигъ является стольникъ и подаетъ пакетъ.

— Отъ патріарха Никона привезъ архимандритъ Воскресенскаго монастыря, — провозглашаетъ онъ.

Царь уходитъ въ свою комнату, распечатываетъ трепетными руками пакетъ и читаетъ письмо. Блѣдный, съ смущеннымъ видомъ, онъ возвращается назадъ и, подавая Хитрово письмо, произноситъ задыхающимся голосомъ:

— На, читай.. я говорилъ, что такъ будетъ, — онъ чуть-чуть не анаему шлетъ намъ за ставленныхъ владыкъ...

— Да что на него глядѣть-то! — успокаиваетъ его Морозовъ.

— Посердится, посердится, тѣмъ и кончится, — вставляетъ Хитрово.

— Пушай бы сердился, — съ тревогою произнесъ государь: — но вотъ, коли онъ бѣжить, вотъ это будетъ теперь не въ пору намъ: Малороссія отложила, Литва отпала...

— А вотъ что, великій государь: дай мнѣ повелѣніе задержать его, гдѣ бы я его ни отыскалъ и онъ не уйдетъ отъ меня.

— Даю... даю повелѣніе... напиши нѣсколько грамотъ... Да только гляди, чтобы волоса съ его святой головы не тронуть...

— Слышу, великій государь; пока онъ патріархъ, я обиды ему не учиню.

Грамоты написаны и сданы въ руки Хитрово.

Богданъ Матвѣевичъ тотчасъ отправился къ Родіону Стрѣшневу; тамъ онъ засталъ и Алмаза Иванова. Обоихъ ихъ онъ командировалъ въ разныя стороны, съ порученіемъ слѣдить за проѣздомъ или въ Малороссію, или въ Литву патріарха.

Самъ онъ тотчасъ же отправился тоже по направле- нію къ Малороссіи.

Въ то время, когда вслѣдствіе неосторожнаго выра- женія патріарха въ его письмѣ были сдѣланы распоря- женія объ его задержаніи на пути, инокиня Наталья сидѣла въ теремѣ царскомъ и вела съ царевною Татья- ною бесѣду:

— Я потеряла надежду, — говорила съ отчаяньемъ царевна: — когда-либо видѣть Никона. Всѣ здѣсь его враги: и никоньяне, и раскольники... Теперь они соеди- нились и всѣ хоромъ поютъ: собора надоть... сложить съ него санъ... заточить, а тамъ и сжечь въ срубѣ.

— Боже, что же дѣлать? что же дѣлать? — ломала руки инокиня.

— Я было хотѣла выйти за мужъ за князя Пожар- скаго, тогда иное бы дѣло... Какъ Морозова Феодосія, я залучила бы къ себѣ и монаховъ, и монахинь, и по- повъ, и тогда я бы ихъ уничтожила... Теперь что? Сиди въ теремѣ и гляди, какъ его пытать, мучить, терзать будутъ... И за что? За то, что спасалъ два раза Русь отъ чумы; за то, что создалъ воинство; за то, что за- бралъ и почти уничтожилъ Польшу... что присоединилъ Малую и Бѣлую Русь... И это за спасибо. Теперь ни- чего не остается ему, какъ только бѣжать и бѣжать скорѣе въ Малую Русь... въ Кіевъ.

— Не поѣдетъ онъ... знаю я его... Какъ придется до дѣла, онъ скажетъ: бѣжать, значитъ имъ уступить, преклониться передъ ними... нѣтъ — останусь, и оста-

нется,—заплакала инокиня:—Я хочу переговорить еще съ царемъ.

— Поговорить-то можно, но теперь ничего не будетъ... Царица съ Анною Петровною живутъ душа въ душу, и на устахъ у нихъ, въ головахъ и въ сердцѣ—святители Павелъ да Паисій, Паисій и Павелъ. Видѣла ты эти подлыя рожи?.. Оба точно бабы въ рясахъ, да съ бородами, и чудится мнѣ, точно щеки у нихъ нарумянены... Да что ни слово, то и лесть... А братецъ мой уши развѣситъ да слушаетъ ихъ. Государево дѣло гибнетъ.

— А царица что?

— Царица только и думаетъ, какъ бы Господь сына ей далъ... Алексѣй Алексѣевичъ ея хиленькій... ну, и напугали ее; говорятъ, бояре шепчутся межъ собою: ужъ не развести ли ее. Поглупѣла со злости баба, сама не знаетъ, что и творить... Да вотъ коли будетъ круто, такъ пойдѣ къ ней, да напугай ее, и она сдѣлаетъ все по своему.

— Только не теперь, а ты, царевна, вотъ подумай какъ уговорить патриарха, чтобы онъ бѣжалъ.

— Да какъ, матушка Наталья, да сама поѣду...

— Какъ сама?!

— Да такъ... скажусь больною... Ты сядешь здѣсь у меня... никого не будешь впускать въ мою опочивальню... а ты, вотъ, позволь взять твоихъ людей да твою одежду.

— Царевна, коли люди узнаютъ, вѣдь бѣда будетъ.

— Ужъ хуже не будетъ, чѣмъ есть, сижу я здѣсь затворницею и не съ кѣмъ слова молвить... а сердце, сердце... рвется на части... слезы изъ очей ужъ не льются... Я уговорю его:—онъ бѣжить, послушается меня. Его-бы спасти, отдала-бы я десять жизней... Ты только принеси сегодня вечеромъ свою одежду... вели на своемъ подворьѣ лошадей изготовить... Я съ сестрами Иринушкою и Анютою переговорю... и съ Богомъ... помчусь, полечу, а тамъ и смерть не страшна.

— Да благословить тебя, царевна, Господь Богъ за твое доброе сердце... Но безъ меня ты тамъ ничего не сдѣлаешь. Я сама поѣду съ тобою, а ты ужъ устрой здѣсь все безъ меня. Теперь я къ Θεодосіи Морозовой, чай у нея увижусь съ протопопомъ Аввакумомъ.

Инокія поцѣловалась съ царевною и ушла къ Морозовой.

Невѣстка Бориса Ивановна Морозова въ это время еще не вдовствовала, но, какъ царицына кравчая, она жила открыто и принимала всѣхъ, въ особенности изъ духовенства обоого пола *).

Когда ей доложили объ инокинѣ Наталіи, она приняла ее съ распростертыми объятіями, такъ какъ славилась своею строгою жизнью и странствованіями по монастырямъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій и разспросовъ: по какимъ монастырямъ та ходила, что видѣла и слышала, Θεодосія Прокофьевна рассказала ей объ удаленіи Никонъ, о возвращеніи изъ ссылки іереевъ, не соблазвившихся прелестями никоніанства, и о томъ, что теперь всѣ стоятъ за одно: о низложеніи Никона и возстановленіи древляго благочестія.

— Да вотъ,—присовокупила она:—и самъ св. страстотерпецъ Аввакумъ.

Показался на порогѣ высокаго роста, съ окладистою бородою, красивый священникъ. Лицо его было загорѣлое и блѣдное, а глаза темно-сѣрые сверкали и глядѣли какъ-то туманно въ даль.

Хозяйка и инокыя подошли подъ его благословеніе.

Онъ благословилъ ихъ двуперстно.

— Я слышалъ давно о вашемъ благочестіи,—сказаль

---

*) Мы здѣсь говоримъ о ней и объ Аввакумѣ немного потому лишь, что этимъ лицамъ мы посвящаемъ особый большой романъ, въ которомъ излагается судьба первыхъ расколуучителей-страстотерпцевъ.

Аввакумъ, обращаясь къ инокинѣ:—и радѣю о твоёмъ спасеніи.

— Благодарю, св. отецъ, но ты, вотъ, повѣдай и мнѣ о своихъ страданіяхъ, дабы я могла рассказать въ св. Лебединской обители,—откуда я, о твоёмъ страсотерпчествѣ.

— Много говорить, дочь моя, мало слушать... Въ Успенскомъ соборѣ меня растригли... хотѣли бороду сръзать, да царица не допустила до грѣха. А тамъ, съ женою и дѣтьми, сосланъ за великое озеро Байкаль,—къ восводѣ Пашкову, не человѣку, а звѣрю, отданъ на съѣденіе. Повелѣлъ ему Никонъ наносить мнѣ всякое томленіе; терпѣлъ я отъ него поруганія, билъ онъ меня по щекамъ, билъ по головѣ, по спинѣ, плевалъ въ лицо, ругался и издѣвался надо мною, бросали меня въ холодную воду, сѣкли кнутомъ, при чемъ я получилъ 72 удара... Потомъ пришелъ указъ идти вновь на Москву и я всюду, и здѣсь, свободнымъ гласомъ и благодарственною душою древляго благочестія свѣтлость пресвѣтло проповѣдаю. Здѣсь меня князи и бояре такъ любезно приняли...

— Яко ангела Божія,—вставила Морозова.

— Нѣтъ, яко раба Божія и слова мирная и жалостная со въздыханіемъ царю бесѣдова,—закончилъ Аввакумъ.

— Но кто, св. страсотерпецъ,—замѣтила инокиня:—тебѣ повѣдалъ, что Пашковъ воевода имѣлъ грамоту Никона... ужъ не ухищренія-ли были бояръ?

— Повѣдовали мнѣ то митрополиты Питиримъ и Павель.

— Полно, св. отецъ!.. и вѣришь ты этимъ лукавымъ людямъ?.. Не проповѣдь твоя имъ нужна, а нужно низложеніе Никона, и они льстятъ тебѣ... и эти же фарисеи, когда низложатъ патріарха, повлекутъ тебя же къ суду своему и учинятъ тебѣ не то, что Никонъ. Никонъ съ любовью и со слезами, какъ отецъ, умолялъ тебя,

Аввакумъ, не проповѣдать свое ученіе. Онъ говорилъ тебѣ: вѣруй, какъ знаешь и можешь,—только другихъ не смущай.

— Какъ! — воскликнулъ Аввакумъ: — отрещись отъ вѣры своей и отъ Бога... Могутъ ли я попустить, когда онъ вихроколебательныя трясенія нанесъ на церковный корабль?.. Онъ продерзостно отвергъ двуперстное крестное знаменіе; благословляетъ народъ, какъ самъ крестится; на трисоставномъ крестѣ изображаетъ Христа; отрицаетъ сугубое аллилуія; пишетъ слово Іисусъ, вмѣсто Ісусъ; на 5 просфорахъ литургію служить вмѣсто 4; въ символѣ замѣнилъ букву «а» буквою «и»; поклоны отвергъ лежаніе ницомъ при преждеосвященной литургіи и въ вечеръ пятидесятницы; іудейскимъ обычаемъ велѣлъ совершать мвропомазаніе; въ церковноосвященіи, крещеніи и браковѣнчаніи по солнцу запретилъ трижды ходить; партесное преугодичное пѣніе съ митушаніемъ рукъ и ногъ и всего тѣла безобразнымъ движеніемъ въ церковь внесъ; уничтожилъ молитву: „Г. І. Х. Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго“; образа велѣлъ писать не по древнему, какъ мертвецовъ, а дебелыхъ и насыщенныхъ, аки въ пирѣ нѣкоемъ утучненныхъ, противно первообразнымъ святымъ особамъ; книги святыхъ древлепечатныя неправыми и ересеимущими нарекъ!

Вылилъ все это Аввакумъ залпомъ; Морозова слушала его съ открытымъ ртомъ, но инокиня Наталья вспылила и сказала:

— Святой отецъ, можетъ быть, ты больше правъ, чѣмъ Никонъ, но каждый вѣрить по своему, и сколько и какъ кто можетъ вмѣстить, такъ и вмѣщаетъ. Нужно однакожъ помнить главную заповѣдь Христа: любить ближняго... Вѣра безъ дѣлъ мертва: коли хочешь спастись, то одна вѣра недостаточна безъ любви. Примирись съ Никономъ и иди съ нимъ рука объ руку въ духѣ любви, и вы оба сдѣлаете многое для Божьей церкви. Гляди, всюду она принижена и угнетена: восточ-

ные патріархи въ плѣну и въ рабствѣ у турскаго султана, церковь въ Малой и Бѣлой Руси угнетена латинствомъ, іезуитами и ляхами. Одна лишь наша церковь стоитъ, какъ столпъ и утвержденіе истины, и къ ней идутъ сердца угнетенныхъ турками и ляхами русскихъ. Никонъ и сталъ во главѣ угнетенныхъ братій и для сліянія церквей принялъ то, что у нихъ издревле внесено святою восточною церквю: безъ этого и не было-бы возможно сліянiе съ нами ни Бѣлой, ни Малой Руси.

— Не намъ у нихъ учиться, а имъ у насъ,—заревѣлъ Аввакумъ, стукнувъ ногою:—Великіе наши святители и, учителя: митрополиты Петръ и Филиппъ, патріархи Іовъ Гермогенъ и Филаретъ,—всѣ держались древляго благочестія и въ крещеніи обливанія, а не погруженія... и мы должны держаться того же закона, той же вѣры... и если Малая и Бѣлая Русь—отступники этой вѣры, такъ пускай они и погибнуть въ рабствѣ у ляховъ и турокъ... Намъ нужно наше спасеніе, а не ихъ... Нѣтъ и примиренія мнѣ съ Никономъ: пускай онъ идетъ съ новшествомъ своимъ въ адъ кромѣшный, со всѣми народами, а отъ древляго православія не отрекусь... Не войду съ антихристомъ въ единеніе...

— Какъ съ антихристомъ!--ужаснулась инокиня.

— Развѣ не знаешь, дщерь моя?—произнесъ вдохновенно Аввакумъ:—слово апостола Павла къ Тимоѳею: Духъ же явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестнымъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣрїи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ жениться, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину..

— Никонъ никому не возбраняетъ жениться, не запрещаетъ удалятися отъ брашенъ,—замѣтила инокиня.

— Да,—продолжалъ Аввакумъ:— хочешь, дщерь моя,

спасти и спасти свою обитель, такъ почитай крестъ Христовъ трисоставный, отъ кипариса, изъ пегы и кедра устроенный,—вотъ тебѣ и въ даръ единый... Онъ вынулъ изъ кармана крестъ и вручилъ ей.

— Всякій крестъ для меня святыня,—сказала она благоговѣнно поцѣловавъ его.

— А четвероконечный крестъ,—продолжалъ онъ:— мы держимъ токмо на ризахъ и стихаряхъ, и патрихияхъ, и пеленахъ... а же учинить его на просфорахъ, или, написавъ образъ распятаго Христа, положить его на престолъ вмѣсто тричастнаго: таковой мерзокъ есть и непотребенъ въ церкви, и подобаетъ его изринуть... Такъ обманулъ дьяволъ русскихъ людей бѣдныхъ: явно идутъ въ пагубу...

Видя, что съ нимъ не разговоришься съ толкомъ и что напрасны слова, инокиня произнесла тоже подъ его ладъ вдохновенно:

— Вижу я, святой отецъ и страстотерпецъ, что твоя правда: идетъ все къ кончанію міра сего... Окружать, по слову апостола, тебя и учениковъ твоихъ люди самолюбивые, сребролюбивые, гордые, надменные, злорѣчивые... предатели, наглые, напыщенные, сластолюбивые, имѣющіе видъ благочестія... Къ симъ принадлежатъ тѣ, которые вкрадываются въ дома и обольщаютъ женщинъ (она бросила косвенный взглядъ на хозяйку), утоающихъ во грѣхахъ, водимыхъ различными похотями..., всегда учащихъ и никогда не могущихъ дойти до познанія истины... Да, они противятся истинѣ, — люди, развращенные умомъ, невѣжды въ вѣрѣ... Да, настанетъ часъ, когда льстецы эти достигнутъ на соборѣ преданія за вѣру казнямъ уложенія, и тогда—горе вамъ отщепенцамъ церкви: предадутъ эти фарисеи васъ пыткамъ и казнямъ ужаснымъ... Будутъ ломать ваши кости, вытягивать ваши жилы, будутъ сжигать васъ на медленномъ огнѣ... Боже... что я вижу... видѣніе... срубъ... а во срубѣ Аввакумъ, Лазарь и Ѳедоръ, и Епифаній... Пре-

даны они сожженію... горять... огонь... Прочь отсюда, отряхаю прахъ моихъ ногъ.

Съ этими словами она поспѣшно удалилась.

Нѣсколько дней спустя, Никонъ получилъ черезъ одного изъ послушекъ записку. Въ ней сказано было:

„Сегодня, въ девять часовъ вечера, у Мамврійскаго дуба буду тебя ждать. Важныя вѣсти. Инокія Наталія“.

Записка эта встревожила Никона:

— Значить, не добрыя вѣсти,—подумалъ онъ:—Всю ночь не спалъ сегодня... все чудные сны... Перейду для ночлега въ скитъ, а оттуда не далеко до дуба.

Онъ тотчасъ объявилъ, чтобы перенесли его вещи въ скитъ, такъ какъ настала весна.

Вечеромъ, при заходѣ солнца, Никонъ сидѣлъ на крышѣ скита и любовался оттуда окрестностями и переливомъ свѣта.

— Какъ здѣсь прекрасно,—думалъ онъ:—и не хотѣлось бы никогда разстаться съ этими мѣстами... Жить бы на покоѣ, безъ суеты... И неужели покинуть эти мѣста, гдѣ каждое дерево почти посажено мною, гдѣ столько моего труда во всемъ... Ъхать въ Малоросію?.. стать во главѣ этого народа!.. образовать его... Да, это великое дѣло... Но тогда нужно соединиться съ татарами и ляхами, и вести борьбу на жизнь и на смерть съ своими... Подыметя-ли рука у меня? Измѣнникомъ я не былъ... Нѣтъ, я уѣду въ Кіевъ... запрусь въ Кіево-Печерской лаврѣ и буду вести войну лишь духовную,—борьбу со тьмою и невѣжествомъ... Да, лучше вѣнокъ терновый, чѣмъ лавровый.

Такъ думалъ великій святитель, и сердце его разрывалось на части. Любилъ онъ и свой народъ, и своего царя всею любовью человѣческаго сердца... и вмѣстѣ съ неправдою и злобою къ нему Москвы. Эта любовь назрѣвала, и какъ язва она разрасталась и терзала его душу, мысль же о возможномъ бѣгствѣ еще сильнѣе увеличивала боль и ея жгучесть.

— Бѣжать, какъ преступникъ,—продолжалъ онъ мыслить:—въ чужую сторону, къ чужимъ людямъ,—сдѣлаться предметомъ ненависти цѣлаго народа своего!.. это ужасно... это невозможно... Я возненавидѣлъ даже мысль эту...

Онъ вошелъ въ маленькую церковь св. Петра и Павла, имѣвшуюся на крышѣ, и долго, долго молился, горько плача и вѣряя Господу Богу свою душу.

Часъ свиданія, однакожь, насталь, въ монастырѣ все умолкло и огни погасли, а ночь темною пеленою покрыла всю окрестность.

Никонъ тихо спустился внизъ, сошелъ въ аллею и пошелъ по направленію къ старику-дубу, который онъ назвалъ Мамврійскимъ.

У дуба этого стояла скамья, и онъ любилъ часто здѣсь сидѣть.

Этому дубу теперь считаютъ 500 лѣтъ. Отъ него уцѣлѣла наружная часть ствола, высотой не болѣе двухъ сажень. Внутри его можетъ помѣститься шесть человѣкъ. Стволъ далъ отростокъ, который развѣтвился и покрытъ зеленью. Богомольцы вѣрятъ, что дерево это исцѣляетъ зубную боль, и его расхищаютъ; монастырское начальство приняло теперь мѣры къ сохраненію дуба.

Къ любимцу своему подошелъ Никонъ, и едва онъ опустился на скамью, какъ услышалъ въ роцѣ шумъ шаговъ, и темная женская фигура стала приближаться.

— Благослови, владыко,—произнесъ мелодичный женскій голосъ.

Патріархъ вздрогнулъ и вскочилъ съ мѣста.

— Царевна, — воскликнулъ онъ съ удивленіемъ и ужасомъ.

— Не ожидалъ ты меня...

— Не ожидалъ... Но что ты сдѣлала? Кругомъ шиши *)... сыщики... Боже, Боже, что ты сдѣлала!

---

*) Тогда такъ назывались шпионы.

— Не безпокойся, святѣйшій... Сестры мои, Ирина и Анна, скроютъ мой отъѣздъ... а куда я пріѣхала съ мамою Натеею... Она осталась при лошадахъ, въ верстѣ отсюда; а я-то, въ послѣдній разъ какъ была здѣсь съ царицею, обѣгала всѣ тропинки и знаю хорошо всю мѣстность. Ѣдемъ какъ будто бы богомолки въ Колязинъ Макарѣвскій монастырь, никто и не догадается. Да хоша бы и была опасность, такъ Богъ съ ними.

-- Это все Натя сдѣлала... Это святая женщина. Да и ты, царевна, не человекъ ты, а ангелъ съ небесъ. Кабы не ты, не достроилъ бы я и обители и хлѣба бы не имѣлъ. Господь Богъ да благословитъ тебя за твое добро, за твою любовь къ изгнаннику... И за что ко мнѣ такая милость небесъ?

-- Святѣйшій! за твою добродѣтель: за то, что неустанно ты радѣешь о церкви Божьей, о твоей паствѣ и народѣ. Гляди, какъ было при тебѣ: — государство въ могущество и славѣ, а государева казна полна. А теперь воинство разбито, въ плѣну лучшіе воеводы, и два раза мы съ позоромъ собирались бѣжать въ Ярославль... Порядка же никакого,—не знаешь, кто и наистаршой, кто главарь... а казна царская, хоть шаромъ покати... А тутъ собрали соборную думу изъ святителей и бояръ, и она судить и рядить и мірскія, и духовныя дѣла, и, страшно вымолвить, ходять слухи, что за вѣру будутъ каани по уложенію!

— Господи, до чего мы дожили... до чего дожили... А раскольничьи попы чай рады?

— Какъ же имъ-то не торжествовать? Питиримъ и Павелъ имъ льстятъ: нужно-де тебя, Никонъ, низложить, а коли низложить, то возьмутся за нихъ... Повидишь мое слово... Но я вѣдь чего страшусь: коли, да сохранить Господь, братъ Алексѣй умереть, тогда и Милославскіе всѣ захватятъ съ раскольниками государево дѣло, и тогда они назовутъ тебя еретикомъ и сожгутъ въ срубѣ...

Бѣги отъ грѣха, святѣйшій... Бѣги, куда хочешь,—аль въ Кіевъ, аль въ Вильну.

— Да какъ бѣжать-то, царевна?.. А Русь что скажетъ?... И братію какъ оставить и обитель эту... Докончилъ я и храмъ и службу въ немъ ужъ правлю... И зачѣмъ бѣжать?

— Отъ пытокъ, истязаній и лютой смерти... А тамъ, въ Кіевѣ, будешь ты въ почетѣ, въ могуществѣ... да и друзья твои пріѣдутъ туда...

— Да кто же послѣдуетъ за изгнаникомъ, бѣглецомъ?

— Кто? Мама Натя... и... и... и—я...

— Ты, да какъ-же это?

— Убѣгу... убѣгу... и слѣдъ простынетъ... Ни одна застава не задержитъ меня... хоша бы пришлось въ мужской одеждѣ пробираться.

— Царевна, что говоришь ты?.. сестра царя... самодержца... и ты послѣдуешь за бѣднымъ монахомъ... опозореннымъ... прогнаннымъ!

— Не то говоришь ты... Я, царевна, дочь и сестра русскихъ царей, пойду за великимъ подвижникомъ православія, за великимъ святителемъ, за патріархомъ всея Россіи. И что можетъ быть выше сея любви, какъ не положить душу свою за брата... Обмывать я буду твои ноги, какъ омывалъ ты въ Москвѣ странникамъ... Святѣйшій патріархъ, дозволю мнѣ и мамѣ Натѣ слѣдовать за тобою... подобно святымъ женамъ Евангелія мы будемъ служить тебѣ съ любовью.

Никонъ прослезился, обнялъ ея горячую голову и поцѣловалъ ее.

— Права ты, царевна, мнѣ нужно бѣжать отъ грѣха введутъ они и царя, и церковь святую во грѣхъ... Пока Алексѣй живъ, онъ не попуститъ торжеству раскола, но коли онъ, да сохранитъ Господь, умереть,—горе тогда и моимъ послѣдователямъ, и церкви Христовой. Знаю я для чего и хотятъ они ввести за вѣроотступничество и

пытку, и казни, это они готовятъ мнѣ костеръ... срубъ... какъ Иоанну Гусу кесарь. Но вижу я иное... они себѣ готовятъ эти костры. Питиримъ и Павелъ, оба какъ будто родились не здѣсь, а въ Гишпаніи... Меня они отравили, да Богъ помиловаль, а теперь они готовятъ мнѣ срубъ.

— Тебѣ и нужно бѣжать отъ этого грѣха, да не осквернится земля русская позоромъ, а коли ты будешь въ Кіевѣ, такъ ты ихъ поразишь страхомъ. Коли ты будешь тамъ, одно имя твое будетъ приводить ихъ въ трепеть, да и царь тогда пожалѣетъ о Никонѣ... Поѣзжай туда... да поскорѣй. Я съ мамою Натеею тоже проберемся туда... хоша бы и пѣшкомъ... Умоляю тебя... видишь, я на колѣняхъ...

— Ёду... ёду... царевна... встань... Твои святыя рѣчи меня подкрѣпили... Теперь съ яснымъ сердцемъ я туда выѣду... и завтра же ночью; теперь ночи темныя... и за одну ночь Богъ знаетъ куда заѣдешь.

— Такъ ты слово даешь?

— Вотъ тебѣ моя рука... но и ты дай слово.

— Отъ меня слова нечего брать, я тебя найду и на краю свѣта... Лишь бы Господь Богъ даль тебѣ, святѣйшій, уйти отъ враговъ въ Кіевъ.

— Итакъ прощай... Я провожу тебя къ мамѣ Натѣ.

— Не нужно... я сама найду путь... Благослови только меня на прощаніе и не забудь меня грѣшную въ своихъ святыхъ молитвахъ; и я буду служить ежедневно молебны, да охранить тебя въ пути Творецъ всемогущій.

Никонъ проводилъ ее на дорогу и, простившись съ нею, возвратился въ свой скитъ съ веселымъ сердцемъ.

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей,—подумалъ онъ.

XIX.

Бѣгство Никона.

Въ Новомъ Іерусалимѣ творится что-то необычайное. Домашній штатъ Никона и въ Новомъ Іерусалимѣ не великъ: два крестника его — евреи, Аеанасьевъ и Левицкій,

съ женами; другой крестникъ Денисовъ, изъ нѣмцевъ рижскихъ; Трофимъ (слесарь) съ женою; полякъ Ольшевскій и Кузьма, съ которыми онъ жилъ въ Крестномъ и, наконецъ, зять его Евстаеій Глумиловъ.

Послѣдній былъ женатъ на сестрѣ Никона, которую онъ носилъ на рукахъ, когда былъ еще мальчикомъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ не постыдился крестьянина-зятя и приблизилъ его къ себѣ, не давая ему никакого общественнаго назначенія, и онъ управлялъ лишь частными его дѣлами.

Крестники его, Аванасьевъ и Левицкій, завѣдывали работами по монастырю, а Денисовъ былъ пожалованъ въ боярскія дѣти и завѣдывалъ отчетностью монастырскою, какъ человекъ честный и безкорыстный.

Въ этой-то дворнѣ стали къ чему-то готовиться. Всѣ укладывали въ походные тюки свои пожитки и приготавливали походную провизію: хлѣбъ, сушеную рыбу и тому подобное.

Приготовленія эти дѣлались хотя поспѣшно, но въ тайнѣ отъ монастырской братіи.

Вся дворня была встревожена неожиданностью, но явно была довольна походомъ, хотя не знала, куда и зачѣмъ.

Не довольны были только два еврея и слесарь, такъ какъ они имѣли женъ, какъ видно не входившихъ въ походный штатъ, и притомъ, вопросъ о томъ, взять-ли еще евреевъ съ собою, не былъ патріархомъ рѣшенъ.

Евреи, поэтому, шушукались между собою многозначительно.

Ольшевскій сильно хлопоталъ объ укладкѣ патріаршихъ вещей, а кузнецъ не зналъ, какъ и что взять съ собою, такъ какъ распоряженія не было сдѣлано, какой экипажъ пойдетъ въ дорогу.

Патріархъ же заперся съ игуменомъ и строителемъ обители Аарономъ, и вели длинную бесѣду.

Это выводило изъ терпѣнія всю его дворню.

— Альбо то можно,—ворчалъ полякъ:—не говорить, въ чемъ мы поѣдемъ... На легкѣ,—сказалъ онъ. А ризъ то нужно взять... а митру... а посохъ... а крестъ... Надѣя на Бога, насъ будутъ встрѣчать съ крестами и образами... а мы и облачимся и будемъ народъ благословлять.

— Авжежъ, — процѣдилъ сквозь зубы Михайло: — колы мы вѣдимъ въ какой городъ, буде трезвонъ съ колокольни, и монахи вси на встричу, якъ саранча высыплютъ.

— А мнѣ-то что брать?—недоумѣвалъ кузнецъ.

Является вдругъ боярскій сынъ Денисовъ.

— А вотъ что,—говорить онъ:—Патріархъ приказалъ уложить въ тюки одно бѣлье, да кое-какія бумаги... поѣдемъ мы всѣ верхами.

— Какъ, верхами? И патріархъ?—восклицаютъ голоса.

— Да, и патріархъ. Ночью, какъ братія заснетъ, всѣхъ казачьихъ лошадей осѣдлатъ и навьючить, и всѣ — въ путь... Только жидамъ не говорите... слышите?

— Альбо то можно? Патріархъ, да на конѣ.

— Дурень ты,—прерываетъ его Михайло:—чи Христось на осли да не выѣзжавъ?..

— И то правда... и мы вступимъ въ городъ на коняхъ... и то добже,—успокоился полякъ.

Но не утерпѣлъ онъ, забралъ все облаченіе патріарха и, сдѣлавъ огромный тюкъ, объявилъ, что онъ готовъ идти самъ пѣшкомъ, но безъ облаченія-де патріархъ не патріархъ.

Наконецъ насталъ вождѣлѣнный часъ: иноки легли спать и огни потушли.

Зять патріарха Евстаѳій, рослый, красивый мужчина, съ добрыми голубыми глазами, появился въ патріаршемъ отдѣленіи и скомандовалъ: переодѣться всѣмъ въ казачью одежду, хранившуюся у нихъ въ чуланѣ, вооружиться по казачьему, а всѣ изготовленные тюки навьючить на лошадей.

— Поѣдутъ слѣдующіе,—заклучилъ онъ:—патріархъ, я, Ольшевскій, Денисовъ, Кузьма кузнецъ и Михайло.

— А жиды и слесарь?—спросилъ Михайло.

— Пушай адѣсь остаются. Коней у насъ казачьихъ семь: шесть пойдуть подѣ сѣдоковъ, а седьмой—подѣ патриаршій вьюкъ.

— Моя взяла! — крикнулъ радостно Ольшевскій. — Альбо то можно, чтобъ безъ облаченія... надѣя на Бога...

Появился самъ патриархъ: глаза его были заплаканы, но лицо спокойно.

Онъ велѣлъ принести казачью одежду, сбросилъ подрысникъ и рясу, и торопливо переодѣлся. Волосы онъ подобралъ на головѣ, связалъ ихъ и накинулъ на голову казачью большую шапку.

Одежда перемѣнила его видъ: изъ величественнаго святителя онъ преобразовался въ гиганта-казака.

— О це-бы бувъ добрый гетманъ,—процѣдилъ сквозь зубы Михайло.

Когда вся свита была готова и доложили Никону, что и лошади навьючены, онъ опустилсѣ въ своей келіи на колѣни, положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, поцѣловалъ икону Спасителя, висѣвшую въ углу, и твердыми шагами вышелъ.

Лошади, всѣ по одиночкѣ, были выведены изъ монастыря и дожидались за оградою.

Никонъ и приближенные его вскочили на коней и сначала шагомъ отѣхали отъ обители, но вотъ Никонъ перекрестилсѣ, поклонилсѣ святой Воскресенской церкви и помчалсѣ на югъ...

Всѣ послѣдовали за нимъ.

На другой день утромъ Гершко и Мошко, а по крещеніи Аванасьевъ и Левицкій, встали рано и повели между собою бесѣду:

— Заспались всѣ,—сказалъ Гершко.

— Какой тамъ заспались,—усмѣхнулся Мошко:—Они теперь тютю... Проснулся я ночью... вышелъ... вдругъ вижу: самъ патриархъ, какъ разбойникъ, въ казачьемъ:

шабля и пистолеть у пояса... Да и Михайло, и Денись и Микола ляхъ, и кузнецъ,—все, все якъ есть, какъ казаки... и до лясу...

— Ой вей миръ, моя бидная головушка,—завопить Гершко:—Получаль я по десять карбованцевъ въ місяць отъ Стрѣшнева, да десять отъ лекаря Данилова... Данилова... царскаго лекаря... и бувъ я здѣсь за шиша... А тутъ винъ сивъ на коня, да до лясу... Ой! ой! що буду робить.

— А я, Гершко... а я... я бувъ тоже шишомъ... да у химандрита Павла... да у митрополита Пятерыхъ... да у Морозова... Значить двадцать пять карбованцевъ въ тиждень... Що буду робить...

— Бачишь, Гершко, у меня конь и конь добрый... а у тебе возокъ... запряжемъ, и фуръ-фуръ на Москву... Тамъ мы до царскаго лекаря...

— А завтра шабашъ,—прервалъ его Мошко.

— Шабашъ?.. Будемъ съ лекаремъ справлять.

— Якъ, во дворци?..

— Во дворци.. чтожь?.. и Шмилекъ справляе... Винъ хоша Даниловъ, а все же видъ нашихъ... винъ такий православный, якъ мы зъ тобой... Даютъ гроши—и добре... Бачишь, коли-бъ гроши не платили, такъ було-бъ фе!.. А за гроши, такъ я на мечети за мулу, якъ котъ, буду мяукать...

Гершко и Мошко побѣжали стремглавъ на конюшню, запрягли лошадь въ маленькую повозченку и помчались въ Москву.

Ѣхали они весь день съ роздыхами, и когда шабашъ ужъ наступалъ, т. е. когда насталь вечеръ, они вѣхали въ городъ.

Усталая ихъ лошаденка едва передвигала ноги, но они бичевали ее и дотащились до дворца.

Лекарь Пинхусъ Даниловъ, познакомившись съ царемъ во время смоленскаго похода, сдѣлался его при-

дворнымъ врачомъ и жилъ во дворцѣ, гдѣ былъ аптекарскій приказъ.

Пинхусъ Даниловъ былъ честный человекъ и вполне заслуживалъ довѣріе царя, но имѣлъ слабость вмѣшиваться въ политику и, въ борьбѣ бояръ съ Никономъ, онъ сталъ на сторонѣ бояръ. Считая патріарха тираномъ, онъ воображалъ, что служить вѣрную службу царю, если онъ низложитъ его и этимъ выведетъ Алексея Михайловича изъ его желѣзнаго вліянія.

Еврейчики, подѣхавъ къ аптекарскому отдѣлу, остановились у воротъ и оба вошли туда.

Они велѣли о себѣ доложить боярину Данилову.

Аптекарскій служка побѣжалъ съ докладомъ и, нѣсколько минутъ спустя, онъ повелъ ихъ къ кабинету лекаря.

Подойдя къ массивнымъ дверямъ, служка впустилъ ихъ туда.

— Шалемъ-алехомъ *),—встрѣтилъ ихъ хозяинъ въ собольей шапкѣ, не боярской, а жидовской.

— Съ шабашемъ, ребъ,—воскликнули оба.

— Звиткиля?

— Зъ монастыря,—отвѣтилъ Гершко.

— А що тамъ патріархъ?—допрашивалъ лекарь.

— Винъ тютю,—вздохнулъ Мошко.

— Якъ тютю?..

— Тютю,—вздохнулъ Гершко:—утикъ на конѣ... да изъ нимъ вся дворня,—пояснилъ онъ.

— А куда?

— А куда, якъ не до лясу, альбо до Кіева къ казакамъ. Винъ точно якъ гетманъ, при шаблѣ, при пистолетѣ,—заголосоуль Мошко.

— Ой! ой!.. ой!—взялся за голову Даниловъ:—то-то буде гвалтъ... то-то буде гешефтъ... то-то бояре злякаются...

---

*) Миръ съ вами.

Лекаръ схватилъ соболью шапку съ головы и бросилъ ее объ полъ.

— Я до царя... въ погоню за нимъ... Ой, ой, ой, що буде..

Онъ торопливо одѣлся и уходя шепнулъ имъ:

— Шабашъ ужъ здѣсь справляйте... помолитесь, а я тимъ часомъ приду и мы кидишь зробимъ и повечераемъ: рыбу съ перцемъ... гугель и цимесь буде... Да я царю о васъ скажу... вотъ и наградить.

— Будемъ за васъ, ребъ Пинхусъ, Бога молить.

Даниловъ побѣжалъ во дворець съ Постельнаго крыльца. Ему сказали, что царь собирается ужинать. Но онъ велѣлъ доложить, что по очень важному дѣлу.

Царь встревожился,—приходъ къ нему въ необычайный часъ лекаря означалъ что-то не доброе.

— Ужъ не заболѣла-ли царица, аль кто изъ дѣтей, аль царевны-сестрицы,—подумалъ онъ и велѣлъ тотчасъ его ввести къ себѣ.

— Никонъ! Никонъ бѣжалъ, —задыхаясь, произнесъ лекарь.

— Кто тебѣ сказалъ?..—Это ложь, не правда..

— Какъ не правда, ваше величество, пріѣхали изъ монастыря Мош... Гер..., що я кажу, Аванасьевъ и Левицкій, служки патриарха... Кажуть, въ казачьемъ патриархъ...

— Лгутъ они, не вѣрь... Ты вотъ пойдѣ, да прогони ихъ обратно въ монастырь. Выѣхалъ патриархъ по моему указу, да завтра и возвратится... Да накажи имъ: вздоръ не молоть, коли спины цѣлы.

— Якъ же, ваше величество... вони кажуть, что на тойрѣ... на евангеліи присягнутъ, що то правда.

— Я говорю, что лгутъ... и ступай съ Богомъ. Спасибо за добрую службу... да имъ-то не забудь сказать: пуцай не болтають, а ѣдутъ тотчасъ домой, да чтобъ духа ихъ не было на Москвѣ... Слышишь?

— Слушаюсь, ваше величество.

— Да и ты никому не болтай, какъ патриархъ да бѣжалъ? Аль мы его истязали? аль пытали? аль иное дѣлали?.. Теперь ступай..

Царь подаль ему благосклонно руку, тотъ ее поцѣловаль.

— Вей! вей!.. що мы наробыли,—завопилъ Даниловъ, влетая въ свою комнату:—Садитесь на свой визъ, да до дому.

— Якъ-то можно, ребъ? Въ шабашъ?—ужаснулись оба.

— Що-жъ робить? Царь наказаль: пушай-де ѣдутъ тотчасъ до дому.

— Кинь нашъ ничего не йвъ,—заплакаль Мошко.

— Да и мы ничего не йлы..

— Не йлы?.. Вернитесь пишки.. а по дорогѣ, въ кабакѣ, и йсты будете,—успокаиваль ихъ лекарь.—Царь казавъ, щобъ духу вашего не было въ Москви, да щобъ молчали: патриархъ-де по царскому указу уихавъ.

— Ой! вей! що мы наробыли,—заголосили оба.

— Ужъ мы, ребъ Пинхусъ, коня у васъ заставимъ, а мы пишки.. Кимъ, Гершко,—крикнулъ Мошко, поспѣшно схвативъ товарища за руку и уводя его.

— Щобъ тому свѣтлѣйшему не было ни дна, ни покрышки,—ворчалъ послѣдній, уходя.

Ѣдетъ святѣйшій всю ночь проселками, и къ утру они расположились въ лѣсу отдохнуть и покормить лошадей.

Какъ простой казакъ, Никонъ ложится на травѣ подъ деревомъ и сладко засыпаетъ. Съ непривычки верховая ѣзда сильно его разбила.

Спитъ онъ нѣсколько часовъ и, проснувшись, требуетъ поѣсть.

Скудная трапеза кажется ему такою вкусною и онъ насытивъ голодь, творить молитву и велить двинуться въ дальнѣйшій путь.

Въ то время, какъ святѣйшій собирается сѣсть на

коня и поправляетъ свои волосы на головѣ, въ кустахъ два глаза на него глядятъ, и драгунъ, которому они принадлежатъ, произноситъ про себя:

— Онъ, не ошибся...

Воина этого, когда онъ приближался, никто не замѣтилъ изъ свиты Никона,—всѣ отъ усталости спали крѣпкимъ сномъ.

Но едва только тронулся Никонъ со свитою въ путь, какъ слѣдовавшій за ними драгунъ поспѣшилъ черезъ лѣсъ и вышелъ въ поле. Тамъ стояло человѣкъ десять драгуновъ, сильно вооруженныхъ, и одинъ изъ нихъ въ блестящей одеждѣ воеводы.

— Бояринъ, — обратился къ нему драгунъ: — я не ошибся,—это не казаки, а самъ патріархъ и его свита.

— Въ такомъ случаѣ намъ нужно за нимъ слѣдить... Мнѣ кажется, патріархъ заночуетъ гдѣ-нибудь въ избѣ,—тогда мы и заберемъ ихъ сонныхъ...

— Какъ прикажешь, бояринъ.

Отставая отъ патріарха на нѣсколько верстъ, они такъ слѣдили за нимъ весь день.

Къ вечеру, какъ и предсказывалъ начальникъ отряда, Никонъ вынужденъ былъ, для того, чтобы дать отдыхъ и лошадямъ, и людямъ, заѣхать во встрѣтившееся село.

Здѣсь они остановились въ первой же избѣ, куда ихъ впустили. Лошадей развьючили, проводили и дали имъ ѣсть; а люди тоже поѣли и легли отдохнуть.

Патріарху уступлена изба, и онъ расположился тамъ на покой.

Вскорѣ всѣ погрузились въ глубокой сонъ.

Ночью вдругъ просыпается Никонъ:—слышенъ топотъ лошадей, стукъ оружія...

Онъ прислушивается: какой-то голосъ требуетъ, чтобы отворили ворота.

Никонъ поспѣшно выходитъ.

— Да что,—кричитъ полякъ:—альбо то можно... точно кепи... точно разбойники... Имъ говорить, казаки здѣсь...

а онъ „по царскому указу“... Да и мы по указу... проваливай, служивый, коли не хочешь пули въ лобъ... Мы, надѣя на Бога... джелебы не...

— Что за шумъ,—раздался громкій голосъ патриарха.

— По указу государеву, святѣйшій патриархъ,—раздается голосъ за воротами.

— Святѣйшій патриархъ... по указу государеву... измѣна,—произноситъ удивленно Никонъ.

— Прикажи, святѣйшій, и мы искрошимъ ихъ,—раздается голосъ поляка:—Аль мало насъ? Всѣ ляжемъ костями... Джелебы ихъ была сотня, а то десятокъ... Я и самъ пойду... Прочь отъ воротъ...

— Крови не проливать, меча не обнажать! Христосъ сказалъ Петру: „Кто обнажитъ мечъ, тотъ падетъ отъ меча“. Кто ты, дерзающій тревожить мирный сонъ патриарха?...

— Окольникій государевъ, Богданъ Матвѣевъ Хитрово, твой богомолецъ,—по указу царскому.

— Отворишь ворота царскому послу!—величественно произноситъ Никонъ:—Послушаемъ царскій указъ...

Одинъ изъ свиты открываетъ ворота, остальные стоятъ съ пистолетами въ рукахъ.

— Чего хочеть отъ насъ великій государь?—обращается онъ къ спѣшившемуся Хитрово.

— Святѣйшій патриархъ, великій нашъ государь проситъ тебя возвратиться въ свою святую обитель и сказать: отъ чего ради ты бѣжалъ.

— Отъ гнѣва его... Я отряхаю прахъ моихъ ногъ, по святому писанію. И кто можетъ запретить мнѣ ѣхать, куда я хочу? Не рабъ же я?...

— И царь, и царица умоляютъ тебя возвратиться и не оставлять ихъ своимъ благословеніемъ.

— Я всегда молю за нихъ Бога и благословляю ихъ ежечасно; но бѣгу я отъ ярости крамольниковъ-бояръ,—такъ и скажи великому государю... Я удаляюсь въ Киев-

скую лавру... и тамъ кончу дни свои, какъ и многіе иные подвижники.

— Не могу, святѣйшій патріархъ, безъ тебя возвратиться,—или поѣзжай мирно назадъ, или я долженъ употребить силу?..

— Силу?... противъ патріарха... силу противъ святителя... И держитъ тебя земля надъ собою?... Достоинъ ты смерти...

— Чтожъ?... вели казнить, святѣйшій... я безъ оружія... вотъ и мечъ... А все безъ тебя не уѣду...

Онъ бросилъ мечъ и пистолетъ въ сторону.

— Прости.. ты рабъ... слуга... исполняешь приказъ самодержца... повелителя. . Бери свой мечъ... бери оружіе... я послѣдую за тобою... Но ты скажи ему: коль я-бъ хотѣлъ, такъ и тебя, и твоихъ воиновъ не стало бы въ минуту единую... Вся Русь пойдетъ за мною, какъ одинъ человѣкъ... Эй! люди... тревогу... Пущай православные христіане увидятъ своего патріарха... патріарха Никона... Николай!— облаченіе... крестъ... Я облачусь, а крестъ и икона,—мое оружіе противъ враговъ моихъ.

Свита его стрѣляетъ въ воздухъ, огромное село въ нѣсколько минутъ является къ избѣ и, узнавъ, что патріархъ пріѣхалъ, приходитъ въ релігіозный восторгъ.

Никонъ переодѣвается и выходитъ во всеѣмъ облаченіи.

Многочотенная толпа падаетъ на колѣни, плачетъ, лобызаетъ его руки, ноги, одежду.

Никонъ говоритъ съ народомъ со слезами на глазахъ, учитъ его вѣрѣ и любви...

Разсвѣтаетъ. Онъ сбрасываетъ облаченіе, надѣваетъ патріаршую свою одежду, велитъ достать простой возъ, и сопровождаемый народомъ, своею свитою и драгунами съ Хитрово, возвращается въ „Новый Іерусалимъ“.

Народъ провожаетъ его до другого села. По всей дорогѣ, узнавъ о его шествіи, изъ селъ выходитъ къ нему и духовенство, и крестьяне, съ иконами и хоругвями...

У воротъ обители окольничій Хитрово спрашиваетъ его:

— А царю что передать, святѣйшій?..

— И мое благословеніе, и мою любовь... Пуцай не гнѣвается и помнитъ: гласъ народа—гласъ Божій..

XX.

Земская смута въ Москвѣ.

Патріархъ Никонъ не даромъ разошелся въ первый разъ съ царемъ по вопросу о мѣдныхъ рубляхъ, выпущенныхъ еще въ 1656 году.

Въ послѣдующіе два года, пока дѣла наши въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи шли хорошо, эти рубли ходили какъ серебряные: но неудачный походъ нашъ подъ Ригу, гибель нашей кавалеріи подъ Конотопомъ, катастрофа чудновская и пораженіе Хованскаго сразу понизили цѣнность этого рубля.

Сдѣлалась страшная дороговизна. Указы, запрещающіе поднимать цѣны на необходимые предметы потребленія, не дѣйствовали, и люди стали умирать съ голоду.

Главное зло въ этомъ случаѣ было то, что явилось много поддѣльной монеты, и рубли эти въ Малороссіи и Бѣлороссіи до того потеряли цѣну, что ихъ перестали совсѣмъ принимать.

Поддѣлки же шли не только извнѣ, но и у себя дома.

Хватали и пытали людей, и получался одинъ отвѣтъ:

— Мы сами-де воровскихъ денегъ не дѣлаемъ, беремъ у другихъ не знаячи.

Между тѣмъ серебрянники, котельники, оловяшники, жившіе прежде не богато, внезапно построили себѣ деревянные и каменные дома, стали сами носить богатую одежду и подѣлали женамъ платья по боярскому обы-

чаю, обстановку домашнюю дѣлали богатую, не жалѣя денегъ; а сынки ихъ сновали по Москвѣ въ дорогихъ саняхъ и телѣжкахъ, на лихацкихъ лошадяхъ, или бахматахъ, какъ ихъ тогда называли.

Причины такого быстрого обогащенія вскорѣ обнаружались, когда при обыскахъ у нихъ отыскивали и мѣдь, и формы, и инструменты для отливки монеты и чеканы.

Преступниковъ казнили смертью, или отсѣкали у нихъ руки и прибавали къ ихъ домамъ, а дома отбирали въ казну.

Если бы такъ было поступлено съ однимъ или съ другимъ, то было бы тоже страшно; а то, въ короткое время, отрубили по всему государству семь тысячъ головъ и пятнадцать тысячъ рукъ...

Изъ такого большаго числа не безъ того, чтобы не было много невинныхъ.

Ужасъ и негодованіе овладѣли и Москвою, и областями, тѣмъ болѣе, что слухи носились, что богатые откупались отъ бѣды, давая большія взятки царскому тестю, Ильѣ Даниловичу Милославскому, и царскому дядѣ по матери, Матюшкину. Въ другихъ городахъ преступники откупались, давая взятки воеводамъ и приказнымъ людямъ.

Для разсмотрѣнія приѣма и расхода мѣди и денегъ на денежныхъ дворахъ приставлены были лучшіе московскіе головы и цѣловальники,—изъ гостей и торговыхъ людей, и, казалось, люди они честные и достаточные; но и они оказались ворами: покупали мѣдь въ Москвѣ и Швеціи, привозили тайно на денежные дворы и, вмѣстѣ съ царскою мѣдью, приказывали изъ нея дѣлать рубли и отвозили ихъ къ себѣ домой.

Стрѣльцы, занимавшіе въ монетномъ дворѣ караулъ, донесли объ этомъ своему головѣ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву; мастера монетнаго двора заявили объ этомъ тоже въ приказѣ тайныхъ дѣлъ.

Царь разсердился и велѣлъ произвести слѣдствіе, и, къ ужасу его, виновные подъ пыткой показали, что Матюшкинъ и Милославскіе были съ ними заодно.

Царь велѣлъ отставить отъ должностей обоихъ: и дядю, и тестя.

Москва, однакъжъ, не была этимъ довольна: семь тысячъ головъ, варварски у обыкновенныхъ смертныхъ отрубленныхъ, требовали болѣе строгихъ мѣръ и противъ царскихъ родственниковъ, — тѣмъ болѣе, что Москвичи помнили, что Морозовъ и Милославскій избѣгли кары народной и въ 1648 году.

Раздавался всюду глухой ропоть, и послѣ Свѣтлага Воскресенія, въ 1662 году, пошли слухи, что будетъ-де въ Москвѣ гиль, что народъ собирается на Илью Милославскаго, на гостя Шорина и на Кадашевца, — дѣлателей фальшивыхъ монетъ.

Говорилось это не тайно, а громко, и бояре не принимали никакихъ мѣръ, какъ будто это не касалось ихъ. Нужно въ этомъ случаѣ полагать, что съ паденіемъ у царя, въ это время, авторитета Милославскаго, вѣроятно, партія Хитрово и радовалась, что Милославскіе погибнутъ.

Онъ и Матвѣевъ увезли, поэтому, Алексѣя Михайловича въ Коломенскій дворецъ и въ самомъ селѣ расположили сильный стрѣлецкій отрядъ, оставивъ Москву на произволь судьбы.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля въ Москвѣ пошли слухи, что изъ Польши кто-то привезъ печатные листы, въ которыхъ говорится, что самъ Ртищевъ затѣялъ мѣдные рубли, да и самъ фабрикуетъ ихъ...

Поговорили, поговорили, тѣмъ и кончилось.

25 іюля, утромъ, на Срѣтенкѣ, у земской избы, собрались мірскіе люди потолковать о новомъ налогѣ правительства по пятинной деньгѣ.

Многіе изъ торговыхъ и промышленныхъ людей жаловались міру на бѣдственное положеніе народа, какъ

въ это время проходить отъ Никольскихъ воротъ по Срѣтенкѣ нѣсколько человекъ и кричать:

— На Лубянкѣ у столба письмо приклеено...

Вся толпа мірскихъ людей, съ головами и сотскими, брасилась поглядѣть, что за письмо на столбѣ.

Къ столбу приклеена была бумажка, и на ней написано:

„Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ“...

О письмѣ этомъ срѣтенскій сотскій Григорьевъ далъ знать въ земскій приказъ, и оттуда прискакали на Лубянку дворянинъ Ларіоновъ и дьякъ Башмаковъ: они сорвали письмо.

Толпа пришла въ негодованіе и зашумѣла:

— Вы везете письмо изменникамъ!

— Письмо надобно всему міру!

— Государя на Москвѣ нѣтути!

— Православные христіане, — точно колоколь загремѣлъ стрѣлецъ Ногаевъ: — постоитъ всѣмъ міромъ; дворянинъ и дьякъ отвезутъ письмо къ Милославскому, и тамъ это дѣло такъ и изойдетъ...

Міръ бросается догонять Ларіонова и Башмакова; нагнали ихъ, Ларіонова лошадь схватили и за уздцы, и за ноги, и кричали сотскому Григорьеву:

— Возьми у него письмо, а не возмешь, такъ побьемъ тебя каменьями.

Григорьевъ вырвалъ письмо у Ларіонова, и толпа, съ торжествомъ, двинулась назадъ на Лубянку къ церкви преподобнаго Ѳеодосія.

Стрѣлецъ Ногаевъ тащилъ Григорьева за воротъ, другіе подталкивали его.

У церкви Ногаевъ влѣзъ на лавку и прочиталъ вслухъ письмо, при чемъ крикнулъ, что надобно за это всѣмъ стоять.

Съ Лубянки народъ пошелъ къ земскому двору;

тутъ поставили скамью и требовали, чтобы Григорьевъ влѣзъ на нее и читаль, но тотъ отказался. Тогда Ногаевъ опять прочиталь народу письмо съ одной стороны; но другой стороны не могъ онъ разобрать, и народъ заставиль прочитать письмо какому-то подошедшему въ это время подъячему.

Григорьевъ эту сумятицею воспользовался и улизнулъ, приказавъ своему десятскому Лучкѣ Жидкому не выдавать толпѣ письма.

Десятскій хотѣлъ было отнять отъ нихъ письмо, но толпа раздѣлилась на двѣ части: одна бросилась для расправы съ Шоринымъ, другая двинулась въ Коломенское село, къ царю.

Ничего не зная, что натворили бояре въ Москвѣ казнокрадствомъ, рубленіемъ рукъ и головъ, тишайшій наслаждался въ Коломенскомъ селѣ благораствореннымъ воздухомъ, псовою и соколиною охотою, а въ этотъ день онъ, къ всему этому, праздноваль еще день рожденія шестой царевны Θεодосіи.

Дворецъ не былъ еще въ это время перестроенъ и не былъ еще тѣмъ „восьмымъ чудомъ свѣта“, какъ назваль его въ стихахъ своихъ, поднесенныхъ царю, пѣта борзый Симеонъ Полоцкій. Передѣлка его началась четыре года спустя послѣ низложенія Никона; но тѣмъ не менѣе дворецъ былъ великъ и грандіозенъ, въ чисто русскомъ стилѣ, и не былъ еще особенно старъ, такъ какъ двадцать два года передъ тѣмъ пересооруженъ царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ. Село это лежало всего въ 7 верстахъ отъ Москвы, на берегу Москвырѣки, и утопало въ зелени фруктовыхъ садовъ и рощъ. Цари любили здѣсь проводить лѣто, тѣмъ болѣе, что можно было заниматься и псовою, и соколиною охотою. Алексѣй Михайловичъ особенно любиль это село, и, удаляясь сюда, онъ забываль тяжелыя заботы, интриги и дразги...

И теперь онъ былъ въ духѣ. На крестины съѣхались не только родственники, но и другіе бояре; даже тестъ Илья Даниловичъ, несмотря на опалу, былъ приглашенъ на праздникъ. Царь былъ въ придворной церкви у обѣдни и, стоя у окна, усердно молился. Выглянувъ нечаянно въ окно, онъ удивился: народъ большою массою шелъ во дворцовый дворъ; всѣ были безъ шапокъ, но громко шумѣли, и въ церковь долетали имена Ртищева и Милославскаго. Царь догадался, въ чемъ дѣло, и стоявшимъ за нимъ боярамъ этимъ онъ приказалъ тотчасъ удалиться въ покои царицы и тамъ спрятаться, — такъ какъ теремъ считался для народа неприкосновенною святынею.

Царица, больная отъ родовъ, лежала въ постели какъ вдругъ докладываютъ, что царь прислалъ ея отца и Ртищева, чтобы она ихъ спрятала у себя.

Тогда всѣ боярскіе и царскіе хоромы строились затѣйливо, со сложною системою корридоровъ, потайныхъ кабинетовъ и чуланчиковъ, и царица велѣла туда спрятать отца и Ртищева.

Но сама испугалась сильно; а весь теремъ заголосилъ, завылъ, забѣгалъ, — точно боярынь рѣжутъ и жгутъ.

Между тѣмъ шумъ народа, ворвавшася въ дворцовый дворъ, становился все грознѣе и грознѣе, и толпы, приблизясь къ крыльцу, требовали царя.

— Идемте къ народу, нечего дѣлать... Не дослушаю и обѣдни, — произнесъ хладнокровно Алексѣй Михайловичъ и двинулся впередъ изъ церкви.

Бояре и родственники пошли за нимъ. Всѣ были безъ оружія, такъ какъ, по обычаю, въ церковь съ оружіемъ никто не смѣлъ входить.

Государь вышелъ на крыльцо.

Впереди всѣхъ стоялъ Лучко Жидкій и держалъ въ шапкѣ письмо.

Нижегородецъ Мартынь Жедринскій, стоявшій адѣсь, взявъ это письмо и поднесъ царю:

— Изволь, великій государь, вычестъ письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ привести передъ себя...

— Ступайте домой, — спокойно произнесъ Алексѣй Михайловичъ: — а я, какъ только отойдетъ обѣдня, поѣду въ Москву и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ.

Гилевщики схватили его за платье и за пуговицы, и раздались голоса:

— Чему вѣрить?..

— Дай клятву...

Алексѣй Михайловичъ улыбнулся и произнесъ:

— Клянусь Богомъ и даю вамъ въ томъ руку...

Стоявшій вблизи его гилевщикъ перебилъ съ нимъ руку.

— Таперь по домамъ! Съ Богомъ, — крикнулъ народъ, весело бросившись въ обратный путь.

Едва народъ разбрелся, какъ государь послалъ въ Москву храбраго князя Хованскаго водворить тамъ порядокъ, а самъ сѣлъ обѣдать, чтобы, послѣ трапезы, съ боярами и стрѣльцами ѣхать въ Москву.

Въ Москвѣ въ это время гилевщики, направившіеся къ дому купца Шорина, ворвались въ хоромы и разграбили ихъ.

Хозяина самого они не нашли, — онъ успѣлъ уйти въ Кремль и спрятался въ домѣ боярина князя Черкаскаго, любимца Москвы.

Захватили они, однакожъ, пятнадцатилѣтняго сына Шорина, пригрозили ему показывать, что его отецъ-де бѣжалъ въ Польшу съ боярскими грамотами. Между тѣмъ толпа все болѣе и болѣе росла: день былъ хорошій, не рабочій по случаю рожденія царевны, и народу высыпало къ дому Шорина видимо-невидимо. И вотъ, когда эта многочисленная толпа собиралась двинуться въ с. Коломенское, не столько ради мятежа, какъ поглядѣть, въ праздникъ, на своего батюшку-царя, да подышать въ селеніи свѣжимъ воздухомъ, — появился князь Хованскій.

Онъ обратился къ гилевщикамъ и уговаривалъ ихъ разойтись, объявляя, что государь, какъ только пообѣдаетъ, двинется въ Москву творить судъ надъ преступниками.

Въ отвѣтъ ему изъ толпы закричали:

— Ты, бояринъ, человекъ добрый, и службы твоей къ царю противъ польскаго короля много. Намъ до тебя дѣла нѣтъ, но пусть царь выдастъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ мы просимъ.

Хованскій поскакалъ обратно въ Коломенское село, и вслѣдъ за нимъ двинулся народъ.

Гилевщиковъ было не болѣе двухсотъ человекъ, и то они не имѣли оружія, — у нѣкоторыхъ виднѣлись только палки въ рукахъ; остальная почти десятитысячная масса состояла изъ лицъ разнаго сословія и званія: были даже дѣти и женщины.

Все это двигалось, въ видѣ прогулки, поглазѣть, полюбопытствовать.

По дорогѣ гилевщики встрѣтили возвращавшихся въ обратную товарищей, которыхъ царь успокоилъ, но толпа увлекала ихъ назадъ. Потомъ они встрѣтили царскаго дядю, Семена Лукича Стрѣшнева; тотъ выѣхалъ отъ имени царя упросить народъ возвратиться въ Москву. Стрѣшневъ слишкомъ высокомерно заговорилъ съ толпою, и та погналась за нимъ съ палками, такъ что, чтобы спастись, Стрѣшневъ долженъ былъ вскочить съ аргамакомъ своимъ въ Москву-рѣку и переплыть съ нимъ на другой берегъ. Это только и спасло его.

Послѣ того гилевщики продолжали путь.

Узнавъ о приближеніи народа, царь собралъ стрѣльцовъ и бояръ на площади передъ дворомъ своихъ палатъ; ему ужъ подвели было коня, и онъ хотѣлъ было сѣсть на него, чтобы двинуться на встрѣчу народу, какъ появились гилевщики, и впереди ихъ сынъ Шорина.

Мальчикъ прокричалъ громко: что отецъ его-де уѣхалъ въ Польшу съ боярскими грамотами.

Едва Шоринъ кончилъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались неистовые крики:

— Выдай измѣнниковъ...

— Я, — кротко произнесъ Алексѣй Михайловичъ: — государь, и мое дѣло сыскать и наказаніе учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домамъ. Дѣло такъ не оставлю, въ томъ жена и дѣти мои порука.

— Не дай намъ погибнуть напрасно.

— Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, такъ мы станемъ брать ихъ у тебя сами по своему обычаю!.. — раздались голоса.

Здѣсь нужно было небольшую толпу гилевщиковъ, рѣзко отдѣлявшихся отъ народа, окружить и забрать или перебить; но кто-то вдругъ крикнулъ:

— Бей ихъ!..

Войска съ боярами бросились на толпу, рубили и кололи на лѣво и на право.

Въ ужасъ безоружный народъ бросился въ разсыпную: многіе хотѣли спастись, переплывая Москву-рѣку, но тамъ утонули...

Утонуло сто человѣкъ; изувѣчено, изрублено на смерть и тому подобное болѣе семи тысячъ.

Это была, въ полномъ смыслѣ слова, бойня людей, гдѣ не разбирали ни пола, ни возраста, ни лицъ.

Нѣсколько часовъ продолжалось это позорное дѣло. Оставшіеся въ живыхъ и попавшіе въ руки стрѣльцовъ отвезены въ монастырь, къ Николѣ на Угрѣшу. Слѣдствіемъ суда было вѣшаніе, рѣзаніе рукъ, ногъ, языковъ и ссылка въ дальніе города.

Царица послѣ этого ужаснаго дѣла заболѣла и пролежала весь годъ, такъ что опасались даже за ея жизнь.

Москва долго послѣ этого погрома не могла оправиться и прійти въ себя: кто не досчитывался мужа, кто брата, кто сына, кто отца; даже много женщинъ и дѣтей погибло безслѣдно.

Когда вѣсть дошла къ Никону, онъ нѣсколько не-

дѣль постился, плакалъ; сокрушался и служилъ панихиды по убитымъ и казненнымъ страдальцамъ.

Послѣднее доходило до Москвы, и еще пуще враги его озлоблялись и готовили ему разныя козни.

XXI.

Боярскія козни.

Родионъ Стрѣшневъ сидѣлъ въ Путивлѣ и ждалъ проѣзда Никона, чтобы его арестовать; но вскорѣ получилъ отъ Хитрово гонца, что патріархъ ужь остановленъ и возвращенъ въ монастырь и что въ Москвѣ земская смута.

Получивъ это извѣщеніе, онъ тотчасъ вернулся въ Москву, и въ тотъ же день у него собрались: крутицкіи митрополитъ Павелъ, Семень Лукичъ Стрѣшневъ, Паисій, Алмазъ и Хитрово.

Хитрово рассказалъ, какъ онъ арестовалъ Никона, и что царь велѣлъ его отъѣзду держать въ тайнѣ.

— Изъ Воскресенскаго монастыря,—закончилъ онъ:— дали было знать царю черезъ лекаря Данилова, что патріархъ бѣжалъ; но въ это время онъ получилъ отъ меня гонца съ извѣщеніемъ, что я на патріаршемъ слѣду и что онъ не уйдетъ отъ меня. Царь и прогналъ Данилова, наказавъ ему не болтать о патріаршемъ бѣгствѣ...

— Что же царь думаетъ дѣлать съ нимъ?—спросилъ Семень Лукичъ:—и притомъ, какъ это совпадаетъ земская смута и бѣгство Никона!

— Бойтся судить Никона... да и соборъ бойтся созвать царь, въ особенности послѣ земской смуты.

— Напрасно,—воскликнулъ Паисій:—Пушай меня просить, и я дамъ отвѣты письменные, какъ патріаршій посоль.

— Алмазъ, напиши вопросы,—обратился Семень Лу-

кичь къ думному дьяку:—а я скрѣплю ихъ, какъ думный бояринъ.

Алмазь написалъ обвинительный актъ противъ Никона, состоявшій изъ нестоящихъ вниманія мелочей, и заключилъ вопросами:

— „Можетъ-ли царь созвать соборъ на Никона, или надобно повелѣніе патриаршеское“?

— Царь можетъ созвать соборъ по примѣру римскихъ кесарей,—отвѣтилъ Паисій.

— Соборъ, созванный царемъ, Никонъ почелъ за ничто и назвалъ сонмищемъ жидовскимъ?

— Его надобно какъ еретика проклинать!—возмутился Паисій.

— Можно-ли составамъ судить главу своего, начальника?

— Всѣ священники, какъ преемники апостоловъ, имѣютъ власть вязать и рѣшать,—польстилъ бѣлому духовенству Паисій, рассчитывая, что этимъ склонить ихъ на соборъ на свою сторону,—въ особенности, какъ пригласить на соборъ раскольничьихъ поповъ.

— Нарекся Никонъ великимъ государемъ по указу царскому?

— Согрѣшилъ Никонъ, принявъ такой высочайшій титулъ,—смирненно произнесъ Паисій.

— Подобало-ли Никону убѣгать страха ради?

— Кто творить добрыя дѣла, никогда не боится,—поднялъ набожно глаза къ небу Паисій.

— Согрѣшаетъ-ли царь, что оставляетъ во вдовствѣ церковь Божию?

— Если онъ это дѣлаетъ для достойныхъ причинъ, не имѣетъ смертнаго грѣха; однако не свободенъ отъ меньшаго грѣха, потому что многіе соблазняются и думаютъ, что онъ это дѣлаетъ по нерадѣнію,—дипломатически выставилъ Паисій грѣховность царя за то, что онъ не утверждаетъ постановленія собора русскихъ святителей.

— Архіереи и бояре, которые не бьютъ челомъ и не приводятъ царя къ тому, чтобъ далъ по этому дѣлу рѣшительный указъ, грѣшать-ли?

— И очень грѣшать!—воскликнулъ Паисій, зная, что этотъ отвѣтъ дастъ боярамъ сильное оружіе противъ Никона.

— Никонъ прокликаетъ: важно-ли его проклятіе?

— Клятва, подобно молніи, сожжетъ виновнаго; если же произнесена не по достоинству, то падаетъ на того, кто произнесъ ее, — авторитетно произнесъ Паисій для успокоенія царя, боявшагося проклятія Никона.

Были ему предложены еще нѣсколько несущественныхъ вопросовъ, и между прочимъ о томъ, что Никонъ, будто бы, называетъ царя мучителемъ, обидчикомъ и хищникомъ. Тоже спрошенъ онъ о проклятїи, произнесенномъ патріархомъ надъ Стрѣшневымъ.

На первый вопросъ Паисій отвѣчалъ: „Если онъ духовнаго чина, то да извержется“. На второй онъ далъ чисто греческій отвѣтъ: „Еслибъ мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, чтобъ причастилась; такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе; шутить святыми дѣлами не подобаетъ, но въ малыхъ дѣлахъ не достойно проклятіе, потому что считаютъ его за ничто“.

Актъ этотъ, подписанный Паисіемъ, Хитрово взялъ съ собою для доклада царю. Алексѣй Михайловичъ, прочитавъ его нѣсколько разъ, сказалъ:

— Одно-ли усердіе ваше и митрополита Паисія вызвали вопросы и отвѣты? Вы хотите увѣрить меня, что могу утвердить соборное постановленіе о Никонѣ; но вы въ заблужденїи,—безъ вселенскаго собора я не въ правѣ этого сдѣлать. Но намъ нужно еще выслушать святѣйшаго Никона. Отослать къ нему эту сказку, — пущай дастъ письменный отвѣтъ.

Хитрово не ждалъ подобной развязки.

— Великій государь, — воскликнулъ онъ: — да ты и безъ него можешь учинить вселенскій соборъ...

— Безъ его отвѣта я и собора не созову. По васъ его проклятіе ничего, а я его проклятій не хочу, и избави меня Богъ отъ этого несчастія. Не даетъ проклятіе патріарха блага на землѣ, а у меня дѣти имѣются... Дѣлай, что я приказываю, а коли дастъ отвѣтъ, тогда поглядимъ.

Отослали этотъ актъ къ патріарху, и тотъ исписалъ отвѣтами цѣлую тетрадь, въ которой онъ особенно напалъ на присвоеніе себѣ царемъ многихъ патріаршихъ правъ.

Отвѣты Никона сильно разсердили царя, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдили его, что Никонъ дѣлаеть его самого подсудимымъ, а потому здѣсь нельзя обойтись иначе какъ созвать вселенскій соборъ... Но и на это онъ не охотно рѣшался и медлилъ распоряженіемъ.

Извѣщенный объ этомъ къ-мъ-то, Никонъ къ рождественскому празднику послалъ въ Москву игумена Новаго Іерусалима Герасима и строителя Аарона для славленія у царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ они привезли и письмо патріарха къ царю.

Письмо было въ примирительномъ духѣ.

Ааронъ явился къ царскому духовнику протопопу Лукьяну.

Тотъ принялъ его хорошо, обѣщался передать письмо царю и сказалъ:

— Царское величество говоритъ мнѣ, что пятый годъ не можетъ дождаться патріарха...

Объ этомъ Ааронъ тотчасъ увѣдомилъ съ нарочнымъ Никона, чтобы онъ выѣхалъ въ Чернево, и ждалъ дальнѣйшихъ его извѣщеній.

Патріархъ отправилъ вслѣдствіе этого посохъ митр. Петра царю, а 27 декабря явился Ааронъ вновь къ духовнику царскому и объявилъ, что патріархъ находится ужъ въ Черневѣ, просилъ доложить государю, чтобы позволилъ приѣхать въ Москву патріарху помолиться Пресвятой Богородицѣ и гдѣ царское величество ве-

лить очи свои видѣть. На это царь съ окольнічимъ, 28 декабря, отвѣтилъ: „Для мірской многой молвы ѣхать тебѣ теперь въ Москву непристойно: въ народѣ теперь молва многая о разности въ церковной службѣ и печатныхъ книгахъ“.

Этотъ отвѣтъ напоминаетъ науськиваніе раскольниковъ. И неудивительно. Слухъ о пріѣздѣ его произвелъ переполохъ въ Москвѣ. Враги его, т. е. раскольники и боярство, испугались и пустили въ ходъ все, что только возможно, чтобы государь не принялъ его и сдѣлалъ бы въ отношеніи его рѣшительный шагъ. Нѣсколько дней спустя, въ концѣ декабря, собралась у царя соборная дума, т. е. и духовенство, и бояре, и упросили покончить чѣмъ-нибудь съ Никономъ, и рѣшено было: послать грека Мелетія съ грамотами къ восточнымъ патріархамъ, пригласить ихъ въ Москву для суда надъ Никономъ.

Рѣшеніе собора держали въ секретѣ. Между тѣмъ, получивъ отказъ на пріѣздъ въ Москву, патріархъ выѣхалъ обратно въ свой монастырь и написалъ царю:

„Писалъ я къ тебѣ, великому государю, второе мое писаніе и прошеніе, чтобы мнѣ помолиться Пресвятой Богородицѣ и святому образу ея поклониться, и пресвѣтлое лицо твое, великаго государя, видѣть и престолу славы царствія поклониться, — въ томъ погрѣшилъ, безмѣстно и непрощенно согрѣшилъ предъ тобою, великимъ государемъ. Знаю, что есть такіе люди, какъ мытари и лихоимцы, которые хотятъ видѣть тебя; одинъ только я, болѣе всѣхъ грѣшнѣйшій предъ тобою, не достоинъ тебя видѣть... Молю тебя, великій государь, если въ чемъ согрѣшилъ беззаконно, отъ всего сердца твоего оставь, Господа ради, да Господь Богъ оставитъ и твои согрѣшенія... Болѣе всего не могу къ милости тебя, великій государь, умолить, если симъ не умолишься“.

Письмо это оскорбило всѣхъ бояръ: онъ называлъ ихъ

мытарями и лихоимцами... Царь, однакожь, водержался посылкою Мелетія къ патріархамъ восточнымъ.

Это выводило изъ терпѣнія его враговъ, и вотъ, 7 іюня 1663 года, Паисій, по наущенію бояръ, написалъ царю: „Если Никонъ виновать, то пусть извержется по опредѣленію собора; если невиненъ, то пусть возвратится на престоль свой, лишь бы только кончилось какъ-нибудь это дѣло, потому что Московія стала позорищемъ для всей вселенной, гдѣ народы ждутъ конца этой трагикомедіи. Носится слухъ, что Никонъ бѣжалъ. спасаясь отъ умысла на свою жизнь; этотъ слухъ пятнитъ священное величество ваше, безславить сенать и народъ московскій“.

Паисій заключаетъ письмо совѣтомъ отдать дѣло на судъ константинопольскаго патріарха.

Но письмо это не склонило царя къ рѣшительному шагу.

Тогда бояре собрались у Стрѣшнева, чтобы обсудить, что дѣлать.

Судили, рядили и не пришли ни къ какому заключенію. Вдругъ появляется къ нимъ бояринъ Боборыкинъ. Блѣдный и разстроенный, онъ опускается на топчанъ и говоритъ:

— Наконецъ-то и я доигрался съ Никономъ... Онъ меня... про... проклялъ.

— Какъ такъ, и за что? — восклицаетъ нѣсколько голосовъ.

— Да все за рожъ, которую сжали монастырскіе крестьяне!.. Пошелъ со мною святѣйшій на мировую... Я поставилъ ему шестьсотъ четвертей хлѣба въ счетъ, а тотъ насчитываетъ сто шестьдесятъ семь... Прочиталъ сдѣлку, подписанную мною, разсердился, разорвалъ ее и воскликнулъ: „На ложное твое челобитье денегъ не напастись, и не откупиться и всѣмъ монастыремъ“... Потомъ онъ, 26 іюня, на литургіи, послѣ заамвонной мо-

литвы, послѣ молебна, читаль царскую грамоту и произнесъ проклятіе...

— И слышали люди твое имя?

— Не слышали...

— Такъ ты правъ. Государево-де дѣло, значить онъ царя и семейство его проклиналъ, — воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Я тотчасъ ѣду къ царю, — крикнулъ Хитрово: — и доложу... Царя проклинять... да вѣдь такого примѣра въ цѣломъ мірѣ не было... Да его четвертовать мало.

— Колесовать... языкъ вырвать... сжечь... доложить царю! — раздались голоса.

Хитрово побѣжалъ къ государю.

Онъ не засталъ царя, тотъ находился въ это время въ теремѣ царицы, гдѣ онъ любовался сыномъ Феодоромъ, у котораго въ это время рѣзались зубы. Анна Петровна Хитрово, какъ няня Феодора, показывала ему дитя, хвасталась его умомъ, хотя ему едва было годъ, и заставляла его показывать свои зубы. Счастливымъ родителемъ, жаждавшимъ такъ втораго сына, сидѣлъ радостенъ и его тѣшило, когда сынокъ схватитъ его за его прелестную русую бороду и теребить.

— Да только ты, пострѣленокъ, потише, — говорить добродушно Алексѣй Михайловичъ, распутывая пальчики младенца изъ своей бороды: — а то, пожалуй, пока вырастешь да поумнѣешь, я-то и безъ бороды буду.

Въ это время одна изъ стольницъ доложила ему, что Хитрово проситъ царя въ его комнату, такъ какъ у него-де важное дѣло.

Съ неудовольствіемъ, что прервали его семейное счастье, Алексѣй Михайловичъ отправился въ свой кабинетъ.

Хитрово, въ ожиданіи царя, стоялъ у окна; онъ былъ блѣденъ и встревоженъ.

„Каково-то царь приметъ принесенное имъ извѣстіе?“ — думалъ онъ, и сердце невольно у него трепетало.

— Потревожилъ ты меня, Богданъ, не въ пору, — сказалъ онъ: — Я любовался сынишкомъ Ѳедоромъ... Молодецъ будетъ, коли выростетъ.

— Дай-то Господь Богъ... Моя тетушка Анна Петровна ужъ какъ радѣеть объ немъ... ужъ какъ радѣеть... Одно лишь... кабы...

— Что хочешь сказать?..

— Чтобы часомъ какого ни на есть наговора, — произнесъ Хитрово, какъ бы не хотя.

— Аль ты что знаешь?.. Аль что случилось? — испугался царь.

— Да, великій государь, оповѣстить тебя пришелъ... Бояринъ Боборыкинъ супротивъ патріарха Никона... да съ государевымъ дѣломъ...

— Супротивъ Никона?.. Говори, не мучь...

Хитрово разсказалъ, какъ 26 іюля патріархъ вынесъ въ церковь царскую жалованную грамоту монастыря, читалъ то мѣсто, гдѣ говорится о пожалованіи обители вотчины Боборыкина, и какъ потомъ онъ будто проклялъ царя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да будутъ дни его малы, да будутъ сынове его сиры и жена его вдова“.

— Какъ, — воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ, поблѣднѣвъ: — правда ли?.. Не могу вѣрить, и за что такая кара? И не только мнѣ, но и моимъ дѣтямъ, и моему двору. Боже мой! Боже мой!.. Доподлинно сыскать.. собрать соборъ думный! Да сейчасъ же...

Хитрово поторопился исполнить его волю: собрался соборъ святителей и бояръ въ Золотой палатѣ.

Вышелъ къ собору государь, сильно встревоженный и передалъ ему о случившемся. Онъ со слезами, задыхающимся голосомъ, сказалъ:

— Пуцай я грѣшенъ; но чѣмъ согрѣшили дѣти мои, царица и весь дворъ? Зачѣмъ надъ ними произносить клятву истребленія *).

---

*) Слова историческія.

Соборъ пришелъ въ негодованіе, а присутствовавшій здѣсь же Паисій увѣрялъ царя, что такая клятва или проклятіе не имѣеть силы и значенія.

Религіозный царь, однакожь, не повѣрилъ этому, и велѣно произвести слѣдствіе, на которое назначили: Паисія, архіепископа Іоасафа и архимандрита Богоявленскаго монастыря; а изъ свѣтскихъ: князя Одоевскаго, Родіона Стрѣшнева и Алмаза,—словомъ, всѣхъ враговъ Никона.

Всѣ они условились межъ собою, если даже онъ и правъ, то вывести его, во что бы то ни было, изъ терпѣнія, чтобы усилить поводы къ егѡ осужденію и къ убѣжденію царя въ необходимости собора.

18 іюля они пріѣхали въ „Новый Іерусалимъ“, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, подѣ начальствомъ Артамона Сергѣевича Матвѣева, стрѣлецкаго головы.

Никонъ былъ у вечерни въ Воскресенской церкви. Князь Одоевскій послалъ ему сказать, что пріѣхали къ нему царскіе послы. Патріархъ отвѣтилъ, что всѣ могутъ къ нему пожаловать, за исключеніемъ митрополита Паисія, если только онъ не имѣеть грамоты патріарха.

Несмотря на это запрещеніе, Паисій отправился къ нему съ другими послами и, шествуя впереди всѣхъ, хотѣлъ было съ нимъ заговорить, но тотъ крикнулъ:

— Воръ, нехрясть, собака, самоставленникъ, мужикъ, давно-ли на тебѣ архіерейское платье?.. Есть-ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамоты?.. Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить! И здѣсь хочешь сдѣлать то же...

На это, будто бы *), хотѣлъ возразить архіепископъ

---

*) Мы говоримъ будто бы, потому что весь послѣдующій разговоръ, хотя онъ записанъ въ протоколы и занесенъ въ исторію, но на соборѣ большая часть его не оправдана и не доказана. А извращено все было слѣдствіемъ, чтобы ускорить выѣздъ грека Мелетія къ восточнымъ патріархамъ.

Иосафъ, но вѣроятно Никонъ напомнилъ ему обѣщаніе, даваемое епископами патріарху въ послушаніи, а въ протоколѣ сказано, что Никонъ крикнулъ на него:

— Помнишь-ли ты, бѣдный (?!), свое обѣщаніе? Обѣщался ты и царя не слушать, и теперь говоришь! Развѣ тебѣ, бѣдному, дали что-нибудь? Я тебя и слушать и говорить съ тобою не стану *).

— Митрополита,—прервалъ его Одоевскій:—архіепископа и архимандрита выбрали освященнымъ соборомъ и о томъ докладывали великому государю, а ты ихъ безчестишь. Этимъ безчестіемъ и великому государю досажденія много приносишь. А газскій митрополитъ пріѣхалъ къ великому государю, и грамоту съ нимъ прислалъ къ царскому величеству іерусалимскій патріархъ.

Паисій, огорошенный бранью Никона, оправился и нагло заговорилъ:

— Ты, патріархъ, меня воромъ, собакою и самоставленникомъ называешь напрасно: я посланъ къ тебѣ выговаривать твои неистовства,—посланъ отъ святѣйшаго собора, съ доклада великому государю. Ты безчестишь не меня, а великаго государя и весь освященный соборъ. Я отпишу объ этомъ къ вселенскимъ патріархамъ. А что ты называешь меня самоставленникомъ, за это мечь примешь отъ Бога. Я поставленъ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, и ставленная грамота за его рукою. Если бы ты былъ на своемъ патріаршемъ престолѣ, то бы тебѣ свою ставленную грамоту показалъ; а теперь ты не патріархъ, достоинство свое и престолъ самовольно оставилъ, а другого патріарха на Москвѣ вѣтъ: потому и грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ къ московскому патріарху со мною нѣтъ.

— Я съ тобою, воромъ, ни о чемъ говорить не стану,—закончилъ Никонъ.

---

*) Дѣло въ томъ, что едва-ли архіепискогъ имѣлъ право допрашивать патріарха!.. И Никонъ имѣлъ право съ нимъ не говорить.

И Никонъ былъ правъ: началъ свою рѣчь Паисій, именуя его патріархомъ, а въ концѣ онъ отрицаетъ его патріаршее значеніе; притомъ въ Россію попалъ Паисій по милости грамоты Никона, и поэтому послѣдняя отговорка его была ложь.

Тогда къ патріарху, отъ имени царя, остальные послы обратились съ вопросами:

Послы. Для чего ты на молебнахъ жалованную грамоту государеву приносишь, клалъ подъ крестъ и подъ образа Богородицы, читать ее приказывалъ и, выбирая изъ псалмовъ клятвенныя слова, говорилъ?..

Никонъ. На литургіи, послѣ заамвонной молитвы, со всѣмъ соборомъ я служилъ молебенъ, государеву жалованную грамоту прочиталъ велѣлъ, подъ крестъ и подъ образъ Богородицы клалъ; а клятву износилъ на обидящаго, на Романа Боборыкина, а не на великаго государя, я за него на ектеніяхъ Бога молилъ.

Послы въ другой формѣ повторили свой вопросъ. Никонъ далъ прежній отвѣтъ, причемъ присовокупилъ: „Если я проклиналъ государя, то будь я анаема“.

Тутъ Никонъ пошелъ въ заднюю комнату и вынесъ тетрадку.

— Вотъ какую молитву читалъ я надъ грамотою,— сказалъ онъ и началъ читать.

— Вольно тебѣ,—прервали его послы:—показывать намъ другую молитву; на молебнѣ ты говорилъ изъ псалмовъ клятвенныя слова, и въ томъ самъ не запирался, что такіе псалмы на молебнѣ говорилъ.

Это была дерзость, и Никонъ, быть можетъ, ихъ выругалъ, а посланные показали, что Никонъ будто бы сказалъ:

— Хотя бы я къ лицу великаго государя говорилъ, такъ чтожъ, я за такія обиды и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли.

Послѣднее—ложь, такъ какъ это было бы подтверждено въ послѣдствіи на соборѣ,—а въ это время имъ

нужно было вооружить религіознаго царя къ его низложенію.

На слова Никона будто бы послы сказали ему:

— Какъ ты забылъ премногую государеву милость! Великій государь почиталъ тебя больше прежнихъ патріарховъ, а ты не боишься суда праведнаго Божія... такія непристойныя вещи говоришь... Какія тебѣ отъ государя обиды?

— Онъ закона Божія не исполняетъ: въ духовныя дѣла и въ святительскіе суды вступаетъ, дѣляетъ всякія дѣла въ монастырскомъ приказѣ и служить насъ заставляеть.

Здѣсь снова слышится протестъ о введеніи по дѣламъ вѣры пытки и наказаній по уложенію, которое противорѣчило христіанскому братолюбію и рѣзко отличалось отъ прежнихъ уложеній.

Послы стали оправдывать царя, а на патріарха вылили цѣлый потокъ голословныхъ обвиненій въ томъ, что онъ, когда-то, вмѣшивался въ дѣла мірскія, т. е. другими словами: зачѣмъ-де онъ управлялъ когда-то такъ славно государствомъ.

Никонъ слушалъ ихъ не то съ негодованіемъ, не то съ презрѣніемъ, и когда они кончили, онъ обратился къ святителямъ:

— Какой у васъ теперь тамъ соборъ, и кто приказывалъ его вамъ сзывать?..

— Этотъ соборъ,—отвѣчали святители:—мы созвали по приказанію великаго государя, для твоего неистовства, а тебѣ до этого собора дѣла нѣтъ, потому что ты достоинство свое патріаршеское оставилъ.

— Я достоинства своего патріаршескаго не оставлялъ,—вспылилъ Никонъ.

— Какъ не оставлялъ?—закричали послы:—А это развѣ не твое письмо, гдѣ ты пишешь, что ты не возвратишься на патріаршество, какъ песь на свою... Развѣ ты самъ не писался „бывшимъ“ патріархомъ?..

— Я и теперь государю не патриархъ,—возвысилъ голосъ Никонъ.

— По самовольному,—закричали послы:—съ патриаршескаго престола удаленію и по нынѣшнимъ неистовствамъ ты и всѣмъ намъ не патриархъ; достоинъ ты за свои неистовства ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь много досады и въ міръ—смуту.

— Вы пришли на меня,—вышелъ изъ себя Никонъ:—какъ жида на Христа.

Никонъ, послѣ этого, будто бы долго шумѣлъ, а послы будто молчали; но изъ дерзостей, ими наговоренныхъ, вовсе не видно, чтобы они были изъ скромныхъ.

Послѣ того послы ушли въ гостиный дворъ и потребовали къ себѣ свидѣтелей: единогласный отвѣтъ былъ, что на ектеніяхъ патриархъ за государя Бога молилъ, а псалмы—къ какому лицу читалъ, того они не знаютъ, Никонъ-де имени не упомянулъ.

Видя, что отвѣтъ неблагопріятенъ, послы отправили къ царю содержаніе разговора съ Никономъ, исказивъ его въ такомъ видѣ, какъ мы указали.

Узналъ-ли объ этомъ Никонъ или нѣтъ, неизвѣстно; но въ тотъ день ночь была темна, и изъ скита, за полночь, вышли три человѣка въ крестьянской одеждѣ.

Шли они тихою поступью по аллеѣ и пробрались на большую дорогу. Самый высокій шелъ не много впереди, остальные отставали.

— Альбо то можно,—обратился шепотомъ къ товарищу своему одинъ изъ отстававшихъ:—патриархъ да въ мужичьей одеждѣ... да и при насъ ни пиштоля, ни сабли.

— Молчи,—отвѣчалъ Долмановъ, нѣмецъ и крестникъ Никона:—я захватилъ и то, и другое... Они у меня подъ армякомъ... Коли понадобятся, такъ ты бери, что хочешь...

— Джебелы то можно, такъ саблю; —десятерыхъ уложу.

Шли они такъ всю ночь и къ утру зашли въ село, съ тѣмъ, чтобы отдохнуть въ какой-нибудь избѣ, а тамъ ночью продолжать путь...

Въ то время, какъ путники собирались лечь спать, въ монастырѣ замѣтили пустоту въ скитѣ крещенные еврейчики Мошко и Гершко, шпіонившіе за Никономъ.

Они бросились къ князю Одоевскому и къ святителямъ въ гостинный дворъ.

— Патріархъ бѣжалъ... Патріархъ тю-тю!..—кричали они, вбѣгая къ князю.

— Какъ, бѣжалъ? Когда?..

— Ништу!—заревѣлъ Мошко надъ самымъ его ухомъ.

Одоевскій, Стрѣшневъ, Алмазь, въ однѣхъ рубахахъ сверхъ шароваръ, и святители, несмотря на свой почетный санъ, въ однѣхъ подрясникахъ, побѣжали къ скиту:—тамъ никого не было. Стали допрашивать всѣхъ въ монастырѣ, послали въ Воскресенское село (теперь городъ):—никто не видѣлъ Никона.

Собрались духовный и свѣтскіе послы, что бы толковать, что дѣлать.

Стрѣшневъ объявилъ, что онъ имѣетъ грамоту, выданную ему еще при первомъ побѣгѣ Никона о задержаніи его, гдѣ бы онъ его ни нашель.

— Да мы его задержимъ и безъ государева указа,—сказаль тогда Одоевскій:—А ты, вотъ, возьми стрѣльцовъ, да посади ихъ на коней и поѣзжай на Кіевскій путь... Мы съ Алмазомъ поѣдемъ на Смоленскъ...

Стрѣшневъ на скорую руку одѣлся, сѣлъ въ коляску и выѣхаль изъ монастыря, окруженный конною стражею.

Ближайшее село было въ пятнадцати верстахъ отсюда и принадлежало боярину Сытину.

Крестьянинъ, у котораго остановился Никонъ, узналь его и тотчасъ далъ знать о томъ своему помѣщику, но тотъ боялся принять на себя отвѣтственность и арестовать его и хотѣлъ было дать знать объ этомъ въ мона-

стырь посламъ, о прїѣздѣ которыхъ ему было извѣстно, и когда онъ ужъ рѣшился на послѣднее, ему дали знать что прїѣхалъ къ нему окольный Стрѣшневъ.

Сытинъ принялъ съ подобающимъ почетомъ Стрѣшнева и спросилъ, что причиною его прїѣзда.

Стрѣшневъ объявилъ ему о бѣгствѣ Никона и что онъ имѣетъ государевъ указъ о задержаніи его.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ тогда Сытинъ:—я долженъ доложить: Никонъ здѣсь въ селѣ и остановился у одного изъ крестьянъ.

— Вотъ счастье, такъ счастье,—воскликнулъ Стрѣшневъ:—Но днемъ его не годится брать, она надѣляетъ шуму... и крестьяне пожалуй возмутятся... Нужно слѣдить, куда онъ выйдетъ, тогда мы и заберемъ его. Какъ онъ сюда явился?

— Мужиками они здѣсь втроемъ... и пѣшкомъ...

— Такъ онъ нашъ,—воскликнулъ Стрѣшневъ:—Вели бояринъ, чтобы тотчасъ дали намъ знать, какъ онъ выйдетъ изъ села.

Сытинъ тотчасъ распорядился.

Остался онъ обѣдать у боярина, осматривалъ его усадьбу и хозяйство, какъ будто ни въ чемъ не бывало, но лошади стояли на готовѣ.

Наступилъ вечеръ и вскорѣ сильно стемнѣло; дали знать, что Никонъ и спутники его выступили изъ села на югъ, по проселочной дорогѣ.

Стрѣшневъ сѣлъ въ экипажъ и поспежалъ со стрѣльцами по указанному ему пути; впереди его мчались проводники, данные ему Сытинымъ, съ двумя факелами въ рукахъ.

Вскорѣ они догнали Никона. Видя поѣздъ, Никонъ и его спутники сошли съ дороги въ сторону.

— Стой!—крикнулъ Стрѣшневъ.

Экипажъ, стрѣльцы и проводники остановились. При этомъ крикѣ Ольшевскій обнажилъ саблю, а Долмановъ завелъ курокъ пистолета.

Стрѣшневъ выскочилъ изъ экипажа и сталъ приближаться къ Никону.

— Стрѣлять буду!—крикнулъ Долмановъ.

— Изрублю!—возвысилъ голосъ Ольшевскій.

— Я безъ оружія,—хладнокровно отвѣтилъ Стрѣшневъ:— Можете рубить и стрѣлять... Святѣйшій патріархъ, я по указу государеву...

— Лжешь, ценокъ, не можетъ быть у тебя указа,—крикнулъ Никонъ.

— Факель сюда,—хладнокровно отвѣтилъ Стрѣшневъ.

Проводникъ соскочилъ съ коня, Стрѣшневъ передалъ царскій указъ.

Прочитавъ его, патріархъ ужаснулся.

— Покоя мнѣ не даютъ... Да это хуже жидовъ, хуже иродоваго гоненія... Тамъ Христа гоняли изъ града въ градъ, но не преслѣдовали... Хочу уйти отъ грѣха и зла... и не даютъ. Умалился я... образъ принялъ мужика... хочу идти въ Кіевъ пѣшкомъ. Оставилъ вамъ все, уношу съ собою одно лишь грѣшное свое тѣло, и того вамъ жаль... Неудобенъ я вамъ... окоростовѣлъ въ гоненіи и въ смрадѣ вашего зла,—такъ и отпустите... Не поѣду я съ тобою...

Никонъ хотѣлъ продолжать путь.

— Указъ царя, — воскликнулъ Стрѣшневъ: — ваять тебя силою, коли самъ не послушаешься, коли самъ не возвратишься.

— Поглядимъ, какъ у тебя станетъ дерзновенія взять патріарха,—вознегодовалъ Никонъ.

— Стрѣлять буду! Убью!—крикнули въ одинъ голосъ Ольшевскій и Долмановъ.

— Прочь оружіе,—крикнулъ на нихъ патріархъ:—пущай беретъ, а я не пойду назадъ...

Стрѣшневъ велѣлъ стрѣльцамъ спѣшиться и, взявъ нѣсколько человѣкъ съ собою, подошелъ къ патріарху.

— Бери, бери,—крикнулъ тотъ.

Они схватили на руки Никона, понесли его къ экипажу и посадили туда.

Стрѣшневъ хотѣлъ тоже сѣсть въ коляску.

— Не смѣй, выброшу тебя, щенка, отсюда.. Мною чести тебѣ сидѣть рядомъ съ патриархомъ... съ нимъ можеть сидѣть такъ только одинъ великій государь—крикнулъ Никонъ.

Стрѣшневъ велѣлъ одному изъ стрѣльцовъ спѣшиться, сѣлъ на коня и велѣлъ кучеру ѣхать.

Экипажъ тронулся въ обратный путь, и не болѣе какъ черезъ часъ они возвратились въ монастырь. Князь Одоевскій велѣлъ къ воротамъ обители поставить стрѣльцовъ, а на другой день, арестовавъ Ольшевскаго и Делманова, онъ отправилъ ихъ въ Москву.

Исторію эту затерли, и о ней упоминается только у Паисія въ запискѣ его къ царю о Никонѣ.

Послы оставались еще нѣсколько дней въ обители, т. е. до 23 іюля. Между тѣмъ наступилъ воскресный день. Никонъ служилъ въ придѣлѣ распятія Христова, гдѣ есть изображеніе св. Голгофы, животворящему кресту и читалъ страстное евангеліе, причемъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ произнесъ слова:

— „Вотъ уже пришла воинская стража, Иродъ и Пилатъ явились въ судъ; приблизились архіереи Анна и Каиафа“..

При этомъ Никонъ толковалъ евангеліе и евангельскія событія и примѣнялъ ихъ къ своимъ напастямъ.

Видя, что они съ нимъ ничего не подѣлають, послы сочинили, что передъ отъѣздомъ они имѣли слѣдующій разговоръ съ нимъ:

— Дайте мнѣ,—будто бы говорилъ онъ:—только дождаться собора, я великаго государя оточту отъ христіанства, уже у меня и грамота заготовлена..

— Ты забылъ страхъ Божій,—будто-бы послы отвѣчали:—что говоришь такія неподобныя рѣчи! За нихъ поразитъ тебя Богъ; намъ такія злыя рѣчи и слышать

страшно. Только бы ты былъ не такого чина, то мы бы тебя живаго не отпустили...

Потомъ послы хотѣли показать, что патріархъ еретикъ или папистъ, и поэтому передали, что они спросили его, почему онъ прислалъ Паисію выписку изъ сардикійскаго вселенскаго собора, въ которой говорится о папѣ.

— Папу,—отвѣчалъ, будто-бы, Никонъ:—почему за доброе не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служить.

— Но вѣдь папу на соборахъ проклинаемъ,—воскликнули послы.

— Это я знаю; знаю и то, что папа много дурнаго дѣлаетъ,—возразилъ Никонъ.

Никонъ въ послѣдствіи пояснилъ, что послѣднее онъ закончилъ словами: „а потому мой папа патріархъ константинопольскій“ о чемъ послы въ сказкѣ своей умолчали.

Въ заключеніе, желая на Никона свалить вину въ распространеніи раскола и самаго его возникновенія, вслѣдствіе шаткости его собственныхъ дѣйствій, послы задали ему вопросъ:

— Для чего ты ввелъ міръ въ великій соблазнъ: выдалъ три служебника и во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?

— Теперь поютъ, кто какъ хочетъ,—отвѣчалъ Никонъ:—и все это дѣлается отъ непослушанія; а если я въ книгахъ рѣчи перемѣнялъ, то переправлялъ я по письму и свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ.

Какъ въ вопросѣ слышится раскольничья нотка, такъ въ отвѣтѣ его видна вся его система въ отношеніи раскольниковъ. „Теперь поютъ, кто какъ хочетъ,—сказалъ онъ,—потому что за это не было никакихъ наказаній и крутыхъ мѣръ“.

И въ этомъ заключаются всѣ протесты Никона, когда онъ требовалъ: чтобы свѣтская власть не вступалась въ

духовныя дѣла, т. е., другими словами, онъ отвергалъ инквизиціонныя латинскія формы по дѣламъ вѣры. А раскольники и, къ прискорбію, наши историки, по невѣжеству своему, выставляютъ все дѣло Никона, какъ борьбу духовной власти со свѣтскою въ господствѣ въ государствѣ. Никонъ же, напротивъ, требовалъ, на основаніи постановленій вселенскихъ соборовъ, отдѣленія церкви отъ государства, что соотвѣтствуетъ даже и нынѣ послѣднему слову науки государственнаго права и православнаго богословія: „Царствіе мое нѣсть отъ міра сего“, — сказалъ Христосъ. Требовалъ же онъ невмѣшательства свѣтскаго суда въ дѣла духовныя, потому что боярство было грубо, невѣжественно и фанатично, и своими жестокими пытками и казнями грозило не утупить, а развить фанатизмъ раскола. Раскольники поэтому грѣшили и грѣшатъ за осужденіе его, за всѣ мученія, которыя они впоследствии претерпѣли отъ *никонианъ*.

Разногласія же изданій Никона возникли слѣдующимъ образомъ: первое его изданіе было по старопечатнымъ книгамъ; потомъ, по исправленіямъ отечественныхъ переводчиковъ по греческимъ источникамъ, явилось второе арсеньевское изданіе; въ третій разъ явилось новое изданіе того же Арсенія послѣ собора 1665 г., гдѣ установили окончательную редакцію служебника. Печатались же первыя изданія, такъ какъ въ церкви чувствовался крайній недостатокъ въ книгахъ. Все это и духовенству, и боярамъ было отлично извѣстно, только сказка умысленно была взята съ Никона, чтобы въ послѣдствіи, на соборѣ, обвинить Никона въ томъ, что онъ ввелъ расколъ, и выставить его, какъ еретика.

Этимъ окончилось слѣдственное дѣло о проклятіи царя, и Алексѣй Михайловичъ былъ убѣжденъ въ справедливости того, что Никонъ его проклиналъ. Но это чепуха: кто могъ отгадать мысли Никона, когда онъ при проклятіи имени не произносилъ?..

XXII.

Новыя боярскія козни.

Прочитавъ слѣдственное дѣло о проклятіи Никона и узнавъ о бѣгствѣ его и насильственномъ возвращеніи въ Новый Іерусалимъ, царь ужаснулся. Въ особенности бѣгство окончательно убѣдило его, что Никонъ, вѣроятно, проклялъ его... Сильно это смутило его религиозное чувство.

— Какъ,—думалъ онъ:—я считалъ благочестіе первою своею обязанностию, и онъ, бывшій собинный другъ мой, не только предалъ меня анаемѣ, но еще грозитъ отлучить меня совѣмъ отъ христіанства!.

Призвалъ онъ своего духовнаго отца протопопа Лукіана.

Лукіанъ, сколько было силъ, успокаивалъ его, но просилъ пригласить къ себѣ нѣсколькихъ архіереевъ, чтобы они рѣшили: что дѣлать, если въ дѣйствительности это проклятіе возникло?.. Собрали думный соборъ и рѣшили: что послѣ постановленія помѣстнаго русскаго собора о низложеніи Никона и лишеніи его священства, въ немъ уже нѣтъ благодати святой; теперь же необходимо созвать вселенскій соборъ, который утвердитъ постановленіе этого собора, и тогда очевидно, что и проклятіе Никона, при отсутствіи въ немъ благодати Св. Духа, ничего незначущее. Кромѣ того, если бы даже вселенскій соборъ и не утвердилъ постановленія помѣстнаго собора, то и въ такомъ случаѣ онъ можетъ снять отъ царя клятву, на него произнесенную Никономъ.

Это успокоило царя и онъ хотѣлъ было отправить грека, Мелетія къ патріархамъ. Но вотъ бояре и раскольники, чтобы ускорить это дѣло, пустили тогда въ ходъ новыя козни.

Никонъ на Истрѣ имѣлъ живорыбный садокъ. Соблюдая строгій постъ, онъ долженъ былъ имѣть что-нибудь

для ѣды, если не въ будніе дни, то, по крайней мѣрѣ, въ праздничные.

Садокъ этотъ заключалъ въ себѣ небольшое количество рыбы и приближенные къ патріарху берегли его, какъ зѣницу своего ока.

Завѣдывалъ этими садками состоявшій при Никонѣ боярскій сынъ Лускинъ.

Однажды онъ замѣтилъ, что у него стала пропадать рыба.

Передалъ онъ свои подозрѣнія своимъ сотоварищамъ, поляку Ольшевскому, кузнецу и Долманову.

Всѣ возмутились и рѣшили ночью засѣсть на берегу Истры и подстеречь вора.

Нѣсколько ночей они такъ сторожили и, наконецъ, поймали воровъ.

Это были сытинскіе крестьяне.

Изъ нихъ одинъ былъ хозяинъ той избы, въ которой Никонъ остановился въ послѣднемъ своемъ побѣгѣ и который выдалъ ихъ Стрѣшневу.

Озлились всѣ служители Никона противъ нихъ и побили ихъ вѣроятно-таки порядкомъ; послѣ того они заперли ихъ въ чуланъ до другого дня, съ тѣмъ, чтобы доложить о нихъ патріарху.

Крестьяне, боясь, что Никонъ передастъ ихъ суду, стали грозиться, что если ихъ не отпустятъ, то они подожгутъ монастырь и церковь.

Утромъ другого дня привелъ Лускинъ крестьянъ къ Никону.

Патріархъ, имѣя въ виду, что если онъ отправитъ крестьянъ въ судъ, то за ихъ поступокъ и за ихъ угрозы они подвергнутся и пыткамъ, и строгому наказанію, велѣлъ взыскать съ нихъ и отпустить.

Лускинъ же распорядился отодрать ихъ плетями.

На это Сытинъ принесъ жалобу царю.

Никонъ отвѣчалъ царю:

„Извѣщаю о себѣ св. Евангеліемъ, что не знаю того

дѣла, ни вѣдаю, сдѣлалъ то дѣло малый иноземецъ: поймавши на озерѣ Ивановыхъ (Сытина) крестьянъ, побилъ батогами безъ вашего вѣдома, а у меня такого указа не было. Билъ онъ ихъ за то, что у него рыбу покрали. Я послалъ малаго къ тебѣ, великому государю: изволь его разспросить, хотя и съ пристрастіемъ. Сотвори судъ праведный, вспомни свое обѣщаніе, на избраніи нашемъ предъ всѣмъ соборомъ и синклитомъ данное, что тебѣ ни во что священное не вступаться; а теперь дѣлаешь надъ нами неправды великія: клеветниковъ, враговъ Божіихъ, слушаешь и всѣхъ чиновъ людей въ грѣхъ вводишь тѣмъ, что въ патриаршей крестовой дѣлается“.

Ошибка была въ письмѣ та, что Никонъ просилъ произвести слѣдствіе съ пристрастіемъ: онъ вѣроятно надѣялся, что пытки не будутъ.

Но форма пытки была сама по себѣ такова, чтобы подсудимый или свидѣтель сказалъ то, что хочетъ слѣдователь.

Пытка заключалась въ томъ, что сбрасывали подсудимому рубаху по поясъ, подымали его руки вверхъ связывали ихъ вмѣстѣ, потомъ крючкомъ, повѣшеннымъ къ веревкѣ, бывшей на блоку висѣлицы, захватывали ремень, которымъ связаны были руки, и тянули по блоку подсудимаго вверхъ. Отъ этого руки выходили изъ плечныхъ суставовъ и причиняли сами по себѣ страшную боль, тѣмъ болѣе, что въ висячемъ такомъ положеніи держали пытаемаго по усмотрѣнію слѣдователя сколько вздумается ему. Но въ то время, когда подсудимый висѣлъ, палачъ наносилъ ему еще удары плетью по спинѣ,—до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ то, что угодно слѣдователю.

Съ Долмановымъ поступили точно такъ, и когда задали ему эту встряску, тотъ сказалъ, что во второй разъ онъ билъ плетью крестьянъ по приказанію патриарха.

Это только и нужно было боярамъ: они выставили

Никона какъ клятвопреступника, такъ какъ онъ по евангельскому обѣту свидѣтельствовалъ въ письмѣ своемъ.

Это вызвало въ боярской думѣ цѣлую бурю, и вотъ къ нему, отъ имени царя, является окольничій Сукинъ и дьякъ Бреховъ.

При допросѣ этомъ обѣ стороны наговорили дерзости: послы Никону, а Никонъ правительству.

Въ заключеніе же послы объявили Никону, что къ восточнымъ патріархамъ отправляется грекъ Мелетій для приглашенія восточныхъ патріарховъ въ Москву, и что имъ же посланы вопросы, относящіяся къ дѣлу его, Никона, для разрѣшенія ихъ патріархами.

По этому поводу Никонъ отправилъ къ царю письмо:

— Мы,—писалъ онъ:—не отметаемся собора и хвалимъ твое соизволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ, св. апостолъ и св. отецъ канонамъ,—ей! не отметаемся. Но прежде молимъ твое благородіе послушать мало это наше увѣщаніе съ кротостью и долготерпѣніемъ. Твое благородіе изволилъ собрать по нашемъ отшествіи митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ на судъ, вопреки Божіимъ заповѣдямъ, потому что нѣтъ такой заповѣди, по которой епископы могли бы судить своего патріарха, особенно же отъ него рукоположенные, и судить заочно.

Выписавши евангельскія повѣствованія о судѣ надъ Христомъ, Никонъ продолжаетъ:

— Зри, христіаннѣйшій царь, даже въ такой лютой зависти іудейской ничего не сдѣлано не по закону, и безъ свидѣтелей и заочно, хотя во всемъ поступлено неправильно; того ради рече: предавай Мя тебѣ болій грѣхъ понесеть. Такъ и здѣсь смутившій твое благородіе болший грѣхъ понесеть. Если соборъ хочетъ меня осудить за одинъ уходъ нашъ, то подобаетъ и самаго Христа извергнуть, потому что много разъ уходилъ зависти ради іудейской. Когда твое благородіе съ нами

въ добромъ совѣтѣ и любви былъ, и однажды, ненависти ради людской, мы писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать въ святой великой церкви, то каковъ былъ тогда твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ одной церкви, котораго кромѣ насъ никто не знаетъ. Ты же смотри, благочестивый царь! чтобъ не было бы тебѣ это въ судъ предъ Богомъ и созываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ. Я это пишу не изъ желанія патриаршаго стола,—желаю, чтобъ святая церковь безъ смущенія была и тебѣ передъ Господомъ Богомъ не вмѣнился грѣхъ,—пишу, не бояся великаго собора, но не давая св. царствію зазора, занеже между двумя или тремя станетъ всякъ глаголь, кольми паче во множествѣ. Епископы наши обвиняютъ насъ однимъ правиломъ перваго и втораго собора, которое не о насъ написано. Но какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ пресвитеръ не останется достойнымъ! Константинопольскаго патриарха русскіе епископы при постановленіи клянуть всѣ, тогда какъ усмотрятъ свои дѣянія нетопыри, смущающіе твое блаженство,—крутицкій митрополитъ съ Іоанномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками... Ты послалъ Мелетія, а онъ злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ. И здѣсь такое дѣло за нимъ было,—думаю, и теперь есть въ патриаршемъ приказѣ... Есть у тебя, великій государь, и своихъ много, кромѣ такого воришки.

Неизвѣстно, отвѣтилъ-ли на это государь, но о Мелетіи стали производить слѣдствіе. Бояре испугались и сочинили новое дѣло...

XXIII.

К о м е т а.

Иванъ Шушеринъ *), служба Никона, заподозрилъ боярскихъ дѣтей Аеанасьева и Левицкаго, — они же Мошко и Гершко, — въ томъ, что они передаютъ въ Москву черезъ лекаря Данилова все, что ни дѣлается и не говорится въ монастырѣ.

Сообщилъ онъ объ этомъ своимъ сослуживцамъ, при чемъ передалъ имъ, что объ этомъ узналъ онъ отъ крестника патриарха, нѣмца Денисова, которому объ этомъ пишутъ изъ Москвы.

Открылось это случайно. Патриархъ чувствовалъ себя не такъ здоровымъ послѣ столькихъ огорченій, и Денисовъ написалъ письмо къ врачу царя, Самойлѣ, прося его пріѣхать. На это врачъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ пріѣхать, такъ какъ Левицкій передаетъ царю черезъ лекаря Данилова все, что ни дѣлается въ монастырѣ.

Сослуживцы Шушеры возмутились, узнавъ объ измѣнѣ, и, поймавъ боярскаго сына Гершко, т. е. Левицкаго, вызвали его на признаніе, что онъ съ Даниловымъ жидовствуетъ. Донесли объ этомъ Никону, и тотъ велѣлъ объислѣдовать дѣло.

Узнавъ объ этомъ, Мошко или Аеанасьевъ бѣжалъ въ Москву и явился къ Данилову.

Даниловъ испугался, когда вбѣжалъ къ нему его соотечественникъ.

— Вей миръ, что зробилось... что зробилось, — вопилъ Мошко.

— Что?.. говори.. не мучь...

— Поймали лайдаки ребъ-Аеанасьева...

---

*) Онъ составилъ единственное современное жизнеописаніе Никона, отпечатанное въ 1819 году.

— Гершко?—поясниль Даниловъ.

— Да, Гершко, боярскаго сына... и вадули его какъ собаку.

— За що?..

— За то, ребъ Даниловъ, что воны изъ тобой, ребъ шабашкують... за то, ребъ...

— И сказку той давъ?

— Якъ же, и яку еще: что шабашъ справляете во дворци царскомъ... ой! вей... ой! вей!.. буде таке дило.. И сами посудите, ребъ Даниловъ, якій же винъ опосля боярскій сынъ, колы его бьютъ, якъ простаго мужика... Якъ его по спинѣ валяли точно простаго голя... Колы такъ, то якій винъ боярскій сынъ, винъ попросту — собачій сынъ.

— Такъ въ сказцѣ, що я шабашкую зъ нимъ... добре е государево дило... Ты кажи, что винъ узавъ ту сказку щобъ на собори казаты, що царь нехристь, — йсть снадобья зъ рукъ жидивскихъ... и поидеть, и поидеть...

— И всправдѣ то буде добре,—восхитился Мошко.

— А тамъ ты плети усе, що ни прійдетъ у голови, п измѣна... и клятва... и крамола... усе валяй въ одну кучу... А тамъ нехай расмакують и разберуть; а колы буде пристрастїе, то вси скажутъ виноваты... Но кажи, якій лайдакъ донись имъ...

— Лекаръ Самойло...

— Самойло... зъ зависти одной... Этотъ жиденокъ настоящій гой: въ шабашъ йадить, свички жгеть и варить...

— Ай! ай! ай!.. Звиткиля винъ?—завопилъ Мошко.

— Изъ Бердичева, и батька его бувъ равиномъ, а дидъ шойхедомъ (рѣзникомъ).

— Ай! ай! ай!.. и якъ его земля выноситъ?

— И не сноситъ... Ты вотъ откажи, що винъ процаря въ грамотѣ отписаль... такъ и его спина покоробится...

— Добре... добре.! А ты ребъ Даниловъ будь ласковъ... Отведи меня въ приказъ тайныхъ дѣлъ...

Даниловъ одѣлся и отправился съ нимъ въ приказъ, — тамъ сняли съ него сказку и пошли писать: и чего, чего не нагородили на Никона.

Во время производства этого курьезнаго слѣдствія, царь посѣтилъ Саввинъ монастырь.

Архимандритъ этой обители былъ очень умный и благочестивый человѣкъ, сильно привязанный къ Никону и цѣнившій его высоко. Онъ обрадовался пріѣзду царя и съ увлеченіемъ говорилъ о Никонѣ. Алексѣя Михайловича это тронуло и онъ сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ о немъ и даже послалъ оттуда стольника Собакина съ нѣсколькими привѣтственными словами патріарху.

Нѣсколько дней спустя, государь былъ въ селѣ Хорошовѣ и явился къ нему бывший раскольникій протопопъ, а теперь чернецъ, Нероновъ.

Нероновъ поносилъ Никона позорнымъ образомъ, но государь его не слушалъ и отослалъ отъ себя.

7-го декабря, въ придѣлѣ Евдокіи, послѣ заутрени, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ какой-то тайный разговоръ съ Ординымъ-Нащокинымъ и съ Артамономъ Алексѣевичемъ Матвѣевымъ, будто бы въ такомъ смыслѣ что возвращеніе Никона было бы желательно, но онъ боится бояръ, которые будутъ стыдить его за слабость, — при чемъ онъ прямо высказался, что при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ одинъ Никонъ своимъ умомъ вывелъ бы ихъ на путь.

Такъ какъ Нащокину въ это время предстояло по сольство для заключенія со шведами мира, то онъ по видался съ Зюзинымъ и сказалъ:

— Хорошо было бы, если бы къ моему посольству былъ и патріархъ, — а у государя на патріарха гнѣва нѣтъ.

— Такъ я отпишу патріарху, — молвилъ Зюзинъ: — пуцай въ Москву пріѣдетъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Нащокинъ: — если Никонъ послушается тебя, кабы-то Господь Богъ церковь умирилъ.

Въ тотъ же день къ Зюзиной пріѣхала царевна Татьяна. О чемъ онѣ говорили, неизвѣстно, но когда царевна уѣхала, Зюзинъ написалъ съ поддіакономъ Никитою письмо Никону и получилъ его отвѣтъ, и обратно письмо его, Зюзина. Зюзинъ писалъ вторично и снова получилъ отвѣтъ; наконецъ, онъ написалъ ему третье письмо, и поддіаконъ передалъ ему только слѣдующія слова Никона:

„Буди въ томъ воля Божія; сердце царевы въ руцѣ Божіей: я миру радъ“.

Всю переписку Зюзинъ сжегъ; у Никона же оставалось только послѣднее его письмо.

Стояла морозная и звѣздная ночь съ 17 на 18 декабря, и во время заутрени подъѣхало къ Московской заставѣ нѣсколько саней.

— Кто ѣдетъ?—закричали сторожа.

— Власти Саввина монастыря,—былъ отвѣтъ.

Поѣздъ прямо направился въ Кремль.

Въ Успенскомъ соборѣ шла заутреня и въ церкви находился митрополитъ Ростовскій Іона.

На второй каеизмѣ у подъѣзда что-то застучало и зашумѣло,—отворяется дверь и входитъ торопливо толпа монаховъ, за ними несутъ крестъ, а за крестомъ величественно вступаетъ патриархъ Никонъ.

— Перестань читать,—повелительно произноситъ онъ, обращаясь къ поддіакону, читавшему псалтирь.

Воскресенскіе монахи, пріѣхавшіе съ Никономъ, заплѣли!

„Исполаети деспота“!.. и потомъ: „Достойно есть“...

Пѣніе слушалъ онъ стоя посреди собора. Когда оно кончилось, онъ обратился къ соборному діакону, приказывая ему говорить ектенію. Служба началась, а онъ пошелъ прикладываться къ образамъ и св. мощамъ.

Потомъ, проговоривъ молитву „Владыко милостиве“, онъ велѣлъ позвать къ себѣ подъ благословеніе митро-

полита Юну. Тотъ подошелъ, за нимъ протопопъ и все духовенство.

— Поди,—сказалъ Никонъ митрополиту:—возвѣсти великому государю о моемъ приѣздѣ.

Митрополитъ отправился съ успенскимъ ключаремъ Ювомъ.

Они нашли государя у заутрени, въ церкви св. Евдокіи.

— Въ соборную церковь,—произнесъ взволнованнымъ голосомъ митрополитъ:—пришелъ патріархъ Никонъ, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ насъ объявить о своемъ приходѣ тебѣ, великому государю.

Царь обрадовался и смутился.

Доброе сердце его подсказывало ему: идти тотчасъ въ соборъ; но самолюбіе удерживало: если онъ пойдетъ туда, всѣ скажутъ, что это онъ устроилъ возвращеніе Никона и что этимъ онъ признаетъ себя виновнымъ передъ патріархомъ. Лучше собрать совѣтъ изъ близъ живущихъ архіереевъ и бояръ.

Послалъ онъ за Родіономъ Стрѣшневымъ, Алмазомъ, за Никитою Одоевскимъ, Юріемъ Долгорукимъ и Матвѣевымъ, а изъ святителей онъ потребовалъ митрополитовъ Павла и Паисія,—словомъ всѣхъ враговъ Никона.

Забѣгало и засуетилось все во дворцѣ, даже теремъ весь взбудоражился,—точно или вся Москва горитъ, аль ворогъ явился подъ стѣны столицы.

Блѣдные, встревоженные явились и бояре, и святители къ царю, и всѣ недоумѣвали:

— Явился-де Никонъ прямо въ соборъ и сѣлъ на патріаршее мѣсто... До разсвѣта не далеко... Да вѣдь и во всякое время онъ можетъ велѣть ударить въ колокола... Всѣ сорокъ сороковъ подхватятъ, и вотъ—вся Москва, какъ одинъ человекъ, подыметъ и явится къ собору, и поведутъ его въ патріаршія палаты и посадятъ его прямо на патріаршій престолъ... Будетъ смута... и уцѣлѣютъ-ли головы всѣхъ его враговъ... да и самъ царь въ опасности...

Такъ думали бояре, такъ и стали ему нашептывать. А грекъ Паисій и Павелъ, тѣ только разводили руками и повторяли безмысленно:

— Ахъ Господи!.. ахъ Господи!..

Царь велѣлъ боярамъ отправиться въ соборъ и просить Никона выѣхать обратно въ „Новый Іерусалимъ“.

Но бояре въ соборѣ грубо и дерзко обратились къ нему:

— Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, обѣщался вперёдъ въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь, и объ этомъ написано уже ко вселенскимъ патріархамъ, а теперь чего въ Москву приѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ совѣта всего освященнаго собора? Ступай въ монастырь по прежнему.

Никонъ понялъ эти слова, какъ недоразумѣніе и возразилъ кротко:

— Спелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ не званый, для того, чтобы великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ. Суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ я на престолъ по явленію. Вотъ письмо, отнесите его къ великому государю.

— Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ,—уклончиво отвѣтили послы.—Пойдемъ, извѣстимъ объ этомъ великому государю.

Они явно хотѣли выиграть время, чтобы собрать великую силу.

Они отирались во дворецъ. Тутъ Никонъ обязанъ былъ велѣть ударить въ колокола, и приходила ему эта мысль. Но на обыкновенно рѣшительнаго... тутъ напала нерѣшительность, и дѣло его погибло.

Бояре возвратились съ царскимъ отвѣтомъ, но вмѣстѣ съ ними явился и стрѣлецкій голова Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ со стрѣльцами и занялъ всѣ церковные выходы.

— Великій государь приказалъ намъ объявить тебѣ

прежнее, чтобы ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, и письмо взялъ.

— Если великому государю прїездъ мой не надобенъ,— отвѣчалъ Никонъ:— то я въ монастырь поѣду назадъ, но не выйду изъ церкви до тѣхъ поръ, пока на письмо мое отвѣта не будетъ...

Намъ же кажется, что ему совсѣмъ не нужно было уходить изъ церкви до обѣдни,—тогда, по крайней мѣрѣ, друзья его успѣли бы сплотиться и защитить его у царя, который въ это время былъ окруженъ одними лишь его врагами.

Привезли письмо къ царю, и дьякъ Алмазь сталъ его громко читать:

— „Слыша молву великую о патриаршемъ столѣ, одни такъ, другіе иначе говорятъ; каждый что хочетъ то и говоритъ“...

Здѣсь Никонъ намекаетъ на то, что одни раскольники говорили, что удалили его за еретичныя книги и реформы, другіе, что, каясь въ еретическихъ заблужденіяхъ, онъ добровольно подвижничаетъ въ скитѣ. Слушатели же истолковали эти слова, какъ угрозу: что вотъ-де въ церкви и въ народѣ будетъ черезъ меня смута.

— Говорили мы великому государю, что думалъ онъ произвести смуту своимъ удаленіемъ; вотъ онъ и самъ сознается,—сказалъ Стрѣшневъ.

— Читай Алмазь дальше,—молвилъ государь, соглашаясь съ мнѣніемъ Стрѣшнева.

Алмазь продолжалъ чтеніе:

— „Слыша это, удалился я, 14 ноября, въ пустыню въ монастырь на молитву и постъ, дабы извѣстилъ Господь Богъ, чему подобаешь; молился я довольно Господу Богу со слезами, и не было мнѣ извѣщенія...“

— Еще бы,—воскликнулъ Паисій:—Извѣщеніе грѣшнику отъ самаго Господа... Да съ ума спятилъ...

— Читай... любопытно,—улыбнулся царь.

— „Съ 13 декабря,—продолжалъ Алмазъ:—уязвился я любовью Божіею больше прежняго, приложилъ молитву къ молитвѣ, слезы къ слезамъ, бдѣніе къ бдѣнію, постъ къ посту и постился даже до 17 дней, не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, — лежалъ на ребрахъ, утомившись сидѣлъ съ часъ въ сутки...

— Ханжа... Пустосвятъ... Наглый лжець,—раздались голоса, а между тѣмъ, это была святая правда и по нынѣ показываютъ на крышѣ скита ту келійку, въ которой усмиралъ свою могучую натуру Никонъ, и тѣ тяжелыя вериги, которыя онъ носилъ; тамъ же изъ рода въ родъ переходитъ преданіе о дѣйствительной подвижнической жизни Никона.

Но слова правды еще пуще озлобили его враговъ.

— Читай дальше, Алмазъ; чѣмъ дальше, тѣмъ любопытнѣе,—произнесъ государь:—Только не прерывайте до конца.

— „Однажды,—продолжалъ Алмазъ:—сѣвши, сведенья былъ въ малый сонъ, и вижу: Стою въ Успенскомъ соборѣ, свѣтъ сіяетъ большой, но изъ живыхъ людей нѣтъ никого: стоятъ одни усопшіе святители и священники по сторонамъ, гдѣ гробы митрополичьи и патриаршіе. И вотъ одинъ святолѣпный мужъ обходитъ всѣхъ другихъ съ хартіею и киноварницею въ рукахъ, и всѣ подписываются. Я спросилъ у него, что они такое подписываютъ? Тотъ отвѣчалъ: „О твоёмъ пришествіи на святой престолъ“. Я спросилъ опять: А ты подписал ли? Онъ отвѣчалъ: „Подписалъ“.—и показалъ мнѣ свою подпись: „Смиранный Іона Божіею милостью митрополитъ“. Я пошелъ на свое мѣсто, и вижу: на немъ стоятъ святители! Я испугался, но Іона сказалъ мнѣ: „Не ужасайся, брате, такова воля Божья: взыди на престолъ свой и паси словесныя Христовы овцы“. Ей-ей, такъ мнѣ Господь свидѣтель о семъ...

— Да вѣщій сонъ,—перекрестился набожно государь.

— Не вѣрь! Лжетъ.. клятвопреступникъ... Аще имя

Божье произносить... Измышленіе... и въ прошлый приѣздъ видѣлъ видѣніе, — раздались голоса и бояръ, и святителей, и сбили царя съ его религіозной почвы:

Алмазъ продолжалъ читать, чтобы царь не одумался:

— „Обрѣтаюсь днесъ въ соборной церкви св. Богородицы, исповѣдая вашему царскому величеству, понеже отхожденія своего вину исполнилъ. Что задумалъ, то и сотворилъ, и теперь пришелъ видѣть пресвѣтлое лицо ваше и поклониться пресвятой славѣ царствія вашего, взявши причину отъ св. Евангелія, гдѣ написано: „Вы, рече, въздыте въ праздникъ сей, яко время мое не исполнися; егда же въздоша братія его въ праздникъ, тогда и самъ възде не явѣ, но яко тай“. И паки ино писаніе; рече Павелъ къ Варнавѣ: „Возвращшеса посѣтихъ братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же возвѣстихомъ слово Божіе, яко суть“. Такожде и мы пришли: како суть у васъ государей и у всѣхъ сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ? Пришли мы въ кротости и смиреніи. Хочеша самого Христа принять...

— Вотъ куда метнулъ... Вотъ продерзость... Себя съ Христомъ сравниваетъ!—вознегодовали присутствующіе.

Алмазъ продолжалъ читать:

— „Мы твоему благородію покажемъ, како Господу свидѣтельствующу: пріемляй васъ меня пріемлетъ и слушающая васъ] меня слушаетъ. Во имя Господне пріими насъ и дому отверзи двери, да мзда твоя по всему не отмѣнить. Это написалъ я твоему царскому величеству не отъ себя что-либо, мы не корчемствуемъ слово Божье но отъ чистоты, яко отъ Бога, предъ Богомъ о Христѣ глаголемъ, ни отъ прелести, ни отъ нечистоты, ниже лестью сице глаголемъ, не яко челоувѣкамъ угождающе, но Богу, искушающему сердца наша. Аминь“.

Какъ кончилъ Алмазъ, поднялась точно буря:

— Весь соборъ и святителей назвалъ онъ корчемниками слова Божія...

— Всѣхъ совѣтниковъ назвалъ льстецами и нечистью... а самъ-де точно апостоль святой...

— Святоша!

— Наглець!

— Да ему казни мало!..

Царь недоумѣвалъ, что дѣлать. Тутъ митрополитъ Павелъ, видя всеобщее негодованіе, предложилъ царю, что онъ поѣдетъ и уладить дѣло, тѣмъ болѣе, что Матвѣевъ ему шепнулъ, что съ нимъ пойдетъ много стрѣльцовъ.

Царь согласился на предложеніе Павла, и тотъ съ боярами и со стрѣльцами двинулся къ собору.

Войдя въ церковь, Павелъ объявилъ Никону:

— Письмо твое великому государю донесено. Онъ, власти и бояре письмо твое выслушали; а ты, патриархъ, изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь по прежнему.

Никонъ ничего не отвѣтилъ, приложился лишь къ образамъ, взялъ посохъ митрополита Петра и пошелъ къ дверямъ.

— Оставь посохъ,—крикнули ему бояре.

— Отнимите силою, — отвѣчалъ Никонъ и вышелъ изъ церкви.

Ночь была темная, небо звѣздно. На востокъ сіяла большая комета и огромный хвостъ ея висѣлъ надъ Москвою по направленію къ западу. Посреди хвоста видѣлась темная полоса *).

---

*) Эта комета, вмѣстѣ съ кометою Галилеевой и кометою 1811 года, есть одна изъ самыхъ большихъ и произвела на современниковъ тягостное впечатлѣніе, и поэтому она въ Европѣ извѣстна подъ названіемъ кометы 1665 года. По нашей хронологіи она явилась 19 декабря 1664 г., но если принять во вниманіе, что новый стиль имѣетъ 12 дней впередъ, то по новому стилю въ то время было 1 января 1665 г. Поэтому ее отнесли къ 65 году и у насъ. Она должна считаться этого года, потому что въ то время новый годъ начинался 1 сентября, поэтому 19 декабря принадлежало ужъ

Никонъ поглядѣлъ съ минуту на это чудное явленіе и прежде нежели сѣсть въ сани, сталъ отрясать ноги, произнося внятно и грозно:

— Идѣ же еще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилипавшій къ ногамъ вашимъ, отрясите во свидѣтельство на ня.

— Мы этотъ прахъ подметемъ,—воскликнулъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ *).

— Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи, — пророчески произнесъ Никонъ, указывая на величественный хвостъ кометы...

Сани помчались.

Дмитрій Долгорукій и Матвѣевъ провожали его до земляного города; вѣхавъ сюда, они остановились, чтобы проститься съ патріархомъ.

— Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патріарха, благословенія и прощенія просить.

— Богъ его проститъ, если не отъ него смута,— отвѣчала Никонъ.

— Какая смута?—произнесъ Долгорукій.

1665 году. Хвостъ только этой кометы опредѣленъ въ астрономіи въ 20 милліон. миль. Элементы же его и время кругообращенія ея не вычислены. По этой причинѣ не слѣдуетъ ли считать комету 1811 года и комету 1665 одною и тою же, тѣмъ болѣе, что хвосты по виду почти одинаковы.

*) Соловьевъ въ своей исторіи приписываетъ это стрѣльцкому полковнику (безъ фамиліи), а потомъ говоритъ о Матвѣевѣ, какъ объ одномъ изъ провожавшихъ Никона. Но дѣло въ томъ, что Матвѣевъ со временъ смоленскаго похода былъ и стрѣлцкимъ головою, т. е. полковникомъ. Въ тѣ времена ратное дѣло и гражданская служба шли рука объ руку, такъ что нерѣдко думные дьяки командовали полками и отрядами,—такъ, напримѣръ, это было при борьбѣ со Стенькою Разинымъ. Вообще въ исторіи Соловьева встрѣчаются иногда интересныя недоразумѣнія, — такъ при царѣ Алек. Михайловичѣ имѣлись два врача еврея: Самойло и Даниловъ, изъ чего составилъ Соловьевъ лекаря Самойло-Данилова, т. е. слилъ ихъ въ одно лицо.

— Вѣдь я по вѣсти пріѣзжалъ,—возразилъ Никонъ.
Лошади тронулись и Никонъ уѣхалъ.

— Онъ по вѣсти пріѣзжалъ,—удивились бояре:—
нужно царю оповѣстить.

Между тѣмъ слова, произнесенныя о кометѣ, сильно
заволновали всѣхъ, въ особенности Матвѣева;—они были
пророческими въ отношеніи его и стрѣльцовъ.

Матвѣевъ въ послѣдствіи погибъ въ первый стрѣ-
лецкій бунтъ, а стрѣльцы уничтожены Петромъ.

XXIV.

Козлище отпущенія *).

Съ нетерпѣніемъ царь ожидалъ возвращенія Долго-
рукова и Матвѣева, чтобы узнать подробности отъѣзда
Никона,—тѣмъ болѣе, что ему передали прежде возвра-
тившіеся къ нему изъ собора Стрѣшневъ, Алмазъ и
митрополитъ Павелъ о пророчествѣ патріарха по слу-
чаю кометы. Религіозный Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ
знать, даль-ли ему благословеніе Никонъ и возвратилъ-ли
онъ посохъ митрополита Петра.

Князь Долгоруковъ сообщилъ ему послѣднія слова
Никона, т. е. что онъ пріѣхалъ по извѣщенію и что

---

*) У древнихъ евреевъ, когда они цивилизовались, кровавая
жертвоприношенія сдѣлались противны; поэтому они сочинили особую
форму жертвоприношенія: жертвователь бралъ тучнаго породистаго
козла и отпускалъ его на волю. Каждый имѣлъ право такого козла
убить и съѣсть. Но такъ какъ подобные козлы были изъ лучшихъ,
то очевидно, что кому онъ попадался въ руки, тотъ сохранялъ его
для завода. Обычай этотъ имѣлъ еще и другую хорошую сторону:
онъ давалъ возможность и бѣднякамъ улучшать породу своего скота.
Такимъ образомъ самый кровавый законъ можетъ получить, въ ра-
зумныхъ рукахъ, форму гуманную. Настоящимъ юристамъ не мѣ-
шало бы вдуматься въ этотъ историческій фактъ, и во многихъ
случаяхъ и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы.

если не отъ царя смута, то Богъ его простить, и что посохъ онъ взялъ съ собою.

Исчезновеніе изъ Успенскаго собора посоха митрополита Петра, на который народъ глядѣлъ какъ на святыню, не осталось бы въ секретѣ, и царю вообразилось, какъ только Москва проснется, то это сдѣлается тотчасъ извѣстнымъ и поведетъ Богъ знаетъ къ чему.

Митрополитъ Павель, архимандритъ чудовскій, его приверженецъ Іоакимъ, Стрѣшневъ и Алмазь взялись догонять Никона и отнять у него посохъ.

— Только безъ насилія,—присовокупилъ государь.

Имъ тотчасъ дали царскихъ лошадей, конвой рейтаровъ и они помчались къ „Новому Іерусалиму“.

Раздосадованъ былъ Алексѣй Михайловичъ всею это пустозвонною передрагою.

Запелъ онъ, поэтому, къ Татьянѣ Михайловнѣ, объясниться съ нею и душу отвести.

Царевна какъ будто ожидала его: она встрѣтила его одѣтая, но сильно встревоженная. Глаза ея были заплаканы, щеки горѣли.

— Ну, что, братецъ?—воскликнула она, увидѣвъ его.

— Все пропало,—вадохнулъ Алексѣй Михайловичъ, опускаясь на стулъ.

— Не пугай меня... Что случилось?.. Вѣдь патріархъ здѣсь... въ Успенскомъ... служить...

— Нѣтъ... уѣхалъ...

— Какъ уѣхалъ?

— Смирился и уѣхалъ... вернулся въ „Новый Іерусалимъ“... Не ожидалъ я этого; ему нужно было настоять на своемъ: велѣтъ звонить, созвать народъ и ѣхать потомъ въ патріаршія палаты..

— А онъ смирился предъ боярами и уѣхалъ?..

— Уѣхалъ,—простоналъ государь:—и что я буду дѣлать безъ него? Снова я одинокъ, не съ кѣмъ посоветоваться, не съ кѣмъ переговорить по сердцу... Не сопровителя они лишили меня, не сотрудника, а соби-

наго друга,—друга, который печаль мою утолялъ, который мужество мнѣ вселялъ... А здѣсь война, безконечная война, всюду голодь... а тутъ боярскіе порядки и расправы губятъ тысячи людей,—всюду плачь, уныніе... Боже, Боже, неужели ты не пособишь мнѣ?..

— Отчего же, братецъ, ты не вызовешь прямо къ себѣ патріарха! зачѣмъ слушаться бояръ?..

— Слушай, отъ тебя я не имѣю тайнъ, и ты, навѣрно, поймешь мою кажущуюся нерѣшительность... Едва Никонъ удалился, бояре захватили всю власть въ свои руки, и захватили ее такъ ловко, что и я самъ того не замѣтилъ. Стали они сначала выпрашивать помѣстья и забрали что ни на есть лучшія земли даже въ Малой и Бѣлой Руси. Теперь есть между ними такіе, что богаче меня, хотя бы и Морозовы: по двѣсти пятьдесятъ тысячъ оброку имѣютъ... А съ богатствомъ приходитъ и сила... Доносили мнѣ, что сносятся съ боярами и Янъ Казиміръ, и король свейскій,—оба хотятъ царствовать на Москвѣ... Я и боюсь измѣны... Помнятъ же еще теперь москвичи, да и многіе на Руси, что крестъ Владиславу цѣловали... А тутъ на бѣду Алешенька, хотя мальчикъ умненькій, да хиленькій, а Федорюшка еще малъ. Боюсь, коли будетъ измѣна, аль я умру, то не минетъ мой домъ участи Годуновыхъ... Вотъ чего я боюсь, Танюшка, вотъ что сердце мнѣ надрываетъ... а тутъ святѣйшій вздумалъ смиряться... Того же забылъ онъ, что патріархи восточные на пути ужъ, и коли они пріѣдутъ на Москву, то дѣло Никона погибнетъ: зайдятъ его на соборѣ и святители, и бояре.

— Боже, Боже, велѣла же я Зюзину писать толково да отъ имени Матвѣева и Нащокина, — сорвалось съ языка Татьяны Михайловны.

— Такъ это ты оповѣстила его?..

— Да ктожь, окромя меня?.. Знаю я всѣ твои думы, все твое сердце, всѣ твои тайны, братецъ,—кому же и писать, какъ не мнѣ?

— Но погубила ты, сестрица, Зюзина.

— Какъ?

— Да такъ... Патріархъ объявилъ боярамъ, что онъ пріѣхалъ по его извѣщенію, что онъ отдастъ имъ письмо.

— Боже... Господи... Неужели онъ это сдѣлаетъ?.. Никонъ въ монастырѣ совѣмъ съ ума спятилъ: вмѣсто того, чтобы идти по письму, онъ Зюзина выдаетъ... Не вѣрю.

— Но хуже всего,—вздыхнулъ государь:—что бояре будутъ пытатъ Зюзина, и тотъ выдаетъ тебя.

— Пушай, пушай... я бы хотѣла... пушай... Тогда, братецъ, вызови Никона и самъ посади его снова на престоль.

— Сестрица, да возможно-ли это? Да знаешь-ли ты, что въ тотъ же день измѣна ждетъ насъ и на Москвѣ, и на Руси...

— Не боюсь я измѣны... Я тогда сама поѣду за Никонемъ... привезу его къ Успенію... ударимъ въ колоколь... соберется народъ... и я, первая, сама пойду на бояръ, и горе имъ: пламя охватитъ ихъ жилища... Разоримъ мы ихъ вороньи гнѣзда и выжжемъ даже мѣсто, чтобы слѣда ихъ не осталось...

— Таня, Таня, что ты сдѣлала!—зарыдалъ Алексѣй Михайловичъ.

— Это ты малодушень, братецъ... а Никонъ съ крестомъ животворящимъ въ рукѣ сильнѣе всѣхъ твоихъ бояръ, всей твоей рати... Съ крестомъ мы будемъ сражаться противъ крамолы и поборемъ враговъ. Что сдѣлано, то сдѣлано, и не возвратишь. Таперъ такъ: коли Никонъ выдаетъ письмо боярамъ и Зюзинъ на пыткѣ выдаетъ меня, ты тотчасъ, братецъ, оповѣсти меня... Я соберу друзей, и мы поѣдемъ за Никонемъ,—тогда, ужъ прости,—все сдѣлаетъ Никонъ.

— Дай, Боже, тебѣ успѣха... Я и ума не приложу... голова идетъ кругомъ... Пойду помолюсь.

Онъ отправился въ крестовую, заперся тамъ и долго молился и плакалъ.

Между тѣмъ святители съ Стрѣшневымъ и Алмазомъ скакали съ разсвѣта до пятого часа дня и нагнали патріарха въ селѣ Черневѣ. Лошади Никона, много работавшія въ предшествовавшій день, сильно устали и поэтому медленно подвигались впередъ, что дало посламъ возможность нагнать его по дорогѣ; въ противномъ случаѣ, Никонъ успѣлъ бы попасть въ свой Новый Иерусалимъ, и послѣдствія могли бы быть чрезвычайныя.

Никонъ и свита его состояла изъ монаховъ и нѣсколькихъ человѣкъ служекъ, какъ-то: Ольшевскаго, Михайлы, Денисова и еврея Лаазаря, который извѣстенъ сдѣлался впоследствии въ исторіи Стеньки Разина подъ названіемъ Жидовина. Лазарь былъ преданъ Никону, какъ вѣрный песь, и былъ совершенною противоположностью Мошкѣ и Гершкѣ. Первый, замѣтившій погоню за патріархомъ, былъ Лазарь.

Блѣдный и смущенный, вбѣжалъ онъ на дворъ избы, гдѣ они остановились, и крикнулъ Ольшевскому:

— Москали скачутъ... Кажись къ патріарху.

Ольшевскій поспѣшно доложилъ объ этомъ Никону.

— Запереть ворота и не впускать,—былъ короткій отвѣтъ патріарха.

Поѣздъ митрополита Павла остановился у воротъ, такъ какъ ему указали крестьяне, гдѣ находится патріархъ.

Посольство съ вооруженными стрѣльцами Ольшевскій отказался впустить, и послѣ долгихъ переговоровъ онъ впустилъ только пословъ.

Стрѣшневъ, испытавъ ужъ единожды при арестѣ его крутость и зная, что угрозами ничего не сдѣлаешь, обратился къ нему вѣжливо:

— Государь,—сказалъ онъ:—просить тебя, святѣйшаго патріарха, сказать, по чьему извѣстію ты пріѣхалъ въ Москву, и просить тебя возвратить ему, великому государю, посохъ св. Петра.

— Это правда, пріѣзжалъ я въ Москву не самовольно, по вѣсти изъ Москвы. Посохъ не отдамъ,—отдать мнѣ посохъ некому. Оставилъ я патріаршій престолъ на время за многія нападенія и за досады. Тебя же,—обратился онъ къ Павлу:—я зналъ въ полахъ, а въ митрополитахъ не знаю; кто тебя въ митрополиты поставилъ, не вѣдаю. Посоха тебѣ не отдамъ и со своими ни съ кѣмъ не пошлю, потому что не у кого посоху быть. Кто ко мнѣ вѣсть прислалъ, объявлю по времени. Вотъ и письмо! А письмо это принялъ я потому: какъ великій государь былъ въ Саввинѣ монастырѣ, то я посылалъ къ нему архимандрита своего Герасима, и великаго государя милость была ко мнѣ такая, какой по уходѣ моемъ изъ Москвы не бывало.

Послы вышли во дворъ совѣщаться, что дѣлать дальше, и когда хотѣли вновь войти къ патріарху, служки его рѣшительно воспротивились впустить ихъ.

Стрѣшневъ и Алмазъ, славившіеся силою, крѣпко ихъ избили и ворвались къ Никону.

Они ему сначала пригрозили, потомъ смягчили тонъ, и стали его умолять. Такъ продолжалось до 11 часовъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ и видя, что конца не будетъ этимъ мученіямъ и нравственнымъ истязаніямъ, Никонъ обратился къ посламъ:

— Посохъ и письмо,—сказалъ онъ:—я отошлю самъ къ великому государю. Вѣдомо мнѣ, что великій государь посылалъ ко вселенскимъ патріархамъ, чтобы они рѣшили дѣло объ отшествіи моемъ и о постановленіи новаго патріарха: я великому государю бью челомъ, чтобы онъ ко вселенскимъ патріархамъ не посылалъ. Я какъ сперва обѣщался, такъ и теперь обѣщаюсь на патріаршій престолъ не возвращаться, и въ мысли моей того нѣтъ. Хочу, чтобы избранъ былъ на мое мѣсто патріархъ, и когда будетъ новый патріархъ поставленъ, то я ни въ какія патріаршія дѣла вступаться не стану, и дѣла мнѣ ни до чего не будетъ. Велѣлъ бы мнѣ вели-

кій государь жить въ монастырѣ, который построенъ по его государеву указу, а новопоставленный патріархъ надо мною никакой бы власти не имѣлъ, считаль бы меня братомъ, да не оставилъ бы великій государь ко мнѣ своей милости въ потребныхъ вещахъ, чтобы было мнѣ чѣмъ пропитаться до смерти. А вѣкъ мой не долгій, теперъ уже мнѣ близко 60 лѣтъ.

Но Москвѣ не этого хотѣлось: раскольники желали бы стереть его съ лица земли, а свои православные, то есть боярствующіе никоньяне, были бы тоже рады его посадить въ срубъ и сжечь.

Отвѣта, поэтому, не воспослѣдовало, а хотѣли ему сдѣлать большую досаду и накинулись они на боярина Зюзина.

— Вотъ кто смуту произвелъ... Хорошо, что Никонъ уѣхалъ изъ Москвы, а если бы онъ заупрямился... Да тутъ была бы такая гиль... такая смута... Да и тебя, великій государь, и Матвѣева, и Нащокина онъ сюда приплелъ.

Этими навѣтами они вымучили повелѣніе царя: доподлинно розыскать; значить, слѣдствіе съ всѣми жестокостями: пыткой и т. д.

Всю ту ночь жена Зюзина не спала. Мужъ ея находился у Успенскаго собора и слѣдилъ за тѣмъ, что тамъ происходитъ.

Преданный ему и Никону дьяконъ каждый разъ выходилъ изъ церкви и сообщалъ ему, что тамъ происходитъ.

Сердце у Зюзина замирало: онъ сразу понялъ, что Никонъ не идетъ тѣмъ путемъ, какимъ ему слѣдовало бы идти, и поэтому онъ каждый разъ говорилъ дьякону:

— Да какъ онъ не велитъ звонить, такъ ты прикажи...

— У меня дѣтки и жена,—вздыхалъ дьяконъ.

— Я-то не умѣю трезвонить: коли бы умѣлъ, вся

Москва была бы ужъ на ногахъ,—выходить изъ себя Зюзинъ.

Но вотъ, къ прискорбію, выходитъ патріархъ изъ собора, отряхаетъ прахъ своихъ ногъ и уѣзжаетъ.

Все это казалось Зюзину сномъ.

— Кажись по-русски ему писалъ,—скрежещеть онъ зубами:—а онъ... онъ... что съ нимъ сдѣлалось?.. И голова потупѣла... и мужества нѣтути... Смиренномудріе, добродѣтель, но адѣсь просто глупость...

Онъ побѣжалъ домой.

— Ну, что?—спросила его жена, видя его отчаянный видъ.

— Возвратился домой, бояре уговорили...

— Ну, ужъ не ожидала...

— Да вотъ что, жена... Коли бояре узнаютъ, что я оповѣстилъ его... и онъ сказалъ, что онъ по извѣщенію пріѣхалъ, то быть бѣдѣ...

— Какой?

— Пропаду я, какъ песъ...

Зюзинъ былъ молодъ, жена была красавица и подруга царевны Татьяны.

Она любила мужа до безумія. Услышавъ эти страшныя слова, она поблѣднѣла и воскликнула:

— Бѣги... бѣги... тотчасъ бѣги въ Польшу.

— Куда бѣжать? Нужны деньги... да и поздно... Всюду заставы, сыщики, шиши...

— Возьми все, что въ домѣ: золото, серебро, камни самоцвѣтные... Бѣги, ради Бога.

Съ лихорадочною поспѣшностью начала она снаряжать его въ путь, велѣла лошадей изгововить въ легкій возокъ и заторопила его.

Зюзинъ рѣшился было ѣхать и сталъ укладываться, но вдругъ на него напала нерѣшительность.

— Дай подождать утра... Я повидаюсь кое съ кѣмъ, а уѣхать успѣю... Не возмутся же тотчасъ за меня.

Стало свѣтать. Зюзинъ одѣлся и вышелъ изъ дому.

Къ обѣду онъ возвратился и успокоилъ жену:

— Ничего,—сказалъ онъ:—не слыхать, чтобы что-либо было.

Такъ прошелъ день, и они легли спать.

Ночью до свѣта раздался сильный стукъ въ воротахъ. Зюзинъ и жена его одновременно проснулись.

— Кто бы смѣлъ такъ рано стучать,—разсердился бояринъ.

— Не къ добру это,—молвила жена его и выскочила изъ кровати и начала одѣваться поспѣшно.

Стукъ сталъ усиливаться, потомъ слышались голоса, стукъ оружія и шаги.

Вбѣжала барская боярыня:

— Приставъ со стрѣльцами за бояриномъ,—крикнула она испуганно.

— Приставъ... за бояриномъ... за нимъ... о... охъ,— и Зюзина упала мертвая на полъ.

— Голубица моя, горлица невинная, — заголосилъ Зюзинъ, бросаясь къ ней и осыпая ее поцѣлуями: — Встань, проснись, очнись, взгляни на меня своими ясными глазами, порадуй своего друга... И что я безъ тебя-то буду? Сиротою сиротинушкою... Скорбь лютая.

Ворвался приставъ въ опочивальню со стрѣльцами.

— Я за тобою, бояринъ, по государеву указу и боярскому приказу.

— Аль не видите, звѣри лютые? Убили вы мою жену... Дайте проститься съ нею... дайте похоронить ее съ честью...

— По указу государеву иди съ нами безъ прекословія. Похоронятъ боярню и безъ тебя.

— Не уйду я... не покину я тѣла ея святаго, безъ молитвы, честнаго погребенія...

— Берите его, — скомандовалъ приставъ

Стрѣльцы бросились на боярина.

Тотъ схватилъ трупъ жены и, вцѣпившись въ него кричалъ:

— Съ нею берите... въ одну могилу заройте.

Больше онъ ничего не помнилъ, — очнулся онъ въ застѣнкѣ, на твердомъ ложѣ.

Свѣтъ проникалъ, едва-едва, въ маленькое рѣшетчатое окошечко.

Но что это было за письмо, за которое Зюзинъ пострадалъ?

Вотъ-что писалъ онъ Никону:

„Являлись ко мнѣ Матвѣевъ и Ординъ-Нащокинъ и сказывали: 7-го декабря у Евдокии, въ заутреню, наединѣ говорилъ съ нами царь: „Прислалъ ко мнѣ патріархъ архимандрита въ Саввинъ монастырь; я его со вѣту обрадовался, — хорошій архимандритъ. Сидѣлъ я съ нимъ наединѣ, и онъ со слезами говорилъ, чтобы намъ ссорѣ не вѣрить, и я съ клятвою говорю, что никакой ссорѣ отнюдь не вѣрю. Вотъ теперь, на Николинъ день, пріѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ съ поносными словами всякими на патріарха. Я знаю, кто съ нимъ въ заводѣ, — только я этому ничему не вѣрю. А нашъ совѣтъ и обѣщаніе наше Господь единъ вѣстъ *), и душою своею отъ патріарха ей я не отступенъ, да духовенства и синклита ради, по нашему царскому обычаю, собою мнѣ патріарха звать нельзя и писать къ нему о томъ, потому что онъ вѣдаетъ, для чего ушелъ, а нынѣ, въ церкви и во всемъ, кто ему бранить? Какъ пришелъ, такъ и придетъ, — его воля, я ей-ей въ томъ ему не противенъ. А мнѣ къ нему нельзя о томъ отписать, вѣдая его нравъ: въ сердцахъ на

---

*) Царь намекаетъ о какой-то клятвѣ, данной ему Никону, и Никонъ въ своихъ письмахъ тоже часто напоминаетъ объ этомъ. Вообще въ ихъ отношеніяхъ имѣлось что-то таинственное, на что указываетъ и одна угроза Никона: что онъ въ одной церкви спряталъ какую-то переписку съ нимъ царя. Поэтому мы всю эту часть письма не можемъ не признать достоверною.

бояръ и архіереевъ и не удержится, скажетъ, что я ему велѣлъ пріѣхать, или по письму моему откажетъ, и мнѣ то будетъ конечно въ стыдъ, въ совѣтѣ нашемъ будетъ препона, и *) всѣ поставятъ мнѣ то въ непостоянство. А хотя и пришлю спросить въ церковь для прилика, отводя подозрѣніе и скрывая совѣтъ, и онъ скажетъ, что по своей волѣ, ради церковныхъ потребъ, отъѣзжалъ и опять пришелъ,—кто можетъ мнѣ возбранить? Кто мнѣ въ церкви указчикъ **)? А онъ скажетъ: духовное письмо (т. е. постановленіе собора) давали на меня, и я имъ дамъ отвѣтъ,—они сами не знаютъ ничего, почему я ушелъ, почему я опять прихожу ***) , а судъ износятъ на меня не по своей мѣрѣ и не по правиламъ; и если станутъ просить прощенія, то за невѣдѣніе ихъ, изволилъ бы сказать, Богъ проститъ! А я,—продолжалъ государь:—свидѣтеля Бога поставлю, что ему ни въ чемъ противенъ не буду и душевно совѣтую такъ сдѣлать ****). Сколько уже времени между нами продолжается несогласіе. Врагу лишь въ томъ радость, да непріятелямъ нашимъ, которые для своихъ прихотей не хотятъ, чтобы намъ въ совѣтѣ быть. Я узналъ досконально: только бы пожаловалъ, изволилъ бы патріархъ прійти къ 19 декабрю къ заутрени въ соборную церковь,

---

*) Мотивъ этотъ очень силенъ, и вотъ чѣмъ объясняется, что царь, разсердясь, что Никонъ выдалъ боярамъ письмо Зюзина, началъ противъ послѣдняго дѣло, а потомъ, какъ мы увидимъ, онъ даже упрекнулъ Никона на соборѣ, зачѣмъ-де онъ выдалъ Зюзина. Все это доказываетъ, что и эта часть письма достоверна и заключала мысли царя.

**) Напрасно Никонъ не послушался этого совѣта, онъ не долженъ былъ покинуть Успенскаго собора.

***) И дѣйствительно, кто имѣлъ право требовать объясненія отъ патріарха въ его поступкахъ? Нужно было для пользы церкви сидѣть въ «Новомъ Іерусалимѣ», ну — и сидѣлъ бы тамъ, — и дѣло съ концомъ.

****) Какъ въ этихъ послѣднихъ словахъ слышенъ Алексѣй Михайловичъ!

прежде памяти чудотворца Петра, и онъ, нашъ чудотворецъ и посредникъ любви нашей, и всѣхъ враговъ нашихъ отженеть. Для того пришелъ бы, чтобъ кровь христіанскую остановилъ вмѣстѣ съ нами, и его слово надобно будетъ во всенародное множество, и любо имъ конечно, будетъ, и всѣ ему за то, конечно, рады будутъ и послушны, а мнѣ-то помощь отъ него и заступленіе. Да и мнѣ надобенъ онъ душевно: началъ я это ратное дѣло (войну) и всякія свои царственныя и духовныя дѣла вмѣстѣ съ нимъ, такъ чтобъ Господь Богъ молитвами его святительскими и совершить сподобилъ во благая, вмѣстѣ, по совѣту. И ты, Аеанасій *), моимъ словомъ прикажи Никитѣ (Зюзину) отписать ему все это тайно. А вотъ мнѣ къ тому числу надобно, съ нимъ вмѣстѣ, порѣшить, съ чѣмъ отпустить тебя на посольское дѣло“... Въ заключеніе же государь сказалъ: „Но опять молю, чтобъ въ тишинѣ, безъ большихъ выговоровъ, чтобъ не ожесточилъ всѣхъ, — всѣ опасаются, ждуть отъ него жестокости. Покинулъ онъ меня въ такихъ напастяхъ одного, борима отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а не на томъ мы между собою обѣщались, что до смерти другъ друга не покинуть, и клятва есть въ томъ между нами“.

Письмо это, по нашему мнѣнію, святая правда, потому что въ это время государство находилось въ слѣдующемъ положеніи: извнѣ тяжкая, неудачная, разорительная война, которой и конца не видно было, такъ что было время, что Алексѣй Михайловичъ готовъ былъ не только возвратить всю Бѣлоруссію, но даже и Смоленскъ; внутри государства — бѣдствія физическія, голодъ и моръ, истомленіе народа, его вопль и волненія, а въ церкви — расколъ и мятежъ.

Положеніе было, въ дѣйствительности, отчаянное, и

---

*) Нащокинъ.

можно повѣрить, что все это говорилось царемъ. Но Никонъ обязанъ былъ при этомъ пріѣздѣ понять истинный смыслъ этого письма: ему нужно было насильно вернуться на свою каведру и не оставлять ее болѣе; а онъ въ Успенскомъ соборѣ выказалъ непростительную слабость и уступчивость, а потомъ, не кстати, выдалъ и царя, и Матвѣева, и Нащокина, и Зюзина...

Нащокинъ и Матвѣевъ отказались отъ того, чтобы они что-либо говорили Зюзину, но при пыткѣ Зюзинъ сказалъ, что онъ Нащокину читалъ письмо Никона и что тотъ сказалъ хорошо. А о Матвѣевѣ онъ сказалъ: что онъ-де, Зюзинъ, не написалъ тѣмъ лицомъ, а о какомъ, онъ не сознавался.

Послѣднее лицо есть царевна Татьяна Михайловна, чѣмъ и объясняется скоропостижная смерть жены Зюзина. Форма же пытки была въ то время такова, что Зюзина терзали до послѣдняго, и онъ при этомъ стоялъ на своемъ и не выдалъ царевны.

Бояре, еще съ 1662 года успѣвшіе удалить отъ двора Зюзина, какъ друга Никона, теперь обрадовались, что могутъ его осудить по первымъ пунктамъ уложенія, какъ мятежника и оскорбителя величества, и приговорили его къ смертной казни.

О приговорѣ этомъ государь тотчасъ пошелъ сообщить царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ.

Онъ рассказалъ, какъ Зюзинъ и при пыткѣ не выдалъ ее.

— Напрасно — одинъ честень, а другой смиренно-мудренъ,—патріархъ смиреніемъ напакостилъ, а этотъ честностью. Меня пощадилъ... Хотѣла бъ я поглядѣть, какъ бы они дерзнули царскую дочь, царскую сестру, внуку Филарета Никитича Романова, призвать къ сыску и къ суду... Головами они поплатились бы за продержанность... Писала я патріарху съ укоромъ, зачѣмъ-де смирился; а онъ отповѣдь далъ: Царя не хотѣлъ огорчить и смуту въ народѣ завести. А о Зюзинѣ, какой твой

указъ?.. Жена его Богу душу отдала за насъ, а его голова что-ль слетить тоже за насъ? За нашу шаткость?..

— Бояре шутки шутятъ; я его помилую, а тамъ поглядимъ...

— Поглядимъ... Смотри братецъ... всѣ-то ужъ очи, и твои и мои, мы проглядѣли изъ-за твоихъ бояръ...

— Но ты вотъ что, сестрица, сдѣлай. Пошли ко мнѣ царевичей Алексѣя и Ѳедора: пушай-де просить за Зюзина.

— Пушай такъ,—пожала плечами царевна.

Алексѣй Михайловичъ ушелъ.

— Господи, прости мои согрѣшенія, — воскликнула по уходѣ его царевна:—вѣдь своей-то воли ни на деньгу...

Въ тотъ же часъ къ царю явились сыновья его: Алексѣй и Ѳедоръ, послѣдній еще крошечный ребенокъ, и со словами, на колѣняхъ, умоляли его простить боярина Никиту Зюзина.

Царь, какъ будто удивился, не соглашался долго; когда же ему бояре поднесли приговоръ, онъ подписалъ: „Сослать Зюзина въ Казань, гдѣ записать на службу, а помѣстья *) и вотчины отписать въ казну, дворъ же и движимое имѣніе отдать ему на прокормленіе“.

О томъ же, что письмо было достовѣрно, доказывается еще тѣмъ, что отношенія царя къ Нащокину не только не измѣнились послѣ этого, но онъ приобрѣлъ еще большее довѣріе царя **).

---

*) Помѣстья принадлежали и такъ казнѣ и давались вмѣсто жалованья за службу. Вотчины тогдашнихъ бояръ не стоили, обыкновенно, скорлупы выдѣнаго яйца. А дворы были главнымъ источникомъ дохода, такъ какъ къ нимъ были приписаны оброчные крестьяне, не рѣдко очень богатые.

**) Соловьевъ, въ своей исторіи, до того пристрастенъ къ Никону, что письмо это считаетъ клеветомъ на Матвѣева и Нащокина. Но тамъ, гдѣ можно было снять клевету, тамъ Зюзинъ и снялъ его, т. е. съ Матвѣева. И въ этомъ случаѣ Соловьевъ показалъ только свое крайнее невѣжество въ пониманіи тогдашней пытки и свое желаніе, во что бы то ни стало, чернить Никона и даже его друзей.

Зюзинъ былъ, такимъ образомъ, козлищемъ отпущенія царскаго грѣха и неумѣстнаго смиренномудрія Никона.

И осуществилась пословица: Иной разъ доброта и простота—хуже воровства.

XXV.

Дума царя и Никона.

Инокія Наталья идетъ по Москвѣ поспѣшно къ Кремлю; она приближается ко дворцу и направляется къ терему.

Въ постельномъ крыльцѣ она велитъ доложить о себѣ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ.

— Мама Натя! — встрѣчаетъ ее восторженно царевна: — я ужъ думала, что тебя на свѣтѣ нѣтъ... Откуда теперь?

— Да изъ своей Малороссіи: тамъ мнѣ было горе одно... И здѣсь горе... и тамъ горе...

— Да тамъ-то что случилось?..

— Юрій Хмѣльницкій въ монастырь поступилъ... Брюховецкаго избрали въ гетманы... Да тамъ все порядка нѣтъ: одни тянутъ къ ляхамъ, другіе сюда къ Москвѣ. Рѣжутся теперь, да и рѣзаться будутъ еще долго. Нѣтъ тамъ головы; а бояре только и думаютъ, какъ бы прикарманить что ни на есть, да помѣстій нажить. Миръ нуженъ царю съ Польшею, а коли мира не будетъ, такъ останется ли еще Малороссія за Москвою... одинъ Богъ вѣдаетъ.

— Думаетъ царь и о мирѣ съ Польшею, и съ швейскимъ королемъ, да и самъ не знаетъ, что дѣлать. Хотимъ ужъ уступить даже Смоленскъ.

— Столько крови пролито за Смоленскъ, и теперь отдать его... Кто же совѣтники?

— Да тѣ же бояре... Хотѣли мы было вернуть Никона, да не удалось. Самъ онъ пустился въ смиренномудріе; а это на руку боярамъ.

— Такъ нѣтъ и надежды на примиреніе?—прослезилась инокиня.

— Какое же примиреніе, коли царь боится бояръ! Вишь они теперь сильнѣе его. Забрали всѣ лучшія и богатыя земли и помѣстья, и коли захотятъ, то выставятъ больше ратниковъ, чѣмъ онъ. Здѣсь на Москвѣ у каждаго боярина при дворѣ его по нѣсколько сотъ холоповъ... Думалъ было царь, когда слухи были о томъ, что ляхи идутъ на Москву, ѣхать въ Ярославль, да какъ вспомнилъ это, такъ побоялся измѣны и остался здѣсь. Уговорили его бояре раздѣлить помѣстья между ними, по примѣру Польши: дескать, не къ лицу же будетъ русскимъ боярамъ быть не такъ богатыми, какъ польскіе паны, коли царь надѣнетъ корону Польши. Ну, и послушался, а теперь самъ плачется.

— Теперь я понимаю. Значить, царь радъ былъ бы вернуть Никона, да бояре мѣшаютъ...

— Такъ-то оно. Коли бъ ссора была, да отъ царя, онъ бы съ собиннымъ другомъ давно сошелся... А то бояре знаютъ: коли Никонъ вернется, онъ отберетъ у нихъ помѣстья; скажетъ на государственныя нужды да на ратное дѣло, а вы не по заслугамъ получили. Значить, теперь все боярство противъ него... а царь ему другъ... Никонъ же валитъ все на царя, и письма, и слова непристойныя пишетъ... „Все отъ него, — говоритъ онъ:— Рыба пахнетъ отъ головы“. А царь говоритъ: „Пуцай самъ прійдетъ, самъ поборетъ ихъ, они сильнѣе меня. За нимъ будетъ народъ. Я же что?.. Мои стражники, тѣ же бояре,—захотятъ и изведутъ“. Да знаешь, мама Ната, чѣмъ еще пугаютъ его?.. Вотъ, какъ была смута московская, такъ въ Коломенскомъ селѣ сынъ гостя Шорина крачалъ: „Бояре-де съ грамотами отца послали къ польскому королю“. Да и каждый день,—продолжала она:—такія грамоты находятъ то на дворцовомъ дворѣ, то на постельныхъ крыльцахъ. Царь и не доѣстъ, и не допьетъ... Да знаешь ли ты, Никонъ коли бъ явился да

угомонилъ бы бояръ, такъ и царю было бы легче... Не забудь, мама Натя, дѣти его не большія, а онъ видитъ: какъ Богданъ душу отдалъ, такъ Юрія, его сына, и въ монастырь упрятали. Родственники наши: Романовы, Стрѣшневъ, Матюшкины и Милославскіе то и дѣло жужжать ему это въ уши. Ну, и совсѣмъ осовѣлъ и голову потерялъ. Таперь у него одна забота: какъ бы угодить боярамъ... Послали за патриархами греческими, хотятъ низложить Никона, а царь-то самъ знаетъ и понимаетъ, что низложить единственнаго его друга, и горько плачетъ онъ. А Никонъ сердитъ на него, да его во всемъ винуетъ. „Онъ-де голова всему“,—пишетъ онъ мнѣ. Ему бы съ боярами нужно было ссориться, а онъ— съ царемъ. И ничего-то и я не могу подѣлать. Ужъ ты бы къ нему, мама Натя, съѣдила да поговорила: можетъ тебя онъ послушаетъ.

— Да теперь не поздно ли? — вздохнула инокиня:— Не сегодня, такъ завтра пріѣдутъ патриархи, бояре и низложатъ Никона.

— Причинитъ оно большое горе царю. Вѣдь и обличать онъ-то, тишайшій, будетъ на соборѣ не по своей волѣ, не по своей охотѣ... Да и за что обличать? За его вѣрность?

Еще долго онѣ говорили въ такомъ смыслѣ, и инокиня рѣшилась пробраться къ Никону въ „Новый Іерусалимъ“.

Нѣсколько дней спустя, Ольшевскій доложилъ Никону, что его желаетъ видѣть богомолка.

Онъ принялъ ее.

Оба бросились другъ другу на шею; Натя плакала, а Никонъ тоже прослезился.

— Какъ ты похудѣлъ, Ника, — говорила инокиня, глядя на него любовно.

— Постарѣлъ, скажи. Да и не диво: привыкъ я къ труду, къ работѣ, а здѣсь что? Обитель: постъ да молитва. Да и сердце не спокойно.

Послѣ того пошли у нихъ разспросы о томъ и о семь.

Инокія рассказала ему все, что дѣлалось у нихъ на Украинѣ: какъ Самко, Золоторенко и Брюховецкій искали единовременно гетманства; какіе доносы писалъ послѣдній на первыхъ въ Москву и какъ онъ требовалъ Ртищеву въ князя малороссійскіе; потомъ, какъ состоялась нѣжинская рада, и вмѣсто постригшагося въ монахи Юрія Хмѣльницкаго избрали Брюховецкаго.

— Да,—воскликнулъ Никонъ:—коли бъ мы не приняли всѣ порядки малороссійской церкви, едва ли Малороссія была бы наша. Восточная часть ея съ Полтавою и сѣверная, поэтому, тянуть къ намъ, а въ западной—весь народъ за насъ. Одна лишь шляхта тянетъ въ Польшу.

— Это правда, тебѣ только и обязана Москва тѣмъ, что малороссы за нее. Если бы не ты, такъ не знаемъ, что бы было съ Москвою. Свейцы и поляки теперь примирились, и если бы они ударили съ одной стороны, а малороссы съ татарами—съ другой, такъ разобрали бы ее на части. Да такъ Янъ Казиміръ и хотѣлъ сдѣлать. Послѣ погрома Шереметьева успѣлъ онъ забрать всю Западную Украину, потомъ перешелъ Днѣпръ, и подъ его руку отошло ужъ болѣе тридцати городовъ... но не начала Рѣчь Посполитая платить жалованья, и ратники стали разбѣгаться... Это спасло Москву и посрамило Яна Казиміра.

— Да зато,—вдохнулъ Никонъ:—онъ пошелъ на Волынь и Литву, и прогналъ насъ оттуда... Сначала побили Хованскаго и Нащюкина... Потомъ Хованскаго били... били... били... и забрали всѣ города, даже Вильну... Мы здѣсь такъ струсили, что хотѣли было улепетывать въ Ярославль.

— Да побоялись измѣны,—вставила инокыня.

— Какой измѣны?

— Бояръ... Сказывала мнѣ царевна Татьяна Михайловна, какъ они уговорили царя подѣлать имъ земли,

и тотъ отдалъ имъ всѣ земли и села не только Великой, но и Малой и Бѣлой Руси... какъ даже города имъ отданы на кормленіе... какъ въ приказахъ столы отдаются на кормленіе и называются кормленіями. И сдѣлались бояре сильны и могущественны, пожалуй, сильнѣе самого царя... и сталъ онъ ихъ бояться... измѣны страшится... боится, что разсердятся и призовутъ снова на престолъ аль польскаго, аль шведскаго короля. Вѣдь одинъ братъ, а другой племянникъ Владислава, а послѣднему цѣловаль крестъ даже Филаретъ Никитичъ... Говорила мнѣ даже царевна: плачетъ онъ много, что тебя съ нимъ, собиннаго друга, нѣтути. Ты-де его помощь и сила... Да ничего не можетъ онъ сдѣлать,—всѣ бояре противъ тебя... Вотъ и призвалъ онъ тебя, чтобы, ты-де, насильно, собственной волею и властью сѣлъ на свой престолъ... А ты смирился... уѣхалъ изъ Москвы...

— Нѣтъ у него воли-то ни на деньгу: — вспыхнулъ Никонъ:—Слушался бы меня, того бы не было. Обога- тилъ бояръ, сдѣлалъ изъ нихъ силу, надавалъ имъ помѣстья и села съ крестьянами. Говорилъ я ему: объяви всѣ земли, и вотчины, и государевы, черными... *) раз- рѣши крестьянамъ юрєвы переходы. Да, онъ обѣщался и ничего не сдѣлалъ. И я сталъ принимать и вотчин- ныхъ, и помѣстныхъ крестьянъ на церковныя земли... **) Далъ онъ мнѣ на это и клятву, что крестьяне будутъ черными, что уничтожить мѣстничество; тогда не было бы и боярства. Изъ нашего боярства онъ сдѣлалъ поль- ское панство, и все изъ-за погони за польскою короною. Теперь трудно съ ними совладать... Баить, пушай-де Никонъ явится въ Москву, да насильно сядетъ на пре-

---

*) Черныя земли считались собственностью крестьянъ, откуда и произошло у насъ слово черны. Въ Малороссіи имѣло это слово то же значеніе, и потому представители крестьянства назывались черною радю, да и сами крестьяне назывались чернью.

**) Это историческій фактъ, такъ что первымъ освободителемъ крестьянъ былъ Никонъ.

столь патріаршій... Хорошо, я пойду на Москву... народъ пойдетъ со мною, посадить меня на престолъ... а бояре ворвутся ночью въ патріаршія мои палаты со стрѣльцами, и будетъ со мною то, что было со св. митрополитомъ Филиппомъ. Иное дѣло, явится въ Москву, поднятъ всѣхъ, бросится съ ними въ боярскіе дома, перерѣзать ихъ и сжечь ихъ дома. Но, что тогда весь свѣтъ скажетъ о Никонѣ?.. Иное дѣло, коль онъ да царь посадитъ Никона на престолъ, тогда я, патріархъ и великій государь, сзываю вокругъ трона и ратниковъ, и всѣхъ вѣрныхъ бояръ и царскихъ слугъ, и тогда мы идемъ войною на крамольниковъ во имя закона. Я вѣдь не противъ царя, а—за царя!

— А царь говоритъ: пушай-де Никонъ сокрушаетъ бояръ, я только спасибо скажу, да въ ноги поклонюсь,— молвила инокиня.

— Сокрушить?.. Да какъ, коли всюду, и здѣсь въ обители, и по дорогѣ, и на заставахъ московскихъ,— всюду шиши да сыщики... Я здѣсь и шевельнуться не могу: тотчасъ въ Москву даютъ знать... Теперь и ничего не сдѣлаешь... А вотъ думу-то я думаю... У васъ тамъ въ Кіевѣ безъ митрополита... кажись?

— Безъ тебя въ церкви большая смута. Вмѣстѣ съ удаленіемъ твоимъ, патріархъ, отложился отъ Руси митрополитъ Діонисій Балабанъ... Блюстителемъ митрополіи поставили епископа черниговскаго Лазаря Барановича. Но Москва на него косилась; зачѣмъ-де безъ Никона онъ тянетъ къ царьградскому патріарху? Вызвали они протопопа нѣжинскаго, Максима Филимонова...

— Слышалъ. Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Посвятили его сразу въ епископы мстиславскіе и оршанскіе, подъ именемъ Мееодія, и послали его въ Кіевъ блюсти престолъ митрополичій.

— Теперь гетманъ Брюховецкій ѣдетъ челомъ бить царю отъ святителей Малороссіи: пушай-де Москва пошлетъ туда митрополита.

— Вотъ я и думаю. Пушай-де царь отпустить меня въ Кіевъ, и смута въ церкви кончится. Засяду я на митрополичей кіевской каедрѣ... Что это за Брюховецкій? О немъ что-то не было слышно.

— Изъ польскихъ онъ шляхтичей: отецъ былъ униатъ, а онъ принялъ православіе... Изъ Малороссіи только одна чернь тянетъ къ православному царю, а изъ шляхты одни тянутъ къ Польшѣ, другіе—къ Москвѣ. Къ Польшѣ льнутъ тѣ, которые хотятъ быть панами, владѣть крестьянами и засѣдать на сеймикахъ и сеймахъ; та же часть изъ шляхты тянетъ къ Москвѣ, которая хочетъ боярства и дворянства. На востокъ и сѣверъ Малороссіи—казачество, и оно льнетъ къ царю, чтобы быть подъ рукою православнаго государя, а казачья шляхта тянетъ тоже сюда, чтобы получить помѣстья отъ царя въ Бѣлой и Великой Руси. Имъ выгоднѣе быть съ царемъ, чѣмъ съ польскимъ королемъ: король въ своихъ земляхъ не можетъ раздавать коронныхъ помѣстій иначе, какъ только людямъ той же страны, и Сигизмундъ лишь постановилъ за правило, что нужно при этомъ быть католикомъ. А русскій царь раздаетъ земли, какъ хочетъ. Вотъ и тянетъ ихъ сюда, къ Москвѣ: дескать тамъ потеплѣе и нагрѣться-то можно на чужой счетъ. А западная шляхта тянетъ къ Польшѣ, чтобы всѣ черныя земли вновь обратить въ хлопство.

— Все одинъ проклятый мамонъ у боярства и у панства,—вздохнулъ Никонъ:—Даже и чернь-то тянетъ сюда, чтобы избавиться ига польскихъ пановъ... Говори дальше, такъ Брюховецкій...

— Иванъ Мартыновичъ тянетъ сюда: сдѣлаться-де бояриномъ-гетманомъ... Дома онъ казилъ всѣхъ своихъ противниковъ и, обрызганный кровью, онъ ѣдетъ сюда въ Москву... На дняхъ онъ будетъ.

— Пушай царевна Татьяна Михайловна переговорить съ царемъ. Быть можетъ, онъ отпуститъ меня въ Кіевъ,

и коли я буду въ Кіевѣ, такъ прїѣду я подь Москву съ большою ратью и смирю тогда бояръ.

— Поговорить-то можно, но безъ бояръ и собора святителей онъ тебя не отпустить.

— А коль онъ заговорить на ихъ освященномъ, какъ они называютъ свою соборную думу, такъ ничего не выйдетъ. Они боятся меня... слабаго изможденнаго старца, здѣсь въ обители, такъ тѣмъ паче покажусь я имъ страшень среди казачества и въ сердцѣ всей славянской семьи. Да, коли-бъ отпустили туда, было-бъ иное дѣло. Снова я сталъ бы тѣмъ Никономъ, чѣмъ былъ тогда, когда снаряжалъ царя подь Смоленскъ. Теперь же что я? Схимникъ... Ужъ ты лучше съ царевною не говори, а я самъ да попытаюсь съ Брюховецкимъ уладить. Пуцай возьметъ меня въ Кіевъ, а оттуда отпустить въ Царьградъ... Вспомнилъ я: у меня вѣдь живетъ здѣсь въ монастырѣ въ боярскихъ дѣтяхъ двоюродный мой племянникъ отъ сестры, курмышскій посадскій, Федотъ Тимоеевичъ Марисовъ... Я его пошлю къ нему... а что будетъ, отпишу царевнѣ... А ее благословляю за все ея добро: коль не она, погибли бы мы здѣсь съ голоду.

Инокія поднялась съ мѣста; Никонъ обнялъ и облобызалъ ее, благословляя съ напутственною молитвою.

Когда она ушла, Никонъ велѣлъ Ольшевскому позвать Марисова.

Это былъ коренастый, красивый молодой человекъ, очень приверженный къ Никону и готовый идти съ нимъ и въ огонь и въ воду.

Когда онъ передалъ ему свою мысль о Брюховецкомъ, тотъ отвѣтилъ:

— Святѣйшій патріархъ! Люди бають: сильнымъ онъ кланяется, а слабыхъ притѣсняетъ. Это общая польская и шляхетская черта... и гетманъ съ этой стороны— истый полякъ. Если бы ты, да въ Москвѣ сидѣлъ на престолѣ, онъ ползъ бы въ твоихъ ногахъ, а таперъ,

едва-ли что будетъ? Развѣ люди, съ которыми онъ прѣдетъ, тоже самое скажутъ?

Съ этими словами Марисовъ удалился, приготовился въ путь и выѣхалъ въ Москву.

Остановился онъ въ Воскресенскомъ подворьѣ и на другой день отправился въ посольскій приказъ, узнать: когда ждуть прѣзда гетмана Брюховецкаго.

— Завтра къ полудню, — отвѣчалъ ему писецъ. — Встрѣтятъ его за Землянымъ городомъ ясельничій Желябужскій и дьякъ Богдановъ.

XXVI.

Гетманъ-бояринъ.

Марисовъ на другой день отправился рано утромъ черезъ Серпуховскія ворота за Земляной городъ.

Здѣсь ожидала гетмана масса народа: стеклись не только всѣ малороссы, жившіе въ Москвѣ, но и вся Москва.

Зрѣлище было невиданное: въ Москву въѣзжалъ, впервые, гетманъ страны, которая не разъ приводила въ трепеть москвичей.

Теперь гетманъ казачій въ подданствѣ царя и ѣдетъ предъ его свѣтлыя очи.

Да и царь, какъ видно, чествуетъ его. Два придворныхъ: Желябужскій и Богдановъ, окруженные блестящею свитою стольниковъ и скороходовъ, ожидаютъ за Серпуховскими воротами гетмана. Для гетмана имѣется при нихъ молодая, сѣрая въ яблокахъ, англійская лошадь. На ней серебряный, вызолоченный нарядъ, весь испещренный бирюзой и изумрудами; чепракъ турецкій, шить золотомъ, золоченый по серебряному полю; сѣдло — бархатъ золотный. Любуется и Марисовъ этою роскошью, этимъ богатствомъ, и думаетъ думу:

— Какъ Иванъ да Мартыновичъ пасъ свиней въ селѣ

своемъ, когда былъ парубченкомъ, такъ не думалъ, не гадалъ, что вѣдетъ онъ въ Москву, какъ царь... И лошадка-то эта будетъ дорого стоить Малороссіи. Продалъ онъ боярамъ свой край родной. Подъ высокою рукою Руси и Богъ велѣлъ ему стать, но не въ холопство продаться боярамъ.

Въ это время показалась кавалькада: гетманъ въ бараньей высокой шапкѣ, на легкомъ аргамакѣ, окруженный старшинами малороссійскими и свитою въ количествѣ 313 человекъ, сталъ приближаться; за нимъ тянулся обозъ съ разными вещами, экипажами, лошадьми и волами.

Въ штатъ его были: духовныя лица—Бутовичъ и Гедеонъ, казачьи власти—Филипповъ, Цесарскій, Забѣлло, Гречанинъ, Шикѣевъ, Федяенко, Константиновъ, Романенко, Винтовка, Гамалѣя и Дворецкій.

Остановились они всѣ въ Малороссійскомъ подворьѣ, и на второй день должны были съ дарами своими представиться къ царю.

Приемъ назначенъ въ Золотой палатѣ, куда повелѣно было явиться всему дворцу, боярской думѣ и святителямъ.

Съ утра начался туда съѣздъ. Но площади были разставлены рейтары, драгуны и стрѣльцы, а у дворца расположился дворцовый полкъ.

Въ десять часовъ утра показался гетманъ со свитою въ Кремлѣ. За нимъ слѣдовали дары царю: полковая мѣдная пушка, отнятая у возмущавшихся казаковъ; серебряная булава измѣнника наказнаго атамана Яненко, арабскій жеребецъ и 40 воловъ замѣчательной величины.

Когда кавалькада подъѣхала ко дворцу, всѣ эти дары были выложены у Краснаго крыльца, а гетманъ и свита его спѣшились.

На крыльцѣ встрѣтилъ гетмана Хитрово и Родіонъ Стрѣшневъ, и ввели его со свитою въ Золотую палату.

Царь сидѣлъ на тронѣ, окруженный боярами, святителями и окольничьими.

Всѣ малороссы, начиная отъ гетмана, цѣловали царскую руку, при чемъ были спрошены старшимъ бояриномъ о здоровіи.

Этимъ окончился первый пріемъ.

15 сентября, Брюховецкій билъ челомъ царю: „Чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ малороссійскіе города со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами принять и съ нихъ денежныя и всякіе доходы собирать въ свою государеву казну, и послать въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей“.

Брюховецкій не имѣлъ вовсе уполномочія отъ страны на этотъ шагъ; въ этихъ же немногихъ словахъ онъ отдавалъ всю Малороссію въ неограниченное распоряженіе боярѣ.

Само правительство это поняло, и поэтому потребовало отъ него предъявленія статей, т. е. условій.

Подаль Брюховецкій подробныя статьи, въ которыхъ выговорилъ, между прочимъ, два пункта: 1) стародавнія казацкія права и вольности казацкія подтверждаются; 2) кievскимъ митрополитомъ долженъ быть святитель изъ Москвы.

Бояре приняли всѣ статьи, а о послѣдней дали уклончивый отвѣтъ: что они снесутся о томъ съ константинопольскимъ патріархомъ.

Побѣда боярѣ была полнѣйшая: Малороссія отдавалась имъ добровольно въ руки, и поэтому, для окончательнаго укрѣпленія союза съ нею, возвели гетмана Брюховецкаго въ бояре, а всѣхъ начальствующихъ, пріѣхавшихъ съ нимъ, въ думные дворяне...

Предложили это гостямъ. Тѣ приняли это съ восторгомъ, и Брюховецкій началъ именоваться бояриномъ и гетманомъ не Запорожскаго войска, а—русскимъ.

На другой день послѣ того Брюховецкій приглашенъ былъ, какъ бояринъ, къ царскому столу. Въ одеждѣ боярской и черной соболиной боярской шапкѣ Брюховецкій, бритый, безъ бороды, съ огромными усами, вы-

глядѣлъ не на боярина, а скорѣе на турка. Посадили его ужъ по рангу, а ниже онъ сѣлъ за Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ. Этимъ дали ему знать, что онъ долженъ быть въ боярскомъ подчиненіи. „Дескать носа высоко не задереть“, коли ему пошлютъ въ Малороссію боярина, сидящаго выше его.

Эти боярскія притязанія надолго, поэтому, приостановили сліяніе двухъ единоплеменныхъ народовъ, и вели къ смутамъ и въ послѣдующій вѣкъ.

Брюховецкій унижилъ, такимъ образомъ, идею своего казачества и, чувствуя, что ему, быть можетъ, не сдобровать дома, сталъ клянчить въ Москвѣ, чтобы ему въ вѣчное владѣніе отдали Шептаковскую сотню.

Но сотня эта была въ Стародубскомъ уѣздѣ, а потому могла бы и улыбнуться ему, если бы его домъ низложили. Вотъ и сочинилъ новый планъ: попросилъ онъ Петра Михайловича Салтыкова, чтобы царь его женилъ въ Москвѣ, на русской.

Для переговоровъ объ этомъ посланъ къ нему приставъ Желябужскій.

— Билъ я челомъ, — началъ гетманъ: — пожаловаль бы меня великій государь, не отпускалъ бы меня, не жоня..

— Есть-ли у тебя, гетманъ, на примѣтѣ невѣста? И какую тебѣ невѣсту надобно: дѣвку аль вдову? — спросилъ приставъ.

Гетманъ отвѣчалъ, что на вдовѣ не хочетъ онъ жениться, что на примѣтѣ онъ никого не имѣетъ, а чтобы государь самъ назначилъ ему невѣсту, при чемъ онъ присовокушилъ: чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему пожаловали вблизи Новгорода Сѣверскаго вотчину для жены..

Брюховецкій явно боялся, что дома у него не будетъ покоино, а потому онъ хотѣлъ вотчину подальше.

Но кого-то ему назначать въ невѣсты?

Въ это-то время, послѣ долгихъ ожиданій, принимаетъ бояринъ-гетманъ племянника патріаршаго, Марисова.

— А звиткиля ты, Өедоть?—прищуриль гетманъ свои маленькіе глазки, поправляя для пущей важности свою боярскую шапку.

— Изъ „Новаго Іерусалима“,—отвѣтилъ по-малоросійски, отлично говорившій на этомъ языкѣ. Марисовъ:—отъ патріарха Никона, въ боярскихъ дѣтяхъ при немъ...

— Щожъ тамъ твій Никонъ робить?.. Акаеисты читае?

— Молится,—процѣдилъ сквозь зубы Өедоть.

— А мы туточки, бачишь, зъ царской-то милости и въ бояре пожалованы...

— Бачу, бачу, панъ запорожскій гетманъ...

— Не запорожскій, а русскій,—поправиль Брюховецкій.

— Русскій?.. а що скажуть казаки... усе вѣско?..

— Що?.. Мнѣ що?.. Царь, якъ пожалуетъ мни нивисту... да въ чужой земли маентокъ, такъ хошь трава не рости... Байдуже!..

— А колы царь вамъ да въ нивисты якусь кикимору... альбо якусь видьму, да съ Лысой-то горы,—буде жинка не изъ важныхъ?..

— Ты тутейшний, такъ пошукай, — вкрадчиво произнесъ Брюховецкій.

— Туточки не то, що на Украйни: теремъ точно гаремъ... и не узнать, гдѣ ворона, аль цапля, аль горлица. А ты вотъ святѣйшему патріарху въ нижки поклонись,—винь усихъ нивистъ наперечетъ знае... Вотъ, колы винъ визмется, такъ буде дило.

— Ужъ ты тамъ съ Никономъ порадься...

— Радиться-то можно... но и ты, гетманъ, ужъ съ царемъ теи и сеи о Никонѣ,—нехай зъ тобою до Кіева пустиль...

— До Кіева?

Гетманъ нахмуриль брови, покрутиль усы, потомъ, какъ бы что обдумывая, произнесъ:

— Можно, можно... тилько нивисту да добру: щобъ була и въ дому боярскаго, да щобъ була гарна, точно краля...

— Пошукаемъ, облизываться будешь... Тильки ты-то ужь...

— Гетманское слово даю...

— Гляди-жь, гетманъ, миѣ бы не опростоволоситься...

— Ужь якъ я кажу що, такъ буде такъ... Крїй Боже, не брехунецъ же я якїй?..

Марисовъ вышелъ изъ Малороссійскаго подворья и направился къ Стрѣлецкой слободѣ. Здѣсь у одного уединеннаго домика, на воротахъ котораго торчитъ вѣнникъ, онъ остановился и постучалъ. Показалась извѣстная намъ раскольничья пристанодержательница, Настя калужская.

— У васъ, кажись, живетъ инокиня Наталья?

— Здѣсь, здѣсь батюшка, только что вернулась матушка изъ церкви...

Она повела Марисова черезъ дворъ, къ небольшому флигельку, и ввела его въ теплую и чистенькую горенку.

Мама Натя, сидя съ какою-то большою книгою въ рукахъ, и въ очкахъ, приобрѣтенныхъ ею въ Кіевѣ, читала.

Приходъ Марисова не удивилъ ее: она даже какъ будто поджидала его.

— Чтожь Брюховецкїй? — спросила она племянника.

Марисовъ рассказалъ, чѣмъ онъ хочетъ взять гетмана.

— Жену-то ему можно дать, — замѣтила инокиня, — да онъ исполнить-ли слово?

— Я же ручаться не могу. Малороссійская шляхта, какъ и польская, мягко стелеть да жестко спать.

— Да, — улыбнулась инокиня: — по малороссійской же пословицѣ: Обицався панъ кожуха; тепло его слово да не грѣе... Постараюсь я сегодня же поискать ему

невѣсту.. Сдѣлаюсь свахою... А ты, Федотушка, заходи ко мнѣ аль завтра, аль послѣ завтра.

Марисовъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

Инокиня одѣлась и пошла во дворецъ.

— Ну, что? — спросила ее царевна.

Инокиня рассказала, въ чемъ дѣло: Брюховецкій-де, коли ему высватаютъ хорошую невѣсту, обѣщается увезти съ собою Никона.

— Ладно, — обрадовалась царевна: — Намъ на Москвѣ не стать занимать невѣсть, — точно муравьи сидятъ по теремамъ боярскимъ, а жениховъ нѣтути...

— Невѣсть-то ему можно будетъ отыскать, — встала инокиня: — да исполнить-ли онъ слово свое о Никонѣ?..

— Тогда и мы не исполнимъ, — улыбулась царевна.

— Какъ такъ?..

— Увидишь...

Этимъ кончился ихъ разговоръ.

Ужъ какъ это царевна сдѣлала, а одна изъ первыхъ невѣсть и красавицъ московскихъ изъявила согласіе свое быть женою Брюховецкаго.

Приставъ Желябужскій явился къ гетману и объявилъ:

— Великій государь пожаловалъ боярина и гетмана, велѣлъ ему жениться на дочери окольникьяго князя Дмитрія Алексѣевича Долгорукова.

Брюховецкій былъ на седьмомъ небѣ: ему отдавали лучшую невѣсту, царскую родственницу, знатнаго и доблестнаго дома Долгоруковыхъ.

— Съ княземъ Долгоруковымъ? — спросилъ онъ: — самому мнѣ договариваться о женитьбѣ, или послать кого-нибудь? По рукамъ бить самому и гдѣ мнѣ съ княземъ видѣться? Отъ кого невѣсту изъ дому брать, кто станетъ выдавать и на который дворъ ее привезть? На свадьбѣ у меня кому въ какомъ чинѣ быть? А я былъ надеженъ, что въ посаженныхъ отцахъ или въ тысяц-

кихъ будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, и о томъ я ужь билъ ему челомъ. Да въ какомъ платьѣ мнѣ жениться, въ служивомъ-ли, или въ чиновномъ московскомъ? А по рукамъ ударя, до свадьбы къ невѣстѣ съ чѣмъ посылать-ли, потому что, по нашему обыкновенію, до свадьбы посылаютъ къ невѣстѣ серьги, платье, чулки и башмаки. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ мнѣ объ этомъ указъ свой учинить.

Сватовство это затянулось, а между тѣмъ у Долгорукихъ пошли обѣды и празднества, и у боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, извѣстнаго тогдашняго героя-генерала, малороссы перепились и чуть-чуть не подрались съ войсковымъ писаремъ Шакѣвымъ.

Это кончилось скандальнымъ процессомъ въ малороссійскомъ приказѣ и ссылкой Шакѣва.

Изъ Малороссіи, между тѣмъ, вѣсти приходили дурныя, и оттуда требовали возвращенія гетмана. Нужно было бракъ отложить и возвратиться во свояси, тѣмъ болѣе, что невѣста рѣшалась выйти за мужъ при установленіи хотя бы временнаго перемирія и порядка въ Малороссіи.

Брюховецкій поэтому сталъ собираться въ дорогу. Въ это время зашелъ къ нему Марисовъ.

— Я чуль, гетмане, що вы до дому?

— Да, сердце, голубко, до дому...

— А Никоноъ зъ вами ѣде?

— Ни.

— А вы казали царю?

— Ни.

— Значить, вы его, дядька, не визьмете зъ собою?

— Ни.

— Да вы дали слово.

— Яке?..

— Слово, що винъ поиде зъ вами.

— Що-сь запамятовалъ?.. Колю я давъ слово?

— Мини.. забулы, дядька?..

— Выбачайте... да я бувъ тогда пьянъ... Ничого не знаю... Да и знать не хочу... винъ съ царемъ, якъ собака гризется, а наша хата зкраю: гдѣ двое дерутся, тамъ третьему зась...

Марисовъ понялъ его еще прежде и нисколько не удивился его уклончивому отвѣту.

Онъ простился съ нимъ и ушелъ.

Спустя нѣсколько часовъ, объ этомъ узнала ужъ царевна Татьяна Михайловна отъ инокини.

— Такъ и онъ не увидитъ своей невѣсты, какъ своихъ ушей, — сказала она: — Будетъ у него, какъ въ сказкахъ говорится: по усамъ потекло, а въ ротъ не попало.

XXI.

Грамота Никона патріарху царьградскому.

Узнавъ отъ Марисова, что Брюховецкій отказался взять его съ собою, Никонъ упалъ духомъ.

— Всѣ противъ меня, — воскликнулъ онъ: — Ужъ кто-то, а хохла должны бы были быть мнѣ признательны. Я всегда отстаивалъ ихъ права; а во время польскихъ волненій открылъ я имъ свободный входъ и въѣздъ во всѣ наши земли, открылъ ихъ духовенству всѣ наши монастыри, раздавалъ всегда мѣста ихъ святителямъ... Наконецъ, не ихъ церковь присоединилъ къ своей, а напротивъ, свою церковь присоединилъ къ ихъ... И за спасибо, они не хотятъ даже дать уголка въ своихъ монастыряхъ Никону; не хотятъ довести до Кіева, чтобы я могъ съѣздить въ Царьградъ къ патріарху, просить его защиты и заступничества противъ бояръ.

Въ это время вошелъ къ нему служка его, Иванъ Шушера *).

---

*) Знаменитый авторъ біографіи Никона.

— Кстати ты, Иванъ, пришелъ, — сказалъ Никонъ: — Мнѣ совѣтъ твой нуженъ.

Онъ разсказалъ о поступкѣ Брюховецкаго.

— Теперъ, — кончилъ онъ: — какъ бы найти, кого бы можно послать въ Царьградъ.

— Да ѣхать я-то берусь, ужъ вѣрнѣе меня человека не найдешь, — обидѣлся Марисовъ: — Да лишь бы кто валялъ съ собою въ Кіевъ, а тамъ перевалимъ дальше. Вотъ, кабы кто изъ людей обоимъ Брюховецкаго да валялъ меня, — спасибо бы сказалъ. Мнѣ самому не пригоже идти въ ихъ станъ: вѣдь, пожалуй, на гетмана самого наткнешься...

— Такъ я пойду, — сказалъ Иванъ Шушера.

— Но ты, Ѳедотъ, вотъ что подумай. Какъ попадешься, такъ вѣдь горе тебѣ: и пытки, и, быть можетъ, лютая казнь ждетъ, — встревожился Никонъ.

— Живымъ себя не дамъ, дядюшка, — перекрестился Марисовъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше грамоты не пошлю въ Царьградъ.

Онъ отпустилъ вѣрныхъ своихъ слугъ. Но на другой день явился къ нему Марисовъ, валялся у него въ ногахъ, цѣловалъ руки и ноги и молилъ послать его къ патріарху.

Долго Никонъ не соглашался, но отчаянье и рѣшимость Марисова были такъ естественны и такъ убѣдительно, что патріархъ послалъ Шушера и велѣлъ устроить отъѣздъ его въ Кіевъ.

Шушера отправился въ Малороссійское подворье.

Отъѣздъ Брюховецкаго предполагался въ тотъ же день, а обозъ долженъ былъ выступить не много позже.

Для Брюховецкаго и его свиты были изготовлены экипажи и верховыя лошади, и все это съ легкимъ обозомъ должно было одновременно тронуться изъ Москвы.

На подворьѣ была страшная суматоха: конюхи пере-

бранивались съ казаками, начальство съ подчиненными, каждый торопиль и ничего не дѣлалъ, за исключеніемъ чернаго люда. Наконецъ, вся эта орда устроилась и, вмѣстѣ съ выходомъ на крыльцо гетмана, вскочила на лошадей и тронулась въ путь.

Шушера, присутствовавшій здѣсь, удивился одному: сколько добра всякаго они вывозятъ изъ Москвы.

Когда же поѣздъ отъѣхалъ отъ подворья, онъ попросилъ указать ему одного изъ обозныхъ головъ.

— А вотъ, Кирилла Давыдовичъ изъ Василькова, — указалъ ему на плотнаго и рослаго казака мальчикъ, котораго онъ спрашивалъ.

Шушера подошелъ къ казаку и, приподнявъ немного шапку, обратился къ нему:

— Дядюшка, ужъ вы помилуйте, что я къ вамъ...

— А що маете?

— Вѣдь вы изъ Василькова, Кирилла Давыдовичъ?

— Васильковскій.

— Видите, цѣлый свѣтъ знаетъ васъ, вотъ и я знаю... А имѣли вы, дядька, племянника?

— Якъ же, малъ... Да ляжи узяли въ плинъ, да такъ и згинуть, — махнулъ онъ рукою.

— А коли онъ не пропалъ, да въ живыхъ?

— Слушайте, хлопци, — крикнулъ радостно Кирилль къ обозной прислугѣ: — чулы вы?.. Да вотъ москаль каже, что мій-то Трохиме, — казакъ, выбачайте... да въ живыхъ... вы знали его, хлопци.

— Ни, не знали, да бравый бувъ казакъ... и чулы мы, якъ винъ невірныя и ляцкія головы сикъ.

— Гдѣ же винъ, — крикнулъ радостно казакъ Кирилль.

— Ладно, покажемъ, — произнесъ сквозь зубы Шушера: — А теперъ, дядька, я проголодался; пойдемъ въ кабакъ, да тамъ малую толику пропустимъ на радостяхъ магарыча. А тамъ я тебѣ все поразкажу.

Зашли они въ ближайшій къ подворью кабакъ и, усѣвшись за штофомъ, повели бесѣду.

— То отъ мене магарычъ, — замѣтилъ казакъ: — Во здравіе живымъ, а умершимъ царствіе небесное,—и онъ огромный стаканъ пропустилъ сразу въ глотку.

— А я за ваше здравіе, дядька... Да вотъ что, Кирилль Давыдовичъ... А что вы возьмете да свезти племянника въ Васильковъ? Онъ человѣкъ денежный, и съ него взять-то можно.

— Якъ же то да зъ племянника...

— Ничего, дядька, я скажу: что я-де заплатилъ за него.

— Добре... Да що взять?.. 50 карбованцевъ, да 50 злотыхъ да 50 грошей.

— Эхъ, дядька, ужъ много-то вы заломили сразу.

— Ну, добре... Я-жъ такъ, що племянникъ... Его батька держитъ мою двоюродную. Ну, поступлю 50 карбованцевъ 50 злотыхъ, а ужъ гроши... Богъ зъ тобою.

Вынимаетъ Шушера огромный мѣшокъ, отсчитываетъ пятьдесятъ серебряныхъ новенькихъ рублей и пятьдесятъ польскихъ пятиалтынныхъ.

— Яке добро... яке добро... — разбѣжались глаза у казака при видѣ новенькихъ рубликовъ.

Онъ загромастилъ ихъ и въ кожаный свой мѣшокъ опустилъ въ порядкѣ.

— То буде жинцѣ,—говорилъ онъ, укладывая рубли:—а то диткамъ на всяку всячину,—указалъ онъ на пятиалтынные.

Когда онъ окончилъ это дѣло, и кошелекъ его опустился, какъ въ пропасть, въ карманъ его широкихъ шароваръ, Шушера налилъ по большому стакану водки и они осушили штофъ.

Шушера велѣлъ подать и другой штофъ. Когда его подали, онъ спросилъ:

— А какъ вы, Кирилль Давыдовичъ, поѣдете?

— Пойдутъ, — сказалъ онъ: — два обоза, — одинъ съ поклажею, другій съ киньями. Я съ киньскими.

— Значить, вамъ нечего перваго дожидаться.

— Ни, гетманъ наказаль поспѣшать съ киньми: дома отдохнуть.

— Да, я забыль, дядька, якъ зовуть вашего племянника.

— А я не казавъ?

— Ни...

— Трохиме... да Трохиме...

— А мой-то—Федотъ...

— Якъ?.. Да ты казавъ, що то мій, мій Трохиме...

— Вижу я васъ браваго казака, точно такой, какъ мой. Ну и думаю: долженъ быть его родичъ аль дядя... Жаль... такъ ужъ пожалуйте деньги назадъ.

— Шкода!.. Якъ то можно.. таке добро.... Жинка и дитки що скажутъ?

— Нечего дѣлать, дядька, вѣдь мой-то Федотъ, а вашъ Трохиме.

— Нехай и твій буде Трохиме... Нехай буде мій... Мини байдуже.

— Коли такъ, ладно... Завтра я съ нимъ къ вечеру приѣду къ тебѣ.

— Добре! Нехай каже, що винъ мій племянникъ.

— Ладно.

Они выпили еще по стакану и разстались.

На другой день, къ вечеру, явились Шушеринъ и Марисовъ въ Малороссійское подворье.

Встрѣча Марисова и Кирилла была точно долго не издавшихъ другъ друга родственниковъ и распросамъ не было конца, такъ что спутники-казаки Кирилла и не заподозрили ничего.

На другой день, часовъ въ девять, обозы должны были тронуться изъ Москвы.

Шушеринъ переночеваль съ Марисовымъ въ подворьѣ и рано утромъ, простившись съ нимъ, пустился обратно въ Новый Иерусалимъ.

Въ то время, когда онъ выходилъ изъ подворья, у

воротъ ему повстрѣчались Мошко и Гершко. Послѣ исторій, затѣянныхъ ими у патріарха, они поселились въ Москвѣ и занимались здѣсь разными гешефтами съ боярами, которыхъ они обирали.

Теперь они набрали много писемъ въ Москвѣ къ разнымъ лицамъ, проживавшимъ въ Украинѣ, и посредствомъ малороссійскаго обоза хотѣли ихъ отправить туда.

— Мошко, чи ты бачилъ? Шупера бувъ тутъ...

— Бачилъ, Гершко.

— Буде, Мошко гешефть: винъ здѣсь мабудь отъ Никона.

— Мабудь.

Они вошли въ подворье, нашли одного изъ обозныхъ головъ и начали съ нимъ торговаться на счетъ доставки писемъ.

Одно письмо было отъ Мошки въ Васильковъ, къ его родственнику Нухиму.

— А кто поѣде въ Васильковъ?—спросилъ онъ.

— Вонъ, дядька Кирилль да его племянникъ Трохиме,—и ему указали на стоявшихъ въ отдаленіи Кирилла и Марисова.

Мошко подошелъ къ казакамъ и сталъ Кирилла просить взять съ собою письмо.

— А вотъ,—сказалъ тотъ:—мій племянникъ поѣдетъ прямо въ Васильковъ, а я въ Чигиринъ, къ гетману.

Марисовъ взялъ письмо и обѣщался передать его еврею Нухиму.

Когда Мошко и Гершко вышли изъ подворья, они прямо направились къ малороссійскому приказу.

Они тамъ бояръ не застали и имъ сказали, что Салтыковъ бываетъ лишь разъ въ недѣлю въ присутствіи, по средамъ.

Въ среду явились евреи въ приказъ и объявили государеву дѣло. Они рассказали, что племянникъ Никона, служащій у дяди въ боярскихъ дѣтяхъ, Марисовъ, безъ

вѣдома малороссійскаго приказа, отъѣхалъ въ Малороссію, въ Васильковъ.

Бояре потолковали между собою и рѣшили, что тотъ ужъ въ пути, а потому слѣдуетъ лишь Брюховецкому и воеводамъ дать знать объ его задержаніи и о присылкѣ въ Москву.

Тотчасъ же съ гонцомъ полетѣли такого содержания грамоты въ Малороссію.

Между тѣмъ, почти послѣ двухнедѣльнаго пути, конный возъ казака Кириллы вѣхалъ со стороны Кіева въ Васильковъ.

Старый городъ не былъ расположенъ, какъ теперь, внизу на равнинѣ, а на возвышенности, по дорогѣ въ Бѣлую Церковь, и былъ сильно укрѣпленъ земляными валами и рвами.

Казацкія хаты съ фруктовыми садами и огородами ютились за валомъ, и посреди города, на площади, виднѣлись еврейскіе дома съ крытыми заѣздами.

У одной изъ хатъ, окруженной хозяйскими постройками и скирдами хлѣба, соломы и сѣна, остановился казакъ Кирилль.

Изъ избы показались старикъ отецъ его, лѣтъ восьмидесяти, жена его, молодица лѣтъ тридцати, и нѣсколько бѣлоголовыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ.

Кирилль поцѣловалъ у отца руку, а жену и дѣтей онъ долго тискалъ въ своихъ объятіяхъ.

— Оце мои казаки... мои есаулы и полковники,— пошутилъ Кирилль:— Батька, то мій гость... Поступите въ хату...

Онъ повелъ гостя въ хату. Молодица успѣла уже впередъ забѣжать въ хату и подала хозяину хлѣбъ. Тотъ взялъ хлѣбъ и подаль его гостю.

Послѣ этого привѣтствія, хозяйка стала изъ печи ставить разные горшки на столъ, но все же казалось ей мало, и она развела огонь въ печи.

Пока хозяйка возилась со стряпнею, Кирилль съ Марисовымъ вышли изъ хаты и убрали лошадей.

Когда же они возвратились въ хату, тамъ былъ уже обильнѣйшій ужинъ: и вареный жидкій горохъ съ свинымъ саломъ, и вареники, и курица жареная, а самое главное—цѣлое барильце (боченочекъ) доброй старки и основательный стаканчикъ. Хозяинъ совершилъ всѣ церемоніалы угощенія водкою: то есть поклонился гостю и всѣмъ присутствовавшимъ и, отпивъ немного и доливъ изъ боченка, поднесъ гостю,—потомъ отцу и женѣ.

Потомъ пошла ѣда, но повторялась церемонія водкою очень часто, такъ что къ концу обѣда всѣ сдѣлались разговорчивы.

Хозяинъ рассказывалъ своей молодицѣ и отцу о Москвѣ и ея диковинкахъ, и о гостинцахъ, какіе онъ привезъ оттуда.

Молодица и дѣти ея давно поглядывали искоса на привезенные мужемъ тюки, но изъ вѣжливости, ради гостя, не хотѣли показать любопытства.

Марисовъ догадался, въ чемъ дѣло.

— А я,—сказалъ онъ:—увязывалъ тюки, я и развяжу.

Онъ поднялся съ мѣста и раскрылъ тюки...

Молодица бросилась вынимать оттуда вещи, и восторгу не было конца. Ей мужъ привезъ на голову платки, на юбки и кофты разной матеріи, а дѣтямъ—сукно на казакины, сапоги и казанскія мерлушки на шапки. Отца онъ тоже не забылъ: ему былъ поясъ и сапоги.

Все это разсматривалось, примѣрялось, а маленькій людъ пицалъ и плясалъ,—въ особенности, когда отецъ вывалилъ груды вяземскихъ пряниковъ.

Провозились они такъ до поздней ночи, и когда легли спать, то Кирилль и Марисовъ скоро заснули. За то вся казачья семья, возбуждаемая подарками и московскими диковинками, ворочалась на своихъ ло-

жахъ и одинъ мальчикъ даже съ крикомъ и плачемъ проснулся: ему снилось, что сосѣдній мальчикъ-шалунъ отобралъ отъ него прекрасные сапожки, привезенные ему отцомъ.

Мать встрепенулась, зажгла каганецъ и мальчуганъ до тѣхъ поръ не угомонился, пока она не показала ему его сапоги. Будущій полковникъ схватилъ сапоги въ объятія и тутъ же крѣпко заснулъ.

На другой день, едва стало свѣтать, вся казачья семья была ужъ на ногахъ.

Зима на дворѣ стояла крѣпкая, морозная, и снѣгу было много.

Поразспросилъ Марисовъ, гдѣ живетъ Нухимъ, и отправился къ нему съ письмомъ отъ Мошки.

— Благо,—думалъ онъ:—поразспрошу его, какъ попасть въ Молдавію, а оттуда доберусь и до Царьграда.

Пришелъ онъ къ Нухиму. Лучшій заѣздъ принадлежалъ ему.

Нухимъ былъ высокій и худощавый еврей, среднихъ лѣтъ. На немъ былъ жанковый черныи, длиннополый, двухбортный сюртукъ; на головѣ соболя шапка; на ногахъ бѣлые тонкіе чулки и башмаки. Онъ только что возвратился изъ школы и на лбу его красовалось богомолье, а на плечахъ таларь.

Встрѣтилъ онъ вѣжливо казака Трохима, какъ представился ему Марисовъ, взялъ отъ него письмо Мошки и, прочитавъ его, сказалъ:

— Чудной мой Мошка; вынѣ думаетъ, что Москали здѣсь на вики засядутъ... и хочеть вынѣ для боярѣ маестности купить... И мене въ спилку кличить... А вы звиткиля?—обратился онъ къ Марисову.

— Я шляхтичь, казакъ подольскій... Бувъ въ полону у москалей, да дядька выручилъ... Я у самой границы... молдавской...

— Добре... такъ щожь? Вамъ пидводы треба?..

— Ни, давайте зъ товарами...

— Добре, и то можно... На ярманку въ Броды и Лембергъ идутъ наши купцы... послѣ нидили...

Нухимъ объявилъ, что онъ устроилъ ему попутчиковъ за то, что онъ привезъ ему письмо отъ Мошки.

Нѣсколько дней спустя, къ нему зашелъ Нухимъ и объявилъ, что попутчики имѣются. Собирается цѣлый караванъ евреевъ выѣхать вмѣстѣ, и такъ какъ дороги не безопасны, то они очень рады, что будутъ имѣть казака съ собою.

Марисовъ обрадовался.

— Кажется доберусь до Молдавіи,—думалъ онъ:—а тамъ, что Богъ дастъ.

Началъ онъ снаряжаться въ путь, а хозяинъ его выѣхалъ въ Чигиринъ, къ гетману.

Нѣсколько дней спустя, Нухимъ къ нему зашелъ и объявилъ, что на другой день до свѣта евреи выѣзжаютъ, и совѣтовалъ, чтобы онъ съ вечера съ вещами явился къ главному купцу Хаиму, его сосѣду, гдѣ соберутся всѣ сани евреевъ.

Марисовъ простился съ своими хозяевами и отправился къ Хаиму.

Хаимъ накормилъ, напоилъ его и уложилъ на почетномъ мѣстѣ спать.

Ночью его что-то душить и давить, онъ просыпается и—не вѣрять глазамъ: руки и ноги у него скручены, и человекъкъ десять драгуновъ, съ звѣрскими лицами, требуютъ, чтобы онъ слѣдовалъ за ними.

XXX.

Страстотерпецъ Ѳедотъ Марисовъ.

Въ саяной кибиткѣ мчатъ драгуны Марисова, сначала въ Каневъ, а тамъ въ Чигиринъ. Здѣсь они прямо привозятъ его въ гетманскую канцелярію, къ писарю войсковому Степану Гречанину.

Гречанинъ видѣлъ Марисова въ Москвѣ, когда онъ посѣщаль гетмана, и узналъ его.

— Що вы наробыли,—воскликнулъ онъ:—Царь отписуе грамоту: васъ задержать и отправить назадъ до Москвы.

— Ничего я никому не сдѣлалъ, въ царской службѣ не служилъ, и могу себѣ ѣхать, куда мнѣ угодно: никто возбранить мнѣ не въ правѣ.

Это озадачило писаря.

— Такъ выбачайте, вы кажите такъ и гетману... Я пойду и скажу ему.

Пошелъ писарь къ гетману. Тотъ, послѣ сильной попойки, разминалъ кости и, потягиваясь, кряхтѣлъ и зѣваль на своей постели.

— А що?.. пане Степане... сердце, голубко...

— Племянника Никона привезли драгуны...

— Чуль... чуль... добре... А що винъ каже?

— Винъ каже: на служби царской не состою и веле нь я ѣхатькуда хочу.

— А що зъ нимъ?

— Ничого...

— Да ты тамъ пошукай...

— Да Богъ зъ нимъ, пане гетманъ... Намъ що?.. Колыбъ винъ що наробылъ на Москви,—ино дило. А що зъ нимъ, нехай буде зъ нимъ. Ничого не отыскали и баста. Федотъ—племянникъ патриарха,—грихъ его и выдати москалямъ...

— Эхъ, сердце, голубко, Степане... Хоть бы буль ридный сынъ,—такъ мнѣ що? Ты пошукай добре, и колы тамъ що у него, такъ и отошли, и его, и що найдешь, царю... Мнѣ що?..

— Въ Москви его и жечь, и кнutowать стануть, смилуйтесь, панъ гетманъ... Въ немъ душа христіанска... Въ служби онъ у патриарха Никона, и той насъ анаеменовать буде...

— Нехай анаеуметь... Що намъ? Намъ бы царю да боярамъ угоду зробить...

— Угоду?—вспылилъ писарь.—Війско що скажетъ, колы узнаемъ, що мы да зъ Чигирина выдали москалямъ гостя... да еще служку и племянника Никона... Почитай вси святители забуторажуются... Итакъ, пане гетманъ, гляди: черная рада чишней не хочеть платить, війско воеводъ не хочеть принять, святители московскаго митрополита не хотять знать; а московскіе ратники молодежи отъ челоуиковъ отбирають, вдовъ безчестяють... И такъ смута въ народи, а ты еще хочешь масла подлить: выдать посла Никона изъ Чигирина!

— Якъ вовка боятыся, такъ въ лисъ не ходыть,—упрямился гетманъ.

Пожаль плечами писарь и вышелъ отъ него съ негодованіемъ.

— А еще запорожець, да посла и гостя выдае,—ворчалъ онъ и возвратился сердитый въ канцелярію.

Не глядя въ глаза Марисову, онъ прошелъ въ свой кабинетъ и за нимъ послѣдовалъ состоявшій при канцеляріи есауль Василій Ѳедяенко.

— Ужъ вы, панъ есауль, робыте, что гетманъ каже, а я руки мываю,—произнесъ онъ рѣзко, опускаясь передъ столикомъ своимъ на табуретъ.

— А що винъ наказавъ?..

— Наказавъ, щобъ шукалы у племянника Никона: мабудъ винъ мае що отъ патриарха... Якусь мабудъ грамоту... альбо що ине?..

Есауль зачесалъ затылокъ, постоялъ съ минуту и вышелъ нехотя.

Въ передней канцеляріи онъ взялъ нѣсколько казаконъ и вошелъ въ ту комнату, гдѣ содержался Марисовъ...

У Марисова и руки, и ноги были связаны ремнями.

— Общите его,—обратился къ казакамъ есауль.

Марисовъ началъ барахтаться и кусаться, но сила

одолѣла: на шеѣ, за сорочкою, у него нашли висящую сафьянную сумочку, въ карманахъ отыскали много золотыхъ денегъ въ кошелькахъ.

Все это отнесено къ писарю.

Одеяенко деньги всѣ пересчиталъ и записалъ; потомъ взялъ сафьянную сумочку. Крышка ея была наглухо зашита. Ножомъ онъ распоролъ швы: въ ней оказалось запечатанное письмо съ печатью патріарха Никона, завернутое въ нѣсколько бумагъ. На письмѣ значилось, что оно на имя его блаженства патріарха іерусалимскаго Паисія.

Одеяенко съ благоговѣніемъ поцѣловалъ письмо и отнесъ его къ гетману.

Разговоръ шель у нихъ по-малороссійски, но для того, чтобы черезчуръ не пестрить разказа, я передаю его по-русски:

— Панъ гетманъ, мы исполнили твой приказъ и обыскали Марисова. Отыскали мы вотъ это письмо. Патріархъ Никонъ еще не лишенъ сана, и имѣемъ-ли мы право задержать письмо патріарха къ патріарху? Если считать, что наша церковь подчинена московскому патріарху, то какъ мы дерзнемъ нарушать тайну нашего святителя? Если же мы считаемъ, какъ того требуютъ теперь и всѣ наши святители, патріарха іерусалимскаго и нашимъ, то какъ мы смѣемъ нарушить его тайну? Письмо должно, поэтому, идти по назначенію, а вы можете дѣлать съ Марисовымъ, что хотите...

— Что вы, панъ писарь, говорите? Я не католикъ, не іезуитъ... и не стану я нарушать тайны, да еще двухъ патріарховъ... Развѣ не дорога мнѣ будущая жизнь?... Татаринъ я, что-ли?... Да и кто думаетъ о безчестномъ нарушеніи тайнъ святителей, представителей апостоловъ на землѣ?—разсердился гетманъ, причемъ плюнулъ и перекрестился.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ писарь:—нужно возвратить Марисову письмо...

— Защить покрѣпче снова въ сумочку и повѣсить ему на шею... Да и тотчасъ же...

— Слушаюсь,—обрадовался писарь.

— Да, а руки у него сильно связаны ремнями?..

— Сильно. Не прикажете развязать?

— А ноги?

— И ноги тоже...

— Такъ еще покрѣпче свяжите, да въ кибитку съ драгунами и казаками, и въ Москву... къ царю...

— Какъ?—недоумѣвалъ писарь.

— Да такъ,—мы отсылаемъ только въ Москву Марисова, а что при немъ, намъ и дѣла нѣтъ. Захотятъ въ Москвѣ нарушить тайну патріарховъ,—это ихъ дѣло: они и отвѣтъ дадутъ передъ Богомъ.

Писарь ошеломленъ былъ этою хитрою казуистикою.

— Да все-жъ,—сказалъ онъ,—мы выдаемъ москалямъ патріаршаго посланца и письмо, которое принадлежитъ патріарху Паисію...

— Вольно же тебѣ было допытываться, что тамъ въ сумкѣ. И глядѣть не слѣдовало, и знать бы.

— Вы, гетманъ, сами приказали...

— Я вовсе не настаивалъ, сказалъ только, нѣтъ-ли чего... Но мѣшкать нечего: запейте поскорѣе письмо и отправьте Марисова въ Москву.

Гетманскій приказъ былъ въ точности исполненъ: не прошло и получаса, какъ по пути на Переяславль и на Москву мчалась ужъ кибитка съ узникомъ Марисовымъ.

Руки и ноги его были такъ сильно перевязаны ремнями, что покрылись ранами, и кровь выступала наружу, черезъ платье. Измученный, избитый, изнуренный, привезенъ онъ при гетманской бумагѣ въ малороссійскій приказъ. Здѣсь Салтыковъ его принялъ, снялъ съ него сказку и отправилъ затѣмъ въ приказъ тайныхъ дѣлъ князю Одоевскому.

Зная изъ бумагъ гетмана, что у Марисова на шеѣ имѣется сумка, въ которой хранится письмо Никона,

князь Одоевскій собралъ совѣтъ бояръ и святителей: какъ-де поступить съ письмомъ.

И его взяло сомнѣніе: имѣеть-ли онъ право вскрыть письмо, писанное однимъ патріархомъ къ другому.

Послали Хитрово къ царю.

Набожный Алексѣй Михайловичъ сказалъ съ неудовольствіемъ:

— Коли считаютъ это грѣхомъ, за что хотите взвалить грѣхъ на меня?

Долго судили и рядили, и порѣшили: „Письмо патріарховъ другъ къ другу грѣхъ вскрывать. Но Никонъ самъ отъ патріаршества отказался; значить, онъ писалъ какъ простой святитель къ патріарху царьградскому. А такъ какъ турскій султанъ теперь въ войнѣ съ царемъ, то всякое письмо въ землю враговъ, хотя бы и на имя патріарха, не только можно, но и слѣдуетъ вскрыть, такъ какъ въ письмѣ можетъ быть измѣна“.

Рѣшили бояре и вскрыли письмо; но читать его безъ государя не стали и послали ему сказать, какъ онъ прикажетъ.

— Собрать соборную думу въ Золотой палатѣ, и я туда приду слушать грамоту Никона.

На это Хитрово возразилъ: что лучше царю прочитать самому грамоту, и потомъ, коли онъ найдетъ нужнымъ сообщить его соборной думѣ, такъ онъ можетъ это дѣлать во всякое время: — потому что письмо можетъ заключать въ себѣ такіе предметы, о которыхъ неудобно, быть можетъ, разглашать.

Царь согласился съ этимъ доводомъ и прочиталъ Хитрово письмо.

Содержаніе никоновской грамоты было слѣдующее:

Онъ рассказывалъ вкратцѣ, какъ его поставили противъ его желанія въ патріархи и какъ онъ согласился съ условіемъ, чтобы всѣ слушались его, какъ начальника и пастыря. Сперва царь былъ благоговѣенъ и милостивъ къ нему, и во всемъ Божіихъ заповѣдей иска-

тель, но потомъ началъ гордиться и выситься. Наконецъ, его, Никона, стали явно оскорблять: Хитрово прибилъ во дворцѣ его слугу и остался безъ наказанія; царь пересталъ являться въ соборную церковь, когда онъ служилъ; князь Ромодановскій прямо объявилъ ему гнѣвъ царскій. Тогда онъ, отъ этого гнѣва и отъ безчинія народнаго, удаляется изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. „Убъжая изъ Москвы,—пишетъ Никонъ:—я взялъ архіерейское облаченіе, всего по одной вещи для архіерейской службы и ушелъ, а не отказался отъ архіерейства, какъ теперь клеветуютъ на меня, говоря, будто я своею волею отрекся отъ архіерейства. Я ждалъ, что царское величество помирится со мною. Царь, узнавъ, что я хочу ѣхать въ Воскресенскій монастырь, прислалъ бояръ сказать мнѣ, чтобъ я не ѣздили до тѣхъ поръ, пока не увижусь съ нимъ. Я ждалъ на подворьѣ три дня, и только по прошествіи трехъ дней уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. За нами прислалъ царское величество въ монастырь тѣхъ же бояръ, которые спрашивали насъ: „Зачѣмъ ты безъ царскаго повелѣнія ушелъ изъ Москвы?“ Я отвѣчалъ, что ушелъ не въ дальнія мѣста,—если царское величество на милость положить и гнѣвъ свой утолить, опять придемъ,—и послѣ этого о возвращеніи нашемъ отъ царскаго величества ничего не было. Приказали мы править на время крутицкому митрополиту Питириму: и по уходѣ нашемъ царское величество всякихъ чиновъ людямъ ходить къ намъ и слушаться насъ не велѣлъ, потребное намъ отъ патріаршества давать намъ запретилъ; указалъ, кто къ намъ будетъ безъ его указа, тѣхъ людей да истяжутъ крѣпко и сошлютъ въ заключеніе въ дальнія мѣста, и потому весь народъ устрашился. Крутицкому митрополиту велѣлъ спрашивать себя, а не насъ. Учрежденъ монастырскій приказъ, повелѣно въ немъ давать судъ на патріарха, митрополитовъ и на весь священный чинъ; слушать въ томъ приказѣ мірскіе люди и судять. Напи-

сана книга (уложеніе),—святому Евангелію, правиламъ св. апостоль и св. отецъ, и законамъ греческихъ царей во всемъ противная. Почитають ее больше Евангелія: въ ней-то, въ 13 главѣ, уложено о монастырскомъ приказѣ Другихъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать,—такъ ихъ много *). Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобы ее искоренить, но кромѣ уничтоженія не получилъ ничего **). Я исправилъ книги, и они называютъ это новыми уставами и никоновыми догматами. Главный врагъ мой у царя Паисій Лигаридъ; царь его слушаетъ и какъ пророка Божія почитаетъ. Говорятъ, что онъ отъ Рима хиротонисанъ дьякономъ и пресвитеромъ отъ папы. и когда былъ въ Польшѣ у короля, то служилъ латинскую обѣдню. Въ Москвѣ живущіе у него духовные—греческіе и русскіе—разсказываютъ что онъ ни въ чемъ не поступаетъ по достоинству святительскаго сана: мясо ѣсть и пить безчинно; ѣсть и пить, а потомъ обѣдню служить... Я съ симъ свидѣтельствомъ послалъ письмо къ царю, но онъ не обратилъ на него вниманія. И наклеветали на меня царю, что я его проклиналъ, но я въ этомъ невиненъ, кромѣ моей тайной молитвы. Теперь все дѣлается царскимъ хотѣніемъ: когда кто-нибудь захочетъ ставиться во дьяконы, пресвитеры, игумены или архимандриты, то пишетъ челобитную царскому величеству, и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпишутъ: Хиротонисанъ повелѣніемъ государя царя. Когда повелитъ царь быть собору, то бываетъ, и кого велитъ избрать и поставить архіереями, избирають и поставляютъ. Велитъ судить и осуждать: судятъ, осуждаютъ, отлучаютъ. Царь забралъ себѣ патріаршескія имѣнія. Также берутъ, по его приказанію, имѣ-

*) Никонъ, какъ мы видѣли, возставалъ противъ жестокости наказаній.

***) Какъ же раскольники могутъ винить послѣ этого Никона въ истязаніяхъ, претерпѣнныхъ ими на основаніи уложенія?

нія и другихъ архіереевъ и монастырскія; берутъ людей на службу; хлѣбъ, деньги, берутъ немилостиво; весь родъ христіанскій отягчили данями, сугубо, трегубо и больше,— но все бесполезно“.

Въ заключеніе Никонъ въ грамотѣ своей царьградскому патриарху рассказываетъ исторію Стрѣшнева съ собакою; потомъ, какъ царь допускаетъ блюсти патриаршій престолъ Питириму, котораго онъ, Никонъ, отлучилъ отъ церкви; затѣмъ, какъ этотъ отлученный поставилъ попа Меодія въ епископы и его послали блюсти кievскую митрополию, которая все еще состоитъ въ вѣдѣніи патриарха константинопольскаго.

Письмо, по содержанію своему и по тону, было очень умѣренно; но оно имѣло одинъ недостатокъ: это была— сама святая правда.

Царь разсердился въ особенности за упрекъ въ поборахъ, и поэтому написалъ тутъ же на грамотѣ:

— А у него льготно и что въ пользу?..

То-есть, другими словами: при его управленіи государствомъ, развѣ онъ льготно прожизводилъ сборы и развѣ онъ больше пользы сдѣлалъ, чѣмъ я?..

Это задѣло его за самолюбіе.

„Дескать, — подумалъ царь: — дураками насъ всѣхъ обозвалъ да еще передъ цѣлымъ міромъ. Попади это письмо въ Царьградъ, оно тотчасъ было бы отправлено въ венецейскія газеты, и оттуда во всѣ концы вселенныя...“

Самъ царь это практиковалъ ужъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Испугавшись неудачъ въ Польшѣ въ 1660 году, Алексѣй Михайловичъ велѣлъ описать успѣхи Долгорукова и Шереметева, да коварство польскихъ комиссаровъ, продлившихъ время нарочно, чтобы дать своимъ возможность собрать войско и дожидаться татаръ; наконецъ, про измѣну Юрія Хмѣльницкаго и про дурной поступокъ поляковъ съ Шереметевымъ подъ Чудновымъ. Статья эта была отправлена въ Любекъ къ Іогану фонъ-

Горну, и тотъ, отпечатавъ ее на нѣмецкомъ языкѣ, разо-слалъ по всѣмъ государствамъ.

Статья эта произвела тогда благопріятное впечатлѣ-ніе въ Европѣ, и царь отлично понималъ значеніе прессы... Поэтому ему страшно сдѣлалось при одной мысли, что бы было, если бы грамота Никона попала въ европей-скую печать.

„Да онъ бы опозорилъ меня передъ цѣлымъ свѣтомъ, и слава Богу, что эта грамота доставлена теперь ко мнѣ въ руки... Но, не послалъ-ли онъ еще что-нибудь съ сво-имъ Марисовымъ, и тотъ, быть можетъ, уже отослалъ грамоты по принадлежности“.

Занятый этими мыслями, онъ потребовалъ къ себѣ князя Одоевскаго.

— Ты доподлинно узнай отъ Марисова: посылалъ-ли аль не посылалъ болѣе грамотъ Никонъ.

— Съ пристрастіемъ?

— Безъ пристрастія,—вѣдь душу всю вытрясешь у него, а не скажетъ же онъ—да, коли нѣтъ... Ты его по евангельскому и крестному цѣлованію...

— Слушаюсь, великій государь.

Часъ спустя, явился вновь князь Одоевскій къ царю.

— Ну, что,—спросилъ онъ тревожно?

— Опосля исповѣди, цѣлованія креста и евангелія, Марисовъ показалъ: иныхъ грамотъ не имѣлъ, да и Ни-конъ иныхъ не разсылалъ.

— Слава Богу! Камень съ сердца долой,—произнесъ радостно царь.

Одоевскій удалился. Нѣсколько дней спустя, бояре поднесли ему приговоръ.

Марисовъ обвинялся въ измѣнѣ и оскорбленіи вели-чества и, по первымъ двумъ пунктамъ уложенія, онъ приговаривался къ смертной казни.

Прочитавъ приговоръ, Алексѣй Михайловичъ, подъ вліяніемъ грамоты Никона, воскликнулъ:

— Да вы, по этому уложенію, срубите столько головъ, что скоро останутся только на мѣстѣ головы судей и моя... Отправить Марисова въ ссылку и опредѣлить тамъ на службу, впредь до моего указа... Такие вѣрные и честные люди, какъ Марисовъ, пригодятся,—коли не намъ, такъ нашимъ дѣтямъ.

Но Марисовъ, тѣмъ не менѣе, сильно пострадалъ; ремни Брюховецкаго на ногахъ и рукахъ изувѣчили его и сдѣлали его на всегда негоднымъ къ работѣ.

XXXI.

Соборъ противъ расколоучителей.

Преслѣдованіе Никона и его униженіе дали оружіе расколоучителямъ и расколу.

— Еретика, антихриста упрятали... звѣря обуздали... Стрѣшневъ, Семень-то Лукичъ, собаку выучилъ знаменоваться, какъ онъ,—такъ проповѣдовали одни.

— Еретикъ, каяться ушелъ въ скитъ, трисоставный крестъ самъ имѣеть въ „Новомъ Іерусалимѣ“ и въ „Крестномъ“,—голосятъ другіе.

Кликъ этотъ, посредствомъ черницъ, чернецовъ, каликъ переходящихъ и разстриженныхъ и отставныхъ поповъ, передается изъ города въ городъ и въ села, и расколъ пускаетъ глубокіе корни во всемъ государствѣ,—въ особенности послѣ возвращенія въ Москву всѣхъ расколоучителей: Неронова, Аввакума, Даніила Досіея, Ѳедора, Лазаря и Епифанія.

Эти фанатики идеи становились съ каждымъ днемъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе. Такъ мы видѣли, что Нероновъ поймалъ царя въ Саввиномъ монастырѣ и требовалъ удаленія Никона, какъ еретика и искажителя древляго благочестія. Царь съ негодованіемъ отослалъ его отъ себя.

Если, такимъ образомъ, рѣкая ихъ проповѣдь до-

стигала благочестиваго царя, большого знатока бого-словія, то очевидно, что пропаганда ихъ должна была еще рѣзче проникнуть и въ боярство, и въ народъ.

Послышались дерекіе голоса противъ нашей церкви въ аристократическихъ кружкахъ: Иванъ Хованскій прямо сталъ проповѣдывать ученіе раскольниковъ и пересталъ посѣщать церкви наши; подобно ему Морозова и сестра ея перестали посѣщать не только церковь, но и дворъ. Морозова была кравчею при царицѣ, т. е. первою особою при ней, и это невольно бросалось въ глаза всей Москвѣ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о раскольникахъ, когда были получены вѣсти, что восточные патріархи на пути ужъ къ Россіи.

Царь явился въ соборную думу.

— Нужно,—сказалъ онъ:—предупредить намъ низложеніе Никона соборомъ и сдѣлать постановленіе о расколѣ и расколоучителяхъ... Иначе, когда мы низложимъ Никона, они будутъ кричать въ народѣ, что его низложили за еретичество... Итакъ, прежде нужно ихъ низложить, какъ еретиковъ и осудить... А потому, я думаю, нужно сдѣлать имъ увѣщеванія въ смиреніи, и коль это не поможетъ, тогда да будетъ надъ ними судъ.

Соборная дума согласилась съ нимъ, и тутъ же посланъ къ Аввакуму Родіонъ Стрѣшневъ для увѣщеванія.

Замѣчательно то, что соборная дума вся состояла изъ кровныхъ и непримиримыхъ враговъ Никона, и она же фанатично сочувствовала его новшествамъ въ церкви. Это какъ-то у нихъ укладывалось вмѣстѣ и было совмѣстимо. Но внѣ думы эта противоположность вызвала во многихъ ропотъ негодованія: друзья Никона объявили это черною неблагодарностью со стороны бояръ. Враги Никона, напротивъ, торжествовали: въ самой непослѣдовательности думы они видѣли персть Божій и знаменіе проявленія антихриста, и это они поторопились засвидѣтельствовать открытою проповѣдью.

Въ это время въ Москвѣ имѣлся небольшой мона-

стырь, именовавшійся „Спиридонъ Покровскій отъ убогихъ“. Архимандритомъ и игуменомъ былъ Досиеей. Возвратясь изъ ссылки, у него проживалъ Аввакумъ. Послѣдній увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что къ нему присылали съ обѣщаніемъ, что если онъ послѣдуетъ ученію Никона, то его сдѣлаютъ даже царскимъ духовникомъ. „Но,—присовокупляетъ Аввакумъ:—азъ же вся сія вмѣнихъ, яко уметы“...

Занималъ Аввакумъ небольшую келью въ этой обители, но, подъ видомъ поклоненія иконамъ и мощамъ, монастырь ежедневно наводнялся учениками и послѣдователями его ученія.

Въ тотъ день, когда царь рѣшился дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно, въ монастырѣ этомъ состоялся соборъ. На немъ находились, кромѣ игумена Досиеея и Аввакума, еще дьякъ Феодоръ, протопопъ Даниилъ, иноки—Аврамій, Исаія и Корнелій.

На соборѣ они сдѣлали рѣзкій и рѣшительный шагъ: они рѣшили проповѣдывать, что Никоновское крещеніе не есть крещеніе, или, другими словами, что принадлежашіе къ его церкви даже не христіане.

Очевидно, что подобное рѣшеніе было равносильно тому, что объявить войну на жизнь и на смерть нашей православной церкви.

Всѣ присутствующіе святители на соборѣ были сильно проникнуты этими мыслями и потому готовились къ отчаянной борьбѣ, съ полнымъ сознаніемъ опасности своего положенія.

— Намъ бы только низложить еретика Никона съ его пестрою прелестью, а тамъ мы возстановимъ древнее благочестіе,—стукнулъ по столу Аввакумъ:—Умру и я, и любо мнѣ будетъ, если будетъ умирать и братія моя за Христа, какъ я ее тому училъ. Мы же будемъ стоять на одномъ: никоновское крещеніе не есть крещеніе, такъ какъ оно съ миропомазаніемъ и троекратнымъ погруженіемъ въ воду... А самъ онъ антихристъ, такъ какъ

теперь 1666 г., а послѣднія числа суть знаки его, супротивника Христова.

Всѣ присутствовавшіе на этомъ соборѣ поклялись: не признавать никоновскаго крещенія и въ такомъ смыслѣ проповѣдывать открыто; не признавать ни церкви, ни иконы, ни богослуженія никоновскаго; отрицать всѣхъ святителей, поставленныхъ за время Никона, и объявить самое священство прекратившимся на Руси.

На другой же день, присутствовавшіе на соборѣ разнесли по городу о своемъ рѣшеніи и это произвело на Москву сильное впечатлѣніе: вся церковь наша, съ ея обрядами, обстановкою и вѣрованіями, сразу разрушалась расколоучителями.

Москва поднялась, какъ одинъ человѣкъ: одни требовали возстановленія древляго благочестія по рецепту Аввакума; другіе, глядѣвшіе прежде снисходительно на раскольниковъ, какъ на людей, которымъ было просто жаль старины, очнулись и поняли, что здѣсь рѣчь не идетъ ужъ вовсе о старовѣрствѣ, а о томъ, чтобы унижить и уничтожить всю церковь православную и разрушить ее до самаго корня.

Оскорбились даже тѣ, которые покровительствовали старинѣ, такъ какъ расколоучители извергли своимъ приговоромъ большинство москвичей изъ церкви.

— Такъ мы нехристи... хуже даже католиковъ... лютеранъ... кальвинистовъ... И тѣхъ признаютъ за христіанъ, а насъ, и женъ и дѣтей нашихъ извергаютъ изъ церкви... Мы-де чтимъ и татарскія мечети, а старовѣры говорятъ: что наши церкви, иконы, служба и таинства,—все это ересь, и что лишены мы благодати Божьей, такъ какъ священства у насъ нѣтути,—и что все это отъ Никона. Такъ пуцай же соборъ разберетъ насъ со старовѣрами: коли ихъ правда, мы къ нимъ перейдемъ, а коли наша, такъ зажмемъ имъ рты; пуцай-де не поносятъ и не позорятъ святую церковь Христову, да и насъ съ отцами, дѣтьми и внуками нашими...

Такіе грозныя голоса стали раздаваться во всѣхъ почти хоромѣхъ и теремахъ Москвы, и дошло это до царя.

Какъ мы видѣли, онъ рѣшился дѣйствовать сначала увѣщеваніемъ, потомъ соборнымъ осужденіемъ.

Родіонъ Стрѣшневъ явился къ Аввакуму въ обитель съ дьякомъ Алмазомъ.

— Царское величество, — сказалъ онъ: — прислалъ меня просить тебя не сѣять смуты въ народъ и прекратить свою проповѣдь.

— Я іерей, и проповѣдывать евангеліе и ученіе св. апостолъ и отецъ никто возбранить мнѣ не можетъ. Я ни къ кому не хожу, а меня посѣщаютъ и требуютъ моего благословенія и слова: я и учу братію, какъ Богъ меня вразумляетъ... я исцѣляю и недужныхъ, и бѣсноватыхъ, — вѣра спасаетъ ихъ...

— Великій государь чтить твою подвижническую жизнь и потому, зная, что ты говоришь не въ угоду мамонѣ, проситъ тебя не богохульствовать, не поносить нашу святую церковь: ты называешь наши церкви храминами, наши иконы — идолами, нашихъ поповъ — жрецами...

— Я называю ихъ настоящими именами. Произошло все это отъ еретика и антихриста Никона... Вотъ моя челобитня царю, — онъ подалъ Стрѣшневу бумагу: — Я молю великаго государя низложить антихриста и водворить вновь древнее благочестіе, а безъ него нѣтъ спасенія, нѣсть мира въ народъ и церкви.

— Челобитню твою я передамъ, но тебѣ государь приказываетъ: ни съ кѣмъ не видѣться, ни съ кѣмъ не говорить о дѣлахъ вѣры и церкви; а коли приказа не исполнишь, такъ ждетъ тебя царскій гнѣвъ.

— Кто творитъ заповѣди Господни, тотъ не творитъ ни грѣха, ни воровства, — сухо произнесъ Аввакумъ.

— Помни, и у царя терпѣніе можетъ истощиться.

— Сердце царево въ рудѣ Божьей, и коли меня по-

стигнетъ его гнѣвъ, значить согрѣшилъ я, и Богъ меня караетъ: кару приму, какъ милость Божью...

Стрѣшневъ въ тотъ же день доложилъ царю и челобитню Аввакума, и весь разговоръ съ нимъ.

— Онъ требуетъ,—сказалъ царь:—низложенія Никона? Но теперь рѣчь не о немъ, а о томъ: вернуться-ли къ старопечатнымъ книгамъ и порядкамъ. Десять лѣтъ тому назадъ соборъ рѣшилъ, что никоновскія книги суть настоящія, древлезавѣтныя, и написана „срижалъ“ въ обличеніе старовѣровъ... Мы-то, значить, настоящіе старовѣры, а они, по неграмотству и невѣжеству,—отщепенцы. А потому, хоша-бъ низложить десять Никонъ, такъ все же, чему онъ насъ научилъ и наставилъ, есть древлее благочестіе... и я отъ вѣры своей не отрекся бы, хоша-бъ мнѣ грозило всякое несчастье и бѣдствіе... Аввакума челобитню передай, Родивонъ, въ соборную думу: пушай она наставитъ на путь правый Аввакума и другихъ расколоучителей.

— Соборная дума, по указу твоему, великій государь, уже вызвала изъ всѣхъ городовъ противниковъ книгъ и новшествъ Никона.

— Ладно, далъ бы Господь Богъ окончить это дѣло до собора противъ Никона. Коли онъ будетъ низложенъ раньше обличенія расколоучителей,—будетъ большая смута въ церкви. Объ этомъ соборѣ,—вдохнулъ царь:—расколоучители не скажутъ, какъ они говорили о Никонѣ, что онъ разгорѣлся яростнымъ огнемъ отстоять-де во что бы то ни стало свои пестрыя прелести... Не скажутъ они потому, что вся соборная дума, какъ есть, изъ однихъ лишь враговъ Никона. Ступай. Пушай на завтра же соберется соборъ. Я не буду,—тамъ дѣло святительское съ святителями.

Нужно было торопиться соборомъ: наступалъ великій постъ, а народъ, подъ вліяніемъ расколоучителей, не зналъ ужъ, какъ и чѣмъ спастись. Унынїе сдѣлалось всеобщее, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ смущала дума: мо-

жетъ быть, расколоучители и правы? а коль они правы, такъ мы-де отверженцы и отщепенцы церкви.

Но вотъ въ Москву съѣзжаются на соборъ десять архіереевъ, и матушка престольная ожила: между святителями есть высокочтимые старцы, которые не покривать душою: скажутъ правду и разъяснятъ сомнѣнія, и коли Никоново ученіе и новшества—ложь, такъ они предадутъ ихъ анаемѣ.

Защитниками же древляго благочестія на соборѣ являются главные его поборники: вятскій епископъ Александръ, архимандритъ Антоній, игумены Θεоктистъ и Сергій, Салтыковъ, монахи: Потемкинъ, Сергій, Серапіонъ и Нероновъ.

Также: Аввакумъ, Ѳеодоръ, Лазарь и Никита.. Было кому отстоять древлее благочестіе, и москвичи съ утра въ день собора наводняли Кремль, чтобы слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ патріаршей палатѣ.

Были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Признавать-ли православными патріарховъ греческихъ, несмотря на то, что они живутъ подъ властью султана?

Послѣ недолгихъ преній вопросъ рѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ.

2) Признавать-ли православными греческія книги, употребляемыя восточными патріархами?..

И этотъ вопросъ рѣшенъ утвердительно.

Но вотъ поставленъ третій вопросъ, и онъ вызвалъ долгія и упорныя пренія, а именно, спрашивалось: признать-ли правильнымъ московскій соборъ 1654 года, осудившій расколоученіе и утвердившій книги и порядки Никона?..

Аввакумъ, Ѳеодоръ и Лазарь и вся остальная клика вооружились старопечатными книгами и доказывали, что всѣ новшества Никона еретичество. Но на это имъ возразили, что старопечатныя книги именно и расходятся съ древними книгами; поэтому Никонъ только

возстановилъ древнее благочестіе,—не нарушилъ его, и что такъ называемые старовѣры, такъ это тѣ требуютъ новшества и еретическаго ученія.

При этихъ доказательствахъ, опрокидывавшихъ все расколоученіе, святители Александръ, Антоній, Θεоктистъ, Сергій, Салтыковъ, Потемкинъ, Сергій, Серапіонъ, Нероновъ и даже попъ Никита заявили о своемъ раскаяніи и на другой день обѣщались въ соборѣ исповѣдать никоновское ученіе.

Остались же глухи къ истинѣ: Аввакумъ, Феодоръ и Лазарь. Соборъ присудилъ ихъ къ растриженію и исполненіе приговора назначилъ на 13 мая.

Въ Москвѣ сдѣлался праздникъ: встрѣчавшіеся знакомые поздравляли другъ друга и цѣловались,—у всѣхъ точно гора свалилась съ сердца, какъ будто всѣ переродились, какъ будто, потерявъ свою церковь, они вновь ее обрѣли.

Народъ единогласно почти кричалъ:

— Прежде говорили, что Никонъ насильно ввелъ свои книги и всѣ церковные порядки... а теперь онъ въ изгнаніи... въ униженіи... И коли сами же его враги признаютъ все, что онъ ни учинилъ, православнымъ, такъ значить ученіе его доподлинно Христово.

Когда же, по окончаніи собора, архіереи стали разѣзжаться по своимъ подворьямъ, народъ цѣловалъ ихъ одежды, падалъ ницъ и пѣлъ многія лѣта.

13 мая царь-колоколъ призвалъ Москву въ Успенскій соборъ. Всѣ архіереи и все московское духовенство служили соборне, и бывшіе отщепенцы служили съ ними вмѣстѣ, чѣмъ доказали присоединеніе ихъ вновь къ общей церкви. По окончаніи службы, митрополитъ Питиримъ обратился со словомъ увѣщеванія къ Аввакуму, Феодору и Лазарю; но тѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отреклись отъ присоединенія къ нашей церкви.

Тогда ихъ предали анаѣмѣ, растригли и срѣзали у

нихъ бороды *); затѣмъ они были отправлены въ Николаевскій монастырь на Угрѣшѣ.

Послѣ того соборъ написалъ духовенству окружное посланіе съ поясненіемъ никоновскихъ исправленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, издалъ книгу, сочиненную бѣлорусскимъ монахомъ Симеономъ Полоцкимъ, подъ заглавіемъ: „Жезль правленія“.

Это было полное торжество никоновскаго ученія, или другими словами: православія. Узнавъ объ этомъ, Никонъ долго постился, плакалъ и говорилъ:

— Не даромъ я жилъ на свѣтѣ...

XXXII.

Соборъ противъ Никона.

Въ то время, когда шель соборъ противъ раскольниковъ, Алексѣй Михайловичъ получилъ извѣщеніе, что восточные патріархи, по случаю войны, господствовавшей на западной и южной окраинѣ Руси, отправились въ сопровожденіи грека Мелетія черезъ Азію въ Астрахань, чтобы оттуда слѣдовать далѣе Волгою.

Государь встревожился и боялся, чтобы дѣло не было предрѣшено патріархами на пути и интересуясь, чтобы они поскорѣе пріѣхали въ Москву; онъ написалъ 11-го марта 1666 года архіепископу астраханскому:

„Какъ патріархи въ Астрахань пріѣдутъ, то ты-бы ѣхалъ въ Москву съ ними и держалъ къ нимъ честь и береженіе. Если они станутъ тебя спрашивать, для какихъ дѣлъ вызваны они въ Москву, — то отвѣчай, что Астрахань отъ Москвы далеко, и потому ты не знаешь,

---

*) Въ исторіи Соловьева не вѣрно переданы послѣдствія собора, — такъ, на примѣръ, онъ приписалъ этому собору рѣзаніе языковъ, чего не было, — а потому сообщаемые мною факты взяты нами изъ историческихъ раскольничьихъ сочиненій. Рѣзаніе же языковъ и рукъ совершилось послѣ низложенія Никона.

для чего имъ указано быть въ Москву, — думаешь, что велѣно имъ пріѣхать по поводу ухода бывшего патріарха Никона и для другихъ великихъ церковныхъ дѣлъ, а то не сказывай, какъ ты былъ у него вмѣстѣ съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ. Во всемъ будь остороженъ и береженъ, да и людямъ, которые съ тобою будутъ, прикажи накрѣпко, чтобы они съ патріаршими людьми о томъ ничего не ускорили и были-бъ осторожны“.

Конецъ этого письма явно указываетъ, что у царя не установилось еще окончательно мнѣніе о необходимости низложить Никона и поступить жестоко съ собинымъ другомъ своимъ.

Но патріархи ѣхали черезъ Кавказъ и поѣздка была медленная, такъ какъ они кружили, пока попали въ Астрахань. Прибыли они туда въ концѣ лѣта.

Архіепископъ Іоасафъ и тамошній воевода встрѣтили патріарховъ съ подобающею честью и торжественностью и послѣ кратковременнаго отдыха патріархи, совмѣстно съ архіепископомъ, тронулись по Волгѣ въ путь.

Въ Астрахани явился къ нимъ находившійся тамъ въ ссылкѣ наборщикъ печатнаго двора Иванъ Лаврентьевъ.

— Что тебѣ нужно отъ патріарховъ?—спросилъ его грекъ Мелетій.

— Невинно я сосланъ сюда, — отвѣчалъ Лаврентьевъ, — все-же по невѣжеству судей: они опечатки принимаютъ за латинское воровское согласіе и римскіе соблазны. Не понимаютъ они, что корректурные листы и самые листы считаютъ въ осужденіе.

Патріархи велѣли ему ѣхать съ ними въ Москву, для личнаго доклада царю.

Явился тоже къ нимъ и слуга гостя Шорина, изъ-за котораго была земская смута; слуга назывался Иванъ Туркинъ. Его обвиняли въ сообществѣ съ волжскими

разбойниками, наказали и сослали, — онъ-же находилъ судъ неправымъ. Патріархи и его взяли съ собою.

Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ написать греку Мелетію, чтобы онъ сказалъ патріархамъ: чтобы они-де не ссорились съ царемъ, а воровъ отдали-бы воеводамъ..

Въ началѣ ноября всѣ московскія церкви ударили въ колокола, и царь самъ выѣхалъ по дорогѣ на Кострому, на встрѣчу патріархамъ.

Подъ высланные имъ изъ Москвы экипажи отправлено туда 500 лошадей.

Патріарховъ встрѣтилъ царь рѣчью, которая начиналась такъ:

— Васъ благочестнѣ, яко самихъ святыхъ верховныхъ апостолъ приедемъ; любезно, яко ангеловъ Божьихъ объемлемъ, вѣрующе, яко Всесильнаго Монарха всемогущій промыслъ, здѣ архіераршескимъ пречестнымъ пришествіемъ въ вѣрныхъ сомнѣніе искоренити, всякое желанное благочестивымъ благое исправленіе насадити и благочестно, еже паче солнца въ нашей державѣ сіяетъ извѣстными свидѣтелями быти и св. російскую церковь и всѣхъ вѣрныхъ возвеселити, утѣшити. О святая и пречестная двоице! что васъ наречеть, толикъ душе-спасительный трудъ подъемшихъ? Херувимы-ли, яко на насъ почилъ еси Христосъ? Серафимы-ли, яко непрестанно прославляете его?“ и т. д..

По слогу, витійству и длинотѣ періода эта рѣчь едва-ли принадлежитъ перу царя: онъ любилъ вообще сжатость и краткость, и очевидно она сочинена Симеономъ Полоцкимъ. Поэтому потомству приходится душевно сожалѣть Алексѣя Михайловича, вынужденнаго вызубрить эту напыщенную рѣчь и говорить ее греческимъ херувимамъ и серафимамъ, не переводя духа...

Патріархи одарены богато и приемъ въ Грановитой палатѣ сдѣланъ имъ вполне царскій, — а такъ называемая столовая изба, или, по нашему, обѣденный залъ Грановитой палаты отдѣланъ былъ для засѣданій собора.

Народъ встрѣтилъ патріарховъ больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ восторгомъ и благоговѣніемъ; а митрополита Паисія Лигарида повсюду народъ сталъ встрѣчать даже враждебно.

Притомъ Паисій боялся, что при чтеніи на соборѣ письма Никона къ константинопольскому патріарху ему можетъ быть сдѣланъ большой скандалъ, а потому онъ заблагоразсудилъ написать царю письмо, которое онъ закончилъ слѣдующими словами:

„Прошу отпустить меня, пока не съѣдется въ Москву весь соборъ: если столько натерпѣлся я прежде собора, то чесо не натерплюсь послѣ собора? Довольно, всемилостивѣйшій царь! Довольно! Не могу больше служить твоей святой палатѣ; отпусти раба своего, отпусти! Какъ вольный, незванный пришелъ я сюда, такъ пусть вольно мнѣ будетъ и уѣхать отсюда въ свою митрополию“.

На этомъ основаніи Лигаридъ ни на одномъ изъ соборовъ не былъ.

Положеніе царя становилось затруднительнымъ: онъ въ душѣ сознавалъ всѣ великія услуги церкви государству Никона, всю его полезность ему и народу, и тѣмъ не менѣе теперь рѣчь шла о томъ, кому отдать предпочтеніе: или Никону, или почти всѣмъ высшимъ святителямъ и всему боярству, бывшему противъ него?..

Съ этими мыслями, по полученіи письма Паисія, онъ отправился къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ.

Царевна приняла его, по обыкновенію, любовно, расцѣловала и усадила на мягкій диванъ.

— Получилъ я отъ Паисія митрополита, — началъ царь: — письмо. Отказывается быть на соборахъ и хочеть уѣхать. А я полагалъ, что онъ будетъ моимъ защитникомъ.

— Слава-те Господи, коли онъ уѣзжаетъ, — меньше смуты будетъ на соборѣ. Этотъ подлый грекъ точно лиса прокрался сюда...

— Напрасно ты его не любишь, царевна,—онъ чело-
вѣкъ ученый... умный.

— Можно быть ученымъ и умнымъ, да подлымъ.
Вѣдь это онъ заѣлъ Никона.

— Никонъ самъ себѣ врагъ: всѣхъ высшихъ іерар-
ховъ, всѣхъ бояръ сдѣлалъ своими врагами. Я ничего
и подѣлать не могу... послушай, что они бають: они бы
его на плаху повели.

— Знаю я. Но будетъ позоръ и дому твоему, бра-
тецъ, и всему христіанскому міру, коли такого чело-
вѣка да на плаху.

— Бояре кричатъ: пушай духовный судъ его низло-
жить только, лишитъ святительства, тогда мы его по пер-
вымъ пунктамъ уложенія за измѣну и оскорбленіе царя...

— И ты, братецъ, допустишь это?

— Кто-же говоритъ, сестрица? Мнѣ, быть можетъ,
жальче его, чѣмъ тебѣ... Да я бы сейчасъ возвелъ его
снова на патриаршій престолъ, да вѣдь вотъ чего боюсь:
теперь на Москвѣ польскіе послы, да и со свейцами я
въ переговорахъ... Мира намъ нужно, а онъ-то, святѣй-
шій, пошлетъ къ чорту и пословъ, и насъ... и снова по-
тянетъ онъ войну и снова скажетъ: въ Варшаву! въ
Краковъ, въ Стокгольмъ! Не отдастъ онъ онъ ни свей-
цамъ—Невы, ни полякамъ—Западной Малороссіи, не
уступить онъ и литовскіе города... „Будемъ,—скажетъ
онъ:—сражаться до послѣдняго; всѣ ляжемъ костью,—
мертвымъ бо сраму нѣтъ“. А мнѣ нуженъ покой... со-
всѣмъ я измаялся и надобенъ мнѣ миръ.

— Такъ ты не возвращай его на патриаршій пре-
столъ, — и пушай онъ сидитъ въ Новомъ Іерусалимѣ на
покоѣ.

— Нельзя, нужно лишитъ его патриаршества и из-
брать новаго патриарха; иначе не будетъ мира ни въ
церкви, ни въ государствѣ... Говорю это съ сокрушен-
нымъ сердцемъ, но что же дѣлать, коли иначе дѣлать-то
нельзя. Но даю тебѣ мое честное слово и руку, что бу-

дети онъ у меня и святѣйшимъ старцемъ, и буду я ему, какъ любящій его сынъ.

— Что я-то своимъ бабьимъ умомъ тебѣ, братецъ, могу сказать? По мнѣ, Богъ съ ними съ этими почестями, лишь-бы зла не сдѣлали святѣйшему; а будетъ-ли онъ править царствомъ аль нѣтъ, для меня все едино, для него, кажись, тоже самое... Насильно милымъ не будешь.

— На другой день царь имѣлъ тайное совѣщаніе съ обоими патріархами, и они условились, какъ и въ какомъ смыслѣ вести соборъ, чтобы было меньше шуму и огласки.

7 ноября была собрана соборная дума и на ней присутствовали царь и оба патріарха. Алексѣй Михайловичъ коснулся только вопроса объ оставленіи Никономъ патріаршества и требовалъ, чтобы архіереи подали по этому предмету выписки изъ правилъ.

Послѣ этого былъ перерывъ на двадцать дней, и 27 ноября государь, собравъ вновь соборную думу въ присутствіи патріарховъ, предъявилъ умѣренный обвинительный актъ и требовалъ заочнаго рѣшенія.

Государь хотѣлъ этимъ путемъ рѣшить лишь вопросъ: можно-ли за отказомъ Никона отъ патріаршества избрать новаго патріарха. Притомъ, зная вспыльчивость и рѣзкость Никона, онъ боялся, что, при личномъ его объясненіи на соборѣ, онъ, вѣроятно, дастъ много матеріала для своего обвиненія.

Но патріархи уничтожили всѣ его планы: они объявили, что, по церковнымъ правиламъ, нельзя никого заочно осудить, и потому, безъ личной явки Никона къ суду, не можетъ быть и самаго суда.

Это погубило дѣло Никона.

На другой-же день отправились за нимъ въ „Новый Иерусалимъ“ Арсеній *), Сергій **) и Павель ***).

---

*) Архіепископъ Псковской.

**) Архимандритъ.

***) Архимандритъ.

Выслушавъ посланныхъ, патріархъ сказалъ:

— Я постановленіе святительское и престолъ патріаршескій имѣю не отъ александрійскаго и не отъ антїохійскаго патріарховъ, но отъ константинопольскаго. Оба эти патріарха и сами не живутъ ни въ Александрїи, ни въ Антїохїи: одинъ живетъ въ Египтѣ, другой—въ Дамаскѣ. Если-же патріархи пришли по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами для духовныхъ дѣлъ, то въ царствующій градъ Москву приду для духовныхъ дѣлъ извѣстія ради.

Послѣ такого отвѣта очевидно, что Никонъ долженъ былъ стоять на своемъ и не ѣхать на соборъ.

Но на него напала нерѣшительность, и въ такой же степени, какъ это было въ прїѣздъ его въ Москву. Онъ сталъ собираться въ Москву. Прощаніе его съ братією и провожаніе его было трогательное. 31 ноября, онъ отслужилъ соборне обѣдню, потомъ молебень, прїобщился пособоровался, благословилъ братію, перецѣловался со всѣми, при чемъ горько рыдалъ. Всѣ присутствовавшіе съ воплемъ провожали его, и когда онъ съ небольшою свитою сѣлъ въ сани и тѣ тронулись въ путь, братія показалось, что съ его отъѣдомъ рушился и ихъ покой, и ихъ мирное счастье.

Отказъ-же его ѣхать въ Москву произвелъ сильное впечатлѣніе на соборную думу, и оттуда послали къ нему рѣзкую бумагу, чтобы онъ явился на соборъ, т. е. чтобы прїѣхалъ въ Москву 2 декабря, во второмъ или третьемъ часу ночи, и остановился-бы въ Архангельскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, у Никольскихъ воротъ, причемъ ему запрещалось взять съ собою болѣе 10 человекъ.

Съ грамотою посланы архимандритъ Филаретъ и келарь Новоспасскаго монастыря Варлаамъ. Посланные встрѣтили Никона на пути и въѣхали съ нимъ въ Москву въ 12 часовъ ночи.

Никонъ всю ту ночь не спалъ по многимъ причинамъ. Самое время было слишкомъ торжественно и рѣ-

питательно, да и въ Архангельскомъ подворьѣ онъ подвергся со стороны приставовъ и стражи оскорбленіямъ: тотчасъ по прїѣздѣ ему дали почувствовать, что онъ узникъ. Ходилъ онъ взадъ и впередъ по своей кельѣ и обдумывалъ, какъ держаться на соборѣ, какъ говорить. Все это волновало его, и онъ былъ какъ къ лихорадкѣ: проекты, сотни отвѣтовъ и защитительныхъ рѣчей, одинъ другого эксцентричнѣе, мѣнялись одинъ за другимъ въ его головѣ; такъ-же разнообразны и разнохарактерны были и резолюціи, какія выносились ему соборомъ: видѣлъ онъ себя то вновь торжествующимъ и могущественнымъ, то уничтоженнымъ и даже ведомымъ на плаху.

Къ разсвѣту ужъ, онъ немного прилегъ и заснулъ тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ.

На другой день къ нему явился кїевскій блюститель митрополичьей каеэдры епископъ Мееодій и два архимандрита.

Епископъ и архимандриты, павъ передъ нимъ ницъ, подошли къ его благословенію. Патріархъ былъ растроганъ и далъ имъ братскія лобзанья.

Святители объявили ему, что онъ долженъ идти на соборъ въ два часа смирнымъ обычаемъ, т. е. царь и бояре хотѣли, чтобы онъ явился на соборъ не какъ патріархъ.

Никонъ отвѣчалъ, что унижить патріаршій санъ онъ не можетъ,—это-де будетъ преступленіе противъ церкви. Послѣ того онъ объявилъ, что имѣетъ съ епископомъ Мееодіемъ переговоры на единѣ.

Архимандриты удалились.

— Я писалъ о тебѣ въ грамотѣ константинопольскому патріарху, что ты посвященъ въ епископы не по благословенію моему; теперь даю тебѣ это благословеніе и братское цѣлованіе, и выражаю свое сожалѣніе о написанномъ. Но ты поставленъ былъ противъ правилъ..

— Не зналъ я, что это противъ твоего желанія...

— Многое и иное творится здѣсь противъ моего желанія: и проклятое уложеніе примѣняютъ къ дѣламъ вѣры, и пойдутъ путемъ инквизиторовъ, какъ католики... И въ Малой Руси вводятъ боярство и воеводства, уничтожаютъ тамъ всѣ вольности... Отъ этого я и нелюбъ и въ изгнаніи... Увидишь, будетъ это не соборъ, а собраніе льстецовъ и угодниковъ царя и бояръ... Осудятъ они меня и, пожалуй, въ срубѣ сожгутъ...

— Что ты? что ты? Развѣ это возможно? Тебя такъ чтить народъ?

— И Филиппа митрополита чтить народъ, иначе его задушили...

— Теперь не посмѣютъ,—воскликнулъ Мееодій:—да все казачество подыметъ тогда, какъ одинъ человекъ.

— Иначе Брюховецкій меня взять съ собою не хотѣлъ, а потомъ выдалъ Марисова съ моей грамотою...

— Онъ теперь плачется, что сдѣлалъ это нехорошее дѣло.

— Господь его прости... Теперь идемъ къ обѣднѣ...

Къ двумъ часамъ Никонъ отправился на соборъ, при чемъ велѣлъ нести передъ собою крестъ.

Собинный другъ его, Алексѣй Михайловичъ, былъ точно въ такомъ же состояніи: когда наступила рѣшительная минута судить и низложить Никона, ему сдѣлалось и совѣстно, и жаль его.

„Кто же его возвысилъ, кто ему далъ волю, какъ не я самъ,—думалъ онъ:—А теперь, на соборѣ, я главный его судья... Нѣтъ, не судьбою я долженъ явиться, а подсудимымъ вмѣстѣ съ нимъ; и я долженъ оправдаться передъ соборомъ въ обвиненіяхъ Никона. Такъ будетъ иное дѣло: не онъ одинъ станетъ передъ судомъ, а мы вмѣстѣ съ нимъ, и пуцай насъ судъ разбираетъ. Не въ правѣ онъ будетъ говорить, что я его осудилъ... А если соборъ его жестоко осудитъ, если бояре потребуютъ его головы?... Скорѣе я позволю отсѣчь свою, чѣмъ его выдамъ... Главнѣе всего—не допу-

стать судъ выходить изъ обвиненій, которыя я начерталь... Одною боюсь, чтобы онъ на соборѣ чего не надѣлалъ, — онъ такъ горячь... Но не лучше-ли примириться съ нимъ? Да какъ это сдѣлать? Онъ такъ гордь, а мнѣ не приходится... да еще на соборѣ... Если бы онъ принесъ еще сразу повинную на соборѣ, — такъ иное дѣло“.

Эти мысли сильно тревожили царя и онъ почти всю ночь не спалъ. На другой день онъ выслушалъ обѣдную въ придворной церкви Евдокии, но къ трапезѣ, къ обѣду, не могъ прикоснуться.

Волнуясь, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, и раньше назначеннаго времени отправился на судъ.

Въ столовой избѣ соборъ уже собрался за огромнымъ столомъ, посреди него стояло царское кресло для государя; съ правой стороны отъ него стояли два кресла, поменьше, для восточныхъ патріарховъ.

По бокамъ зала виднѣлись у стѣнъ скамьи, обитыя бархатомъ. Когда царь вошелъ, онъ направился прямо къ своему мѣсту. Патріархи усѣлись на свои. На правой сторонѣ отъ царя сѣли по старшинству митрополиты, архіереи и другіе святители; на лѣвую сторону размѣстились свидѣтели: бояре, окольнічіе, думные дворяне и дьяки.

На столѣ близъ царя, по лѣвую руку, лежали правила и разныя дѣла, относящіяся къ Никону.

Въ передней что-то зашумѣло, засуетилось и межъ боярами послышалось:

— Патріархъ пріѣхалъ.

Не смиреннымъ обычаемъ явился Никонъ, а какъ патріархъ: впереди него несли крестъ, и когда онъ появился, всѣ, начиная отъ царя, поднялись съ мѣста.

По обычаю онъ прочиталъ входную молитву и молитву за здоровье государя и всего царствующаго дома, за патріарховъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ.

Послѣ того, обращаясь къ царю, Никонъ трижды поклонился ему до земли, а патріархамъ онъ поклонился дважды.

Когда кончилось привѣтствіе патріарха, указали Никону сѣсть по правую сторону, т. е. на скамьѣ, гдѣ размѣстились архіереи.

Никонъ обидѣлся, видя, что ему особаго мѣста нѣтъ и сказалъ:

— Я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ,— развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою. Пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патріархи меня звали?

Алексѣй Михайловичъ понялъ, что съ нимъ сдѣлали вещь неприличную, и чтобы сгладить это первое неприятное впечатлѣніе, или, быть можетъ, желая сдѣлать шагъ къ примиренію съ нимъ, онъ, неожиданно для всѣхъ, подымается съ мѣста, обходитъ столъ со стороны святителей и становится рядомъ съ Никономъ.

Съ минуту оба стояли другъ близъ друга и ихъ занимали слѣдующія мысли и чувства:

„Вотъ какъ,—думаетъ Никонъ:—чтобы меня заѣсть, онъ отступилъ и отъ обычая, и отъ царскаго достоинства. По обычаю дьякъ долженъ меня винить, а здѣсь онъ самъ это дѣлаетъ. Да и мѣсто-ли царю стоять передъ судомъ?“

Лицо Никона становится при этомъ и высокомернымъ, и гнѣвнымъ.

„Хоша-бъ онъ одинъ взгляды мнѣ послалъ съ любовью, какъ это дѣлывалъ, когда-то,—думаетъ Алексѣй Михайловичъ:—а то глядитъ на меня точно на змія“.

Царь при этомъ и блѣднѣетъ и краснѣетъ, губы его дрожать, потъ выступаетъ на лбу, и онъ съ большимъ усиленіемъ, не столько сконфуженный, какъ сокрушенный сердцемъ, начинаетъ говорить со слезами на глазахъ:

— Отъ начала московскаго государства соборной и апостольской церкви такого безчестія не было, какъ учинилъ бывший патріархъ Никонъ: для своихъ прихо-

тей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта, церковь оставилъ, патріаршества отрেকся, ни кѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились; церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ. Допросите бывшаго патріарха Никона, для чего онъ престоль оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь.

Патріархи обратились съ этимъ вопросомъ къ Никону.

Никонъ. Есть-ли у васъ совѣтъ и согласіе съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами меня судить? А безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому что хиротонисанъ я отъ константинопольскаго патріарха.

Царь Алексѣй Михайловичъ (*шепчетъ ему*). Мы тебя позвали на честь, а ты шумишь...

Паисій и Макарій указали ему на свитки, содержащія будто бы уполномочіе отъ двухъ остальныхъ патріарховъ; но эти свитки заключали въ себѣ только отвѣтныя пункты на вопросы нашего правительства по отношенію дѣла Никона. Никонъ какъ будто удовольствовался отвѣтомъ патріарховъ.

Никонъ. Бью челомъ великому государю и патріархамъ, выслать изъ собора недруговъ моихъ: Питирима, митрополита новгородскаго, и Павла Сарскаго (Кругицкаго):—они хотѣли меня отравить и удавить.

Выслушивается по этому предмету отвѣтъ Павла и Питирима, а Никону отказывается въ ихъ отводѣ.

Патріархи. Для чего отрেকся отъ патріаршества?

Никонъ (*разсказываетъ о тей муразовскомъ обѣдѣ и о всѣхъ другихъ оскорбленіяхъ*).

Царь. Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово, въ то время, какъ у меня обѣдалъ грузинскій царь, и въ ту пору разыскивать и оборону я не могъ давать... Никонъ патріархъ говоритъ: будто челоуѣка своего присылалъ для строенія церковныхъ ве-

щей, но въ ту пору на Красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего, и Хитрово зашибъ его челоуѣка за невѣжество, что пришелъ не во время и учинилъ смятеніе, и это безчестіе къ Никону патріарху не относится. А въ праздники мнѣ выходу не было, за многими государственными дѣлами. Я посылалъ къ нему князя Трубецкаго и Родіона Стрѣшнева, чтобы онъ на свой патріаршій столъ возвратился, а онъ отъ патріаршества отрекся,—сказывалъ: какъ-де его на патріаршество избирали, то онъ на себя клятву положилъ—быть въ патріаршествѣ только три года. Посылалъ я князя Юрія Ромодановскаго, чтобы онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвень.

Князь Ромодановскій. О государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ *)...

Патріархи. Какія обиды тебѣ отъ великаго государя были?

Никонъ. Никакихъ обидъ не бывало, но когда онъ началъ гнѣваться и въ церковь пересталъ ходить, то я патріаршество и оставилъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ написалъ ко мнѣ по уходѣ: будешь ты, великій, одинъ, а я, Никонъ, какъ одинъ отъ простыхъ, т. е. я-де царемъ останусь отъ бояръ, а онъ, Никонъ, отъ народа.

Никонъ. Я такъ не писывалъ, а что говорили мы съ великимъ государемъ въ тайнѣ, тому Богъ свидѣтель, и на что онъ свое соизволеніе давалъ, за то Богъ будетъ нашимъ судьбою **).

---

*) Въ сказкѣ, поданной тогда кн. Ромодановскимъ царю, онъ передавалъ свои слова, сказанныя Никону, слѣдующимъ образомъ: «Царское величество на тебя гнѣвень, ты пишешься великимъ государемъ и т. д.». Слѣдовательно, отреченіе Ромодановскаго лживое.

***) Къ сожалѣнію, въ соборномъ дѣлѣ не всѣ рѣчи обѣихъ сторонъ переданы точно и вѣрно.

Патріархи (*къ архіереямъ*). Какія обиды были Никону отъ царя?

Архіереи. Никакихъ.

Никонъ. Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ; и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали: Аѳанасій Александрійскій, Григорій Богословъ.

Патріархи. Другіе патріархи оставляли престолъ, да не такъ, какъ ты. Ты отрекся, что впередъ не быть тебѣ патріархомъ,—если будешь патріархомъ, то анаѳема будешь.

Никонъ. Я такъ не говариваль, а говорилъ, что за недостойнство свое иду; еслибъ я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собою святительской одежды.

Патріархи. Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ: достоинъ; а ты какъ святительскую одежду снималь, то говорилъ: недостойнъ.

Никонъ. Это на меня выдумали.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Никонъ писалъ на меня въ грамотахъ своихъ къ св. патріархамъ многія безчестія и укоризны, а я на него ни малаго безчестія и укоризны не писываль. Допросите его: всю-ли онъ истину, безо всякаго прилога, писалъ? За церковные-ли догматы онъ стоялъ? Иоасафа патріархомъ святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ-ли и церковныя движимыя и недвижимыя продавалъ-ли?

Никонъ. Что въ грамотахъ писано, то и писано, а я стоялъ за церковные догматы; Иоасафа патріарха почитаю за патріарха, а святъ-ли онъ, такъ не вѣдаю; церковныя вещи продавалъ я по государеву указу. (*Шопотомъ царю*): Винюсь, великій государь, прошу прощенія, а грамоты моей патріарху Діонисию не вели читать.

Царь Алексѣй Михайловичъ (*тоже шопотомъ*). Не хотѣлъ ты слушаться и шумѣлъ. Самъ виновать, пушай читаетъ.

Думный дьякъ (*читаетъ грамоту въ слухъ и до*

читываетъ до мѣста): „Посланъ я въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ неправедно“.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Для чего онъ такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утайлъ, какъ онъ извергъ безъ собора Павла, епископа коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынскій монастырь,—гдѣ же его не стало—безвѣстно *). Допросите его, по какимъ правиламъ онъ это дѣлалъ.

Никонъ (*сухо*). По какимъ правиламъ я его извергъ и сослалъ, то не помню, и гдѣ онъ пропалъ, того не вѣдаю,—есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло.

Митрополитъ Павелъ. На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало: отлученъ епископъ безъ собора **).

Никонъ (*ничего не отвѣчалъ, такъ какъ это къ дѣлу не шло*).

Думный дьякъ (*продолжаетъ чтеніе и когда доходитъ до того мѣста, гдѣ говорится: что царь началъ вступаться въ патріаршія дѣла*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Допросите, въ какія архіерейскія дѣла я вступаюсъ?..

---

*) Историческія раскольничьи сочиненія увѣряютъ, что онъ сожженъ въ срубѣ Никономъ; но если бы это была правда, то на соборѣ объ этомъ было бы говорено. Павелъ вовсе не былъ лишень сана, а епископія его была упразднена, и онъ отправленъ въ монастырь какъ сумасшедшій. Во время сумасшествія, онъ надѣвалъ рывы на голомъ тѣлѣ и безчинствовалъ, издѣваясь надъ одеждою. Никонъ, увидавъ его въ такомъ положеніи, и снялъ съ него эту одежду. Объ этомъ хорошо зналъ и царь, а потому самый вопросъ оскорбилъ Никона.

**) Объ отлученіи епископа не могло быть и дѣла, потому что отлученія не было, а было дѣло объ упраздненіи коломенской епархіи и присоединеніи ея къ патріаршеству. Но на это было соизволеніе и царя, и соборной думы.

Никонъ. Что я писалъ, того я не помню *)...

Думный дьякъ (*читаетъ*). „Оставилъ патриаршество вслѣдствіе государева гнѣва“.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Допросите, какой гнѣвъ и обида.

Никонъ. На Хитрово не далъ обороны, въ церковь ходить пересталъ. Ушелъ я самъ собою, патриаршества не отрекался, государевъ гнѣвъ объявленъ небу и землѣ; кромѣ сакоса и митры съ собою не взялъ ничего.

Патріархи. Хотя бы Богданъ Матвѣевичъ чело­вѣка твоего зашибъ, то тебѣ можно бы терпѣть и слѣ­довать Іоанну Милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ; а еслибъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, то тебѣ слѣдовало объ этомъ посоветоваться съ архіереями и къ великому государю посылать бить челомъ о прощеніи, а не сердиться.

Хитрово. Во время стола я царскій чинъ испол­нялъ. Въ это время пришелъ патріарховъ чело­вѣкъ и учинилъ мятежь. Я его зашибъ, не знаючи, и въ томъ у Нико­на патріарха просилъ прощенія, и онъ меня простилъ.

Голоса (*со стороны архіерейской и боярской*). Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не было; пошелъ онъ не отъ обиды,—съ сердца.

Архіереи. Когда онъ снималъ панагію и ризы въ Успенскомъ, то говорилъ: „Аще помыслю въ патріархи, анаеема да буду“. Панагію и посохъ оставилъ, взялъ кляуку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ. Какъ поѣхали въ Воскресенскій монастырь, такъ за нимъ повезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ, да къ нему же отослано изъ патріаршей казны 2000 руб. денегъ **).

---

*) Этотъ отвѣтъ доказываетъ ужъ миролюбивое настроеніе Никона.

***) И даръ ничего не сказалъ по этому обвиненію, а между тѣмъ ему было хорошо извѣстно, что это ложь,—потому что все никоновское имущество было имъ же арестовано и присвоено себѣ,—въ чемъ Никонъ письменно укорялъ его.

Никонъ (*пожалъ плечами на послѣднее свидѣтельство и молчалъ*).

Патріархи (*видя, что царь избѣгаетъ этого обвиненія*). Ты отрекся отъ архіерейства, снимая митру и омофоръ, говорилъ недостойнъ?

Никонъ. Въ отреченіи лжесвидѣтельствуютъ; еслибъ я вовсе отрекся, то архіерейской одежды съ собою не взялъ бы.

Думный дьякъ (*читаетъ и когда доходитъ до осужденія Никономъ уложенія*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Къ этой книгѣ приложили руки патріархи Іоасафъ и весь освященный соборъ, и твоя, Никонъ, рука приложена... Для чего ты, какъ былъ на патріаршествѣ, эту книгу и не справиль и кто тебя за эту книгу хотѣлъ убить?

Никонъ. Я руку приложилъ по неволѣ *).

Думный дьякъ (*читаетъ грамоту о пріѣздѣ князя Одоевского и Паисія Лигарида въ Воскресенскій монастырь*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Митрополиты и князь посланы были выговаривать ему его неправды, что писалъ ко мнѣ со многими безчестіемъ и съ клятвою мои грамоты клалъ подъ Евангеліе. Позорилъ онъ газскаго митрополита, а тотъ свидѣтельствованъ отцомъ духовнымъ, и ставленная грамота у него есть.

Никонъ.. Я за обидящаго молился, а не клялъ. Газскому митрополиту по правиламъ служить не слѣдуетъ, потому что епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время. Слышалъ я отъ дьякона Агаѳангела, что онъ іерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ. У меня много такихъ мужиковъ **). Мнѣ го-

---

*) Онъ въ то время былъ всего архимандритомъ и могъ-ли онъ идти противъ собора? Вообще же отвѣтъ его миролюбивый.

**) Здѣсь, очевидно, пропускъ въ сказкѣ. Вообще мы не даемъ особенной вѣры этимъ сказкамъ, а равно всему писанному дѣлу о Никонѣ: тамъ, очевидно, всѣ мѣста, оправдывающія Никона, упущены

ворилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ государевымъ словомъ, что Иванъ Сытинъ хотѣлъ меня зарѣзать.

Князь Одоевскій. Такихъ рѣчей я не говаривалъ, а Никонъ мнѣ говорилъ: если хотите меня зарѣзать, такъ велите,—и грудь обнажалъ *).

Патріархъ Макарій. Митрополитъ газскій въ дьяконы и попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, я про это подлинно знаю.

Алмазъ Ивановъ. Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрекся.

Никонъ. Никогда не говорилъ.

Думный дьякъ (*читаетъ о дарахъ, отправленныхъ царемъ патріархамъ*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Я никакихъ даровъ не посылалъ. Писалъ, чтобы пришли въ Москву для умиренія церкви; а ты посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего, и далъ Черкашенину много золотыхъ.

Никонъ. Я Черкашенину не давалъ, а далъ племяннику на дорогу.

Думный дьякъ (*читаетъ о Зюзинѣ и о смерти съ горя его жены*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Зюзинъ достоинъ былъ за свое дѣло смертной казни, потому что призывалъ Никона въ Москву безъ моего позволенія и учинилъ многую смуту; а жена его умерла отъ Никона потому что онъ выдалъ ея мужа, показавъ его письмо.

Никонъ (*сухо*). Я письмо Зюзина прислалъ къ великому Государю, оправдывая себя: что пріѣзжалъ по письмамъ, а не самъ собою...

и многія рѣчи его, вѣроятно, совсѣмъ выброшены. Доказывается это тѣмъ, что нѣсколько часовыя пренія уложились въ нѣсколько печатныхъ листовъ.

*) Этихъ словъ въ сказкѣ Одоевскаго не имѣется, что доказываетъ справедливость предшествовавшаго нашего мнѣнія.

Царь Алексѣй Михайловичъ (*поднеся дѣло Зюзина патриархамъ*). Никонъ приходилъ въ Москву никѣмъ незванный, и изъ соборной церкви увезъ было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ ногъ своихъ. И то онъ какое добро учинилъ? И ребята его какіе учителя, что такъ учинили?

Никонъ. Ребята прахъ отъ ногъ своихъ какъ отрясали, того я не видалъ; а какъ прѣбжали за посохомъ въ Чернево, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти.

Думный дьякъ (*читаетъ*). „Которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ, тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: подьяконъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строитель Ааронъ посланъ въ Соловецкій монастырь“.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Никита ѣздилъ отъ Никона къ Зюзину съ ссорными письмами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертью отъ болѣзни *); Сысой—вѣдомый воръ и ссорщикъ и сосланъ за многія плутовства **); Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ ***). Допросите, кто былъ мученъ?

Никонъ. Мнѣ объ этомъ сказывали.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Ссорнымъ рѣчамъ вѣрять было не надобно и ко вселенскимъ патриархамъ ложно не писать.

Думный дьякъ (*читаетъ*). „Архіереи по епархіямъ поставлены мимо правилъ св. отецъ, запрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію“.

---

*) Правда, послѣ встряски.

**) И это неправда: прямо за вѣрность Никону.

***) Онъ былъ талантливый, честный и скромный труженикъ и дѣйствовалъ въ духѣ примиренія Никона съ царемъ; поэтому показаніе царя Алексѣя неправдоподобно. Вообще его отвѣты сшиты тонкими нитками.

Царь Алексѣй Михайловичъ (*амѣсто объясненія, начинаетъ обещать*). Когда Никонъ былъ въ патриаршествѣ, то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ.

Никонъ. Я это дѣлалъ не по правиламъ, по невѣдѣнію.

Митрополитъ Питиримъ. Ты и самъ на новгородскую митрополию возведенъ на мѣсто живого митрополита Авфонія.

Никонъ. Авфоній былъ безъ ума; чтобъ и тебѣ также обезумѣть!

Думный дьякъ (*читаетъ*). „Отъ сего беззаконнаго собора перестало на Руси соединеніе съ восточными церквами, и отъ благословенія вашего (патріарха) отлучились, отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими...

Царь Алексѣй Михайловичъ. Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія патріарховъ отчелъ и къ католицкой вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками. Только бы его, Никоново письмо, до св. вселенскихъ патріарховъ дошло, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъ клятвою, и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься...

Патріархи. Чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась?

Никонъ. Тѣмъ, что Паисій Газскій перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другого митрополита, и другихъ архіереевъ съ мѣста на мѣсто переводилъ... А ему то дѣлать не довелось, потому что отъ іерусалимскаго патріарха онъ отлученъ и проклятъ. Да хотя-бъ газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, то ему на Москвѣ долго быть не для чего. Я его митрополитомъ не почитаю: у него и ставленной грамоты нѣтъ. Всякій мужикъ надѣнетъ на

себя мантию, такъ онъ ужь митрополитъ! Я писалъ все объ немъ, а не о православныхъ христіанахъ *).

Голоса между боярами. Онъ назвалъ ерети-ками всѣхъ насъ, а не одного газскаго митрополита, надобно объ этомъ учинить указъ по правиламъ.

Никонъ (*обращаясь къ царю*). Только-бъ ты Бога боялся, то такъ надо мною не дѣлалъ бы... (*Шумъ и гамъ продолжается, но когда страсти улеглись, начинается дальнѣйшее чтеніе грамоты*).

Думный дьякъ (*читаетъ его жалобу на поставленіе духовныхъ, по государеву указу, на тяжелые сборы съ церквей и монастырей*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Какъ прежде бывало во время междупатріаршества, такъ дѣлается и теперь на счетъ поставленія духовныхъ лицъ: возводятъ въ степени архіереи соборомъ **). Если что изъ патріаршей казны взято, то взято въ займы. Съ архіереевъ и

---

*) «Оправданіе это,—говоритъ пристрастный и въ отношеніи Никона недобросовѣстный Соловьевъ:—было слишкомъ ничтожно; враги Никона торжествовали и отовсюду поднялся крикъ». Мы же находимъ совершенно противоположное, тѣмъ болѣе, что тотъ же Соловьевъ, въ 12 т. своей исторіи, помѣстилъ слѣдующую грамоту іерусалимскаго патріарха о Паисіи: «Даемъ подлинную вѣдомость, что Паисій Лигаридъ отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь: потому что столько лѣтъ какъ покинулъ свою іерархію и, по правиламъ св. отецъ, архіерейскаго чина лишенъ. Онъ съ православными православенъ, а латины называютъ его своимъ, и папа римскій беретъ отъ него ежегодно по 200 ефимковъ, а что онъ, Паисій, бралъ милостыню для престола апостольской соборной церкви, то онъ, лютый волкъ, послалъ съ племянникомъ своимъ на островъ Хіосъ». При такомъ порядкѣ очевидно, что всѣ дѣйствія Паисія въ отношеніи русской іерархіи не могли быть признаны ни каноническими, ни православными. Но судъ печестивыхъ повернулъ дѣло иначе.

***) *Вовсе не въ этомъ обвинялъ его Никонъ; онъ говорилъ, что свѣтская власть избираетъ и назначаетъ святителей и уже по ея указу соборъ ставитъ ихъ, т. е., другими словами, соборъ есть только исполнитель свѣтской власти.*

монастырей брались даточные люди, деньги и хлѣбъ по прежнему обычаю *), а онъ, Никонъ патріархъ, на строеніе Новаго Воскресенскаго монастыря бралъ изъ домашней казны большія деньги, которыя взяты были съ архіереевъ и монастырей вмѣсто даточныхъ людей. Да онъ же бралъ съ архіереевъ и монастырей многія подводы самовольствомъ...

Никонъ (*пожавъ съ негодованіемъ плечами*). Никогда ничего не бралъ... А еслибъ бралъ, то на церковь Божию и по патріаршему праву.

Думный дьякъ (*читаетъ о поставленіи Меодія въ епископы и о посылкѣ его блюстѣи кievскую митрополию*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Епископъ Меодій посланъ въ Кіевъ не митрополитомъ, а блюстителемъ, и объ этомъ писалъ я въ Константинополь... **).

Думный дьякъ (*читаетъ обвиненіе противъ Питирима, что онъ присваивалъ себѣ патріаршія права*).

Митрополитъ Питиримъ. Въ божественныхъ службахъ въ соборной церкви я стоялъ и сидѣлъ, гдѣ мнѣ слѣдуетъ, а не на патріаршемъ мѣстѣ; въ недѣлю Вайи, шествіе на ослыти совершалъ по государеву указу, а не самъ собою.

Никонъ. Тебѣ дѣйствовать не довелось: то дѣйство наше, патріаршеское.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Какъ ты былъ въ Новгородѣ митрополитомъ, такъ самъ и дѣйствовалъ; а въ твое патріаршество въ Новгородѣ, Казани и Ростовѣ митрополиты дѣйствовали также.

Никонъ. Это я дѣлалъ по невѣдѣнію.

Думный дьякъ (*читаетъ о собакѣ Стрѣшинева*).

Царь Алексѣй Михайловичъ. Никонъ ко мнѣ

---

*) «По прежнему обычаю» — это правда, да этого безъ патріаршаго соизволенія, то же по обычаю, нельзя было дѣлать.

**) Но это не отвѣтъ на обвиненіе: Никонъ писалъ, что, безъ согласія константинопольскаго патріарха, Меодій не могъ быть посвященъ въ епископы.

ничего не писалъ, а бояринъ Семень Лукичъ предо мною сказалъ съ клятвою, что ничего такого не бывало *).

Голоса между архіереями. Патріархъ Никонъ проклялъ Стрѣшнева напрасно и безъ собора...

Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Патріархъ разрѣшилъ Стрѣшнева отъ клятвы и простилъ, и грамоту къ нему прощальную прислалъ...

Никонъ (къ царю). Богъ тебя осудить. Я узналъ на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавидѣнъ и мученъ...

Царь Алексѣй Михайловичъ. Допросите его, какъ это онъ узналъ на избраніи своемъ...

Патріархи. Какъ это ты узналъ?

(Никонъ не далъ никакого ответа).

Архіепископъ рязанскій Иларіонъ. Онъ говорилъ, что видѣлъ звѣзду метлою и оттого будетъ московскому государству погибель. Пусть скажетъ, отъ какого духа онъ это увѣдалъ?

Никонъ (вспыливъ). И въ прежнее время такія знаменія бывали... На Москвѣ это и сбудется... Господь пророчествовалъ на горѣ Елеонской о разореніи Іерусалима за 40 лѣтъ **)...

Всѣ на соборѣ утомились, въ особенности царь и Никонъ: они во все это время стояли на ногахъ.

Засѣданіе закрылось и Никона увезли въ Архангельское подворье.

О нравственномъ состояніи Никона и его чувствахъ можно судить по двумъ его обращеніямъ на соборѣ къ царю. Царь предложилъ Никону на соборѣ быть умѣреннымъ, и когда Никонъ это исполнилъ, тогда на него

---

*) Это была наглая ложь со стороны Стрѣшнева.

**) Комета, о которой говорится, была совершенно подобна кометѣ 1811 года, послѣ чего вскорѣ и сожжена Москва французами. Выходитъ такъ, что Никона пророчество о знаменіи кометы въ отшеніи Москвы было совершенно вѣрно и вполнѣ оправдывалось событиями.

яростно напали и клеветали на него съ плеча, безъ смысла и толка; другими словами: отъ него хотѣли добиться умѣренности для того, чтобы обвиненія враговъ были рѣзче и безшабашнѣе... Такое впечатлѣніе выносятся даже изъ искаженнаго оффиціальнаго изложенія дѣла на соборѣ *)...

XXXI.

Изложеніе Никона.

Послѣ этого засѣданія Никону послали изъ царскаго стола въ Архангельское подворье всю трапезу. Хотя это была большая честь, но онъ вознегодовалъ на царя на соборѣ и поэтому отказался въ рѣзкой формѣ отъ этой чести. Поведеніе царя, казалось ему, было болѣе чѣмъ странное: его онъ предупредилъ, чтобы онъ не шумѣлъ, а самъ потомъ предъявилъ противъ него обвиненія несправедливыя.

— Богъ его прости,—говорилъ Никонъ, прохаживаясь по своей келии:—Но теперь ясно, не оправдать хотѣлъ онъ меня на соборѣ, а желалъ моего осужденія. Умѣреннѣе меня не могло быть на соборѣ... одного только Питирима я осадилъ,—вѣдь дуракъ, болванъ и тотъ суется не въ свое дѣло. Вѣдь читать-то порядочно не умѣеть... А то мѣсто, о беззаконіяхъ Паисія, какъ читали на соборѣ, такъ Павелъ Крутицкій рака спекъ... Хороши святители! Они же мои судьи!.. А епископъ Мееодій хотѣлъ говорить, такъ другіе архіереи не дали: точно псы тотчасъ накинутся на него, и онъ сядетъ. Царь молвилъ: „Мы тебя позвали на честь“... Какая тутъ честь; коли-бъ онъ хотѣлъ, чтобы была честь, позвалъ бы онъ меня на соборъ не для суда, а какъ патріарха...

---

*) Мы, поэтому, оффиціальному дѣлу Никона не придаемъ никакого значенія.

Такія думы и чувства волновали Никона и въ тотъ, и на другой день...

3-го декабря было новое засѣданіе собора, но Никонъ туда не требованъ по простой причинѣ: Алексѣй Михайловичъ, совмѣстно съ боярами, чувствовали себя неправыми по обвиненіямъ Никона,—въ томъ, что они захватили духовную власть, и такъ какъ это былъ большой грѣхъ, то имъ хотѣлось снять его съ себя соборнымъ оправданіемъ и благословеніемъ. Хитрово хотѣлъ съ себя тоже снять нареканія, а быть можетъ—и проклятіе Никона за побіеніе сго человѣка. Для этой-то цѣли и назначенъ спеціальнй соборъ, и Никона не потребовали туда, чтобы удачнѣе достигнуть цѣли, тѣмъ болѣе, что на этомъ соборѣ хотѣли установить мѣру его наказанія.

Явившись на соборъ, царь Алексѣй Михайловичъ обратился къ нему:

— Вчера,—сказаль онъ:—я посылаль Никону ѣду и питье, но тотъ не приняль и велѣль объявить мнѣ: что у него и своего есть много, и государю на счетъ обѣда не приказываль *)...

— Никонъ дѣлаеть все изступя ума своего,—возразили патріархи.

Царь поднялся, пошелъ на то мѣсто, гдѣ стояль вчера, и говорилъ рѣчь патріархамъ въ томъ смыслѣ, что онъ никогда и въ мысляхъ не имѣль присвоить себѣ власть патріаршую, и если онъ назначаль духовныхъ лицъ на должности, то съ согласія собора; но онъ и въ этомъ каеться и просить прощенія. Что-же касается монастырскаго приказаа, то онъ собору предоставляетъ право обсудить—оставить-ли его или уничтожить: что-де всѣ мысли и думы его, чтобы смуты въ церкви не было, и если что произошло, то по недоразумѣнію. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, всѣ присутствующіе поднялись съ

---

*) Едва ли послѣднее слово достовѣрно.

мѣста и били челомъ: „Бранясь съ митрополитомъ газскимъ, писалъ Никонъ, будто все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ святая соборная восточная церковь имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу *) и многихъ святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало, держать и вѣруетъ по преданію св. апостоловъ и св. отецъ истинно. Бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили“.

Царь и весь соборъ поклонились патріархамъ до земли и тѣ сняли съ нихъ нареканіе. Послѣ того, выслушавъ Хитрово, одинъ изъ патріарховъ сказалъ:

— Когда царь грузинскій Теймуразъ былъ у царскаго стола, такъ какъ Никонъ прислалъ человѣка своего, чтобъ смуту учинить, а въ законахъ написано „кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти“, и кто Никонова человѣка ударилъ, того Богъ проститъ, потому что подобаеъ такъ быть **)...

При этихъ словахъ антиохійскій патріархъ всталъ и осѣнилъ Хитрово, потомъ продолжалъ:

— Архіепископа сербскаго Гавріила били никоновы крестьяне въ с. Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ ***)... Да снѣ же въ соборной церкви, у алтаря, во время литургіи съ нѣкотораго архіерея снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ; онъ же, Никонъ, на ердань ходилъ въ навечеріе Богоявленія, а не въ самый праздникъ ****).

---

*) Въ царствованіе Михаила Федоровича привезена къ намъ изъ Грузіи. По преданію, она привезена туда св. Ниною.

**) Въ казуистикѣ греческіе патріархи были большіе мастера...

***) Мы всюду рылись, чтобы выяснитъ этотъ фактъ, но ничего не нашли.

****) Должно быть, что всѣ эти извѣсты не имѣли значенія, потому что въ противномъ случаѣ ихъ ввели бы въ протоколъ обя-

Въ засѣданіи этомъ составленъ былъ планъ изложенія Никона и остановились на изверженіи.

Слѣдующій день прошелъ тревоженъ для Никона: арестовали его вѣрнаго служку Ивана Шушеру, который всегда носилъ передъ нимъ крестъ, и слухи носились, что его въ застѣнкѣ пытаются. Съ самимъ Никономъ обращались въ Архангельскомъ подворьѣ грубо и дерзко, какъ съ узникомъ. Алексѣй Михайловичъ, съ своей стороны, хотя и выходилъ побѣдоноснымъ въ борьбѣ съ собиннымъ другомъ, но онъ самъ понималъ всю ничтожность своей побѣды; поэтому ему хотѣлось убѣдить самого Никона, что его осудить и низложить совершенно законно и по дѣламъ, и для этого назначено засѣданіе на 5 декабря.

Никонъ же въ это время, казалось и ему, и боярамъ, уже не нуженъ для государева дѣла: миръ со Швеціею почти готовъ былъ, съ Польшею—тоже, Восточная и Сѣверная Малороссія вся сдана Брюховецкимъ русскимъ воеводамъ; Нацокинъ и Матвѣевъ заправляли почти всѣми государственными дѣлами, а Хитрово и Стрѣшневъ вѣдали всѣми дворцовыми предметами.

Въ Никонѣ значить не только не нуждались, но, пожалуй, онъ былъ бы даже помѣхою миру.

Въ отношеніи Малороссіи бояре приняли рѣшеніе: оставить за Россіею только восточный берегъ Днѣпра, а западный отдать полякамъ, и въ одно время поговаривали даже, чтобы уступить полякамъ даже Кіевъ.

Сильный протестъ Малороссіи заставилъ наше пра-

ненія. Кромѣ того, патриархамъ, вѣроятно, перепутали слѣдующіе факты: раскольники расходились съ Никономъ въ приемѣ каждаго, и нѣкоторымъ пріѣзжимъ архіереямъ Никонъ во время службы указывалъ, какъ нужно кадить; снялъ же онъ шапку одному изъ архіереевъ, когда тотъ собирался читать евангеліе и по забывчивости не снялъ клобукъ. Объ ердани даже раскольники въ своихъ сочиненіяхъ не упоминаютъ.

вительство имѣть стойкость и не согласиться на послѣднее.

Никонъ едва-ли согласился бы на подобный дѣлежъ Малороссіи, потому что первая гиль и черная рада при Хмѣльницкомъ была съ запада, такъ какъ тамъ закрѣплено было все казачество,—слѣдовательно отдавались ляхамъ именно тѣ, которые начали борьбу съ Польшею и которые первые призывали русскаго царя. Кромѣ того, едва ли Никонъ согласился бы выплатить милліонъ руб. польской шляхтѣ за выходъ ея изъ Восточной Малороссіи. Боярству же это было сподручно, такъ какъ оно рассчитывало всѣ шляхетскія земли присвоить себѣ, а этою сдѣлкою съ шляхтою они думали купить голоса у шляхты, если бы предстояли выборы въ короли Польши... Слѣдовательно, и царь Алексѣй Михайловичъ умастился этимъ...

Не могло, поэтому, и быть рѣчи о возвращеніи къ власти Никона, такъ какъ все, что ни дѣлалось, было противно его принципамъ...

Участвовавшіе въ соборѣ отлично это знали, и впередь имъ извѣстно было, какое рѣшеніе постановить, но во всякомъ случаѣ они на нѣкоторое время раньше пріѣхали Никона. Явился раньше и государь.

Какъ только вошелъ Алексѣй Михайловичъ, онъ обратился къ патріархамъ съ слѣдующими словами:

— Никонъ пріѣхалъ въ Москву и на меня налагаетъ судьбы Божіи за то, что соборъ приговорилъ и велѣлъ ему въ Москву пріѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то, по моему указу, у него взять малый Шупера за то, что въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого малаго меня поносить и безчестить, говоритъ: „Царь меня мучитъ, велѣлъ отнять малаго изъ-подъ креста“. Если Никонъ на соборѣ станетъ объ этомъ говорить, то вы, св. патріархи, вѣдайте. Да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою своею въ

Москву исповѣдывался, приобщался и масломъ освѣщался.

Восточные патріархи, по словамъ оффиціальной сказки, при послѣднихъ словахъ, подивились гораздо, потому что въ послѣднемъ дѣйствии Никона ничего не было иного, какъ только чувство чисто христіанское.

Наконецъ, появился Никонъ: онъ былъ блѣденъ, суровъ, но покоенъ. Онъ ясно понялъ, что его хотять обвинить во что бы то ни стало, и рѣшился доказать, что весь судъ надъ нимъ незаконенъ.

Патріархъ Паисій. Ты отрекся отъ патріаршескаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины.

Никонъ. Я не отрекался съ клятвою: я засвидѣтельствовался небомъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва, и теперь иду, куда великій государь изволить. Благое по нуждѣ не бываетъ.

Патріархъ Паисій. Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою.

Никонъ. Это на меня затѣяли; а если я негоденъ, то куда царское величество изволить, туда и пойду.

Патріархъ Паисій. Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?

Никонъ. Не писывалъ и не говаривалъ.

Архіепископъ Иларіонъ Рязанскій (*показываетъ письмо*). Онъ мнѣ писалъ *).

Никонъ (*удивленно*). Рука моя... развѣ описался (*Въ сильномъ волненіи*). Слышалъ я отъ грековъ, что на антioxійскомъ и александрійскомъ престолахъ иные патріархи сидятъ: чтобъ государь приказалъ свидѣтельствовать, пусть патріархи положатъ Евангеліе.

Патріархи. Мы патріархи истинные, не извержен-

---

*) Эта было не хорошо—предъявить къ суду частное письмо къ нему Никона.

ные, и не отрекались отъ престоловъ своихъ; развѣ турки безъ насъ что сдѣлали. Но если кто дерзнулъ на наши престолы безнаказанно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ, прелюбодѣй. А св. Евангелію быть не для чего,—не подобаетъ Евангеліемъ клясться.

Никонъ. Отъ сего часа свидѣтельствую Богомъ, что не буду передъ патріархами говорить, пока константинопольскій и іерусалимскій сюда будутъ.

Архіепископъ Иларіонъ Рязанскій. Какъ ты не боишься суда Божія, и вселенскихъ патріарховъ безчестишь?

Патріархи (*обратясь къ собору*). Скажите правду про отрицаніе никоново съ клятвою.

Питиримъ Новгородскій и Іоасафъ Тверскій *). Никонъ отрекся и говорилъ: если буду патріархъ, то анаеема буду.

Никонъ. Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ; а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаеема. Такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставятъ другаго патріарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю: какъ изволить великій государь и вселенскіе патріархи.

Патріархи (*къ греческому митрополиту*). Читай правила по-гречески. (*Къ архіепископу Иларіону Рязанскому*). Читай правила по-русски.

Иларіонъ Рязанскій (*читаетъ*). Кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ, тому впредь не быть на престолѣ.

Никонъ. Эти правила не апостольскія и не вселенскихъ соборовъ, и не помѣстныхъ. Я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю.

---

*) Питиримъ былъ отведенъ, какъ свидѣтель, Никономъ и не могъ свидѣтельствовать, а Іоасафъ, какъ кандидатъ на патріаршій престолъ, не могъ тоже свидѣтельствовать.

Митрополитъ Павель. Эти правила приняла церковь.

Никонъ. Ихъ въ русской Кормчей нѣтъ, а греческія правила не прямыя: ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики. А я не отрекался отъ престола,—это на меня затѣяли.

Патріархи. Наши греческія правила прямыя.

Архіепископъ тверской Іоасафъ. Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патріаршескаго престола, то мы его молили, чтобы онъ не покидалъ престола; но онъ говорилъ, что разъ отрекся и больше не патріархъ, а если возвратится, то будетъ анаеема.

Никонъ. Лжесвидѣтельствуеть.

Родіонъ Стрѣшневъ. Никонъ говорилъ мнѣ, что обѣщался быть только три года.

Никонъ. Я не возвращаюсь на престоль,—воленъ великій государь.

Алмазъ Ивановъ. Никонъ писалъ государю, что ему не подобаетъ возвратится на престоль, яко псу на своя блевотины.

Никонъ. Того не писалъ... Не только меня, но и Златоуста изгнали неправедно... (*Въ сильномъ волненіи обращаясь къ царю*). Когда на Москвѣ учинился бунтъ *), то и ты, царское величество, самъ не правду свидѣтельствовалъ, а я испугавшись только пошелъ отъ твоего гнѣва.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Непристойныя рѣчи! Безчестя меня, говоришь. Никто на меня бунтомъ не приходилъ, а приходили земскіе люди, и то не на меня,—приходили бить челомъ объ обидахъ.

Голоса. Какъ ты не боишься Бога! Непристойныя рѣчи говоришь! Великаго государя безчестишь!

Патріархи. Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?

---

*) Земская гиль.

Никонъ. Ношу черный клобукъ по примѣру греческихъ патріарховъ; херувимы ношу по примѣру московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ. Съ одною панагією съ патріаршества сошелъ, а другая—крестъ: въ помощь себѣ ношу.

Архіереи. Когда отъ патріаршества отрекся, то бѣлаго клобука съ собою не взялъ,—взялъ простой монашескій, а теперь носишь съ херувимомъ.

Антіохійскій патріархъ. Здѣсь-ли что антіохійскій патріархъ не судья вселенскій?

Никонъ. Тамъ себѣ и сиди. Въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ гдѣ-то въ Египтѣ, антіохійскій—въ Дамаскѣ.

Патріархи. Когда благословили вселенскіе патріархи Іова, митрополита московскаго, на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?

Никонъ. Я въ то время не великъ былъ *).

Патріархи. Слушай правила святыхъ.

Никонъ. Греческія правила не прямыя,—печатали ихъ еретики.

Патріархи. Приложи руку, что нашъ номоканонъ еретическій, и скажи, какія въ немъ ереси.

Никонъ. Это дѣло не мое.

Патріархъ. Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа? и сколько патріарха?

Никонъ. Епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха вся вселенная.

Патріархи. Ты одинъ Павла низвергъ, не по правиламъ (*Никонъ на это ничего не отвѣчалъ, такъ какъ и низверженія не было*).

Царь. Вѣришь-ли всѣмъ вселенскимъ патріархамъ? Они подписались своими руками, что антіохійскій и александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву.

Никонъ. Рукъ ихъ не знаю.

---

*) Его совѣтъ не было тогда еще на свѣтѣ.

Антиохійскій патріархъ. Это истинныя руки патріаршескія!

Никонъ. Широко ты здѣсь: какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ *)?

Голоса. Какъ ты Бога не боишься! Великаго государя безчестишь и вселенскихъ патріарховъ! Всю истину во лжу ставишь!

Патріархи. Отберите у Никона крестъ, который предъ нимъ носятъ: ни одинъ патріархъ этого не дѣлаетъ, а это обычай латинскій. (*Пошелъ снова споръ объ отреченіи Никона отъ патріаршества*). Написано: по нуждѣ и дьяволъ исповѣдуетъ истину; а Никонъ истины не исповѣдуетъ (*Послѣ краткаго совѣщанія между собою*). Отселѣ не будешь патріархъ и священная да не дѣйствуешь, но будешь яко простой монахъ... (*Никонъ складываетъ набожно руки, произноситъ тихо молитву и, поклонившись во всѣ стороны, выходитъ съ тихимъ и спокойнымъ величіемъ изъ зала*).

„Никонъ низложенъ! Никонъ осужденъ!“ раздалось въ тотъ же день по всей Москвѣ, и даже враги его вадрогнули.

По улицамъ начали бродить толпы и перешептываться между собою; общество явно облеклось въ трауръ.

Бояре, окольничьи, думные дворяне, дьяки, стряпчіе и пристава разъѣзжали по знакомымъ, чтобы ослабить произведенное на столицу впечатлѣніе, но еще сильнѣе всѣ почувствовали потерю, понесенную всѣми съ удаленіемъ Никона, когда при этомъ стали вспоминать его заслуги, да и тѣ, которые разъѣзжали по городу, увидѣвъ всеобщее горе, тоже опустили носы.

Дворъ затихъ и умолкъ. Царь заперся въ своей

---

*) Дѣло въ томъ, что, по обычаю восточной церкви, на соборахъ нельзя было передавать голоса, а слѣдовало присутствовать или непосредственно, или черезъ особыхъ делегатовъ.

комнатъ и никого не принималъ. Во всемъ дворцѣ все замерло, ходили на цыпочкахъ, говорили шопотомъ. Въ теремахъ было тоже самое: царевны заперлись, никого не принимали, долго молились и горько плакали.

Что же было причиною такого горя?

Не религіозность, не страхъ, что будетъ съ церковью, а всё чувствовали, что они потеряли опору и силу.

Если Никонъ въ послѣднія девять лѣтъ не мѣшался въ государственныя дѣла, то все же его боялись, и одно имя его и боязнь, что онъ вернется, заставляли многихъ держаться законности. Словомъ, Никонъ былъ невидимою силою, которая удерживала въ государствѣ хоть сколько-нибудь равновѣсіе и правосудіе, а теперь эта сила, этотъ колоссъ, низверженъ, и точка опоры потеряна...

Общество почувствовало, что оно безъ почвы и что то, на чемъ оно стоитъ, колеблется и готово провалиться и увлечь его въ бездну... Во многихъ домахъ слышны были рыданія, и заплаканные глаза встрѣчались повсюду, даже на улицахъ.

Самъ царь, приказавъ изготовить обвинительный протоколъ собора для его подписанія, былъ самъ похожъ на осужденнаго: онъ захандрилъ и нѣсколько дней никого не принималъ.

8 декабря явились къ нему восточные патріархи.

Три часа говорилъ онъ съ ними наединѣ и о томъ, какъ бы наименѣе оскорбить патріарха, при объявленіи ему приговора въ окончательной формѣ. Хотя резолюція собора и была объявлена Никону на соборѣ же, но всё знали его гордость: онъ вѣроятно потребуетъ оффиціальнаго объявленія ему приговора.

Никонъ же понялъ объявленіе ему резолюціи слѣдующимъ образомъ: они-де объявили ему, что онъ больше не патріархъ, а — простой монахъ, единственно для того, чтобы теперь судить его еще свѣтскимъ судомъ и казнить какъ преступника.

— Пуцай,—говорилъ онъ самъ съ собою,—дѣлають, что хотять. Такъ поступили и съ св. Филиппомъ митрополитомъ: сначала лишили сана, сдѣлали простымъ инокомъ, а потомъ Малюта Скуратовъ задушилъ его.

Онъ готовился къ смерти, молился день и ночь и не смыкалъ очей.

12 декабря все московское высшее духовенство собралось въ крестной патриаршей палатѣ, куда прибыли и восточные патриархи. Царь прислалъ сюда князя Никиту Ивановича Одоевскаго (боярина приказа тайныхъ дѣлъ), боярина Петра Михайловича Салтыкова (боярина малороссійскаго приказа), думнаго дьяка Елизарова и Алмаза Иванова,—всѣхъ враговъ Никона.

Никона привезли изъ Архангельскаго подворья и подъ стражею держали въ сѣняхъ передъ Крестною палатою.

Патриархи отправились въ церковь, которая была въ воротахъ Чудова монастыря, и стали на своихъ мѣстахъ въ саккосахъ; архіереи въ саккосахъ же выстроились по обѣ стороны.

Ввели и Никона. Онъ вышелъ съ обыкновенною своею важною и гордою поступью, помолился иконамъ, поклонился дважды въ поясъ патриархамъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей.

Алмазъ Ивановъ и одинъ изъ грековъ начали читать выписку изъ соборнаго дѣянія по-гречески и по-русски. По окончаніи чтенія, патриархи отправились къ царскимъ вратамъ, подозвали Никона къ себѣ и начали читать ему обвинительный актъ:

„Проклиналъ русскихъ архіереевъ въ недѣлю православія мимо всякаго стязанія и суда; покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругался двоимъ архіереямъ: одного называлъ Анною, другаго Каіафою; изъ двоихъ бояръ, одного называлъ Иродомъ, другаго Пилатомъ; когда былъ призванъ на соборъ по обычаю церковному, то

пришелъ не смиреннымъ обычаемъ, а не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій,—судь ихъ уничтожилъ и всѣ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по вселенскимъ, всячески отвергъ; номоканонъ назвалъ книгою еретичною, потому что напечатанъ въ странахъ западныхъ; въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинилъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Оссіи, говорилъ, что синклитъ и всероссійская церковь приклонились къ латинскимъ догматамъ: но порицающій стадо, ему врученное,—не пастырь, а наемникъ; архіерея одинъ самъ собою низвергъ; по низложеніи съ Павла, епископа коломенскаго, мантию снялъ и предалъ на лютое біеніе; архіерей этотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, звѣрями ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ погибъ; отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить, и патріархи сами язвы его видѣли; живя въ Воскресенскомъ, многихъ людей, иноковъ и бѣглецовъ наказывалъ не духовно, не кротостью за преступленія, но мучилъ мірскими казнями, кнутомъ, палицами,—иныхъ на пытки жегъ“ *).

Когда чтеніе окончилось, александрійскій патріархъ снялъ съ Никона клобукъ и панагію и сказалъ:

— Впередъ патріархомъ не называйся и не пишись; называйся просто монахомъ Никономъ; въ монастырѣ живи тихо, безмятежно и о своихъ согрѣшеніяхъ моли всемилостиваго Бога...

---

*) Последнее все взято изъ извѣта жидовъ Мошки и Гершки и нѣтъ въ этомъ обвиненіи ни слова правды. Монастырь Воскресенскій управлялся игуменомъ и его намѣстникомъ, и судъ производили они, съ экономомъ, казначеемъ и старцами. Патріарху принадлежало лишь право помилованія. Никонъ былъ въ дѣйствительности строгъ и възыскателенъ, но сердце онъ имѣлъ доброе и былъ всегда противъ жестокости.

— Знаю,—воскликнулъ Никонъ:—и безъ вашего поученія, какъ жить... а что вы клобукъ и панагію съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ: достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти или по шести, да золотыхъ по девяти... Вы султанскіе невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтобъ было чѣмъ заплатить султану. Откуда взяли вы эти законы? Зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь тайно, какъ воры, въ монастырской церкви, въ отсутствіи царя, думы и народа? При всемъ народѣ упростили меня принять патріаршество: я согласился, видя слезы народа, слыша страшныя клятвы царя. Поставленъ я въ патріархи въ соборной церкви, предъ всенароднымъ множествомъ: а если теперь захотѣлось вамъ осудить насъ и низвергнуть, то пойдѣмъ въ ту же церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня чему хотите...

Патріархи отвѣчали: что все равно, въ какой бы церкви ни было произнесено опредѣленіе собора, лишь бы оно было по совѣту царя и архіереевъ.

Патріархи на Никона надѣли простой клобукъ, снятый съ греческаго монаха; но архіерейскаго посоха и мантии у него не взяли...

Что послѣднее означало?..

Никона повезли изъ Чудова монастыря въ савяхъ въ земскій дворъ.

Когда Никонъ сѣлся въ сани, онъ воскликнулъ.

— Никонъ! Отчего все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы. Если бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, то не случилось бы съ тобою этого...

Съ Никономъ поѣхало: два черныхъ священника, два дьякона, одинъ простой монахъ и два бѣльца. Въ савяхъ съ нимъ сѣдѣли: спасо-ярославецкій архимандритъ Сергій и бывший экономъ Никона.

Народъ огромною массою окружилъ поѣздъ и поплелся за Никономъ.

Когда Никонъ хотѣлъ что-нибудь говорить, архимандритъ Сергій кричалъ грубо:

— Молчи, Никонъ.

— Скажи Сергію, — обратился Никонъ къ эконому своему:—что если онъ имѣетъ власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ...

Экономъ исполнилъ требованіе Никона, при чемъ наазвалъ его патріархомъ.

— Какъ ты смѣешь,—закричалъ Сергій:—называть патріархомъ простаго чернеца?

— Что ты орешь?—закричали изъ толпы:—имя патріаршеское дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго.

Стрѣльцы схватили протестовавшаго, и онъ исчезъ.

Никона привезли въ земскій дворъ и ввели въ избу, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться впредь до указа.

Спустя нѣкоторое время земскій дворъ наводнился солдатами разнаго оружія.

Народъ разогнали, увѣривъ его, что Никона только на другой день повезутъ черезъ Кремль. Никонъ же думалъ иное: меня привезли въ земскую избу, чтобы здѣсь творить надо мною судъ свѣтскій.

Это было логично и въ духъ тогдашней юстиціи: земскій дворъ представлялъ свѣтскую власть, и когда кто-либо туда попадалъ, то изъ него расправа была ужъ общая уголовная: уголовная тюрьма, пытки, казни.

Сердце патріарха Никона, однакожь, не дрогнуло при этой мысли:

„Пушай меня казнять! — думалъ онъ: — По крайней мѣрѣ будетъ за что: за то-де, что съ псами восточными обращался по ихъ достоинству: обозвалъ бродягами, ворами, предъ всѣмъ соборомъ въ церкви, предъ царскими вратами... А ужъ псы, что ни на есть: посочиняли такія вины, о которыхъ я и не слышалъ... Отчего же не упомянули ни объ одной заслугѣ... И хоша-бъ одинъ кто-

нибудь сказать доброе слово... Да и всё-то наши святители хороши,—такіе же псы, какъ и тѣ восточные“.

Въ то время, какъ такъ разсуждалъ Никонъ, въ Москвѣ творилось необычайное: народъ волновался и шумѣлъ въ кабакахъ, ругая бояръ и называя ихъ кровопійцами Никона.

Дошло это до царя, и, поѣтому, велѣно Никона вести въ земскую избу въ архіерейской мантии и съ посохомъ.

Но въ самой церкви явилась новая случайность: Никонъ поносилъ патріарховъ публично. Бояре хотѣли изъ этого сдѣлать новое дѣло и монаха Никона судить своимъ судомъ. Для этой цѣли они и задержали его въ земскомъ дворѣ.

Князь Одоевскій, Салтыковъ и Алмазь явились во дворецъ съ докладомъ царю; Алексѣй Михайловичъ велѣлъ зайти къ себѣ черезъ нѣсколько часовъ.

Когда они ушли, онъ въ сильномъ волненіи отправился къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ. Онъ передалъ ей о поступкѣ Никона при исполненіи надъ нимъ приговора:

— Спасибо ему за это, —воскликнула царевна:—Узнаю въ этомъ поступкѣ прежняго Никона... А то я ужъ думала, что онъ въ Воскресенскомъ отъ бездѣлья съ ума спятилъ.

— Какъ?—удивился царь:—Да знаешь ли, бояре требуютъ за это оскорбленіе патріарховъ предать его суду... А это значитъ пытка... потомъ казнь... Они его и задержали на земскомъ дворѣ.

— Пуцай казнять... Но знай, братецъ, что смута и гиль будетъ безъ мѣры, и камень на камень не останется изъ Москвы... Тебѣ не доносятъ то, что есть: меня оповѣстили, что завтра соберется народъ, и когда повезутъ Никона черезъ Кремль, народъ его освободитъ и возведетъ на патріаршество... Если народъ подыметъ ради того лишь, что Никона низложили, такъ что будетъ,

коли онъ узнаеть, что его вѣдутъ на казнь? Опасную шутку шутите.

— Такъ чтожъ по твоему?

— По моему бабьему разуму: коли вы его низложили, такъ отправляйте да съ почетомъ въ монастырь... Придутъ бояре, такъ ты имъ скажи, что хочешь... А патриарху пошли дары и требуй его благословенія... Такъ и накажи говорить въ народъ...

Алексѣй Михайловичъ понялъ, что сестра совѣтуетъ ему дѣло.

Когда послѣ того къ нему вновь явились бояре, онъ сказалъ:

— Никонъ говорилъ изступя ума, на него сердиться нельзя... Возьмите вотъ это,—онъ подалъ кошелекъ съ деньгами:—отдайте ему на дорогу, да и шубу взять изъ моихъ лучшихъ... теперь зима, холодъ.

Бояре удивились, сдѣлали гримасу и ушли. На другой день, чуть-чуть начало свѣтать, какъ народъ сталъ валить въ Кремль, и не больше какъ въ полчаса онъ переполнилъ его. Толпилось нѣсколько десятковъ тысячъ: лица у всѣхъ были мрачны и рѣчи зловѣщи.

Появились приставъ, дьяки, бояре и распустили слухъ, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ. Народъ двинулся въ Китай-городъ.

Въ это время привезли Никону въ земскую избу царскую шубу и деньги,—онъ отказался принять и то, и другое.

Его повезли дорогою, гдѣ народъ не предполагалъ вовсе, что онъ появится тамъ. На одномъ изъ поворотовъ какая-то черница бросилась къ санямъ, схватила коренныхъ лошадей за уздцы и неистово завопила:

— Куда вы, какъ воры, его увозите... Везите въ народъ, онъ не вашъ... онъ народный...

— Мама Натя,—крикнулъ Никонъ:—прощай... прости... Молись за меня... да и поклонись.

— Не пущу... сворачивайте... Караулъ! Народъ!.. сю-
да... Ратуйте!—кричала инокиня.

Изъ сосѣднихъ домовъ показалось нѣсколько че-
ловѣкъ.

— Бей ее, — крикнулъ стрѣлецкій сотникъ своимъ
ратникамъ.

Одинъ обнажилъ палашъ и ударилъ инокиню по
головѣ.

Обливаясь кровью, та упала на снѣгъ подъ лошадей;
кони испугались, подхватили и понеслись съ санями
черезъ инокиню... Раздирающій душу вопль ея раздался,
а со стороны Никона крикъ ужаса; но лошади умчали
его далеко... далеко...

XXXII.

Первые раскольничьи стратотерпцы.

Рождественскій праздникъ 1666 г. прошелъ для царя
Алексѣя Михайловича не радостнымъ. Обыкновенно-то
онъ всегда проводилъ его въ семейномъ кругу; но если
позволялъ себѣ что-либо, такъ это устройство борьбы
звѣрей межъ собою или бой съ звѣрями ловчихъ на
Москвѣ-рѣкѣ. И теперь, чтобы заглушить злыя думы,
тревожившія его по случаю низложенія и ссылки Ни-
кона, онъ велѣлъ ловчему пути, т. е. администраціи
охоты, устроить поѣздку.

Медвѣжья охота была любимѣйшею потѣхою царя.
Медвѣди, смотря по выдрессировкѣ, назывались: двор-
ными, гончими, ступными, спускными и дикими. При-
возили изъ Мезени года два передъ тѣмъ и бѣлыхъ
медвѣдей.

Спускали медвѣдей на травлю съ другими звѣрями,
травили ихъ собаками—борзыми, медеянскими и бри-
танскими, и съ ними-же вступали въ бой ловчіе. Пovo-

дари же медвѣдей выдѣлывали разныя комедійныя дѣйствія съ дрессированными животными.

Травли происходили во дворцѣ, на нижнемъ подѣ горою и на заднемъ дворѣ или на старомъ Цареборисовскомъ дворѣ, близъ палатъ патріарха; тоже—на Старомъ Ваганьковѣ, гдѣ теперь публичный музей, и на Новомъ Ваганьковѣ, на трехъ горахъ.

Зимою-же или на масленицу устраивалась потѣха на Москвѣ-рѣкѣ, чтобы весь городъ могъ любоваться зрѣлищемъ.

При строгомъ пуританизмѣ тогдашняго правительства, запрещавшаго пляски, пѣсни, свѣтскую музыку, игрища и гульбища, очевидно, что всякое зрѣлище возбуждало большое любопытство и привлекало массу народа.

Признаками такихъ потѣхъ обыкновенно было очищеніе и выравниеніе мѣстности на льду Москвы-рѣки, устройство изгороди для травли и приготовленіе деревянныхъ скамеекъ для народа, особой ложи для царя и особаго павильона для звѣрей и собакъ.

Москва знала всѣхъ ловчихъ по именамъ, да и большинство собакъ было имъ извѣстно.

И вотъ въ день, назначенный для потѣхи, еще съ утра народъ сталъ собираться на Москву-рѣку, чтобы занять мѣсто поудобнѣе для зрѣлища.

Звѣри въ то время содержались во Львиномъ дворѣ, у китай-городской стѣны, гдѣ теперь присутственные мѣста; тоже Яма (въ послѣдствіи долговая тюрьма) была мѣстопребываніемъ звѣрей.

Знаменитыми въ это время ловчими были: Ябединъ, Теряевъ, Головцынъ и Невѣровъ, также Никифоръ и Яковъ Озорные, сыновья Богдана Озорнаго, тѣшившаго еще царя Михаила Ѳедоровича.

Въ день, назначенный для потѣхи, морозъ былъ силенъ и звѣри, а также собаки, привезенныя на Москву-рѣку, жались отъ холода; а ловчіе, одѣтые въ крытыя

сукномъ полушубки, только постукивали ногами и руками, чтобы не иззябнуть до царскаго прѣзда.

Матушка-Москва стала съѣзжаться: были здѣсь и открытыя сани, и возки, и въ нихъ виднѣлись или аргамаки, или бахматы. Москва, всегда любившая и цѣнившая лошадей, рассматривала ихъ какъ знатокъ и относилась къ нимъ критически.

— Вишь ты,—говорилъ какой-то приказчикъ другому:—у гостя-то Шорина какіе бахматы, точно братья родные.

— Да, дюже откормленные,—отвѣчалъ его товарищъ.

— А Стрѣшнева-то, Родивона Матвѣевича, вонъ тотъ жеребчикъ, тонкошейный, тонконогій, сѣрый въ яблокахъ, а морда сухая, жилистая, головка малая... такъ-бы расцѣловаль, — воскликнулъ первый:—И одежда, гляди, на немъ точно царская: золотая парча, да каменья самоцвѣтныя.

— Царской-то казны ему что-ли стать жалѣть, — усмѣхнулся его товарищъ.

— А вотъ, гляди, точно царь ѣдетъ,—крикнулъ мальчикъ, указывая по направленію къ Кремлю.

— Точно онъ, батюшка-то нашъ соколикъ,—умилился стоявшій здѣсь старикъ мастеровой и, снявъ шапку, онъ стиснулъ ее подъ мышками и сталъ подыматься на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть показавшійся на противоположномъ берегу царскій поѣздъ.

Царскій поѣздъ былъ довольно длиненъ: впереди шли скороходы, потомъ стольники, дворцовая стража; за ними ѣхали сани царя, запряженные шестеркою бѣлыхъ бахматовъ, въ драгоцѣнныхъ парчевыхъ одеждахъ (подъ уздцы вель ихъ конюшенный штатъ), за царскими санями — царевны и царевичи въ крытыхъ возкахъ, за ними верхомъ бояре, окольнічьи, воеводы, думные дворяне и весь остальной придворный штатъ.

Дорога изъ Кремля была проложена по Москвѣ-рѣкѣ до мѣста зрѣлища, и народъ по обѣ стороны ужъ ждалъ

поѣзда. Царь кланялся народу на обѣ стороны, а народъ падалъ ницъ и пѣлъ „многая лѣта“.

У павильона царя встрѣтили Ордынь-Нащокинъ, Матвѣевъ, Хитрово и ловчій Матюшкинъ.

Царь съ царицею, царевнами и царевичемъ сѣли въ особую ложу; бояре и дворъ расположились на изготовленные имъ мѣста. Ихъ окружили цѣпью охотниковъ съ мушкетами, пистолетами и рогатинами, здѣсь-же имѣлись на сворахъ борзья и меделянскія собаки. Это была предосторожность на тотъ случай, если-бы звѣрь бросился внѣ арены на зрителей.

Началось зрѣлище. Бѣлый медвѣдь долженъ былъ вступить въ борьбу съ тремя простыми медвѣдями.

Матюшкинъ далъ знакъ, и медвѣжьи поводыри вывели трехъ дикихъ черныхъ медвѣдей и, впустивъ ихъ въ арену, сняли съ нихъ намордники и сами перескочили обратно по сю сторону арены.

Медвѣди, почувствовавъ себя на свободѣ, завыли, разминали кости и видя, что они въ сообщничествѣ лишь своей братіи, начали обнюхивать другъ друга и вскорѣ освоились.

Когда это было достигнуто, Матюшкинъ велѣлъ выпустить бѣлаго медвѣдя „Богатыря“.

Богатырь прямо выпущенъ изъ клѣтки. Бѣлый, какъ снѣгъ, косматый, съ черными глазами и красною пастью,— это чудовище, появившись на аренѣ, подняло голову въ верхъ, какъ собака, и зловѣще зарычало и завыло.

Черные медвѣди сразу струсили, поглядѣли въ ту сторону, гдѣ показался звѣрь, жались другъ къ другу и зарычали, оскаливъ зубы.

Бѣлый медвѣдь легъ на брюхо и вызывающе завылъ и зарычалъ.

Черные медвѣди разсвирѣпѣли и, одинъ за другимъ поднявшись на заднія лапы, пошли на него.

„Богатырь“, допустивъ, шедшаго на него съ рычаніемъ, перваго медвѣдя на довольно близкое разстояніе,

вдругъ вскочилъ, поднялся тоже на заднія лапы, пошелъ на него, ударилъ его стремительно обѣими лапами по головѣ и схватилъ зубами за горло.

Черный медвѣдь пошатнулся и упалъ навзничь. „Богатырь“ насѣлъ на него и перегрызъ ему горло. Но два другихъ медвѣдя приблизились въ свою очередь и налегли сверху на „Богатыря“, грызя и разрывая ему спину когтями. Почувствовавъ страшную боль въ спинѣ, бѣлый медвѣдь бросилъ нижнюю жертву и сдѣлалъ отчаянное движеніе, упершись о землю лапами. Отъ этого движенія оба медвѣдя очутились на его мѣстѣ, а онъ, съ воемъ и рычаніемъ, вскочилъ изъ-подъ нихъ. Медвѣди, разсвирѣпѣвъ, не поняли, въ чемъ дѣло и, чувствуя подъ собою свѣжее тѣло и чуя кровь, налегли на убитаго своего товарища и рвали его на части.

Поглядѣвъ съ полминуты на эту рычащую, движущуюся кучу, „Богатырь“ вновь пришелъ въ ярость, тѣмъ болѣе, что въ спинѣ и въ тѣлѣ его слышалась ужасная боль, и вотъ онъ стремглавъ бросается на эту кучу и начинаетъ ее рвать когтями и зубами... Не проходитъ и получаса, какъ онъ обращаетъ трехъ медвѣдей въ груды костей, мяса и крови...

Измученный и разсвирѣпѣвшій до лютости, онъ садится на брюхо, какъ песъ, и, съ высунувшимся кровавымъ языкомъ, воетъ жалобно, хотя и побѣдоносно.

— Велишь, великій государь, и его порѣшить?— обращается съ вопросомъ Матюшкинъ.

— Почему?

— Да потому, великій государь, что его таперъ въ клѣтъ не загонишь, а коли онъ отдохнетъ, такъ много бѣдъ учинить.

— Такъ ты вели его добить.

Матюшкинъ сдѣлалъ знакъ. Ловчіе выпустили на „Богатыря“ свору медеянскихъ.

Неожиданное появленіе новыхъ враговъ озадачило „Богатыря“; онъ сначала поглядѣлъ на нихъ только

презрительно и злобно застучалъ зубами, воображая, что этимъ онъ отдѣляется. Но когда собаки бросились на него и, атаковавъ со всѣхъ сторонъ, стали его грызть, онъ отъ боли разсвирѣпѣлъ и, подбѣжавъ къ барьеру, прислонился къ нему задомъ, при чемъ лапами и пастью уничтожалъ враговъ.

Отъ удара его лапы псы падали замертво; а пастью своею онъ въ одинъ мигъ умерщвлялъ смѣльчаковъ.

На помощь собакамъ подоспѣлъ ловчій Никифоръ Озорной: онъ пошелъ по барьеру и, приблизившись на нѣсколько шаговъ къ бѣлому медвѣдю, изъ пистолета выстрѣлилъ ему въ ухо, и тотъ палъ мертвый.

Послѣ этого пошли другія потѣхи: травили волковъ дрессированными собаками, хорьковъ и лисицъ борзыми и потѣхи эти продолжались почти до самаго вечера.

По окончаніи потѣхи, царь уѣхалъ во дворецъ, а народъ еще долго осматривалъ побоище и критиковалъ то тотъ, то другой моментъ битвы.

Возвратясь домой, царь пообѣдалъ, при чемъ онъ имѣлъ разговоръ о томъ, кого избрать въ патріархи. Онъ былъ въ затрудненіи. Кандидатовъ было четыре Птитиримъ, Павелъ, Иларіонъ и Іоасафъ,—но ни одинъ изъ нихъ не представлялъ того типа патріарха, какой создалъ ему Никонъ... Потолковали и разошлись. Чтобы разсѣяться, онъ велѣлъ позвать изъ темной подклѣтки одного изъ верховыхъ каликъ переходжихъ, чтобы онъ забавлялъ его пѣснями. Привели пѣвца Филиппова. Это былъ среднихъ лѣтъ парень, плотный и высокорослый, обладавшій замѣчательнымъ голосомъ и памятью. Игралъ онъ на домрѣ и пѣлъ духовныя пѣсни, былины и легенды духовнаго содержанія. Алексѣй Михайловичъ любилъ его слушать, въ особенности когда его терзали какія-нибудь тяжелыя думы.

— Спои, что ни на есть, Филиппушка, — сердце отведи,—встрѣтилъ его государь.

Настроилъ и приготовилъ Филипповъ свою домру, и запѣлъ объ Іоасафѣ царевичѣ:

Въ дальней во долигѣ
Тамъ стояла мать прекрасная пустыня;
Приходилъ-ли во пустыню
Младой царевичъ Іоасафій:
«Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Приемли меня во пустыню,
Отъ юности предестныя;
Научи меня, мать пустыня,
Какъ Божью волю творити;
Достави меня, мать пустыня,
Ко своему ко небесному царствію...

Заслушался царь этой легенды и когда Филипповъ пропѣлъ послѣдніе его стихи:

Усѣ ангелы возрадовалися,
И архангелы счудесалися
Премладому его смыслу,
Превеликому его разуму.
А мы запоемъ аллилуія, аллилуія,
О, слава тебѣ Христе, Боже нашъ!—

царь поднялся съ мѣста и пошелъ въ теремъ.

— А я къ тебѣ, сестрица, душу отвести, — сказалъ онъ, входя къ царевнѣ Татьянѣ.

— Я собираюсь въ Алексѣевскій монастырь... одна черница больна, нужно навѣстити.

— Не поздно-ли?

— Лучше поздно; днемъ такъ и глядятъ всѣ, куда ѣдешь. Тамъ меня ждутъ.

— Я не долго у тебя сидѣть буду... Нужно выбрать патріарха, а кого, не знаемъ: Питиримъ...

— Глупъ и грамоты не знаетъ, — встала царевна.

— Павелъ Крутицкій...

— Вотъ-то будетъ патріархъ!.. Ему бы бабою быть, а не святителемъ...

— Иларіонъ Рязанскій?..

— Мужикъ мужикомъ; ему бы косу, аль серпъ, да въ поле.

— А что скажешь объ Іоасафѣ Тверскомъ?..

— Этоть, по крайности, благообразенъ, хоша не палата ума, да теперь оно и не нужно: пуцай только не портить Никоновой работы.

— Видишь, позвалъ я Филишова домрачея и просиль спѣть стихъ, при чемъ думалъ: кого онъ назоветъ въ стихъ изъ четырехъ святителей, значить, того и самъ Богъ хочеть... А онъ и запой объ Іоасафѣ царевичѣ...

— Да коли ужъ выбирать въ патріархи опосля Никона, такъ, по правдѣ, нѣтъ ни одного; но коли его низложили, такъ не подобаеть церкви вдовствовать... Гляди, братецъ, ты вотъ, по слову царицы и Морозова, простилъ Θεодосіи Морозовой, а та снова свое поеть, плюеть на наши образа и на наши кресты, бранить Никона антихристомъ, а насъ зоветъ еретиками, латинниками.. Всюду она вошіеть: „Нашихъ святыхъ Аввакума, Данила, Епифанія, Θεодора сослали, истязаютъ; а теперь сами нашли, что Никонъ-де латинянинъ, да антихристь...“

— Такъ чтожъ ты думаешь?

— Да такъ: нужно вызвать ея святыхъ къ собору пуцай восточные патріархи съ ними прю ведутъ...

— Умница ты моя, вызову ихъ сюда... Но тебѣ ѣхать надоть, поѣзжай.

Царевна одѣлась, взяла съ собою одну изъ придворныхъ боярынь, простилась съ братомъ и уѣхала.

Въ Алексѣевскомъ монастырѣ игуменья, какъ видно, ожидала ее: она встрѣтила царевну у воротъ.

Царевна поцѣловалась съ нею и произнесла взволнованнымъ голосомъ:

— Отчего мнѣ только теперь дали знать, что мама Натя сильно больна?

— Она нѣсколько часовъ только какъ пришла въ себя и велѣла дать знать тебѣ, царевна.

— Что же съ нею случилось?

— Говорять, ее переѣхали на улицѣ. Къ намъ въ монастырь привезли ее добрые люди... Это было 13 декабря... Она была безъ памяти, вся въ крови, ноги, руки и голова повреждены... Что могли, то мы дѣлали, и вотъ, милостивая царевна, теперъ она пришла въ себя.

— Можно ее видѣть?

— Можно, можно... я провожу тебя въ ея келью...

Игуменья ввела царевну въ маленькую келью. Мама Натя лежала на мягкой и хорошей постели, въ углу виднѣлась икона, а тамъ теплилась ярко лампадка.

Царевна сбросила шубу и подошла къ кровати. Инокиня какъ будто дремала. Царевна взяла ее за руку.

— Это ты, царевна... какъ я рада... я знала, что придешь, — слабымъ голосомъ произнесла больная.

— Что съ тобою случилось?..

— Потомъ скажу...

Игуменья, видя, что она лишняя, вышла.

— Говори, ради Бога, мама Натя, что за бѣда приключилась...

— Когда его увозили... я хотѣла свернуть сани къ народу... схватила за узду коренныхъ... Стрѣлецъ ударилъ меня по головѣ, я упала подъ лошадей... дальше не помню... Помню только, что онъ узналъ меня и крикнулъ: поклонись...

— Такъ онъ не забыть меня?

— Какъ же и забыть-то свою благодѣтельницу... добро и зло помнятся... Погляди меня царевна... вели свѣчу принести... хочу знать, цѣлы-ли руки... ноги...

Царевна выглянула въ дверь. Служка монастырская ожидала у двери келіи приказаній. Царевна велѣла принести огонь.

Вскорѣ появились въ келіи свѣчи. Какъ ни была мама Натя слаба, но просила служку развязать различные бинты на рукахъ и ногахъ. Оказалось, что у нея

имѣлись раны и ушибы, но переломовъ костей не было. Послѣ осмотра служба вышла.

— Я тебя, царевна, не видѣла послѣ собора, — сказала инокиня: — а потому не знаю, кто это такъ озлобилъ царя противъ Никона.

— Да все этотъ Ордынъ-Нащокинъ... Точно такъ, какъ Матвѣевъ и Морозовъ, онъ требуетъ ввести у насъ западные обычаи; а Никонъ противъ этого. Рассказываютъ они царю: Какъ-де Никита Ивановичъ Романовъ, мой дѣдушка, спилъ было для прислуги своей заграничную нѣмецкую одежду, такъ Никонъ-де послалъ за нею съ наказомъ сказать: „Хочетъ-де патріархъ и своимъ людямъ спить такую“. А какъ принесли къ нему, такъ онъ велѣлъ изрѣзать одежду. Потомъ, увидѣвъ Никиту Ивановича, онъ сказалъ: „Не въ одеждѣ просвѣщеніе, а въ ученіи“, да и заплатилъ ему за одежду. Нащокинъ это знаетъ, такъ и Никонъ ему не угоденъ. Къ тому же, Нащокинъ хочетъ быть одинъ: и миръ-то заключить одному, да потомъ и въ государевыхъ дѣлахъ быть одному. Но тому не быть: мы съ Анною да Петровною Хитрово залучимъ къ себѣ племянника ея, Богдана, тогда и ссадимъ Нащокина.

— Не можешь представить себѣ, царевна, какъ я рада, — прервала инокиня Татьяну Михайловну: — что перелома костей у меня нѣтути; а раны, тѣ заживутъ.. Мнѣ руки и ноги теперь нужны... нужны для дѣла: боярамъ мое вѣчно мщеніе... Тогда лишь успокоюсь, когда..

— И я клянусь имъ вѣчно мстить: коли можно будетъ имъ напакостить, такъ напакощу... А коли придетъ время стать за земство, за чернь, за народъ, — такъ я ни денегъ, ни жизни не пожалѣю... Они и погубили Никона: зачѣмъ-де онъ былъ противъ боярства и воеводъ... зачѣмъ стоялъ за черную землю и чернь... Теперь ужъ и Милославскіе, и Морозовъ за черную землю.. Остальные бояре стоятъ за боярство: вотъ и низложили они Никона.

— Не знаю какъ ты, царевна, а мнѣ нужно выздоровѣть, подняться на ноги и кара будетъ не за горами... Скоро съ небесъ загремитъ для нихъ труба страшнаго суда.

Инокія поднялась на кровати, устремила блестящій взоръ свой въ даль и произнесла пророчески:

— Вижу я висѣлицы и плахи отъ Астрахани до Казани... Всюду трупы боярскіе и воеводскіе висятъ, и вороны ихъ раздирають, а смрадъ ихъ душитъ... душитъ меня... И въ Малороссіи трупы ихъ гніють всюду и по городамъ, и по селамъ,—и съ этими словами она упала безъ чувствъ.

— Мама Натя, успокойся,—и царевна испуганно потребовала воды.

Вбѣжали служки и игуменья. Всѣ усилія ихъ привести ту въ чувство оказались тщетными: инокія бредила и металась на кровати.

Царевна поторопилась во дворець и послала въ монастырь одного изъ царскихъ врачей.

На другой день дали знать царевнѣ, что инокинѣ легче.

Царевна послала отслужить молебень.

Вскорѣ послѣ того совершился обрядъ избранія и поставленія патріарха: избранъ былъ Іоасафъ, подъ именемъ Іоасафа II.

Послѣ его избранія, соборъ тотчасъ осуществилъ мѣры Никона: монастырскій приказъ уничтоженъ и отмѣнено правило, что сектанты-христіане обязаны при приѣмѣ православія вновь креститься. Зато, отдѣливъ свѣтскую власть отъ духовной, соборъ сталъ разграничивать и подсудность нѣкоторыхъ дѣлъ, при чемъ дѣла вѣры передалъ вѣдѣнію уголовнаго свѣтскаго суда. Этимъ введены у насъ инквизиціонныя начала, что озлобило раскольниковъ и повело лишь къ развитію, а не къ уменьшенію раскола.

Это и Никонъ предвидѣлъ, и поэтому-то онъ такъ и

возставалъ противъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви; но его не поняли современники и, къ стыду нашему, и потомство, которое, по невѣжеству своему, видитъ въ его изложеніи какое-то торжество свѣтской власти надъ духовною, между тѣмъ какъ въ этомъ изложеніи видно лишь торжество грубой силы и фанатизма противъ началъ любви и братства. Самая же борьба вовсе не была изъ-за власти, а изъ-за принциповъ: Никонъ стоялъ за свободу вѣры и независимость церкви, бояре — за подчиненіе ея не столько государству, какъ боярству. Последнее вскорѣ дало достойные плоды.

На соборъ вытребованы изъ Пафнутьевского Боровскаго монастыря расколоучитель Аввакумъ, Лазарь, Епифаній и Ѳеодоръ.

Когда ихъ привезли въ Москву, они всюду рассказывали, что исцѣляли больныхъ, изгоняли бѣсовъ. Въ особенности Аввакумъ повѣствовалъ о разныхъ видѣніяхъ и пророчествахъ, и многіе изъ приходящихъ къ нимъ увѣровали въ него и въ его товарищей, какъ въ святыхъ и Божьихъ подвижниковъ.

По прибытіи же въ Москву, узнавъ подробности собора, низложившаго Никона, и услышавъ, какъ онъ укорялъ въ латинствѣ и патріарховъ, — Аввакумъ возрадовался и готовился съ своими сподвижниками дать рѣшительную битву и никоньянамъ, и восточнымъ патріархамъ.

Привезли расколоучителей на соборъ.

Предсѣдательствовалъ новый патріархъ Іоасафъ, въ присутствіи двухъ восточныхъ патріарховъ.

Когда ввели расколоучителей, они по обычаю должны были пасть ницъ и поклониться архіереямъ, но они этого не сдѣлали, а только двуперстно перекрестились въ сторону, а не къ инокамъ.

Начались разспросы, споры, пренія, убѣжденія, но на все былъ одинъ отвѣтъ расколоучителей:

— Все новшество, еретичество и латинство. Исправленіе книгъ неправильно. По старымъ книгамъ молились и служили святые митрополиты Петръ и Филиппъ многіе святые, великіе чудотворцы Зосима и Савваті, и многіе иные... и если они достигли спасенія по этиимъ книгамъ, то иныхъ не нужно.

Греческія же книги, на которыя ссылался соборъ, они назвали еретическими, а восточныхъ патріарховъ обозвали еретиками-латинянами, какъ равно всю церковь никоновскую... Церкви наши назвали храминами, наши иконы — идолами, а нашихъ святителей — языческими жрецами.

Соборъ проклялъ ихъ, осудилъ ихъ ученіе и отправилъ въ земскую избу для преданія ихъ суду за оскорбленіе церкви и всего собора.

Уголовный судъ присудилъ ихъ: за двуперстное знаменіе—къ отсѣченію правой руки, а за руганіе церкви—лишенію языка...

— Любо намъ пострадать за Христа и за церковь,—воскликнули расколоучители, когда имъ объявили приговоръ.

На другой день вся Москва поднялась и потекла къ Лобному мѣсту, гдѣ на эшафотѣ заплечный мастеръ долженъ былъ совершить казнь.

Но многіе въ столицѣ вознегодовали, узнавъ о вмѣшательствѣ свѣтскаго суда въ дѣла вѣры.

— Да это латинство! еретичество!

— Не слѣдъ допустить такого позора!

— Отколь Москва стоитъ, не было такой обиды!

Нашлись люди сильные, могучіе, богатые, да, кажись, и самъ царь былъ замѣшанъ въ дѣло: подкупили палача, чтобы онъ принесъ мертвыя руки и совершилъ бы мнимое отсѣченіе рукъ, а языки чтобы палачъ только ущемилъ немного до крови...

Но народъ этого не зналъ. Въ день казни онъ наводнилъ Лобное мѣсто, волновался и шумѣлъ.

— Вишь, за вѣру отцовъ, за древнее благочестіе страдаютъ,—ворчали одни.

— Коли они казнь приѣмлютъ за свои иконы, за свои книги и кресты, значитъ, и впрямь то истина, что они бають,—слышались голоса.

Но вотъ выводятъ на площадь Аввакума и его сообщниковъ.

Надъ Аввакумомъ должна совершиться первая казнь: онъ кланяется народу во всѣ стороны и кричитъ зычнымъ голосомъ:

— Любо мнѣ пострадать за Христа и за церковь,—и при этомъ, перекрестя себя и народъ двуперстно, кладетъ эту руку на плаху.

Послѣ того ему рвутъ языкъ.

Сподвижники его тоже самое кричатъ народу и мужественно подвергаются казни.

Народъ становится мраченъ, двуперстно крестится и расходится въ страшномъ негодованіи.

Изъ земской избы увозятъ расколоучителей въ Пустозерскую обитель у Ледовитаго моря.

Не проходитъ и мѣсяца, какъ оттуда приходятъ вѣсти:

— Святые-де страстотерпцы творятъ тамъ чудеса: безъ языка проповѣдуютъ, руки вновь поотростали и творятъ они всякія чудеса: исцѣляютъ больныхъ, изгоняютъ бѣсовъ, видятъ и говорятъ съ ангелами и давно умершими...

Облетаетъ эта вѣсть всю Русь, паломники отправляются въ Пустозерскую обитель, подтверждаютъ справедливость чудесъ, и расколоученіе находитъ горячихъ, многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ слояхъ общества.

XXXIII.

Малороссійская смута.

На берегахъ Груни, въ Полтавской губерніи, видѣется теперь маленькій городокъ Гадячъ. Во время малороссійскаго гетманства городокъ этотъ былъ одною изъ резиденцій гетмана, и поэтому на берегахъ Груни высился и деревянный дворецъ, имѣвшій большой фруктовый садъ и паркъ. Здѣсь-то поселился Брюховецкій, бояринъ-гетманъ, когда послѣ раздѣла между Россією и Польшею Малороссіи, первой достался восточный и второй западный берегъ Днѣпра. Въ Малороссіи въ это время появилось, такимъ образомъ, два гетмана: русскій, Брюховецкій, сидѣлъ въ Гадячѣ; польскій, Дорошенко—въ Чигиринѣ.

Кіевъ былъ тоже уступленъ полякамъ, но русскіе медлили его сдавать; а потому митрополитъ Іосифъ Тукальской жилъ не въ этомъ городѣ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Малороссіи, когда послѣ низложенія Никона и собора противъ раскольниковъ, епископъ Мееодій, блюститель кіевскаго митрополичьяго престола, выѣхалъ изъ Москвы.

Москва между тѣмъ не была довольна Брюховецкимъ: онъ обѣщался, что Малороссія будетъ уплачивать исправно всѣ подати и сборы, и что народъ самъ, будто бы, пригласилъ къ себѣ всѣхъ воеводъ, а тутъ, какъ нарочно, народъ не только не платилъ сборовъ, но и воеводы встрѣчались крайне враждебно.

Зная это, Брюховецкій вообразилъ, что старый другъ его епископъ Мееодій, разсердившись на него за его боярство и за статьи, имъ подписанныя въ Москвѣ, вѣроятно, наговорилъ на него что-нибудь теперь царю и ѣдетъ съ какими-нибудь злыми наказами.

Въ такомъ раздуміи отправилъ онъ нѣсколько казаковъ въ Смѣлу, которая принадлежала тогда Кіевопе-

черской лаврѣ и гдѣ пребывалъ въ то время игуменъ монастыря Иннокентій Гизель.

Иннокентій не былъ расположенъ къ Брюховецкому, да и тотъ не особенно-то жаловалъ его. Не поѣхалъ бы онъ къ нему, потому что жилъ на польской сторонѣ, но ночью къ нему явились казаки и такъ напугали его, что онъ, волею-неволею, а долженъ былъ подчиниться и выѣхать въ Гадячъ.

Брюховецкій встрѣтилъ Иннокентія со всѣми подобающими почестями, ввелъ его подъ руку въ свои хоромы, усадилъ подъ образа на самомъ почетномъ мѣстѣ.

Иннокентій началъ жаловаться на обиды, какія казаки дѣлаютъ въ земляхъ монастырскихъ, и гетманъ обѣщался разобрать эти дѣла; потомъ онъ перешелъ къ тому, что Мееодій-де ѣдетъ изъ Москвы, и такъ какъ онъ, Иннокентій, въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ, то чтобы уговорилъ его помириться съ нимъ.

Послѣ того, угостивъ архимандрита, онъ отпустилъ его съ дарами.

Въ ту же самую ночь Брюховецкаго разбудили:

— Кто-съ прихавъ,—сказалъ прислуживавшій ему карликъ Лучко.

— Пойди-ка узнай, хлопчикъ...

— Архіерей прихавъ,—крикнулъ онъ.

— Якій?

— Мееодій.

Брюховецкій поспѣшно одѣлся и вышелъ въ столовую, гдѣ ужъ его люди приняла епископа.

Гетманъ подошелъ подъ его благословеніе, но тотъ обнялъ и расцѣловалъ его:

— Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ,—сказалъ онъ:—Забудемъ вражду *).

---

*) Мы продолжаемъ разговоръ по-русски, чтобы не пестрить чтенія.

— А ты, старый другъ, ужъ видѣлся съ Иннокентіемъ?

— Нѣтъ, я прямо изъ Москвы къ тебѣ...

— Такъ прежде, чѣмъ разговаривать, нужно ѣсть,— воскликнулъ гетманъ.

Онъ ударилъ въ ладоши; появилось нѣсколько служекъ.

— Сейчасъ дать все, что можно... И горилки... и меду, и вина,—крикнулъ Иванъ Мартыновичъ.

Слуги ушли, и не болѣе минуты спустя, столъ былъ накрытъ, огни зажжены, и гость началъ утолять голодъ, при чемъ и хозяинъ не забылъ потчевать и себя, то чаркою горилки, то порядочнымъ ковшикомъ стараго меду.

Когда гость насытился, гетманъ велѣлъ прислугѣ убирать со стола, только оставить питія, а самимъ удалиться.

Это быстро исполнено.

Когда они остались одни, гетманъ обратился къ Мееодію:

— Что въ Москвѣ?..

— Да что тамъ можетъ быть хорошаго?.. Попали мы съ тобою, Иванъ Мартыновичъ, какъ говорится, изъ кулька, да въ рогожку. Думали мы избавить сяляцкихъ пановъ,—думали, что Москва оставитъ наши вольности, будетъ насъ защищать, а тутъ она продала насъ ляхамъ... А всему-то виноватъ ты, Иванъ Мартыновичъ: унижилъ ты себя и насъ... Погнался за боярствомъ... писался нижайшею ступенью царскаго престола... Они возмечтали, наслали намъ воеводъ во всѣ города, уничтожаютъ наши вольности, и гляди — раздадутъ они и нашихъ казаковъ въ холопство боярамъ.

— Да расскажи подробно, святой епископъ, что тамъ дѣлается въ Москвѣ... Мы еще не рабы московскаго царя.

— Низложили они Никона позорно... На соборѣ я и

другой епископъ Симонъ хотѣли говорить,—такъ намъ не давали.

— Да за что его низложили?

— За что?.. За то, что онъ стоялъ за черную землю, за чернь... За то, что онъ не хотѣлъ боярства: только шестнадцать фамилій вѣдь имѣютъ право засѣдать въ въ боярской думѣ, не пройдя всѣхъ ступеней службы, а остальнымъ попасть въ думу почти невозможно...

— Да кто же они?

— Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы и Урусовы.

— Но кромѣ боярской думы, кто-жъ теперь близокъ къ царю?

— Это?.. да Аѳанасій Ордынъ-Нащокинъ. Онъ же болѣе всѣхъ подбивалъ на соборѣ низложить Никона, да и царя уговорилъ. Лѣстилъ онъ прежде боярамъ, кланялся имъ: одного лишь князя Хованскаго и унижалъ, пока не низложилъ Никона; а какъ низложилъ, такъ сталъ именемъ царя писать боярамъ и воеводамъ такіе ругательскіе указы, что читать стыдно. Боялся онъ, коли возвратится Никонъ, такъ въ совѣтѣ у царя не будетъ одинъ,—и коли-бъ онъ могъ, такъ онъ какъ Малюта Скуратовъ поступилъ съ святымъ Филиппомъ, поѣхалъ бы въ Терапонтовъ монастырь и задушилъ своими руками святителя...

— Развѣ онъ такъ свирѣпъ?

— Поглядишь,—онъ собирается на лѣто ѣхать съ царемъ въ Кіевъ на богомолье. Но это одинъ предлогъ: придетъ онъ сюда съ сильнымъ войскомъ, уничтожить онъ насъ, поработить и обратить въ боярскихъ холоповъ.

— Но ты говоришь, что онъ теперь и бояръ тѣснить?

— Видишь-ли, Нащокинъ вселилъ ему, что онъ Богъ и судья земной, неограниченный правитель, и что бояре-де его холопы; а онъ, Нащокинъ-то, хочетъ неогра-

ниченно владѣть отъ имени его всѣмъ... Не быть намъ холопами Нащокина. Я разрѣшаю все казачество отъ данной имъ клятвы русскому царю. Долой воеводъ!.. долой бояры!.. Лучше отдаться турецкому султану.

— Такъ ты, епископъ, разрѣшаешь меня отъ клятвы?

— Разрѣшаю, собери раду... и дѣлайте для блага отчины все, что вамъ Богъ на душу положить... А чтобы ты не думалъ, что я пріѣхалъ къ тебѣ только съ льстивыми рѣчами, такъ вотъ тебѣ моя рука: отсюда я ѣду къ себѣ въ Нѣжинъ и тамъ буду говорить всѣмъ, что и тебѣ говорю... а для закрѣпленія нашего союза, отдаю свою дочь за твоего племянника...

Гетмана послѣднее обрадовало, такъ какъ это была давнишняя мечта его племянника.

Выпили они, послѣ того, еще порядочно на радостяхъ, что породнятся, и на другой день гетманъ выѣхалъ съ епископомъ и проводилъ его почти до самаго Нѣжина.

Но и въ Москвѣ было не совсѣмъ спокойно: Алексѣй Михайловичъ, какъ видно, тревожился и набросалъ оригинальное письмо князю Григорію Григорьевичу Ромадановскому *). Писано оно прозою и оригинальными стихами:

„Повелѣніе Всесильнаго и Великаго и Безсмертнаго и Милостиваго Царя царемъ, и Государя государемъ, и всякихъ силъ Повелителя Господа Нашега Иисуса Христа. Писалъ сіе письмо всемноггрѣшный царь Алексѣй рукою своею“:

Рабе Божій, дерзай о имени Божіи

И уповай всѣмъ сердцемъ, подастъ Богъ побѣду.

И любовь и совѣтъ великой имѣи съ Брюховецкимъ,

А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко

Отъ всякихъ обмановъ и льстивыхъ дѣлъ, и свой разумъ

Крѣпко въ твердости держи и рассматривай

---

*) Неизвѣстно, послалъ ли онъ его, но оно сохраняется въ государственномъ архивѣ.

Ратныя дѣла великою осторожностью,
Чтобъ писарь Захарка съ товарищи чево не учинили
Также какъ Юраско *) надъ бояриномъ нашимъ
И воеводою надъ Васильемъ Шереметевомъ, также и надъ
бояриномъ
Нашимъ и воеводою князь Иванъ Хованскимъ Огинской князь
Учинилъ, и имай крѣпко опасеніе и аргусовы очи всякъ часъ,
Безпрестанно въ осторожности пребывай и смотри на всѣ
Четыре стороны и въ сердцѣ своемъ великое предъ Богомъ
смиреніе и низость имѣй,
А не возношеніе, какъ нѣкто **), вамъ братъ, говариваль:
не родился-де такой
Промышленникъ, кому бы его одолѣть съ войскомъ,
И Богъ за превозношеніе его совсѣмъ предалъ въ плѣвъ ***).

Это предостереженіе князя со стороны заботливаго царя опоздало. Епископъ Мееодій успѣлъ бросить зерно раздора между Брюховецкимъ и имъ. Но тутъ еще подѣйствовало лукавство гетмана Западной Малороссіи Дорошенко: митрополитъ Тукальскій написалъ Брюховецкому, что коли онъ, Брюховецкій, возстанетъ противъ русскихъ и перейдетъ на западный берегъ, то Дорошенко тотчасъ откажется отъ гетманства и тогда онъ, Брюховецкій, сдѣлается гетманомъ обѣихъ сторонъ.

Получивъ это письмо, Брюховецкій созвалъ къ себѣ въ Гадячъ полковниковъ: Мартынова, Самойловича, Кублицкаго, Тайча, Апостоленко, Горленко и Дворецкаго.

Брюховецкій началъ стороною: какъ бы-де заставить

---

*) Юрій Хмѣльницкій.

**) Здѣсь намекаетъ царь на князя Пожарскаго, погибшаго подъ Конотопомъ.

***) Въ тѣ времена не имѣли понятія ни о стихосложеніи, ни о размѣрѣ; впервые началъ писать греческимъ размѣромъ Ломоносовъ и сталъ риемовать стихи. Но одно неопѣненное достоинство имѣютъ стихи Алексѣя Михайловича: хотя они не имѣли размѣра и благозвучія, за то имѣли смыслъ, между тѣмъ какъ даже и въ наше время стихотворцы гонятся не за мыслью, а за громкими фразами, а потому зачастую сиди за стихотвореніемъ хоть цѣлый день, да не выжмешь изъ него ровно ничего.

москалей почитать казачьи вольности, и поэтому-то онъ и раду войсковую собралъ.

„Тѣмъ болѣе,—присовокупилъ онъ:—я долженъ былъ на это рѣшиться, что по ту сторону Днѣпра снова наѣхала польская шляхта, овладѣла всѣми маестностями (помѣстьями), которыми она прежде владѣла, настроила по селамъ висѣлицы и вѣшаетъ на нихъ крестьянъ... чернь“...

Полковники давали на это уклончивые отвѣты; тогда Брюховецкій принесъ крестъ и, поцѣловавъ его, сказалъ:

— И вы цѣлуйте крестъ, что другъ друга не выдадимъ по тому рѣшенію, какое примемъ здѣсь.

Всѣ цѣловали крестъ.

— Теперь я прочитаю письмо ко мнѣ епископа Меодія,—воскликнулъ Брюховецкій и началъ читать:— „Ради Бога не оплошайся. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ нашей. Чаять того, что честный Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы насъ съ вами, взявъ за шею, выдать ляхамъ. Почему знать, не на томъ ли и присягнули другъ другу: много знаковъ, что объ насъ торгуются. Лучше бы насъ не манили, чѣмъ такъ съ нами коварно поступать. Въ великомъ остерегательствѣ живи, а запорожцевъ всячески ласкай. Сколько ихъ вышло, ими укрѣпляйся, да и города порубежные людьми своими досмотри, чтобы Москва больше не засѣла. Мой такой совѣтъ, потому что утопающій и за бритву хватается: не послать ли тебѣ пана Дворецкаго для какого-нибудь воинскаго дѣла къ царскому величеству?—чтобы онъ сошелся съ Нащокинымъ, вывѣдалъ, что-нибудь отъ него и далъ тебѣ знать. У него и своя бѣда; оболганъ Шереметомъ и сильно жалуется на свое безчестіе. Не добрый знакъ, что Шереметь самыхъ бездѣльныхъ ляховъ любовно принимаетъ и ихъ потчеваетъ, а казаковъ, хотя бы какіе честные люди, за лядскихъ собакъ не почитаетъ и похваляется на нихъ, да съ Дорошенкомъ ссылается! Богъ вѣсть,

то все не намъ ли на зло? Надобно тебѣ очень осторожнымъ быть и къ Нащокину не выѣзжать, хотя бы и манилъ тебя. Мнѣ твоя отчизна мила. Сохрани Богъ, какъ возьмутъ насъ за шею и отдадутъ ляхамъ или въ Москву поведутъ. Лучше смерть, чѣмъ золь животь. Будь остороженъ, чтобы и тебя, какъ покойнаго Барабаша, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка ляхамъ не отослали“.

Всеобщее негодованіе полковниковъ было отвѣтомъ на это письмо.

— Мееодій,—сказалъ тогда Брюховецкій:—какъ замѣститель митрополита кіевскаго, разрѣшилъ насъ отъ данной нами клятвы русскому царю. Теперь мы снова вольны во всѣ четыре стороны,—лучше турецкому султану поддаться, чѣмъ Нащокину и боярамъ. Долой русскихъ!

— Долой русскихъ! Лучше султану поддаться! Русскіе женъ у нашихъ отнимаютъ, земли забираютъ, чинши правятъ и грабятъ нашихъ! Довольно натерпѣлись!—неистово закричали полковники.

— Но я думаю думку иную, чѣмъ епископъ,—продолжалъ Брюховецкій:—Намъ нужно начать наше дѣло зимою же... Зимою москали не успѣютъ ни соединиться, ни подать другъ другу помощи... нужно, чтобы весна и лѣто не застали ужъ ни одного русскаго на Украинѣ.

— Добре! Иванъ Мартыновичъ! — крикнули полковники.

Брюховецкій велѣлъ тогда затопить печь и, выйдя въ свою спальню, нѣсколько минутъ спустя возвратился оттуда съ узломъ.

— Вотъ тутъ,—сказалъ онъ: — и боярская шапка, и кафтанъ, и грамоты царскія на гетманство и боярство... я ихъ порѣшу.

Онъ сталъ кидать въ печь и грамоты, и одежду.

По мѣрѣ того, какъ это горѣло въ печи, полковники кричали:

— А щобъ и воны такички згорылы.

— Щобъ имъ ни дна, ни покрышки не було.

— Щобъ воны висъ вискъ такъ маялись, якъ мы бидные...

— Щобъ горылы и жарылись ихъ печенки, якъ та боярская шапка.

— Теперь,—закричалъ Брюховецкій, когда все сгорѣло:—идемте обидать.

За обѣдомъ выпито было много, и когда предложенъ однимъ изъ полковниковъ тостъ за здоровье гетмана Ивана Мартыновича, то онъ вставилъ:

— Не за нижайшую подножку царскаго престола, а за гетмана запорожскаго войска.

— Ура!—крикнули всѣ.

Разѣхавшись, полковники пустили слухъ въ народѣ, что Иванъ Мартыновичъ ужъ не нижайшая подножка русскаго престола.

Вѣсть эта, какъ молнія, облетѣла все казачество по обѣ стороны Днѣпра, и на Украинѣ проявлялись общіе въ то время признаки волненія и мятежа въ малороссійскомъ народѣ.

Запорожцы, не имѣя чего ѣсть въ сѣчи, на зиму разсыпались по всей Малороссіи въ видѣ наймитовъ въ жидовскихъ корчмахъ, у зажиточныхъ крестьянъ и земледѣльцевъ. Работали они усердно, а еще усерднѣе пропивали деньги по шинкамъ и корчмамъ. Съ Западной Руси почти все крестьянство изъ помѣстій ляховъ двинулось тоже въ Восточную Русь и этимъ увеличило мятежный элементъ. Откуда-то повсюду явились бандуристы, бродили по корчмамъ и шинкамъ и пѣли воинственныя пѣсни... Запорожцы потребовали тогда отъ хозяевъ расчета, и пошла страшная попойка по шинкамъ и корчмамъ. Приняли участіе въ этихъ вакханаліяхъ и казачество, и крестьянство. Пили, пили, пропивалось все, что имѣлось, и когда ужъ нечего было пропивать, закладывались будущія приобрѣтенія, на что давались фор-

менные записки. Это значило, что готовится повстанье... Но противъ кого и чего? Прежде Малороссія имѣла одного врага, ляховъ, а теперь у нихъ появились два: на одномъ ляхи, на другомъ—москали.

Волненіе пошло по обѣимъ сторонамъ, и раздалися кличи на западномъ берегу:

— Москали насъ продали ляхамъ...

— Батъка Дорошенко пуцай ужъ лучше съ турскимъ султаномъ покумуется.

А на восточномъ или, какъ тогда называли, на „Барабошскомъ берегѣ“ слышался другой кличь:

— Бояре да воеводы насъ закрѣпостили... да братьевъ продали ляхамъ.

Казаки во многихъ мѣстахъ по селамъ стали брать въ полковую казну хлѣбъ и деньги, и запретили вносить чинши въ царскую казну. Многіе крестьяне записывались въ реестровые казаки и покинули свои села.

Въ Прилукахъ, на площади, стояла большая вѣстовая пушка: полковой есауль велѣлъ взять пушку и поставить въ проѣзжихъ воротахъ.

Узнавъ объ этомъ, воевода прислалъ солдатъ взять пушку въ верхній городъ; но есауль побилъ ихъ и пушки не далъ.

— Мы еще изъ верхняго города и остальные пушки вывеземъ,—кричалъ онъ.

По его же наущенію всѣ мѣщане и поселяне перестали платить подати, и сборщикамъ нельзя было показываться по селамъ: имъ грозили смертью.

Русскихъ откупщиковъ казаки грабили, рѣзали имъ бороды, а мѣщанамъ кричали:

— Будьте съ нами, а не будете, такъ вамъ, воеводѣ и русскимъ людямъ жить только до масленицы...

Наступилъ 1668 годъ, и къ концу января въ Чигиринъ, къ Дорошенкѣ, сталъ съѣзжаться разный людъ; а городъ имѣлъ видъ ярмарки: ежедневно входили въ него и пѣшие, и конные казаки, и крестьяне, и записы-

вались въ реестровые казаки,—въ то время, когда комплектъ, опредѣленный Рѣчью Посполитою, давно былъ переполненъ.

Стягивались сюда со всѣхъ сторонъ тоже и пищали, и пушки, и цѣлые транспорты пороху и снарядовъ.

Дорошенко занималъ дворецъ, въ которомъ жилъ Богданъ Хмѣльницкій; но со времени смерти его въ немъ такого оживленія и энтузіазма не было, какъ теперь.

Послѣ его смерти здѣсь орудовалъ сначала Выговскій, потомъ сынъ его Юрій, больной и рааслабленный юноша, наконецъ Брюховецкій.

Выговскій и Брюховецкій отличались только тѣмъ, что хотя оба мечтали о дворянствѣ, но одинъ—о польскомъ, другой—о русскомъ, а чернь была забыта.

Теперь Дорошенко снова, подобно Богдану Хмѣльницкому, сталъ за чернь, съ тѣмъ, чтобы потребовать свободу родной землѣ.

Сѣхались къ нему: митрополитъ Тувальскій, полковники, вся старшина, крымскіе послы, монахъ отъ епископа Мееодія, посолъ Брюховецкаго, и самое главное: вдова покойнаго Хмѣльницкаго съ сыномъ Юріемъ, теперь монахомъ Гедеономъ. Съ Хмѣльницкимъ пріѣхала тоже и инокиня Наталья. По пріѣздѣ мы застаемъ ихъ вновь въ той же комнатѣ, гдѣ они сидѣли въ день пріѣзда Бутурлина къ Богдану Хмѣльницкому.

Вдова Богдана сильно постарѣла, да и мама Ната измѣнилась: ея энергичные черные глаза впали, а бѣлое лицо сдѣлалось желтымъ; волосы совсѣмъ посѣдѣли и падали большими прядями на ея лобъ и на шею изъ-подъ клобука.

Обѣ сидѣли на диванѣ, а противъ нихъ расположился монахъ Гедeonъ. За нѣсколько лѣтъ отдыха и покоя бывший юноша-гетманъ совершенно измѣнился: станъ его выпрямился, и онъ ужъ не былъ прежній сутуловатый, невзрачный и робкій парубокъ. Лицо его, отъ непривычки къ воздуху совсѣмъ почернѣвшее во время

гетманства, теперь побѣлѣло и получило живой и яркій цвѣтъ; болѣзни, которыми онъ страдалъ, покинули его, и это дало возможность укрѣпиться и развить формы. Юраско, какъ называлъ его царь Алексѣй Михайловичъ, сдѣлался просто молодцомъ и къ мужественнымъ его чертамъ вовсе не шла монашеская одежда.

Разговоръ между бесѣдующими шель по-малоросійски.

— Такъ Никона,—сказалъ Хмѣльницкій:— осудили, сослали и заточили въ монастырь... Не даромъ батько мой такъ хотѣлъ вырвать его изъ Москвы... „Дайте мнѣ Никона,—говорилъ онъ:— и мы возьмемъ самый Царьградъ. Войска,—говорилъ онъ:—у насъ много, а головъ мало...“ И заточили они его за спасибо: если бы не онъ, такъ батька мой никогда не отдалъ бы себя подъ руку царя.

— Да,—вздохнула его мать:—если бы онъ былъ здѣсь и ты бы не оставилъ гетманской булавы,—а то Ковалевскій, твой опекунъ, всѣмъ овладѣлъ, измѣнилъ не во время русскимъ и Шереметеву... Ну, и погибло дѣло.

— Не жалѣю я,—возразилъ Хмѣльницкій:—гетманской булавы, а жаль мнѣ моей отчизны. О ней-то плачетъ и рвется моя душа. Снова наша Украина въ ляцкихъ рукахъ, снова шибеницы (висѣлицы) по селамъ. Не нужно намъ ни ляховъ, ни русскихъ.

— Ты, отецъ Гедeonъ, такъ и скажи на радѣ,—сказала инокиня, и глаза ея засверкали:—Наша отчизна и плачетъ, и стонетъ: кто недосчитывается отца, кто брата, кто сына... Женщинъ и вдовъ нашихъ берутъ москали къ себѣ и безчестятъ; за чинши продаютъ послѣднюю скотинку и лошадку. Сидятъ по лѣсамъ и по селамъ люди безъ хлѣба, пухнуть и мрутъ съ голоду. Ты, Гедeonъ, сынъ Богдана,—того Богдана, котораго самъ Богъ далъ отчизнѣ, чтобы попрасть враговъ... И караль онъ ихъ страшно: пылали ихъ города и села, рѣзали жидовъ и пановъ, или вѣшали ихъ на одно и то же дерево.

— Помню... помню... и не разъ плачу я... По цѣлымъ часамъ стою въ церкви и молюсь, чтобы Богъ далъ и мнѣ силы бороться съ врагами отчизны... И чтожь? Коли нужно будетъ, такъ и я отдамъ все, что имѣю, и пойду простымъ казакомъ сражаться съ врагами.

— Добре, добре, сынку, бачу я, що въ тебе кривъ батькова, — воскликнула его мать, со сверкающими глазами.

Едва она окончила, какъ вошелъ казачокъ и попросилъ монаха Гелеона, отъ имени гетмана, на раду.

Залъ Богдана Хмѣльницкаго оставался въ томъ же видѣ, какъ и былъ при немъ, такъ какъ въ чигиринскомъ дворцѣ было все общественное: по стѣнамъ висѣли тѣ же трофеи побѣдъ, только вмѣсто прежнихъ головъ медвѣдей, оленей и лошадей виднѣлись здѣсь разныя кольчуги, пищали и сабли.

Огромный дубовый столъ, за которымъ могло бы помѣститься до двухсотъ человекъ, стоялъ по серединѣ зала и вокругъ него скамьи. Только съ боку, посреди стола виднѣлись дубовыя кресла для гетмана и для почетныхъ гостей.

За столомъ этимъ размѣстились ужъ ратные люди. Гетманъ Дорошенко, въ гостиной или кабинетѣ своемъ, ждалъ только митрополита и Юрія Хмѣльницкаго, чтобы выйти къ гостямъ.

Дорошенко имѣлъ лѣтъ подѣ пятьдесятъ. Это былъ коренастый казакъ, съ умными глазами и строгимъ лицомъ. Огромные усы его ниспадали огромными большими прядями по обѣ стороны его подбородка, гладко выбритаго. Онъ въ гетманскомъ кунтушѣ и на головѣ его баранья шапка. Сидитъ онъ, поджавши ноги, на диванѣ, и рядомъ съ нимъ, въ такомъ же положеніи, сидитъ мурза татарскій Челибей. Они объясняются потатарски, такъ какъ Дорошенко говоритъ на этомъ языкѣ такъ же хорошо, какъ на своемъ родномъ. Когда онъ былъ еще запорожцемъ, онъ находился нѣсколько лѣтъ

въ плѣну въ Крыму и выучился этому языку; потомъ во время войнъ Богдана, онъ постоянно былъ при татарскихъ отрядахъ и сдѣлался, такимъ образомъ, настоящимъ татаринѣмъ. Онъ любилъ татаръ за ихъ прямоту, трудолюбіе, честность и мужество, и поэтому проектировалъ: отдаться подъ покровительство турокъ, съ тѣмъ, чтобы татары были съ ними въ союзѣ и противъ полковъ, и противъ русскихъ.

„Не замай“ былъ его девизъ, т. е. онъ не искалъ завоеваній, но хотѣлъ самостоятельности своему отечеству. Потянуло же его къ туркамъ потому, что онъ видѣлъ, что тамъ, гдѣ они тогда ни господствовали въ славянскихъ земляхъ, они уважали религію, нравы и обычаи этихъ странъ, и внутреннее управленіе было тамъ народное; такъ было въ Молдавіи и Валахіи, такъ было и въ Сербіи, и въ Болгаріи.

Малороссы въ это время тоже отстаивали только свои народныя права, или, какъ они ихъ называли, свои вольности, свою религію и внутреннее народное самоуправленіе; поэтому и Дорошенкѣ казалось самымъ подходящимъ отдать и себя подъ покровительство и подъ защиту султана.

Для этого и вызваны были имъ татары въ Чигиринъ, чтобы закончить съ ними оборонительный и наступательный союзъ, для того, чтобы послѣ изгнанія ляховъ и русскихъ изъ Малороссіи стать подъ покровительство султана.

— Итакъ, Челибей, — обратился къ послу Дорошенко:—ты увидишь сегодня, что всѣ старшины и полковники на моей сторонѣ... Я жду только митрополита, а онъ долженъ быть сейчасъ. Онъ остановился у здѣшняго благочиннаго, а тотъ живетъ не далеко. Я послалъ ужъ за нимъ возокъ. Да вотъ и сынъ покойнаго Богдана...

Въ это время въ дверяхъ показался монахъ Гедеонъ.

Посоль всталъ, поклонился ему низко, при чемъ приложилъ руку ко лбу и къ сердцу.

Гедеевъ поклонился обоимъ низко и остановился у дверей, но Дорошенко поднялся съ мѣста, обнялъ и поцѣловалъ его.

— Я его на рукахъ носилъ,—обратился онъ къ послу.

— А я,—сказалъ Челибей:—отца твоего зналъ еще тогда, когда онъ къ нашему хану прїѣзжалъ просить помощи противъ Потоцкаго... Я сражался съ нимъ и при Желтыхъ водахъ. Мы короннаго гетмана побили съ войскомъ и взяли въ плѣнъ. Богатырь былъ твой отецъ... соколь... Какъ гаркнетъ, крикнетъ... да съ гетманскимъ знаменемъ своимъ появится куда, такъ люди падаютъ передъ нимъ, какъ будто отъ одного его дуновения; а ужъ пушки его, какъ загрохочутъ, то картечью такъ и косятъ польскихъ драгунъ и гусаръ. И польскіе гусары молодцы: какъ налетятъ на нашихъ, да съ пиками на пѣшихъ, такъ сомнутъ и затопчутъ, точно муравьевъ. А мы топтать и рубить не любимъ,—намъ бы ясырь *).

— Отецъ,—сказалъ Хмѣльницкій тоже по-татарски:—былъ большой другъ татарамъ. Онъ очень любилъ ихъ: народъ все трезвый, рабочій, прямой,—не то, что наши.. И отецъ-то мой все говорилъ: коли Никонъ не возьметъ меня подъ защиту, такъ я пойду подъ высокую руку султана, какъ и крымскій ханъ мой братъ и другъ. Очень любилъ онъ вашу землю и вашихъ людей. Не было для него ничего лучшаго, какъ рассказывать, какъ онъ гостилъ у васъ и въ Карасубазарѣ, и въ Бахчисараѣ. По цѣлымъ часамъ слушаешь, какъ онъ бывало съ ханомъ, съ кальяномъ въ зубахъ, сидитъ гдѣ-нибудь въ саду у фонтана, и вокругъ такъ душисто, такъ птички пѣсни поютъ и чирикаютъ, точно въ райскомъ саду. А тутъ, вокругъ, и апельсины, и лимоны висятъ, и персики рдѣютъ на деревьяхъ, и грозды виноградные такъ

---

*) Выкупъ.

и просятся въ ротъ... А яблоки, груши и орѣхи точно обсыпали дерево, и каждое изъ нихъ держится подпорками, чтобы дерево не сломалось. А тамъ, гляди, буйволиха въ рѣчкѣ купается и мычитъ за своими телятами, и козочки прирученныя бѣгаютъ по саду и заигрываютъ съ человѣкомъ...

— Да, страна наша благодатная... а Чатырдагъ?.. На немъ лѣса... А тамъ къ морю скалы, лѣса... а у Перекопа степи... степи зеленыя... травы высокія, точно бархатный коверъ, усыпанный цвѣтами... А въ этихъ степяхъ табуны лошадей... овцы кудрявыя... коровы, быки и волы,—точно рай земной,—восхитился татаринъ.

Вбѣжалъ казачокъ:

— Митрополитъ пріѣхалъ, — произнесъ онъ запыхавшись.

— Идемте встрѣчать святителя, — произнесъ торжественно Дорошенко.

Онъ показалъ путь послу, но тотъ уступилъ первенство Юрію Хмѣльницкому.

Монахъ пошелъ впередъ, посоль, за нимъ и гетманъ. Когда появился простой монахъ Гедеонъ, всѣ ратные люди встали и низко ему поклонились; то же самое они сдѣлали и гетману, и послу.

— Митрополитъ пріѣхалъ,—обратился къ нимъ гетманъ:—идемте къ нему на встрѣчу.

Всѣ потянулись за гетманомъ. Дорошенко въ сѣняхъ встрѣтилъ митрополита и подошелъ подъ его благословеніе. Монахъ Гедеонъ, по обычаю, палъ передъ нимъ ницъ, но митрополитъ поднялъ его и поцѣловалъ нѣсколько разъ.

Дорошенко повелъ митрополита въ залъ и тамъ усадилъ въ большое кресло; по правую его сторону онъ помѣстилъ Гедеона, потомъ онъ усадилъ напротивъ митрополита татарскаго посла, а самъ усѣлся по лѣвую сторону митрополита.

Ратные люди размѣстились потомъ, куда кто хотѣлъ;

здѣсь болѣе уважалась страсть, чѣмъ общественное положеніе, а потому молодые люди отдали старикамъ почти всѣ мѣста поближе къ послу или къ митрополиту.

Дорошенко обратился къ радѣ съ рѣчью, въ которой онъ объяснилъ причину ея созыва. Между прочимъ онъ сказалъ:

— Великій Богданъ Зиновій сражался и проливалъ многіе годы кровь свою за наши вольности и выгналъ всѣхъ ляховъ изъ нашей отчины, но такъ какъ съ Рѣчью Посполитою ему трудно было одному бороться, такъ онъ отдалъ себя подъ высокую руку русскаго царя, съ тѣмъ, чтобы онъ не трогалъ лишь наши вольности... Но еще при жизни его бояре требовали, чтобы ихъ воеводамъ отдали всѣ города и чтобы предоставили имъ право ставить своихъ сборщиковъ чиншей. Богданъ на это не соглашался. Сынъ его Юрій, бывший гетманъ, тоже билъ челомъ объ этомъ царскому величеству, но Москва ничего и слышать не хотѣла и прислала къ намъ и воеводѣ, и откупщиковъ, и сборщиковъ. Гетманъ Юрій, слыша ропотъ казаковъ и черни, послѣ чудновской польской побѣды, передался королю Яну Казиміру, съ тѣмъ, чтобы тотъ выгналъ русскихъ и возвратилъ наши вольности. Пришелъ сюда Янъ Казиміръ, сражался долго и, быть можетъ, выгналъ бы русскихъ, да Рѣчь Посполитая не стала платить жалованье войску, и оно разбѣжалось. Отчина наша осталась безъ защиты, а ляхи лишь снова забрались въ свои бывшія помѣстья. Началась опять домашняя вражда и рѣзня за гетманство, и Брюховецкій избранъ радою въ гетманы, а Юрій Хмѣльницкій сложилъ булаву и пошелъ въ монахи... Не сдѣлалось отъ того лучше: бояре, т. е. Нащокинъ продалъ насъ ляхамъ: западный берегъ Днѣпра объявилъ за ними, а правый—за собою. Ляхи обрадовались и снова налетѣли, забрали бывшія свои помѣстья и разставили по селамъ висѣлицы, чтобы вѣшать православныхъ христіанъ...

Тутъ онъ сдѣлалъ небольшой роздыхъ и продолжалъ, обращаясь къ послу Брюховецкаго:

— Брюховецкій—человѣченко худой и не породный казакъ: для чего бремя такое великое на себя взять и честь себѣ, которой недостойнъ, принять?.. Онъ казаковъ отдалъ русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣка не было.

— Брюховецкій это сдѣлалъ по неволѣ, — отвѣчаль посоль гетмана:— Взять онъ былъ со всею старшиною въ Москву... Ну, и подписали по неволѣ.

Дорошенко поднялся съ мѣста и произнесъ торжественно:

— Великая громада, не нужно намъ ни ляховъ, ни русскихъ, — не нужно намъ и двухъ гетмановъ: какъ нѣтъ двухъ солнць, такъ не можетъ быть и двухъ булавъ у одного и того же народа... А потому я предлагаю: по обѣ стороны Днѣпра жителямъ быть въ соединеніи, жить особо, и давать дань турецкому султану и крымскому хану, какъ даетъ волошскій князь. Турки и татары должны защищать казаковъ и вмѣстѣ съ ними ходить на московскія украины.

— Я,—воскликнуль Юрій Хмѣльницкій:— всѣ отцовскіе скарбы откопаю и татарамъ плату дамъ, лишь бы только не быть подъ рукою московскаго царя и короля польскаго... Хочу я монашеское платье сложить и быть казакомъ... Буду я сражаться какъ казакъ и положу душу свою за нашъ народъ и за нашу вѣру.

— Добре!.. Айда казакъ! Оце якъ батька Богданъ,— раздались голоса.

Находившіеся здѣсь запорожцы тотчасъ присягнули въ вѣрности радѣ. Здѣсь же было рѣшено: тотчасъ открыть борьбу съ русскими и перебить воеводу и ратныхъ московскихъ людей. Послѣ того Дорошенко поднялся съ мѣста и объявилъ:

— Татары находятся ужъ близъ Чернаго лѣса.. По-

ловину ихъ я отправлю противъ ляховъ, и съ остальною половиною мы пойдёмъ противъ русскихъ...

— Ура, ура! батка Дорошенко, — раздались неистовые крики всей рады.

Послѣ того, во имя свободы страны, всѣ радные люди до того наугощались, что три дня ползали по дворцу, въ которомъ тогда же сложилась пѣсня въ честь Дорошенко:

Ой, тютюнь *) да люлька...

Потому что въ честь татаръ неистово истреблялся ихъ прекрасный табакъ.

XXXIV.

Гибель русскихъ въ Малороссіи.

— Приѣхала инокиня Наталья съ какимъ-то русскимъ, — докладываетъ Брюховецкому его карликъ Лучко.

— Инокиня Наталья? Дай Богъ память... Да, я ее видѣлъ нѣсколько разъ у покойнаго гетмана Богдана.

Съ этими словами Брюховецкій встаетъ и идетъ въ гостиную.

— Я къ тебѣ, гетманъ, приѣхала изъ Чигирина отъ Дорошенко.

Гетманъ подошелъ подъ благословеніе инокини, потомъ любезно произнесъ:

— Отъ гетмана Дорошенко посоль — для меня дражайшій гость... А это кто?..

— Это боярскій сынъ Данилъ Жидовинъ... Онъ одинъ изъ бывшихъ самыхъ приближенныхъ къ Никону... При немъ можно все говорить.

— А!.. очень радъ... Садитесь... Что гетманъ Дорошенко?

— Гетманъ и рада рѣшили дѣйствовать за одно съ тобою и отдаться подъ высокую руку турецкаго султана.

---

*) Табакъ.

Татары стоятъ у Чернаго лѣса и готовы двинуться и на Польшу, и на русскихъ.

— Очень, очень радъ... Гдѣ же теперь Никонъ?..

— По милости твоей, гетманъ, въ заточеніи...

— Какъ по моей милости, — будто удивился Брюховецкій.

— Да такъ, если бы ты не выдалъ его письма, патриархъ царьградскій не допустилъ бы до собора, а если бы собора не было, такъ царь примирился бы съ Никономъ и тогда не было бы и Ордына-Нащокина, и боярства... Никонъ истолокъ бы ихъ въ порошокъ: онъ вѣдь стоитъ за земство, за чернь и за ихъ вольности.

— Ужъ не говори, матушка Наталья: обошли меня бояре въ Москвѣ, и потерялъ я и умъ да разумъ. Себѣ лишь петлю надѣлъ на шею. Чаялъ я все, что дума боярская править станетъ, а тутъ явился, какъ изъ-подъ земли, какой-то Ордынъ-Нащокинъ.

— Дѣло было такъ, гетманъ. Пока Никона не низложили, управляли приказами и воеводствами бояре, а какъ его не стало, Нащокинъ и овладѣлъ властью.

— А бояре что?

— Да что бояре, — все это ужъ старье и каличь: сидятъ въ думѣ, устава брады въ землю, и со всѣмъ соглашаются, на что царь-то укажетъ. А Алексѣй Михайловичъ... Самому-то и лѣнь думать, такъ за него Нащокинъ и думу думаетъ. Придетъ онъ на соборъ аль въ думу и только вторить, что-де Нащокинъ ему въ уши нажужжалъ. Прежде, видишь, за него думалъ Никонъ, а теперь Нащокинъ; поэтому-то и удалили Никона: есть-де другой думщикъ.

— И неужели нѣтъ никого на Москвѣ, кто бы осадилъ Нащокина... Неужели свѣтъ клиномъ сталъ? — пожалъ плечами Брюховецкій.

— Какъ видно, — вздохнула инокиня: — Есть, правда, Артамонъ Матвѣевъ, да того мудрено и понять: онъ и

нашимъ, и вашимъ. Прежде онъ стоялъ на заднихъ лапахъ передъ Никономъ, а какъ впалъ тотъ въ немилость, и онъ отъ него отошелъ. Теперь онъ ластится и къ боярамъ, и къ Нащокину.

— Ласковый телемокъ двухъ коровъ сосеть,—расхотался Брюховецкій.

— Есть еще одинъ—Хитрово Богданъ, тотъ бы могъ службу сослужить Нащокину... Но это можно будетъ сдѣлать тогда, когда куда-нибудь Нащокинъ выѣдетъ, а пока онъ сидитъ въ Москвѣ, ничего съ нимъ не подѣлаешь. У царя-то Алексѣя Михайловича по пословицѣ: чѣмъ дальше отъ глазъ, тѣмъ дальше отъ сердца. Такъ было и съ Никономъ,—ему не слѣдовало выѣзжать изъ Москвы... Теперь нужно поправить дѣло... Ты и Дорошенко лѣтомъ пойдете на украинскіе московскіе города, а донскихъ казаковъ съ Стенькою Разинымъ нужно двинуть по Волгѣ... такъ вы и дойдете до Москвы.

— Кто этотъ Стенька Разинъ?

— Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ — казакъ донской. Весною 1661 года войско посылало его къ калмыкамъ уговорить ихъ быть за одно съ донскими. Успѣвъ въ посольствѣ, онъ поѣхалъ въ Москву, здѣсь былъ у благословія у патріарха Никона и пошелъ на богомолье пѣшкомъ въ Соловецкій монастырь. Въ это время братъ Разина служилъ въ Москвѣ въ войскѣ князя Юрія Долгорукова, и просился у него въ отпускъ, но тотъ не пускалъ. Разинъ самъ ушелъ,—его поймалъ Юрій Долгорукій и повѣсилъ. Когда узнали объ этомъ братья Степанъ да Фролъ, они обѣщались мстить воеводамъ... Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ это время изъ Украины въ донскіе города и станицы появилось много боярскихъ дѣтей и крестьянъ съ женами и дѣтьми, ушедшихъ отъ своихъ помѣщиковъ. Собралъ изъ нихъ вольницу Стенька и хотѣлъ было идти промышлять къ Азову, но донцы не пустили: онъ и пошелъ вверхъ. Воронежскіе посадскіе люди ссудили его порохомъ и свинцомъ,

и засѣлъ было во время половодья. Разинъ между рѣкъ Тишина и Иловли, близъ Каншинскаго города. Разинъ сидѣлъ здѣсь довольно долго, но вотъ поплылъ внизъ большой караванъ по Волгѣ съ ссыльными... Одинъ стругъ былъ купца Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, другой патріаршій, да еще струги другихъ лицъ. Провожали караванъ стрѣльцы. Взялъ съ собою Стенька тысячу человекъ и бросился на караванъ. Казенный стругъ пустили ко дну, начальныхъ людей изрубили или повѣсили... работниковъ не тронули... Сто пятьдесятъ ярыжекъ пристало къ Разину... да вотъ Лазунка Жидовинъ... Теперь онъ пожаловалъ какъ посоль отъ Разина. Пошелъ самъ Разинъ промыслять на Каспійскомъ морѣ, а коли вернется, такъ просить твоей помощи, гетманъ.

— Да и у меня-то къ нему, по правдѣ, грамота изготовлена,—сказалъ Брюховецкій:— а коли этоъ человекъ надежный, такъ пуцай возьметъ.

— Я сама къ нему поѣду съ Жидовиномъ,— воскликнула инокиня.

— Тогда и разгрома не можетъ быть. Когда же ты матушка, выѣдешь?..

— Хоша бы сейчасъ.

— Безъ хлѣба-соли не отпущу.—Гей! Лучко.

Явился карликъ изъ-за занавѣса.

— Прикажи подать обѣдать, да накормить кучера и служку матушки.

Отдохнувъ и насытивъ голодь, инокиня Наталія взяла грамоту Брюховецкаго и выѣхала въ Переяславль.

Едва они выѣхали, какъ Лучко явился въ спальню Брюховецкаго, куда тотъ удалился, чтобы отдохнуть.

Лицо Лучки было необыкновенно серьезно: это означало, что онъ сильно озабоченъ.

— Затѣваешь ты не доброе, дядька,—обратился онъ къ гетману.

— О чемъ говоришь ты?

— Да вотъ измѣняешь русскому царю да вѣришь лисицѣ Дорошенкѣ... да вотъ бабѣ повѣрилъ и пишешь какому-то разбойнику донскому... Стенькѣ Разину... Гляди, быть бѣдѣ.

— Да полно-те каркать, филинъ ты этакой... Вѣдь побью.

— Бей, дядька, а я все же правду скажу... Сколько разъ спасалъ я тебя отъ бѣдъ... Тяпнешь ты да ляпнешь, да глупости натворишь... а коли я выручу, такъ потомъ: „Лучко, мой голубчикъ, да ненаглядный“.

— Счастье твое, что я сегодня не въ сердцахъ, а то бы досталось бы тебѣ такъ... задалъ бы тебѣ я такого перца, что чухалъ бы спину три дня да три ночи... Не сдѣлаться же мнѣ свинопасомъ у бояръ.

— И моя вышла правда. Говорилъ же тебѣ на Москвѣ: не подписывай статьи, а ты и тамъ замахнулся на меня.

— Говорилъ-то ты, говорилъ, чортова вира, и жаль, что не послушалъ тебя. Теперь нужно поправить дѣло: иначе и мнѣ бѣда стряsetся,—казаки зарѣжутъ...

— Что-жъ, какъ сдѣлано, такъ и сдѣлано. Но я за одно: не губи ты даромъ христіанскія души... полони русскихъ, потомъ отошли ихъ за границу къ своимъ.

— Да какъ-то полонить? и какъ удержать запорожцевъ и казаковъ? Сегодня долженъ быть кошевой изъ Сѣчи... все улажено и налажено... а тамъ что громада скажетъ?

— И будете вы вѣшать и рѣзать невинныхъ людей,—возмутился Лучко.

— Что громада (міръ) скажетъ...

— Бѣдные люди, бѣдные люди... а вы богомерзкіе людоѣды.

— Тебя какъ послушать, такъ и не жить на свѣтѣ. Убирайся, да не въ свои дѣла не вмѣшивайся, коли не хочешь съѣсть нѣсколько ногаекъ.

Лучко вышелъ.

Отношенія его къ гетману были фамиллярныя: Брюховецкій не былъ женатъ и дѣтей не имѣлъ, а потому привязался къ карлику, какъ къ собственному своему ребенку. Лучко понималъ и цѣнилъ эту привязанность. Карликъ былъ очень крошечный человѣкъ, но сформированный пропорціонально; умъ онъ имѣлъ свѣтлый и сердце очень доброе. Начитанный и сосредоточенный въ самомъ себѣ и привязанный, какъ песь, къ своему хозяину, онъ всѣ свои мысли и думы направлялъ къ тому, какъ бы быть ему полезнымъ и дѣломъ, и совѣтомъ; когда же останавливался на какой-нибудь обдуманной мысли, онъ честно и откровенно высказывалъ ее гетману. Брюховецкій бывало посердится, пригрозитъ, накричитъ, напумитъ, а потомъ ему жаль становится Лучка и онъ не знаетъ, какъ и чѣмъ его одарить и приласкать.

Но въ дѣломъ мѣрѣ это было единственное существо, которое иногда укрощало этого упрямаго хохла.

И странно было послушать ихъ споры: Брюховецкій — здоровый, сильный, мускулистый, съ басовымъ голосомъ казакъ, а Лучко — съ небольшимъ въ аршинъ человѣчекъ, съ маленькимъ личикомъ и дискантовымъ голоскомъ, и оба, если расходятся, стоятъ другъ противъ друга и пѣтуются. Казалось, что однимъ дуновеніемъ гетманъ его уничтожить, но такова нравственная сила: по большей части побѣждалъ маленькій человѣчекъ, и гетманъ бывало позорно отступаетъ и радъ радешенекъ, когда тотъ перестанетъ его пилить.

И теперь, когда Лучко вышелъ, имъ овладѣла сильная тревога: ну что, если и впрямь онъ совершилъ дѣло гадкое?

Мысль эта не дала ему заснуть; онъ съ четверть часа поворочался съ боку на бокъ и вскочилъ.

— Лучко, — крикнулъ онъ.

Лучко вошелъ съ заплаканными глазами.

— Чего разнюнился, бисова вира.

— Такъ, ничего... не все же смѣяться и плясать.

— Погляди, какъ будто кто пріѣхалъ.

— Нечего глядѣть,—это пріѣхалъ проклятый лѣшій, кошевой изъ Сѣчи, да съ нимъ человекъ до двухсотъ запорожцевъ. Всѣ—точно звѣри.

— Такъ это кошевой ужъ пожаловалъ?... Ты, Лучко, тамъ распорядись: нужно всѣхъ накормить, напоить...

— Напоить! Чортъ ихъ напоить: хоть сто бочекъ имъ выставь въ день, такъ все выпьютъ...

— Не сердись, голубчикъ, ты вѣдь умница: нужно же гостей принять съ почетомъ.

Лучко ушелъ и въ сердцахъ стукнулъ дверьми.

— Эка напасть съ нимъ: не мала баба клопить, тай купила порося. Такъ и я навязалъ себѣ эту обузу, ну и носишься съ нею, какъ жидъ съ писаною торбою... какъ котъ съ саломъ.

Онъ потянулся, крякнулъ и, почесавъ затылокъ, вышелъ къ кошевому атаману, ждавшему его въ столовой.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Брюховецкій обратился къ нему:

— Получилъ я сегодня вѣсть, что полковникъ Иванъ Самойловичъ съ казаками и мѣщанами въ Черниговѣ, въ Маломъ городѣ, осадилъ воеводу Андрея Толстаго... 1-го февраля послалъ къ нему Самойловичъ посла, чтобы онъ сдался; а послѣ сдѣлалъ ночью вылазку, напалъ на Большой городъ, побилъ много нашихъ и взялъ знамя... Я хотѣлъ было двинуться къ нему, но у меня здѣсь около двухсотъ русскихъ.

— Мы порѣшимъ съ ними завтра же, а тамъ дай моимъ запорожцамъ погулять; всѣхъ москалей изъ городовъ повыгоняемъ, а тогда и до Толстаго доберемся въ Черниговъ.

Послѣ того пошло потчиваніе, и запорожцы запѣли свои пѣсни:

Соколе ясный,
Брате мій ридный,

Ты высоко летаешь,
Ты далеко выдаешь...

Иные запорожцы пѣли:

Гей вы, степи, вы ридныя,
Краснымъ цвѣтомъ писанныя,
Яко море широкія!..

Попойка шла почти всю ночь, и большинство къ утру лежало замертво пьянымъ.

На другой день, т. е. 8 февраля, былъ праздникъ, и по заведенному порядку, воевода Огаревъ, занимавшій Гадячъ, и полковникъ рейтарскій, нѣмецъ Гульць, отправились съ поздравленіемъ къ гетману.

— Гетманъ пошелъ молиться въ церковь подъ горю,—сказалъ Лучко, выйдя къ нимъ въ столовую.

Огаревъ и Гульць ушли. Воевода, придя домой послалъ своего деньщика узнать, находится-ли гетманъ въ церкви. Его тамъ не оказалось; но тѣмъ не менѣе воевода пошелъ туда, такъ какъ храмъ этотъ сооруженъ былъ гетманомъ и онъ, по случаю праздника, долженъ былъ туда прійти.

Въ то время когда воевода молился, за полковникомъ Гульцомъ пришелъ отъ гетмана казакъ.

Полковникъ тотчасъ отправился къ нему.

— Пришли ко мнѣ изъ Запорожья кошевой атаманъ да полковникъ Соха съ казаками и говорятъ: „Не любо намъ, что царскіе воеводы въ малороссійскихъ городахъ и чинятъ многіе налоги и обиды“. Я къ царскому величеству объ этомъ писалъ, но отвѣта нѣтъ. Вы бы, полковники, изъ городовъ выходили.

— Пошли за воеводою и моими товарищами, и самъ скажи,—возразилъ Гульць.

— Да что мнѣ твой воевода, этотъ боярскій песъ,—крикнулъ гетманъ:—А вотъ что я скажу: коли сейчасъ же изъ города не пойдете, такъ казаки васъ побьютъ всѣхъ.

— Хорошо,—сказалъ нѣмецъ:—но коли мы пойдемъ изъ города, такъ ты не вели насъ бить.

— Что ты, что ты, мы не ляжи,—и крестя лицо онъ прибавилъ:—отъ казаковъ задора не будетъ, только вы выходите смирно.

Гульцъ отправился къ воеводѣ и передалъ ему слова гетмана.

— Не могу я покинуть города,—воскликнулъ Огаревъ:—нужно лично переговорить съ гетманомъ; потомъ онъ отречется отъ своихъ словъ.

Когда Огаревъ зашелъ къ Брюховецкому, онъ долго не хотѣлъ его принять, наконецъ вышелъ и объявилъ:

— Запорожцы требуютъ, чтобы русскіе немедленно очистили городъ.

Огаревъ возвратился къ себѣ и сказалъ женѣ своей:

— Собирайся въ путь... Насъ здѣсь всего двѣсти человѣкъ и крѣпости никакой здѣсь нѣтъ.

— Напрасно,—сказала она:—здѣсь каждый домъ наша крѣпость... Будемъ сражаться... а тамъ пошли въ другіе города, и намъ дадутъ помощь.

— Пока эта помощь придетъ, насъ всѣхъ перебьютъ и перерѣжутъ,—возразилъ Огаревъ:—Притомъ, если мы выйдемъ изъ города, мы и людей и себя спасемъ: гетманъ клялся богомъ, что намъ по пути ничего дурнаго не сдѣлаютъ.

— Выступимъ,—вздыхнула жена его:—но сердце мое не предвѣщаетъ ничего добраго... ужъ лучше бы здѣсь защищаться...

Начала она и люди ея, и войско собираться въ путь, и нѣсколько часовъ спустя, по направленію къ Переяславлю потянулись: прежде всего нѣмецъ Гульцъ, съ обозами и возкомъ, въ которомъ находилась жена Огарева; полковникъ на конѣ ѣхалъ рядомъ съ экипажемъ для ея защиты, на случай нападенія.

Доѣхали они такъ до заставы. Здѣсь казачій старшина Иванъ Бугай, коренастый, здоровенный запоро-

жець, стоявшій съ сотнею казаковъ, пропустилъ ихъ безпрепятственно съ обозомъ.

Потянулись они по дорогѣ, въ надеждѣ, что и воевода съ резервомъ тоже благополучно выйдетъ изъ города.

Но не прошли они и трехъ верстъ отъ Гадяча, какъ услышали тамъ пальбу. Они остановились, и Гульць тотчасъ собралъ обозъ, сдѣлалъ изъ него засады, и внутри размѣстилъ возокъ съ боярынею и ратныхъ людей, а самъ поскакалъ съ нѣсколькими рейтарами обратно въ городъ.

Тамъ происходило въ это время слѣдующее:

Огаревъ со стрѣльцами выступалъ изъ города, но на заставѣ Иванъ Бугай остановилъ ихъ:

— Сдавайтесь!—крикнулъ онъ.

Въ отвѣтъ на это воевода произнесъ твердо и рѣшительно:

— Если вы не удалитесь, мы стрѣлять будемъ...

— Ахъ, ты песъ московскій,—крикнулъ Бугай, бросившись къ нему съ обнаженною саблею.

Это былъ знакъ къ нападенію: казаки ринулись на стрѣльцовъ.

Бились и рубились, чѣмъ ни попало: слышны были выстрѣлы пистолетовъ, пицалей, стукъ оружія.

Силы были равныя, и бой былъ бы продолжителенъ, но Огаревъ отсѣкъ ухо Бугаю, и тотъ истекая кровью, упалъ съ коня.

Казаки схватили его на руки, понесли въ городъ съ крикомъ:

— Москали нашихъ рѣжутъ.

Воевода подобралъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, и поспѣшно выступилъ изъ города.

На пути онъ встрѣтилъ полковника Гульца.

— Жена моя права была,—сказалъ онъ:—ужь лучше бы защищаться въ городѣ; тамъ, они пожалѣли бы кавачьи дома, да и легче было бы сражаться... Эти раз-

бойники вѣроятно тотчасъ нагрянутъ сюда, такъ намъ нужно будетъ ихъ отразить и дорого продать свою жизнь.

Они ускоренными шагами поспѣшили къ передовому войску, но едва они прибыли туда, какъ вдали показались запорожцы съ кошевымъ атаманомъ.

Русскіе выкинули флагъ для переговоровъ, но тѣ, будто не замѣчая его, неслись къ нимъ вихремъ.

Началась стрѣльба и рукопашный бой. Русскіе сражались отчаянно: семьдесятъ человѣкъ стрѣльцовъ и пятьдесятъ солдатъ пало подъ ножами запорожскими, остальные сто тридцать человѣкъ, избитые, израненные, забраны въ плѣнъ; не больше тридцати человѣкъ стрѣльцовъ успѣло бѣжать на Переяславль, но и тѣ померзли на пути. Полковникъ Гульць сражался у возка боярыни и тамъ палъ, какъ герой; но и она не отдавалась въ плѣнъ: она дралась съ отчаяніемъ и взяли ее тогда, когда свалили и связали ее.

Огаревъ бился до послѣдняго и не сдавался, но тяжелая рана на головѣ лишила его чувствъ и запорожцы забрали его полумертваго.

Одержавъ эту постыдную побѣду, запорожцы забрали русскій обозъ и плѣнныхъ, и двинулись съ триумфомъ въ городъ, при чемъ били въ котлы и въ барабаны, и неистово пѣли пѣсни.

Вступивъ въ городъ, они послали Огарева къ протопу, а боярыню, за то, что мужъ ея отсѣкъ ухо Ивану Бугаю, и за то, что она не сдавалась безъ бою, онъ раздѣлъ и повелъ по городу простоволосую. Приведя ее, такимъ образомъ, на площадь, гдѣ собрался народъ, онъ выхватилъ кинжалъ и отсѣкъ ей одну грудь.

Онъ собирался ужъ по частямъ ее искрошить, какъ раздался голосокъ маленькаго человѣка Лучко:

— Звѣри вы лютые... змѣи подколодные... такъ-то вы войсковою ясырь (выкупъ) цѣните... Гетманъ прислалъ меня отдуть виноватыхъ,—и онъ началъ бить гетмановскою плетью на лѣво и на право, куда ни попало.

И Бугаю, и его сподвижникамъ досталось прямо по лицу.

— Экій скаженный,—крикнулъ Бугай, убѣгая.

За нимъ послѣдовали остальные запорожцы.

Лучко торопливо снялъ поясъ, вынулъ платокъ и, нагнувшись къ лежавшей безъ чувствъ на снѣгу боярынь, закрылъ ея рану платкомъ и притянулъ его своимъ поясомъ; потомъ, обратившись къ народу, онъ крикнулъ:

— Громада! Гетманъ приказалъ отвести ее въ богадѣльню... Вотъ въ ту, которая здѣсь на площади.

Нѣсколько мѣщанъ отдѣлилось отъ народа, и понесли ее въ богадѣльню. Здѣсь было нѣсколько прислужницъ и фельдшеръ. Они уложили боярыню на кровать и занялись перебинтовкою.

Лучко до тѣхъ поръ не покидалъ богадѣльни, пока раненой не сдѣлалось лучше, т. е. пока она не пришла въ себя; тогда онъ успокоилъ ее на счетъ мужа и удалился, объявивъ, что Брюховецкій опечаленъ приключившимся и что онъ употребитъ всѣ силы и средства для ихъ излеченія.

На другой день изъ Гадяча полетѣла во всѣ концы Малороссіи отъ Брюховецкаго слѣдующая прокламація:

„Не съ нашего единого, но съ общаго всей старшины совѣта учинилось, что мы отъ руки и пріязни московской отлучились по важнымъ причинамъ. Послы московскіе съ польскими комиссарами присягою утвердились съ обѣихъ сторонъ разорять Украину, отчизну нашу милую, истребивъ въ нихъ всѣхъ жителей большихъ и малыхъ. Для этого Москва дала ляхамъ на наемъ чужеземнаго войска четырнадцать милліоновъ денегъ *). О такомъ зломъ намѣреніи непріятельскомъ

---

*) Дано было пятьсотъ тысячъ золотыхъ польскихъ на удовлетвореніе князя Вишневецкаго и другихъ за отошедшія къ намъ ихъ имѣнія.

и ляцкомъ узнали мы чрезъ Св. Духа. Спасаясь отъ погибели, мы возобновили союзъ съ своею братією. Мы не хотѣли выгонять саблюю Москву изъ городовъ украинскихъ, хотѣли въ цѣлости проводить до рубежа, но москаля сами закрытую въ себѣ злость объявили, не пошли мирно дозволенною имъ дорогою, но начали было войну; тогда народъ всталъ и сдѣлалъ надъ ними то, что они готовили намъ,—мало ихъ ушло живыхъ! Прошу васъ именемъ цѣлаго войска запорожскаго, пожелайте и вы цѣлости отчизнѣ своей Украинѣ, промислите надъ своими домашними непріятелями, т. е. москалями, очищайте отъ нихъ свои города. Не бойтесь ничего, потому что съ братією нашею той стороны желанное намъ учинилось согласіе,—если нужно будетъ, не замедлятъ намъ помочь. Также и орда (татары) въ готовности, хотя не въ большой силѣ, на той сторонѣ“.

Прокламація произвела потрясающее впечатлѣніе на всю Малороссію: она поднялась, какъ одинъ человѣкъ.

Воеводы: Тихачевъ, Загряжскій, Клокачевъ и Кологривовъ взяты въ плѣнъ, а ратники ихъ перерѣзаны; въ Стародубѣ погибъ геройски князь Игнатій Волконскій.

Но ожесточеннѣе всѣхъ сражался въ Новгородѣ Сѣверскомъ Исай Квашнинъ. Не желая сдаться живьемъ и видѣть обезчещенною свою жену, онъ ударилъ ее саблею по уху и по плечу, и когда она, обливаясь кровью, лежала въ обморокѣ, и онъ полагалъ ее умершею, велѣлъ казнить трехъ казачьихъ сотниковъ присланныхъ къ нему для переговоровъ, и отправился въ шанцы защищать городъ. Казаки разсвирѣпѣли и бросились на штурмъ. Квашнинъ изрубилъ собственноручно цѣлый десятокъ казаковъ, но подавленный массою онъ палъ геройски. Казаки осадили тоже Нѣжинъ и Переяславль, но русскіе храбро отбивались.

Положеніе было отчаянное, и Шереметевъ писалъ царю объ этомъ изъ Кіева, при чемъ жаловался: „Что

ратные его люди наги, голодны и скудны въ конецъ, многіе дня по три по четыре не ѣдятъ, а Христовымъ именемъ никто не даетъ“.

Только лишь весной появилась помощь изъ Россіи и князь Константинъ Щербатый, вмѣстѣ съ Лихаревымъ, поразили казаковъ подъ Почепомъ, а въ іюнѣ—подъ Новгородъ-Сѣверскимъ; князь же Григорій Григорьевичъ Ромодановскій облегоу своими войсками города Котшову и Опошню.

Потери вообще русскихъ въ Малороссіи отъ этого мятежа были тяжелы и не вознаградимы: сорокъ восемь городовъ и мѣстечекъ отъ нея отложилось, сто сорокъ четыре тысячи казенныхъ рублей, сто сорокъ одна тысяча четвертей хлѣба, сто восемьдесятъ три пушки, двѣсти пятьдесятъ четыре тысячи пищалей, тридцать двѣ тысячи ядеръ и на семьдесятъ четыре тысячи пожитковъ, воеводскихъ и ратныхъ, досталось казакамъ.

Людей же погибло безъ счету.

Нащокинская боярская и воеводская система, такимъ образомъ, дорого обошлась Руси!

XXXV.

Берапонтовъ монастырь.

Окончивъ шведскую и польскую войну, царь Алексѣй Михайловичъ сталъ на высотѣ, на какой не былъ ни одинъ изъ его предковъ: онъ приобрѣлъ не только обширную малороссійскую область, но къ нему отошли Бѣлоруссія и нѣкоторые города Южной Ливоніи. Съ приобретениемъ же этихъ земель, царская казна начинала съ этихъ мѣстъ пополняться деньгами вдвое болѣе, чѣмъ получалось прежде съ русскихъ земель. Это дало возможность царю устроить и свое житье-бытье получше: окрестности Москвы заселялись, и въ нихъ строились села и дворцы. Такъ, онъ основалъ села: Измай-

ловское, Воробьево и Преображенское, а въ Коломенскомъ селѣ онъ готовилъ матеріаль на новый дворець, названный Симеономъ Полоцкимъ „осьмымъ чудомъ свѣта“. Между прочимъ, для рѣзной и столярной работы были вызваны изъ „Новаго Іерусалима“ всѣ никоновскіе лучшіе мастера.

Приниженный прежде богатствомъ боярь, Алексѣй Михайловичъ, съ увеличеніемъ его денежныхъ средствъ, почувствовалъ себя и могущественнѣе, и державнѣе.

Нацокинъ, поддерживавшій его самодержавные инстинкты для того, чтобы властвовать самому неограниченно, принялъ громкій титулъ „царственной большой печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ и управлялъ неограниченно царствомъ.

Алексѣй Михайловичъ разжирѣлъ и растолстѣлъ, и вообще сильно измѣнился: сдѣлался раздражителенъ и рѣзокъ.

Готовый прежде выслушивать рѣзкія правды, онъ не сталъ выносить противорѣчія, и къ этому слѣдуетъ относить показаніе Катошихина, что боярская дума выслушивала его мнѣнія, уставя брады въ землю.

Приближенные къ нему бояре тоже не узнавали его. Правда, вспыльчивость его была нѣкоторымъ памятна и изъ прошлаго, да это считали семейною расправою. Такъ, въ 1661 году, когда Хованскій или какъ называлъ его народъ, Таратай былъ разбитъ, тесть Алексѣя Михайловича, Илья Милославскій, въ боярской думѣ выразился:

— Если Государь пожалуетъ, дастъ мнѣ начальство надъ войскомъ, то я скоро приведу польскаго короля плѣнникомъ.

— Какъ ты смѣешь,—воскликнулъ царь:—страдникъ, худой человекъ, хвастать своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ? Когда ты ходилъ съ полками? Какія побѣды показалъ надъ неприятелемъ? Или ты смѣешься надо мною?

Съ этими словами царь бросился къ тестю, далъ ему сильную пощечину, схватилъ его за бороду, поволокъ къ выходу и вытолкнулъ въ шею изъ думы.

Любимцу и троюродному братцу Родіону Матвѣвичу Стрѣшневу досталось однажды тоже. Страдая тучностью и полнокрівіемъ, Алексѣй Михайловичъ вздумалъ отъ головокруженія и головныхъ болей бросить себѣ кровь. Ему отъ этого сдѣлалось лучше. Призвалъ онъ по этому случаю всѣхъ плотныхъ ближнихъ бояръ и велѣлъ имъ бросить кровь. Всѣ безропотно исполнили приказъ. Одинъ Стрѣшневъ сказалъ:

— Да я ужъ старъ для кровопусканія.

— Какъ!—крикнулъ царь:—развѣ твоя кровь дороже моей? Что ты считаешь себя лучше всѣхъ?

И при этихъ словахъ Алексѣй Михайловичъ бросился на него, ударилъ его по щекамъ, вырвалъ клочъ бороды и выбросилъ за дверь.

Но эта рѣзкость перешла послѣ низверженія Никона и господства Нащокина и на другихъ бояръ. Такъ, Григорію Григорьевичу Ромодановскому, лучшему своему воеводѣ, онъ такъ написалъ:

„Врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорію Ромодановскому!

Воздасть тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому государю, прямую сатанскую службу, яко же Дафану, и Авирону, и Ананіи, и Самфирѣ: они поклялись Духу св. во лжу“ и т. д.

Въ письмѣ о товарищѣ его говорится: „А товарища твоего, дурака и худаго князишка, пытать велимъ, а страдника Климку велимъ повѣсить. Богъ благословилъ и предалъ намъ государю править и разсуждать люди свои на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду“...

Напоминало это ужъ переписку Ивана Грознаго съ княземъ Курбскимъ и его самоубіеніе.

Почувствовавъ себя, такимъ образомъ, сильнымъ и

могущественнымъ, Алексѣй Михайловичъ возымѣлъ желаніе объявить своимъ наслѣдникомъ царевича Алексѣя Алексѣевича.

Торжество назначено было на новый 1668 годъ, т. е. 1 сентября 1667 года.

Какое же воспитаніе получилъ царевичъ?..

Родился онъ въ 1654 году и былъ вторымъ сыномъ Маріи Ильинишны: первый, Дмитрій, умеръ младенцемъ, а потому Алексѣй Алексѣевичъ былъ вторымъ. Кромѣ него у царя имѣлись въ это время сыновья: Ѳеодоръ 5 лѣтъ, Симеонъ—2 года и Иванъ—1 годъ.

Похожъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ на мать: имѣлъ прекрасные темнокаріе глаза, темнорусые волосы и тонкія черты лица. Иностранные послы бывало не наглядятся на него, такъ красивъ былъ онъ, и не удивительно послѣ того, что польская королева Марія Людовика мечтала, чтобы онъ женился на ея племянницѣ и вступилъ на польскій престолъ.

Образованіе получилъ онъ по тогдашнему хорошее: читалъ, писалъ, зналъ священную и русскую исторію, географію и первыя четыре правила ариметики.

Зато воспитаніе онъ имѣлъ чисто теремное; до семи лѣтъ онъ былъ на рукахъ у мамы, одной изъ приближеннѣйшихъ боярынь его матери. Окруженный няньками и столыницами, онъ принималъ всѣ ихъ недостатки: капризы, своеволие, сплетничаніе, злословіе.

Въ семь лѣтъ онъ отданъ былъ дядкѣ и вышелъ изъ терема, но только номинально; связь его съ теремомъ оставалась черезъ мать, сестеръ, тетокъ и малолѣтнихъ братьевъ.

Царевичъ отъ этой жизни сдѣлался нервень, цвѣтъ лица его сталъ поблекать и подъ глазами синева придавала его глазамъ лихорадочное выраженіе.

Доктора Алексѣя Михайловича: Артамонъ Граманъ, Яганусъ, Бѣловъ и Вилимъ Краморъ въ началѣ при-

писывали это глистамъ, а потомъ они рѣшили, что это-де ростъ такой.

Царь успокоился и не обращалъ болѣе вниманія на хилость, или, лучше, на худобу сына и говаривалъ: что и онъ въ его лѣта былъ худощавъ и нѣженъ; а „теперь вотъ я какой“, показывалъ онъ на свои румяныя щеки и дородность.

Не чаялъ въ этомъ сынѣ Алексѣй Михайловичъ души и даже при андрусовскомъ мирномъ трактатѣ хотѣлъ было внести статью объ его избраніи на польскій престолъ, но потомъ вспомнилъ, что поляки потребуютъ его въ Краковъ, ополчатъ и въ католицизмъ обратятъ, а потому онъ махнулъ рукою, и только сторонкою намекнулъ объ этомъ польскимъ посламъ черезъ Нащокина.

Этого-то любимца Алексѣй Михайловичъ и хотѣлъ объявить наслѣдникомъ престола на случай своей смерти.

Въ день новаго года, т. е. 1 сентября, царь отправился съ нимъ въ Успенскій соборъ. Послѣ обѣдни и молебна они возвратились во дворецъ.

Въ Золотой палатѣ ожидали ихъ боярство и духовенство съ патриархомъ.

Взойдя на тронъ, царь сѣлъ и, показавъ имъ царевича, объявилъ, что въ случаѣ его смерти они своимъ великимъ государемъ должны почитать его. Алексѣй Алексѣевичъ сказалъ имъ, поэтому случаю, рѣчь, сочиненную Симеономъ Полоцкимъ, и тогда раздались восторженные клики, съ пѣніемъ „многая лѣта“. Послѣ всѣ присутствующіе допущены къ цѣлованію рукъ царя и царевича.

Когда поздравленіе кончилось, царь, взявъ за руку сына, со всѣмъ боярствомъ и святителями вышелъ на Красное крыльцо къ народу.

Думный дьякъ прочиталъ манифестъ царя о назначеніи наслѣдника и царь показалъ его народу.

Народъ палъ ницъ, потомъ, поднявшись, пѣлъ „многая лѣта“.

Народу было изготовлено на площади угощеніе отъ царя, а бояре и духовенство пошли къ царскому столу.

За столомъ сидѣлъ, рядомъ съ царемъ, и царевичъ.

Когда онъ вступилъ въ права наслѣдника престола, Милославскіе подняли голову: въ послѣднее время Нащокинъ совсѣмъ ихъ затеръ, и они потеряли всякое вліяніе. Теперь же Алексѣй Алексѣевичъ становился самымъ приближеннымъ къ царю: въ качествѣ наслѣдника, онъ, по обычаю, обязанъ былъ быть посвященнымъ въ государственныя дѣла, для того, чтобы на случай смерти царя не было какого-нибудь замѣшательства. Теремъ воспользовался и сдѣлалъ его своимъ орудіемъ.

На другой же день, при докладѣ царю Нащокинымъ, царевичъ обратился къ отцу:

— Батюшка,—сказалъ онъ.—Правда-ли, что Никона патріарха въ папы избирають?

— Избирать-то не избирають... Но видишь-ли, король польскій Янъ Казиміръ, извѣстясь, что на Москвѣ соборъ, писалъ сюда мнѣ и патріархамъ, что вотъ молъ: когда бы пообсудили съ папскими легатами унію, тогда кардиналы избрали бы на престолъ Никона. Янъ Казиміръ самъ кардиналъ и подалъ бы въ Римъ за него первый голосъ. И французскій король и цезарь тоже за него. Но Никонъ латинства не приметъ и на унію не поддастся.

— А коли Римъ согласится на наши книги, на нашу службу?—замѣтилъ съ добродушіемъ Нащокинъ.

— Едва-ли Никонъ согласится, — стоялъ на своемъ Алексѣй Михайловичъ.—Притомъ мы его низложили, лишили архіерейства, какъ же таперь въ папы? Да и раскольники что скажутъ, и такъ гляди чуть-ли не половина народа за нихъ.

— Коли,—воскликнулъ царевичъ. — Никонъ въ такомъ почетѣ у всѣхъ государей, такъ зачѣмъ его держать въ Оеропонтовомъ монастырѣ... Пушай, по крайности, онъ сидѣлъ бы въ своемъ „Новомъ Іерусалимѣ“.

— Слишкомъ это близко отъ Москвы, мутить это бу-

дети только народъ,—возразилъ царь.—И такъ ему тамъ почетъ, именуютъ его патриархомъ, да и я ему пишу всегда: святѣйшій старецъ.

— Да вѣдь тамъ въ глуши-то онъ съ ума спятить,—вадохнулъ царевичъ.

— Должно быть не весело,—вадохнулъ и Алексѣй Михайловичъ, искоса поглядывая на Нащокина.

— Старцу и не подобаетъ веселиться,—прошипѣлъ Нащокинъ.—Я и самъ, великій государь, коли службу свою отслужу тебѣ, аль, по старости, силъ не станеть на работу, такъ пойду въ св. обитель отмолить свои грѣхи. Даль я такой обѣтъ и—исполню.

Этимъ и кончился разговоръ, но съ этого дня у царя съ сыномъ начали происходить тайныя бесѣды, а въ нихъ зачастую слышалось имя Никона.

Что же случилось съ святѣйшимъ старцемъ, о которомъ говорила въ то время вся просвѣщенная часть Европы?...

12 декабря 1656 года архимандритъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря Юсифъ привезъ его въ Терапонтонъ монастырь и первымъ его дѣломъ было отобрать отъ него архіерейскую мантию и посохъ.

Никонъ отдалъ ихъ безпрекословно и просилъ одного лишь: чтобы не содержали въ заперти его монаховъ и бѣльцовъ.

Требованіе его исполнено.

Дабы разсѣять скуку одиночества, Никонъ просилъ бумаги, чернилъ и перья, чтобы писать,—ему это дали.

Но вскорѣ явился на смѣну Юсифу другой Юсифъ, Новоспасскаго монастыря, съ инструкцію: „Бережь, чтобы монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ; бережь на крѣпко, чтобы никто никакого оскорбленія ему не дѣлалъ; монастырскимъ владѣть ничѣмъ ему не велѣтъ, а пищу и всякій келейный покой давать ему по его потребѣ“.

Приставъ Шепелевъ, находившійся при немъ и слѣ-

дившій за нимъ какъ Аргусъ, отобралъ отъ него тотчасъ бумагу, чернила и перья... Мучилъ его Шепелевъ таки порядкомъ и на каждомъ шагу его притѣснялъ и унижалъ. Но приближенные Никона все же считали его патріархомъ и черезъ знакомыхъ своихъ въ Москвѣ передавали въ теремъ о дурномъ обращеніи съ нимъ пристава.

Царевичъ, узнавъ объ этомъ, доложилъ отцу, и на смѣну Шепелеву посланъ въ Терапонтовъ монастырь Наумовъ. Алексѣй Михайловичъ отпустилъ его самъ изъ Москвы и на прощаніи сказалъ ему:

— Скажи Никону, что я прошу у него прощенія и благословенія...

По приѣздѣ въ Терапонтовъ монастырь, Наумовъ передалъ эти слова Никону.

Патріархъ возмутился и написалъ царю слѣдующее:

„Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія; но я даромъ тебя не благословляю, не помирюсь. Возврати изъ заточенія, такъ прошу. Когда, передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы, ты прислалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и съ просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему: ждатель суда Божія. Опять Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова: и ему я тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія... Ты меня осудилъ и заточилъ и я тебя трижды проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ, паче Содомы и Гомора“ *)...

Письмо это не могло не повліять сильно на царя: оно разсердило его, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и убѣдило

---

*) Проклятiе заключалось въ слѣдующихъ словахъ: «Кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ»... Соловьевъ удивляется этому письму и осуждаетъ Никона; мы же находимъ, что если бы Никонъ поступилъ иначе или писалъ иначе, то это былъ бы не Никонъ. Чтобы писать такія письма, съ такими выраженіями, за которыя впоследствии сожгли всѣхъ расколоучителей, нужно было имѣть на сторонѣ своей слишкомъ много нравственной силы.

его, что смирить невозможно Никона крутыми мѣрами и что худой миръ—лучше доброй ссоры.

Однако-жъ съ Никономъ Наумовъ обращался не особенно нѣжно: онъ говорилъ ему дерзости, унижалъ его, никого не допускалъ къ нему и, однажды, выведенный этимъ изъ терпѣнія, патріархъ обругалъ его—мучителемъ, лихоимцемъ и дневнымъ разбойникомъ.

Наумовъ велѣлъ его запереть въ келію и держалъ въ заперти съ 9 мая до Ильина дня, не давая ему не только порядочныхъ припасовъ, но не отпускалъ даже людей для рубки и носки дровъ, такъ что черныя работы Никонъ долженъ былъ совершать самъ.

Получивши въ началѣ 1667 года объ этомъ увѣдомленіе, царь послалъ въ Терапонтовъ монастырь стряпчачаго Образцова, чтобы тотъ облегчилъ участь старца.

Прибывъ въ обитель, Образцовъ посадилъ Наумова, въ наказаніе, на три часа въ сторожку.

Узнавъ объ этомъ, Никонъ закипятился:

— Степанъ,—кричалъ онъ,—мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа.

Но вотъ Наумовъ явился къ нему и, бросившись къ нему въ ноги, сказалъ:

— Я человекъ невольный: какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ.

Никонъ простилъ его и они сдѣлались друзьями.

Въ іюлѣ пришла Наумову вѣсть, что Никона избираютъ въ папы.

Онъ тотчасъ передалъ объ этомъ патріарху.

— Меня въ папы, — говорилъ онъ удивленно, — да развѣ они примутъ нашъ законъ, наши книги, наше служеніе?.. Впрочемъ, мы отъ католиковъ имѣемъ небольшое различіе *)... Да теперь во всей Европѣ люте-

---

*) Не нужно забывать, что тогда западная церковь немногимъ разнилась отъ нашей, что доказываетъ нынѣ ученіе такъ называемыхъ старо-католиковъ; рѣзкую же разность приняла западная церковь съ XVIII и XIX вѣговъ.

ранство и кальвинисты совсѣмъ разрушили западную церковь... Конечно, было бы хорошо это соединеніе, если бы католики склонились сравниться съ ними. Но кажись, они еще упрямѣе нашихъ ханжей расколуучителей.

Этимъ окончился ихъ разговоръ. Но мысль о папствѣ не покидала Никона, и онъ все болѣе и болѣе убѣждался собственными доводами въ химеричности этой затѣи Яна Казимира.

Въ Москвѣ, однако-жъ, приняли это въ серьезъ и къ свѣдѣнію, чѣмъ и должно объяснить совершившуюся перемѣну въ обращеніи съ нимъ Наумова.

Вскорѣ къ нему стали допускать всякаго чина людей: посадскихъ, головъ и изъ Воскресенскаго дѣвичьего монастыря игуменью Марю.

Гости принимались имъ радушно и они отдавали ему почести патріаршія; по цѣлымъ днямъ они не покидали его келіи.

Съ монашками въ особенности завелъ патріархъ дружбу:—онѣ боготворили его и вотъ монастырскія подводы стали отправляться за ними, и овладѣлъ онъ всѣмъ женскимъ монастыремъ и его вотчиною.

Наумовъ испугался и какъ-то намекнулъ патріарху, что Москва-де можетъ остаться недовольна. Никонъ разсердился и воскликнулъ:

— Не указаль-ли тебѣ государь ни въ чемъ меня вѣдать?

Вѣсть однако-жъ о доступности Никона вскорѣ достигла патріаршихъ его вотчинъ: и вотъ явились къ нему оттуда монахи и крестьяне и привезли ему деньги.

Одинъ Наумовъ былъ остороженъ и не давалъ ему ни бумаги, ни чернилъ.

— Ты мнѣ запрещаешь, — раскричался на него, однажды, Никонъ:—давать бумаги и чернилъ, а я изъ Москвы съ собою привезъ четыре чернильницы и бумагу,—вотъ смотри!

И показаль онъ болѣе восьми дестей бумаги.

Архимандриты: приставленный къ нему Іосифъ и игумень еерапонтскій Аеанасій величали его патріархомъ и поминали его на ектеніяхъ. Іосифъ получалъ отъ него за это шубы и сукна. Но вскорѣ Никонъ своею неосторожностью надѣлалъ то, что въ августѣ полученъ былъ указъ: сослать службу его Яковлева за то, что онъ не спросясь Наумова, ѣздилъ всюду по порученію Никона...

XXXVI.

Судьба Брюховецкаго.

На другой день послѣ звѣрскаго поступка казака Бугая съ женою Огарева, карликъ Лучко забрался въ богадѣльню и не отходилъ отъ ея кровати.

Первые дни боярыня была безъ памяти, но когда очнулась и стала узнавать предметы, она обратилась къ Лучко и спросила его слабымъ голосомъ:

— А ты чей, дитя мое? и гдѣ я?

— Не дитя я, а карликъ Лучко; я боярскій сынъ гетмана Брюховецкаго.

Больная стала что-то соображать и вдругъ воскликнула:

— Гдѣ мой мужъ? гдѣ полковникъ Гульць?.. Вспоминаю,—они бились.

— Мужъ твой живъ и здоровъ. Онъ живетъ у протопопа гадячскаго и тамъ его лечатъ, а ты боярыня въ гадячской богадѣльнѣ Брюховецкаго.

Страшная боль въ груди помѣшала ей дальше говорить, но вѣсть, что мужъ ея живъ, осчастливила ее: она набожно перекрестилась.

Такъ посѣщала ее ежедневно Лучко; недѣли въ двѣ она стала поправляться, и карликъ устроилъ ей свиданіе съ мужемъ.

Радость супруговъ была неописанная: несмотря на

тяжелую рану на головѣ и на щекѣ, полученную Огаревымъ, и на изувѣчьѣ, которое претерпѣла его жена, они другъ другу сдѣлались еще дороже.

Что же выигралъ Брюховецкій отъ поднятаго имъ мятежа?

Какъ бурный потокъ, запорожцы потекли съ казаками и выгнали русскихъ почти изъ всѣхъ городовъ, и когда цѣль была достигнута, большинство его полковниковъ обратилось къ западному гетману Дорошенко и предложило ему и восточное гетманство.

Дорошенко, съ митрополитомъ Тукальскимъ, тотчасъ послали къ Брюховецкому: чтобы онъ привезъ свою гетманскую булаву и знамя, и поклонился, а себѣ ваялъ бы Гадячъ съ пригородами по смерти...

Тутъ-то только понялъ Брюховецкій, что Дорошенко сдѣлалъ его лишь своимъ орудіемъ.

Гетманъ пришелъ въ негодованіе и занеистовствовалъ: онъ велѣлъ тотчасъ повсюду задержать, какъ плѣнниковъ, людей Дорошенко.

Узнавъ объ этомъ, къ нему явился Лучко:

— И вотъ Иванъ Мартынычъ,—сказалъ онъ:—что ты дѣлаешь?.. Покорись, вѣдь это воля громады, а громада— великій человекъ.

— Чего, песь, пришелъ учить; это мои полковники—измѣнники затѣяли, и я долженъ ихъ наказать.

— Богъ съ ними, дядька, ужъ ты лучше покорись и возьми себѣ Гадячъ... вѣдь и это цѣлое княжество... Здѣсь и дворець у тебя... и своя церковь... и заживешь ты на покоѣ, да и я тебя не покину до смерти.

— Прочь отъ мѣня, коли не хочешь, чтобы я выпырнулъ тебя. Пошли тотчасъ за полковникомъ Григоріемъ Гамалеемъ, за писаремъ Лавренко, за обознымъ Безпальнымъ,—они мои друзья и не измѣнятъ мнѣ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ какимъ-то печальнымъ предчувствіемъ вышелъ отъ гетмана Лучко и сдѣ-

лалъ распоряженія о приглашеніи къ нему требуемыхъ имъ лицъ.

На другой день полковникъ, писарь и обозный явились къ гетману, и тотъ послалъ ихъ къ турецкому султану съ предложеніемъ принять Малороссію въ свое подданство.

Султанъ Магометъ въ это время жилъ въ Адриано-полѣ, по случаю господствовавшей въ то время въ Константинополѣ чумы. Весна была тамъ въ разгарѣ, и султанъ жилъ среди янычарскаго лагеря въ шатрѣ.

Шатеръ былъ обширенъ и состоялъ весь изъ драгоценныхъ персидскихъ ковровъ, а внутри онъ былъ разукрашенъ турецкими шалами.

2 апрѣля въ лагерь этотъ явились Гамалея, Лавренко и Безпалый и были представлены великому визирю.

Они предложили, отъ имени Брюховецкаго, султану принять Малороссію или, какъ она тогда себя называла, Черкасъ подъ султанскую руку въ вѣчномъ подданствѣ, только не дѣлать у нихъ никакихъ поборовъ, и защищать ихъ отъ царя русскаго и короля польскаго.

Визирь доложилъ объ этомъ султану, тотъ изъявилъ свое согласіе и одарилъ лошадыми, оружіемъ и вещами и ихъ, и Брюховецкаго; послѣ того онъ отпустилъ ихъ домой, т. е. отправилъ ихъ моремъ въ Крымъ.

Въ концѣ мая 1668 года посольство Брюховецкаго черезъ Крымъ возвратилось съ извѣщеніемъ, что султанъ изъявилъ свое согласіе на принятіе Малоросіи въ свое подданство и для этой цѣли пріѣдетъ отъ хана Челибей, для того, чтобы, принявъ присягу отъ гетмана и полковниковъ, идти съ ними противъ русскихъ воеводъ.

Восхищенный этимъ, Брюховецкій послалъ гонцовъ ко всѣмъ своимъ полковникамъ, чтобы они къ пріѣзду Челибея стянули часть казачества въ Гадячь.

Полковники, измѣнившіе было ему и требовавшіе въ

гетманы Дорошенко, будто смирились и покорились, и явились въ іюнѣ въ Гадячъ, гдѣ они расположились лагеремъ.

Нѣскольکو дней послѣ того дали знать гетману, что татарская орда приближается къ Гадячу.

Онъ выѣхалъ на встрѣчу къ Челибею въ рыдванѣ, который несли лучшіе его кони, запряженные цугомъ польски.

Челибей, какъ представитель не только хана, но и самого султана, дозволилъ себя взять въ рыдванъ не только какъ гостя, но и какъ великую особу, т. е. онъ усѣлся въ рыдванъ, посадилъ возлѣ себя одного изъ мурзъ, а гетману разрѣшилъ ѣхать верхомъ.

Брюховецкій было обидѣлся и вспылилъ, но умѣрилъ свой гнѣвъ и покорился участи. Нѣсмотря на то, что открывшаяся у него рана на ногѣ не позволяла ему ѣхать верхомъ, онъ сѣлъ на коня одного изъ казаковъ, провожавшихъ его, и поскакалъ за Челибеемъ.

Когда они прибыли въ Гадячъ, Челибей обратился къ нему съ восторженною похвалою его рыдвану и лошадямъ.

Нечего было дѣлать: онъ подарилъ то и другое Челибею, такъ какъ, по восточному обычаю, не подарить значило нанести оскорбленіе.

На другой день представлялось странное зрѣлище: въ присутствіи Челибея и его татарской свиты, казаки, ихъ полковники и старшины, а также и самъ гетманъ, на крестѣ и евангелии, въ присутствіи священника, присягали турецкому султану въ вѣрности.

Послѣ того пошло угощеніе и попойка: казаки и запорожцы пили, пили, пили... Натянулись и татаре бузою *) и кумысомъ.

Дикія пѣсни и тѣхъ и другихъ разносились по ок-

---

*) Хлѣбное питье очень пьяное, употребляемое и нынѣ татарами.

рестностямъ Гадяча, а ночью яркіе ихъ костры какъ-то зловѣще горѣли, предсказывая новыя бѣды и кровопролитіе на Украинѣ.

Послѣ этихъ пооекъ, гетманъ предложилъ Челибею тронуться въ путь противъ воеводъ.

— Заплатишь десять тысячъ золотыхъ, такъ мы тронемся, а коли нѣтъ, мы—гайда домой,—коротко и ясно отвѣчалъ Челибей.

Начался торгъ и кончилъ гетманъ на семи тысячахъ золотыхъ, которые онъ тотчасъ и выплатилъ ему.

Узнавъ объ этомъ, Лучко возмущился:

— Зачѣмъ, дядька, далъ впередъ невѣрнымъ деньги.. Увидишь, они измѣнятъ.

— Татаринъ, коли даетъ слово, онъ его сдержитъ...

— Гляди, дядька, не довѣряйся ты ни полковникамъ своимъ, ни Челибею,—не даромъ сердце мое не лежитъ къ нимъ.

Лучко заплакалъ и, кладя на столъ кошелекъ, набитый червонцами, сказалъ, запинаясь на каждомъ словѣ.

— Вамъ деньги теперъ нужны, когда-нибудь возвратите...

Съ этими словами онъ выбѣжалъ, боясь, что ему кошелекъ возвратятъ.

На другой день гетманъ, окруженный полковниками, выступилъ въ походъ, а за нимъ вслѣдъ тронулась и татарская орда.

Выступая въ походъ, Брюховецкій разослалъ всѣмъ своимъ полковникамъ и старшинѣ грамоты, чтобы они собрались въ Диканькѣ, куда онъ идетъ съ войскомъ и съ татарами.

Нѣсколько дней спустя, онъ уже разбилъ лагерь подъ этимъ мѣстечкомъ.

Не прошло и недѣли, какъ дали ему знать, что западный гетманъ Дорошенко движется тоже туда съ войскомъ.

Узнавъ объ этомъ, Лучко настаивалъ, чтобы Брюхо-

вещкій послалъ къ Дорошенко гонцовъ остановиться, иначе онъ-де приметъ его наступленіе, какъ вызовъ къ битвѣ.

Гетманъ не послушался его и пошелъ къ Челибею, въ его шатерь.

Поджавши ноги, Челибей сидѣлъ на полу, на коврѣ, и курилъ кальянъ.

Брюховецкій объявилъ ему, что приближается Дорошенко и чтобы онъ велѣлъ ему перейти обратно Днѣпръ и возвратиться домой.

— Зачѣмъ?—спросилъ Челибей.

— Да вѣдь мы идемъ на русскихъ, а намъ онъ не нуженъ.

— Какъ не нуженъ,—заголосилъ Челибей:—вѣдь и онъ подданный султана, и онъ тоже ему присягнулъ,—такъ и онъ долженъ идти съ нами.

— Но онъ со мною во враждѣ и требуетъ, чтобы я отдалъ ему булаву...

— Эту ужъ не дѣло ни султана, ни мое... Мое дѣло не разбирать васъ, а сражаться съ русскими. Вы, какъ знаете, межъ собою и дѣлайте, а я—сторона: кого изъ васъ войско признаетъ гетманомъ, тотъ и будетъ.

Взбѣшенный до ярости, Брюховецкій возвратился въ свой шатерь.

Лучко доложилъ ему, что явились отъ Дорошенко десять сотниковъ казачьихъ для какихъ-то переговоровъ.

Гетманъ велѣлъ ихъ привести въ свой шатерь. Сотники объявили, что Дорошенко требуетъ отъ него булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ.

Брюховецкій вышелъ изъ себя, прибилъ сотниковъ, велѣлъ ихъ сковать и отослать въ Гадячъ.

На другой день показались полки Дорошенко. Къ Брюховецкому явился запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, очень приверженный къ нему.

— Гетманъ, — сказалъ онъ: — ты поступаешь не по-

казацки: зачѣмъ допускаешь къ себѣ такъ близко эту лисицу. Вели ты выкатить войску сто бочекъ горилки, да раздай на войско нѣсколько тысячъ золотыхъ и крикни кличь: на измѣнника Дорошенко... и искропашъ его и мои запорожцы, и твои казаки.

— Не могу я братской крови лить,—отвѣчалъ мрачно Брюховецкій.

— Гляди, быть бѣдѣ... Но я тебя не покину,—вадохнулъ Чугуй.

Между тѣмъ Дорошенко наступалъ и прямо шель на лагерь Брюховецкаго съ пѣснями и барабаннымъ боемъ.

Когда же они приблизились, казаки Брюховецкаго стали кричать:

— Мы за гетманство биться не будемъ! Брюховецкій намъ добраго ничего не сдѣлалъ, только войну и кровопролитіе началъ.

Услышавъ это, пришедшіе казаки бросились грабить Брюховецкаго возы. Они расхитили его имущество, оружіе,—все, что тамъ имѣлось, а съѣстные припасы стали пожирать, а изъ бочекъ пить водку.

Дорошенко, находившійся на горѣ и видѣвшій это, послалъ сотника Дрозденко схватить Брюховецкаго и привести къ себѣ.

Дрозденко явился въ шатеръ Брюховецкаго.

Брюховецкій страдалъ отъ раны и сидѣлъ въ креслѣ.

Въ шатрѣ находились: другъ его Чугуй и Лучко.

Ворвавшись въ шатеръ, Дрозденко схватилъ грубо за руку гетмана, требуя, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ къ Дорошенко.

Чугуй взялъ ружье и такъ сильно толкнулъ его дуломъ въ бокъ, что тотъ упалъ.

Но въ этотъ мигъ ворвалась въ шатеръ толпа пьяныхъ казаковъ и, послѣ отчаянной борьбы съ Чугуемъ и карликомъ, схватили на руки гетмана и потащили его къ Дорошенко.

Чугуй успѣлъ созвать нѣсколько запорожцевъ и послѣдовалъ за этою толпою.

Брюховецкаго привели къ Дорошенку. Тотъ, окруженный полковниками и старшиною обѣихъ сторонъ, стоялъ на горѣ и ожидалъ привода Ивана Мартыновича.

Когда поставили передъ нимъ плѣнника, онъ грубо крикнулъ:

— Ты *) зачѣмъ ко мнѣ такъ жестоко писалъ и не хотѣлъ добровольно булавы отдать?..

Брюховецкій съ презрѣніемъ поглядѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ.

Дорошенко повторилъ нѣсколько разъ вопросъ, но отвѣта не было.

Дорошенко махнулъ рукою: толпа казаковъ бросилась на несчастнаго, начала рѣзать его платье, била ослобомъ, дулами, чеканами, рогатинами..

Чугуй съ небольшимъ количествомъ запорожцевъ хотѣли его отстоять и дрались отчаянно, но сила одолѣла; а Дорошенко, полковники и старшины не шевельнули даже пальцемъ, чтобы остановить братоубійство. Когда Чугуя сломили и привели избитаго и раненаго къ Дорошенку, тотъ велѣлъ освободить его, при чемъ клялся, что онъ махнулъ рукою только для того, чтобы Брюховецкаго увели, а тѣ его убили.

— Такъ вели убрать тѣло гетмана, — вѣдь онъ лежитъ голый, — заплакалъ Чугуй..

— Ты отвезешь его въ Гадячъ... а ночью спрячъ его куда-нибудь... Повезешь его ты тогда, когда все успокоится и мы выступимъ отсюда.

Наступала ночь и одна изъ тѣхъ темныхъ ночей, какими славится Украина.

Чугуй, нѣсколько запорожцевъ и Лучко явились къ

---

*) Ты было у малороссовъ очень грубое слово и это сохранилось до настоящаго времени.

тѣлу Брюховецкаго, положили его на лошадь, привязали къ ней, сами вскочили на коней и повезли тѣло въ лѣсъ, отстоявшій версть за десять отъ Дуванки.

Едва они это сдѣлали, какъ казаки войска Брюховецкаго, напившись, стали роптать, что ихъ-де гетмана убили, какъ собаку, и бросили. Расчувствовавшись, они бросились отыскивать его на мѣсто побоища. Не найдя тѣла, они закричали:

— Они убили его, какъ собаку, и даже лишили честнаго погребенія... Смерть Дорошенко!.. это измѣнникъ!.. невѣрный, онъ татарскую вѣру принялъ.

Кличь этотъ сталъ все грознѣе и грознѣе раздаваться.

Дорошенко велѣлъ войску выкатить нѣсколько бочекъ водки, но тѣ, напившись, еще болѣе расходились, все больше и больше.

Видя, что опасность грозить не только ему, но и полковникамъ, и всей старшинѣ, Дорошенко въ тихомолку скрылся съ ними далеко за обовомъ, для того, чтобы дожидаться утра.

Во время этой смуты тѣло Брюховецкаго привезли въ лѣсъ, спрятали въ гущѣ, укрыли свиткою и оставили близъ тѣла двухъ запорожцевъ, а сами Чугуй, Лучко и остальные запорожцы возвратились въ лагерь.

Когда Лучко вошелъ въ шатеръ гетмана, онъ что-то отыскалъ, положилъ въ торбинку, потомъ вышелъ, сѣлъ на лучшаго гетманскаго коня и поскакалъ въ Гадячъ.

Дней пять послѣ того шла попойка и насилу улеглись страсти, тогда лишь старшины, наконецъ, уговорили войско признать Дорошенко гетманомъ.

Мрачно и сердито войско вручило ему булаву, бунчукъ, знамя и нарядъ гетманскій.

Новый гетманъ выкатилъ снова много бочекъ водки и когда казаки порядочно натянулись, онъ велѣлъ ударить тревогу и выступить въ походъ.

Въ гетманской одеждѣ, съ булавою въ рукѣ, онъ

поѣхалъ впередъ, окруженный полковниками и старшинами, а казаки пошли за нимъ и гаркнули только-что сложившуюся пѣсню:

Ой на гори та жнецы жнуть,
А по-пидь горою, по-пидь зеленою,
Казаки идутъ...
Попереду Дорошенко,
Самъ съ гетманскою булавою ..

XXXVII.

Смерть царицы Маріи Ильиничны.

Свѣтлый праздникъ, наступившій въ 1668 году 24 марта, былъ не радостенъ для царя: вѣсти съ Волги о Стенькѣ Разинѣ были тревожны, а Малороссія была вся въ огнѣ.

Не радостна была и царица Марія Ильинична: погоня за обезпеченіемъ наслѣдникомъ династіи, — что чуть-чуть не вызвало до рожденія сына Θεодора даже разводъ съ царемъ, — сдѣлало то, что у Маріи Ильиничны явилось на свѣтъ Божій пятеро сыновей: Дмитрій, Алексѣй, Θεодоръ, Симеонъ и Иванъ, и шесть дочерей: Евдокія, Марѳа, Софья, Екатерина, Марья и Θεодосія. Изъ нихъ первородный сынъ Дмитрій умеръ, а остальные всѣ дѣти были въ живыхъ.

Къ несчастью, всѣ дѣти мужскаго пола были хилы и слабы, зато царевны были здоровы и красивы.

Имѣя такую обширную семью, царица переносила съ нею много горя и заботъ; а тутъ еще примѣшались и другія обстоятельства, огорчавшія ее и разрушавшія ея здоровье. Въ особенности на нее сильно подѣйствовали два земскихъ мятежа: одинъ противъ Морозова, когда такъ трагически окончили жизнь родственники ея: Плещеевъ и Траханиотовъ, а другой — по поводу мѣдныхъ рублей, когда жизнь отца ея была въ опасности.

Кромѣ этого, несчастная жизнь ея отца со второю женою его—Аксиньею Ивановною, опала его и опасность, въ которой онъ неоднократно находился, — наносили сильные удары ея здоровью. Въ семьѣ Морозовыхъ было тоже не благополучно: сестра ея, жившая въ замужествѣ за Борисомъ Ивановичемъ, связалась съ англичаниномъ Барнсли, и того сослали; а жена Глѣба Ивановича, Θεодосія Прокофьевна, какъ фанатичная раскольница, была осуждена и заточена.

Марью Ильиничну нельзя было поэтому узнать: она состарилась, похудѣла и осунулась, а черные, нѣкогда прекрасные ея глаза впали и горѣли лихорадочно.

Провозглашеніе старшаго ея сына Алексѣя наслѣдникомъ престола тоже не радовало ее: глядя на его худобу, на его матовое лицо, на впалые глаза, ей приходила нерѣдко мысль, что не жилецъ онъ этого свѣта, и, отгадавъ причину, она отдала Θεодора и Семена на руки дядкѣ, князю Θεодору Θεодоровичу Куракину, для того, чтобы изъять, по крайней мѣрѣ, этихъ отъ вліянія терема.

Образованіе давала она и дочерямъ, и сыновьямъ такое, насколько оно возможно было въ то время и по тогдашнимъ понятіямъ: Симеонъ Полоцкій, одинъ изъ нашихъ ученѣйшихъ тогдашнихъ людей, занимался образованіемъ ея сыновей и дочерей, чѣмъ и объясняется образованность ея дочери Софіи.

Но здоровье Марьи Ильиничны съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже, и въ началѣ 1668 года она чувствовала себя совсѣмъ ужь больною: удушливый кашель ее мучилъ, а боль въ груди не давала ей спать по ночамъ.

Тутъ встрѣтилось еще одно обстоятельство: и царь, и врачи его помѣшались на кровопусканіи и на рожкахъ,— и вотъ на Марьѣ Ильиничнѣ начинается практика этихъ средствъ.

Довело это ее до того, что вмѣстѣ съ строгимъ по-

стомъ, который тогда соблюдался, ее уложили въ кровать: но къ Свѣтлому празднику ей сдѣлалось легче, и она явилась въ Золотую палату въ первый день Свѣтлаго праздника выслушать поздравленія и похристосоваться съ патріархомъ, родственниками и боярами.

Когда вышла царица въ Золотую палату, само собою разумѣется, что никто не замѣтилъ ея болѣзненности: по обычаю того времени, румяна и бѣлила закрыли цвѣтъ лица, но худоба ея, однако же, бросалась рѣзко въ глаза.

Мужественно выдержала царица болѣе часовый пріемъ, но когда удалилась въ свою опочивальню, она долго кашляла и не могла успокоиться.

Впрочемъ, скоромная пища вскорѣ поправила ея силы, и она съ наступленіемъ весны выѣхала въ Коломенское село.

Лѣто окончательно ее укрѣпило, но 6-е августа было для нея роковымъ.

По тогдашнему обычаю, во время водосвятія или, какъ тогда говорилось, въ день Іордани, эта Іордань устраивалась для царя на Москвѣ-рѣкѣ, подъ Симоновымъ монастыремъ.

Для царицы же приготовлялась Іордань въ с. Рубцахъ, въ прудахъ, нынѣ Покровская улица.

Не быть на Іордани, не погрузиться въ воду въ этотъ день, значило не только оскорбить народное чувство, но и лишиться благодати Божьей...

Никакая непогода никогда не мѣшала исполненію этого религіознаго обряда.

Іордань была тогда торжествомъ изъ торжествъ, и для исполненія его на Москву-рѣку стекались всѣ мужчины Москвы, а на пруды — всѣ женщины.

Еще съ разсвѣта стекался, поэтому, народъ на эти мѣста, чтобы послѣ водосвятія погрузиться трижды въ воду.

Марья Ильинична хотя чувствовала, что она больна,

но мысль, что, быть может, самое погруженіе въ воду исцѣлитъ ее, какъ исцѣляла силоамская купель, ободряла ее.

Молилась у ранней обѣдни царица, просила себѣ исцѣленія, потомъ съ огромнымъ поѣздомъ, со всѣми сестрами брата, съ дочерьми и придворными баярынями и остальнымъ женскимъ персоналомъ двора отправилась изъ Коломенскаго дворца въ село Рубцово.

Здѣсь имѣлся дворецъ, въ которомъ царица со всѣмъ теремомъ должна была, послѣ Іордани, обѣдать.

Обрядъ погруженія производился такимъ порядкомъ: женщины раздѣвались и входили въ воду и стояли все время по колѣно, пока шла церковная служба; когда же священникъ троекратно погружалъ крестъ въ воду, тогда и всѣ женщины погружались трижды.

Стояніе было довольно продолжительное, а тутъ на бѣду день этотъ былъ необыкновенно холодный, такъ какъ нѣсколько дней шли дожди и со стороны Новгорода былъ рѣзкій вѣтеръ.

Находясь въ водѣ, еще до погруженія, царица почувствовала себя не хорошо: ею овладѣла лихорадочная дрожь и кашель.

Послѣ погруженій ее вынули изъ воды совсѣмъ посинѣвшею, поспѣшно одѣли и увезли во дворецъ. Потребовала она стараго меда и выпила, но ознобъ не прекращался, такъ что она не вышла даже къ праздничной трапезѣ.

Послѣ обѣда поѣздъ ея возвратился въ Коломенское село, и она тотчасъ легла въ кровать.

Она сильно заболѣла и проболѣла до осени, но съ переѣздомъ въ Москву ей сдѣлалось легче, однакожь, она болѣе не являлась никуда.

Ко дню 25 сентября, то есть ко дню преставленія св. Сергія, она бывало совершаетъ съ царемъ шествіе въ Троицкую лавру, но въ этотъ годъ она не могла этого сдѣлать, и царь совершилъ это шествіе безъ нея.

Царица хотя и поднялась на ноги, но съ каждымъ днемъ таяла и таяла.

Дотянула она такъ до марта: въ кровати она не лежала, а сидѣла на диванѣ.

Въ среду, на второй недѣлѣ поста, въ четыре часа дня, царица потребовала своего духовника, чтобы онъ исповѣдовалъ и приобщилъ ее.

Духовникъ явился, отслужилъ вечерню, потомъ исповѣдовалъ и приобщилъ ее.

— Теперь, отецъ Лукьянъ, соверши надо мною елеосвященіе.

— Развѣ ты чувствуешь себя такъ дурно,—спросилъ духовникъ.

— Чувствую, часъ мой насталь... Соверши скорѣе обрядъ... Да позвать царя, его сестеръ и дѣтей моихъ, также моихъ родственниковъ.

Духовникъ, совершивъ елеосвященіе, исполнилъ приказъ царицы.

Вся ея семья собралась передъ ея спальнею. Первый вошелъ къ ней царь; она указала ему мѣсто на диванѣ. Тотъ сѣлъ и взялъ ее за руку.

— Прости — сказала она: — коль я тебѣ не угодила чѣмъ ни на есть... аль сдѣлала что-нибудь злое... Послѣ меня не тоскуй, не горюй, береги свое здоровье. Коль пожелаешь, такъ женись, только въ обиду моихъ дѣтей не давай: мачихи всѣ злыя. Еще бью челомъ: проклялъ насъ Никонъ, такъ ты упроси святѣйшаго простить насъ и пушай молится обо мнѣ и моихъ дѣтяхъ. Я-то всегда его любила, и не я его осудила.

Послѣ того вошли къ ней сестры царя и ея дѣти.

Съ каждымъ она поговорила, каждому сказала нѣсколько словъ.

Вся семья, такимъ образомъ, окружила ее, и она какъ будто стала засыпать; вдругъ она очнулась и, вздрогнувъ, обвела всѣхъ глазами: вся семья стояла на колѣняхъ и молилась объ ея исцѣленіи.

— Аминь, — произнесла она, упала на подушки и вытянулась...

Въ 6 часовъ ея не стало.

Плачь, рыданія и вопли огласили теремъ, а царя почти безъ чувствъ увели въ его опочивальню.

Царицу обмыли, одѣли парадно, набѣлили и парумянили, снесли въ Золотую палату и положили на столъ, покрытый чернымъ сукномъ.

Обставленная свѣчами и покрытая парчею, она похожа была на сказочную спящую царевну.

У ея изголовья архимандритъ читалъ псалтырь, а придворные, мужчины и женщины, въ черныхъ одеждахъ, то приходили, то уходили, поклонившись ея праху.

На другой день, по обычаю, она должна была быть похоронена въ усыпальницѣ царицъ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, находившемся неподалеку въ Кремль отъ царскихъ палатъ.

Патріархъ нашъ и одинъ изъ восточныхъ патріарховъ, множество архіереевъ, архимандриты и почти все московское бѣлое духовенство явились на погребеніе.

Когда отслужена была панихида въ Золотой палатѣ, царицу положили въ гробъ, который перенесенъ въ придворную церковь родственниками царицы и первыми боярами. Здѣсь отслужена обѣдня и панихида, и затѣмъ тѣ же лица понесли гробъ въ Вознесенскій монастырь.

Царь и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ проводили гробъ до кладбища и рыдали.

Народъ, и въ особенности нищія, которымъ покровительствовала царица, шли за гробомъ съ громкими воплями: имъ казалось, что съ ея погребеніемъ и они обречены на голодную смерть.

Узнавъ о смерти царицы, патріархъ Никонъ сильно сокрушился душею, постился, молился и плакалъ, говоря:

— Быть бѣдѣ, быть бѣдѣ... Ждетъ насъ еще много горестей...

Вскорѣ прибылъ въ Ферапонтовъ монастырь Родіонъ

Стрѣшневъ съ деньгами и просьбою царя поминать царицу.

Никонъ обидѣлся, денегъ не ваялъ и сказалъ:

— Я и такъ молюсь за царицу и за ея дѣтей...

Потомъ онъ, помолчавъ, продолжалъ:

— Быть еще большей бѣдѣ... Будетъ еще и другая смерть... и смуты... гиль. Такъ повѣдай великому государю, — судьбы Божіи неисповѣдимы.

XXXVIII.

Нащокинъ и Хитрово.

Когда дворъ замѣтилъ, что царица Марья Ильинична начала сильно хворать, многіе изъ бояръ поняли, что съ ея смертью произойдетъ перемѣна въ государственнымъ управленіи, а потому каждый изъ нихъ началъ группироваться у той личности, какая, по его мнѣнію, должна была сдѣлаться центромъ тяготѣнія.

На примѣтѣ у всѣхъ были Хитрово и Нащокинъ, но и эти старались на всякій случай залучить къ себѣ побольше сподвижниковъ.

Дружба Хитрово, Стрѣшнева и Алмаза сдѣлалась еще сильнѣе.

Хитрово отправился къ Стрѣшневу и засталъ тамъ Алмаза.

— У меня былъ сегодня Матвѣевъ, — началъ онъ: — и жаловался на Нащокина. Бояринъ Аѳанасій сталъ дѣлать гонимымъ голландцевъ и во всемъ предпочтеніе отдаетъ англичанамъ, — а голландцы насъ снабжаютъ и порохомъ, и пушками, и солдатами.

— Что же дѣлать? — спросилъ Стрѣшневъ.

— Да ничего. По моему, такъ нужно Нащокина прогнать, а это возможно, коль вернуть Никона...

— Да вѣдь его на патриаршій престолъ вновь не посадишь? — замѣтилъ Алмазъ.

— Коли этого нельзя, так пушай здѣсь жить, на Москвѣ, на покоѣ, въ монастырѣ, и это будетъ довольно, чтобы аль прогнать, аль обезсилить Нащокина. Гляди, вѣдь онъ завладѣлъ всѣмъ, — вздохнулъ Хитрово; потомъ, подумавъ немного, онъ продолжалъ: — Крутенекъ святѣйшій, да честепъ и безкорыстенъ...

— Да, гордый и непреклонный, — замѣтилъ Стрѣшневъ.

— Такой-то и нуженъ теперь. Вѣдь быть бѣдѣ, коли царица умретъ, да Нащокинъ женить царя, да еще на своей родственницѣ... Пропадемъ мы всѣ, — разгорячился Хитрово.

— Оно-то такъ... но что дѣлать? — вздохнулъ Стрѣшневъ.

— А я такъ думаю: ужъ лучше Матвѣевъ, чѣмъ Нащокинъ. Матвѣевъ и уменъ, и покладистъ... Пушай онъ и отыщеть тогда царю невѣсту. Ты бы Хитрово съ нимъ побалагурилъ, — замѣтилъ Алмазъ.

— Побалагурить-то можно, но чуръ между нами. Нащокинъ, — точно чутье собачье у него: коли узнаеть, такъ онъ такіе подвохи учинить, что взорветъ насъ на воздухъ, — и съ этими словами Хитрово простился съ друзьями и они разошлись.

Въ то же самое время Нащокинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и думалъ думу:

„Царь меня слушался доселѣ, да голландцевъ не хочетъ онъ притиснуть, — значить мое слово у него ничто... Силенъ у него вертопрахъ Хитрово и не даромъ заговариваетъ теперь съ нимъ о Никонѣ... Хотятъ они Никона вернуть: тогда прости прощай и моя сила, и всѣ мои затѣи... и мой многолѣтній трудъ. Не уступлю я такъ мою славу, мою честь и все, что сдѣлалъ: я — не Никонъ. Я начну съ того, что поссорю тебя, святѣйшій, и съ Ртищевымъ, и съ Хитрово... поссорю такъ, что упрячутъ они тебя, гдѣ Макарь телятъ не гонить“...

Онъ ударилъ въ ладоши, вошелъ служка.

— Пришелъ изъ Воскресенскаго монастыря черный

попъ Іоиль? По рожѣ продувная штука и, кажись, на все готовъ. — Давно ждать.

— Зови его.

Вошелъ Іоиль и, поклонившись низко Нащокину остано­вился въ дверяхъ.

— За то, что освободилъ тебя отъ растриженія, за твои продѣлки съ Никономъ, хочешь сослужить службу и мнѣ, и Никону... за что тебѣ и почетъ, и деньги?

— Тебѣ и Никону, бояринъ, готовъ служить.

— Ты вѣдь знаешь, что Богданъ Матвѣвичъ Хитрово врагъ Никона?

— Знаю...

— Тебя называютъ звѣздочетомъ?..

— Да, люди такъ бають, да я только лечу: я знахарь.

— Прекрасно! Вотъ и передай Никону, что тебя-де просилъ Хитрово дать ему приворотный камень, чтобы царя волшебствомъ къ себѣ приручить, а Никонъ пу­щай-де государево дѣло объявить.

— Пущай такъ, какъ соизволитъ бояринъ.

— Такъ ты ступай на Кирилловское подворье, тамъ познакомясь съ чернецомъ Флавіаномъ, да поразскажи ему, а тотъ пущай ѣдетъ къ Никону въ Терапонттовъ монастырь...

Съ этими словами Нащокинъ сунулъ ему въ руку увѣсистый кошелекъ.

Іоиль отправился въ Кирилловское подворье и, найдя старца Флавіана, разсказалъ, въ чемъ дѣло и, давъ ему на дорогу, просилъ тотчасъ выѣхать въ Терапонттовъ монастырь.

Флавіанъ, желая посѣтить и свой Кирилловскій мо­настырь, тотчасъ выѣхалъ туда.

Чернецъ этотъ прежде принадлежалъ къ Терапон­тову монастырю, а потому былъ знакомъ съ Никономъ.

Никонъ попался на удочку: онъ объявилъ государево дѣло и хотѣлъ было послать въ Москву Флавіана, но приставъ Наумовъ воспротивился этому. Когда же Ни-

конь началъ дѣлать отъ себя распоряженія и ругаться съ нимъ, тогда онъ велѣлъ на него надѣть цѣпи, заперъ келью и поставилъ у окна семь человѣкъ.

Но Флавіанъ, въ началѣ октября, все же явился къ царю съ письмомъ отъ Никона, и на 20 октября созвана боярская дума для разсмотрѣнія, въ присутствіи царя, объявленнаго Никономъ „великаго государева дѣла“...

Но на судѣ и Флавій, и Іоиль отреклись отъ всего и объявили, что Никонъ на нихъ наклепалъ.

Цѣль Нащокина была достигнута: Хитрово сдѣлался вновь злѣйшимъ врагомъ Никона, а царь тоже разсердился на него: зачѣмъ-де поклепалъ на его любимца Хитрово. Но выигралъ-ли отъ этой интриги Нащокинъ?

Хитрово и Матвѣевъ успѣли уговорить царя послать его въ Андрусовъ для новыхъ переговоровъ съ Польшею, такъ какъ Янъ Казиміръ отказался отъ престола.

Выѣхалъ, весною 1669 года, противъ своего желанія, Нащокинъ изъ Москвы и на немъ осуществилось то, что и погубило Никона: чѣмъ дальше отъ глазъ, тѣмъ дальше отъ сердца. Расположеніе къ нему царя остыло, тѣмъ болѣе, что смерть Маріи Ильиничны произвела въ немъ нравственный переворотъ... Притомъ нужно было исполнить волю усопшей и поневолѣ пришлось послать къ Никону, и вотъ отправляется къ нему Родіонъ Стрѣшневъ, а тотъ освобождаетъ его изъ заточенія и смѣняетъ Наумова княземъ Шайсуповымъ.

XXXIX.

Заточенье Никона.

Инокія Наталья, въ началѣ 1668 года, отправилась изъ Гадяча, вмѣстѣ съ Жидовинымъ, прямо въ Царыцынъ. Отъ прѣѣзжихъ казаковъ она узнала, что о Стенькѣ Разинѣ извѣстно только то, что онъ гуляетъ гдѣ-то на морѣ и что онъ имѣетъ огромную добычу.

Жидовинъ сталъ разспрашивать о Васькѣ Усѣ, разбойничавшемъ между Воронежемъ и Тулою и поднявшемъ мятежъ противъ помѣщиковъ.

Ему отвѣчали, что шайка разбита и разбрелась, но что Усѣ часто посѣщаетъ тайно Царицынѣ.

Порѣшилъ онъ съ инокинею поселиться въ Царицынѣ и ядаты Уса, а между тѣмъ употреблять всѣ средства, чтобы его залучить къ себѣ.

Наняли они небольшой домикъ, и чтобы не обратить на себя вниманіе тогдашняго царицынскаго воеводы, она выдала себя за мать Жидовина, и стала покупать и перепродавать хлѣбъ подъ именемъ Алены *) изъ выѣдной Араамасской слободы.

Хлѣбная торговля шла у нихъ во всемъ порядкѣ, съ лабазомъ, приказчиками и артельщиками.

Къ веснѣ является въ ихъ лабазъ донской казакъ, рослый, красивый и торгуетъ муку.

Жидовинъ сходится съ нимъ въ цѣнѣ, отвѣшиваетъ ему и спрашиваетъ:

— А куда, есауль, прикажетъ снести? Мои ребята уже доставятъ.

— Да вотъ, близъ церкви... Вонъ тамъ домишко съ зелеными ставнями да съ красными воротами...

— Знаю, знаю... а какъ васъ чествовать, есауль...

— Меня?... Пуцай спросятъ Ваську...

— Уса,—обрадовался Жидовинъ.

Казакъ вадрогнулъ.

— А ты откелева, что знаешь Уса?—спросилъ онъ, схвативъ изъ-за казакина кинжалъ.

— Клади ты назадъ кинжалъ, да я самъ-то Стенькинъ...

— А!.. такъ ты нашъ...

Жидовинъ выглянулъ изъ лабаза во дворъ и крикнулъ приказчика.

— Ужъ ты постой здѣсь, а я пойду къ матушкѣ.

---

*) Объ Аленѣ см. Соловьева, т. II, стр. 441.

Вышли они изъ лабаза, и когда отошли отъ него онъ обратился къ Усу:

— Меня зовутъ Жидовинимъ, я сынъ боярскій и мы съ Стенькою погуляли... Потомъ онъ ушелъ въ моря, а меня послалъ къ гетманамъ къ Черкассамъ... Везу я таперь ему грамоту гетмана Брюховецкаго... Таперь, пока онъ вернется, я сию адѣсь съ инокинею Наталією... Это— великая черница, и московская, и кievская. Называется она моею матушкой, и мы живемъ съ нею въ одномъ домѣ. Таперь знаешь, кто мы, и пожалуй къ намъ,— будешь дорогимъ гостемъ.

— Слышалъ я, — отвѣчалъ Усъ: — о тебѣ отъ нашихъ казаковъ и радъ, что встрѣтились. Идемъ къ твоей инокинѣ, — я отъ хлѣба-соли не откажусь.

Они застали инокиню читающею какую-то священную книгу. Она была одѣта купчихою. Лицо ея посвѣжѣло, а глаза приняли обыкновенное ихъ прекрасное выраженіе.

Донской удалой казакъ, войдя въ избу, перекрестился иконамъ, поклонился ей въ поясъ и подошелъ подъ ея благословеніе.

— Это, матушка, Ваську Уса я привелъ къ тебѣ, — радостно произнесъ Жидовинъ.

— Очень рада, будь дорогимъ гостемъ, садись... А ты, сынъ мой, вели подать намъ хлѣба-соли, да вина и меду, — угостимъ атамана.

Жидовинъ выглянулъ въ дверь и крикнулъ служкѣ изготовить все къ трапезѣ.

Пока готовился столъ, инокиня рассказала Усу причину своего приѣзда: нужно-де освободить патріарха Никона изъ Терапонтава монастыря и вести его въ безопасное мѣсто, а когда бояре будутъ изгнаны изъ Москвы, тогда онъ снова сядетъ на патріаршій престолъ.

Слушая рассказъ этотъ, и то, какъ поступили дурно съ Никономъ и какъ онъ страдаетъ, Усъ вознегодовалъ и сказалъ:

— Чаво мѣшкать? Мы и безъ Стеньки его ослобонимъ... Созову я своихъ молодцовъ, пойдемъ на поклоненіе будто въ Соловки, а тамъ зайдёмъ въ Терапонтовъ... А коли ослобонимъ святѣйшаго, такъ вся черная земля пойдетъ съ нами, и поведемъ его въ Москву на патріаршій престолъ.

Въ это время подали трапезу. Съли къ столу, ѣли и пили.

Во время обѣда инокиня описала расположеніе Терапонтовскаго монастыря, стоящаго въ глуши.

— Десятка два имѣется тамъ стрѣльцовъ,—закончила она; и то старыхъ, глухихъ и слѣпыхъ, а братія.. палець о палець не ударить для защиты монастыря. А похитивши Никона,—концы въ воду: мы его доведемъ до Волги, и разъ попалъ онъ на нашу стругъ, мы ужъ не выдадимъ, да и народъ не выдастъ.

— Здѣсь живутъ два моихъ молодца, Федька да Евтюшка,—оба торгуютъ въ гостиномъ: одинъ веревками, другой валенками да лаптями. Я пойду къ нимъ, и уладимъ все,—сказалъ Усъ, подымаясь съ мѣста, крестясь и кланаясь хозяевамъ.

Недолго спустя, Усъ явился къ инокинѣ.

— Молодцы, до двухъ сотъ, соберутся, когда хочешь, да съ оружіемъ. Нужны три аль четыре струга.. поведемъ рыбу да хлѣбъ въ Бѣлозерскъ, а подъ рыбою будетъ оружіе и порохъ... Нуженъ отъ воеводы охранный листъ, да на одномъ стругѣ нужно взять пять аль шесть стрѣльцовъ для охраны... И поѣдемъ мы по Волгѣ какъ паломники. Федька да Евтюшка были бѣльцами да и я былъ бѣльцомъ: мы въ одежѣ черной и поѣдемъ, точно монахи на богомолье... да и мои молодцы будутъ въ крестьянской, точно и въ заправду на богомолье идутъ.

Инокиня благодарила его за усердіе и тотчасъ распорядилась купить у купцовъ четыре струга, и послѣ того Жидовинъ началъ грузить на нихъ хлѣбъ и су-

шенную рыбу. Для свободнаго же прохода вверхъ по Волгѣ, она достала отъ воеводы не только охранный листъ, но за плату ей дали нѣсколько стрѣльцовъ, для защиты отъ воровъ. Потомъ инокиня или, какъ ее звали. Алена объявила, что на струги просятъ много богомольцевъ, идущихъ въ монастыри Кирилловскій и Терапонтонъ, а нѣкоторые въ Соловки. Заплатила она въ воеводской канцеляріи, и выдали ей охранные листы и на всѣхъ молодцовъ Уса, переписавъ предварительно ихъ имена и откуда они.

По окончаніи нагрузки, отслуживъ молебень, инокиня тронулась въ путь.

Вверхъ по Волгѣ они шли очень медленно,—то волокомъ, то на веслахъ, и не раньше мѣсяца пришли въ Бѣлозерскъ.

Для избѣжанія подозрѣнія, Жидовинъ повелъ торгъ рыбою и хлѣбомъ, а паломники сошли на берегъ.

Въ Бѣлозерскѣ купчиха Алена купила лошадей и повозки, нагрузила ихъ разными припасами: рыбою, хлѣбомъ,—оружіемъ и порохомъ, и потянулась къ Терапонтону монастырю съ Усомъ, Евтюшкой и Федькою Сидоровымъ. Двѣсти же богомольцевъ двинулись за ними разными партіями.

Купчиха сидѣла въ особой, хорошей и крытой повозкѣ, запряженной тройкою прекрасныхъ воронежскихъ степныхъ лошадей, привезенныхъ ею на одномъ изъ струговъ.

Когда мама Натя приблизилась къ монастырю и увидѣла его издали, сердце ея забилось, и съ нею сдѣлалось почти дурно.

— Намъ бы не ѣхать дальше,—сказала она:—а лучше пробраться въ тотъ лѣсъ.. вонъ, что виднѣется.. Мы тамъ расположимся станомъ.. и оттуда ужъ будемъ дѣйствовать.

Усъ согласился съ нею.

— Такъ ты поѣзжай туда, а я подожду богомольцевъ здѣсь.

— Да какъ же ты найдешь меня?

— Часа черезъ два, какъ придешь туда, выстрѣли изъ пистолета, и мы соберемся... Мы къ лѣсу привычны.

Инокія поѣхала по направленію къ лѣсу. Когда она приблизилась къ нему, она убѣдилась, что не трудно ее найти. Къ лѣсу была проложена узенькая дорожка, — вѣроятно еерапонтскими монахами, ѣхавшими туда по дрова, а потому, пріѣхавъ туда, она свернула только въ лѣсъ, чтобы никто ее не видѣлъ.

Не прошло и часа, какъ по той же дорогѣ потянулся и ея караванъ съ рыбою, съ хлѣбомъ, и богомольцы.

Было подъ вечеръ, а потому они расположились лагеремъ въ лѣсу, разложили костры, разставили часовыхъ и заварили пищу.

Ночь была хотя свѣтлая, но огни костровъ, у которыхъ сидѣла инокія, и суровые донцы приняли какой-то фантастическій видъ.

Сердце инокини трепетно билось, и мысли ея были тревожны. Удастся-ли освободить Никона, согласится-ли онъ поднять знамя мятежа, — а если мятежь не удастся такъ его ждетъ смертная казнь...

Все это волновало ее, утрапало и не давало покоя, и когда сподвижники ея, насытивъ голодь, улеглись спать, она тоже улеглась на своемъ коврѣ, но всю ночь она не сомкнула глазъ, а все молилась и плакала.

Къ утру отдаленный звонъ въ церкви Еерапонтскаго монастыря, призывающій на заутреню, поднялъ инокиню на ноги.

Она разбудила Уса, Евтюшку и Ѳедьку Сидорова и объявила, что имъ пора отправляться въ монастырь. Чернецы помолились Богу и тронулись въ путь. Подойдя къ монастырскимъ воротамъ, они объявили сторожу, что идутъ на богомолье въ Соловки и что же-

дали бы поклониться святымъ ерапортскимъ иконамъ и мощамъ, и отслужить молебенъ.

Богомольцевъ-чернецовъ впустили въ монастырь. Въ обители они усердно молились, вносили деньги въ кружки и дарили попа, дьякона и причетниковъ деньгами, и объявили, что на Дону, на рѣкѣ Чирѣ имѣется скитъ, гдѣ и состоятъ чернецами, а теперь идутъ по обѣту въ Соловки, причемъ они подробно разспрашивали о Соловецкихъ островахъ и о пути, которымъ они должны слѣдовать.

Попъ умаслился и попросилъ ихъ къ себѣ, такъ какъ въ этой пустынѣ рады были всякой новой живой душѣ, въ особенности пришедшей изъ дальней стороны. При томъ къ нимъ доходили слухи о Стенькѣ-Разинѣ, и попъ интересовался послушать, что дѣлается на Дону.

Разсказывалъ Усъ и были, и небылицы, приписывая Стенькѣ и всѣ свои похождения. Попъ и семья его заслушались этихъ разсказовъ. Въ это время входитъ дьяконъ и объявляетъ, что Никонъ, узнавъ, что чернецы-богомольцы идутъ въ Соловки, хочетъ дать имъ денегъ, чтобы они поставили тамъ неугасимыя лампадки св. Зосимѣ и Савватію, а потому онъ проситъ ихъ въ свою келью.

— А я васъ провожу къ нему,—закончилъ любезно дьякъ.

Повелъ онъ ихъ черезъ дворъ, въ особый флигелекъ, забрался по лѣстницѣ во второй этажъ, прошелъ корридормъ и въ концѣ его постучалъ въ небольшую тяжелую дверь.

— Гряди во имя Господне,—раздался голосъ за дверью.

Дьякъ отворилъ дверь, пропустилъ въ нее трехъ чернецовъ, а самъ остался за дверью.

Чернецы перекрестились иконамъ, распростерлись передъ патріархомъ и подошли подъ его благословеніе.

Когда они поднялись и взглянули на Никона, ихъ

поразилъ величественный его видъ: онъ въ заточеніи посѣдѣлъ, но станъ его былъ прямъ, а борода, не знавшая ножницъ, висѣла на груди. Онъ былъ въ мантии архіерейской, и грудь его украшалась крестомъ, который онъ носилъ будучи патріархомъ.

Въ затворничествѣ полнота щекъ и носа упала, и черты лица его сдѣлались тонки и нѣжны, а выраженіе серьезано, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при улыбкѣ, оно принимало выраженіе доброты и грусти, что замѣчается у всѣхъ людей, много думавшихъ и выстрадавшихъ.

Патріархъ попросилъ гостей сѣсть и повелъ бесѣду о Донѣ и о томъ, что тамъ дѣлается, и наконецъ объявилъ, чтобы они взяли отъ него деньги на неугасимую лампадку въ Соловки, причемъ онъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и вручилъ ихъ Усу.

Тогда Усъ и товарищи его пали къ ногамъ его, объявили, кто они, и начали просить его ѣхать съ ними.

Никонъ ужаснулся.

— Куда пойду я и для чего,—сказалъ онъ:—Для того, чтобы, по трупамъ отъ Астрахани до Москвы шествуя, сѣсть на патріаршій престолъ... Богъ съ ними! Не хотѣлъ я сидѣть съ ними и прежде, такъ теперь подавно.

Усъ и товарищи умоляли его, просили, плакали, наконецъ, грозили, что-де они силою его возьмутъ,—патріархъ былъ непреклоненъ.

— Кто подымаетъ мечъ, тотъ погибаетъ отъ меча,—вознегодовалъ онъ.—Коль я-бы хотѣлъ насильно сѣсть на свой престолъ, я-бы давно на немъ сидѣлъ: стояло только въ послѣдній пріѣздъ мой въ Москву ударить въ царь-колоколь... Да и въ Воскресенскій монастырь являлся Стенька Разинъ да и многіе другіе, и предлагали поднять весь Донъ и боярскихъ людей, чтобы идти на Москву, но я подъ клятвою запретилъ это, и благодарю Господа силъ, что черезъ меня не пролито ни единой капли крови. Пушай мои злодѣи ликують, но

судь Божій ждеть ихъ на небесахъ за всё мои мученія, за все зло, которое они причинили мнѣ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ казаки простились съ Никономъ, просили отъ него отпущенія грѣховъ и ушли.

Когда они возвратились къ инокинѣ, та съ лихорадочнымъ жаромъ спросила:

— Ну, что?

— Видѣли его, не соглашается,—отвѣчалъ Усъ:—не хочетъ кровопролитія.

— Видно на то воля Божья, — перекрестилась набожно инокиня:—Теперь нужно вернуться домой, дожидаться Стеньки; и коли онъ вернется, подыmemъ всю русскую землю, и она посадитъ его сама на патриаршій престолъ. Пуцай падеть грѣхъ на голову враговъ Никона.

Они тотчасъ тронулись въ обратный путь.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ представленный къ Никону архимандритъ Иосифъ отпросился у московскаго патриарха Иоасафа прїѣхать въ Москву. Онъ получилъ разрѣшеніе и выѣхалъ туда съ монахомъ Провомъ.

Прибывъ въ Москву, онъ донесъ царю:

„Весною 1668 года были у Никона воры, донскіе казаки. Я самъ видѣлъ у него двоихъ челоувѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе казаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: „Нѣтъ-ли тебѣ какого утѣшенія: мы тебя отсюда опростаемъ“. Никонъ говорилъ мнѣ также: „И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донскіе казаки и говорили: если хочешь, то мы тебя по прежнему на патриаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей“. Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ, по требованію цареградскаго патриарха; писалъ ему объ этомъ Аеанасій Иконітскій“.

Прїѣхавшій съ архимандритомъ монахъ Провъ донесъ отъ себя, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ферапонтова

и обратиться къ народу съ жалобою на напрасное заточеніе.

Безъ слѣдствія и суда, по одному голословному доносу, враги Никона, а главный изъ нихъ Хитрово, добились у царя, что Аеанасія Иконійскаго сослали въ Макарьевскій монастырь, на Унжѣ, а Никона велѣли держать подъ замкомъ въ его кельѣ.

Никонъ вновь сдѣлался безсрочно затворникомъ и въ одиночествѣ, казалось, тщетно взываль о мищеніи, но вскорѣ оказалось, что его пророчество, сказанное Стрѣшневу, осуществилось.

XI.

Карликъ Лучко.

Прискакавъ въ Гадячъ, Лучко никому не сказалъ о смерти гетмана Брюховецкаго, а распорядился послать нѣсколько подставъ по четверкѣ до самаго Переяславля и, послѣ того, отправился къ Огаревымъ.

Онъ рассказалъ имъ подъ секретомъ объ ужасной смерти гетмана и объявилъ, что послалъ подставы до Переяславля, а они должны собраться въ путь, чтобы въ ту-же ночь выѣхать и имъ.

— Какъ это!—воскликнулъ Огаревъ.

— А такъ,—отвѣтилъ Лучко.—Я выѣду въ легкой повозочкѣ въ Гадячъ, а вы приходите туда. Мы и уѣдемъ.

— Да насъ возьмутъ и задержать въ первомъ-же селѣ или мѣстечкѣ,—сказала Огарева.

— Не задержать. Охранные листы я забралъ изъ шатра гетмана и вписалъ въ нихъ: что ты, бояринъ, съ женою отправляетесь послами въ Переяславль, чтобы москали сдались; а въ сопровожденіе къ вамъ онъ и меня отпустилъ. Лошади — гетманскія, да и я его служба,—меня по дорогѣ знаютъ всѣ,—и какъ мы доберемся до Переяславля, такъ тамъ и концы въ воду.

Огаревы расцѣловали его и стали готовиться незамѣтно въ путь, укладывая лишь немного бѣлья и платья въ сумку.

Вечеромъ они вышли будто-бы прогуляться и направились къ заставѣ. Тамъ даже не было сторожа: Лучко распорядился такъ, чтобы всѣхъ разослать подъ разными предлогами.

Ночь была темная, и бѣглецы пошли по дорогѣ, но вскорѣ они набрали на повозку.

Лучко забралъ ихъ къ себѣ, и кони пошли крупною рысью.

На каждахъ тридцати верстахъ они находили подставы, и днемъ ѣзда ихъ сдѣлалась быстрѣе, такъ что они прибыли въ Переяславль безъ остановокъ.

Экипажъ этотъ, лошадь и Лучко были извѣстны по дорогѣ и поэтому повсюду народъ имъ кланялся, не спрашивая, куда и зачѣмъ они ѣдутъ.

У воротъ Переяславской крѣпости ихъ остановили но Огаревъ слѣзъ и потребовалъ стрѣлецкаго сотскаго. Сотскій его узналъ и тотчасъ впустилъ въ крѣпость.

Григорій Григорьевичъ Ромодановскій находился въ это время самъ въ Переяславлѣ и къ нему направился Огаревъ.

Ромодановскій не былъ изъ искусныхъ воеводъ, но это былъ честный и храбрый солдатъ и, несмотря на суровую наружность, имѣлъ доброе сердце.

Онъ обрадовался, увидѣвъ Огарева и жену его въ живыхъ, и просилъ ихъ зайти въ хату, которую занималъ.

Огаревы передали ему о трагической кончинѣ гетмана Брюховецкаго и о томъ, какъ много они выстрадали и какъ теперь спаслись.

Выслушавъ ихъ, Ромодановскій тотчасъ велѣлъ оповѣстить войско о смерти Брюховецкаго и сдѣлалъ, согласно съ этимъ, и другія распоряженія.

Исполнивъ долгъ службы, онъ возвратился и спросилъ Огарева: желаетъ-ли онъ оставаться при немъ и

продолжать службу, или не хочеть-ли ѣхать въ Москву на отдыхъ.

— Не искалѣченъ-же я,—отвѣтилъ Огаревъ:—чтобы не продолжать службы царю; а жену, бью челомъ, отправить съ стрѣлцкою охраною до нашей Украины.. Да кстати ее проводить даже Лучко.

Ромодановскій согласился и былъ такъ любезенъ, что далъ боярынѣ свой рыдванъ, съ которымъ она на другой-же день уѣхала въ Москву съ Лучкомъ.

Пріѣздъ Огаревой произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе: на боярыню глядѣлъ теремъ какъ на великомученицу, а подвигъ карлика Лучко надѣлалъ сильный шумъ.

Въ тѣ времена карлики не считались мужчинами и двери теремовъ были для нихъ открыты; поэтому боярыни и боярышни полюбопытствовали поглядѣть на это диво.

Огарева упросила Лучко показываться съ нею повсюду, и онъ сдѣлался предметомъ какого-то обожанія: его до крайности малый ростъ, его стройность, его маленькое личико и бѣлыя ручки приводили весь женскій полъ въ восторгъ. Забывали, что онъ двадцатипятилѣтній мужчина, обнимали его и боярыни, и боярышни.

Дошло о немъ и въ царскій теремъ. Больная въ то время царица Марья Ильинична, ея дѣти и сестры царя,—всѣ пожелали его видѣть, и Огарева повезла его въ царскія палаты.

Когда вѣсть объ его пріѣздѣ облетѣла дворецъ, въ теремъ тотчасъ явился царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, и когда увидѣлъ его, такъ сначала залюбовался на него, а потомъ бросился къ нему и началъ его обнимать и цѣловать.

И было дѣйствительно чѣмъ любоваться: его бѣлое лицо и темно-каріе добрые глаза, бѣлые зубы, темно-каштановые шелковистые волосы были въ тѣ времена признакомъ высокої красоты; а одежда его при-

давала ему еще больше блеска: на немъ былъ черный бархатный казакинъ, шитый серебромъ, припоясанный золотымъ кушакомъ, съ драгоценною пряжкой,—подарокъ покойнаго гетмана, а на ногахъ стучали у него красныя польскіе сапожки съ серебряными шпорами.

Лучко оторопѣлъ сразу, когда царевичъ выказалъ ему столько нѣжности, но оправился и поцѣловалъ его руку.

Царевичъ, овладѣвъ имъ, потащилъ его въ свое отдѣленіе, чтобы показать всѣ свои диковинки: и попугая, и ученаго грача, и дорогое оружіе.

Но вотъ пришли за Лучкомъ, чтобы онъ ѣхалъ съ боярынею домой.

Алексѣй Алексѣевичъ заплакалъ и объявилъ, что не разстанется съ нимъ.

Сначала дядька, а потомъ мать уговаривали его отпустить домой карлика, но царевичъ заливался слезами.

Лучко объявилъ тогда съ важностью, „что онъ готовъ остаться, если на это соизволитъ боярыня Огарева и государь, но съ тѣмъ, чтобы ему разрѣшено было безпрепятственно навѣщать боярыню, такъ какъ ему поручилъ Огаревъ заботу о ней“.

Огарева, само собою разумѣется, согласилась, а когда дядька доложилъ о немъ царю, тотъ велѣлъ привести къ себѣ и царевича, и Лучко.

Царевичъ потащилъ его къ отцу: они застали царя въ его комнатѣ.

Поглядѣвъ на Лучко, царь сказалъ:

— Знаешь что,—сказалъ онъ:—всѣ мои карлы, а ихъ перебивало не мало у меня: Ивашка, Федотовъ, Тимошка, Петръ Семеновъ, Карпъ Рѣдкинъ, Дмитрій Верховецкій, Петръ Бисеревъ,—всѣ они были великаны противъ тебя...

— Да и мой покойный Зуевъ, — воскликнулъ царевичъ:—тоже былъ противъ него великъ.

— А тебя какъ чествуютъ, молодець,—обратился къ Лучко государь.

— Покойный гетманъ Брюховецкій назвалъ меня Лучкомъ, въ память своего покойнаго брата, а меня зовутъ Никитою Гавриловымъ Комаромъ... Пожалованъ я, великій государь, тобою, когда прѣѣзжалъ сюда съ Брюховецкимъ, въ боярскія дѣти.

— Теперь я жалую тебя въ стольники. Пожаловалъ бы тебѣ и шубу съ плечъ моихъ, да такихъ, какъ ты, цѣлый десятокъ упрячешь туда,—улыбнулся царь:—Ну, доподлинно, ты не Комаръ, а Комарикъ. Будь при царевичѣ, служи ему вѣрно, а за мною служба твоя не пропадетъ.

Онъ подаль ему руку, тотъ ее поцѣловалъ.

Припрыгивая на одной ножкѣ, царевичъ ухватилъ Лучко за руку и повлекъ его къ себѣ.

— Ну, стольникъ Комаръ, — прыгалъ и хлопалъ въ ладоши царевичъ:—будешь ты у меня не стольникъ, а собинный другъ, но...

Онъ нагнулся къ нему на ухо и шепнулъ:

— Но не заточу тебя въ Оерапонтовъ, какъ Никона...

Онъ подбѣжалъ къ клѣткѣ поцугая и крикнулъ:

— Никонъ! Никонъ!

Погодя нѣсколько минутъ, поугаи закричалъ:

— Никонъ святѣйшій патріархъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси...

— Гдѣ Никонъ?—продолжалъ царевичъ.

— Бояре заѣли,—крикнулъ граць, показавшись изъ-подъ дивана и хлопая крылышками.

— А!.. и ты показался? Гляди, галочка, люби моего пѣстуна Лучко... да сапоги его не порти,—расхохотался царевичъ.

Такимъ образомъ, Никита Комаръ устроился у царевича и получилъ важныя обязанности: ухаживать за поугаемъ и грачомъ.

Жилось ему весело съ царевичемъ: повсюду онъ вы-

ходилъ и выѣзжалъ съ нимъ. Но вскорѣ ихъ постигло большое горе: царица стала таять и гаснуть и, наконецъ, умерла.

Царевичъ сильно затосковалъ по матери, но слишкомъ часто посѣщался имъ теремъ, подѣ предлогомъ посѣщенія ея опочивальни.

Комаръ заподозрилъ не ладное и вскорѣ убѣдился, что онъ правъ: теремъ вредно на него дѣйствовалъ.

Честная душа Комара возмутилась и онъ рѣшился объяснить съ царемъ. Не менѣе часа говорилъ онъ Алексѣю Михайловичу, что нужно вырвать царевича изъ теремнаго омута, а потому предлагалъ на лѣто вывезти его въ Коломенское село, а теремъ, по его мнѣнію, слѣдовало расселить по другимъ загороднымъ дворцамъ.

Откровенность и честность Комара вызвали большое расположеніе царя къ карлику, и онъ предоставилъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Когда настала весна, царь, подѣ предлогомъ готовящейся перестройки дворца, переселилъ теремъ въ разныя подгородныя царскіе дворцы, а Комаръ съ царемъ и царевичемъ выѣхали въ Коломенское село.

Чтобы разсѣять царевича, предпринимались путешествія на поклоненіе по монастырямъ, охоты соколиныя и разныя потѣхи звѣриныя, которыя устраивались въ селахъ: Покровскомъ, Хорошовѣ и Танинскомъ.

Но здоровье царевича не поправлялось: онъ хилѣлъ и хилѣлъ, а однажды утромъ, проснувшись и желая встать съ кровати, почувствовалъ, что ноги отказываются ему служить.

Съ каждымъ днемъ эти припадки усиливались, и лицо его приняло какое-то лихорадочное выраженіе, а щеки какъ будто потемнѣли.

Зачастую царевичъ былъ не въ силахъ даже и по комнатамъ пройти. Тогда Комаръ придвигалъ къ окну мягкій диванчикъ и, садясь къ нему, занималъ его раз-

сказами о походах Брюховецкаго и о другихъ казачьихъ войнахъ, набѣгахъ и борьбахъ казачьихъ съ поляками и турками.

Алексѣй Алексѣевичъ заслушался его разсказовъ и полюбилъ Малороссію; но вмѣстѣ съ тѣмъ привязался такъ къ Комару, что не отпуская его ни на шагъ.

Прошло такъ нѣсколько томительныхъ мѣсяцевъ, и царевичъ сдѣлался тѣнью: глаза впали и худоба у него была поразительна: это были въ полномъ смыслѣ кости да кожа.

Ночью, однажды, проснулся царевичъ и крикнулъ:

— Комарь!..

Проснулся Комаръ и бросился къ нему.

— Комаръ, обними меня... Мнѣ страшно... Развѣ не видишь?.. Тамъ въ углу мама... да такая, какъ положили ее въ гробъ...

— Царевичъ, успокойся, — тамъ никого нѣтъ... Въ углу горитъ лампадка, да образъ Божьей Матери...

— Говорю, мама... Ты сказывалъ лампадка горитъ... ничего не вижу... какъ здѣсь темно... я и тебя не вижу... Какъ душно... открой окно... мнѣ давить въ груди... въ горлѣ... языкъ...

Царевичъ умолкъ и голова его повисла на груди Комара: онъ тяжело дышалъ... Но вотъ раздался какой-то крикъ въ его груди, царевичъ конвульсивно сжалъ руки Комара, вытянулся,—и его не стало.

Какъ безумный выбѣжалъ Комаръ изъ комнаты царевича и звалъ на помощь людей. Сбѣжались придворные, врачи, самъ царь, но царевичъ лежалъ мертвый, съ улыбкою на лицѣ.

На другой день погребальная процессія потянулась въ Новоспасскій монастырь, усыпальницу дома Романовыхъ, при печальномъ перезвонѣ всѣхъ московскихъ сорока сороковъ. Вся Москва провожала усопшаго, и за гробомъ шелъ самъ царь, оплакивая горько нѣжно любимаго имъ сына.

Комаръ убивался больше всѣхъ, и когда хотѣли зарыть могилу царевича, его насилу оторвали отъ гроба.

Когда приставъ Никона, князь Шайсуповъ, объявилъ ему о смерти царевича Алексѣя, тотъ сильно опечалился и упалъ духомъ: какъ будто съ его смертію рушились и всѣ его надежды, при чемъ онъ неосторожно сказалъ:

— Пророчество мое Родіону Стрѣшневу осуществляется: судьбы Провидѣнія неисповѣдимы..

XLI.

Стенька Разинъ.

Въ воеводскомъ домѣ въ Астрахани сидятъ въ столовой два боярина и, обѣдая, ведутъ бесѣду. Оба сильно озабочены. Оба среднихъ лѣтъ, но загорѣлыя ихъ лица и руки доказываютъ, что они закалены давно въ бою.

Одинъ изъ нихъ брונетъ, съ карими прекрасными глазами,—князь Прозоровскій, первый воевода астраханскій; собесѣдникъ его съ такими-же волосами и борою и съ темно-синими глазами,—товарищъ его, Семень Ивановичъ Львовъ, братъ родной погибшаго подъ Конотопомъ жениха царевны.

— Приѣхали ко мнѣ купцы персидскіе,—разсказывалъ Прозоровскій:—и баяли: Стенька-то Разинъ со своими голутвенными натворилъ бѣдъ персидскому шаху... Погулялъ онъ и разорилъ все отъ Дербента до Баку, а въ Рештѣ предложилъ службу шаху и билъ челомъ: дать-де ему земли для поселенія.. Переговоры затянулись, а казаки не въ зачетъ воровали. Взбѣленились жители Решта, напали на него врасплохъ и убили четыреста казаковъ. Стенька отплылъ отъ города, потомъ вновь вернулся будто-бы для покупки товаровъ и просилъ пустить его лишь на шесть дней. Его пустили и онъ съ товарищами дѣлалъ пять дней закупки, и все

свозилъ на свои суда. Рештцы, видя ихъ миролюбіе, забыли о предосторожности, а Стенька на шестой день поправилъ на головѣ своей шапку. По этому знаку казаки бросились на купцовъ: кого убивали, кого побрали въ плѣнъ, много товаровъ награбили и на своихъ судахъ двинулись къ Свиному острову, гдѣ устроили себѣ зимовлю. Отсюда размѣнивалъ онъ съ персами плѣнныхъ... Весною нынѣшняго года Разинъ перекинулся на восточные берега моря и погромилъ трухменскіе улусы, но здѣсь-же убили его удалаго товарища Сerezку Кривого. Шахъ, провѣдавъ это, послалъ на него Менедыхана, своего сродственника, и тотъ отплылъ къ Свиному острову съ четырехтысячною ратью... Стенька напалъ на него и потопилъ всѣ суда, и спасся ханъ лишь съ тремя судами, зато полонилъ Стенька дочь и сына хана... Теперь идетъ онъ къ намъ.

— Пущай пожалуетъ: мы и угостимъ его на славу, какъ дорогаго гостя,—улыбнулся князь Львовъ.

— Упаси Боже!—воскликнулъ воевода.—Получилъ я указъ царскій отъ боярина Нащокина: коли-де дадутъ повинную, такъ простить и отпустить на Донъ. Таперь-де и такъ смута въ народѣ: боярскіе люди мутятъ, да и Васька Усъ гдѣ-то шляется по селамъ да по лѣсамъ.

— Какъ великому государю угодно, а я-бы того Стеньку да на висѣлицу на первую осину: еще до похода его на шаха онъ по пути, въ Черномъ Яру, ограбилъ, прибилъ да посѣкъ плетями встрѣтившагося воеводу Беклемишева. Въ Яицкомъ городкѣ обманомъ вошелъ онъ въ городъ, велѣлъ вырыть большую яму, поставилъ у ямы стрѣльца Чикмача и велѣлъ ему вершить *) своихъ-же: перваго вершили стрѣleckаго голову Яцynu, а за нимъ сто семьдесятъ человѣкъ... Остальныхъ онъ отпустилъ въ Астрахань, а тамъ нагналъ и порубилъ ихъ; а изъ твоихъ, князь Иванъ Семеновичъ, одного отправилъ

---

*) Рубятъ головы.

онъ въ Саратовъ, а другаго убилъ и бросилъ въ воду. Кажись, воровства много, чтобы его повѣсить.

— Твоя-то правда, да такой ужъ указъ: коли принесеть повинную, такъ послать отъ нихъ въ Москву по словъ. Такъ и дѣлай, княже.

Второй воевода покачалъ только головой и вздохнулъ. Въ это время къ воеводамъ явился митрополичій боярскій сынъ.

— А что?—спросилъ Прозоровскій.

— Ъхаль я изъ моря,—произнесъ онъ впопыхахъ:— изъ моря на учугъ, ловилъ рыбу. На меня напаль Стенька Разинъ, пограбилъ рыбу, а меня отпустилъ, наказавъ въ море-де не ѣди...

Не успѣлъ онъ это сообщить, какъ явился персидскій купецъ и объявилъ, что онъ ѣхаль отъ шаха съ дарами великому государю, но на него напаль Стенька, пограбилъ все изъ судна, и даже сына его забралъ въ плѣнъ и требуетъ выкупа.

Прозоровскій увидѣлъ, что дѣло становится серьезнымъ, и тутъ-же велѣлъ князю Львову выступить противъ Стеньки на тридцати шести устругахъ, взявъ съ собою четыре тысячи ратниковъ.

Увидѣвъ такую грозную и внушительную силу, Стенька Разинъ весь свой флотъ обратилъ въ бѣгство.

Князь Львовъ преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, потомъ остановился и послалъ къ Стенькѣ по словъ, что если онъ повинится, такъ онъ являетъ ему царское прощеніе.

Стенька поплылъ обратно и отъ войска своего послалъ двухъ выборныхъ къ князю.

Тотъ принялъ отъ нихъ, отъ имени войска, присягу и повезъ ихъ съ собою; Стенька поплылъ за нимъ съ своею флотиліею.

25 августа князь Прозоровскій и князь Львовъ съ духовенствомъ собрались въ приказной избѣ, въ ожиданіи Стеньки Разина.

Вся площадь передъ избою занята была войскомъ, пушками и народомъ.

Къ двѣнадцати часамъ дня съѣхали на берегъ Стенька съ казаками, съ плѣнными персїянами.

Разинъ шелъ впереди всѣхъ съ бунчукомъ, а одинъ изъ головъ казачьихъ несъ войсковое знамя. Войдя въ избу и перекрестившись иконамъ, Разинъ положилъ бунчукъ и знамя къ ногамъ и билъ челомъ:

— Великій государь да отпустить насъ, холоповъ своихъ, на Донъ, а таперь-бы шестерыхъ выборныхъ изъ нихъ отправить въ Москву бить великому государю за вины свои головами своими.

Оставили воеводы Стеньку и казаковъ его въ Астрахани на свободѣ, а шесть выборныхъ съ донцами отослали въ Москву.

Закутили и загуляли здѣсь голутвенные люди: Стенька, роскошно, ярко одѣтый, звенить не только оружіемъ, но и деньгами.

Казаки расхаживали по городу въ шелковыхъ, бархатныхъ кафтанахъ,—на шапкахъ жемчугъ, дорогіе камни. Завели они здѣсь торговлю съ жителями, отдавали добычу ни по чемъ: фунтъ шелка продавали за 18 денегъ.

А о батюшкѣ своемъ, Степанъ Тимофеевичъ, распускаютъ они молву, что онъ прямой батька: со всѣми ласковъ, добръ и ни въ чемъ отказа нѣтъ... И кланялись они ему въ землю, и становились на колѣни.

— Вотъ-то молодецъ,—восклицаютъ астраханцы:—и богатырь какой, точно Илья Муромецъ.

— Да и казаки его,—говорить другой:—молодцы,—гляди, сколько добра и пенязъ навезли, счету имъ не знаютъ... Погулялъ годикъ да и нажилъ.

— Каждый казакъ, что нашъ голова,—завистливо глядитъ на богато разодѣтыхъ казаковъ стрѣлецъ:—а нашъ братъ изъ-за алтына аль деньги службу служи.

Производитъ это такое впечатлѣніе на народъ, что, кажись, за Степаномъ Тимофеевичемъ пошелъ-бы весь

онъ и все ищущее голубьбы, а тогда тѣ мѣста были полны такого люда.

Да и самъ князь Прозоровскій его честить и въ трапезу приглашаетъ, да съ собою рядомъ сажаетъ. Степанъ-же Тимофеевичъ ждетъ не дождется возвращенія пословъ изъ Москвы, чтобы развязаться и съ войскомъ своимъ, да съ воеводами.

Наконецъ, возвратились послы и объявили: „По указу царскому, казакамъ вины ихъ выговорены, и сказано, что великій государь, по своему милосердному разсмотрѣнью, пожаловалъ, вмѣсто смерти, всѣмъ дать имъ животь и послать ихъ въ Астрахань, что они вины свои заслужили“...

Но прощенные и отпущенные изъ Москвы донцы не дошли до Астрахани. За Пензою, въ степи, за рѣкою Медвѣдицею, они напали на провожавшихъ ихъ стрѣльцовъ, отняли лошадей и ускакали на Донъ...

Нужно было отпустить, по указу царскому, Стеньку на Донъ.

Тотъ сдать всѣ свои морскіе устрugi, всего 21 штуку; остальные двадцать онъ взялъ съ собою какъ рѣчные струга,—взялъ онъ ихъ будто бы для защиты своей отъ крымскихъ и азовскихъ татаръ,—съ обѣщаніемъ возвратитъ ихъ по минованіи надобности. Забралъ онъ тоже съ собою плѣнныхъ персіянъ, и воеводы оправдывали себя передъ Москвою тѣмъ, что они-де боялись: „чтобы казаки вновь шатости къ воровству не учинили и не пристали бы къ ихъ воровству иные многіе люди“.

4 сентября 1669 года было большимъ праздникомъ для князей Прозоровскаго и Львова: они выпроваживали до Царицына Стеньку.

Разинъ выѣзжалъ оттуда не какъ простой атаманъ шайки разбойниковъ, а какъ князекъ независимой страны: рѣчные струги его были нагружены товарами, оружіемъ и пушками, также —разными запасами. Одинъ же устругъ отличался отъ другихъ роскошною отдѣл-

кою; весь онъ былъ увѣшанъ персидскими коврами, а всѣ снасти были изъ шелка. На устругѣ этомъ находились только гребцы и рулевой, и нѣсколько самыхъ близкихъ къ нему людей. Плѣнные персіяне находились на разныхъ другихъ устругахъ. Съ нимъ была дочь Менеды-хана, которую онъ взялъ себѣ въ наложницы. Сидѣла она на бархатныхъ подушкахъ, въ драгоценной одеждѣ, и поражала не столько своими драгоценными камнями и жемчугами, какъ красотою. Была она повелительницею и Стеньки, и всѣхъ казаковъ: всѣ глядѣли ей въ глаза, чтобы отгадать ея мысль, ея желаніе. Бросала она на богатыря, красавца Стеньку, любовные взоры и явно гордилась своимъ счастьемъ, въ особенности при мысли, что, прощенные великимъ государемъ, ѣдутъ они на покой. И мечтаетъ персіянка о томъ, какъ она будетъ счастлива съ нимъ, въ особенности пойдутъ у нихъ дѣти... и при этой мысли она чувствуетъ, что у ней внутри что-то бьется... у нея показываются слезы умиленія...

Но Стенька и казаки на радостяхъ, какъ только исчезаетъ изъ глазъ Астрахань, начинаютъ ѣсть, пить, пѣть и плясать.

Попойка и гульба идетъ нѣсколько часовъ. Но вотъ выступаетъ домрачей и начинаетъ играть и пѣть: всѣ умолкаютъ, а Стенька стоитъ и вслушивается въ пѣсню. Казакъ поетъ:

Ахъ, ты матушка, Волга-рѣченька,
Дорога ты намъ пуще прежняго,
Одарила ты сиротинушекъ
Дорогой парчей, алымъ бархатомъ,
Золотой казной, жемчугами, камнями..
И въ долгу-то мы передъ матушкой
И въ долгу большомъ передъ роденьвойю..

— Врешь!—кричитъ Стенька:—Много ты мнѣ, матушка Волга, дала серебра и золота, и всякаго добра, надѣлила честью и славою, такъ и я отблагодарю.. от-

дамъ тебѣ что ни на есть дорогое моему сердцу и люби ты ее, какъ я люблю...

Схватилъ онъ мощными руками ханскую дочь и, пока его товарищи очнулись, онъ бросилъ ее въ волны Волги...

Красавица сразу захлебнулась и пошла ко дну,—а устремъ, разсѣкая волны и покачиваясь, поплылъ быстро вверхъ по теченію, такъ какъ вѣтеръ дулъ сильно въ паруса.

Отрезвившись на другой день, Стенька ужаснулся своему поступку, возвратился назадъ, самъ бросался въ воду и нырялъ, но по пословицѣ: что въ воду упало то пропало.

Всѣ прежнія его мечты, что онъ возвратится на Донъ, заживетъ съ братомъ Фроломъ миролюбиво (о женѣ своей, казачкѣ, онъ не думалъ) и въ семейномъ счастьи, сразу разбились. Онъ сдѣлался мраченъ и запилъ.

По дорогѣ они останавливались у селъ и по тогдашнему выраженію учиняли дурости и воровства.

Медленно шли они и только къ Покрову подошли къ Царицыну. Приказъ былъ—не впускать казаковъ въ городъ, но у воеводы Унковскаго не было столько войска, чтобы воспрепятствовать Стенькѣ войти съ его казаками въ городъ закупить сани, такъ какъ наступили морозы.

Впустили казаковъ. Чтобы удержать ихъ отъ пьянства, Унковскій велѣлъ продавать водку по двойной цѣнѣ; а когда два казака позволили себѣ грабежъ, онъ задержалъ у одного пару лошадей съ санями и хомутами, у другаго—пищаль.

Казаки прибѣжали къ Стенькѣ, поселившемуся у купца Федьки Сидорова, ходившаго съ Усомъ въ Терапонтвъ монастырь, и принесли ему жалобу на воеводу.

Стенька разсвирѣпѣлъ: велѣлъ тотчасъ, чтобы Федька пошелъ съ нимъ разыскивать воеводу.

Съ большою толпою казаковъ двинулись они къ вое-

водскому двору и стали вламываться въ его палаты. Воевода выскочилъ изъ окна и спрятался куда-то.

Стенька искалъ его по всѣмъ хоромамъ, но, не найдя его, отправился въ церковь, гдѣ онъ осматривалъ даже алтарь.

Въ церкви шла обѣдня, и тамъ молилась въ это время купчиха Алена: она стояла на колѣняхъ, дѣлала поклоны, не обращая вниманія на шумъ казаковъ.

— Кто это?—спросилъ Стенька Ѳедюшку.

— Великая черница,—дома расскажу.

Не найдя здѣсь воеводы, Стенька возвратился домой; Унковскій, когда все успокоилось, отправился въ приказную избу.

Не успѣлъ онъ войти туда, какъ явился казачій старшина, запорожецъ.

Обругалъ онъ воеводу и даже потрепалъ у него бороду; въ это же время появился въ избѣ Стенька.

Дѣло обошлось довольно миролюбиво: воевода заплатилъ казакамъ за хомутъ, сани и лошадей, но при этомъ Стенька молвилъ:

— Коль ты станешь впредь нашимъ казакамъ налоги чинить, такъ тебѣ отъ меня живу не быть.

Послѣ этого Стенька возвратился домой и за обѣдомъ выслушалъ рассказъ о великой черницѣ, о грамотѣ къ нему, Стенькѣ, отъ Брюховецкаго и какъ они шли съ Усомъ освободить Никона, да тотъ отказалъ.

— Сегодня же, какъ стемнѣетъ, веди меня къ ней,— задумчиво произнесъ Стенька:—Но что бы она не испугалась, ты, Ѳедька, пойдн и скажи, что я буду къ ней.

— Пуцай придетъ,—молвила инокиня, когда Ѳедька явился къ ней:—только одинъ съ тобою, но безъ молодцовъ своихъ.

Вечеромъ Стенька съ Ѳедькою Сидоровымъ прокрадывались къ дому инокини, и когда постучали въ ворота, имъ открылъ двери Жидовинъ.

Войдя въ избу, Стенька перекрестился иконамъ и

пошелъ подъ благословеніе къ хозяйкѣ. На ней была одежда монахини, на главѣ клобукъ, а на груди крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, — подарокъ царицы Татьяны Михайловны.

— Сатанѣ, водяному, а не Богу служишь ты,—крикнула она со сверкающими глазами, отдернувъ руку:— да водяному. Слышала, какъ бросилъ ты наложницу свою, прекрасную персидскую царевну, въ воду водяному... а сегодня, въ день святой Богородицы, ворвался ты въ алтарь... Да какъ тебя земля выносить... Не благословеніе, а проклятiе на твою голову... пуцай отнынѣ царевна мучить и преслѣдуетъ тебя...

— Стой... молчи... виновать... каюсь... грѣшенъ... И такъ царевна ночью выплываетъ изъ воды и тянетъ ко мнѣ свои синія руки.

Стенька упалъ на колѣни, прильнулъ лицомъ къ полу и зарыдалъ.

— Много нужно для твоего спасенія!—еще съ большимъ жаромъ крикнула инокиня.

— Скажи, что долженъ дѣлать... Раздамъ все, что имѣю... пойду ко гробу Господню... на Иорданъ... Постригусь... въ чернецы пойду...

— Не отмолишь этимъ грѣховъ, а долженъ ты положить душу свою за овцы.

— Прикажи...

— Стонетъ по всему царству, отъ Урала до Смоленска, отъ Соловокъ до Кіева, вся русская земля... Боярскіе люди точно овцы, а бояре помѣщики—точно звѣри лютые: пьютъ и сосутъ они кровь христіанскую, бьютъ холоповъ и батогами, и кнутами, кожу съ нихъ сдираютъ... А земля и душа Богомъ даны... Коль хочешь искупленія, такъ подыми знамя черной земли, иди освобождать угнетенныхъ и уничтожать притѣснителей, — и тогда ты положишь душу за овцы.

— Положу я и голову, и душу за нихъ, только прости и благослови, великая черница...

— Клянись! Вотъ крестъ, — и она сняла съ груди крестъ.

— Клянусь святымъ Богомъ и Богоматерью, — и онъ поцѣловаль крестъ.

— Прощаю и благословляю тебя...

Стенька поднялся и, сильно потрясенный, возвратился домой.

Вскорѣ Стенька объявилъ себя противъ государства: изъ Москвы въ Астрахань ѣхаль сотникъ съ царскими грамотами. Ночью казаки напали на устругъ, пограбили его, а царскія грамоты бросили въ воду.

Отъ него требовали, чтобы онъ выдалъ бѣглыхъ крестьянъ, бывшихъ въ его отрядѣ. Онъ отказалъ.

Узнавъ объ этомъ, князь Прозоровскій послалъ къ нему съ тѣмъ же требованіемъ:

— Какъ ты смѣлъ прійти ко мнѣ, собака, съ такими рѣчами, — крикнулъ онъ посланному: — Чтобъ я выдалъ друзей своихъ?! Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его. Я увижусь и рассчитаюсь съ воеводою. Онъ — дуракъ, трусъ! Хочетъ обращаться со мною какъ съ холопомъ, а я прирожденный вольный человѣкъ. Я сильнѣе его: я расплачусь съ этими негодяями...

На другой день онъ двинулся на Донъ, гдѣ онъ уже прежде сдѣлалъ себѣ Земляной городокъ между Кагальниковымъ и Ведерниковымъ; перезвалъ онъ сюда изъ Черкаска брата Фрола и жену свою.

Сталъ съзывать онъ къ себѣ людей, и въ ноябрѣ при немъ ужъ находилось около трехъ тысячъ человѣкъ.

Весною 1670 года онъ явился въ Черкасскъ и почти овладѣлъ имъ: никто ничего не могъ съ нимъ подѣлать; отсюда онъ двинулся въ городъ Паншинъ, куда привелъ ему голутвенныхъ Васька Усъ.

Собралось около батюшки Степана Тимошеевича около семи тысячъ, и онъ объявилъ: идти вверхъ по Волгѣ

подъ государевы города, выводить воеводъ и идти въ Москву противъ бояръ.

Вскорѣ загорѣлся мятежъ по всему востоку Руси и слышались въ пожарницахъ, въ дыму, пламени и кроволитія имена Никона и царевича Алексѣя.

Но на побоищѣ слышалось не одно лишь имя Стеньки, было еще нѣсколько другихъ, изъ которыхъ не менѣе гремѣли имена: Харитоновъ, Федьки Сидорова и Алены, еретички-сжарицы.

Шли даже слухи, что Никонъ съ царевичемъ да съ батюшкою Степаномъ Тимошеевичемъ идутъ освобождать крестьянъ и наказывать воеводъ и бояръ.

Хотѣлъ Стенька положить голову свою за овцы, но образъ несчастной персіянки не оставлялъ его, и онъ отвергнувъ бракъ, вѣнчалъ казаковъ, обводя ихъ съ невѣстами вокругъ дерева, при чемъ пѣлись только свадебныя пѣсни.

— Коли я, да атаманъ, совершилъ такой грѣхъ, — думалъ онъ:— такъ пуцай мы всѣ грѣшны.

Когда же боярство узнало, что въ лагерѣ Стеньки произносится имя Никона, они передали объ этомъ царю, и Никона еще крѣпче стали запирать въ келью и разобщили отъ всего свѣта.

XLII.

Наталья Кирилловна Нарышкина.

Послѣ смерти царицы Марьи Ильиничны, хозяйкою царскаго терема сдѣлалась царевна Татьяна Михайловна.

Царскія дочери имѣли въ это время слѣдующій возрастъ: Евдокія—двадцати двухъ, Марѳа—шестнадцати Софія—двѣнадцати, Екатерина—десяти, Марія—девяти Феодосія—шести лѣтъ.

Старшія дочери усопшей и сама царевна Татьяна были противъ новаго брака царя, вотъ почему у насъ

вый годъ, т. е. 1-го сентября 1669 года, она имѣла слѣдующій разговоръ съ Анною Петровною Хитрово, мамою новаго наслѣдника престола Феодора.

— Слышала ты новость,—говорила раздраженно царевна:—братецъ затѣялъ женитьбу. Смотрины назначилъ къ февралю... племянницы мои ревмя плачуть: дескать, не хотимъ мачихи. Покойная матушка говаривала: коль будетъ мачиха, добра не ждуть.

— Да вѣдь, царь-то не Богъ знаетъ какъ старъ,—молвила уклончиво Хитрово:—ему и сорока нѣтути... а кровь такъ и брызжетъ изъ щекъ...

— Оно-то такъ, да не къ слову, ужъ очинно онъ разжирѣлъ,—вздохнула царевна:—Люблю-то и я его безъ души, да чего боюсь: кабы къ нему не влѣзъ тестикъ облыжный. Братецъ мой покладистъ; ну, и учнетъ всѣмъ ворочать, да и сживетъ всѣхъ нашихъ родственниковъ со свѣту, а мачиха загрызетъ и племянниковъ, и насъ съ тобою, Анна Петровна.

Была это святая правда, но Анна Петровна смолчала и только произнесла, крестясь набожно:

— Съ нами силы небесныя.

Помолчавъ не много, Татьяна Михайловна взяла ее за руку и сказала:

— Ты, Анна Петровна, теперь наша мать, и на душѣ твоей будетъ грѣхъ, коли намъ не поможешь. Коли будутъ смотрины, ты учини такъ, чтобы царю ни одна не была годна...

— Учинить-то учинимъ, да и у тебя царевна все въ рукахъ: хозяйка ты теперь въ теремѣ, а царь души въ тебѣ не слышитъ.

— Боюсь я, что тутъ не послушается... Гляди, все боярство поднялось и пришлютъ они видимо не видимо невѣсть.

Этимъ окончился ихъ разговоръ, но обѣ приняли тайное намѣреніе постараться, во чтобы то ни стало, если

не разстроить свадьбы, то, по крайней мѣрѣ, отложить ее на неопредѣленное время.

Татьяна Михайловна, однако же, отгадала: съ Покрова до февраля явилось въ Москву на смотрины восемьдесятъ невѣстъ. Въ Золотой Царицыной палатѣ ихъ осматривали и всѣ онѣ не попали на верхъ.

Ликоваль и торжествоваль теремъ, и считаль ужъ побѣду за собою, какъ, совсѣмъ нежданно, Матвѣевъ привезъ изъ своего дома воспитанницу свою, Наталью Кирилловну Нарышкину, съ указомъ великаго государя: безъ смотрины-де взять ее на верхъ, т. е. какъ кандидатку на невѣсты.

Наталья Кирилловна произвела сильное впечатлѣнiе на теремъ: стройная, какъ тополь, съ черными выразительными умными глазами, съ темно-каштановыми волосами, съ прекрасными зубами и немного смуглымъ лицомъ, не набѣленная и не нарумяненная, въ возрастѣ ужъ возмужалая, т. е. за двадцать лѣтъ, она была необыкновенно эффектна.

Сдѣлайся она, въ обыкновенномъ порядкѣ, по избранiю терема, царскою невѣстою, она стала бы его идоломъ, а тутъ, никѣмъ незнаемая, худородная, да еще воспитанница худороднаго Матвѣева, она встрѣчена на верху верховыми боярынями и всѣмъ теремомъ хотя вѣжливо, но сухо.

— Вотъ-то напасть, — кипяtilась царевна Татьяна Михайловна, заававъ въ тотъ же день къ себѣ Хитрово: — съ этой-то стороны и не ожидала я. Спрашивала братца, а тотъ говорить: „Знаю я еще изъ-подъ Смоленска Наташу... На рукахъ ее носилъ въ лагерѣ... Потомъ изъ виду упустилъ. А теперъ захвораль Артамонъ Матвѣевичъ и я его посѣтилъ... Гляжу, а за нимъ ухаживаетъ дѣвица въ покрывалѣ. Кто она?—спрашиваю я; а онъ въ отвѣтъ:—Помнишь, великiй государь, дѣвчурку Наташу въ смоленскомъ лагерѣ,—вишь какая выросла.—Ну, говорю, хочу я чествовать ее... Ушла Наташа, принесла

серебряныя чарки да заморскаго вина, ну и чествовалъ я ее: въ ноги поклонился да облобызались... Какъ подняла она покровъ, такъ сердце мое забилося и выскочить хотѣло, а въ ухахъ точно кто шепчетъ: это твоя судьба, самъ Богъ ее послалъ“.

— Коли судьба, такъ Богъ благословить,—молвила Анна Петровна.

— Ахъ, Анна Петровна, покладиста ты стала; а по моему, коли восемьдесятъ невѣсть спустили, да почище смолянки, такъ и ее сплавить-то надоть.

— Коли твоя воля царевна... но какъ-то и сплавить?

— А вотъ, ты сходи въ Вознесенскій монастырь, да скажи—по моему указу, да пушай-де старица Егакова привезетъ ко мнѣ сиротку Авдотью Ивановну Бѣляеву, да поскорѣй.

— Слушаюсь, царевна, сейчасъ же туда.

— Да зайди къ царю и проси, пушай-де послѣ трапезы ко мнѣ пожалуетъ.

— Безпремѣнно зайду. Твоя воля.

Послѣ обѣда Татьяна Михайловна сидѣла въ своей пріемной на диванѣ, а противъ нея стояла Бѣляева. Какъ воспитанница монастыря, она была въ одеждѣ бѣлицы.

Царевна спрашивала ее о родителяхъ, родственникахъ и чему училась.

Въ это время вошелъ государь и съ минуту стоялъ въ недоумѣннн: передъ нимъ находилось какое-то неземное существо... Никогда еще въ жизни своей онъ не видѣлъ такой красавицы: темносиніе глаза, каралловыя губки, свѣжее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенный бѣлизны лицо, хотя серьезное, но доброе и ангельское; къ этому присовокупите стройность и формы вполне здоровой и крѣпкой природы.

Бѣлица зарумянилась и опустила покрывало.

— Ты, сестрица, звала меня?—произнесъ смущенно государь

Царевна сдѣлала знакъ, чтобы бѣлица удалилась. Сдѣлавъ низкій поклонъ царю, она вышла.

— Кто это?—спросилъ царь.

Татьяна Михайловна объяснила ему, кто—она, ея родители и родственники.

— Призвала я ее въ теремъ,—закончила царевна:—чтобы оставить ее на верху, какъ одну изъ невѣстъ тебѣ.

Алексѣй Михайловичъ еще болѣе смутился.

— Благодарю тебя, сестрица,—сказалъ онъ:—но я рѣшился... Зачѣмъ набирать...

— Свершить надоть обычай,—сухо возразила царевна:—Скажутъ, женили-де царя зря. Притомъ, воля твоя: отослать мо: но. Одно лишь скажу, коль ты ея не захочешь, такъ отдаришь потомъ парчею, а суженой дашь ширинку да кольцо.

— Зачѣмъ отсылать теперь, пуцай остается... а тамъ какъ Богъ благословить...

Онъ вышелъ.

Зажили на верху, въ теремѣ, у царевенъ обѣ невѣсты, и тѣ устраивали, чтобы царь могъ видѣть то ту, то другую.

Но Бѣляева не хотѣла показываться безъ покрова, а Наташа напротивъ: привыкнувъ въ Смоленскѣ, гдѣ она жила съ своею семьею, быть безъ покрывала, охотно показывала царю свое лицо.

Нацокинъ въ это время тоже не дремалъ: не хотѣлось ему чтобы царь женился на дѣвицѣ, покровительствуемой Матвѣевымъ, и вотъ, появился на Постельномъ царскомъ крыльцѣ пасквиль, прибитый къ дверямъ.

Постельное крыльцо ежедневно посѣщалось и дворянами, и жильцами, и даже боярами и окольникими и инымъ людомъ, являвшимся за новостями и сплетнями.

Не удивительно, что пасквиль былъ всѣми прочтенъ, но его сорвали и доставили къ царю.

Гнѣвъ царя не имѣлъ мѣры и границы: приказаль онъ доподлинно разыскать, кто виновникъ безобразія, и, по обыкновенію, многіе были схвачены и пытаны, а истинныхъ виновниковъ не раскрыли.

Вспомнилъ при этомъ государь, какъ разстроили счастье его съ Евѣимією Всеволожскою и какъ, въ послѣдствіи, раскрылось, что мнимая ея болѣзнь произошла отъ тѣсной куроры,—и онъ еще пуще злобился и волновался.

— Коли такъ,—говорилъ онъ:—учиню я иное... Теперь уже вся Москва говоритъ ужъ о Наташѣ Богъ знаетъ что... Мы и погодимъ. Пуцай она проживетъ здѣсь годъ, такъ и Москва тогда умолкнетъ.

Съ этими мыслями онъ отправился къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ: ему хотѣлось знать ея мысли.

Сестра его ходила тоже возмущенная по своей комнатѣ. Когда государь вошелъ къ ней, она, послѣ первыхъ привѣтствій, воскликнула:

— Такой мѣраости я не ожидала... По правдѣ, не по сердцу мнѣ твоя Наташа... но такой гадости я не ждала:—опозорили дѣвицу передъ цѣлымъ міромъ... Хотѣли учинить ей что ни на есть злое, такъ пуцай сказали-бъ, болѣзнь въ ней какая ни на есть, аль зла, аль глупа, а то—что они выдумали, злодѣи... Да вѣдь здѣсь умыселъ: опозорить-де ее такъ, что царь самъ не женится.

— Это-то правда... Что-де и бояре и патріархъ скажутъ? Коли у попа жена да опозорена, такъ по ихнему и попъ не попъ, и его отлучаютъ отъ священства, аль отъ службы.

— Глупости однѣ, вотъ что скажу я тебѣ, братецъ... Коли поклепъ, такъ и не пристанетъ... Коли чиста твоя Наташа, такъ по мнѣ—женись: снимется и поклепъ, коли сдѣляется царицею.

— Да баяла ты, что она тебѣ не по сердцу.

— Не мнѣ же жить съ ней, а тебѣ; а коли сдѣлается царицею, и я любить стану.

— Такъ чтожь по твоему,—улыбнулся царь:—по рукамъ что-ли?

— Нѣтъ, братецъ. Ужь ты погоди годикъ, такъ замажешь всѣмъ рты... А тамъ... понимаешь, коли благополучно... такъ я и сама сведу ее въ баню... А въ годъ приглядишь и къ Наташѣ, и къ Авдотьюшкѣ.

— Молодецъ ты у меня,—обнялъ и поцѣловалъ ее царь.

Проходилъ почти годъ, Алексѣй Михайловичъ былъ въ сильныхъ хлопотахъ весь 1670 годъ: онъ перестраивалъ всѣ загородные дворцы, — въ Коломенскомъ онъ сооружалъ новыя хоромы, изящныя по архитектурѣ и русскому стилю, а внутри онъ отдѣлывалъ ихъ разною работою и позолотою, Преображенское и другія села тоже отдѣлывались, и повсюду иностранцы устраивали сады, парки, цвѣтники.

Дѣлалъ царь много движенія, чтобы немного спустить, какъ онъ говаривалъ, жиру, а потому особенно усердно занялся псовою охотою.

Политическія дѣла были тоже благопріятны: малороссы рѣзались межъ собою и русскіе вслѣдствіе этого вновь укрѣпились въ восточной ея части, сдѣлавъ имъ уступки, то-есть—уничтоживъ тамъ воеводскія и боярскія начала. Это же дало возможность царю отдѣлить часть войска для усмиренія мятежа Стеньки Разина.

Казна, поэтому, стала вновь обогащаться сборами съ Малороссіи, да и царь вновь почувствовалъ себя на твердой почвѣ, хотя мятежь Стеньки не былъ еще подавленъ.

Прошелъ годъ со времени пасквиля, прибитаго на Постельномъ крыльцѣ и ничего не оказалось.

Въ этотъ же годъ Алексѣй Михайловичъ успѣлъ наглядѣться на Наташу, а отъ Бѣляевой не могъ добиться, чтобы сняла покрывало.

Объ ему нравились, и его взяло раздумье: ужь кого выбрать?.. объ хороши, молоды, здоровы.

Приметь онъ рѣшеніе о Наташѣ, жаль ему становится Авдотьюшки, и обратно. При прежнихъ же отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ обычай не допускалъ сближенія половъ посредствомъ разговоровъ, а потому объ умѣ и сердцѣ ихъ и помину не могло быть; а чужая душа—потемки, да чтобъ узнать человѣка, не одинъ пудъ соли нужно съѣсть съ нимъ.

Раздумываетъ такъ часто государь и не знаетъ, какъ ему принять окончательное рѣшеніе; а тутъ нужно же рѣшиться: назначенъ ужь день, когда царю должны въ Золотой Царицыной палатѣ представить невѣсть, для врученія имъ избранной ширинки и кольца, послѣ чего онъ избранницу взведетъ на царицынъ тронъ и наречетъ ее царицею.

Спрашивалъ онъ какъ-то царевну Татьяну Михайловну, а та махнула рукою и молвила:

— Выбирай по сердцу, а я коль скажу, такъ потомъ пенять будешь. Мнѣ что? Лишь бы ты счастливъ былъ да любилъ жену.

Ушелъ онъ къ себѣ: а нельзя не рѣшиться, завтра нужно кончить дѣло...

Въ то время, какъ онъ въ такомъ раздумьи расхаживаетъ по своимъ хоромамъ, къ нему входитъ Лучко.

— Что, Комарикъ, скажешь?

— Да вотъ, великій государь, моя челобитня: пожаловалъ бы-де меня, великій государь, да позволилъ бы жениться на стольницѣ царевны Татьяны Михайловны, Меланьѣ. Она тоже небольшая.

— Какъ? Тебѣ, Комарику, да жениться...

— Ужь дозвожь, великій государь. И мои Комаришки служить будутъ и твоему царскому величеству, да и дѣткамъ твоимъ. Полюбилась мы съ Меланьюшкою и жить-то не можемъ другъ безъ дружки... Умница она,

а сердце — душа, не человекъ: говорить, какъ по писаному.

— Счастливъ ты, Комаришка, что съ невѣстою-то побалагурить можешь, да узнать и сердце ея, и разумъ. Вотъ намъ, такъ и невозможно: таковъ обычай.. А съ моими-то невѣстами говаривалъ ты?

— Какъ не говорить: по цѣлымъ часамъ, аль я рассказывалъ, аль—онъ.

— Ктожъ изъ нихъ добрѣе, сердечнѣй да умнѣй?

— Доброта-то у Авдотьюшки необычная, а у Наташи—палата ума... бойкая..

— Ктожъ тебѣ больше нравится?..

— Прости, великій государь, а я то тряпокъ не люблю... хошабъ и Авдотьюшка: плачетъ, коль воробышекъ изъ гнѣздышка упадетъ. — Точно, сердце у нея доброе... да разумомъ-то слабенька, вѣдь сотни-то ей не счастье и не сообразить. Иной разъ толкуешь ей о разныхъ порядкахъ цѣлый часъ, а она ни въ зубъ, и коломъ-то не втешешь ей. Ино дѣло Наташа: смекалка необычная. Намекнешь ли, она не токмо лишь пойметъ, но и дальше метнетъ. Коли по красотѣ, такъ далеко ей до Авдотьюшки, — та точно ангель небесный. За то, сколько разума въ глазахъ, да и во всемъ лицѣ Наташи: вся-то ея душа и умъ въ немъ. Какъ же, великій государь, соизволишь ты пожаловать меня, да разрѣшишь жениться?

— Можешь, и пуцай свадьбу справятъ здѣсь. А тебѣ, за честное слово твое, спасибо.

Ушелъ Лучко, а царь пошелъ въ свою крестную и горячо молился.

На другой день въ Золотой палатѣ собрались всѣ боярыни, родственницы и придворные.

Царь сидѣлъ въ особенно приготовленномъ ему креслѣ, и было только двѣ невѣсты. На столѣ, съ боку кресла лежалъ кусокъ парчи, ширинка и на ней кольцо.

Ввели обѣихъ невѣстъ: Бѣляева, въ бѣломъ блестя-

щемъ нарядѣ невѣсты, была еще болѣе ослѣпительною прекрасна, а Нарышкина много потеряла: лицо ея не подходило къ этому костюму.

Боярыни всѣ ахнули, взглянувъ на Бѣляеву, и стали впередъ шептаться: куда-де устоятъ Нарышкиной!

Первую подзываютъ къ царю Бѣляеву.

Величественно она подходитъ къ нему и становится на колѣни. Красота ея сильно его поражаетъ. Онъ колеблется, медлитъ и жадно на нее глядитъ.

Сердца всѣ замираютъ и слѣдятъ за рукою царя.

Онъ подымается и, взявъ ширинку, съ минутою стоять въ нерѣшимости... Но вотъ онъ кладетъ ее назадъ,— и парча очутилась въ рукахъ Бѣляевой. Ошеломленная, та цѣлуетъ его руку, встаетъ и отправляется на свое мѣсто.

Наташѣ Кирилловнѣ становится дурно: она не ожидала сдѣлаться побѣдительницею. Такою красавицею показалась ей Бѣляева, что она сама дала ей первенство.

Шатаясь, подходитъ къ царю Наташа и становится на колѣни.

Царь подаетъ ей ширинку и кольцо.

Она цѣлуетъ его руку и истерично начинаетъ рыдать.

— Успокойся Наташа,—произноситъ Алексѣй Михайловичъ взволнованнымъ голосомъ и, взявъ ее за руку, подымаетъ съ колѣнъ и ведетъ на престолъ царицы:—Отнынѣ произноситъ онъ громко:—ты нарекаешься царицею Натальею Кирилловною, а передъ мясопустомъ Господь Богъ соединитъ насъ передъ алтаремъ.

Межъ боярами раздался шопотъ и ропотъ:

— Околдовали царя... Дали ему приворотный камень..

— Покрывало сбрасывала,—шипѣла одна.

22 февраля 1671 года, царь Алексѣй отпраздновалъ торжественно свою свадьбу, и въ день свадьбы Матвѣевъ и отецъ Наташи возведены въ бояре.

Нащокинъ вскорѣ получилъ отставку и мѣсто его занято Матвѣевымъ.

Не вынесъ такой обиды гордый и надменный Нащокинъ и, нѣсколько лѣтъ спустя, поступилъ въ монастырь.

За то день свадьбы былъ радостенъ для Лучка. Женившись за годъ передъ тѣмъ, онъ въ этотъ день праздновалъ рожденіе сына Ивашки. Маланья родила ему такого же крошку, какъ и онъ самъ, и онъ, прыгая на одной ногѣ, пѣлъ:

— Ивашка Комарикъ! Ивашенька душечка! Ивашка родненькій!.. Ну, ужъ Маланьюшка, скажетъ тебѣ спасибо царь...

— Отчего же царь?—недоумѣвала Маланья.

— Да вѣдь это хлопчичекъ царскій, не нашъ...

И Лучко прыгалъ, вертѣлся, цѣловалъ родильницу и дитя.

XLIII.

Облегченіе участи Никона.

Годъ женитьбы былъ радостенъ и счастливъ для царя Алексѣя Михайловича: восточная Малороссія окончательно умиротворилась, а западная, принявъ подданство султана, дала ему возможность не возвращать Кіева Польшѣ и даже надѣяться на присоединеніе къ себѣ и этой части.

Мятежъ же Разина тоже утихалъ, по милости побѣдъ царскихъ войскъ.

Въ декабрѣ князь Юрій Долгорукій тѣснилъ Темниковъ. 4 декабря, за 2 версты отъ города, встрѣтили его темниковцы и обѣщались ему выдать попа Савву и восемнадцать человекъ воровскихъ крестьянъ, да и сподвижницу Ѳедьки Сидорова, Алену, вора-еретика-старипу. Приказалъ Юрій Долгорукій изготавить висѣлицу и срубъ, и повѣсить велѣлъ до свѣта попа и крестьянъ, а въ срубѣ сжечь Алену...

Схватили Алену и повлекли въ земскую избу, и поставили сильный караулъ.

Мама-Натя начала готовиться къ смерти. Радостно ей было, что она умираетъ за Никона и за крестьянство, т. е. за его идею. Молилась она горячо... горячо... и представилось ей все ея прошедшее: и счастливая ея жпань въ Нижнемъ, и Хлопова, и дѣти ея... потомъ промелькнулъ величественный образъ Богдана Хмѣльницкаго,—тоже сражавшагося за крестьянство... представился образъ Стеньки,—и она невольно вздрогнула, вспомнивъ смерть персидской царевны... Но не жалѣла она о жизни: послѣ низложенія Никона, она перестала вѣрить въ правду на землѣ, и омерзительны сдѣлались въ глазахъ ея всѣ власть имущіе.

— Да и чего-то мнѣ, старухѣ, жалѣть о жизни? Вотъ Савва, тотъ молодой, да и молодую жену имѣетъ, и того завтра на висѣлицу... Да говорятъ, собирается онъ на смерть какъ на пиръ. Сказываютъ: князь Долгорукій говорилъ-де ему: „повинись и жизнь дарую“, а тотъ: „каются грѣшники, а я душу кладу за овцы“.

Такъ думаетъ она, но сердце ея вдругъ замираетъ... дверь избы отворяется... Это пришли за нею... схватываютъ ее мощныя руки... влекутъ ее изъ избы, а на ея мѣсто бросаютъ что-то тяжелое... Ночь темна... ее садятъ въ сани, и лошади мчатся...

На другой день до разсвѣта, собирается за городомъ народъ, войска, привозятъ попа Савву и крестьянъ, и казнятъ ихъ, а срубъ сожигаютъ съ Аленою...

Крестясь и молясь, расходится народъ. Объ этомъ доносится въ Москву, и тамъ у бояръ радость неописанная: попа-де повѣсили, а колдунью-де сожгли.

Наконецъ получена вѣсть о полоненіи донскими казаками самого Стеньки и о томъ, что онъ ужъ на пути въ Москву.

6 іюня 1671 года, въ Москвѣ было зрѣлище, не виданное ею со времени казни боярина Шеина: готови-

лось исполненіе приговора о четвертованіи Стеньки Разина.

Царь и дворъ отсутствовали: они находились въ загородныхъ дворцахъ.

Съ самаго раннаго утра Лобное мѣсто было ужъ занято народомъ и войсками; а въ девять часовъ показалась повозка, на которой сидѣлъ преступникъ и заплечный мастеръ. Стенька былъ спокоенъ и кланялся по обѣ стороны съ такою важностью, какъ будто это было торжественное шествіе для его прославленія: онъ шелъ положить голову за овцы.

Народъ былъ безмолвенъ и мраченъ.

Когда взвели преступника на помость, онъ поцѣловалъ крестъ, который подалъ ему священникъ, и поклонился во всѣ четыре стороны. Онъ хотѣлъ говорить, но барабаны ударили и заглушили его голосъ.

Стенька снова поклонился народу, подошелъ къ плахѣ и положилъ на нее правую руку: — палачъ ее отсѣкъ. Безъ всякихъ криковъ Стенька положилъ на тоже мѣсто другую руку:—ее тоже отсѣкли. Потомъ его схватили, отсѣкли ему ноги,—а тамъ ужъ положили на плаху и отрубили голову.

Затѣмъ, когда палачъ схватилъ голову за волосы, показалъ народу и далъ ей оплеуху, громкій крикъ негодованія и угрозы народа были ему отвѣтомъ.

Гробъ, въ который положено было тѣло, провожала до кладбища огромная масса народа, а палача осаждали, чтобы онъ продалъ части одежды казеннаго. Самое дерево, на которомъ казненъ Стенька кусочками разобрано, какъ какая-нибудь святыня.

За то государство успокоилось: крестьянскій мятежъ потушенъ и бояре получили возможность окончательно закрѣпостить народъ. Стенька Разинъ, однакожь, далъ имъ урокъ: они сдѣлались съ своими холопами чело-вѣчнѣе.

Алексѣй же Михайловичъ, съ прекращеніемъ смуты,

совершенно измѣнился: онъ повеселѣлъ, и подвижная и игривая Наталья Кирилловна, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, начали занимать царя свѣтскимъ пѣніемъ, музыкою и готовили комедійныя дѣйствія.

Матвѣевъ изъ своей дворни образовалъ цѣлый оркестръ трубачей, накрачей, сурначей, литаврщиковъ и набатчиковъ, и увеселялъ царя, а органисты играли на органахъ разныя народныя пѣсни.

Въ селѣ же Преображенскомъ строились комедійныя хоромы, т. е. театръ, гдѣ должна была быть поставлена 17 февраля 1672 года драма „Эсѳирь“, подъ руководствомъ режиссера Яна Готфрида Грегора.

Жилось, такимъ образомъ, весело при дворѣ.

Что же дѣлалъ въ это время святѣйшій старецъ?..

Болѣе трехъ лѣтъ сидѣлъ онъ въ полномъ заточеніи. Маленькая келья его, въ одно окошечко, черезъ которое едва-едва проникалъ свѣтъ, не давала ему возможности ни пройтись, ни достаточно имѣть воздуха. Лѣтомъ въ этомъ застѣнкѣ было душно и жарко, а зимою, изъ трещинъ печки, выходило столько дыму, что нерѣдко Никонъ задыхался.

Единственное движеніе, какое ему разрѣшалось дѣлать, это ходить въ трапезную, гдѣ онъ ѣлъ изъ общаго котла со всѣми служителями монастыря. Сдѣлался у него скорбуть и цынга, да десны пухли, такъ что онъ ничего ѣсть не могъ; ноги отъ отеки распухли, глаза отъ дыма сильно страдали, такъ что старецъ началъ плохо видѣть, и ему показалось даже, что у него сдѣлались бѣльмо.

Никого къ нему не пускали, и онъ три года никого не видѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ; продавать или покупать что-либо, ему воспрещено было.

Крестъ отъ него отобрали, и на немъ не было его уже четвертый годъ. Одежда и обувь на немъ изодрались, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлось голое тѣло,

такъ что въ послѣдній годъ, ему стыдно было посѣщать трапезную.

Тоскуя въ одиночномъ заключеніи, не имѣя ни книгъ, ни бумаги, ни чернилъ, чтобы развлечься, изнывая отъ отсутствія воздуха и движенія, и отъ разобщенія съ цѣлымъ міромъ, онъ и молился, и плакалъ, но нерѣдко онъ приходилъ въ ярость,—и тогда гремѣли проклятія. Но вотъ, однажды онъ проснулся и почувствовалъ, что лѣвая рука у него безъ движенія,—съ нимъ сдѣлался ударъ.

Съ этого времени ему начали являться видѣнія: то ему казалось какая-то черная птица къ нему летаетъ, то демоны не давали ему спать и тащили съ него одѣяло или били его, то бѣсы, въ видѣ кирилловскихъ монаховъ, являлись къ нему, грозяся всякими злобами,—то показывались, они въ видѣ чудовищныхъ звѣрей, то птицами какими-то чудными, гигантскими *).

Никонъ явно шелъ къ полному сумашествію... Сдѣлалось-ли жалъ старца тюремщику, или-же онъ получилъ изъ Москвы приказаніе, но къ Рождеству 1671 года, онъ далъ Никону перья, бумагу и чернила, чтобы тотъ написалъ царю письмо.

Въ письмѣ этомъ Никонъ описывалъ все, что съ нимъ происходило въ Өерапонтовомъ монастырѣ; потомъ раз-

---

*) Историкъ Соловьевъ, желая во что-бы то ни стало чернить и бросать въ Никона грязью, простираетъ свое пристрастіе до того, что даже и эти галлюцинаціи ставитъ въ укоръ великому человѣку (стр. 390, т. XI «Исторіи Россіи»). «Скорбь,—говоритъ сей quasi-психологъ:—располагаетъ мягкія натуры къ уединенію, къ жизни ввутренней, созерцательной, натуры-же безпокойныя становятся отъ скорби еще безпокойнѣе». Если-бы мягкая натура Соловьева выдержала въ казематѣ три года, то посмотрѣли-бы, какъ-бы онъ вдался въ созерцаніе, при обстановкѣ Никона. Нужно еще удивляться могучей его натурѣ, какъ могъ онъ такъ долго выдержать заточеніе. Всѣ статистическія данныя указываютъ, что, при трехлѣтнемъ одиночномъ заключеніи, болѣе 60% или умираютъ отъ разныхъ болѣзней, или съ ума сходятъ, или-же становятся неспособными ни къ чему.

сказаль о болѣзняхъ своихъ и недостаткахъ, и въ концѣ просиль дать кого-нибудь ему въ услуженіе: „Ослаби ми мало да почію, преже даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господнѣ, во вся дни живота моего“.

Получивъ это письмо, государь зашелъ къ Натальѣ Кирилловнѣ и прочиталь ей.

Наталья Кирилловна прослезилась и сказала:

— Если Никонъ опасенъ, такъ окружить монастырь солдатами, аль стрѣльцами, но зачѣмъ лишать его воздуха и движенія? Три года заточенія!—это ужасно... И позоръ для насъ, что онъ ободранъ и оборванъ...

— Что-же по твоему, Наташа?

— А то, что пошли къ нему Родіона Лопухина—это бравый и правдивый человекъ. Опъ узнаеть все на мѣстѣ и устроить старца. Не знаю, отчего не допускать къ нему людей? Покуда Стенька Разинъ былъ въ полѣ и вороваль,—иное дѣло. Таперь онъ казенъ, восточныя области умиротворены и нѣтъ никакой опасности. Почему держать старца взаперти? Чтобы проклиналъ тебя, меня, да...

Она покраснѣла.

— Будущаго младенца,—докончилъ царь, обнимая и цѣлуя ее.

— Да, я сегодня его почувствовала,—зардѣлась царица.—Коль родится мальчикъ, то какъ наречемъ?

— Нареку Петромъ: пуцай, какъ митрополитъ Петръ, будетъ рааумень и управляетъ царствомъ, какъ тотъ паствою.

— Аминь,—произнесла набожно царица.

Передъ отъѣздомъ въ Терапонтовъ монастырь, она дала Лопухину подробное наставленіе: какъ говорить со старцемъ, какъ успокоить его,—и поручила ему одѣть его и обезпечить его содержаніе.

Приѣхаль Лопухинъ, далъ ему свободу ходить по монастырю, одѣлъ его, распорядился, чтобы Кирилловскій сосѣдній монастырь доставлялъ ему все необходимое,

по росписанію, и уѣхаль, получивъ отъ него олагословеніе царю и царицѣ, и будущему младенцу.

На радостяхъ, что у него отъ Наташи будетъ, быть можетъ, новый наслѣдникъ и что съ собиннымъ другомъ онъ примирился, царь Алексѣй, по возвращеніи Лопухина изъ Терапонтова монастыря, устраиваль праздникъ за праздникомъ: и на Москвѣ-рѣкѣ былъ бой медвѣдей, и въ селѣ Преображенскомъ, въ оконченныхъ преображенскихъ комедійныхъ хоромахъ, готовился спектакль.

Наслышались и царь, и царица отъ Лихачева, видѣвшаго во Флоренціи балъ и балетъ, такъ много, что имъ хотѣлось и у себя завести театръ или комедійное дѣйствіе.

Наконецъ, 17 февраля, должна была быть поставлена драма „Эсѣиръ“.

Въ этой драмѣ было много намековъ на клевету, которую выпустили противъ Натальи Кирилловны и Матвѣева, и на судьбу Нащокина,—тотъ, по правдѣ, и въ дѣйствительности имѣлъ сходство не только съ Аманомъ, но съ его паденіемъ.

Да и себя оправдывала Наталья Кирилловна: такъ какъ тенденція библейской Эсѣири та, что первая жена Артаксеркса получила отъ него разводъ за то, что не хотѣла снимать покрывала, и любя ему сдѣлалась Эсѣиръ именно за то, что она ходила безъ покрывала. Это должно было напомнить царю упрямство въ теремѣ Бѣляевой и уступчивость ея, Натальи Кирилловны.

Съ трепетомъ въ сердцѣ, Наталья Кирилловна явилась въ театръ, въ закрытую ложу, гдѣ она съ царевнами должна была смотрѣть комедійное дѣйство сквозь отверстія, которыя были между обтянутыми краснымъ сукномъ досками, закрывавшими ложу со стороны зрителей. Царь помѣстился въ креслѣ передъ сценою, а придворные за нимъ. Музыка играла, какъ и теперь, передъ сценою.

Царю не было извѣстно содержаніе драмы, а только разскаъ библейской книги Эсѣири.

Съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдилъ онъ за ходомъ драмы и, по ея окончаніи, вошелъ въ ложу царицы и, обнявъ ее, сказалъ:

— Благодарю тебя и Матвѣева, что отгадали мои чувства и мысли. Ты истая Эсѣирь, а онъ истый Мардохей.. Я-же считаю себя счастливымъ, что мнѣ выпала завидная доля Артаксеркса.

Съ этого времени онъ еще горячѣе привязался къ ней,—а 30 мая 1672 года послѣ крайне тяжелыхъ родовъ, такъ что бабка опасалась за самую жизнь царицы, онъ сдѣлался счастливымъ отцомъ: Богъ далъ ему сына. Повивальная бабка схватила новорожденного, завернула въ пеленку и, бросивъ въ корыто, побѣжала къ отцу — объявить радостную вѣсть. Услышавъ, что родился сынъ, царь Алексѣй перекрестился и побѣжалъ поглядѣть на младенца. Ему показали толстенькаго ребенка, темно-краснаго, съ темными волосами на головѣ.

— Экій молодецъ!—воскликнуть отецъ.—Будешь ты у меня богатырь... на счастье русскаго царства.

Этотъ „богатырь“ былъ Петръ Великій.

2 іюня произошло торжественное крещеніе Петра въ Золотой палатѣ, и потомъ угощеніе было предложено всѣмъ боярамъ и святителямъ.

Во время обѣда, еще по старому обычаю, заведенному царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, пѣлись духовныя пѣсни, но вмѣстѣ съ тѣмъ игралъ и органъ.

Это было какъ будто предвѣстіемъ того, что родившійся поведетъ къ чему-то новому.

XLIV.

Заточеніе Никона въ Кириловскую обитель.

Получивъ свободу, Никонъ воспользовался ею для блага народа: онъ занялся леченіемъ больныхъ.

Приставленнаго къ нему монаха Мардарія посылалъ онъ въ Москву за лекарствами: за деревяннымъ масломъ, ладономъ роснымъ, скипидаромъ; за травами чечуй и звѣробой; за нашатыремъ, квасцами, купоросомъ, канфорою и за камнемъ бузуй..

Къ Никону въ келью являлись изъ разныхъ мѣстъ и женщины, и мужчины, и дѣти, и онъ давалъ имъ лекарства, и вѣрующимъ читалъ молитвы.

Въ послѣдствіи онъ писалъ царю, что слышалъ онъ глаголь: отнято-де у тебя патриаршество, за то дана чаша лекарственная:—лечи болящихъ.

Дѣятельность эту оклеветали передъ царемъ: будто это дѣлается, чтобы къ нему ходилъ народъ съ цѣлями политическими..

Вслѣдствіе этого, въ 1674 году, въ Великій четвертокъ, когда въ церкви монастырской собралось много народу и онъ шелъ туда пріобщиться, явились стрѣльцы съ сотникомъ,—два пошли впереди его, а четыре — позади. Никонъ обидѣлся:

— Не преступникъ я, чтобы идти въ храмъ Божій, къ причастію, со стрѣльцами..

И съ этими словами онъ возвратился обратно въ келью,—и пересталъ ходить въ церковь.

Но все же царь, и въ особенности Наталья Кирилловна, поддерживали старца: ему посылались и провизія, и полотна, и мѣха,—и даже соболи.

Да вотъ, приходитъ страшная вѣсть: въ зимній мясодѣдъ царь заболѣлъ, а 30 января 1676 года его не стало.

Смерть Алексѣя Михайловича поразила все царство и готовила что-то необыкновенное, такъ какъ накопилось много горючаго матеріала.

Въ теченіе почти тридцатилѣтняго царствованія Алексѣя Михайловичъ довелъ русскую древнюю жизнь до апогея, т. е. ученіе Домостроя дошло до крайности въ домашней и общественной жизни, такъ что теремъ и вообще боярскіе дома были обращены въ богадѣльни

и монастыри. Войны же со Швеціею, съ Польшею и союзъ съ Малороссіею, какъ равно и иностранцы, наполнившіе армію и Москву, внесли новыя понятія въ общество. Отсюда произошло смѣшеніе направленій, не рѣдко другъ другу противорѣчащихъ.

Раскольники требовали неприкосновенности древляго благочестія, т. е. сохраненія старыхъ книгъ, иконъ и богослуженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ называли никоніанцевъ ханжами. Они же требовали точнаго исполненія Стоглава, т. е. въ религіозномъ отношеніи держаться ихъ толка, а въ государственномъ—земскихъ началъ.

Никоніане раздѣлились на двѣ партіи: одна требовала тоже оставленія порядковъ Домостроя, но желала въ жизни государственной земскихъ началъ и уничтоженія мѣстничества; другая партія требовала самодержавія, на началахъ боярства и воеводства, и желала уничтоженія мѣстничества, — словомъ, она идеаломъ своимъ считала конецъ правленія царя Алексѣя Михайловича.

Это раздѣленіе общества и вызвало при похоронахъ царя различныя чувства: раскольники восхитились и рассказывали, что пророчество одного изъ монаховъ Соловокъ оправдалось. Онъ говорилъ, что вмѣстѣ съ паденіемъ Соловокъ, гдѣ раскольники заперлись и защищались, умретъ и государь. Слѣдовательно, смерть его дала надежды расколо-учителямъ, что ихъ толкъ восторжествуетъ. Земцы надѣялись, что боярство и воеводскія начала будутъ уничтожены; одни только почитатели самодержавія приуныли, такъ какъ власть ускользала изъ ихъ рукъ.

Узнавъ о смерти царя и о настроеніи общества, патріархъ Никонъ заплакалъ и сказалъ:

— Воля Божья, видно, судится намъ на томъ свѣтѣ. Богъ его проститъ,—помянуть его я буду.

Вступилъ на престолъ четырнадцатилѣтній Феодоръ. Съ первыхъ же дней перемѣны этой, юнымъ царемъ

овладѣлъ его дядька, князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Куракинъ, и Анна Петровна Хитрово, его мама.

Объ эти личности были враждебны Никону, какъ участники его низложенія, и притомъ они принадлежали къ самодержавной боярской партіи, во главѣ которой стоялъ Матвѣевъ.

Милославскіе, а потому весь теремъ, составляли земскихъ никоніанъ.

Во главѣ съ Матвѣевымъ стоялъ въ самодержавной партіи и патріархъ Іоакимъ, преемникъ Іоасафа.

Іоакимъ былъ человѣкъ дюжинный, безъ всякаго образованія, и всѣ его заслуги передъ церковью и государствомъ заключались въ томъ, что онъ былъ непрекословнымъ исполнителемъ воли Нащокина, а потомъ Матвѣева, потому что онъ былъ личный врагъ Никона; притомъ, подобно знаменитому Торквемадъ, съ особеннымъ усердіемъ жегъ расколо-учителей, еретиковъ и колдуній... Не обладая ни талантомъ, ни умомъ, ни знаніемъ, ни вліяніемъ въ обществѣ, онъ страшился бывшаго патріарха Никона, и ему было страшно приблизить даже къ Москвѣ святѣйшаго, изъ боязни, что онъ самъ въ подобномъ случаѣ, можетъ потерять свое патріаршее значеніе. Самъ Никонъ давалъ ему поводъ на эти опасенія: онъ еще въ 1672 году велѣлъ и царю передать, что онъ не признаетъ для себя обязательнымъ постановленіе восточныхъ патріарховъ. Да и константинопольскій патріархъ писалъ до собора о возвращеніи Никона; притомъ, два года передъ тѣмъ, Никонъ писался къ епископу вологодскому: „Божією милостію, мы, патріархъ Никонъ...“

Партія же Милославскихъ, стоявшая за Никона, съ первыхъ же дней новаго царствованія начала дѣйствовать, чтобы освободить и приблизить старца къ Москвѣ.

Царевна Татьяна Михайловна, господствуя въ теремѣ, имѣла ужъ въ это время сильную помощницу въ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ: той исполнилось двадцать

лѣтъ и она была энергична, умна, мужественна и учена.

Послала, поэтому, царевна Татьяна, нѣсколько дней спустя послѣ смерти брата, племянницу къ новому государю, чтобы его убѣдить въ необходимости приближенія Никона къ Москвѣ и переѣздѣ его въ „Новый Иерусалимъ“.

Софія Алексѣевна отправилась къ брату. Краснорѣчиво и горячо она говорила съ нимъ и довела его до слезъ. Онъ обѣщался сдѣлать все, что можно.

На другой день онъ повидался съ Іоакимомъ. Выслушавъ мальчика царя, патріархъ молвилъ:

— Никону и такъ хорошо въ Терапонтовомъ монастырѣ, но ему можно еще больше сдѣлать: я переведу его поближе въ Кирилловъ монастырь... Въ „Новомъ Иерусалимѣ“ будетъ ему хуже: со времени ссылки Никона, тамъ ничего не поправляли, и въ кельяхъ обители и холодно, и сыро; при томъ, братія тамъ и сама не имѣетъ чего есть, а Кирилловскій монастырь богатъ. А потому, не соизволить-ли великій государь дать указъ о переводѣ Никона въ Кирилловскій монастырь?

— Коли ему будетъ тамъ лучше, такъ пушай, — отвѣтилъ государь.

Не прошло и мѣсяца, какъ получился царскій указъ въ Терапонтовомъ монастырѣ о переводѣ патріарха въ Кирилловскую обитель.

Монастырь этотъ былъ крайне ему враждебенъ. Покойный государь велѣлъ ему, по росписанію, отпускать Никону содержаніе, что и вызвало съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе и враждебность: Никонъ жаловался царю на монастырь, а тотъ на Никона.

— Кушаетъ вашъ батька насъ, — говорили кирилловцы терапонтовскимъ монахамъ.

— Я, благодатію Божіею, не человѣкоядецъ, — жаловался царю на это Никонъ.

При томъ, въ Кирилловскомъ монастырѣ находился Флавіанъ, поддерживавшій Хитрово на судѣ, когда Ни-

конь доносилъ на Богдана Матвѣевича: „о чародѣйствѣ его съ литовкою и монахомъ Ионлемъ“.

Патріархъ Іоакимъ поэтому, какъ говорится, выдалъ Кирилловскому монастырю Никона головою.

Повезли патріарха въ обитель эту, и когда его ввели въ келію, его тотчасъ же замкнули, — и сдѣлался онъ снова заточникомъ.

Осмотрѣлъ патріархъ келію, — она была еще хуже той, какую онъ занималъ во время заточенія въ Терапонтскомъ монастырѣ.

Это была узенькая комнатка, въ одно крошечное окошечко, на такой вышинѣ, что Никонъ не могъ его достать, наставивъ даже всю мебель свою другъ на друга. Въ углу висѣла икона безъ лампы. Деревянная кровать безъ настилки, стулъ о четырехъ ножкахъ и поломанный столикъ, — вотъ убранство келіи. Это была монастырская темница для преступныхъ монаховъ.

Пищу приносилъ ему служка: — щи да каша, кусокъ хлѣба и кружка воды.

Представлялись узнику въ этой смрадной темницѣ, въ этой духотѣ, и родительница его — Маріамна: и родимый лѣсъ его въ Вельяминовѣ или Курмышяхъ, и его жизнь, когда онъ помогалъ своимъ крестьянамъ въ полѣ, и жизнь его въ Макарьевскомъ монастырѣ, его женитьба и семейное счастье, его знакомство съ Нефедомъ Миничемъ, смерть Хлоповой, переѣздъ его въ Москву, кончина патріарха Филарета, казнь Шеина, жизнь его въ Соловахъ, его бѣгство отсюда, Кожеозерскій монастырь, пріѣздъ его въ Москву, назначеніе игуменомъ Новоспасскаго монастыря, московская гиль, сближеніе съ царемъ, возведеніе его въ митрополиты новгородскіе, мятежъ новгородскій, вызовъ его въ Москву, поѣздка за мощами св. Филиппа въ Соловки, возвращеніе его и избраніе въ патріархи, собинная дружба царя, его могущество, управленіе имъ государствомъ, война съ Польшею, прекращеніе имъ чумы, паденіе Смо-

ленска, присоединеніе Малороссіи, исправленіе церковныхъ книгъ...

Во всѣхъ подробностяхъ проходить все это передъ его глазами, и каждое изъ этихъ воспоминаній вызываетъ его вздохи и нерѣдко слезы изъ глазъ:

— Боже, за что меня наказуешь такъ, — говоритъ онъ, кладя поклоны передъ иконою. — ужъ лучше прекратилъ бы мои дни, а то живешь для вѣчныхъ мукъ. Хоша-бъ Ты память пришибъ, — забыть бы все прошедшее, не чувствовать, не мыслить.

А тутъ, какъ нарочно, еще въ болѣе плѣнительномъ видѣ начинаютъ являться передъ нимъ и картины природы, и люди имъ любимые: и жена его, и царевна Татьяна, и Марья Ильинична, и родственники его, — и все это какъ будто манитъ къ себѣ, зоветъ и говоритъ:

„Вѣдь ты-то настоящій патріархъ и плачешь объ тебѣ Россія... и Малороссія, и все Поволжье вѣдь волновалось изъ-за тебя... Приди вновь на свѣтъ, — и будешь вновь ты на престолѣ патріаршемъ. Гляди, всѣ враги твои сходятъ въ могилу: умеръ патріархъ Іоасафъ и самъ царь... Трубецкой и другіе... расколоучители въ заточеніи“...

Вдохновляетъ эту надежду въ сердце Никона, и онъ чувствуетъ, что у него имѣются друзья въ Москвѣ, что не дадутъ они ему погибнуть въ застѣнкѣ и что, рано или поздно, онъ выползетъ отсюда съ величіемъ и славою, какъ заслуживаетъ онъ за свои заслуги.

„Коль, — думаетъ онъ, — царевичъ Алексѣй живъ былъ бы, ино было бы: онъ ослобонилъ бы меня... онъ зналъ меня: — я носилъ его на рукахъ, онъ дралъ меня за бороду, игралъ моими панагіями... А этотъ Федоръ, — не знаетъ онъ меня, а враги мои у него въ силѣ... Но придетъ время, сдѣлается онъ мужъ: тогда и сжалится онъ надъ старцемъ... пойметъ, что въ его царствѣ все дѣло моихъ рукъ... и благолѣпіе въ церкви и новыя книги... и сильное войско, и Малороссія и Бѣлоруссія... Даже дворцы царскіе, — все это дѣлали мои мастера...“

Подкрѣпляютъ его силы эти думы, но послѣ трехлѣтняго одиночества, начинается заѣдать его тоска, мысли мутятся, и овладѣваетъ имъ злоба:

„Почто онъ держитъ меня въ затворѣ?.. Кому я что сдѣлалъ?.. Этотъ поганый, коростявый Іоакимъ, страшитъ тѣни моей, точно бѣсъ ладона... А царь-мальчишка не спроситъ даже, гдѣ и что Никонъ... Да и царевна Татьяна хороша... а мама Ната? Всѣ покинули меня, какъ тряпку старую, негодную... Да и въ заправду я тряпка,—ноги опухли, рука лѣвая разбита, зубы всѣ выпали, а тутъ грызи черствый хлѣбъ и корку,—а коли корки не съѣсть, не дають другого хлѣба... Пилъ бы квасъ,—да мышъ попалась надъсь, ну и противно... Да вотъ вчера показался снова черный вранъ въ окнѣ... потомъ чудища... бѣсы... демоны... рвутъ послѣднюю мою одеженку... Да вотъ теперь... точно бѣсы лютые: Боборыкинъ, Сытинъ, Стрѣшневъ, Хитрово... Чего вамъ, злодѣи... не отдамъ одежды... Смотрите... и такъ вся изодрана, вся въ дыряхъ, не грѣетъ меня... вишь и зубъ на зубъ не попадетъ...

Стучать у него зубы, и онъ весь синѣетъ.

— Мама Ната, царевна Татьяна, гдѣ вы? Спасите спасите... снова бѣсы,—кричитъ онъ однажды неистово прячась въ уголь...

Но что это? Отворяется дверь темницы, и появляется монашка.

Никонъ глядитъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Не узнаешь меня, святѣйшій?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ... нѣтъ... не узнаю... и ты пришла меня мучить, какъ тѣ, какъ ихъ...

— Не мучить я пришла тебя, съ доброй вѣстью... Вспомни игуменью дѣвичьяго Воскресенскаго монастыря, Марѳу... я та самая... Помнишь, я ходила къ тебѣ въ Оерапонтовъ... подѣ твое благословіе.

— Помню, помню... но нѣтъ ужъ во мнѣ больше благодати... бѣсы мною овладѣли... и умру я здѣсь въ этомъ

смрадѣ, сырости и холодѣ... Уйди отсюда и ты окоросто-вѣешь, какъ я... уйди, мать игуменья...

— Благослови меня, святѣйшій, и выслушай...

Она пала ницъ и, поднявшись, подошла къ его благословенію.

— Благословить тебя Господь Богъ... Садись и повѣдай, какую вѣсть принесла?

— Вѣсть радостная. Была у меня въ монастырѣ на богомольѣ паломница, боярыня Огарева, и сказывала: „Путшай-де святѣйшій напишетъ грамоту въ „Новый Іерусалимъ“, а братія и попросятъ царя отпустить тебя къ нимъ“. Грамоту твою я повезу къ нимъ,—вотъ бумага, чернильница и перья.

Игуменья вынула весь этотъ запасъ изъ кармана и положила на столъ.

— Да я-то и писать разучился, да и года и дни забылъ... да и глаза плохо видятъ...

Никонъ сѣлъ къ столу и кое-какъ нацарапалъ къ братіи грамотку.

Инокія простилась, взявъ его благословеніе царю, царицѣ и царевнамъ.

Грамота Никона къ братіи „Новаго Іерусалила“ произвела свое дѣйствіе: они отправили съ челобитною къ молодому царю своего игумена.

Федоръ Алексѣевичъ, выслушавъ милостиво игумена, послалъ за патріархомъ,

Прибывъ къ царю, патріархъ Іоакимъ вознегодовалъ, что помимо него, осмѣлились говорить объ Никонѣ съ государемъ. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ, онъ при каждомъ свиданіи, и съ нимъ, и съ царевнами, увѣдомлялъ ихъ, что Никонъ живетъ въ Кирилловскомъ монастырѣ во всякомъ удовольствіи и что, если онъ не показывается на свѣтъ, такъ это отъ того, что у него ноги слабы. Для вящшаго же убѣжденія всѣхъ въ блаженной жизни святѣйшаго, онъ, каждый разъ, отъ имени его отдавалъ благословеніе царю, царицѣ и царевнамъ.

Тутъ же, неожиданно, хотятъ снова вызвать его на свѣтъ, и онъ разоблачить, что его въ Кирилловскомъ держать въ заточеніи. Нужно, такимъ образомъ, во что бы то ни стало воспрепятствовать этому возвращенію.

— Я, — сказалъ онъ съ видомъ смиренія: — день и ночь думаю о святѣйшемъ старцѣ, забочусь объ немъ... и... скорблю сердцемъ... Хотѣлъ бы его любовно видѣть... да нельзя... есть причина... Да я не дерзалъ докладывать великому государю... нельзя его возвратить... Будетъ великій соблазнъ и грѣхъ въ церкви.

— Да что такое случилось?—встревожился государь.

— Вотъ уже четвертый годъ... прости мнѣ Господи мои согрѣшенія!.. Никонъ ежечасно мертвецки пьянъ... ругается святымъ иконамъ... въ церковь не ходитъ... разныя ругательства произносить на тебя, великій государь, да на меня, на церковь святую... Говоритъ съ бѣсами, демонами... бредитъ видѣніями... Ругаетъ свои исправленныя книги и называетъ ихъ еретическими... Какъ же его привести въ подмосковную обитель?.. Себѣ и церкви на срамоту. Одежи и обуви не хочетъ носить, босой да полуголый ходить.

— Пошли ему, святѣйшій, отъ меня и обувь, и одежду, — онъ и носить будетъ... Сказать, что то воля моя... Да бають, что некому тамъ и приглядѣть за нимъ, такъ послать къ нему Ивана Шушера да Ольшевскаго: благо они челомъ бьютъ послать ихъ къ святѣйшему старцу.

Закусилъ губы патріархъ Іоакимъ и вынужденъ былъ исполнить приказъ царя.

Весною 1681 года, прибыли въ Кирилловъ монастырь Шушера и Ольшевскій.

Первое свиданіе ихъ было трогательно: это были безконечныя лобзанія, объятія и бесѣды. Служки привезли ему отъ царя гостинцы, одежду и обувь. Перевели святѣйшаго въ другую, болѣе просторную келію и разрѣшили гулять по монастырскому саду. Но ноги отказы-

вались ему служить, притомъ воздухъ дѣйствовалъ на него одуряющимъ образомъ, и голова у него кружилась и болѣла. Да и постарѣлъ онъ: волосы на головѣ и въ бородѣ его совсѣмъ посѣдѣли, исхудалъ онъ и сдѣлался скелетомъ, а на лицѣ кожа даже потемнѣла.

Видъ онъ имѣлъ еще болѣе величественный, чѣмъ прежде, да силы его оставили: многолѣтнія страданія сломили его могучую природу.

Начали Никона вновь посѣщать въ Ферапонтовомъ монастырѣ жители городовъ, монахи и монахини.

Никонъ принималъ всѣхъ любовно, лечилъ, благословлялъ, ко всѣмъ былъ добръ, но Кирилловскому монастырю не могъ простить причиненныхъ ему обидъ и мученій. Душа его рвалась отсюда въ „Новый Иерусалимъ“, въ его рай, объ которомъ онъ такъ давно плачетъ и горюетъ.

— Альбо то можно,—говорилъ часто Ольшевскій:— такъ да съ патріархомъ поступать... Джебелы то можно, я бы всѣхъ монаховъ утопилъ... Надѣя на Бога, насъ домой въ „Новый Иерусалимъ“ отпустятъ... Ты, святѣйшій, только отпиши туда, а мы Шушеру туда пошлемъ... Будемъ мы съ тобою, патріархъ, еще тамъ архіерейску службу править...

И вотъ, подъ такимъ впечатлѣніемъ, пишетъ Никонъ вновь въ „Новый Иерусалимъ“:

„Попросите, братія, еще обо мнѣ царя. Умираю я, не попомните моей прежней грубости, пожалѣйте старика“.

Грамоту эту отвозитъ Шушера въ „Новый Иерусалимъ“, и оттуда отправляется вновь посоль, но ужъ не къ царю, а къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ.

Посоль рассказываетъ всю подноготную царевнѣ.

Татьяна Михайловна приходитъ въ страшное негодованіе и бѣжитъ къ царевнѣ Софьѣ.

— Соня, насъ безчестно обманывалъ патріархъ Іоакимъ,—говоритъ она, едва переводя дыханіе отъ волненія:—Вѣдь патріарха Никона онъ держалъ четыре года

въ заточеніи на однѣхъ щахъ да кашѣ и ржаномъ хлѣбѣ, никого къ нему не допускалъ, въ церковь Божью не пуцалъ, безъ одежды и обуви содержалъ въ кельи... Это безбожно, безчеловѣчно... Идемъ къ царю.

— Какъ? Да мнѣ патріархъ всегда сказывалъ, что Никонъ во всякомъ удовольствіи живетъ... Пойдемъ къ брату, пуцай сыскъ учинить... Пуцай не вѣритъ патріарху.

Обѣ побѣжали къ царю.

Федоръ Алексѣевичъ сильно встревожился, увидѣвъ сестеръ гнѣвныхъ и взволнованныхъ: нервный и впечатлительный, онъ почувствовалъ даже сильное сердцебіеніе.

— Что случилось?—спросилъ онъ испуганно, воображая, что не приключилась ли какая-нибудь бѣда и съ второю его женою, на которой онъ недавно лишь женился.

Царевны рассказали ему о бывшемъ заточеніи Никона.

— Теперь понимаю,—вдохнулъ царь: — зачѣмъ патріарху Іоакиму понадобилось перевести въ Кирилловскій монастырь... Да и пьянство Никона, вижу я, — поклепъ.

— Такъ ты, племянничекъ, и вели перевести его въ „Новый Іерусалимъ“, — обрадовалась царевна Татьяна Михайловна.

— Да какъ же безъ патріаршаго благословенія?.. — недоумѣвалъ юный государь.

— Такъ, братецъ, покличь его и поговори съ нимъ,—обнявъ и поцѣловавъ его, проговорила царевна Софья.

— Ужъ вы, тетушка и сестрица, лучше сами позовите его, да и уговорите... А я велю царскихъ лошадей и кареты отослать за святѣйшимъ въ Ярославль.

Царевны поцѣловали его и ушли въ теремъ. Они послали за патріархомъ Іоакимомъ. Іоакимъ явился въ теремъ, воображая, что они желаютъ духовной бесѣды съ нимъ.

Когда онъ вошелъ въ пріемную царевны Татьяны Михайловны, онъ засталъ тамъ и царевну Софью.

Царевны подошли къ его благословенію и посадили его на почетное мѣсто на диванѣ, подъ образа.

— Прости, святѣйшій,—начала царевна Софья:—что мы съ тетушкою Татьяною потребовали тебя... У насъ великая къ тебѣ челобитня.

— Повелѣніе царевенъ для меня указъ, — опустивъ скромно глаза и положивъ руки на животикъ,—произнесъ патриархъ.

— Бьемъ мы челомъ: монастырь „Новый Іерусалимъ“ и Воскресенская церковь приходятъ въ запустѣніе.

— Приходить онъ въ запустѣніе,—поднялъ набожно глаза къ небу Іоакимъ: — ибо восточные патриархи, на соборѣ 1666 года, осудили и названіе „Новый Іерусалимъ“, и строителей его: Никона и Аарона. Гдѣ нѣтъ благословенія святителей, тамъ и благодати нѣтъ.

— Гдѣ два или три соберутся во имя Мое, тамъ и Я пребываю,—возразила царевна Софья:— Не лишена, поэтому, св. благодати и обитель „Новый Іерусалимъ“.

— А въ Воскресенской церкви, кромѣ частицъ Святаго гроба, покоятся еще мощи св. Татьяны,—вставила царевна Татьяна Михайловна.

— Не вѣдалъ... не вѣдалъ, — вздохнулъ Іоакимъ и, набожно перекрестясь, произнесъ:—Господи прости мнѣ согрѣшеніе.

— Вотъ,—продолжала царевна Софья:—я съ тетушкою желаю увеличить благолѣпіе монастыря: я дала обѣтъ соорудить тамъ храмъ Богоявленія, а царевна все достояніе отдастъ на святую обитель.

— Богоугодное дѣло... богоугодное, я благословляю... Вы внесите деньги въ патриаршую казну. А тамъ, что соборная дума скажетъ.

— Мы пожертвуемъ всѣмъ, но братія просить возвратить ей отца и благодѣтеля ея,—возразила царевна Софья.

— Тому не можно быти,—какъ ужаленный вскочилъ Иоакимъ.

— Садись и выслушай, святѣйшій... Никонъ хиль, старъ и годы его сочтены... Пушай умереть въ своей обители, не проклиная царя и насъ за безсердечіе, — произнесла скороговоркою Софья.

— Тому не можетъ быти,—упорствовалъ патриархъ:— да ты, царевна, не вѣдаешь, что онъ и одежи, и обуви не носитъ, да день деньской отъ вина пьянь бываетъ, сквернословить, богохульствовать...

— Неправду говоришь, святѣйшій, и это поклепъ на святѣйшаго старца,—вышла изъ себя царевна Татьяна Михайловна:—Держишь ты его въ темницѣ пятый годъ, безъ одежи и обуви; а отъ квасу твоего съ мышами не опьянѣешь. Господь Богъ милосердый накажетъ тебя... Покайся и разрѣши Никону переѣхать въ „Новый Іерусалимъ“.

— Тому не можно быти,—упорствовалъ Иоакимъ и собирался выйти.

— Коли такъ,—затопала ногами Татьяна Михайловна:—такъ я сама поѣду за святѣйшимъ; да не въ „Новый Іерусалимъ“ я его свезу, а въ Успенскій соборъ... Ударимъ въ царь-колоколь, созовемъ народъ, и онъ поведетъ его на патриаршій престолъ, а тебя, лицемѣра, ханжу, пустосвята, мы упрячемъ въ ту келью, гдѣ ты томилъ безбожно больного, хилаго, слабаго старца столько лѣтъ...

У Иоакима опустились руки и затряслись ноги.

— По мнѣ что,—заикаясь произнесъ онъ:—пушай Никонъ ѣдетъ въ „Новый Іерусалимъ“... Какъ великій государь соизволить.

— Такъ пиши грамоту!—повелительно произнесла царевна Татьяна.

Софья подала перо, бумагу и чернильницу.

— Мнѣ нужно съ царемъ переговорить,—молвилъ патриархъ и торопливо вышелъ изъ терема.

XLV.

Кончина Никона.

— Альбо то можно, Иванъ,—накинулся Ольшевскій на Шушеру:—поѣхаль въ „Новый Іерусалимъ“ къ братіи и возвратился ни съ чѣмъ. Джебелы то я поѣхаль, такъ давно бы пріѣхали за патріархомъ.

— Хвастай, хвастай... Да и такъ я насилу-то упротилъ братію, чтобы помимо патріарха Іоакима послали въ Москву... Ну, и послали... А тамъ, что Богъ дастъ.

— Я бы ино учинилъ: поѣхаль бы въ Москву съ ними да съ царскимъ посланцемъ вернулся... Надѣя на Бога, мнѣ не первина: мы съ патріархомъ, Никономъ...

— Толкуй ты. Попробуй-ка ты, — сунься въ Москву, тамъ таперъ чортъ ногу сломить: не знаешь, кто первый, кто послѣдній.

— Таперъ, Иванъ, погляди: патріархъ точно изъ гроба всталъ, блѣдный да слабый... Ждетъ не дождется присылки изъ Москвы: у меня у самага душа переболѣла... а иной разъ, гляючи на него, такъ и плакать хочется.

Слезы показались у него на глазахъ, — онъ вытеръ ихъ со щеки и высморкалъ носъ въ полу.

— Иванъ!.. Ольшевскій!—раздался голосъ Никона. Оба бросились въ его келью.

Никонъ былъ одѣтъ: на немъ была архіерейская мантия, на головѣ клобукъ и въ рукахъ посохъ.

— Чтожъ не собираетесь... Что мѣшкаете... ждать не буду.

— Куда, святѣйшій?—удивился Ольшевскій.

— Какъ куда? Домой... въ „Новый Іерусалимъ“... Проворнѣй, живѣй, укладывайтесь, собирайтесь...

Шушера переглянулся съ Ольшевскимъ: они полагаги, что онъ бредить.

— Святѣйшій, да изъ Москвы еще не прислали,—

возразилъ Ольшевскій:— Джебелы изъ Москвы пріѣхали, иное дѣло... А допрежь нечего укладываться.

— Говорю укладывайтесь... Подъѣхалъ устругъ... а на немъ посланные отъ царя... они вышли на пристань... Вотъ, вотъ идутъ... спѣшите—ждать не буду,—торопливо произнесъ Никонъ.

— Ярославскій воевода, да епископъ и архимандритъ пріѣхали за святѣйшимъ и идутъ сюда, — крикнулъ Шушера.

У Никона задрожали руки и ноги, и онъ въ сильномъ волненіи сѣлъ на стулъ.

— Господи, услышалъ ты мои молитвы, не далъ умереть здѣсь, какъ злодѣю,—прошепталъ онъ: — Укладывайтесь, да торопитесь,—скорѣй, скорѣй отсюда... Здѣсь столько слезъ я пролилъ.

Ольшевскій началъ укладываться и увязывать вещи свои и патріарха.

Появились въ келіи царскіе посланцы: они подошли подъ благословеніе патріарха. Никонъ перецѣловался съ ними.

— По указу великаго государя, святѣйшій старецъ, мы пріѣхали за тобою: въ Ярославлѣ ждуть тебя царскія лошади, колымага и рыдваны. Отвезутъ тебя въ Новый Іерусалимъ, гдѣ будешь жить по собственной волѣ, на покоѣ.

— Да благословитъ Господь Богъ царя, царицу и всю государеву семью за многія ихъ милости ко мнѣ,—прослезился Никонъ:— Снова сподобитъ меня Божья Матерь узрѣть и Голгоу, и Іордань, и храмъ „Воскресенія“, гдѣ я на плечахъ своихъ таскалъ камни и бревна... и заживу я снова съ дѣтьми моими,—деревьями, и дѣда Мамврійскаго дуба снова обниму... Боже милостивый! одна ужъ эта радость искупитъ мое пятнадцатилѣтнее заточеніе въ монастыряхъ...

И твердыми шагами патріархъ вышелъ изъ келіи, въ сопровожденіи пословъ спустился во дворъ, и здѣсь

остановился, поглядѣлъ на монастырь, на храмъ, перекрестился и сказалъ:

— Не хочу я видѣть братію, но я прощаю ихъ и благословляю... Передать имъ, что одною вѣрою да молитвою не спасешься, а нужны и добрыя дѣла: пушай сердца свои смягчать,—вѣра безъ дѣлъ мертва есть.

Онъ направился къ пристани; придя туда, онъ пошелъ прямо на устругъ и, перекрестясь, прошепталъ:

— Господи помилуй и спаси люди твоя...

Часъ спустя, устругъ, несомый теченіемъ Шексны и парусомъ, потянулся къ Волгѣ.

Вѣсть о томъ, что Никонъ возвращенъ и поѣдетъ водою до Ярославля, быстро разнеслась по городамъ и селамъ, и тысячи народа, въ лодкахъ и на берегу, ожидали его съ женами и дѣтьми, для полученія его благословенія. Духовенство же, съ хоругвями, крестами и иконами, выходило тоже на берегъ и пѣло: „исполла эти деспота“, „достоинно“ и „многая лѣта“.

Въ мѣстахъ, гдѣ они останавливались, народъ падалъ ницъ, плакалъ, цѣловалъ его руки, платье и слѣдъ его ногъ.

Любовь народная сильно тронула его, и онъ понялъ тогда, почему Стенька Разинъ именемъ его поднялъ все Поволжье.

По Волгѣ было тоже, что и по Шекснѣ: шелъ стругъ вверхъ волокомъ, и это дало возможность народу еще больше выказать свою любовь.

Огромныя толпы встрѣчали и провожали его, а для смѣны волока, явились люди съ лошадьми.

Такъ тянулись они почти до самаго Ярославля, гдѣ Никонъ долженъ былъ пересѣсть въ царскіе экипажи и ѣхать на Владиміръ.

Но въ шести верстахъ отъ Ярославля, онъ почувствовалъ сильное утомленіе и слабость.

Пришлось послать въ близъ находившійся монастырь за лошадьми и экипажемъ.

Въ обители игумень со всею братією встрѣтилъ его съ крестомъ и образами у воротъ.

Когда Никонъ прикладывался къ кресту и къ иконамъ, одинъ изъ монаховъ отдѣлился отъ братіи и бросился къ нему, къ ногамъ.

— Кто ты?—спросилъ его Никонъ.

— Я бывшій архимандритъ Сергій, который не далъ тебѣ говорить къ народу, при отвозѣ тебя изъ Чудова монастыря въ земскую избу... Богъ меня наказалъ:—я въ ссылкѣ ужъ многіе годы въ этомъ монастырѣ... и горько оплакивалъ я мой грѣхъ передъ тобою.

— Да проститъ тебя Господь Богъ, какъ я прощаю,—кротко произнесъ Никонъ.

Отдохнувъ здѣсь не долго, святѣйшій велѣлъ себя везти въ Ярославль.

Все ярославское духовенство, всѣ горожане отъ мала до велика и множество народа съ окрестностей явились поклониться святѣйшему. Духовенство встрѣтило его съ крестами и хоругвями, и когда со струга онъ началъ благословлять народъ, всѣ пали ницъ и пѣли „многая лѣта“.

Народъ плакалъ, цѣловалъ его руки и одежду.

Здѣсь онъ сѣлъ въ колымагу, и народъ поволокъ его за городъ, но не далеко отъ Ярославля, на небольшой рѣчкѣ *), патріархъ возжелалъ, чтобы запрягли лошадей, изъ боязни утомить народъ.

Колымагу остановили,—онъ просилъ высадить его на берегъ рѣчки.

Разостлали тамъ коверъ и на рукахъ снесли его туда изъ экипажа.

Онъ сѣлъ на коверъ, вдохнулъ въ себя свѣжій лѣтній воздухъ и обратился къ сопутствовавшимъ его.

— Какъ хорошъ, — произнесъ онъ восторженно: — Божій міръ... и жить бы людямъ въ любви и согласіи...

---

*) По преданію это было на рѣкѣ Которости или Которосли.

а они грызутъ, заѣдаютъ другъ друга, какъ будто нѣтъ мѣста для всѣхъ на землѣ... Льется кровь братская и въ войнахъ, и на плахахъ, и въ застѣнкахъ... Льется она не ручьями, а рѣками... Отъ чего, Боже, такое проклятiе на людей?.. Пути твои неисповѣдимы...

Онъ умолкъ, набожно глядѣлъ на небо и шепталъ какую-то молитву.

Но вотъ лошадей запрягли, взяли подъ руки святѣйшаго, чтобы повести его въ колымагу. Раздался вдали благовѣстъ къ вечернѣ изъ Ярославля.

Никонъ остановился и перекрестился.

Когда его посадили въ колымагу, онъ сталъ шептать:

— Поскорѣй... поскорѣй... тамъ меня ждутъ...

При послѣднемъ словѣ, онъ началъ поправлять платье, благословилъ народъ, потомъ сложилъ руки на груди и... отошелъ въ вѣчность!

Народъ палъ на колѣни, молясь, крестясь и громко рыдая.

Свершилось это 17 августа 1681 года, на 76 году его славной и многострадальной жизни.

Вѣчная ему память!..

XLVI.

Похороны Никона.

Пять дней спустя, въ Москвѣ разнеслась вѣсть о смерти Никона, и дьяконъ Успенскаго собора, дѣтей котораго благословилъ тотъ въ послѣднее его посѣщенiе этой церкви, услышавъ объ этомъ на патриаршемъ дворѣ, побѣжалъ къ царь-колоколу, висѣвшему тогда въ особой колокольнѣ у собора и ударилъ въ него съ погребальнымъ перезвономъ.

По обычаю это совершалось только во время смерти царя и патриарха.

Всѣ московскiе сорокъ сороковъ подхватили пе-

чальный перезвонъ и бѣлокаменная столица поднялась на ноги.

Узнавъ о смерти Никона, столица облеклась въ черную одежду и народъ устремился въ церкви ставить свѣчи и служить панихиды. Въ народѣ и въ частныхъ домахъ слышались рыданія, а царскій дворъ облекся въ печальныя одежды,—въ придворной церкви царь съ семейю своею слушали тоже панихиды.

Возникъ вопросъ, гдѣ и какъ хоронить его.

По обычаю, патриархи хоронились въ Успенскомъ соборѣ. Но похоронить его здѣсь — значило признать соборъ, низложившій его, недѣйствительнымъ, а его—патриархомъ; патриарха же Иоакима похитителемъ патриашаго престола.

При печали же, скорби и возбужденіи народа, если бы его привезли въ Москву, могло бы тоже случиться нѣчто печальное для патриарха Иоакима.

Судили, рядили и рѣшили похоронить его въ „Новомъ Іерусалимѣ“, какъ строителя монастыря, тѣмъ болѣе, что на это была его воля.

Но кому хоронить и какъ?

Если хоронить его какъ патриарха, то обрядъ погребенія не приходится совершать Иоакиму, такъ какъ этимъ онъ признаетъ недѣйствительность соборнаго постановленія.

Рѣшили, поэтому, чтобы хоронилъ усопшаго Рязанскій архіепископъ.

Когда же этотъ спросилъ: какъ же хоронить святѣйшаго старца, какъ монаха или патриарха, Иоакимъ отвѣтилъ: какъ соизволитъ великій государь.

Никона, между тѣмъ, отвезли въ Ярославль, сдѣлали гробъ и на рукахъ понесли въ „Новый Іерусалимъ“.

Ко дню его прибытія, огромная масса народа собралась въ „Новый Іерусалимъ“, и туда прибылъ государь, всѣ бояре и высшее духовенство, а также все московское бѣлое духовенство. По всему пути слѣдованія тѣла

Никона народъ съ благоговѣніемъ и слезами встрѣчалъ и провожалъ его прахъ. Многіе слѣдовали за нимъ отъ самаго Ярославля.

На встрѣчу усопшему двинулось изъ „Новаго Іерусалима“ все духовенство съ иконами, крестами и хоругвями, и пѣло: „Христось воскресе!“ Приблизившись ко гробу, они приняли его и на головахъ своихъ понесли въ церковь.

Послѣ соборне отслуженной обѣдни, причемъ, по установленному Никономъ правилу, соблюдающемуся понынѣ, пѣлось „Христось Воскресе“,—Никона облекли въ патріаршую одежду и переложили въ каменный гробъ. Перенесеніе въ другой гробъ совершалъ самъ царь; отпѣвали его, какъ патріарха, причемъ царь читалъ самъ апостолъ и каенію.

Послѣ погребальной службы, когда нужно было проститься съ усопшимъ, государь подошелъ къ нему и, цѣлуя ему руку, громко рыдалъ и просилъ у него прощеніе, почему давно не возвратилъ его.

Въ церкви всѣ рыдали, прощаясь съ Никономъ.

Несмотря на теплое еще сентябрьское время, онъ лежалъ въ гробу, не издавая никакого запаха; а патріаршая одежда, при сѣдой огромной его бородѣ, давала ему особенно величественный видъ и напоминала св. митрополита Филиппа.

Когда всѣ простились съ нимъ и хотѣли ужъ закрыть гробъ, появилась согбенная старушка-черница, и протолкавшись, взошла на подмостки и припала къ рукъ покойника.

Долго она стояла въ такомъ положеніи, но вотъ пошатнулась, упала съ подмостковъ.

Придворныя боярыни и царевны, стоявшія по лѣвой сторонѣ церкви, за занавѣсомъ, бросились подымать ее:—она была мертва.

Царевна Татьяна, подымавшая ее, взглянувъ въ ея лицо, вскрикнула:

— Мама Натя...

Погребли Никона на Голгоѣ же, на южной сторонѣ, внизу, на томъ мѣстѣ придѣла, гдѣ въ Иерусалимскомъ храмѣ указываютъ прахъ Мелхиседека.

Послѣ похоронъ государь снесся съ восточными патріархами, и онѣ признали низложеніе его неправильнымъ и въ грамотахъ писали: „Патріархъ Никонъ столпъ благочестія, непоколебимый, и божественныхъ и священныхъ канонѡвъ оберегатель присноискуснѣйшій, и отческихъ догматовъ, и повелѣній, и преданій неизрѣченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій“.

XLVII.

Э П И Л О Г Ъ.

Прошло съ небольшимъ полъ-года со дня смерти Никона, какъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ Свѣтлое Воскресенье (16 апрѣля 1682 г.), бывши веселымъ и совсѣмъ здоровымъ, вдругъ захворалъ, и 27 апрѣля вечеромъ его не стало.

Остались его наслѣдниками, слабый душою братъ его Иванъ и малолѣтній Петръ.

Правленіе государствомъ приняла энергичная, мужественная и умная царевна Софія.

Получивъ власть, она исполнила обѣтъ свой: она соорудила церковь Богоявленія.

Въ скитѣ, въ келіи Никона, виситъ современный ему портретъ его, съ надписью посѣтившаго эту келію, въ Бозѣ почившаго Царя-освободителя. Надпись собственноручная и гласитъ: „Александръ, 30 мая 1837 года“.

Что думалъ едва двадцати-лѣтній наслѣдникъ престола въ этомъ священномъ мѣстѣ: думалъ-ли онъ о печальной участи великаго человѣка, или тогда уже явилась у него мысль быть послѣдователемъ Никона и освободить крестьянъ, или же онъ сѣтовалъ о много-

страдальной его жизни, или онъ предчувствовалъ тогда, что и онъ будетъ тоже великомученикомъ людской злобы и неблагодарности?.. Надпись его надъ портретомъ свидѣтельствуесть о сочувствіи - его къ Никону, а жизнь его и дѣянія святителя были ему вполне извѣстны, такъ какъ онъ былъ отличный знатокъ исторіи своего народа.

Надъ могилою Никона нынѣ повѣшены двухъ пудовыя желѣзныя вериги, состоящія изъ цѣпи съ желѣзными крестами, которыя возлагалъ на себя Никонъ во время его пребыванія въ монастырѣ.

У гроба патріарха служатся обыкновенно всѣ совершаемыя въ храмѣ панихиды, причемъ на каждой изъ нихъ поминается его имя во главѣ прочихъ.

Храмъ dokonченъ еще царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ и царевною Софіею, и торжественно освященъ въ 1685 г. патріархомъ Іоакимомъ, причемъ тотъ служилъ панихиду Никону какъ патріарху. Потомъ передѣлывался храмъ нѣсколько разъ и теперь, по grandности своей, это одно изъ лучшихъ зданій въ Россіи.

Близъ монастыря имѣется городъ Воскресенскъ, основанный Никономъ и числящій теперь шесть тысячъ жителей.

Но безсмертнѣйшій памятникъ поставилъ себѣ Никонъ присоединеніемъ Малороссіи и Бѣлоруссіи къ Россіи, и тѣмъ благолѣпіемъ и великими началами братолюбія, вѣротерпимости и милосердія, которыми обязана ему всецѣло наша православная церковь.

Но, спросите вы, какъ же появилась на свѣтъ вновь мама Натя, когда ее сожгли въ Темниковѣ въ срубѣ?

Запорожцы, находившіеся въ этомъ городѣ съ Долгорукимъ, узнавъ ее, спасли изъ темницы и на ея мѣстѣ сожженъ какой-то женскій трупъ умершей въ тотъ день женщины.

конецъ II-го и послѣдняго тома.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
I. Новый Іерусалимъ	3
II. Никонъ стремится прорубить окно въ Европу . . .	8
III. Янъ Казиміръ и Марія Людовика	17
IV. Смерть Богдана Хмѣльницкаго	22
V. Первая размолвка Никона съ царемъ	32
VI. Малороссійская смута или рокошъ	42
VII. Немилость терема къ Никону	49
VIII. Триумвиратъ	56
IX. Крoвная обида	58
X. Никонъ покидаетъ Москву	69
XI. Интрига	81
XII. Женихи царевнѣ	89
XIII. Битва подъ Конотопомъ	96
XIV. Первое возвращеніе Никона въ Москву	105
XV. Судъ нечестивыхъ	118
XVI. Отравленіе Никона	131
XVII. Дѣло боярина Романа Боборыкина	145
XVIII. Свиданіе	158
XIX. Бѣгство Никона	172
XX. Земская смута въ Москвѣ	183
XXI. Боярскія козни	192
XXII. Новые боярскія козни	211
XXIII. Комета	216
XXIV. Козлище отпущенія	227
XXV. Дума царя и Никона	241
XXVI. Гетманъ-бояринъ	249
XXVII. Грамота Никона патриарху царьградскому	257

	стр.
XXVIII. Стратотерпецъ Оедоть Марисовъ	266
XXIX. Соборъ противъ расколоучителей.	276
XXX. Соборъ противъ Никона	284
XXXI. Низложеніе Никона	307
XXXII. Первые раскольничьи стратотерпцы.	324
XXXIII. Малороссійская смута	338
XXXIV. Гибель русскихъ въ Малороссіи	356
XXXV. Оерапонтовъ монастырь	369
XXXVI. Судьба Брюховецкаго	379
XXXVII. Смерть царицы Маріи Ильиничны.	388
XXXVIII. Нащожинъ и Хитрово	394
XXXIX. Заточенье Никона.	397
XL. Карликъ Лучко.	406
XLI. Стенька Разинъ	413
XLII. Наталья Кирилловна Нарышкина.	423
XLIII. Облегченіе участи Никона	433
XLIV. Заточеніе Никона въ Кирилловскую обитель	440
XLV. Кончина Никона	454
XLVI. Похороны Никона.	458
XLVII. Эпилогъ	461

Date Due

JUN 29 1969

38

FEB 07 1985

MAY 02 1985

MAY 01 1992

JUL 02 1992

6-7

JAN 19 1995

JAN 27 1995

JUN 16 1995

MAY 30 1995

DEMCO NO. 38-298

Date Due

JUN 29 1969

FEB 07 1968

MAR 2 1968

MAY 01 1992

MAY 02 1992

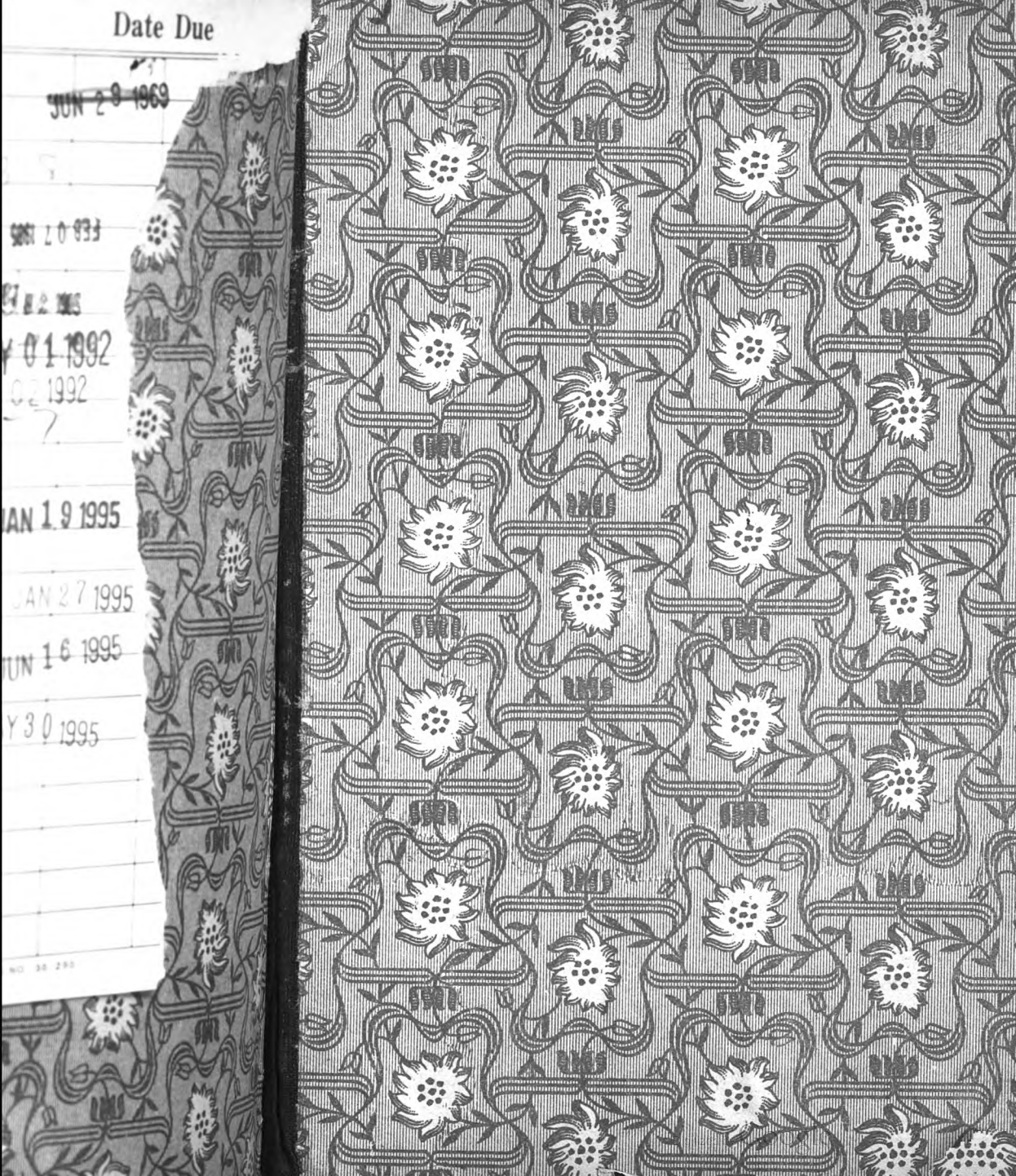
JAN 19 1995

JAN 27 1995

JUN 16 1995

MAY 30 1995

MAY 30 1995

The Ohio State University

3 2435 019414226

PATRIARKH NIKON
PG3460F52P31899

001
V1-2

THE OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY

D	AISLE	SECT	SHLF	SIDE	POS	ITEM	C
8	02	21	09	8	02	013	9

State University
019414226
001
V1-2

POSITORY
ITEM C
013 9

The Ohio State University

3 2435 019414226

PATRIARKH NIKON
PG3460F52P31899

001
V1-2

THE OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY

D	AISLE	SECT	SHLF	SIDE	POS	ITEM	C
8	02	21	09	8	02	013	9

State University
019414226
001
V1-2

POSITORY
ITEM C
013 9

The Ohio State University

3 2435 019414226

PATRIARKH NIKON
PG3460F52P31899

001
V1-2

THE OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY

D	AISLE	SECT	SHLF	SIDE	POS	ITEM	C
8	02	21	09	8	02	013	9